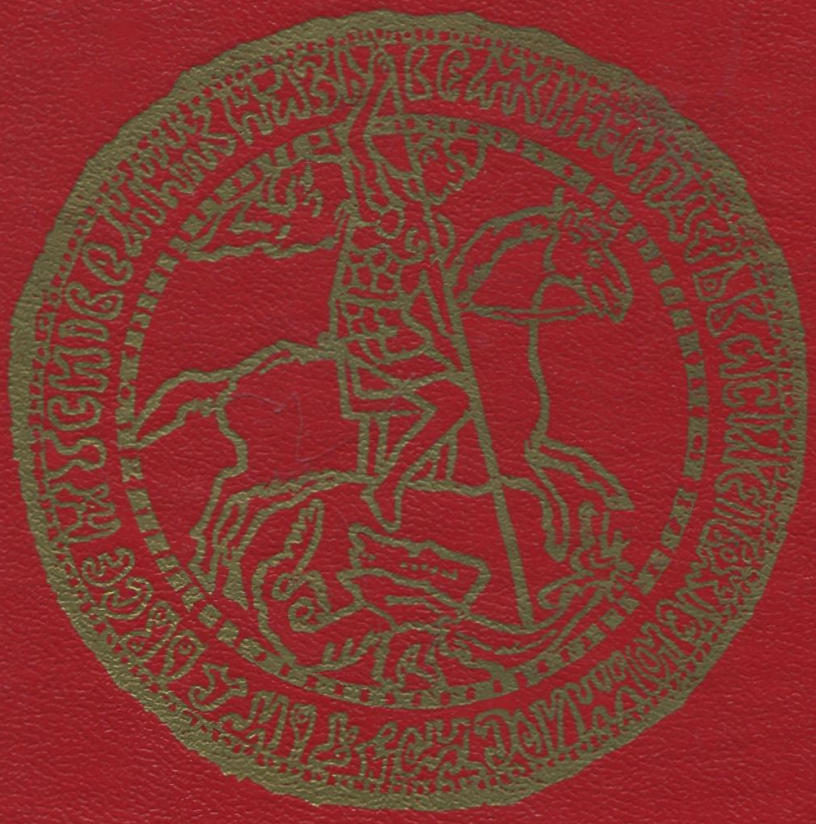
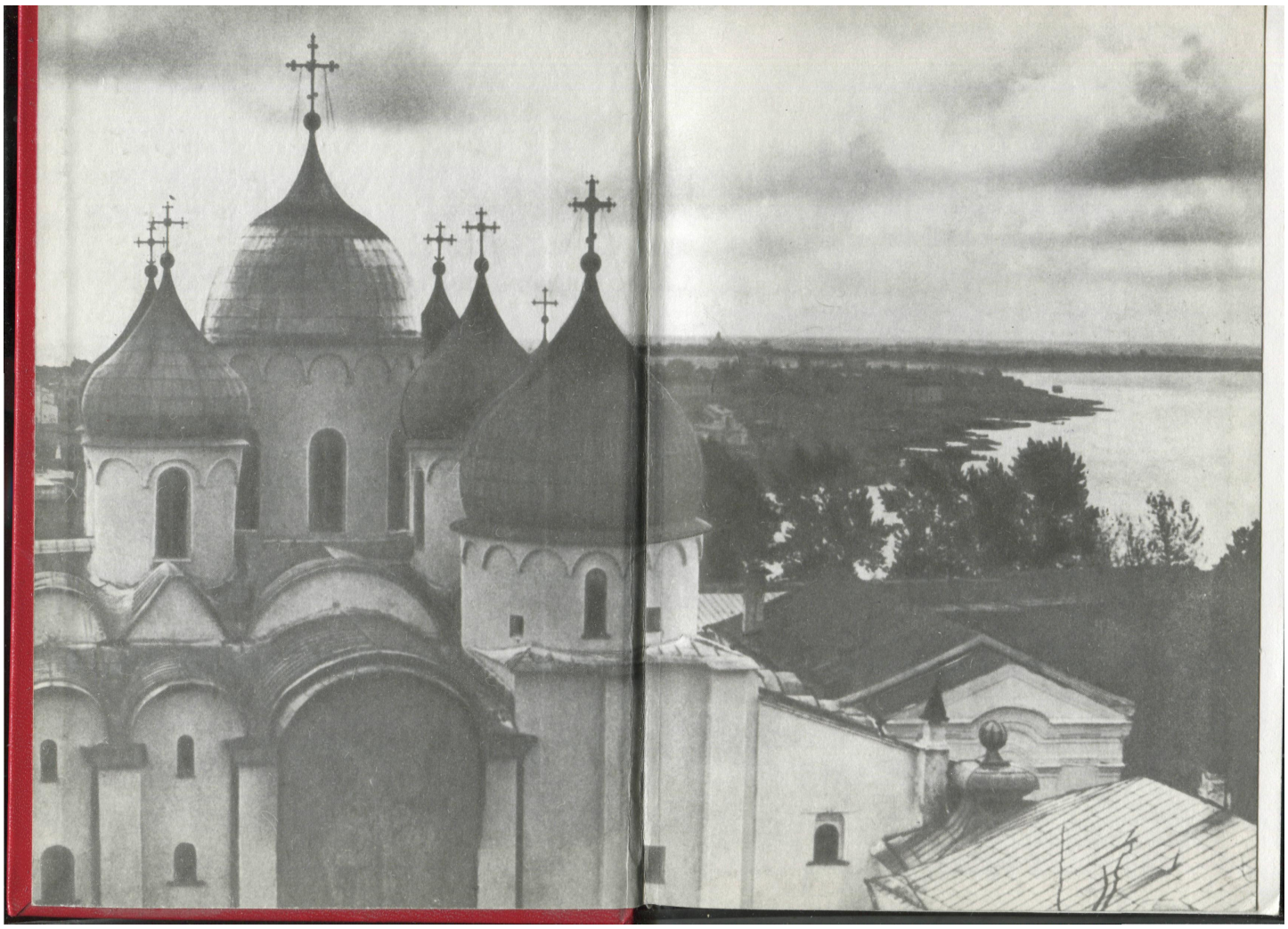
ИСТОРИЯ РОССИИ

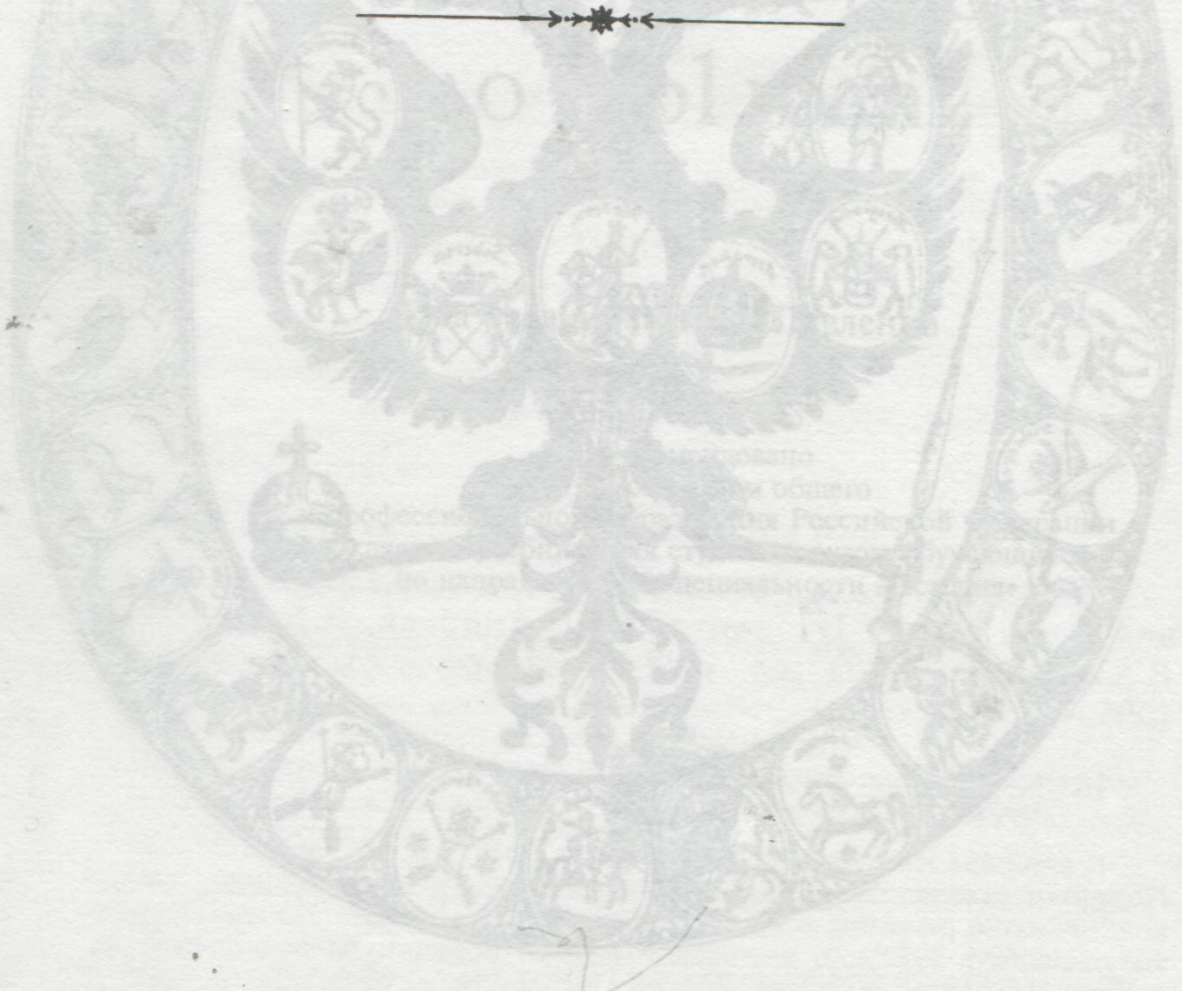
С древнейших времен до 1861 года





ИСТОРИЯ РОССИИ

с древнейших времен до 1861 года



Moscou
Siberia
Astrakan
Novogorod
Cazan
Smolensco
Iuveria
Permia
Polonia
Podolia
Iugoria
Volodimeria
Iaroslavly
Oudoria
Condinia
Iuvoria
Cabardinia
Kasselskie
Cornolmenskoi
Servia
Rezanskoi
Odoria
Moshaisky
Rostovskoi
Belozerskoi
Tuerskoi

ИСТОРИЯ РОССИИ

с древнейших времен до 1861 года

Под редакцией Н.И. Павленко

Рекомендовано
Министерством общего
и профессионального образования Российской Федерации
в качестве учебника для студентов вузов, обучающихся
по направлению и специальности «История»

Москва
"Высшая школа"
1996

ББК 63.3(2)4
И 90

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА КНИГОИЗДАНИЯ РОССИИ

Рецензенты:
кафедра отечественной истории древнего мира и средних веков Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (зав. кафедрой профессор А.И. Комиссаренко); доктор исторических наук М.А. Рахматуллин (Институт российской истории РАН)

Авторы:
Н.И. Павленко, И.Л. Андреев, В.Б. Кобрин, В.А. Федоров

История России с древнейших времен до 1861 года: Учеб. И90 для вузов / Н.И. Павленко, И.Л. Андреев, В.Б. Кобрин, В.А. Федоров; Под ред. Н.И. Павленко.— М.: Высш. шк., 1996.— 559 с.: карты

ISBN 5-06-003343-0

В учебнике излагается история России с древнейших времен до 1861 г. Получили освещение основные проблемы социально-экономического и политического развития, вопросы истории культуры и быта. По сравнению с выходившим в 1989 г. в настоящем издании подвергнуты основательному пересмотру некоторые оценки событий в соответствии с представлением о них современной исторической науки.

Для студентов, преподавателей и всех интересующихся историей.

И $\frac{0504000000\text{-}058}{001(01)\text{-}96}$ 9–96

ББК 63.3(2)4

ISBN 5-06-003343-0

© Издательство «Высшая школа», 1996

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 9

Глава I. **Первобытный строй в Восточной Европе и Сибири** 13

§1. Хозяйственный и общественный строй первобытных племен 13
§2. Северное Причерноморье и степная зона Восточной Европы в I тысячелетии до н. э.—V—VI вв. н. э. 25

Глава II. **Зарождение феодальных отношений** 27

§1. Основные закономерности генезиса и развития феодального строя . . 27
§2. Восточные славяне в дофеодальный период 30
§3. Образование древнерусского государства и его социальный и политический строй 35
§4. Принятие христианства 46
§5. Отношения Киевской Руси с ее соседями 48
§6. Культура, общественная мысль и быт Киевской Руси 51

Глава III. **Удельный период** 57

§1. Переход к удельному периоду, его предпосылки и причины 57
§2. Ростово-Суздальская земля в XI—XIII вв. 62
§3. Галицко-Волынская земля в XII—XIII вв. 67
§4. Новгородская феодальная республика в XII—XIII вв. 69
§5. Борьба русского народа против немецких, шведских и датских феодалов 74
§6. Нашествие Батыя. Установление монголо-татарского ига на Руси . . . 77
§7. Культура русских земель в XII—XIII вв. 82

Глава IV. **Борьба против ордынского ига. Объединение русских земель вокруг Москвы** 87

§1. Социально-экономический и политический строй Руси второй половины XIII — первой половины XV в. 87
§2. Начало объединения русских земель 92
§3. Великое княжество Литовское в XIII — первой половине XV в. 102
§4. Русь в конце XIV — середине XV в. Феодальная война 108
§5. Церковь во второй половине XIII—XV в. 112

Глава V. **Единое Российское государство второй половины XV—XVI в.** . . . 117

§1. Завершение политического объединения Руси во второй половине XV— первой трети XVI в. 117

§2. Социально-экономический и политический строй Российского единого государства . . . 121
§3. Внешняя политика России второй половины XV — первой трети XVI в. 129
§4. Внутренняя и внешняя политика 30—50-х годов XVI в. 132
§5. Внутренняя и внешняя политика 60-х — начала 80-х годов XVI в. Опричнина . . . 142
§6. Культура и быт Руси второй половины XIV—XVI в. 150

Глава VI. **Смутное время в начале XVII в.** 162

§1. Московское государство в конце XVI — начале XVII в. Учреждение патриаршества . . . 162
§2. Начало смуты. Авантюра Лжедмитрия I 168
§3. Восстание Болотникова 172
§4. «Тушинский вор» 174
§5. I и II ополчения. Освобождение Москвы 178

Глава VII. **Российское государство при первом Романове** 180

§1. Земский собор 1613 г. Избрание Романовых 180
§2. Завершение и последствия смуты 181
§3. Смоленская война 183

Глава VIII. **Российское государство при Алексее Михайловиче** 185

§1. Крепостное хозяйство и развитие крепостного права 185
§2. Возникновение мануфактур 190

Глава IX. **Начало формирования абсолютизма** 194

§1. Эволюция центрального и местного управления 194
§2. Дело патриарха Никона 200

Глава X. **Социальные движения** 204

§1. Городские восстания. Уложение 1649 г. 204
§2. Движение под предводительством С.Т. Разина 210
§3. Раскол в русской православной церкви 212

Глава XI. **Внешняя политика** 217

§1. Воссоединение Украины с Россией и война с Речью Посполитой . . . 217
§2. Русско-османские и русско-крымские отношения 222
§3. Освоение Сибири 226

Глава XII. **Культура и быт** 229

§1. Обмирщение русской культуры 229
§2. Быт 236

Глава XIII. **Предпосылки и начало преобразований Петра Великого** 241

§1. У истоков преобразований 241
§2. Начало борьбы за выход к Балтийскому морю 245
§3. Тяготы войны. Восстания в Астрахани и на Дону 248

Глава XIV. **Оформление абсолютизма** 252

§1. Вторжение Карла XII в Россию. Полтавская виктория 252
§2. Административные реформы 254
§3. Церковная реформа 258
§4. Внутренняя политика 263
§5. Окончание Северной войны и образование Российской империи . . . 269

Глава XV. **Преобразования в области культуры и быта** 274

§1. Просвещение. Научные знания . . . 274
§2. Литература. Искусство . . . 277
§3. Дело царевича Алексея. Публицистика . . . 280
§4. Новшества в быту . . . 286

Глава XVI. **Российская империя в 1725—1762 гг.** . . . 290

§1. Дворцовые перевороты . . . 290
§2. Внутренняя политика в 1725—1762 гг. . . . 299
§3. Церковь на службе государства . . . 307
§4. Внешняя политика . . . 310
§5. Культура России в 30—50-е годы XVIII в. . . . 316

Глава XVII. **Россия при Екатерине Великой** . . . 322

§1. Первые годы царствования . . . 322
§2. Уложенная комиссия 1767—1768 гг. . . . 328

Глава XVIII. **Крестьянская война и ее последствия** . . . 335

§1. Канун крестьянской войны . . . 335
§2. Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачева . . . 338
§3. Внутренняя политика после крестьянской войны . . . 342
§4. Церковная политика . . . 350

Глава XIX. **Внешняя политика** . . . 356

§1. Русско-турецкие войны . . . 356
§2. Россия и революция во Франции. Разделы Речи Посполитой . . . 363
§3. Внутренняя и внешняя политика Павла I . . . 368

Глава XX. **Культура и быт во второй половине XVIII в.** . . . 372

§1. Общественно-политическая мысль . . . 372
§2. Просвещение и наука . . . 378
§3. Литература и искусство . . . 382
§4. Быт . . . 388

Глава XXI. **Социально-экономическое развитие России в первой половине XIX в.** 399

§1. Территория, население и его социальная структура . . . 399
§2. Кризис крепостничества . . . 404
§3. Начало промышленного переворота . . . 408
§4. Внутренняя и внешняя торговля . . . 412

Глава XXII. **Внутренняя и внешняя политика при Александре I** . . . 415

§1. Внутренняя политика в 1801—1812 гг. . . . 415
§2. Войны с Ираном и Османской империей . . . 425
§3. Участие России в антинаполеоновских коалициях 1805—1807 гг. Русско-шведская война 1808—1809 гг. . . . 427
§4. Отечественная война 1812 г. Заграничный поход русской армии в 1813—1814 гг. . . . 433
§5. Международное положение России и внутренняя политика в 1815—1825 гг. 443

Глава XXIII. **Освободительное движение. Декабристы** . . . 450

§1. Формирование декабристской идеологии . . . 450
§2. Союз спасения и Союз благоденствия . . . 453
§3. Декабристские организации в 1821—1825 гг. . . . 457
§4. Восстание декабристов . . . 465

Глава XXIV. **Внутренняя и внешняя политика при Николае I** . . . 471

§1. Внутренняя политика 471
§2. Основные направления внешней политики 482
§3. Восточный вопрос 486
§4. Россия и Кавказ в первой половине XIX в. Присоединение Казахстана 493
§5. Крымская война 497

Глава XXV. **Освободительное движение и общественно-политическая мысль в России в 20—50-е годы XIX в.** 501

§1. Кружки конца 20-х — начала 30-х годов 501
§2. Теория «официальной народности». Славянофилы и западники 505
§3. Формирование революционно-демократического направления русской общественной мысли 512

Глава XXVI. **Русская православная церковь в первой половине XIX в.** 518

§1. Управление церковью. Приходское духовенство 518
§2. Монастыри и монашество 521
§3. Система духовного образования 522
§4. Конфессиональная политика Александра I и Николая I 523

Глава XXVII. **Культура и быт в первой половине XIX в.** 527

§1. Особенности развития русской культуры 527
§2. Литература и искусство 529
§3. Просвещение. Наука и техника 537
§4. Изменения в быту 545

Хронология 551

Библиография 555

ВВЕДЕНИЕ

В настоящем учебнике прослежен исторический путь народов, населявших нашу страну на протяжении первобытнообщинного и феодального строя. Он показан с разной степенью полноты, обусловленной наличием или отсутствием соответствующих источников, а также изученностью в исследованиях ученых.

Главная сквозная тема учебника — производительная деятельность народных масс. Очень длительное время она протекала в малоблагоприятных условиях — суровый климат, низкое плодородие почвы, огромные пространства, которые можно было осваивать только лишь экстенсивным путем, чтобы добывать необходимые средства к существованию,— все это замедляло развитие производительных сил. Хотя географический фактор не является определяющим, он тем не менее играет важную ро́ль, особенно на ранних этапах развития общества, когда зависимость человека от природы была большей, чем в последующее время. Именно влияние географических условий приводило к тому, что производительность труда в основной отрасли хозяйства — земледелии — веками оставалась низкой. В районах сосредоточения основной массы русского средневекового населения после ордынского нашествия — в современном Нечерноземье — пашня давала чрезвычайно низкие урожаи. Плодородные земли Дона, Кубани и Причерноморья были пущены в достаточно ощутимый хозяйственный оборот только в конце XVIII в.

Не способствовало интенсивному росту производительных сил и отсутствие в определенный период морских путей сообщения, считавшихся в средние века и новое время самыми дешевыми и удобными.

Наконец, неблагоприятное влияние на развитие страны оказало монголо-татарское иго. На русский народ обрушился удар воинственных полчищ Чингисхана, Батыя и других завоевателей. Нашествие принесло народам нашей страны неисчислимые беды: цветущие города и села были превращены в пепелища, на целые десятилетия исчезли многие виды ремесла, погибли или оказались в плену сотни тысяч горожан и селян. Наступившее вслед за этим

иго два с половиной столетия иссушало душу русского народа и поглощало плоды труда народных масс. Но и после его свержения русские и украинские земли из года в год подвергались опустошительным набегам со стороны осколка Золотой Орды — Крымского ханства. Набеги крымских феодалов на южные уезды Русского государства в XVI—XVII вв. нанесли колоссальный урон экономике и сопровождались потерями сотен тысяч людей, уводимых в плен.

Совокупность перечисленных выше неблагоприятных условий задерживала развитие производительных сил. В итоге Россия позже ряда стран Западной Европы встала на путь капиталистического развития. Наши предки заслуживают тем большего уважения, что они и в этой обстановке осваивали новые земли, развивали ремесло, сохранили язык и культуру и подарили миру великих ученых и поэтов, зодчих и живописцев, мыслителей и техников.

Развитие производительных сил от собирательства до многопольных систем земледелия и от изготовления рубил до появления мануфактур и фабричного производства с системой машин является важнейшей сквозной темой учебника.

Следующая сквозная тема — рассмотрение процесса формирования могущественного государства, от Киевской Руси до Российской империи, от полунезависимых княжеств до многонациональной страны, объединившей родственные русский, украинский и белорусский народы, а также другие народности, от скромного по размерам Московского княжества до государства, чьи границы простирались от Тихого океана до берегов Балтики и от Ледовитого океана до Черного и Каспийского морей. В ходе длительного процесса складывания государства русскому и другим народам нашей страны не раз приходилось браться за оружие, чтобы отстоять свою независимость.

В средние века на суверенитет нашей Родины покушались шведские феодалы и немецкие рыцари, монголо-татарские ханы и польские феодалы. В новое время наша страна подверглась нападению двух агрессоров, вторгшихся на ее территорию: шведского короля Карла XII и французского императора Наполеона. Учебник повествует о славных страницах прошлого, о героизме и жертвах, понесенных народами нашей страны в ходе борьбы за свою независимость.

Третья сквозная тема — история социальных конфликтов, борьба угнетенных против угнетателей. До последнего десятилетия отечественная историография освещала эту тему односторонне, избегая сюжетов, не укладывающихся в сложившиеся стереотипы.

Поскольку историки руководствовались известным высказыванием Маркса и Энгельса о том, что история предшествующего общества есть история борьбы классов, то игнорировался общеизвестный факт: антагонистические классы — это не только противоположность и противостояние, но и единство, между ними существуют определенные связи, взаимозависимость. Так, для феодального общества характерно наличие патриархальных отношений; обращали, например, внимание на изуверства Салтычихи и игнорировали находящийся на поверхности факт непосредствен-

ной зависимости благосостояния помещика от благосостояния крестьянина. Всякий здравомыслящий помещик понимал, что разоренный крестьянин — непригодный объект для извлечения из его хозяйства доходов, что такой крестьянин становился для него обузой. Отсюда патернализм в их отношениях.

Второй изъян в освещении событий того времени относится к крестьянским войнам. Он состоял в игнорировании их разбойного характера, умалчивании грабежей и разрушений производительных сил. Не осуждались убийства, жестокость, падение нравственных устоев, сопровождавшие крестьянские войны. Кстати, некоторые историки насчитывают четыре крестьянские войны, в то время как их было всего две; ни смута, ни движение Булавина к крестьянским войнам не относятся.

Третий недостаток заключен в общей оценке крестьянских войн — на них смотрели как на двигатель прогресса. На наш взгляд, ближе к истине был Г.В. Плеханов, утверждавший, что крестьяне в этих войнах боролись не за новые порядки, с которыми было сопряжено повышение уровня эксплуатации, а за сохранение идеализированных ими старых устоев.

Наконец, предпринята попытка пересмотреть оценку движения декабристов, преодолеть утвердившиеся в советской историографии восхваление конституции П. Пестеля и негативное отношение к конституции Н. Муравьева.

Четвертая сквозная тема — развитие государственности, прошедшее тоже длительный путь от ее примитивных форм в виде княжеской администрации до образования единого государства и создания высшей формы феодального государства — абсолютной монархии.

Прежние догмы, как известно, решающую роль в изменении форм государственности отводили экономике. Этому тезису придавали глобальный характер, распространяли его на все страны, в том числе и на Россию. Между тем поиски экономических предпосылок возникновения в России единого государства оказались бесплодными: предпосылки отсутствовали, а единое государство все же сложилось. Равным образом в стране отсутствовало равновесие между дворянством и буржуазией, которое, согласно марксистско-ленинскому учению, являлось условием возникновения абсолютистского государства. Если быть точным, то в России в десятилетия, когда формировался абсолютизм, буржуазии не было, а абсолютная монархия все же сложилась.

Когда речь заходит об истории России, то следует иметь в виду, что государство оказывало решающее воздействие на базисные явления: оно создавало сословия, оно же оформило крепостное право, сооружало крупные предприятия, организовало цехи, университеты и т. д. Огромная роль государства в истории страны была обусловлена ее отсталостью, возникшей в результате неблагоприятных почвенно-климатических условий. Только сильное государство способно было в известной мере преодолевать отсталость и обеспечить суверенитет страны, мобилизовать наличные ресурсы ее населения. Вместе с тем это же государство подавляло личность,

глушило инициативу во всех сферах жизни общества и тормозило развитие гражданственности.

К сквозным темам относится и история культуры во всех ее проявлениях — от иконописи до полотен Кипренского и Федотова, от «Слова о полку Игореве» до поэзии Пушкина и Лермонтова, от зодчих, воздвигавших храмы и крепостные стены, до архитекторов, создававших величественные сооружения гражданского назначения.

В разделах учебника, посвященных культуре, прослеживаются этапы ее освобождения от религиозных оков и проникновения в нее светского начала.

В число сквозных тем в учебник включена история церкви. В предшествующих учебниках о церкви упоминали, когда речь шла о крещении Руси и еще в двух-трех случаях. Между тем церковь играла громадную роль в истории древней и средневековой Руси, она являлась могучим идеологическим оружием и цементирующим фактором как в удельный период, так и в годы борьбы с силами, покушавшимися на независимость нашей Родины. На протяжении тысячелетнего существования России роль православной церкви заметно изменилась: в борьбе со светской властью она из столетия в столетие утрачивала свои позиции и в конечном счете превратилась в служанку государства. Но и в столетия, когда церковь лишили экономической мощи и монополии на идеологическое воздействие на массы, она пыталась сохранять влияние на духовную жизнь общества.

Авторы сочли целесообразным включить в учебник седьмую сквозную тему — быт. Необходимость этой темы продиктована стремлением вооружить будущих учителей хотя бы элементарными сведениями об условиях повседневной жизни различных слоев феодального общества.

Быт многопланов и разнообразен: быт жителей села существенно отличается от быта горожан. Но и деревенский быт даже мелкопоместного дворянина отличается от быта крестьянина. В жизни столицы отражен городской уклад, но в каждой социальной прослойке складывались свои традиции. Здесь задавал тон быт царского двора, определявшийся интеллектом, вкусами и капризами государя или государыни; вельможи подражали быту царского двора, за ними тянулось в меру своих материальных возможностей столичное дворянство. Верхушка купечества стремилась не отстать от дворян. В быту ремесленников, работных людей мануфактур и чиновников тоже можно обнаружить свои особенности.

Мы столь подробно остановились на этих особенностях в связи с тем, что далеко не все они достаточно подробно разработаны в научной литературе, слабее всего крестьянский быт.

Учебник написан доцентом И.Л. Андреевым (вставки к главам I—V, гл. VI и §1—2 гл. VII), профессорами В.Б. Кобриным (гл. I—V), Н.И. Павленко (введение гл. VIII—XX и текст о «Слове о полку Игореве» в главе IV, а также § 3 гл. VII) и В.А. Федоровым (гл. XXI—XXVI). Общее редактирование учебника осуществлено заслуженным деятелем науки Российской Федерации Н.И. Павленко.

Глава I

ПЕРВОБЫТНЫЙ СТРОЙ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И СИБИРИ

§ 1. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ПЕРВОБЫТНЫХ ПЛЕМЕН

Первой, древнейшей социально-экономической формацией был первобытнообщинный строй. Он продолжался со времени становления человека до перехода к классовому обществу и, следовательно, был наиболее длительной в истории человечества эпохой, что обусловлено медленным темпом развития общества на его первых этапах. Все стадии первобытнообщинного строя объединяет коллективный характер производства и потребления, вызванный тем, что производительные силы были еще весьма неразвиты. Именно поэтому дальнейшее развитие производительных сил, переход от типично первобытного потребляющего хозяйства к хозяйству производящему, разделение труда (прежде всего выделение скотоводческих и земледельческих народов) усложнило всю систему общественных отношений и в конечном итоге привело к переходу к иным типам общественного развития.

Общепринято разделение первобытного общества на периоды по основным материалам, которые использовались для изготовления орудий труда: *каменный век, энеолит (меднокаменный век)* — переходный от каменных орудий к металлическим, *бронзовый век* и *ранний железный век*. Эта периодизация, естественно, не означает, что в каменном веке не изготавливали орудия из дерева и кости, а в эпоху бронзы — из камня. Речь идет о преобладании того или иного материала.

Каменный век, наиболее длительный в истории людей, принято делить на *палеолит* — древний каменный век, *мезолит* — средний каменный век и *неолит* — новый каменный век. В свою очередь

палеолит делят на *ранний (нижний)* и *поздний (верхний).* Иногда выделяют и период *среднего* палеолита.

Ранний палеолит — время становления человека.

Этот процесс — антропогенез — чрезвычайно длительный и сложный. Он изучен еще далеко не до конца, у науки по этой проблеме накопилось больше вопросов, чем ответов. Первыми предками человека, вступившими на путь антропогенеза, были обезьяны-*австралопитеки,* ходившие уже на задних конечностях, что высвобождало передние и тем самым создавало предпосылки для трудовой деятельности.

Древнейшими людьми (архантропами) традиционно считали *питекантропа* (обезьяночеловека) и *синантропа* (разновидность питекантропа, обнаруженная в Китае), появившихся около млн. лет тому назад. Однако в последние десятилетия в Африке были обнаружены останки существ, живших **2—2,5 млн. лет назад,** ходивших на двух ногах, но с весьма примитивным строением руки и с черепом, который по своим размерам и форме стоял ближе к черепам человекообразных обезьян, а не людей. Тем не менее эти существа уже изготавливали орудия труда из галек (они найдены на их стоянках). В науке этот предок человека получил название Homo habilis (*гомо габилис*) — человек умелый. Был ли он древнейшим представителем архантропов (и тогда история человечества насчитывает более 2 млн. лет) или наиболее прогрессивным видом австралопитека — предмет продолжающихся дискуссий.

В конце раннего палеолита (по другой классификации — в среднем), в так называемую эпоху *мустье* (по одной из стоянок во Франции), около 100 тыс. лет тому назад возник неандертальский человек, или *неандерталец,* названный так по первой находке в местности Неандерталь в Германии. Впоследствии останки неандертальцев были обнаружены во многих частях земного шара, в том числе и на территории Восточной Европы. Неандертальцев причисляют уже к следующей ступени становления человека — к палеоантропам. Они стоят значительно ближе к современным людям, чем архантропы, но тем не менее у них еще сохранялось немало примитивных черт в строении черепа; недостаточно гибкой и умелой была и рука.

Ранний палеолит — время *первобытного человеческого стада.* Стоянки первобытного человека эпохи раннего палеолита обнаружены в Восточной Европе (Украина, район р. Тисса), на Кавказе (пещера Азых в Азербайджане, Кударо I и III в Южной Осетии) и т. д. Севернее люди до появления неандертальца, по-видимому, не продвинулись: на время раннего палеолита приходится несколько крупных наступлений ледника — оледенений, сопровождавшихся резким похолоданием. Для архантропов же было возможно существование лишь в теплом климате, не требовавшем ни одежды, ни жилищ.

Неандертальцы распространились значительно шире. Их сто-

янки обнаружены не только на Кавказе, в Крыму и в Средней Азии, но и в низовьях Дона, в районе Волгограда. Высказываются предположения, что в конце раннего палеолита появились примитивные жилища и одежда из шкур.

Отметим, что проблемы изучения расселения и адаптации древнего человека — чрезвычайно сложные. На долю человека в антропогенный период выпали тяжелые испытания. Оледенения, охватывающие огромные территории, естественно влияли на заселение севера Евразии. Но выявить саму картину продвижения могут только археологические данные, которые накапливаются достаточно медленно. Кроме того, археология находится в прямой зависимости от полноты знаний о самом древнем человеке — предмете изучения антропологии, где также немало «белых пятен». В итоге только тесная связь данных палеогеографии, палеоклиматологии, палеоботаники, палеонтологии и, наконец, археологии, могут дать представление о миграции древних людей во времени и пространстве.

Палеолитическое хозяйство было *потребляющим*. Основу его составляла охота на крупных животных. Вероятно, на зверя устраивали облаву, что требовало коллективных усилий всех членов первобытного стада. Загнанного зверя добивали дубинами, камнями и копьями. Растительную пищу добывали, собирая съедобные растения и выкапывая из земли корешки. Каменные орудия использовали как для охоты (добивание животных, разделка туш), так и для собирательства.

Уже архантропы использовали в готовом виде огонь (от лесных пожаров, ударов молнии, извержений вулканов и т. п.) и поддерживали костры. Неандертальцы, вероятно, уже научились добывать огонь. Это было огромное завоевание человечества, важный шаг на пути выделения человека из природы. Огонь дал людям защиту от холода, от диких зверей, уменьшил их зависимость от климата. Появился очаг — символ человеческого жилища. Люди получили возможность использовать жареную пищу, которая лучше усваивается организмом. Еще большими были отдаленные последствия овладения огнем: без него невозможны ни керамика, ни металлургия.

У неандертальцев, очевидно, появились уже первые зачатки религии. Так, в пещере Тешик-Таш в Узбекистане вокруг покойника сделано окружение из рогов горного козла. Встречаются захоронения, в которых тела умерших ориентированы по линии восток — запад. Многие исследователи трактуют эти факты как свидетельство существования примитивных погребальных обрядов, зарождения представлений о противоположности жизни и смерти.

Переход от раннего палеолита к позднему (**40—35 тыс. лет тому назад**) ознаменовался появлением человека современного вида — Homo sapiens) (*гомо сапиенс*) — человек разумный. С его возникновением закончилась биологическая эволюция человека, это был

второй крупный скачок в антропогенезе: от «предлюдей», архантропов и палеоантропов к людям.

В позднем палеолите возникает *родовой строй*. Основной ячейкой человеческого общества стала родовая община с общей собственностью на основные средства производства. Продукты охоты, рыболовства и собирательства распределялись поровну между всеми членами рода. Авторитет старейшин рода основывался не на принуждении, а на традиции, уважении к опыту и умениям.

Люди позднего палеолита значительно усовершенствовали технику изготовления каменных орудий: они стали более разнообразными, иногда миниатюрными. Появились метательное копье и предшественник лука — копьеметалка, что намного повысило эффективность охоты. Возникло рыболовство: на стоянках этой эпохи неоднократно находили гарпуны и остатки рыбы. Распространяются изделия из кости, в том числе иглы, что свидетельствует о появлении шитой одежды. Если в конце раннего палеолита появились первые примитивные жилища, то теперь люди уже строили землянки, а иногда и целые поселки из нескольких жилищ. Человек научился приспосабливаться к природе не биологически, а социально, защищаться от холода при помощи жилища и одежды. Эти достижения позволили людям значительно расширить пределы обитаемой части земного шара. Этому способствовало и потепление, вызванное отступлением ледника. Стоянки людей позднего палеолита находят уже повсеместно на территории Российской Федерации, в том числе в Сибири, на Дальнем Востоке, близ Полярного круга. В это время выделяются отдельные *этнокультурные области*: для тех или иных групп стоянок оказываются характерными некоторые общие черты, отличающие их от других.

Поздний палеолит — время возникновения *искусства*. На многих стоянках находят женские статуэтки с подчеркнутыми признаками пола. Они свидетельствуют о культе женщины-матери, прародительницы рода. В большинстве общин, видимо, господствовал материнский род со счетом родства по женской линии.

Палеолитическое искусство было связано с первобытными религиозно-магическими представлениями, с попытками умилостивить силы природы. Человек отождествлял тогда сам предмет и его изображение. Вероятно, магическим целям служила и наскальная живопись, обнаруженная в нескольких пещерах, в том числе и в нашей стране — в Каповой пещере в Башкирии. В Каповой пещере смесью природной охры с животным клеем сделаны изображения мамонтов, лошадей, носорога. Рисунки палеолитического человека поражают своим реализмом и динамикой. Часто встречаются изображения копий, пронзающих животных: человек, вероятно, надеялся таким путем добиться успеха на охоте. В палеолите возникла также резьба по кости, появились первые украшения.

В позднем палеолите уже, несомненно, существует *религия*,

прослеживается отчетливый погребальный обряд. В могилу порой клали некоторые вещи, которыми покойник пользовался при жизни. В этом — свидетельство возникновения представления о загробной жизни.

Таким образом, к концу палеолита человек научился не только добывать огонь и есть несырую пищу, изготавливать сложные каменные и костяные орудия, шить одежду, строить жилища, охотиться и ловить рыбу, но и жить общественным строем с общественным сознанием и его важными формами — искусством и религией. Однако человек еще не знал ни керамики, ни металла, ни колеса, ни земледелия, ни скотоводства.

Важнейшим достижением следующей стадии каменного века — мезолита (**около XII—X тысячелетия до н. э.—VII—V тысячелетия до н. э.**) стало изобретение лука и стрел, что резко повысило производительность охоты. Теперь наряду с охотой облавной возникла и индивидуальная, не только на крупных стадных животных, но и на мелких. Появилась возможность создавать запасы пищи.

В эпоху мезолита человек сделал первые шаги и в направлении *скотоводства*. Началось приручение, а возможно, и одомашнивание животных. Так, в мезолите уже появились собаки, первые домашние животные. Не исключено, что в конце мезолита в отдельных районах были приручены свиньи, козы, овцы.

Изменяется и техника изготовления каменных орудий. Широкое распространение получают сложные миниатюрные каменные изделия — микролиты. Часть микролитов служила наконечниками для стрел, часть — сменными лезвиями-вкладышами, вставлявшимися в оправы. Развитие микролитической вкладышевой техники позволило сделать орудия труда более специализированными.

Появившиеся в эпоху позднего палеолита этнокультурные области в мезолите выделяются более отчетливо, хотя в силу примитивности общественной и хозяйственной жизни общее в быте людей еще преобладало над особенным. Только в следующую эпоху — в неолите — появляются резкие отличия в жизни разных групп людей, проявившихся в возможности выделять археологические культуры.

Археологическими культурами принято называть совокупности памятников, которые относятся к одной территории и эпохе (или, по крайней мере, синхронно изменяются) и имеют общие особенности — в формах общественной жизни, в орудиях труда, жилищах, погребальном обряде, орнаменте и т. д. Обычно (хотя и не всегда) археологическая культура в той или иной степени соответствует этнической общности — группе родственных племен или позднее — народу.

Переход к неолиту и его продолжительность в разных районах Евразии существенно отличались друг от друга. Раньше всего он

начался в Средней Азии в VII—VI тысячелетиях до н. э. и продолжался до IV тысячелетия до н. э. В лесной зоне России неолит продлился еще около двух тысяч лет, до II тысячелетия до н. э. В этом сказалась неравномерность развития разных регионов, связанная в первую очередь с природными условиями: теплый климат и плодородная почва создавали благоприятные условия для развития хозяйства.

В эпоху неолита начался переход к *производящему* хозяйству. Именно тогда зародились *скотоводство и земледелие*, хотя охота и собирательство все еще оставались основными источниками существования в большинстве неолитических общин. Возникновение производящего хозяйства — одно из оснований для того, чтобы говорить о *неолитической революции*. Древнейшая земледельческая культура нашей страны — *джейтунская* на юге Туркмении — относится к VII—VI тысячелетиям до н. э. Скотоводческие племена в эпоху неолита еще не выделились, хотя использование домашнего скота характерно для многих культур той эпохи.

В неолите происходит еще ряд важнейших изменений, характерных для неолитической революции. Меняется ассортимент каменных орудий. Так, топор, появившийся еще в мезолите, становится теперь основным орудием труда. Он позволил осваивать лесные пространства, строить шалаши и хижины. Наряду с прежней техникой изготовления орудий появляются во многих местах пиление (оно давало возможность использовать те породы камня, которые не дают отщепов), шлифование, уменьшающее силу трения и увеличивающее производительность орудия, сверление, благодаря которому орудия можно было не только привязывать к рукояти, но и насаживать на нее. Появились принципиально новые материалы. Так, в неолите было освоено изготовление *керамики*, еще лепной, без гончарного круга. Обожженная глина — первый искусственный материал, не полученный в готовом виде, а созданный человеком. Глиняная посуда дала человеку возможность готовить жидкую пищу и хранить запасы. Керамика — главное достижение материальной культуры неолита, но наряду с нею появился еще один искусственный материал — ткань. Человек освоил в неолите ткачество, давшее ему одежду не только из звериных шкур. В неолите же была изобретена лодка и тем самым было положено начало судоходству. Первобытный челн — первое транспортное средство человечества.

Для неолита характерен развитый родоплеменной строй, создаются крупные объединения родов — *племена,* нередко начинает выделяться племенная верхушка, встречаются погребения вождей, отличающиеся богатством инвентаря.

Из образовавшихся племен постоянно выделяются новые. Причина этого явления — быстрый рост и подвижность неолитического населения. Хозяйство было экстенсивным, требовало больших просторов, а потому часто возникало относительное

перенаселение. Это разделение племен ведет к дальнейшей дифференциации этнических общностей.

Существенная черта неолита — появление межплеменных связей и обмена. Экзотические раковины, изделия из нефрита и других самоцветов можно встретить подчас далеко от их месторождений.

Подлинным переворотом в истории человечества было освоение *металла*. Переход к нему был долгим, сложным и не одновременным. Освоение металла стало возможным только на основе уже возникшего производящего хозяйства, при наличии некоторых, хотя бы минимальных избытков продуктов питания, чтобы часть времени можно было посвятить изготовлению металлических изделий. Именно поэтому древние кузнечное дело и металлургия зародились в первую очередь в южных областях, где благодаря хорошим природным условиям раньше развивалось земледелие.

Первым металлом, использованным человеком, была медь. Сначала из нее изготовляли орудия труда и украшения методом холодной ковки, которой этот сравнительно мягкий металл легко поддается. Разумеется, эта медь не была химически чистой: в природных месторождениях медь, как правило, содержит определенные примеси — мышьяк, сурьму и т. д. Но это еще не искусственные сплавы, освоение которых было делом будущего. Эпоху, когда уже применяются металлические орудия, но еще не появилась металлургия сплавов, принято называть энеолитом, медно-каменным веком. В названии его подчеркнут тот факт, что в этот период изделия из металлов не только не вытеснили каменных орудий, но даже были редки по сравнению с ними.

Появление медных орудий активизировало обмен между племенами, ибо месторождения меди весьма неравномерно распределены по земному шару. Многие племена, использовавшие металл, жили далеко от его источников. Постоянный обмен приводил к существенным сдвигам в отношениях в первобытных обществах. Замкнутость древней неолитической общины в энеолите значительно уменьшается. Из металлургических центров — к ним можно отнести и Кавказ — двигались разносчики металла. Таким образом племена, которые жили вблизи месторождений, получали дополнительные источники обогащения.

В лесостепной зоне, на территории Украины и Молдавии, в III тысячелетии до н. э. господствовала *трипольская* культура. Система земледелия здесь была экстенсивной, что сильно истощало почву. На позднем этапе (рубеж III—II тысячелетий до н. э.) трипольцы перешли к пастушескому скотоводству. В погребениях поздней трипольской эпохи уже находят следы имущественного неравенства. Металл трипольцы получали в основном из прикарпатских месторождений.

В степной зоне в энеолите жили пастушеские племена, которые по их погребальному обряду принято относить к *древнеямной* культурно-исторической области. Более экстенсивный, чем у земледель-

цев, характер хозяйства толкал эти племена на усиленные передвижения. Как и многие другие пастушеские народы, они были воинственными. Главными их противниками были соседи-трипольцы, которых им в конечном счете удалось вытеснить.

Развитие общественных отношений в период энеолита стало предпосылкой для перехода к бронзовому веку. Орудия из бронзы — сплава меди с оловом или другими добавками — значительно тверже и острее, чем медные. Бронзовый век на Древнем Востоке привел к образованию первых классовых обществ и государств. В Европе же продолжал господствовать первобытнообщинный строй. Появление бронзовых орудий способствовало разложению этого строя, но еще не означало немедленного перехода к классовым отношениям во всех районах.

Если в Средней Азии в бронзовом веке продолжались традиции предшествующих энеолитических культур, то на Кавказе переход к бронзе привел к серьезным изменениям в общественных отношениях. Это хорошо видно на примере *майкопской* культуры (II тысячелетие до н. э.). Племена Северного Кавказа, поддерживавшие тесные экономические и культурные связи с наиболее развитыми в то время районами Передней Азии, особенно с древними цивилизациями Двуречья, знали уже не только имущественную дифференциацию, но и выделение родоплеменной верхушки. Об этом свидетельствует раскопанный под Майкопом курган племенного вождя. Власть покойного подчеркнута высотой кургана — более 10 м. На вождя надето облачение, украшенное десятками золотых бляшек с изображениями, ожерелья и бусы из золота, серебра и драгоценных камней, происходящих из Средней Азии, Ирана и Малой Азии. На голове у погребенного была золотая корона также переднеазиатского происхождения. Серебряные трубки поддерживали погребальный балдахин, украшенный статуэтками из золота и серебра.

В эпоху бронзы степную зону занимали земледельческо-скотоводческие племена *катакомбной* и *срубной* культур. В лесной зоне были более распространены охота и рыболовство; однако и здесь, в Волго-Окском междуречье, жили оседлые скотоводы *фатьяновцы*, а восточнее них, в Поволжье — племена *абашевцев*, знавшие и скотоводство и земледелие.

В бронзовом веке большинство племен занималось одновременно скотоводством и земледелием, однако зачастую тот или другой тип хозяйства был преобладающим. Это вело в конечном итоге к первому крупному общественному разделению труда — явлению, имеющему по своим последствиям в истории поистине революционное значение.

В бронзовом веке в Европейской части России началось формирование *племенных союзов*. В I тысячелетии до н. э. появляются первые железные орудия. Связанное с ними резкое повышение

производительности труда существенно изменило всю структуру общественных отношений. Возникли экономические предпосылки для эксплуатации человека, межплеменной и родовой дифференциации. Наступивший *железный век* уже неразрывен с кризисом родоплеменного строя, с переходом к его последней форме общественного устройства — *военной демократии.*

Наиболее развитые культуры раннего железного века известны на территориях России и преимущественно Украины уже в I тысячелетии до н. э. в Причерноморье: они оставлены *киммерийцами, скифами, сарматами.* В лесной зоне, в Волго-Окском междуречье, с VII в. до н. э. и до начала — середины I тысячелетия н. э. жили скотоводческие племена *дьяковской* культуры. Они знали и земледелие, но использовали его главным образом для заготовки кормов. Восточнее дьяковцев в Поволжье жили близкие к ним племена *городецкой* культуры, в Приуралье в VII—I вв. до н. э.—*ананьинцы,* занимавшиеся земледелием, скотоводством и охотой. Если скифы и сарматы переживали в железном веке разложение родового строя и переход к классовому обществу, то у племен лесной зоны появление железных орудий не привело к столь быстрым переменам в социальных отношениях; они оставались на стадии родового строя.

В лесостепной зоне в середине — второй половине I тысячелетия до н. э. и первой половине I тысячелетия н. э. существовал ряд племен, оставивших археологические культуры, в которых преобладают погребения с трупосожжениями, хотя встречаются и трупоположения. Их нередко объединяли под общим названием культур *полей погребения* (сейчас это название применяется реже). Среди них можно назвать *зарубинецкую* и *черняховскую* культуры. Черняховцы, жившие в нижнем Приднепровье в первой половине I тысячелетия н. э., применяли уже плужное земледелие, у них были широко развиты кузнечное и бронзолитейное дело. Керамику черняховцы изготовляли на гончарном круге, что свидетельствует об отделении ремесла от земледелия — втором общественном разделении труда, о начале разложения родового строя и перехода к классовому обществу. Эти племена имели связи со многими народами. В их поселениях и погребениях находят много римских вещей, что свидетельствует о широких контактах племен черняховской культуры.

Ареал распространения зарубинецкой культуры — территория Среднего и отчасти Верхнего Приднепровья. Для этой культуры характерны бескурганные могильники. Основное занятие — земледелие и скотоводство при широком распространении охоты и рыболовства. Орудия труда — железные, тогда как бронза использовалась для изготовления всякого рода украшений.

Таким образом, в эпоху железа значительно отчетливее, чем в предшествующее время, проявляется неравномерность развития

разных обществ. На территории России, СНГ сосуществовали племена, находившиеся на разных стадиях развития. В эпоху железа — начала разложения родоплеменного строя стали складываться и основные этнические общности, охватывающие территорию бывшего Советского Союза.

Проблемы происхождения народов, этнических общностей всегда принадлежат к числу наиболее сложных, редко поддающихся однозначному решению. Начало складывания этнической общности, как правило, относится к весьма отдаленным эпохам первобытнообщинного строя, когда еще не появилась письменность. Поэтому исследователь почти лишен возможности судить о языке, на котором говорили племена, оставившие археологические памятники. Язык же служит одним из наиболее существенных признаков этнической общности. Следует иметь также в виду многочисленные миграции племен и народов, смешивание их, процессы взаимной ассимиляции. При изучении этногенетических проблем оказывается необходимым учитывать данные целого ряда смежных научных дисциплин — археологии, лингвистики, антропологии и т. д. У нас практически нет в распоряжении материала для того, чтобы судить о языковой и этнической принадлежности племен эпохи каменного века и отчасти энеолита и бронзы, живших на территории нашей страны. Мы можем лишь говорить о существовании определенных этнических групп или этнокультурных областей.

Чтобы дальнейшее изложение было понятно, ниже приводятся справочные сведения о классификации языков: лингвистическая классификация легла в основу этнической. Все языки делят на большие семьи, связанные общим происхождением и подразделяющиеся на группы родственных языков. Внутри групп иногда выделяют ветви, некоторые же языки не входят в группы. В настоящем перечне называются лишь наиболее крупные языки, «мертвые» языки указываются в скобках после «живых».

Индоевропейская семья

Славянская группа: восточнославянская ветвь — русский, украинский, белорусский, [древнерусский]; западнославянская — польский, чешский, словацкий; южнославянская — болгарский, македонский, сербско-хорватский, [старославянский].

Балтийская группа: латышский, литовский, [прусский].

Германская группа: восточногерманская ветвь — [готский]; западногерманская — немецкий, английский, фламандский; северогерманская — датский, норвежский, шведский.

Романская группа: итальянский, испанский, молдавский, португальский, румынский, французский, [латинский].

Иранская группа: афганский, иранский, осетинский, таджикский, [бактрийский, мидийский, парфянский, скифский, хорезмийский].

Вне групп: албанский, армянский, греческий, [древнегреческий].

Урало-самодийская семья

Самодийская группа: ненецкий и другие языки народов Севера.

Финно-угорская группа: финская ветвь — карельский, финский, эстонский, коми, марийский, мордовский, удмуртский; угорская — венгерский, мансийский, хантский.

Алтайская семья

Тюркская группа: азербайджанский, алтайский, балкарский, башкирский, казахский, каракалпакский, карачаевский, кумыкский, ногайский, татарский, тувинский, турецкий, туркменский, узбекский, уйгурский, хакасский, чувашский, якутский, [болгарский волжско-камский, гуннский, печенежский, половецкий, хазарский].

Монгольская группа: бурятский, калмыкский, монгольский.

Тунгусо-маньчжурская группа: маньчжурский, нанайский, эвенкийский.

Кавказская семья

Картвельская группа: грузинский.

Адыго-абхазская группа: абхазский, адыгские языки.

Чечено-дагестанская группа: ингушский, чеченский, а также аварский, даргинский и другие языки народов Дагестана.

Хотя достоверных данных для определения этносов периода неолита и энеолита у нас нет, некоторые сведения все же удалось получить благодаря анализу географических названий. На территории Волго-Окского междуречья имеется большое количество рек, названия которых (Клязьма, Вязьма, Кинешма, Кесьма) кончаются на *-жма, -сьма, -зьма* и т. п. Ни из индоевропейских, ни из финно-угорских языков объяснить эти названия невозможно. Но вместе с тем распространение этих топонимов совпадает с зоной памятников *льяловской* археологической культуры эпохи неолита (III—II тысячелетия до н. э.). Названия же других рек региона связаны с угро-финскими и самодийскими народами. Видимо, в позднем неолите и начале бронзового века ими была освоена Восточная Сибирь. В дальнейшем они начали продвижение в Приуралье, в Прикамье и далее на запад. Уж в неолите угро-финские племена занимали Восточную Прибалтику, а в середине III тысячелетия до н. э. распространились по всей лесной полосе Поволжья и Волго-Окского междуречья. С угро-финскими племенами связаны дьяковская, городецкая, ананьинская и некоторые другие археологические культуры раннего железного века.

Вместе с тем основная часть Восточной Европы была издавна заселена индоевропейцами. Так, предполагают индоевропейское происхождение у племен, оставивших ряд археологических культур, объединенных общим названием культур *шнуровой керамики* (из них в лесной зоне жили уже упоминавшиеся выше фатьяновцы). Племена шнуровой керамики связаны с будущими балтами, германцами и славянами. В Прибалтике наряду с угро-финскими племенами издавна появились племена балтов.

Другая группа индоевропейцев — племена, говорившие на иранских языках, со времен энеолита заселяли степную зону. Несомненно, ираноязычными были племена *срубной* культуры.

Генетическая связь срубной культуры с древнеямной заставляет предполагать ираноязычность и древнеямной культуры эпохи энеолита. На иранских языках во II тысячелетии до н. э. говорили и многочисленные племена Средней Азии, Казахстана, Сибири (даже в низовьях Иртыша и Оби). Ираноязычные племена жили в Южной Сибири вплоть до начала нашей эры. Наследниками племен срубной культуры были киммерийцы, скифы, сарматы.

Прародиной тюркских народов являются степи Центральной Азии. В конце бронзового и начале железного века они начинают проникать на север, в Сибирь и на запад, к Уралу, в Среднюю Азию и на Кавказ. Однако значительное расширение ареала обитания тюркских племен относится к временам гуннского нашествия и Аварского каганата.

Сложен вопрос об этнической принадлежности культур полей погребения — милоградской, зарубинецкой, черняховской. Многие авторы полагают, что это культуры пра- или протославянские. Так, например, милоградскую культуру сопоставляют с названными Геродотом в качестве соседей скифов-пахарей неврами, которых некоторые ученые также считали предками славян. Но точка зрения о праславянском характере культур полей погребения не является единственной и может на нынешнем уровне изучения вопроса рассматриваться лишь как одна из гипотез. Так, относительно зарубинецкой культуры выдвигается предположение о ее балтском характере, что связано также с большим количеством балтских топонимов в ареале ее распространения. Племена, оставившие памятники черняховской культуры, принадлежали, по мнению большинства исследователей, к разным этническим общностям. На это указывают различия внутри черняховской культуры в керамике, в погребальном обряде, в формах жилищ. Считают, что в составе черняховцев были даки (одно из древних индоевропейских племен), скифы и сарматы, готы (германское племя, жившее на южном побережье Балтийского моря, которое в конце II в. н. э. начало движение на юг и в первой половине III в. заняло Северное Причерноморье), а также венеды (славяне). Черняховскую культуру связывают с образовавшимся в первой половине I тысячелетия н. э. готским союзом племен, а общность ее памятников во многом обусловлена культурным влиянием Римской империи.

Особую этногенетическую область представляет собой Кавказ, где горная местность препятствовала большим передвижениям племен. Народы Кавказа в основном автохтоны, т. е. являются исконным населением этих мест, хотя подчас в результате нашествий завоевателей менялась его языковая принадлежность.

Таким образом, в железном веке, последнем периоде первобытнообщинного строя, началось складывание этнической карты нашей страны. Дальнейшие ее изменения были связаны как со славянской колонизацией Восточной Европы, так и с вторжениями кочевников, начиная с гуннов и кончая полчищами Чингисхана и Батыя.

§ 2. СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И СТЕПНАЯ ЗОНА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО н. э.— V—VI вв. н.э.

На обширных территориях Восточной Европы неравномерность исторического развития нашла свое выражение в том, что одновременно с племенами, жившими родовым строем, существовали племена, вступившие в период военной демократии. Связано это было не только с благоприятными природно-климатическими условиями и переходом к более производительным формам хозяйствования, но и с тесными контактами с античной цивилизацией, социальное устройство и культура которой неизмеримо превосходила варварский мир. Последний не выдерживал этого взаимодействия и быстро утрачивал прежнюю родовую монолитность, основанную на общности хозяйствования и распределения.

Одними из первых в Восточной Европе с античным миром столкнулись племена, которым античные авторы дали общее название *скифов*. Произошло это около VII в. до н. э. Именно с этого времени началась колонизация греками Северного Причерноморья. Вынужденная эмиграция свободных горожан из Греции была вызвана возникающим там относительным перенаселением и острой социальной борьбой. Как правило, новый город основывался выходцами из какого-то одного полиса (города-государства) Греции и сохранял тесные связи со своей «метрополией», хотя и был независимым. Греки создавали свои колонии в населенных местах, где они могли получить от местных жителей рабов и продовольствие, найти рынок сбыта для греческих товаров. Племенная знать покупала у греков дорогие украшения, керамику, оливковое масло, вино, платя золотом, хлебом и рабами.

Первое греческое поселение возникло на острове Березань вблизи Днепро-Бугского лимана во **второй половине VII в. до н. э.** В VI в. до н. э. выходцы из греческого города Милета (в Малой Азии) основали неподалеку оттуда, на берегу лимана, город *Ольвию* (Счастливая). Это был классический греческий полис с демократическим устройством (разумеется, политическими правами пользовались только свободные, рабовладельцы). Правили городом выбранные на народном собрании архонты. Вокруг города находилась земледельческая территория — хора.

В земледельческих поселениях в окрестностях Ольвии жили эллинизированные скифы — *эллино-скифы*, как называет их Геродот, или «миксэллины», т. е. полуэллины. Некоторые скифы селились в самом городе, занимаясь ремеслом. В 331 г. до н. э., когда Ольвию осаждал полководец Александра Македонского Зопирион, скифы помогли городу отстоять независимость. Для объединения сил при отпоре врагу были частично освобождены рабы и даны права гражданства иностранцам, в том числе, вероятно, скифам, жившим в Ольвии.

Демократической рабовладельческой республикой был и *Херсо-*

нес Таврический (на территории нынешнего Севастополя), основанный около 422—421 гг. до н. э. Херсонесу принадлежала значительная часть прибрежного Крыма, где были многочисленные усадьбы и земельные участки. Там велось зерновое хозяйство, возделывались виноград и садовые культуры. Рабы были основной производительной силой как в ремесле, так и в сельском хозяйстве. Отношения Херсонеса с коренным населением Крымского полуострова — *таврами* — складывались сложно. У тавров еще не выделилась племенная знать, и они поэтому не были заинтересованы в обмене с греками, которые к тому же вытесняли их с их территории. С таврами и жившими в степях кочевыми скифами Херсонес вел постоянные войны. Город был укреплен, много укрепленных поселений встречалось и рядом с Херсонесом.

Вокруг основанного в первой половине VI в. до н. э. *Пантикапея* (ныне — Керчь) возникло *Боспорское государство* (Боспором Киммерийским греки называли Керченский пролив). Боспорское государство было первоначально объединением самостоятельных городов (среди них — Танаис в устье Дона, Фанагория на Таманском полуострове и т. д.). В дальнейшем Боспору подчинилась также Феодосия и некоторые другие города. С самого начала для Боспорского государства была характерна твердая центральная власть. В **начале V в. до н.э.** должность архонта стала здесь наследственной. Архонт Спарток III (304—284 гг. до н. э.) стал уже именовать себя царем. С этого времени можно говорить о Боспорском царстве.

Дальнейшие судьбы рабовладельческих городов-государств Причерноморья можно понять, только обратившись к истории коренного населения причерноморских степей.

На рубеже II—I тысячелетий до н. э. здесь жили кочевники, которых греческие историки называют *киммерийцами*. Киммерийский союз племен был побежден в VIII—VII вв. до н. э. скифами, родственными среднеазиатским сакам и массагетам. Трудно сказать, был ли скифский союз племен единым по языку, но большинство скифов, видимо, говорило на языке иранской группы. Геродот выделяет у скифов три основные группы: *царских скифов,* живших в низовьях Днепра и Дона, считавшихся верхушкой союза племен, *скифов-пахарей*, живших в причерноморских степях и, возможно, в лесостепной зоне на территории нынешней Украины, *скифов-кочевников*, обитавших на правобережье Дона. В конце VI в. до н. э. скифы успешно отразили попытку персидского царя Дария I завоевать Причерноморье. Вскоре, на **рубеже V—IV вв. до н. э.,** у скифов появляются классы и возникает раннеклассовое государство во главе с царями. Это сильное в военном отношении государство сумело противостоять войскам Александра Македонского. У скифов развиваются ремесла (в том числе металлургия), торговля, архитектура. В огромных, достигающих высоты семиэтажного дома курганах (так называемых царских) захоронена верхушка скифской знати вместе с женами,

слугами, лошадьми. В курганах найдены выдающиеся произведения скифского и античного искусства.

С III в. до н. э. Скифское царство испытывает натиск сарматов (или правильнее — савроматов), родственных скифам кочевых племен, живших в степях бассейнов Волги и Дона и в Южном Приуралье. Сарматы во II—I вв. до н. э. завоевали значительную часть территории Скифии. В руках скифов остается Крым, где создается новое царство со столицей в Неаполе Скифском на берегу Салгира. К этому времени скифская верхушка была значительно эллинизирована. Скифские цари стремились подчинить себе и греческие города-государства Причерноморья. Царь Скилур на какое-то время завоевал Ольвию.

Наступление скифов побуждало греческие колонии к объединению. Так, Херсонес заключил союз с Боспорским царством. В самом же Боспорском царстве в **107 г. до н. э.** вспыхнуло восстание рабов, главным образом скифов, во главе с дворцовым рабом Савмаком. Ему удалось даже захватить на короткий срок царский престол. Восстание подавил понтийский царь Митридат VI Евпатор, присоединив заодно Боспор к своему царству. Удалось ему подчинить себе и Херсонес. Этому государству Митридат помог в войне со скифами и таврами. Он даже захватил и разгромил Неаполь Скифский. Все Северное Причерноморье вошло в состав Понтийского царства. Однако Митридат вскоре погиб в борьбе с Римом, а его сын и наследник Фарнак II (свергший отца с престола) признал было зависимость от Рима. Впрочем он снова вступил в войну с Римом, но был разбит Юлием Цезарем и затем погиб. Боспорское царство попало в зависимость от Рима и потеряло Херсонес.

В III в. н. э. Боспору удалось освободиться от власти Рима, но в конце IV в. н. э. царство пало под ударами кочевников *гуннов*. Гибель Боспора была лишь одним из моментов общего процесса упадка античных рабовладельческих государств в Причерноморье. Этому упадку способствовали не только внешние причины, но и кризис рабовладельческой системы хозяйства, вошедшей в противоречие с развитием производительных сил.

Глава II

ЗАРОЖДЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

§ 1. ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ГЕНЕЗИСА И РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛЬНОГО СТРОЯ

Следующей после рабовладельческого строя стадией развития общества является феодализм. Эта социально-экономическая формация возникала в разных обществах разными путями: нередко на развалинах рабовладельческого способа производства, но не менее,

если не более, часто — непосредственно из первобытнообщинного строя. Многие исследователи справедливо указывают на однотипность рабовладельческой и феодальной формаций, для которых характерно существование личной несвободы всех или части непосредственных производителей.

Главные классы феодального общества составляют крупные земельные собственники *феодалы* и *крестьяне*. В отличие от рабов феодально-зависимые крестьяне не отделены от средств производства, ведут самостоятельное хозяйство, но часть производимого ими прибавочного продукта отдают феодалу в виде *феодальной ренты*. Разнообразные виды феодальной ренты можно свести к трем основным формам. *Отработочная* рента, или барщина, состоит в том, что крестьянин обрабатывает барскую пашню собственными инвентарем и лошадьми. Труд крестьянина на феодала и во времени и в пространстве отделен от работы на себя. При *натуральной* ренте (натуральный оброк) крестьянин снабжает феодала продуктами своего труда, произведенными в хозяйстве. Наконец, *денежной* рентой именуют передачу крестьянами феодалу определенных денежных сумм. Эти формы ренты редко существуют в чистом виде, одно и то же крестьянское хозяйство зачастую и работает на барщине и платит как натуральный, так и денежный оброк, но та или иная форма обычно преобладает.

Хотя отработочная рента является наиболее простым видом ренты, она большей частью возникает сравнительно поздно, ибо для ее распространения необходима высокая степень развития товарно-денежных отношений: феодалу должно быть выгодно заводить собственное сельскохозяйственное производство. Для удовлетворения же своих личных потребностей ему вполне достаточно оброка. Развитие товарного хозяйства является предпосылкой и для появления денежной ренты. Таким образом, как для барщины, так и для денежного оброка необходимо, чтобы в стране существовал рынок сельскохозяйственных продуктов.

Общее господство или, по крайней мере, преобладание натурального хозяйства, когда в феодальной вотчине производится большая часть необходимого для жизни, не исключает обмена товарами. Так, сельскохозяйственные орудия крестьянин вынужден покупать на рынке. Вне крестьянского хозяйства производится керамическая и металлическая посуда, идет торговля скотом. Еще более тесно связано с рынком хозяйство феодала. Оружие и защитное вооружение (феодалы были воинами), боевые кони, предметы роскоши, заморские деликатесы для праздничных пиршеств — все это феодал покупает на рынке. Поэтому наряду с основными классами — феодалами и крестьянами — на всех стадиях феодального строя существуют *ремесленники* и *купцы*.

Поскольку феодальный крестьянин не отделен от основных средств производства и имеет в постоянном и часто наследственном пользовании участок земли, он не вынужден экономически, как

капиталистический рабочий, продавать свой труд эксплуататору. Отсюда вытекает необходимость *внеэкономического принуждения*, являющегося характерной чертой феодализма. Это внеэкономическое принуждение выступает в самых разных формах, начиная от простой сословной неравноправности вплоть до крепостного права. Но и крепостное право может выражаться и в насильственном прикреплении крестьянина к земле, запрете менять местожительство, и в приближающейся к юридическим отношениям рабства собственности землевладельца на личность крестьянина.

Вместе с тем внеэкономическое принуждение не ограничивается лишь неприкрытым насилием. Характеризуя феодализм, еще К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что тогда существовали «патриархальные, идиллические отношения», писали об эксплуатации, прикрытой «религиозными и политическими иллюзиями». В самом деле, в период генезиса феодализма власть феодала вырастает зачастую из почитаемой и носящей ореол святости власти родоплеменного вождя. Дружины феодалов защищают границы страны от внешнего врага, а удачные военные набеги, способствуя в первую очередь обогащению знати, одновременно приносят некоторую долю добычи и свободным общинникам.

Еще одно существенное обстоятельство заключается в заинтересованности феодала в определенной устойчивости крестьянского хозяйства. Разорившийся крестьянин не может быть объектом феодальной эксплуатации: он неплатежеспособен при господстве натуральной или денежной ренты, у него нет пахотного скота и достаточного инвентаря, чтобы обрабатывать господское поле при отработочной ренте. Поэтому в своих собственных интересах феодал вынужден помогать крестьянам в неурожайные годы, защищать их не только от внешнего врага, но и в конфликтах с соседними феодалами. Эти отношения патроната, заставляющие порой крестьянина видеть в своем феодале защитника и покровителя (особенно на ранней, восходящей стадии развития феодальной формации), также неэкономическим путем принуждают крестьянина отдавать феодалу часть своего прибавочного продукта.

Существенной чертой феодального строя является тесная связь землевладения и политической власти. Феодал выступает не только как землевладелец, но и как «государь» своих крестьян. В разные периоды и в разных регионах он обладает той или иной долей политической власти над крестьянами: выступает в роли судьи по тем или иным делам, сборщика налогов и т. д. Это изъятие феодала из системы общегосударственных налогов и судопроизводства обеспечивает ему власть над крестьянами и носит название *феодального иммунитета.*

С феодальным иммунитетом тесно связаны специфический характер феодальной собственности на землю и феодальная иерархия. Это была собственность сословная и неполная, поскольку только при капитализме земельный собственник может поступать

с землей так, как всякий товаровладелец со своим товаром. Феодальная собственность на землю носила расщепленный характер. Монарх (король, император, великий князь и т. п.) был верховным собственником всей земли в своем государстве и вместе с тем имел собственные, личные земли — домен. В свою очередь его вассалы — герцоги, графы, удельные князья — имели свои владения, где были верховными собственниками на землю, и свои домены. Их вассалы — бояре, бароны и т. д.— также владели вотчинами на правах, пожалованных сюзеренами. Это явление носит название *феодальной иерархии.* В разных вариантах развития феодальных отношений, в разные периоды феодальная иерархия может быть четкой и многоступенчатой, а может быть и слабо выраженной.

Феодальный способ производства был шагом вперед по сравнению как с рабовладельческим, так и с первобытнообщинным строем. Он обеспечивал бо́льшую производительность труда, развитие производительных сил.

§ 2. ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В ДОФЕОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Вопрос о времени появления славян на Балканском полуострове, в Центральной и Восточной Европе принадлежит к числу самых дискуссионных в исторической науке. Трудности здесь объективные: археологические источники не дают сведений о языке населения и, следовательно, не позволяют этнически идентифицировать археологические культуры; трудно положиться на сведения греческих и византийских авторов. Так, известия о венедах и антах, которых многие историки и археологи относят к славянам, достаточно спорны. Существуют веские основания считать, что античные историки в данном случае говорили о кельтских или германских племенах.

По предположению ряда исследователей, 2—1,5 тысячи лет до н. э. от миграционной волны индоевропейцев отделились племена, говорившие на близких балто-славянских диалектах. Они заселили Центральную и Восточную Европу. До сих пор не удалось определенно установить, какие именно археологические культуры II—I тысячелетия до н. э. связаны с протославянами и отделить их поселения от предков балтов. Более определенными становятся поздние археологические памятники, которые к середине I тысячелетия до н. э. носят уже несомненно славянские черты (низовья Днепра).

Данные исторической лингвистики свидетельствуют, что балто-славянская языковая общность сохранялась чрезвычайно долго и лишь к V в. до н. э. разделились собственно славянские и балтские племенные диалекты. Топонимика дополняет и усложняет эту картину. Ее данные позволяют говорить о значительном пласте названий неславянского происхождения на территории Восточной Европы. Так, для степной зоны характерны гидронимы (названия

рек) иранского происхождения, оставленные скифами и сарматами,— Дон, Днепр, Днестр и т. д. В междуречье Оки и Волги преобладают угро-финские названия (на языках угро-финской группы говорят сегодня мордва, марийцы, эстонцы, карелы, коми и т. д.). Многие названия рек Белоруссии, Северной Украины, Московской, Смоленской, Калужской, Тульской областей свидетельствуют о том, что здесь некогда жили народы, говорившие на балтских языках (из них сегодня существуют литовский и латышский).

Многие исследователи полагают, что на большей части территории Восточной Европы славяне появляются в **VII—VIII вв. н. э.** Археолог И.И. Ляпушкин высказал предположение, что продвигались они двумя путями: Приднепровье заселялось выходцами с Карпат, а Север — с побережья Балтийского моря. В последнее время высказано аргументированное предположение, что заселение Севера (будущей Новгородской земли) славянами относится к более раннему времени, чем освоение Приднепровья,— к **V в.** Но и эта точка зрения не стала общепризнанной. Окончательное решение проблемы славянского этногенеза пока еще дело будущего.

Однако вне зависимости от того, являются ли восточные славяне автохтонами (т. е. исконным населением) Восточной Европы или пришельцами, в VII—VIII вв. они уже составляли значительную часть населения этой территории. Именно в это время славяне постепенно осваивают покрытые густыми, почти таежными лесами пространства Восточной Европы. Проникновение земледельческих славянских племен в эти края было не завоеванием, а медленной инфильтрацией. Плотность населения здесь была настолько мала, что пришельцам не приходилось вступать в конфликты с местными жителями. Высокая земледельческая культура славян, приобретенная на плодородных землях юга, воспринималась коренными жителями. Мирное сотрудничество славян с балтским и угро-финским населением приводило постепенно к ославяниванию значительной его части. Исследования антропологов показывают, что предками современных русских, украинцев и белорусов являются не только славяне, но и древние угро-финны и балты.

Однако отношения славян с другими соседями были не столь идиллическими. IV—VII вв.— время, когда из степей Центральной Азии в Европу вторгаются орды кочевников. Вслед за *гуннами* (IV—V вв.) в середине VI в. возникает *Аварский союз* кочевых племен. Сами авары были тюрками, но в состав их союза входили также монгольские и угро-финские племена. Авары подчинили тюрков-*болгар*, кочевавших в Приазовье и в Прикаспии, и двинулись на Дунай. Образовав свою державу — каганат, авары вступили в борьбу с Византией, однако в 626 г. потерпели сокрушительное поражение. Аварский каганат распался.

Аварский каганат одно время подчинял себе и славянский

племенной союз дулебов, живших в Прикарпатье. Древнейшая русская летопись «Повесть временных лет» сохранила предание о насилиях аваров над дулебами во времена «Ираклия царя» (византийского императора, царствовавшего в 610—641 гг.). «Обры», как называет аваров летописец, впрягали в телеги славянских женщин и заставляли себя возить, были они «телом велици и умомъ горди», но исчезли бесследно. С тех пор сохранилась, говорит летописец, и поговорка — «погибоша аки обре». Разумеется, это историческое припоминание вряд ли можно понимать буквально, но в нем, по-видимому, есть реальное ядро.

В середине VII в. в южных степях складывается *Болгарское государство*. Как и Аварский каганат, эта держава была паразитическим конгломератом разных племен, где основным источником богатства знати была военная добыча. Внутренние междоусобицы быстро привели к распаду государства. Часть болгар во главе с ханом Аспарухом откочевала на Дунай, где заняла Добруджу, подчинив себе местные славянские племена. Пришельцы быстро ославянились, хотя и передали славянскому населению свое название. Другая часть болгар во главе с ханом Батбаем двинулась на северо-восток и осела в среднем течении Волги и на нижней Каме, создав крупное государство — *Волжско-Камскую Болгарию* (или Булгарию).

Внутренние противоречия были главной, но не единственной причиной распада государства болгар. На юге появился другой тюркский народ — *хазары*. Первоначально Хазарский союз племен располагался на территории нынешнего Дагестана, однако во второй половине VII в. хазары начали теснить болгар. Они создали свой каганат (хазарский царь именовался каганом), расположенный на Северном Кавказе, в Нижнем Поволжье, Северном Причерноморье и частично в Крыму. В VII—VIII в. здесь интенсивно развивались феодальные отношения. Языческая религия, характерная для родоплеменного строя, сменяется сначала мусульманством, затем — частично христианством. Однако, боясь распространения вместе с христианством политического влияния Византии, хазарская верхушка принимает в VIII в. иудаизм, заимствованный у еврейского населения Крыма.

Хазарам удалось установить свое господство и над восточнославянскими племенами. Многие из них платили им дань вплоть до конца IX в.

Из византийских источников нам известно о славянах и *«антах»*, которые, по словам автора византийского военного трактата конца VI в. «Стратегикона», «сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе». О близости происхождения славян и антов пишет и другой византийский автор VI в.— Прокопий Кесарийский. Существует предположение, что антами в Византии называли восточных славян (или, по крайней мере, те славянские племена, которые жили в низовьях Днепра и Буга и в

Прикарпатье). Однако существует опирающаяся на данные лингвистики точка зрения (А.И. Попов), что, хотя славяне и входили в состав Антского союза племен и, возможно, были там руководящей силой, сам союз был не чисто славянским.

Из описаний византийских историков VI в. видно, что тогда славяне жили еще родоплеменным строем. «Их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране»; «Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая (срок рабства) определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там (где они находятся) на положении свободных и друзей?» («Стратегикон»).

Однако в VII—VIII вв. у славян уже идет интенсивный процесс разложения родоплеменного строя. Так, из Начальной летописи мы знаем о крупных восточнославянских племенных группах — *полянах,* живших на Днепре возле Киева, их соседях *древлянах* (столица — Искоростень), *словенах*, или *ильменских славянах* у озера Ильмень (будущие новгородцы), *дреговичах,* живших между Припятью и Западной Двиной, *кривичах*, главным городом которых был Смоленск, *полочанах*, селевшихся на берегах реки Полоты (их город — Полоцк), *северянах* (северных соседях полян), *радимичах* в бассейне реки Сож и *вятичах* в бассейне Оки и др. Речь здесь идет не о племенах (как часто говорят по привычке), а уже о более крупных единицах — племенных союзах, образование которых непосредственно предшествует возникновению государства. Летописец сообщает, что у каждого из этих союзов было свое «княженье». Разумеется, это еще не княжества в более позднем, феодальном смысле слова, *князьями* именовались первоначально племенные вожди. Но само появление князей-вождей уже означает переход к военной демократии.

Симптоматичны и сохраненные летописью названия славянских племенных союзов: большей частью они связаны не с единством происхождения, а с районом расселения. Так, поляне жили в полях, а древляне — в лесах, среди деревьев. Недаром летописец, говоря об их территориях, употребляет термины «в Полях» и «в Деревлях». По болотистой местности (от «дрягва» — болото) получили свое наименование дреговичи, по рекам — полочане и бужане, племена, расположенные на север от полян, стали называться северяне. Это свидетельствует о том, что в это время у славян территориальные связи уже преобладали над родовыми.

Основу экономической жизни восточных славян составляло земледелие. Носило оно первоначально экстенсивный характер. В лесных и лесостепных районах выжигали траву, удобряя почву золой, и использовали землю до ее истощения. Затем участок забрасывали, пока на нем не восстановится полностью естественный травяной покров. Такая система земледелия носит название

залежной. В лесах же применялась *подсечная* (или подсечно-огневая) система: деревья рубили и оставляли до следующего года сохнуть, затем сжигали вместе с выкорчеванными пнями. Полученный удобренный участок, как и при залежной системе, использовали до истощения.

Набор сельскохозяйственных культур отличался от более позднего: рожь занимала в нем еще небольшое место, преобладала пшеница. Совсем не было овса, но известны просо, гречиха, ячмень.

Разводили славяне крупный рогатый скот и свиней, а также лошадей. Важная роль скотоводства видна из того, что в древнерусском языке слово «скот» означало также деньги.

Лесные и речные промыслы также были распространены у славян. Охота давала в большей степени пушнину, чем продовольствие. Мед получали при помощи бортничества. Это был не простой сбор меда диких пчел, но и уход за дуплами («бортями») и даже их создание. Развитию рыболовства способствовало то обстоятельство, что славянские поселения обычно располагались по берегам рек.

Большую роль в экономике восточных славян, как во всех обществах, стоящих на стадии разложения родоплеменного строя, играла военная добыча: племенные вожди совершали набеги на Византию, добывая там рабов и предметы роскоши. Часть добычи князья распределяли между своими соплеменниками, что, естественно, повышало их престиж не только как предводителей походов, но и как щедрых благотворителей. Одновременно вокруг князей складываются *дружины* — группы постоянных боевых соратников, друзей (слово «дружина» происходит от слова «друг») князя, своего рода профессиональных воинов и советников князя. Появление дружины не означало на первых порах ликвидации всеобщего вооружения народа, ополчения, но создавало предпосылки для этого процесса. Выделение дружины — существенный этап в создании классового общества и в превращении власти князя из родоплеменной в государственную.

По археологическим данным мы можем судить в какой-то степени о быте древних славян. Их располагавшиеся по берегам рек поселения группировались в своего рода гнезда из 3—4 поселков. Если между этими поселками расстояние не превышало 5 км, то между «гнездами» оно достигало не менее 30, а то и 100 км. В каждом поселке жило несколько семей; иногда они исчислялись десятками. Дома были небольшие, типа полуземлянок: пол на метр-полтора ниже уровня земли, деревянные стены, глинобитная или каменная печь, топящаяся по-черному, крыша, обмазанная глиной и порой доходящая концами кровли до самой земли. Площадь такой полуземлянки была обычно невелика: 10—20 м^2.

Несколько поселков, вероятно, составляли древнеславянскую общину — *вервь*. Прочность общинных институтов была настолько велика, что даже повышение производительности труда и общего

уровня жизни далеко не сразу привели к имущественной, а тем более социальной дифференциации внутри верви. Так, в поселении X в. (т. е. когда уже существовало Древнерусское государство) — городище Новотроицком — не обнаружено следов более и менее богатых хозяйств. Даже скот был, видимо, еще в общинном владении: дома стояли очень тесно, порой соприкасаясь крышами, и не оставалось места для индивидуальных хлевов или загонов скота. Прочность общины на первых порах тормозила, несмотря на сравнительно высокий уровень развития производительных сил, расслоение общины и выделение из нее более богатых семей.

Древние славяне были язычниками, обожествлявшими силы природы. Главным богом был, по-видимому, Род, бог неба и земли. Он выступал в окружении женских божеств плодородия — Рожаниц. Важную роль играли также божества, связанные с теми силами природы, которые особенно важны для земледелия: Ярило — бог солнца (солнечные культы характерны для всех земледельческих народов) и Перун — бог грома и молнии. Перун был также богом войны и оружия, а потому его культ впоследствии был особенно значителен в дружинной среде. Известны также «скотий бог» Волос, или Велес, Даждьбог, Стрибог и др. Богам приносили жертвы, иногда даже человеческие. Языческий культ отправлялся в специально устроенных капищах, где помещался идол. Князья выступали в роли первосвященников, но были и особые жрецы — волхвы и кудесники. Язычество сохранялось и в первое время существования Древнерусского государства, а его пережитки сказывались еще несколько веков.

§ 3. ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

В **IX в.** у восточных славян возникает классовое общество и появляется государство. Этот новый этап жизни восточнославянского общества был подготовлен всем ходом предшествующего развития. Естественно, что начальный период образования государства у восточных славян отражен в источниках недостаточно: ведь письменность распространяется уже после создания государства, и летописные известия об этой поре содержат отдаленные от событий по меньшей мере двумя веками исторические припоминания, носящие часто черты легенды.

В XVIII—XIX вв. многие историки придерживались так называемой норманской теории, приписывающей *норманнам* — скандинавским викингам (на Руси их называли *варягами*) создание Русского государства. Основанием для этой теории послужил летописный рассказ о призвании на княжение в Новгороде в 862 г. варяжских князей Рюрика, Синеуса и Трувора. Три варианта этого рассказа (Лаврентьевский и Ипатьевский списки Повести временных лет и Новгородская первая летопись) сообщают, что первона-

чально варяги брали дань с новгородцев, затем были изгнаны, однако между племенами (по Новгородской летописи — между градами) начались междоусобицы: «и воевати почаша сами на ся». После чего словени, кривичи, чудь и меря (*чудь* и *меря* — угрофинские народности) обратились к варягам со словами: «Земля наша велика и обильна, а наряда (т. е. порядка) в ней нет. Да поидете княжить и володети нами». Варяги откликнулись на призыв «и изъбрашася 3 братья с роды своими»: Рюрик, севший в Новгороде, Синеус — на Белоозере и Трувор — в Изборске.

В этой легенде многое до сих пор неясно. Если вымышленность Синеуса и Трувора признается большинством историков (в древнешведском языке слова «сине хус трувор» означают «с домом и дружиной»), то историчность Рюрика, хотя и не бесспорная, не отвергается рядом исследователей. Нет ничего невероятного и в самом факте призвания иноземных князей: раннеклассовое государство рождается всегда в острой и кровопролитной междоусобной борьбе («Въста род на род»), и одним из возможных путей прекращения взаимного истребления может быть приглашение некой третьей, «нейтральной» по отношению к враждующим сторонам силы. Вполне, впрочем, вероятна и другая возможность: оформление насильственного захвата власти варягами в качестве акта «добровольного» призвания. В любом же случае в летописном тексте речь идет вовсе не о создании государства на Руси, а о появлении варяжской династии в Новгородской земле.

И сторонники норманнской теории, и их оппоненты, авторы дореволюционных исследований, исходили из возможности «научить» государству, что, естественно, идеализировало и персонифицировало процесс его создания. Подобный подход был решительно отвергнут в советской исторической науке: возникновение государства рассматривалось как следствие внутреннего развития общества, его разделения на классы и борьбы между ними. При этом вопрос об этническом происхождении княжеской династии отходил как бы на второй план, тем более что варяжская знать очень быстро ассимилировалась местным населением, и на Руси внук (согласно летописной генеалогии) Рюрика Святослав носил уже славянское имя. При таком взгляде важно было другое: государственность — не предмет экспорта или импорта, а закономерный результат многовекового исторического пути народа.

Источники свидетельствуют, что восточнославянское общество IX в. находилось в стадии создания государственности. Летописец повествует о племенных княжениях — ранних государственных образованиях, существовавших у полян (где, согласно летописи, первым князем был легендарный основатель Киева Кий), древлян, дреговичей, полочан. Известно сочинение безымянного персидского автора X в. (но по своим сведениям восходящее к более ранней поре), где называются три русских города: Куйаба (видимо, Киев), Слаба, или Слава (как полагают, либо Новгород, либо Переяславль),

и Уртаб, или Артаб, который пока не удается достоверно отождествить. Это только небольшая часть городов Руси раннего периода; недаром в Скандинавии Русь называли «Гардарикой» — страной городов.

При этом нельзя сказать, что уровень развития варягов был выше, чем славян. И те и другие находились примерно на одной стадии социального развития — перехода от военной демократии к раннеклассовому обществу. Синхронность развития позволяла варягам активно включиться в исторический процесс в Восточной Европе. В выяснении реальной роли варягов много дают археологические данные. Так, раскопки Гнездова близ Смоленска, Тимиревского и Михайловского курганов под Ярославлем выявили большое число скандинавских погребений с характерными «скандинавскими» предметами местного производства. Иными словами, варяги жили среди местной дружинной знати еще в IX в. и обращение к ним не было случайностью.

В последние годы в исторической литературе российские исследователи в поиске новых концептуальных подходов куда меньше, чем прежде, обращаются к проблемам классообразования и классовой борьбы. Прежние представления, когда последней отдается решающая роль в создании государства, далеко не всем кажутся бесспорными. Сам процесс классообразования вычленяется крайне трудно и он несомненно лишен той прямолинейности, которая присутствовала в советской литературе.

С другой стороны, уделяется большое внимание такой функции государства, как его способность быть универсальным регулятором социальных отношений. С разложением родового строя и возникновением более сложных социальных структур — союза племен прежние средства разрешения и регулирования отношений (прежде всего, институт кровной мести) оказались недостаточными. Возникающее государство и восполняло этот пробел, разрешая социальные и иные противоречия на принципиально ином уровне и другими средствами. При таком подходе государство оказывается социально-политическим организмом, в существовании которого заинтересованы различные слои общества. Более «естественной» выглядит роль норманнов, о которой отчасти упомянуто выше: призвание варяжского князя в новгородское Приильменье было связано со сложной этнической ситуацией в этом регионе, где жили славяне, угро-финны, балты. Инородному этносу было легче подняться над родовыми отношениями и выполнить задачу универсального регулятора; местные племена охотнее мирились с верховенством чужеземцев, чем с властью, принадлежащей представителям соседнего племени.

В отличие от «варварских» государств Западной Европы, которые в своем становлении унаследовали многие государственные и правовые традиции античности, Восточная Европа оказалась вне ее рамок. Этим, по-видимому, можно объяснить сравнительно мед-

ленные темпы вызревания государственных институтов, их архаичность и своеобразие. В частности, многие исследователи связывают с правящей варяжской династией такую особенность Древнерусского государства, как лиственичный порядок престолонаследия. Он, в свою очередь, отражал взгляд на Древнерусское государство как на коллективную родовую собственность князей-завоевателей. Этот момент достаточно четко прослеживается в политической истории.

Родственник Рюрика князь Олег (сын Рюрика Игорь, согласно летописи, был малолетним к моменту смерти отца) начал подчинение восточнославянских племен за пределами Новгородской земли. В **882 г.** (эта дата, как и большинство летописных дат IX—X вв., условна, ибо они не восходят к погодным записям современника, а являются результатом хронологических выкладок летописцев XI—XII вв.) он с дружиной отправился на юг и подошел к Киеву, где княжили Аскольд и Дир. Согласно «Повести временных лет», они были «мужами» Рюрика, освободившими землю полян от дани хазарам и захватившими Киев. Существует гипотеза, основанная на позднейших летописных текстах, что они были не варягами, а потомками Кия. Олег хитростью выманил их из города, убил и захватил Киев, сделав его своей столицей. Согласно летописи, он назвал Киев «мати градом руським». Как бы то ни было, в этой истории достаточно отчетливо отражен факт противостояния к концу IX в. двух центров формирующейся русской государственности — Новгорода и Киева. Поскольку они находились на торговом пути «из варяг в греки», то объяснимо стремление к объединению и контролю над этими территориями. При этом новая династия пошла на смещение центра политической жизни с севера на юг, сделав Киев своей столицей.

Обосновавшись в Киеве, Олег подчинил себе древлян, северян и радимичей. Княжение Олега, прозванного «Вещим», согласно летописному известию, продолжалось 33 года. По своему значению это правление было рубежным: именно с этого момента можно говорить о существовании Древнерусского государства, державы Рюриковичей.

Одна из летописей донесла до нас поэтическую легенду о смерти Олега, пытавшегося обмануть предсказание волхвов и все же погибшего от змеи, спрятавшейся в черепе его боевого коня. Как известно, эта легенда вдохновила А.С. Пушкина на создание «Песни о вещем Олеге».

Наследник Олега Игорь продолжил его политику. Ему, впрочем, снова пришлось воевать с древлянами — «иде Игорь на деревляны, и победив а (их), и возложи на ня дань болши Олговы». В борьбе с древлянами он и погиб. В **945 г.**, взяв с древлян дань, он с небольшой дружиной (чтобы на долю каждого досталось больше) вернулся за дополнительной данью. По летописному преданию, древляне решили на совете, что если волк повадится в стадо, то

пока не убьют его, перетаскает всех овец. «Аще не убьем его, то вся ны погубить». Игорь был убит, а древлянский князь Мал (несомненно, славянский, а не варяжский князь) отправил к вдове Игоря Ольге послов, предлагая ей выйти за него замуж. Речь шла, разумеется, о династическом браке: взяв в жены вдову убитого врага, Мал тем самым распространял свою власть и на Полянскую землю, и на всю Русь. Однако Ольга жестоко расправилась с древлянскими послами и пошла войной на Древлянскую землю. Ей удалось победить древлян, столица их Искоростень была сожжена, знать истреблена, часть древлян обращена в рабство, на остальных наложена дань.

Сын Игоря и Ольги Святослав больше внимания уделял не внутренним, а внешним делам. Князь-воин, сражавшийся со своей дружиной и в Поволжье, и в Дунайской Болгарии, он был редким гостем в Киеве, в чем его даже упрекали киевляне: «Ты, княже, чюжеи земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабив» (т. е. пренебрегаешь). Однако ему удалось подчинить своей власти еще одну восточнославянскую племенную группу, находившуюся на самой далекой северо-восточной периферии,— вятичей.

При жизни Святослав сделал своим наместником в Киеве старшего сына Ярополка, а Древлянскую землю передал второму сыну — Олегу. Третьего — Владимира призвали к себе новгородцы. Он считался ниже своих братьев как сын рабыни (его матерью была ключница княгини Ольги Малуша, сестра дружинника Добрыни), и тем не менее именно он одержал победу в междоусобиях, начавшихся после гибели Святослава, и захватил Киев (**980**). Оба же старших брата нашли смерть в борьбе за власть.

За время усобиц княжеская власть расшаталась, во всяком случае, Владимиру пришлось дважды воевать с вятичами, а затем с их соседями-радимичами.

Междоусобицы не прекратились и после смерти Владимира. Он был еще жив, когда княживший в Новгороде его сын Ярослав отказался повиноваться отцу. Владимир собрался в поход, но заболел и умер (**1015**). Несколько лет продолжалась кровопролитная борьба за киевский престол. Соперники опирались на иноземную помощь: Ярослав привлекал варяжских наемников, Святополк — войска польского короля. Борьба завершилась победой Ярослава, которому удалось сесть в Киеве (**1019**). Святополк бежал. Летопись обвинила Святополка Окаянного в гибели своих младших братьев, Бориса и Глеба, первых русских святых. Обращение к скандинавским источникам позволяет поставить под сомнение эту версию по крайней мере в отношении Бориса (он после опалы Святополка, в последние годы жизни Владимира был близок к отцу и реально претендовал на престол), который погиб от руки варягов Ярослава. Но Ярослав взял верх, и летописная традиция складывалась в угоду победителю.

Ярослав попытался подчинить себе владения брата Мстислава,

Тмутараканского князя. Но в 1024 г. в битве у Лиственя он потерпел поражение и вынужден был вновь бежать в Новгород. Но Мстислав предложил брату мир, по которому оставил за собой Левобережье Днепра и Тмутаракань. Лишь после его смерти в 1036 г. Ярослав окончательно утверждается единовластным правителем Древней Руси.

Важно подчеркнуть, что княжеские междоусобия кончались еще не распадом единого Древнерусского государства, а лишь устранением соперников. Тенденции к объединению преобладали. Это было связано с централизованным характером сбора и распределения дани, когда верховная власть «монополизировала» право «распределения благ». Знать пока не стремилась обособиться и старалась упрочить свой статус на службе у могущественного киевского князя.

Вопрос о социально-политическом строе Древнерусского государства является достаточно спорным. Чтобы рассмотреть его, необходимо сначала кратко остановиться на тех источниках, которыми мы располагаем для его характеристики. Древнейшим сводом законов Руси является *Русская Правда*. Под этим общим названием известны три памятника: Краткая Правда, являющаяся древнейшей, Пространная, относящаяся ко второй половине XII в., и Сокращенная, основанная как на Пространной Правде, так и на некоторых не дошедших до нас законодательных актах более раннего времени. В свою очередь, Краткая Правда делится на Правду Ярослава (ок. 1016), Правду Ярославичей (вторая половина XI в.) и дополнительные статьи. Естественно, Краткая Правда — наиболее существенный источник для характеристики социального строя Древнерусского государства, но и в более поздней Пространной Правде записаны нормы права, которые хотя и были кодифицированы лишь в XII в., но восходят к более раннему времени. Отдельные юридические нормы содержатся и во включенных в текст летописи договорах Олега (911) и Игоря (944) с Византией. В этих договорах упоминается и «закон русский», который учитывался в делах, затрагивавших споры византийцев и русских. Древнейшая дошедшая до нас летопись — «Повесть временных лет» — также дает материал для изучения социального строя, хотя основная часть ее сведений относится к политической истории.

Система наказаний в Русской Правде показывает, что в Древнерусском государстве существовали еще пережитки родоплеменного строя. Правда Ярослава допускает кровную месть, институт, типичный для эпохи, когда не существует государства, берущего на себя функцию наказания за преступления. Впрочем, в статье о кровной мести уже видна тенденция к ее ограничению: законодатель точно определяет круг близких родственников, имеющих право мстить: отец, сын, брат (в том числе двоюродный) и племянник. Тем самым ставится предел бесконечной цепи убийств, истребля-

ющих целые семьи. Ограничение показывает пережиточный характер кровной мести в первой половине XI в. В Правде Ярославичей кровная месть уже запрещена, а взамен нее введен денежный штраф за убийство (вира), который дифференцировался в зависимости от социального положения убитого в широких пределах: от 80 до 5 гривен.

В источниках содержится немало упоминаний о древнерусской общине — верви. Это была, видимо, уже не родовая община; она обладала определенной территорией (так, вервь отвечает за убитого неизвестными человека, найденного на ее земле). В ней выделились отдельные экономически самостоятельные семьи: Русская Правда подробно разбирает случаи, когда община помогает попавшему в беду своему члену и когда он должен платить сам, «а людем не надобе». Отметим, что Русская Правда в основном регламентировала отношения, возникающие при столкновении древнерусской общины и княжеского (боярского) хозяйства. Иными словами, Русская Правда достаточно односторонне позволяет судить об общине. Сама же вервь продолжала жить по нормам обычного права и не испытывала, в отличие от недавно возникшего феодального землевладения, потребности в кодификации.

Многие авторы полагали, что основным крестьянским населением страны были не раз упоминающиеся в источниках *смерды*. Однако Русская Правда, говоря об общинниках, постоянно употребляет термин «люди», а не «смерды». За убийство людина полагался штраф в размере 40 гривен, за убийство же смерда — всего 5. Смерд не имел права оставить свое имущество непрямым наследникам — оно передавалось князю. Существует много гипотез о социальной сущности смердов, но большинство исследователей признают, во-первых, тесную связь смердов с князем, зависимость от него, во-вторых, считают смердов ограниченной, хотя и довольно широкой, общественной группой. Вероятно, смерды были несвободными или полусвободными княжескими данниками, сидевшими на земле и несшими повинности в пользу князя.

Значительное место Русская Правда уделяет рабам. Они были известны под разными названиями — *челядь* (единственное число — челядин), *холопы* (женский род — роба). Термин «челядин» встречается уже в договоре Олега с Византией: речь там идет о похищении или бегстве русского челядина («аше украден будеть челядин рускы или ускочит»). Главным источником рабов был плен. Когда, согласно «Повести временных лет», Святослав перечислял добро («благая»), идущее из Руси, то, наряду с мехами, медом и пушниной, он называл и челядь. Уже в древнейшей части Русской Правды — Правде Ярослава описана процедура судебного разбирательства по делу о краже челядина. Исследователями по-разному решается вопрос о соотношении челядинной и холопьей зависимости. Вероятно, «челядь» — термин более раннего периода,

который некоторое время сосуществовал с более новым термином — «холоп».

Русская Правда рисует тяжелое положение холопов, которые были полностью бесправны. Холоп, ударивший свободного, если даже господин уплатил за него штраф, мог быть при встрече убит обиженным, а в более позднее время — жестоко наказан телесно. Холоп не имел права свидетельствовать на суде. Беглого холопа, естественно, наказывал сам господин, но тяжелые денежные штрафы накладывались на тех, кто поможет беглому, указав путь или хотя бы накормив. За убийство своего холопа господин не отвечал перед судом, а подвергался лишь церковному покаянию.

Особенно детально вопрос о холопстве излагается уже в «Пространной Правде», где мы находим фактически целый устав о холопах. В это время (XII в.) уже известны два вида холопства: *обельное* (полное) и *неполное*. Источником обельного холопства был не только плен. Многие сами продавали себя в холопство. Холопом становился, если не заключал с господином специального договора («ряда»), и тот, кто поступал в услужение на должность тиуна (управляющего) или ключника. Терял свободу (если не было особого «ряда») и человек, женившийся на рабе. Обельное холопство, единое по своему юридическому статусу, было вместе с тем разнородным по своей реальной социальной структуре. Разумеется, основную массу составляли рядовые рабы, выполнявшие тяжелую работу на своего господина. За их убийство полагался самый низкий штраф —5 гривен. Однако уже Правда Ярославичей знает княжеского сельского и ратайного (т. е. пашенного) старосту, за убийство которого полагалось уплатить 12 гривен. 80 гривнами (в 2 раза дороже, чем жизнь свободного человека) защищалась жизнь княжеского тиуна (а тиуны были, как отмечалось выше, холопами). Купцы использовали холопов для торговли, хотя несли полную материальную ответственность за их операции. Холоп-тиун мог «по нужи» (т. е. по необходимости) выступать и как свидетель в суде.

Большое внимание, уделяемое холопам, в двух основных законодательных актах — Краткой и Пространной Правдах свидетельствует о важной роли рабов в социальной структуре русского общества X—XII вв.

Наряду с обельными холопами, Пространная Правда знает *закупов,* воспринимавшихся как неполные, необельные холопы. Это сравнительно поздняя категория зависимых людей, возникшая только в XII в. Закуп — разорившийся общинник, пошедший в долговую кабалу к князю или его дружиннику. Он получал какую-то ссуду («купу») и за нее (вернее, за проценты с суммы долга) должен был работать на господина — либо на его пашне («ролейные» закупы), либо как слуга. Хозяин имел право подвергать закупа телесным наказаниям, а попытка бегства наказывалась превращением в обельного холопа. Вместе с тем закуп отличался от раба. Прежде всего он имел право (хотя, вероятно, формальное)

выкупиться на волю, вернув купу. Закон специально оговаривал, что не считается бегством, если закуп отправится открыто («явлено») на заработки («искать кун»), чтобы выплатить свой долг. Но важнее другое обстоятельство: закуп продолжает вести свое, отдельное от господина хозяйство. Закон предусматривает случай, когда закуп отвечает за утрату господского инвентаря при работе на себя («орудья своя дея»). Закуп несет материальную ответственность перед господином, следовательно, он платежеспособен, его хозяйство — не собственность господина. Именно поэтому положение закупа, лишенного личной свободы, но не отделенного от средств производства, близко к статусу будущего крепостного крестьянина. К сожалению, источники не дают ответа на вопрос, насколько были распространены отношения закупничества, но большое число статей в Пространной Правде, посвященных им, убеждает, что закупы — не редкое явление на Руси XII в.

По Русской Правде нам известны еще некоторые категории зависимого населения. В Краткой и Пространной Правдах по одному разу упоминается *рядович* (или рядовник), жизнь которого защищена минимальным пятигривенным штрафом. Вероятна его связь с «рядом» (договором). Возможно, рядовичами были не пошедшие в холопство и заключившие ряд тиуны, ключники и мужья рабынь, а также дети от браков свободных с рабынями. Судя по другим источникам, рядовичи часто исполняли роль мелких административных агентов своих господ.

Также по одному разу в Краткой и Пространной Правдах упоминается *изгой*. Речь идет о человеке, лишившемся своего социального статуса. Так, князьями-изгоями называли князей, не имевших собственного княжества. Изгои Русской Правды, видимо, люди, порвавшие со своей общиной, а также, возможно, холопы, отпущенные на волю.

Спорным остается вопрос о времени возникновения *феодального землевладения* в Древней Руси. Некоторые авторы относят его появление к IX—X вв., но большинство полагает, что в X в. существовали лишь отдельные княжеские села, хозяйство в которых носило более скотоводческий (быть может, даже коневодческий) характер, а уже во второй половине XI— первой половине XII в. образуется феодальная *вотчина*. В IX— первой половине XI в. князья собирали дань со свободных общинников. Сбор дани осуществлялся во время *полюдья*, когда князь со своей дружиной приезжал в определенный центр, где и получал дань с местного населения. Размер дани первоначально был не фиксирован, что и привело к столкновению Игоря с древлянами. По сообщению летописи, Ольга после этого установила точный размер дани («уроки») и места ее сбора («погосты» или «повосты»). Собранную дань князь делил между дружинниками.

Преобладание среди непосредственных производителей материальных благ свободных общинников, значительная роль

рабского труда и отсутствие феодального землевладения послужили основаниями для выдвижения гипотезы о том, что Древнерусское государство еще не было феодальным. Защищающий эту точку зрения И.Я. Фроянов полагает, что в древнерусском обществе IX—XI вв. существовало несколько социально-экономических укладов, ни один из которых не был преобладающим. Дань, собираемую с местного населения, он рассматривает не как особый вид феодальной ренты, а как военную контрибуцию, наложенную на покоренные киевскими князьями племена. Однако большинство исследователей считает Древнерусское государство раннефеодальным.

Раннефеодальное общество не тождественно феодальному. В нем еще не развились до зрелого состояния основные характерные черты феодальной формации и существуют многие явления, присущие предшествующим формациям. Речь идет не столько о преобладании в данный момент того или иного уклада, сколько о тенденции развития, о том, какой из укладов развивается, а какие постепенно сходят на нет. В Древнерусском государстве будущее принадлежало именно феодальному укладу.

Безусловно, в дани были элементы и военной контрибуции и общегосударственного налога. Но вместе с тем дань собиралась с крестьянского населения, отдававшего князю и его дружинникам часть своего продукта. Это сближает дань с феодальной рентой. Отсутствие же феодальных вотчин могло компенсироваться распределением дани среди дружинников, совокупного господствующего класса. На признании государства в лице князя верховным собственником всей земли в стране основана выдвинутая Л.В. Черепниным концепция «государственного феодализма», согласно которой крестьянство Киевской Руси подвергалось эксплуатации феодальным государством.

Политический строй Древнерусского государства сочетал в себе институты новой феодальной формации и старой, первобытно-общинной. Во главе государства стоял наследственный князь. Киевскому князю подчинялись владетели других княжеств. По летописи нам известны немногие из них. Однако договоры Олега и Игоря с Византией содержат упоминания о том, что их было немало. Так, в договоре Олега говорится, что послы отправлены «от Олга, великаго князя рускаго, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь». По договору Игоря послы отправлены от Игоря и «от всякоя княжья», причем названы послы от отдельных князей и княгинь.

Князь был законодателем, военным предводителем, верховным судьей, адресатом дани. Функции князя точно определены в легенде о призвании варягов: «володеть и судить по праву». Князя окружала дружина. Дружинники жили на княжеском дворе, пировали вместе с князем, участвовали в походах, делили дань и военную добычу. Отношения князя и дружинников были далеки от отношений подданства. Князь советовался с дружиной по всем делам. Игорь,

получив от Византии предложение взять дань и отказаться от похода, «созва дружину и нача думати». Дружина же Игоря посоветовала ему отправиться в несчастный поход на древлян. Владимир «думал» с дружиной «о строи земленем, и о ратех, и о уставе земленем», т. е. о делах государственных и военных. Святослав, когда мать Ольга убеждала его принять христианство, отказывался, ссылаясь на то, что над ним будет смеяться дружина. Дружинники могли не только советовать князю, но и спорить с ним, требовать от него большей щедрости. Летописец рассказывает, что дружинники Владимира роптали на князя, что им приходится есть деревянными, а не серебряными ложками. В ответ Владимир «повеле исковати» серебряные ложки, ибо «сребромъ и златом не имам налести (т. е. не смогу найти) дружины, а дружиною налезу злата и сребра».

Вместе с тем и князь был нужен дружине, но не только как реальный военный предводитель, а и как некий символ государственности. Формальная независимость воли князя, пускай даже еще несовершеннолетнего, проявилась во время битвы киевской дружины с древлянами. Битву должен был начать князь. Малолетний Святослав действительно «суну копьем... на деревляны», но его детских сил хватило лишь на то, чтобы оно пролетело между ушей коня и ударилось ему в ноги. Однако знак к началу битвы был подан, главные дружинники Свенельд и Асмуд возгласили: «Князь уже почал; потягнете, дружина, по князе».

Наиболее уважаемые, старшие дружинники, составлявшие постоянный совет, «*думу*», князя стали именоваться *боярами*. У некоторых из них могла быть и своя дружина. Для обозначения младшей дружины применялись термины «отроки», «чадь», «гриди». Если бояре выступали в роли воевод, то младшие дружинники исполняли обязанности административных агентов: мечников (судебных исполнителей), вирников (сборщиков штрафов) и т. д. Княжеская дружина, оторвавшаяся от общины, делившая между собою дань, представляла собой нарождавшийся класс феодалов.

Появление дружины как постоянной военной силы было шагом на пути изживания характерного для периода родоплеменного строя всеобщего вооружения народа. Однако незрелость феодальных отношений проявлялась, в частности, в том, что народные ополчения продолжали играть важную роль. Наряду с дружинниками, «вои» постоянно упоминаются на страницах летописи. Больше того, они порой более активно участвовали в военных действиях, чем дружинники, которых князь берег. Так, во время столкновения Мстислава и Ярослава Владимировичей Мстислав поставил в центре своих войск воев северян, а на флангах дружину. После битвы он радовался тому, что вои северяне погибли, а «дружина своя цела».

Княжеская власть была ограничена и элементами сохранявшегося народного самоуправления. Народное собрание — *вече* действовало активно в IX—XI вв. и позднее. Народные старейшины — «*старцы градские*» — участвовали в княжеской думе, и без их сог-

ласия было, видимо, трудно принять то или иное важное решение. Летописи отразили падение роли вече в политической жизни: его упоминание обычно связано с экстраординарными ситуациями, когда ослабевшая княжеская администрация или нуждалась в дополнительной опоре или утрачивала власть. Однако были и исключения: сильные позиции сохранило народное собрание в Новгороде и ряде других городов.

Анализ социально-политических структур позволяет говорить о трех центрах притяжения, влиявших на общественное развитие: это прежде всего княжеская власть, набиравшая силу дружина (боярство), народное вече. В дальнейшем именно соотношение этих властных элементов станет определять тот или иной тип государственности, который возобладает на территориях, некогда входивших в состав державы Рюриковичей.

§ 4. ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСТВА

До середины X в. господствующей религией оставалось язычество. Так, в договоре Олега с Византией 911 г. говорится, что он заключен «межи христианы и Русью». И далее «Русь» — язычники противопоставляются грекам — «христианам». Но очень скоро ситуация изменилась. Договор Игоря уже не случайно заключен «межю Греки и Русью», ибо в нем упоминаются не только живущие в Византии «хрестеяне Руси, но и среди послов названы те, кто «крещен или некрещен». Христианство приняла, по-видимому, и княгиня Ольга, мать Святослава. Но это был хотя и симптоматичный, но все же личный выбор княгини. Ее внуку Владимиру пришлось решать задачу масштабнее — государственного религиозного выбора.

Языческая религия обожествляла силы природы, поэтому пантеон богов прямо или косвенно был связан с выполняемыми родом и племенем хозяйственными функциями. С усложнением общественной жизни и социальной структуры общества, с образованием этнически неоднородного государства язычество как религиозная система оказывалась неспособной идеологически обосновать происходящие перемены, объединить общество. Власть и общество приобретали раннефеодальный характер, тогда как духовные и нравственные отношения выстраивались в соответствии с родоплеменными.

Первоначально Владимир пытался преодолеть это противоречие в рамках старой религии. Так называемая церковная реформа Владимира 980 г. имела задачу реорганизации язычества с целью придания ей более широкого общественно-политического звучания. Утверждение общерусского культа «дружинного бога» Перуна, первого среди сохраненных по реформе «идолов», должно было упрочить идеи единодержавия, целостности государства, которые противопоставлялись традициям племенного сепаратизма. Однако

киевский князь очень скоро отказался от реформы, признав несовместимость старой религии с поставленными целями: простое выдвижение на первый план тех языческих богов, которые выполняли «приоритетные» социальные функции, не могло повлечь за собой пересмотр всей системы политеистических верований и обрядов. Подобное реформирование не превращало язычество в социальный интегратор и регулятор общественных отношений, в чем сильно нуждалось общество. Язычество было лишено универсализма, который присущ христианству.

«Повесть временных лет» содержит обширный рассказ, посвященный истории принятия христианства. Сообщается о прибытии в Киев христианских, мусульманских и иудейских миссионеров, о посылке Владимиром бояр для выбора лучшей веры и о решении князя и его окружения принять христианство византийского обряда. Вряд ли это повествование достоверно. Раннее проникновение на Русь в качестве альтернативы язычеству именно христианства достаточно жестко обусловило выбор новой религии. Другой вопрос, что исследователи далеко не единодушны в том, насколько было велико византийское влияние. Высказываются мнения о теснейших связях с болгарской церковью, которой была свойственна широкая веротерпимость. Разнообразные версии принятия христианства, по всей видимости, отражают интересы различных христианских общин, ранее боровшихся за доминирование на Руси.

Общепризнанной датой принятия христианства стал **988 год.** Однако новая религия утвердилась далеко не сразу. Процесс христианизации затянулся. Православной церкви пришлось вести упорную борьбу с дохристианскими верованиями. Пласты народного языческого сознания были настолько мощны, что христианство восприняло и приспособило некоторые его черты. Культ богов сменился культом святых с прежними «языческими функциями». Сила дохристианских верований позволяет говорить о своеобразном *двоеверии* как историко-культурном феномене народной жизни средневековой Руси.

Утверждение христианства на Руси в качестве государственной религии — событие большого исторического значения. Древнерусское государство упрочило свои экономические, политические, династические и культурные связи с Византией и Западной Европой, преодолело изоляционизм, вызванный вероисповедальными различиями. Киевская Русь стала христианской державой, интегрирующейся в семью христианских народов и государств.

Еще большее значение христианство имело для утверждения новой общественной системы. Ускорилось изживание местных, племенных различий, что способствовало этнической консолидации. Православные институты оказались в тесной связи с раннефеодальным государством и монархией, придав им характер богоустановленности, сакральности. Страна оказалась приобщена к христианским ценностям, на основе которых стали формировать-

ся принципиально новые отношения, развиваться культурная и духовная жизнь. Вместе с тем христианство было принято в его византийском, будущем православном варианте, что впоследствии привело к возникновению и противоположных тенденций — политическому и культурному отчуждению от латинской Европы, утверждению иной модели исторического развития.

С принятием христианства начали выстраиваться церковь и церковная иерархия, занявшая важное место в древнерусском обществе. Начальная история церкви плохо известна. Высшей властью, объединяющей всю христианскую Русь, был митрополит Киевский и всея Руси, который, в свою очередь, назначался и подчинялся константинопольскому патриарху. Вскоре его митрополия стала делиться на епархии, число которых постепенно увеличивалось. Среди них были Новгородская, Ростовская, Черниговская, Переяславская, Владимирская и др. Митрополиты и епископы с древнейших времен получали от князей различные подарки и земельные владения. Наряду с белым духовенством появляется и черное, монахи, обживающие пустыни и монастыри. Число последних в XI—XIII вв. по летописным, достаточно спорным известиям, достигает 70. Характерно, что расположены они главным образом в городах или близ городов — затянувшийся процесс христианизации побуждал монашество жаться к городским «православным» центрам. Возникает и монастырское землевладение, значительно уступающее еще земельным владениям кафедр епископов. Последние до XIV в. включительно были главными представителями несветских землевладельцев.

§ 5. ОТНОШЕНИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ С ЕЕ СОСЕДЯМИ

Социальное, политическое и культурное развитие Древнерусского государства проходило в тесном взаимодействии с народами окружающих стран. Одно из первых мест среди них занимала могущественная Византийская империя, ближайший южный сосед восточных славян. Русско-византийские отношения IX—XI вв.— это и мирные экономические, политические, культурные связи, и острые военные столкновения. С одной стороны, Византия была удобным источником военной добычи для славянских князей и их дружинников. С другой стороны, византийская дипломатия стремилась помешать распространению русского влияния в Причерноморье, а затем попыталась превратить Русь в вассала Византии, особенно при помощи христианизации. Вместе с тем существовали постоянные экономические и политические контакты. Свидетельством таких контактов служит известное нам по договору Олега с Византией (911) существование постоянных колоний русских купцов в Константинополе. Торговый обмен с Византией находит отражение в большом количестве византийских

вещей, найденных на территории нашей страны. После христианизации усилились культурные связи с Византией.

Русские дружины, переплывая на кораблях Черное море, совершали набеги на прибрежные византийские города, а Олегу удалось даже взять столицу Византии — Константинополь (по-русски — Царьград). Менее удачным был поход Игоря.

Во второй половине X в. наблюдается некоторое русско-византийское сближение. Поездка Ольги в Константинополь, где она была дружески принята императором, укрепила отношения между двумя странами. Византийские императоры иногда использовали русские дружины для войн со своими соседями.

Новый этап отношений Руси и с Византией, и с другими соседними народами приходится на время княжения Святослава, идеального героя русского рыцарства. Святослав проводил активную внешнюю политику. Он вступил в столкновение с могущественным Хазарским каганатом, некогда взимавшим дань с территории Южной Руси. Уже при Игоре, в 913, 941 и 944 гг., русские дружинники совершали походы против Хазарии, добившись постепенного освобождения вятичей от уплаты дани хазарам. Решающий удар каганату нанес Святослав **(964—965)**, разгромив главные города каганата и захватив его столицу Саркел. Разгром Хазарского каганата привел к образованию из русских поселений на Таманском полуострове *Тмутараканского княжества* и к освобождению из-под власти каганата волжско-камских болгар, которые сформировали после этого свое государство — первое государственное образование народов Среднего Поволжья и Прикамья.

Падение Хазарского каганата и продвижение Руси в Причерноморье вызывали беспокойство у Византии. Стремясь взаимно ослабить Русь и Дунайскую Болгарию, против которой Византия вела агрессивную политику, византийский император Никифор II Фока предложил Святославу совершить поход на Балканы. Святослав одержал в Болгарии победу и захватил город Переяславец на Дунае. Этот результат был неожиданным для Византии. Возникала угроза объединения в одно государство восточных и южных славян, с которым Византии справиться уже не удалось бы. Сам Святослав говорил, что хотел бы перенести в Переяславец столицу своей земли.

Для ослабления русского влияния в Болгарии Византия использовала *печенегов*. Этот тюркский кочевой народ впервые упоминается в русской летописи под 915 г. Первоначально печенеги кочевали между Волгой и Аральским морем, а затем под давлением хазар перешли Волгу и заняли Северное Причерноморье. Главным источником богатства печенежской племенной знати были набеги на Русь, Византию и другие страны. То Руси, то Византии время от времени удавалось «нанимать» печенегов для нападений на другую сторону. Так, во время пребывания Святослава в Болгарии они, видимо по наущению Византии, совершили набег на Киев. Святославу пришлось срочно возвращаться, чтобы разгромить печенегов,

но вскоре он снова отправился в Болгарию; там началась война с Византией. Русские дружины сражались ожесточенно и храбро, однако силы византийцев слишком превосходили их по численности. В **971 г.** был заключен мирный договор: дружина Святослава получила возможность вернуться на Русь со всем своим вооружением, а Византия удовлетворялась лишь обещанием Руси не совершать нападений.

Однако по дороге, на днепровских порогах, видимо, получившие от Византии предупреждение о возвращении Святослава печенеги напали на него. Святослав погиб в бою, а печенежский князь Куря, по летописному преданию, сделал из черепа Святослава чашу и пил из нее на пирах. По представлениям той эпохи, в этом проявилось, как это ни выглядит парадоксально, уважение к памяти павшего противника: считалось, что воинская доблесть владельца черепа перейдет к тому, кто пьет из такой чаши.

Новая стадия русско-византийских отношений приходится на время княжения Владимира и связана с принятием Русью христианства. Незадолго до этого события византийский император Василий II обратился к Владимиру с просьбой помочь вооруженными силами в подавлении восстания полководца Варды Фоки, который захватил Малую Азию, угрожал Константинополю и претендовал на императорский престол. В обмен за помощь император обещал выдать за Владимира замуж свою сестру Анну. Шеститысячная дружина Владимира помогла подавить восстание, причем сам Варда Фока был убит, однако император не спешил с обещанным браком. Брак же этот имел важное политическое значение. Всего за несколько лет до того германскому императору Оттону II не удалось жениться на византийской принцессе Феофано. Византийские императоры занимали самое высокое место в феодальной иерархии тогдашней Европы, и женитьба на византийской принцессе резко поднимала международный престиж Русского государства. Чтобы добиться выполнения условий договора, Владимир осадил центр византийских владений в Крыму — Херсонес (Корсунь) и взял его. Императору пришлось выполнить свое обещание. Только после этого Владимир принял окончательное решение креститься, поскольку, победив Византию, он добился того, чтобы Руси не пришлось следовать в фарватере политики Византии. Русь стала в один ряд с крупнейшими христианскими державами средневековой Европы.

Это положение Руси нашло отражение в династических связях русских князей. Так, Ярослав Мудрый был женат на дочери шведского короля Олафа — Индигерде. Дочь Ярослава — Анна была замужем за французским королем Генрихом I, другая дочь — Елизавета стала женой норвежского короля Гаральда. Венгерской королевой была третья дочь — Анастасия. Внучка Ярослава Мудрого — Евпраксия (Адельгейда) была супругой германского императора Генриха IV. Один из сыновей Ярослава — Всеволод был

женат на византийской принцессе, другой сын Изяслав — на польской. Среди невесток Ярослава были также дочери саксонского маркграфа и графа Штаденского.

С Германской империей Русь связывали и оживленные торговые отношения. Даже на отдаленной периферии Древнерусского государства, на территории нынешней Москвы, была найдена относящаяся к XI в. свинцовая торговая пломба, происходящая из какого-то прирейнского города.

Постоянную борьбу Древней Руси приходилось вести с кочевниками. Владимиру удалось наладить оборону против печенегов. Но тем не менее их набеги продолжались. В 1036 г., воспользовавшись отсутствием в Киеве уехавшего в Новгород Ярослава, печенеги осадили Киев. Но Ярослав быстро вернулся и нанес жестокое поражение печенегам, от которого они так и не смогли оправиться. Их вытеснили из причерноморских степей другие кочевники — половцы.

Половцы (иначе — кипчаки или куманы) — тоже тюркская народность — еще в X в. жили на территории Северо-Западного Казахстана, но в середине X в. двинулись в степи Северного Причерноморья и Кавказа. После того как они вытеснили печенегов, под их властью оказалась огромная территория, которую называли Половецкой степью или (в арабских источниках) Дешт-и-Кипчак. Она простиралась от Сырдарьи и Тянь-Шаня до Дуная. Впервые половцы упоминаются в русских летописях под 1054 г., а в 1061 г. произошло первое столкновение с ними: «Придоша половци первое на Русьскую землю воевать». Вторая половина XI—XII в.— время борьбы Руси с половецкой опасностью.

Итак, Древнерусское государство было одной из крупнейших европейских держав и находилось в тесных политических, экономических и культурных отношениях со многими странами и народами Европы и Азии.

§ 6. КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И БЫТ КИЕВСКОЙ РУСИ

Для Киевской Руси был характерен высокий по средневековым меркам уровень культуры. *Славянская письменность*, созданная Кириллом и Мефодием во второй половине IX в., уже в **X в.** проникает на Русь. Так, договор 911 г. между Олегом и Византией был написан на двух языках — греческом и славянском. К середине X в. относится и первая русская кирилловская надпись на найденном во время раскопок в Гнездове (под Смоленском) обломке горшочка. В начале XI в. грамотность уже проникает в среду феодалов. Так, Ярослав Мудрый, по словам летописи, «книгам прилежа и почитая е (т. е. книги) часто в нощи и в дне». Он создал княжеские мастерские по переписке книг и переводу с греческого

языка на русский. Еще раньше Владимир, по сообщению летописца, «у нарочитой чади», т. е. у дружинников, собирал детей и «даяти нача на учение книжное». Летописец говорит, что матери этих детей «плакаху по них... акы по мртвеци», поскольку еще не утвердились в вере. Вероятно, из этих детей должны были готовить кадры будущих церковных иерархов. Поскольку православные епископы и архиепископы должны быть монахами, монах же официально считался «живым мертвецом», матери оплакивали судьбу своих детей, которым суждено было стать монахами.

«Почитание книжное» в Киевской Руси считалось престижным. Недаром летописец отмечает любовь к чтению (естественно, «священных» книг) как положительную черту Ярослава. Его дочь Анна, королева Франции, умела читать и писать (сохранилась ее подпись), в отличие от своего мужа, французского короля, ставившего вместо подписи крест. Подлинный гимн знанию, культуре можно найти в «Поучении Владимира Мономаха». Убеждая своих детей не лениться, Владимир Мономах советует им не забывать того «доброго», что они умеют, а чего не умеют, «тому ся учите», ставя в пример своего отца, который «дома седя, изумеяше 5 язык, в том бо честь есть от инех земель».

О широком распространении грамотности свидетельствуют владельческие записи на шиферных пряслицах, кувшинчиках и других ремесленных изделиях XI—XII вв., колодки с именами заказчиков, надписи на стенах церквей, наконец, новгородские берестяные грамоты, содержащие записи для памяти и письма, начиная с XI в.

К XI в. относятся первые дошедшие до нас русские книги. Книг, естественно, сохранилось не очень много. Средневековая культура была элитарной. Прежде всего исключительно дорог был материал для книг. Это был пергамен, специально выделанная кожа, на Руси — обычно телячья. Дороговизна материала побуждала писцов к особо тщательной, медленной работе. В древнерусских рукописях каждая буква не столько выписана, сколько даже нарисована, по строгим правилам — уставу. Отсюда и название основного типа русского письма XI—XIII вв.— устав. Заказчиками книг могли быть только самые богатые люди, поэтому не жалели средств на украшения, великолепные иллюстрации, заставки разных цветов с использованием золота, изысканные и затейливые инициалы. Среди древнейших дошедших до нас русских рукописей — «Изборники» 1073 и 1076 гг., сделанные для сына Ярослава Мудрого князя Святослава. В «Изборниках» собрано много разнообразных произведений — религиозных, философских, поучительных и т. д.

К XI в. относится и зарождение русской *литературы.* В первой половине XI в. (по мнению ряда ученых — в конце X в.) возникает русское *летописание.* Древнейшая дошедшая до нас летопись, основанная на предшествующих текстах, — «Повесть временных лет» была создана около 1113 г. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, у которого было, однако, немало предшественников.

Основная идея «Повести временных лет» глубоко патриотична — единство русской земли. Летописец безоговорочно осуждает княжеские усобицы и кровавые распри. Разумеется, мировоззрение его — феодальное. Князь для него — носитель высшей идеи законности, дружинники — его боевые друзья.

Нестор был одним из крупнейших древнерусских писателей. Ему принадлежит «Житие» основателя Киево-Печерского монастыря Феодосия, наполненное множеством реалистических бытовых деталей. В частности, описывая мать Феодосия, которая негодовала на христианское смирение и аскетизм сына, Нестор пишет, что она была «телом крепка и сильна, яко же и муж», и замечает, что тот, кто только слышал ее голос, а не видел ее, мог подумать, что это говорит мужчина.

Другое произведение Нестора — одно из первых *житий* — Бориса и Глеба — «Чтение о житии и о погублении» этих князей. Внимание древнерусских авторов к житиям собственно русских, а не византийских «святых» было связано со стремлением подчеркнуть самобытность, самостоятельность своей страны, с ростом национального самосознания.

Подъем национального чувства ярко проявился в деятельности Илариона, первого киевского митрополита — русского, а не византийца по происхождению. В своем «Слове о законе и благодати» (ок. 1049), написанном, видимо, тогда, когда Иларион еще был священником, он восхваляет не только князя Владимира, крестившего Русскую землю (это, как будто, основная задача произведения), но и всю Русскую землю, которая «ведома и слышима есть всеми четырьми концы земли». Не только христианин Владимир, но и язычники — «старый Игорь» и «славный Святослав» прославляются им как мужественные воины, известные «в странах многах».

Новый жанр представляло собой «Хождение» игумена Даниила — описание его путешествия в «святую землю» Палестину, совершенного в 1106—1108 гг. «Игумен Данил Русския земля», как себя называет автор, подробно описывает природу Палестины, христианские реликвии. В своих описаниях он неизменно стремится к особой точности, приводя в саженях и даже пядях размеры тех или иных сооружений. Даниил чувствовал себя в Палестине представителем всей Руси, от имени Русской земли он поставил свое «кандило» у так называемого «гроба господня».

Высокого уровня достигла в Киевской Руси и *архитектура*. К сожалению, памятники древнерусского деревянного зодчества до наших дней не сохранились. Немного дошло и каменных сооружений, поскольку значительная их часть была разрушена во время Батыева нашествия. Каменное строительство началось на Руси в конце X в. после принятия христианства. На Руси не было еще опыта возведения каменных построек, а потому первые сооружения из камня были возведены приезжими византийскими мастерами.

Уже в 989 г. князь Владимир заложил в Киеве так называемую Десятинную церковь, посвященную Успению богородицы. Десятинной она называлась потому, что на ее содержание была отпущена церковная десятина, т. е. десятая часть доходов князя. Строительство было завершено в 996 г. Она рухнула во время Батыева нашествия в 1240 г. и долго стояла в руинах, пока на ее месте в XIX в. не возвели новую церковь. Раскопки Десятинной церкви позволили выяснить, что это было мощное сооружение, воздвигнутое из тонкого кирпича — плинфы с вкраплениями из дикого камня, украшенное резным мрамором, мозаикой, глазурованными керамическими плитами, фресками. Полагают, что храм был многокупольным. Рядом с Десятинной церковью были воздвигнуты здания княжеского дворца, от которого до наших дней сохранились только фундаменты.

Византийскими же архитекторами при Ярославе Мудром, вероятно, ок. 1037 г. был построен сохранившийся до наших дней (впрочем, значительно перестроенный снаружи) Софийский собор в Киеве. Строительство собора, посвященного имени Софии, имело важное политическое значение: ведь собор св. Софии был главным храмом Константинополя. Киев тем самым как бы провозглашал свое равенство с Константинополем. Софийский собор — замечательный памятник не только зодчества, но и изобразительного искусства. Великолепные мозаики прекрасно сохранились во внутренних помещениях собора. Мозаичным был и пол. Очень интересны и фрески, часть которых, возможно, принадлежит уже русским мастерам или, во всяком случае, написана на русские сюжеты. Так, здесь изображены семья Ярослава Мудрого, бытовые сцены (борьба ряженых, охота на медведя и т. д.).

Киев окружали деревянно-земляные укрепления, однако в деревянной стене были построены в 30-х гг. XI в. каменные Золотые ворота с надвратной церковью Благовещенья, которая была украшена и мозаикой и фресками. Остатки ворот сохранились до наших дней. Также в XI в., уже после киевского Софийского собора, были построены храмы в Полоцке, Чернигове, Вышгороде, киевских монастырях — Выдубицком и Киево-Печерском.

Самым замечательным из этих произведений искусства является Софийский собор в Новгороде (1045—1050). Хотя существует явная преемственность между двумя Софиями — Киевской и Новгородской, более того, высказывается предположение, что оба храма построила одна и та же артель мастеров, между ними есть существенные различия: в архитектурном облике Новгородской Софии уже угадываются некоторые черты будущего новгородского архитектурного стиля. Этот храм значительно строже киевского. Вместо живописно раскинувшихся 13 глав киевского собора здесь всего пять куполов, расположенных в четком симметричном порядке. Гораздо мощнее несколько мрачноватые стены, сложенные не из кирпича, а из местного известняка. В интерьере нет ярких мозаик,

а только фрески, опять-таки более суровые и спокойные. София стала символом Великого Новгорода. Недаром говорили: «Къде святая София, ту Новгород».

Большие успехи были достигнуты в *металлообработке*. Русские кузнецы из железа, которое «варили» в небольших домницах, изготавливали всевозможные сельскохозяйственные орудия, свой собственный кузнечный инструментарий — молоты, клещи и т. д., гвозди. Приступили и к изготовлению собственного оружия. Хотя большая часть мечей дружинников была привозной из Западной Европы, довольно рано появились рукояти из меди особого, специфически русского типа. К середине XI в. относится и первый известный меч с русской надписью: «Людота коваль» (т. е. кузнец Людота). Русские мечи в XI в. встречаются в Прибалтике, Финляндии и Скандинавии. Следовательно, они уже появились на мировых рынках. Изготовлялись и русские сабли.

Высокого развития достигло *гончарное искусство*. В X в. появляется гончарный круг. Великолепные шиферные пряслица (грузики для веретен) распространяются по всей стране.

Велики были достижения древнерусских *ювелиров*. Русские златокузнецы изготовляли разнообразные украшения — серьги, подвески-колты, кольца, ожерелья и т. д. Использовалась очень сложная техника. Многие украшения выполнены в технике зерни, когда на изделие напаивался узор, состоящий из множества, порой тысяч, мельчайших шариков. Применяли также скань: орнамент или рисунок наносили тонкой золотой или серебряной проволокой, которую также напаивали на металлическую поверхность. Скань сочеталась с эмалью: промежутки между сканными перегородками заполняли разноцветной эмалью; получалась так называемая перегородчатая эмаль. Более дешевой была выемчатая эмаль: краской заполнялись выемки в литых изделиях. В древнерусских кладах находят большое количество ценных ювелирных украшений.

Характерной чертой русского *быта* периода Древнерусского государства было возникновение существенной разницы между образом жизни феодальных верхов и основной массы населения. Крестьяне жили в небольших домах. На юге, в лесостепной зоне, это были полуземлянки (т. е. жилища, пол которых был ниже уровня почвы) с земляными полами, с покрытой сверху слоем земли крышей, концы которой подчас опускались до самого низа. На севере это были срубные, наземные постройки, с деревянными полами. Печи бывали то глинобитными, то каменными, но еще не кирпичными, топились они по-черному. Окна были маленькими. Иными были жилища горожан. Даже на юге почти не встречались полуземлянки. Стояли, как правило, срубы, нередко двухэтажные, причем нижний этаж был часто хозяйственным, а верхний — жилым. На юге первый этаж иногда был углублен в землю. Здания состояли подчас из нескольких комнат.

Совсем иными были жилые помещения знати. На территориях

обширных боярских усадеб площадью от 250 до 1000 и более квадратных метров стояли боярские дворы, избы для слуг, холопов, ремесленников. Боярские и княжеские хоромы представляли собою целый комплекс срубных построек, соединенных сетью затейливых переходов, с галерейками, крыльцами и с почти обязательным теремом — деревянной башней. Были и каменные княжеские дворцы.

Основным видом одежды и мужчин, и женщин, и знати, и непривилегированных слоев общества была рубаха: длиннее у женщин, короче у мужчин, из дорогих тканей у знати, домотканая («власяница») у простых людей, с вышивкой у женщин. Кроме рубахи, мужчины носили под рубахой узкие длинные штаны — «порты», а женщины поверх рубахи юбку. Верхней одеждой у простых людей была свита — длинное, плотно облегающее одеяние. Носили также разнообразные плащи. Плащи знати были из дорогих, часто восточных материй, парчовые, шитые золотом. Княжеские плащи — «корзно» — длинные, застегивающиеся на одном плече дорогими золотыми застежками, часто с драгоценными камнями. Простые шубы — «кожухи», достаточно защищавшие от холода, носили крестьяне и ремесленники. Знать носила дорогие кожухи, шитые золотом, из дорогих мехов.

Лапти — лыченицы были крестьянской обувью, кожаная у них встречалась редко. Горожане чаще носили кожаную обувь: сапоги или туфли — поршни. Но у знати «черленые сапоги» (их упоминает Даниил Заточник) были из дорогой кожи, покрытые инкрустацией, подчас даже с золотой вышивкой, как, например, у галицкого князя Даниила.

Развлечением знати была охота («ловы») и богатые дружинные пиры, на которых, кроме обильного местного угощения, встречались и «овощеве (т. е. фрукты) разноличные» из южных краев. Столы были уставлены дорогой посудой, не только кубки, но и ложки были серебряными, деревянными же есть было непрестижно даже рядовым дружинникам. Значительно менее изысканными были общинные пиры-братчины. Однако и на тех, и на других обязательными гостями были скоморохи. Церковь тщетно выступала против «играния и бесовского пения» на «мирских» пирах и вынуждена была лишь советовать священникам уходить с пиров своих прихожан, если такое «играние» должно начаться.

Христианство еще не смогло глубоко проникнуть в мировоззрение феодалов и народных масс. Языческие обряды по-прежнему существовали под слоем новых, христианских. Даже церковный брак не всегда был обязательным. Известны случаи многоженства среди князей-христиан. Так, князь Ярослав Осмомысл даже завещал престол своему сыну от наложницы.

«Отцы духовные» редко были примером высокой нравственности для своих прихожан. Речь идет не только о людях вроде ростовского епископа Федора (летописец презрительно называет

его «Феодорцем»), который прославился тем, что ограбил множество людей, был мучителем, «головы порезывая и бороды, иным же очи выжигая и язык урезая, а иныя распиная по стене и муча немилостиве: именья бо бе несыт акы ад, хотя исхитити от всех именье». Феодорец, конечно, был исключением. Но мздоимец в епископском облачении встречался более или менее часто. Недаром в начале XIII в. летописец, желая доказать особую святость епископа Пахомия, отметил как его особые качества то, что он был не волк и не похищал «от чюжих домов богатства».

Ограниченное влияние христианства прослеживается и в живучести старых, дохристианских имен. В языческую эпоху народными славянскими именами были либо так называемые двуосновные имена (типа Всеволод, Святослав, Ярослав, Ратибор, Остромир, Житомир и т. п.), которые носили в основном князья и верхушка знати, либо имена остальной части населения, которыми могли становиться любые существительные, прилагательные и их сочетания (Добрыня, Перенег, Сновид, Волчий Хвост и т. д.). Крещение непременно включает в себя наречение именем, причем употребляется обязательно имя одного из христианских святых. Тем не менее многие люди как XI в., так и более позднего времени, хотя получили при крещении христианские имена, в быту именовались «мирскими», нехристианскими. Это касалось и князей, большинство из которых были известны как Ярославы, Всеволоды, Рюрики, Мстиславы и т. д. «Мирские» имена встречались даже в среде духовенства, которое, казалось бы, должно было быть настроено непримиримо к отступлениям от церковных порядков. Так, в 1047 г. в Новгороде Великом переписал церковную книгу местный священник, который сам в записи писца назвал себя мирским и весьма неблагозвучным именем — Упирь Лихой.

Глава III

УДЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД

§ 1. ПЕРЕХОД К УДЕЛЬНОМУ ПЕРИОДУ, ЕГО ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРИЧИНЫ

На рубеже **XI—XII вв.** единое Древнерусское государство распалось на целый ряд отдельных полусамостоятельных княжеств и земель. Начинается период феодальной раздробленности, или, по определению историков XIX века, удельный период в отечественной истории. Ему предшествовали острые междукняжеские усобицы. Для этого времени усобицы, как правило, кончались победой одного, наиболее сильного из князей и поражением, а то и гибелью остальных.

Иной характер носили междукняжеские отношения после смерти Ярослава Мудрого **(1054)**. Его наследниками были пятеро оставшихся к тому времени в живых сыновей: Изяслав, Святослав, Всеволод, Игорь и Вячеслав.

Русскую землю Ярослав разделил между тремя старшими сыновьями (Игорь и Вячеслав получили менее существенные, чем остальные, земли, Владимир-на-Волыни и Смоленск, и оба вскоре умерли), создав своего рода триумвират Ярославичей. Изяслав как старший получил Киев, Великий Новгород и Туровское княжество, Святослав — Черниговскую землю, землю вятичей, Рязань, Муром и Тмутаракань, а Всеволод — Переяславль Киевский, Ростово-Суздальскую землю, Белоозеро и Поволжье. Это распределение было на первый взгляд странным: ни у одного из братьев не было какого-то одного, большого княжества, земли были расположены чересполосно. Более того, Святослав, которому достался находящийся севернее Киева Чернигов, получил южные земли в северо-восточной части Руси. Всеволод же, в чьих руках был Переяславль Киевский (южнее Киева), владел северной частью земель Восточной Руси. Вероятно, таким образом Ярослав пытался преодолеть возможность будущего раздробления, стремился создать условия, при которых братья зависели бы друг от друга и не могли править самостоятельно.

На первых порах триумвират Ярославичей был действенным: они вместе боролись против Ростислава Владимировича, захватившего Тмутаракань. Впрочем, он был вскоре отравлен византийским агентом: Византия боялась усиления русского влияния на Кавказе.

Единым фронтом Ярославичи боролись против Всеслава полоцкого, который в 1065 г. попытался захватить Псков, а затем и Новгород.

Ярославичи, выступив против Всеслава, в 1067 г. взяли Минск, «исекоша (изрубили) муже, а жены и дети вдаша на щиты (увели в плен)», а затем встретились с Всеславом в битве на реке Немиге. Всеслав был разгромлен и, понадеявшись на скрепленное клятвой — целованием креста — обещание братьев «не сотворим ти зла», прибыл для переговоров. Однако Ярославичи схватили Всеслава и отвезли его в Киев, где посадили в «поруб» — подземную тюрьму.

События последующих лет привели к распаду триумвирата. В **1068 г.** на р. Альте (неподалеку от Переяславля Киевского) половцы разбили Ярославичей. Киевляне потребовали оружия, чтобы самим обороняться против кочевников, но Изяслав побоялся вооружать горожан. Началось восстание, Изяслав и его брат бежали, а князем был провозглашен Всеслав. Святослав вскоре наголову разгромил половцев, а Изяслав с помощью польских войск подавил восстание в Киеве, десятки горожан были казнены, многие ослеплены. Вскоре (1073) вспыхнули усобицы между Ярославичами, в них участвовали

уже и внуки Ярослава. В битве на Нежатиной ниве (1078) погиб Изяслав, великим князем стал Всеволод.

После его смерти (1093) на престол вступил сын Изяслава — Святополк. Однако бесконечные усобицы продолжались. В **1097 г.** в Любече по инициативе сына Всеволода — переяславского князя Владимира Мономаха собрался княжеский съезд. Князья выразили сожаление по поводу усобиц, идущих на пользу только половцам, которые «землю нашу несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати», решили быть отныне единодушными («имемся въ едино сердце») и установили совершенно новый принцип организации власти на Руси: «*Кождо да держить отчину свою*». Таким образом, Русская земля больше не считалась единым владением всего княжеского дома, а была совокупностью отдельных «отчин», наследственных владений ветвей княжеского дома. Установление этого принципа юридически закрепляло уже начавшееся разделение Русской земли на отдельные княжества — «отчины», закрепляло феодальную раздробленность.

Однако разделить землю князьям было легче, чем стать единодушными. В том же 1097 г. внуки Ярослава Давыд и Святополк заманили к себе и ослепили теребовльского князя Василька, а затем вступили в войну друг с другом. Начался новый виток феодальной войны. Во время этих кровавых усобиц истребляли друг друга не только князья. Театром военных действий была вся Русская земля. На помощь князья привлекали иностранные военные силы: и поляков, и половцев, и торков, и черных берендеев.

На некоторое время, однако, усобицы остановились благодаря деятельности Владимира Мономаха. Обстоятельства его появления на киевском престоле были таковы. В **1113 г.** в Киеве умер великий князь Святополк Изяславич. При жизни он был весьма непопулярен: неразборчивый в средствах для обогащения, он спекулировал солью и хлебом, покровительствовал ростовщикам. Его смерть ознаменовалась мощным народным восстанием. Киевляне разгромили двор близкого к Святополку тысяцкого[1] Путяты и дворы ростовщиков. Киевские бояре обратились с просьбой занять великокняжеский престол к Владимиру Всеволодовичу Мономаху. Этот шестидесятилетний князь, внук по женской линии византийского императора Константина Мономаха (отсюда его прозвище) пользовался заслуженной популярностью на Руси. Вдохновитель и руководитель многих походов против половцев, человек, который на княжеских съездах настойчиво выступал против усобиц, широко образованный, литературно одаренный, он был именно той личностью, которая могла уменьшить недовольство низов. И в самом деле, став киевским князем, Владимир Мономах значительно

---

[1] *Тысяцкий* — назначаемый князем или выборный глава городского управления и предводитель ополчения.

облегчил положение закупов, дав им право уходить от своего господина, чтобы заработать денег и вернуть «купу», ввел ответственность за обращение закупа в полного холопа, снизил максимальный ростовщический процент для долговременных ссуд с 33 до 20 процентов и запретил превращать свободных в холопы за долги. Княжение Владимира Мономаха **(1113—1125)** и его сына Мстислава Великого **(1125—1132)** были временем восстановления единства Древнерусского государства.

Однако центробежные силы оказались непреодолимыми. *Феодальная раздробленность наступила.* Нельзя представлять себе феодальную раздробленность как некую феодальную анархию. Более того, княжеские усобицы в едином государстве, когда речь шла о борьбе за власть, за великокняжеский престол или те или иные богатые княжения и города, были порой более кровопролитными, чем в период феодальной раздробленности. Произошел не распад Древнерусского государства, а превращение его в своеобразную федерацию княжеств во главе с великим князем киевским, хотя власть его все время слабела и была скорее номинальной. Отношения между князьями регулировались существовавшим тогда обычным правом и заключавшимися между ними соглашениями. Цель усобиц в период раздробленности была уже иной, чем в едином государстве: не захват власти во всей стране, а укрепление своего княжества, расширение его границ за счет соседей.

Процесс феодального раздробления некогда обширной империи характерен не только для Руси, а для всех стран Европы и Азии. Это объективный процесс, связанный с общим ходом как экономического, так и социально-политического развития. Древнерусское государство никогда не было до конца единым. При общем господстве натурального хозяйства не существовали и не могли существовать прочные экономические связи между отдельными землями. С другой стороны, было бы неверным считать, что они были экономически полностью обособлены друг от друга.

Кроме того, при сознании единства Русской земли в Киевской Руси продолжали существовать остатки племенной обособленности. Так, автор «Повести временных лет» с иронией говорит об ильменских славянах, с пренебрежением о древлянах, кривичах, вятичах, радимичах и только племенной союз полян, к которому он сам принадлежал, характеризует самым лестным образом: «мужи мудри и смыслени». Остальные же «племена», по его словам, жили «звериньским образом», «скотьски».

Однако ни отсутствие прочных экономических связей, ни племенная рознь не воспрепятствовали в IX в. объединению восточнославянских племенных союзов в единое государство и на протяжении почти трех веков не приводили к его распаду. Причины перехода к феодальной раздробленности следует искать прежде всего в появлении и распространении феодального землевладения не только княжеского, но и частного, возникновения *боярских сел.*

Основой экономической мощи господствующего класса становится теперь не дань, а эксплуатация феодально-зависимых крестьян внутри боярских вотчин. Этот процесс постепенного оседания дружины на землю заставлял и князя быть менее подвижным, стремиться укрепить свое собственное княжество, а не переходить на новый княжеский стол.

Другими причинами перехода к феодальной раздробленности были рост городов и развитие отдельных земель, что делало их более независимыми от Киева. Вместо одного центра появляется несколько.

Количество княжеств постоянно менялось, так как каждое из них в ходе семейных разделов распадалось на новые. С другой стороны, встречались и случаи, когда соседние княжества объединялись. Поэтому можно перечислить лишь главные из княжеств и земель: Киевское, Переяславское, Турово-Пинское, Полоцкое, Галицкое и Волынское (объединившиеся впоследствии в Галицко-Волынское), Ростово-Суздальское (впоследствии — Владимиро-Суздальское). Особняком стояла Новгородская земля с ее республиканским строем. В XIII в. из нее выделилась Псковская земля, также республиканская.

Из большого числа княжеств, на которые распалось Древнерусское государство, наиболее крупными были Владимиро-Суздальское, Галицко-Волынское княжества и Новгородская земля. Развиваясь как феодальные государства, эти образования представляли по сути своей разные виды государственности, возникшие на обломках Киевской Руси. Для Владимиро-Суздальского княжества стала характерной сильная княжеская власть, генетически связанная с утвердившимся позднее на северо-востоке самодержавием. В Новгородской земле установился республиканский строй: вече и боярство здесь доминировали над князем, которого нередко изгоняли из города — «указывали путь». Для Галицко-Волынского княжества было свойственно противостояние традиционно сильного боярства и княжеской власти. При определяющем значении государства в отечественной истории эти различия оказали существенное влияние на развитие, поскольку оказались связанными с реальными возможностями власти определять исторические судьбы этих регионов.

Вместе с тем с наступлением феодальной раздробленности не было утрачено сознание единства Русской земли. Удельные княжества продолжали жить по законам Пространной Правды, с единым митрополитом, в рамках своеобразной федерации, способной даже к совместной обороне границ. Позднее этот фактор станет играть важную роль в процессе собирания земель вокруг нескольких княжеств-центров, претендующих на киевское наследие.

Феодальная раздробленность — естественный этап в развитии феодализма. Она способствовала выделению и развитию новых центров, упрочению феодальных отношений. Но, как всякое

историческое движение, оно имело и негативные стороны: с ослаблением, а затем крушением единства падала способность этноса эффективно противостоять внешней опасности.

§ 2. РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ В XI—XIII вв.

Расположенная на северо-востоке от Приднепровья Ростово-Суздальская земля (иначе ее часто называют Северо-Восточной Русью) была далекой окраиной Древнерусского государства. Здесь первоначально жили угро-финские (мордва, меря, мурома) и балтские (в западной части) племена. Лишь на рубеже IX—X вв. с северо-запада сюда начинают проникать ильменские словене, а с запада — кривичи, на рубеже X—XI вв.— вятичи, которые упорно не подчинялись власти Древнерусского государства. Владимир Мономах в своем поучении детям одним из своих подвигов называл то, что он прошел «сквозе вятичи».

От остальной части Древнерусского государства эту землю отделяли густые и труднопроходимые леса. В летописях зарегистрирован даже неожиданно комический эпизод междукняжеских усобиц, когда уже позднее, в XIII в., в районе Москвы войска двух враждебных князей не нашли друг друга— «минустася в лесех», и битва не состоялась. Край этот потому часто назывался «Залесским».

Первоначальной столицей этой земли был Ростов, первые достоверные сведения о котором относятся к рубежу X—XI вв. Находившаяся за лесом территория носила название Ополье. Земля здесь была, быть может, не так плодородна, как приднепровский чернозем, но все же давала достаточно устойчивые урожаи. Поскольку население здесь было до прихода славян очень редким, земля не была особенно ценной. Ценилась «роспашь», земля, с большим трудом отвоеванная крестьянином у леса, окультивированная и уже населенная крестьянами. Здесь было много угодий — рыбных, сенокосных, бортных, соляные промыслы.

В XI—XII вв. широким потоком идет *колонизационное движение* из Юго-Западной Руси и из Новгородской земли в эти края. Память об этом движении сохранилась во многих географических названиях. Так, киевскому Переяславлю (ныне — Переяславль-Хмельницкий), стоящему на реке Трубеж, соответствуют Переяславль-Залесский и Переяславль-Рязанский (ныне — Рязань), в которых тоже протекают реки под названием Трубеж. Реки под названием Лыбедь можно найти в Киеве и в Старой Рязани: это явный перенос названия притока Днепра неподалеку от Киева. В Заволжье, недалеко от Костромы, издавна существует город Галич: возможно, его название не случайно совпадает с Галичем на Днестре.

Колонизационный поток славянства из Приднепровья был вызван, видимо, рядом причин. На первое место обычно ставят

усиление половецкой опасности. Многочисленные набеги половцев на города и села лесостепной зоны делали крайне рискованным занятие земледелием. Но возможны и некоторые другие причины. Экстенсивная система земледелия, характерная для раннего средневековья, время от времени создавала относительную перенаселенность, появлялось некоторое избыточное народонаселение. Именно так было в свое время заселено славянами Приднепровье. Теперь этот колонизационный процесс продолжался. Кроме того, оседание дружины на землю, создание боярских сел-вотчин ухудшало положение крестьянства. Ответом на усиление феодальной эксплуатации и мог явиться уход в Северо-Восточную Русь, где боярские вотчины стали появляться лишь во второй половине XII в.

Отток населения на северо-восток привел не только к увеличению здесь сельского населения, но и к возникновению новых городов. Помимо двух Переяславлей и Галича, там в XI в. появляется основанный Ярославом Мудрым Ярославль. Тогда же впервые упоминается Суздаль. В 1108 г. Владимир Мономах основывает на реке Клязьме Владимир (чтобы отличить его от Владимира на Волыни его часто называли Владимир Залесский).

В этих основанных по инициативе князя городах вечевые порядки не были прочными и не могли эффективно противостоять воле князя. В большей зависимости от правителя находилось и боярство, появившееся на северо-востоке вместе с князем или им позднее призванное. Все это способствовало быстрому возвышению княжеской власти.

Ростово-Суздальская земля, попавшая по разделу между Ярославичами в руки Всеволода, оставалась и дальше под властью его потомков — сначала Владимира Мономаха, а затем его сына Юрия Долгорукого, при котором фактической столицей княжества стал Суздаль. Вряд ли свое прозвище этот князь получил за особенности своего телосложения. Вероятней другое: свои «долгие» (т. е. длинные) руки он из Суздаля протягивал в самые разные концы Русской земли, активно участвуя в различных княжеских междоусобицах. Полем его деятельности была вся Русь: он стремился к захвату Новгорода и вмешивался в междукняжеские отношения даже в далекой Галицко-Волынской земле. Но главной целью его устремлений был киевский великокняжеский престол. Ему удалось захватить Киев дважды — в 1149 и в 1155 гг. После 1155 г. он уже не покидал Киева, отправив в Суздаль одного из своих младших сыновей — Василька. Юрий Долгорукий держал себя в Киеве так, что киевляне под конец говорили, что им с ним «не ужити». Его смерть в **1157 г.** (есть сведения о том, что он был отравлен) привела к мощному народному восстанию против его приближенных: «избивахуть суждалци по городом и селом», сообщает летописец.

С именем Юрия Долгорукого часто связывают основание Москвы. Действительно, Юрий основал немало городов на границах своего княжества. Он упоминается также в первом летописном

известии о Москве в **1147 г.**, когда он избрал ее местом встречи со своим троюродным братом и временным союзником в феодальной войне чернигово-северским князем Святославом Ольговичем. Под 1156 г. в летописи находим сообщение о том, что Юрий Долгорукий «заложи град Москов». Однако археологические данные свидетельствуют, что городское поселение на месте Москвы существовало уже на рубеже **XI—XII вв.**, а городские укрепления, построенные в 1156 г., были не первой московской крепостью. К тому же в 1156 г. Юрий Долгорукий находился в Киевской земле, и, таким образом, строительство и этой датированной московской крепости не было результатом его непосредственной деятельности.

С именами сыновей Юрия Долгорукого Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо связан политический и экономический подъем Северо-Восточной Руси. Андрей Боголюбский по своей психологии был уже типичным князем времени феодальной раздробленности. Его вначале мало интересовала Киевская земля. Получив в ней от отца в качестве удела Вышгород, он не захотел там остаться и, нарушив отцовскую волю, бежал в далекий залесский край, прихватив с собой «чудотворную» икону Божьей матери, писанную, по преданию, самим апостолом-евангелистом Лукой, а в действительности — замечательное произведение византийского искусства первой половины XII в. Ни старинный центр Северо-Восточной Руси Ростов, ни отцовская столица — тоже достаточно старый город Суздаль не привлекали Андрея. Он решил поселиться в одном из новых городов, полвека тому назад основанном Владимире. Здесь менее сильны были вечевые традиции и оставалось больше простора для княжеского самовластия. И вот неподалеку от Владимира лошади, которые везли икону Богородицы в Ростов, центр епархии, внезапно остановились. Никакие понукания не могли заставить их двинуться. Богородица сама «решила» избрать местом своего пребывания Владимир и даже сообщила об этом во сне самому Андрею. С тех пор эта икона именуется Владимирской Божьей матерью. На месте, где остановились лошади, был основан княжеский замок Боголюбов, ставший загородной резиденцией Андрея. Отсюда и его прозвание — Боголюбский.

Андрей был известен на Руси как храбрый и удачливый воин, талантливый полководец и самовластный государственный деятель. Современники отмечают заносчивость Андрея («исполнився высокоумья», «разгордевся вельми»), его вспыльчивость. Созданию такого впечатления способствовал и внешний облик князя: его голова всегда была высоко поднята, и он не мог ее склонить ни перед кем, даже если бы очень захотел: как показало уже в наши дни анатомическое исследование его скелета, у него были сросшимися два шейных позвонка.

Время Андрея Боголюбского — время весьма активной политики владимиро-суздальского князя. Он ведет успешную войну с Волжско-Камской Болгарией (1164), и в честь одержанной победы

по его приказанию неподалеку от Боголюбова воздвигают замечательную церковь Покрова богородицы на реке Нерли. Андрея называли «самовластцем» Суздальской земли. Но этого ему было мало. Он стремился овладеть и великокняжеским престолом, и Новгородом. В 1169 г. войска Андрея под предводительством его сына Мстислава взяли Киев и учинили там страшную резню. Город был сожжен, горожане частью уведены в плен, частью истреблены. «Взяша имения множества», были ограблены церкви. «Бысть в Киеве,— говорит летописец,— на всих человецех стенание и туга и скорбь неутешимая и слезы непрестаньныя».

Однако, подчинив себе Киев и получив официально титул великого князя киевского, Андрей, в отличие от своего отца, не переехал туда. Его целью было укрепление своего, Владимиро-Суздальского княжества. Борьба за подчинение Новгорода, которого он, по его собственным словам, «хотел искати... и добром и лихом», была менее успешной. Войска Андрея и его союзников в 1169 г. дважды подряд потерпели поражение от новгородцев. Суздальских пленных оказалось так много, что их продавали по невероятно дешевой цене. И все же Андрею удалось установить свое влияние в Новгороде. Не военной силой, а запретив в голодный неурожайный год вывозить из суздальских пределов хлеб в Новгородскую землю.

Предметом особых забот Андрея Боголюбского было повышение роли Владимиро-Суздальского княжества в общерусской политике и его значительное обособление. Этому способствовало превращение Божьей матери Владимирской в небесную покровительницу княжества. Установление богородичного культа как основного во Владимиро-Суздальской земле как бы противопоставляло ее Киевской и Новгородской землям, где основным был культ св. Софии. Развернутое при Андрее Боголюбском мощное каменное строительство также призвано было подчеркнуть могущество и суверенность княжества. Андрей пытался найти во Владимиро-Суздальской земле и собственного святого — ростовского епископа Леонтия, хотя добиться его канонизации в то время не удалось. Пытался Андрей установить во Владимире и отдельную от Киева, подчиняющуюся непосредственно Константинополю митрополию. Кандидатом на митрополичий престол был упомянутый выше местный епископ Федор. Создание двух митрополичьих кафедр на Руси означало бы новый шаг по пути феодальной раздробленности. Однако константинопольский патриарх не согласился на эту просьбу Андрея, а позволил ему лишь перенести епископский престол из старого Ростова в новую княжескую резиденцию — Владимир.

Андрей с большой подозрительностью относился к окружающим. Не только стремление опереться на горожан, но и опасение, с которым он относился к слишком независимым суздальцам, еще собиравшим вече, побудили Андрея перебраться во Владимир. Но

и во Владимире ему неуютно, и он большую часть времени проводил в Боголюбове, в мощном каменном замке, окруженный лишь верными придворными и рабами. Но именно в их среде родился заговор, приведший к гибели Андрея (1174). Вряд ли этот заговор был следствием тех или иных серьезных социальных противоречий — речь шла о дворцовом перевороте, о борьбе претендентов на власть. Убийцы, среди которых были личные слуги Андрея, ночью ворвались в спальню и изрубили князя мечами.

Военные предприятия и строительство стоили очень больших средств и вызывали увеличение поборов с населения. Вот почему смерть князя была воспринята и в Боголюбове и во Владимире, да и в окрестных селах, как радостное событие, как сигнал к выступлению против угнетателей. Боголюбцы разграбили княжеский дом, убили многих мастеров, привезенных им для строительства, в его селах и волостях были убиты посадники и тиуны, избиты младшие члены дружины.

Борьба за власть между младшими братьями Андрея после его смерти завершилась победой одного из них — Всеволода Юрьевича по прозвищу Большое Гнездо **(1176)**. Вероятно, Большим Гнездом его назвали во второй половине XIII в., если не в XIV в., когда во всех, за исключением Рязани, княжествах Северо-Восточной Руси на княжеских столах сидели его потомки.

Всеволод вступил на престол совсем молодым, 22-летним человеком (он был на 40 с лишним лет моложе своего брата Андрея) и княжил 36 лет. Он продолжал политику Андрея Боголюбского. Так же успешно он воевал с Волжско-Камской Болгарией, совершил несколько удачных походов в Рязанское княжество и добился его подчинения своей воле. Во Владимиро-Суздальской земле он правил, фактически единовластно, приостановив на время ее распад. Всеволод был самым могущественным из князей Русской земли. Он считался Великим князем Киевским, но с его времени появился и титул Великого князя Владимирского. Правда, подчинения Новгорода ему не удалось добиться, но его влияние сказывалось не только в ближайшей Черниговской земле, но и в Киеве, и в далеком Галицко-Волынском княжестве.

Однако центробежные силы были непреодолимы. Уже при жизни Всеволод начал выделять уделы сыновьям. После его смерти **(1212)** единое до того Владимиро-Суздальское княжество оказалось разделенным по меньшей мере на 7 княжеств: собственно Владимирское, включавшее и Суздаль, Переяславское с центром в Переяславе-Залесском (в него входили также Тверь, Дмитров, Москва), Ярославское, Ростовское, Углицкое, небольшое Юрьевское с центром в Юрьеве-Польском и окраинное Муромское.

Всеволод завещал владимирский великокняжеский престол не старшему своему сыну, а второму — Юрию. Старший, ростовский князь Константин чувствовал себя обойденным и вступил в борьбу. Союзником Юрия был другой брат — Ярослав, владевший Переяс-

лавлем-Залесским. Константин пользовался поддержкой Новгорода Великого. Дело в том, что Ярослав, сидевший на новгородском престоле, нарушал права новгородцев, незаконно расправлялся со своими политическими противниками, сторонниками сидевшего перед ним на новгородском столе торопецкого князя Мстислава Мстиславича Удалого. Ярославу пришлось уйти из Новгорода, но он, чтобы принудить новгородское боярство к покорности, загородил в Торжке дорогу «низовому» хлебу — хлебу из Владимиро-Суздальской Руси, что в условиях неурожайного года создавало угрозу голода. После этого вспыхнула война. В Липицкой битве **(1216)** неподалеку от Юрьева-Польского новгородское ополчение во главе с Мстиславом Удалым и при участии князя Константина наголову разбило войска суздальских князей Юрия и Ярослава. Великокняжеский престол перешел к Константину. Впрочем, после его смерти (1218) Юрий снова стал великим князем Владимиро-Суздальской земли. Однако теперь положение владимирского великого князя изменилось: он был первым среди равных князей тех княжеств, на которые раздробилась Владимиро-Суздальская земля.

В социальной структуре Северо-Восточной Руси было одно существенное отличие от Юго-Западной. Княжеская власть была здесь с самого начала значительно сильнее, чем в Приднепровье. В отношениях князя с его дружинниками уже не было патриархального равенства, а нередко проглядывало подданство. Не случайно именно здесь в XII в. возникло «Моление» Даниила Заточника, подлинный гимн княжеской власти. «Яви мне зрак лица твоего»,— обращается к князю Даниил. Он сравнивает князя с отцом и даже с Богом: как птицы небесные не сеют и не пашут, уповая на божью милость, «тако и мы, господине, желаем милости твоея».

§ 3. ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКАЯ ЗЕМЛЯ В XII—XIII вв.

На крайнем юго-западе Древней Руси находились Галицкая и Волынская земли: Галицкая — в Прикарпатье, а Волынская — по соседству с ней по берегам Буга. И Галицкую, и Волынскую, а иногда только Галицкую землю часто называли Червоной (т. е. Красной) Русью, по городу Червень на Галичине.

Благодаря исключительно плодородной черноземной почве здесь сравнительно рано возникло и достигло расцвета феодальное землевладение. Именно для Юго-Западной Руси особенно характерно поэтому мощное, нередко противопоставляющее себя князьям боярство. Здесь были развиты многочисленные лесные и рыболовецкие промыслы, работали искусные ремесленники. Шиферные пряслица из здешнего города Овруча расходились по всей стране. Важное значение для края имели также соляные месторождения.

Раньше всех начала обособляться Волынская земля с центром

во Владимире Волынском. Здесь княжил один из сыновей Владимира Святославича — Всеволод. Владимиро-Волынское княжество долго переходило из-под власти одного князя к другому, пока в **1134 г.** здесь не вокняжился внук Владимира Мономаха Изяслав Мстиславич. Он стал основателем местной княжеской династии.

Позднее обособилась Галицкая земля с центром в Галиче. Она составляла первоначально только часть владений умершего при жизни отца сына Ярослава Мудрого Владимира и сына последнего Ростислава. Только в XII в. при Владимире Володаревиче (1141—1152) галицкие земли стали независимыми от Киева, а особого могущества достигло это княжество при сыне Владимира Ярославе Осмомысле **(1152—1187)**. Однако именно при этом князе землю начали раздирать феодальные усобицы. Бояре для борьбы против пытавшегося установить крепкую власть Ярослава Осмомысла воспользовались его запутанными семейными делами: женатый на дочери Юрия Долгорукого Ольге он держал при себе любовницу Настасью, а сына от нее Олега пытался сделать законным наследником престола. Боярам удалось арестовать Ярослава, а Настасью сожгли на костре. В конце концов Ярослав все же победил в этой борьбе, а наследником назначил Олега «Настасьича». Однако после смерти Ярослава бояре добились изгнания Олега и провозгласили князем законного сына Ярослава Владимира. Но и с Владимиром они не ужились, так как князь, по словам летописи, «думы не любяшеть с мужами своими». В междоусобную борьбу вмешались и иноземные силы. Венгерский король посадил на галицкий престол своего сына Андрея, а Владимира увез в заточение в Венгрию. Однако Владимиру удалось бежать ко двору германского императора Фридриха Барбароссы и, вернувшись, снова вокняжиться.

Уже во время этих междоусобий многие из бояр подумывали о новом властителе: владимиро-волынском князе Романе Мстиславиче. Он один раз уже захватывал власть в Галиче, пока Владимир Ярославич находился в Венгрии. А после смерти Владимира **(1199)** Роман Мстиславич был провозглашен галицким князем. Таким образом, произошло объединение Владимиро-Волынского и Галицкого княжеств в единое Галицко-Волынское княжество, одно из самых крупных княжеств Русской земли.

Роман Мстиславич был выдающимся полководцем и государственным деятелем. Ему на время удалось прекратить боярские усобицы, он занял Киев и принял титул великого князя, поддерживал мирные отношения с Византией и установил мир с Венгрией. Однако, проводя активную внешнюю политику, он вмешался в междоусобицу польских князей (родственником которых был) и в **1205 г.** погиб в битве со своим двоюродным братом краковским князем Лешком Белым. В Галицко-Волынском кня-

жестве началась новая усобица: ведь наследнику княжеского престола Даниилу было всего 4 года. Власть захватили бояре.

Один из бояр, Володислав Кормиличич, даже на некоторое время стал князем, что было полным нарушением всех обычаев, существовавших тогда в Русской земле. Это единственный случай вокняжения боярина.

Усобицы привели к фактическому раздроблению Галицко-Волынского княжества на ряд отдельных небольших уделов, постоянно воюющих друг с другом. Половецкие, польские, венгерские войска помогали соперникам, грабя, уводя в рабство, а то и убивая местное население. Вмешивались в галицко-волынские дела и князья других земель Руси. И все же к **1238 г.** Даниилу удалось расправиться с боярской оппозицией (недаром один из приближенных ему советовал: «Пчел не передавив, меду не едать»). Он стал одним из самых сильных князей Руси. Воле его подчинялся и Киев. В 1245 г. Даниил Романович разбил объединенные силы Венгрии, Польши, галицких бояр и Черниговского княжества, тем самым завершив борьбу за восстановление единства княжества. Боярство было ослаблено, многие бояре истреблены, а их земли перешли к великому князю. Однако Батыево нашествие, а затем и ордынское иго прервали экономическое и политическое развитие этой земли.

§ 4. НОВГОРОДСКАЯ ФЕОДАЛЬНАЯ РЕСПУБЛИКА В XII—XIII вв.

Своеобразно развивалась Северо-Западная Русь, где были расположены Новгородская и Псковская земли. Псков первоначально входил в состав Новгородской земли и только потом добился независимости. Поэтому историю их нужно рассматривать вместе.

Проникновение славян на территорию будущей Новгородской земли началось, очевидно, значительно раньше, чем в южные районы, и шло иным путем: из славянского прибалтийского Поморья. Это чрезвычайно важное открытие, сделанное на основе находок археологов, свидетельствует, что Древнерусское государство возникло благодаря объединению и взаимному обогащению двух различных славянских традиций — киевской и новгородской, а не исключительным расселением во все районы Восточной Европы днепровских славян (этим отчасти можно объяснить ту напряженность, которая постоянно присутствовала во взаимоотношениях Киева и Новгорода в ранней истории). Сама же новгородская традиция не была «чисто славянской», на новых местах славянское население встретилось с местным угро-финским и балтийским населением и постепенно ассимилировало его. Как полагают В.Л. Янин и М.Х. Алешковский, Новгород возник как объединение, или федерация, трех племенных поселков: *славянского, мерянского* и *чудского* (меря и чудь — угро-финские племена).

Постепенно под властью Новгорода оказалась обширнейшая территория Северо-Западной Руси. Собственно Новгородская

земля включала бассейны озера Ильмень и рек Волхова, Мсты, Ловати, Шелони, Мологи. Вместе с тем Новгороду принадлежали земли, населенные *карелами* и другими народами — Вотская, Ижорская, Карельская, Кольский полуостров, Прионежье, Двина. Территория эта простиралась от Финского залива до Урала, от Северного Ледовитого океана до верховьев Волги.

Более суровый, чем в Приднепровье и в Северо-Восточной Руси, климат и менее плодородные почвы привели к тому, что земледелие здесь было развито слабее, чем в остальных частях страны, хотя и оставалось основным занятием населения. Урожаи были неустойчивыми. В обычные годы своего хлеба хватало, а в неблагоприятные приходилось ввозить зерно из других княжеств Руси. Это обстоятельство не раз использовали князья Северо-Восточной Руси для политического давления на Новгород. Вместе с тем здешние природные условия благоприятствовали развитию животноводства. Скотоводством занимались не только жители сельской местности, но и горожане. Распространены были огородничество и садоводство.

Особенности социально-политического строя Новгорода Великого начали складываться еще в самые ранние времена. Князь в Новгороде всегда был вторичен по отношению к городу. Княжеской династии здесь не было. Резиденция князя не случайно находилась не в детинце (городской крепости), как в остальных землях, а вне крепости. Первоначально она располагалась на Торговой стороне Новгорода, в то время как центр города и его городские укрепления находились на противоположной стороне Волхова — Софийской. Впоследствии в связи с дальнейшим ростом Новгорода, когда территория так называемого Ярославова дворища вошла уже в состав города, князь оказался на новом месте — на Городище, за пределами города.

С самого начала для Новгорода было характерно *призвание князя на престол*. Не говоря уже о полулегендарном варяге Рюрике, можно отметить сообщение 970 г., когда новгородцы прислали к Святославу, «просяща князя собе». Они угрожали, что, если Святослав не даст им одного из своих сыновей, «налезем (т. е. найдем) князя собе». Подобные же сообщения можно встретить и под другими датами.

Князья недолго задерживались на новгородском столе. За 200 с небольшим лет, с 1095 по 1304 г., на новгородском престоле побывало около 40 человек из трех княжеских ветвей — суздальской, смоленской и черниговской. Некоторые князья занимали престол не по одному разу, и всего смена княжеской власти произошла за это время 58 раз.

Функции князя в Новгороде были многообразны и со временем менялись. Прежде всего князь был главой боевой дружины, которую он приводил с собой. Однако было бы неверно считать его в первую очередь военачальником. Не говоря о том, что дружина была лишь

меньшей частью новгородского войска, а основную массу составляли ополченцы, на княжеском престоле нередко оказывались и малолетние. Князь был владетелем домена, он был звеном, связующим Новгород с Русью и порядками в остальных ее землях. Он также был адресатом той дани, которая поступала Новгороду Великому; был высшей судебной инстанцией.

Вместе с тем отношения Новгорода с князьями были далеки от идиллии. С одной стороны, новгородцы в лице веча могли прогнать неугодного князя, «указать путь» ему, но с другой стороны, князья нередко пытались нарушать новгородские вольности. Отсюда постепенное ограничение роли князя в Новгороде. С **1136 г.,** когда новгородцы прогнали князя Всеволода Мстиславича, пытавшегося бороться за свои собственные интересы при помощи новгородских войск, новгородцы сами приглашают к себе князя на определенных условиях. Среди них — запрет подвергать новгородских «мужей» репрессиям без вины, вмешиваться во внутренние дела городского управления, сменять должностных лиц, приобретать собственность в новгородских «волостях», т. е. на окраинах Новгородской земли. Все эти условия содержались в специальном договоре — «ряде», который заключался с князем при его вступлении на престол.

Высшим органом власти в Новгороде было *вече* — народное собрание. Как показали последние исследования, вече отнюдь не было собранием всего новгородского мужского населения. На вече собирались владельцы городских усадеб в количестве не более 400—500 человек. Они составляли верхушку новгородского общества, были полновластными правителями Новгородской земли.

Высшим новгородским сословием было боярство. Оно, в отличие от боярства других земель, было кастовым и вело свое происхождение, по-видимому, от родоплеменной знати. Ранние берестяные грамоты показали, что государственные подати здесь взимали не князь с дружиной, как это было в других землях, а на основании договора с приглашенным князем — верхушка новгородского общества. Иными словами, новгородское боярство изначально не упускало из своих рук государственные доходы, что обусловило его перевес в антикняжеской борьбе.

Экономическое могущество бояр позднее возросло благодаря крупным земельным владениям, которые складывались из пожалований и покупки земель. Существенными были и неземледельческие доходы боярства, полученные от эксплуатации проживавших в их городских усадьбах ремесленников.

Наряду с боярами («мужами», «большими людьми») существовал обширный слой менее привилегированных землевладельцев. В XII—XIII вв. их называли *меньшими людьми.* С XIV в. они же именуются «житьи люди». Это феодалы небоярского происхождения, но входящие тем не менее в состав господствующего класса.

Новгород всегда был крупным центром торговли, как внутрирусской, так и внешней. Отсюда особую роль играли в Новгороде купцы, многие из которых также имели земельную собственность.

Низший слой населения составляли *черные люди.* В городе — это ремесленники. Новгородские ремесленники жили, как правило, на территории боярских усадеб, зависели от отдельных бояр, но вместе с тем сохраняли свою личную свободу. Черные люди новгородской деревни — это крестьяне-общинники, не попавшие еще в зависимость от конкретного феодала. Особую категорию сельского населения составляли смерды, жившие в особых поселениях и находившиеся в полурабском положении.

Сам Новгород делился на две *стороны* — Софийскую и Торговую. Каждая сторона в свою очередь делилась на *концы.* Концы были определенными административно-политическими организациями, они избирали *кончанского старосту,* в них проходили свои кончанские веча. Первоначально были известны — Славенский (на Торговой стороне), Неревский и Людин (на Софийской). Полагают, что названия двух последних концов происходят от названия угрофинских племен и первоначально звучали Меревский и Чудин. В XIII в. упоминается уже Загородский конец (Софийская сторона), а с XIV в.— Плотницкий (Торговая сторона). Концы, в свою очередь, делились на улицы, возглавлявшиеся *уличанскими старостами.*

На вече избирались и основные городские власти: *посадник, тысяцкий, владыка* (или архиепископ) и *архимандрит новгородский.* Посадником первоначально именовался княжеский наместник. Однако с начала XII в. посадника уже начинают выбирать. Посадник был фактически самой главной фигурой в новгородском управлении. Он вместе с князем руководил военными походами, участвовал в дипломатических переговорах, заключал соглашения с князем. Избирали посадников из довольно узкого круга боярских семей.

Должность тысяцкого была связана с особой налоговой сотенной организацией. Для сбора податей весь город делился на 10 *сотен* во главе с *сотскими,* которые в свою очередь подчинялись тысяцкому. Тысяцкие, как и посадники, первоначально назначались князьями. С конца XII в. они стали выборными. Если посадник был боярином, то тысяцкий представлял в городском управлении небоярское население Новгорода, в первую очередь меньших людей и купцов. Он осуществлял контроль за налоговой системой, участвовал в торговом суде, вел дела с иностранцами. В более позднее время, во второй половине XIV в., тысяцкие тоже стали боярами.

Глава новгородской церкви — владыка, т. е. епископ, а в последующее время архиепископ, также избирался на вече и только потом утверждался митрополитом. Архиепископ участвовал в реальном управлении не только вотчины «святой Софии» — владением новгородского архиепископского дома, но и делами всей новгород-

ской земли, подчас он бывал посредником между князем и посадником. Одной из его задач был контроль над эталонами мер и весов. Вместе с посадником и тысяцким он скреплял своей печатью международные соглашения. Должность владыки, в отличие от остальных, в принципе была пожизненной. Изредка бывали случаи смещения владык. Так, например, архиепископа Арсения в 1228 г. «акы злодея пхающе за ворот, выгнаша. Мало ублюде бог от смерти».

Власть владыки была тоже ограниченной: с рубежа XII—XIII вв. на вече избирали особого новгородского архимандрита с постоянным пребыванием в Юрьеве монастыре. Он возглавлял все черное духовенство (т. е. монахов) и на деле был независим от владыки.

Итак, Новгородская феодальная республика была государством, где власть фактически принадлежала феодалам (боярам и меньшим) и купцам. Выборные власти этой республики осуществляли политику защиты интересов господствующего класса.

Именно поэтому для Новгорода была всегда характерна острая социальная борьба, для которой республиканский строй открывал бóльшие возможности. Речь идет как о борьбе между собою боярских группировок, сторонников разных князей, которая принимала подчас исключительно жесткие формы, в том числе и восстаний, так и о народных движениях. Зачастую трудно провести грань между народным выступлением против грабежа и насилия со стороны власть имущих и участием рядовых новгородцев, «черных» людей во внутрифеодальной борьбе. Так, несомненно, элементы народного движения присутствовали в восстании 1136 г. против князя Всеволода Мстиславича: недаром в числе обвинений, предъявленных ему, было то, что он «не блюдет смерд». Восстание 1207 г. было направлено против бояр Мирошкиничей, которые восстановили против себя не только черный люд, но и боярскую верхушку, и князя Всеволода Большое Гнездо. В результате восстания были конфискованы и затем распроданы села Мирошкиничей, а их денежные богатства разделили «по всему граду». Мощные народные движения происходили в Новгороде в 1228—1230 гг. Народное недовольство усугублялось серией неурожайных лет. За эти годы было сменено несколько князей, посадников и тысяцких, изгнан архиепископ. Одним из «мужей» при архиепископе стал простой ремесленник Микифор Щитник. Восставшие горожане были поддержаны смердами из новгородских волостей. Однако в период, когда феодализм находился еще на восходящей стадии своего развития, выступления масс были направлены не против феодального строя как такового, а только против отдельных, наиболее ненавистных народу представителей класса феодалов. Эти выступления противоборствующие группировки умело использовали во внутрифеодальной борьбе, чтобы свести счеты со своими политическими противниками. Поэтому результатом таких выступлений зачастую бывало некоторое улучшение положения народных масс, а в целом — лишь смена группировки у власти.

Новгородская феодальная республика играла очень важную роль в международных экономических и политических отношениях того времени. Торговля велась главным образом с Западной Европой: с немецкими купцами с принадлежавшего Швеции острова Готланд, с Данией, с немецким торговым городом Любеком. В Новгороде существовали торговые дворы и церкви иностранных купцов, в свою очередь в зарубежных городах существовали аналогичные дворы новгородских купцов. В Новгород ввозили янтарь, сукна, украшения и другие предметы роскоши. В XIII в. ввозилось очень много соли, поскольку тогда еще не были разведаны ее запасы в самой Новгородской земле. Много товаров Новгород вывозил. Особенно большой размер приобрел экспорт пушнины и воска.

Сам Новгород был одним из крупнейших городов не только Руси, но и Европы, а возможно и мира. Здесь уже в 1044 г. были построены каменные укрепления детинца, а не позднее XII в. деревянными стенами на земляном валу был окружен весь город. Постоянно обновлявшиеся деревянные мостовые, сложная система дренажа, отводившего почвенные воды, характеризовали высокий уровень городской культуры.

Новгородское ремесло достигло небывалого расцвета. Чрезвычайно разветвленной была специализация ремесленников. Мы знаем серебреников и котельников, щитников и гвоздочников, кузнецов и плотников, гончаров и ювелиров, стеклоделов и сапожников...

Высокой для средневековья была степень грамотности новгородцев. Об этом свидетельствуют берестяные грамоты (их найдено уже около 800), особенно группа грамот, связанных со школьным обучением: рисунки мальчика Онфима вместе с текстом азбуки, шуточная запись школяра. Но еще важнее надписи на предметах быта, нумерация буквенной цифирью бревен сруба, применявшаяся плотниками, и т. д.

Новгород был одним из самых красивых городов тогдашней Европы. Софийский собор, соборы Антониева и Юрьева (Георгиевского) монастырей, церковь в монастыре Аркаж, церковь Спаса на Нередице с замечательными фресками и многие другие — памятники строгой, суровой и величественной новгородской архитектуры.

Не случайно именно Новгород оказался передовым форпостом Руси в борьбе с агрессией немецких и шведских феодалов.

§ 5. БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА ПРОТИВ НЕМЕЦКИХ, ШВЕДСКИХ И ДАТСКИХ ФЕОДАЛОВ

В конце XII — первой половине XIII в. Северо-Западной Руси пришлось столкнуться с опасностью с запада — с наступлением немецких рыцарей-крестоносцев, а также шведских и датских феодалов. Ареной борьбы была Прибалтика.

Здесь издавна жили балтские и финно-угорские племена.

Балтские племена делились на литовские — собственно *литовцы*, или *аукштайты; жемайты*, или *жмудь; ятвяги* — и латышские — *латгалы; ливы; курши*, или *корсь; земгалы*, или *зимигола*. К финно-угорским принадлежали *эсты*, которых на Руси называли *чудь*. Все они поддерживали давние культурные, экономические и политические связи с русскими землями. В конце I тысячелетия н. э. здесь начинается постепенный переход к раннеклассовому обществу, хотя значительно более замедленный, чем в соседней Руси. Возникают своеобразные очаги феодализации. В конце X— начале XII в. известны уже племенные княжения, суверенитет местных старейшин над определенной территорией, возникают княжеские дружины, появляются зачатки крупного землевладения. Наиболее продвинулись вперед в этом отношении литовцы, у которых начинает возникать государство. Процесс феодализации шел в тесном взаимодействии с Русью; в Прибалтике появились славянские княжения, а на территории Эстонии Ярославом Мудрым был основан город Юрьев (Тарту), названный по христианскому имени князя.

Однако этот процесс был искусственно прерван вторжением захватчиков-*крестоносцев*. Немецкие феодалы сумели к этому времени после ожесточенной борьбы подчинить себе славянские племена Западной Прибалтики — так называемых поморских славян. На очереди была агрессия против населявших Восточную Прибалтику балтов и эстов. По наиболее известному немцам племени ливов всю эту территорию они назвали Ливонией. В 1184 г. здесь появился католический миссионер монах Мейнард, встретившийся, однако, с сопротивлением местного населения. При его преемнике Бертольде в 1198 г. состоялся первый крестовый поход против ливов. Посланный туда папой римским бременский каноник Альберт в 1200 г. захватил устье Двины и основал крепость Ригу **(1201)**, став первым рижским епископом. По его инициативе в **1202 г.** был создан духовно-рыцарский *Орден меченосцев;* подчиненный рижскому епископу. Перед Орденом стояла задача христианизации народов Прибалтики, т. е. захвата Прибалтики немецкими феодалами.

На территории Прибалтики вслед за Ригой стали возникать другие немецкие города, населенные пришлым немецким бюргерством. Народы Прибалтики ожесточенно сопротивлялись захватчикам, совершали нападения на города. Литовские и русские князья устраивали походы против крестоносцев. Однако борьба была очень трудной. Во-первых, мешала разобщенность князей. Так, например, литовские и полоцкие князья не раз заключали соглашения с крестоносцами. Польские князья пытались использовать крестоносцев для борьбы с литовцами. Трудным было положение и русских князей: борьба Новгорода с суздальскими князьями затрудняла единство действий. Поэтому наступление шло дальше. В 1215—1216 гг. была захвачена территория Эстонии. Однако здесь

немецкие крестоносцы столкнулись с датчанами. Дания претендовала на Эстонию с начала XII в., и титул герцога Эстонии входил в состав датского королевского титула. В 1219 г. Дании удалось временно захватить Северную Эстонию, но в 1224 г. она была покорена крестоносцами.

Пытаясь укрепиться в Прибалтике, крестоносцы сталкивались не только с датчанами и местными племенами, но и с новгородцами. Новгородский князь Мстислав Удалой не раз совершал успешные военные походы против Ордена. В 1234 г. новгородско-суздальский князь Ярослав Всеволодович нанес чувствительное поражение рыцарям. Однако в целом борьба шла с переменным успехом: Орден настойчиво пытался расширить границы своих владений в Прибалтике; позиции русских князей, Новгорода и Пскова были ослаблены соперничеством и внутренними конфликтами.

Упорное сопротивление оказывали меченосцам земгальские и литовские отряды. Литовские князья мужали в борьбе с захватчиками. В 30-е годы XIII в. они нанесли ряд поражений Ордену и особенно крупное под Шавлями (Шяуляем) в 1236 г. В сражении с князем Миндовгом погиб сам магистр Ордена.

Потрясенные цепью поражений и отброшенные на запад, меченосцы принуждены были искать помощи. В **1237 г.** Орден меченосцев, переименованный в Ливонский орден, стал отделением более крупного духовно-рыцарского ордена, *Тевтонского,* созданного в 1198 г. для походов в Палестину. Однако очень скоро он перенес свою деятельность в Европу и с 1226 г. с благословения папы римского повел наступление на земли литовского племени пруссов.

Объединение двух Орденов и их тесные связи с датскими феодалами, вмешательство в события шведов осложнило обстановку. Население Северо-Западной Руси и особенно Прибалтики столкнулось с угрозой новой агрессии.

Летом 1240 г. в устье Невы вошли шведские суда под началом Биргера. Узнав о его появлении, новгородский князь Александр Ярославич «в мале дружине» устремился на противника и разбил его. Историческая традиция, восходящая к «Житию Александра Невского», склонна несколько преувеличивать значение этого столкновения. По всей видимости, шведский поход носил разведывательный характер, что и определило численность отряда. Шведы понесли значительно большие потери, чем дружина Александра (погибло двадцать новгородцев). Кроме того, шведам пришлось сражаться еще и с отрядами местного населения. Неудачи побудили их к быстрому отступлению. Эта победа надолго остановила продвижение шведов. Способствовала она и укреплению авторитета самого молодого двадцатилетнего князя, придав ему силы и уверенности.

Очень скоро эти качества ему сильно пригодились. В 1240 г. рыцари-крестоносцы заняли псковскую крепость Изборск, а затем укрепились в самом Пскове, где с согласия части псковских бояр

были посажены «судить» немецкие «тиуны». На следующий год Орден вторгся в новгородские пределы, совершая набеги и создавая опорные пункты.

В ответ в 1241 г. Александр Невский захватил крепость Копорье, а зимой 1242 г. стремительным броском освободил от крестоносцев Псков. Затем княжеская владимиро-суздальская дружина и новгородское ополчение двинулись к Чудскому озеру, на льду которого **5 апреля 1242 г.** произошло решающее сражение.

Битва, которая вошла в историю как Ледовое побоище, закончилась полным поражением крестоносцев. По немецким хроникам, в нем погибло 20 рыцарей (речь идет о полноправных членах Ордена, которых было всего 150 человек) и более полутысячи рядовых ратников. Немало было пленных. Успех новгородцев надолго умерил наступательный порыв рыцарей. Курши и жемайты восстали против Ордена, успешно продолжил войну с ним литовский князь Миндовг. В итоге немецкие рыцари были вынуждены отправить посольство в Новгород, и, отказавшись от своих завоеваний, заключить мирный договор.

Не менее важно моральное значение победы, которая была одержана в самые горькие времена, когда города Руси лежали в развалинах после нашествия Батыя.

§ 6. НАШЕСТВИЕ БАТЫЯ. УСТАНОВЛЕНИЕ МОНГОЛО-ТАТАРСКОГО ИГА НА РУСИ

С конца XII в. у *монгольских племен,* кочевавших в степях Центральной Азии, шел процесс разложения родоплеменного строя и становления раннефеодальных отношений. Здесь начала выделяться родоплеменная знать — *найоны* (князья) и *багатуры* (богатыри), окруженные дружинниками — *нукерами* (нукер в переводе означает друг). Они захватывали у общин скотоводов — *аратов* пастбища и стада. Складывается особый тип *кочевого феодализма,* для которого, как полагает ряд исследователей, характерна феодальная собственность не на землю, а на стада и пастбища. Становление раннеклассового государства проходило здесь, как и обычно, в кровавой междоусобной борьбе между разными племенами и вождями. В ходе этой борьбы победу одержал Темучин (или Темуджин), которому на хурале (съезде монгольской знати) в **1206 г.** было присвоено почетное имя Чингисхан, точное значение которого пока не установлено. По одному из наиболее крупных монгольских племен — татар — соседние народы часто называли так всех монголов. Оно и закрепилось за ними впоследствии в русской традиции, хотя большая часть собственно татар была истреблена Чингисханом во время борьбы за власть.

Чингисхан укрепил издавна существовавшую военную организацию монголов. Все войско делилось на десятки, десятки объединялись в сотни, сотни — в тысячи, десять тысяч составляли

один *тумен*, или по-русски тьму. Выносливые и смелые воины, монголы легко могли вести завоевательную политику, поскольку они еще сохраняли типичное для раннефеодального государства политическое единство, в то время как соседние народы переживали уже период феодальной раздробленности. Вместе с тем, как в большинстве раннефеодальных государств, военная добыча была источником существования нарождающейся знати и раздача этой добычи — средством привлекать к ней подданных.

Завоевав часть Сибири, монголы приступили к покорению Китая. Им удалось захватить всю его северную часть, что имело большое значение для дальнейшей завоевательной политики. Именно из Китая монголы вывезли новейшую для того времени военную технику и специалистов. Кроме того, из числа китайцев они получили кадры грамотных и опытных чиновников.

В 1219—1221 гг. войска Чингисхана завоевали Среднюю Азию, включив ее в состав огромной Монгольской империи. Большая ее часть вошла в *улус* (удел) второго сына завоевателя — Чагатая. Хорезм вместе с Казахстаном оказался в будущей Золотой Орде — улусе старшего сына Чингисхана Джучи. Как и все покоренные народы, жители Средней Азии должны были платить огромные налоги и участвовать в завоевательных походах. Большой урон был нанесен экономике: ирригационные системы пришли в упадок, экстенсивное кочевое хозяйство потеснило интенсивное. Огромное число ремесленников было уведено в рабство.

Вслед за Средней Азией был захвачен Северный Иран. Лучшие полководцы Чингисхана — Джебе и Субедей совершили грабительский поход в Закавказье. С юга они пришли в половецкие степи и разгромили половцев. Князья Даниил Кобякович и Юрий Кончакович погибли, а хан Котян, тесть князя Мстислава Мстиславича Удалого, обратился к нему за помощью. «Побороните нас. Аще не поможете нам, мы ныне иссечени будем, а вы наутрие иссечени будете»,— говорили половцы.

В этом обращении нет ничего удивительного. Отношения между Русью и половцами никогда не были однозначными. Наряду с половецкими набегами на Русь и походами русских князей на половцев между двумя народами существовали оживленные экономические, политические и культурные отношения. Многие из половецких ханов крестились и обрусевали (например, упомянутые выше Юрий Кончакович и Даниил Кобякович), некоторые русские князья женились на дочерях половецких ханов — так, половчанкой была жена Юрия Долгорукого. Период, начиная с 90-х гг. XII в. был временем полного мира в русско-половецких отношениях: неизвестны в эти годы половецкие походы на Русь, упоминается лишь участие половецких отрядов в междоусобиях русских князей.

Просьба половцев помочь им отразить опасного врага была принята русскими князьями. Битва между русско-половецкими и монгольскими войсками произошла **31 мая 1223 г.** на реке Калке в

Приазовье. Однако не все русские князья, обещавшие участвовать в битве, выставили свои войска, некоторые опаздывали. Князья — участники битвы действовали недружно. Киевский князь Мстислав Романович вообще стоял со своим войском в стороне, наблюдая, как изнемогают в бою дружины других князей. Битва закончилась поражением русско-половецких войск, многие князья и дружинники погибли, а победители положили на пленных доски, уселись на них и устроили торжественный пир, наслаждаясь стонами умирающих. В результате этой битвы государство половцев оказалось уничтоженным, а сами половцы вошли в состав государства, созданного монголами.

В 1227 г. умерли Чингисхан и его старший сын Джучи. Наследником Чингисхана стал Угэдей. Завоевательные походы продолжались. В **1231 г.** войско полководца Угэдея Чармагана вторглось в Закавказье. Сначала в течение нескольких лет захватчики покоряли Азербайджан. В 1239 г. пал последний оплот сопротивления Дербент. Вслед за тем настала очередь Грузии и Армении. К 1243 г. все Закавказье оказалось в руках захватчиков. Последствия нашествия и завоевания для Грузии, Армении и Азербайджана были столь же тяжелы, как и для Средней Азии.

В те же годы другая часть войска наследников Чингисхана приступает к завоеванию Руси. Внук Чингисхана, сын Джучи Бату, или по-русски Батый, получил в улус западные земли, в том числе и те, которые еще предстояло покорить. В **1236 г.** войска Батыя начали поход на Русские земли. Разгромив Волжскую Болгарию, они двинулись на Рязанское княжество.

Рязань пала после пятидневного героического сопротивления. Сражаться с захватчиками рязанским князьям, их дружинам и горожанам пришлось в одиночку. Владимирский князь Юрий Всеволодович «сам не иде и не послушал князь резаньских молбы, но хоте сам особь брань створити». В Рязани погибли и князь Юрий Ингваревич, и его жена, и все жители. Город был сожжен и разграблен. Трагически описывает летописец судьбу жителей: одних «рассекаху мечи, а других стрелами стреляхуть... иныя имающие вязаху».

После взятия Рязани войска Батыя двинулись к Коломне. Навстречу им вышли небольшие войска, отправленные владимирским князем, вместе с рязанской дружиной Романа Ингваревича. В бою под Коломной погибло много русских воинов, а бой закончился для них поражением. Враги подошли к Москве, взяли ее, захватив малолетнего сына Юрия Всеволодовича Владимира и убив воеводу Филиппа Няньку. 3 февраля 1238 г. Батый подошел к Владимиру. Осадив город, захватчики отправили к Суздалю отряд, который взял и сжег этот город. Затем, 7 февраля, был взят Владимир. При штурме враги подожгли город, от огня и удушья погибло множество людей, не исключая епископа и

княгини. Оставшиеся в живых были уведены в рабство. Была разорена вся Владимиро-Суздальская земля от Ростова до Твери.

4 марта 1238 г. состоялась битва на реке Сити (приток Мологи, северо-западнее Углича). Там, в густых лесах, Юрий Всеволодович готовил дружины для отпора врагу. Но битва кончилась поражением, большинство князей и войск погибло. Судьба Владимиро-Суздальской земли была решена.

Тем временем другой отряд войск Батыя осаждал Торжок. Две недели стояли враги под городом, пока после применения стенобитных машин и начавшегося в Торжке голода («изнемогоша люди в городе», а из Новгорода «не бысть им помощи») им удалось 5 марта взять город. «И иссекоша вся от мужески полу и до женьска». От Торжка отряд Батыя двинулся на север, к Новгороду. Однако, не доходя ста верст, возле местности Игнач-крест, повернул назад. Вероятно, причиной возвращения войск противника и спасения Новгорода от погрома была не только распутица, но и сильная усталость и обескровленность Батыевых войск, ибо почти каждый город им приходилось брать с бою, теряя многих людей. В этом отношении особенно характерна была осада Козельска. Жители города во главе с юным князем приняли решение сражаться до конца, не страшась смерти. «Козляне ж ножи резахуся с ними». Они совершали вылазки против врага и, напав на вражеские полки, убили, по словам летописи, 4000 неприятелей, уничтожили осадные машины, но сами погибли. Батый, взяв город, приказал убить всех жителей, включая маленьких детей. Среди них, видимо, погиб и малолетний князь Василий. Козельск захватчики назвали «злым городом».

На следующий год, в 1239 г., Батый начал новый поход на Русскую землю. Были захвачены и сожжены Муром и Гороховец, а затем войска Батыя двинулись на юг. В **декабре 1240 г.** был взят Киев. Княживший там Михаил Всеволодович Черниговский сначала приказал убить отправленных к нему Батыевых послов, но затем, вместо того чтобы организовать оборону города, бежал, и обороной руководил воевода Дмитрий. Несмотря на героизм жителей, защищавших город около трех месяцев, Батыю удалось взять Киев и разгромить его.

Затем монгольские войска двинулись в Галицко-Волынскую Русь. Взяв Владимир Волынский, Галич, в 1241 г. Батый вторгся в Польшу, Венгрию, Чехию, Молдавию, а в 1242 г. дошел до Хорватии и Далмации. Однако в Западную Европу войска Батыя пришли уже значительно ослабленными мощным сопротивлением, встреченным ими на Руси. Поэтому если на Руси монголам удалось установить свое иго, то Западная Европа испытала только нашествие, и то в меньших масштабах. В этом и состоит историческая роль героического сопротивления русского народа вражескому нашествию.

Традиционно считается, что главной причиной поражения Руси

стала феодальная раздробленность, при которой каждое из княжеств оказалось наедине с силами захватчиков. Это справедливое замечание требует дополнения. Империя Чингисхана принадлежала к тем раннефеодальным государственным образованиям, военный потенциал которых во много раз превосходил силы своих соседей. Против военного могущества одного только улуса Джучи трудно было устоять и Руси единой. Важным обстоятельством было и то, что захватчики, покорившие до этого Северный Китай и Среднюю Азию, использовали тамошнюю, в первую очередь китайскую, военную технику. Стенобитные машины пробивали стены русских крепостей. Использовались также камнеметы, порох и сосуды с горячими жидкостями. Имело значение и численное превосходство врага.

Последствия нашествия были исключительно тяжелыми. Прежде всего резко сократилось население страны. Множество людей было убито, не меньше было уведено в рабство. Многие города уничтожены. Например, столицей Рязанского княжества теперь оказался город Переяславль Рязанский (с конца XVIII в.— Рязань). Разрушенную Рязань не удалось восстановить. Ныне на ее месте — поросшее кустарником городище, где были проведены чрезвычайно интересные раскопки, и село Старая Рязань. Запустел Киев, в котором осталось не более 200 домов. Археологами неподалеку от Бердичева обнаружено так называемое Райковецкое городище: город, полностью уничтоженный во время Батыева нашествия. Там одновременно погибли все жители. Жизнь на месте этого города более не возродилась. По подсчетам археологов, из известных по раскопкам 74 городов Руси XII—XIII вв. 49 были разорены Батыем, причем в 14 жизнь не возобновилась, а 15 превратились в села.

Разные категории населения несли потери в разной степени. Видимо, крестьянское население пострадало меньше: в некоторые находившиеся в густых лесах села и деревни неприятель мог даже и не попасть. Горожане гибли чаще: захватчики сжигали города, убивали многих жителей, уводили их в рабство. Много погибло князей и дружинников — профессиональных воинов. Смерть многих дружинников привела, судя по всему, к замедлению темпов социального развития. Как уже отмечалось выше, в Северо-Восточной Руси во второй половине XII в. только начали возникать боярские села. Физическое истребление профессиональных воинов-феодалов привело к тому, что этот процесс остановился, и светское феодальное землевладение начало возникать заново уже после нашествия.

Нашествие нанесло тяжелый удар развитию производительных сил, в первую очередь в городе. Преемственность в средневековом ремесле осуществлялась путем передачи производственных секретов от отца к сыну, от мастера к ученику. Гибель многих ремесленников и увод в Орду остальных оборвали эту цепочку. Поэтому после нашествия утрачиваются многие производственные навыки,

исчезают целые ремесленные профессии. Если до нашествия русское стеклоделие знало десятки и сотни различных рецептов изготовления художественного стекла, то после нашествия стеклянные изделия стали грубее, а число применяемых рецептов сократилось во много раз. Разучились изготавливать стеклянную столовую посуду и оконные стекла. На несколько десятилетий прекратилось каменное строительство.

Пострадали международные торговые связи Руси. Были перерезаны важнейшие торговые пути, экономический упадок испытали многие страны, бывшие постоянными торговыми партнерами Руси (например, Средняя Азия). Нашествие также привело к гибели многих культурных ценностей. При сожжении городов, главных культурных центров, оказались уничтоженными многочисленные памятники письменности, выдающиеся произведения искусства.

Вместе с тем нашествие, несмотря на тот огромный урон, который оно нанесло Русской земле, могло затормозить, но не изменить характер развития социальных отношений на Руси. Кочевники-монголы не смогли поставить перед собой задачи включения Русской земли, земледельческой страны, в свою империю. Речь шла только о подчинении, о получении дани. А потому сам характер внутренних отношений оставался в значительной степени не затронутым завоевателями. Именно поэтому захватчики с самого начала стали опираться в порабощенной стране на феодальные верхи, готовые в обмен на сохранение своих привилегий служить завоевателям.

§ 7. КУЛЬТУРА РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В XII—XIII вв.

Переход к феодальной раздробленности означал не только дальнейшее развитие старых культурных центров (Киева и Новгорода), но и возникновение новых. Это явление отчетливо проявилось в *летописании*. XII—XIII вв.— время, когда переживает расцвет летописание местных феодальных центров. Старейший из них, естественно, Новгород, где общерусские летописи велись еще в предшествующую эпоху. Однако в XII—XIII вв. новгородское летописание уделяет все больше внимания местным событиям. Нам известны и здешние летописцы — священник Герман Воята (XII в.), пономарь Тимофей (XIII в.). В XIII в. начинается и псковское летописание.

С начала XII в. возникает летописная традиция в Ростово-Суздальской земле. Владимирский летописный свод 1177 г., задуманный еще при Андрее Боголюбском и созданный при Всеволоде Большое Гнездо, ставил своей целью показать ведущую роль Ростово-Суздальского края в Русской земле, а в самой Ростово-Суздальской земле — роль Владимира в качестве столицы. В Галицко-Волынской земле при князе Даниле Романовиче также возникает княжеское летописание. Даниил, который «дерз и храбор» и в котором нет ни единого порока, выступает как идеальный

герой. Для Галицко-Волынской летописи характерна особая яркость, красочность изложения, порой оно превращается в связный рассказ, лишенный хронологической сетки.

При всем «местном патриотизме» летописцев отдельных земель их объединяет глубокий интерес к общерусским событиям. Так, например, наиболее подробный рассказ об убийстве Андрея Боголюбского сохранился в южной, киевской летописи. Единство Русской земли не подвергается сомнению ни одним из летописцев. «Свой» князь является для них лишь лучшим выразителем интересов не только своего княжества, но и всей земли.

Это стремление к единению русских земель, к преодолению междоусобиц особенно ярко проявилось в «Слове о полку Игореве», гениальном произведении русской *литературы*, повествующем о неудачном походе новгород-северского князя Игоря Святославича против половцев в **1185 г.** В неподчинении воле старейшего князя, князя киевского, в стремлении провести поход только силами своей земли видит автор «Слова» причину неудачи Игоря, несмотря на храбрость князей и их дружин. С горечью говорит он о княжеских распрях, о том, что «рекоста брат брату: «се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» молвити, а сами на себе крамолу ковати».

Автор «Слова» — первоклассный художник, мастер поэтической метафоры и ритмической прозы. Ярко проявились эти его качества, например, в описании утра перед битвой: «Другаго дни велми рано кровавыя зори свет поведают; черныя тучи с моря идут, хотя прикрыти 4 солнца, а в них трепещут синии молнии. Быти грому великому!» Скорбь о павших русских воинах и одновременно гордость их мужеством звучат в рассказе о поражении русских дружин: «Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы; ту кровавого вина не доста; ту пир докончаша храбрии русичи, сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русскую». К лучшим страницам лирической поэзии в отечественной словесности можно отнести «плач» Ярославны, жены князя Игоря, по своему мужу. Недаром «Слово о полку Игореве» служило и служит источником вдохновения для многих поэтов и художников вплоть до наших дней.

Одно из самых талантливых произведений XII—XIII вв.— дошедшее до нас в двух основных редакциях «Моление» или «Слово» Даниила Заточника. Убежденный сторонник сильной княжеской власти, Даниил с юмором и сарказмом пишет об окружающей его печальной действительности. Обедневший княжеский слуга, возможно, дружинник, мелкий феодал, Даниил с грустью говорит о всесилии богатства: «Богат муж возглаголет, то вси на него воскликнут». Тяжело приходится попавшему в беду умному и талантливому человеку. Даниил, правда, сам признает, что он «на рати не велми храбр», но зато «крепок в замыслех». Пусть перед неудачником и открывается немало путей выхода из его бед, но все они — бесчестны или унизительны. При княжеском дворе он обречен ходить в лаптях («лыченице»), «черленый» же сапог ожидает его

лишь на боярском дворе. Но ведь это холопство. Нет надежды и на друзей: они «отвергошася» его, потому что не может он ставить «пред ними трапезы, многоразличными брашьны украшены». Что еще остается? «Аще бы умел красти...», но и этот выход неприемлем для него, ибо «девка погубляет свою красоту блуднею, а муж свою честь татбою». Не хочет Даниил и жениться «у богатаго тестя»: ведь «зла жена и до смерти сушит». Не привлекает его и монастырь, хотя там он жил бы припеваючи: ведь чернецы «возвращаются на мирское житие», «обидят села», «ангелский имея на себе образ, а блудной нрав». Нет, считает Даниил Заточник, лучше умереть в нищете, чем «восприимши ангелский образ, богу солгати». Остается только одно — «продолжен живот в нищете».

Высоки и чисто литературные достоинства произведения Даниила Заточника. Он великолепный мастер рифмованной игры словами: «Кому Переславль, а мне гореславль; кому Боголюбово, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне чернее смолы; кому Лаче-озеро, а мне, на нем седя, плач горький; кому Новгород, а мне и углы опали».

Новая тема вошла в русскую письменность с Батыевым нашествием. Страшное бедствие, обрушившееся на Русскую землю, глубоко потрясло авторов XIII в. Первый отклик на это нашествие — произведение, само название которого уже звучит трагически: «Слово о погибели Русской земли». «Слово» дошло до нас не полностью. Начинается оно с описания красоты, богатства, величия, могущества страны до Батыева нашествия: «О светло светлая и украсно украшена земля Руськая!» Этот торжественно-радостный мотив как бы внезапно прерывается словами: «А в ты дни болезнь крестияном от великаго Ярослава и до Володимера, и до нынешнего Ярослава и до брата его Юрья князя володимерьскаго».

Также по свежим следам Батыева нашествия была создана «Повесть о разорении Рязани Батыем», составная часть целого цикла повестей о «чудотворной» иконе Николы Зарайского. Это произведение тоже окрашено в трагические тона, но вместе с тем призывает к вооруженной борьбе против захватчиков. Рязанский князь Федор Юрьевич приносит дары Батыю, но Батый, проведав о красоте его жены Евпраксии, требует к себе и ее, на что следует гордый ответ: «Аще нас приодолееши, то и женами нашими владете начнеши». Князь Федор Юрьевич гибнет в битве, а его жена вместе с малолетним сыном кончает жизнь самоубийством. Рязанские полки во главе с князем Юрием Ингваревичем выступают на бой. Но «удальцы и резвецы резанские» погибают в битве, сожжена Рязань, где «вси вкупе мертвы лежаше». И все же сопротивление продолжается. В борьбу вступает рязанский боярин Евпатий Коловрат со своей дружиной и нападает на «станы Батыевы». И Коловрат, и почти все его воины гибнут в неравной схватке, поразив своим мужеством даже врагов. Автор Повести не видел выхода из трагического положения: слишком неравны были силы. Пафос Повести в призыве к пусть безнадежному, но активному

сопротивлению, к тому, чтобы «смертию живота купити», погибнуть, но не покориться захватчику.

Возможно, уже в XIII в. возникает мысль о том, что самопожертвование может привести и к победе над врагом. Речь идет о «Повести о Меркурии Смоленском», точная датировка которой еще не установлена. Предполагается, что предание, легшее в ее основу, возникло близко к временам нашествия. В повести рассказывается о юноше Меркурии, пошедшем на верную гибель, чтобы отогнать Батыя от родного города. Меркурий убил множество врагов, в том числе «исполина», предводителя вражеского войска, враги в страхе бегут, но сын «исполина» отсекает Меркурию голову. Юноша умирает не сразу: с отрубленной головой в руках он подходит к вратам спасенного им Смоленска и только там падает бездыханным. Меркурий, вступая в бой, знал, что его ждет: «явившаяся» ему богородица предсказала ему и победу, и смерть. Но он все же решил спасти свой город ценой жизни.

Восстания против ордынского гнета, начало объединения сил Руси в борьбе с Ордой уже в XIV в. привели к появлению новых произведений, проникнутых духом не только героической жертвенности, но и победоносного оптимизма.

В XII—XIII вв. на Руси было создано много выдающихся произведений *архитектуры*. Особенно интересные постройки сохранились в Новгороде Великом и в городах Владимиро-Суздальской земли.

Отличительными чертами новгородского архитектурного стиля были монументальная строгость и простота форм, скупость в украшениях. Из памятников начала XII в. выделяются прежде всего работы мастера Петра, воздвигнувшего соборы в Антониеве и Юрьеве монастырях. Ему же приписывается создание по заказу Мстислава Великого церкви Николы на Ярославовом дворище, напротив детинца. Значительно менее монументальна, но столь же строга последняя из княжеских церквей, построенных в Новгороде, церковь Спаса на Нередице (1198), сравнительно скромный и изящный храм. Церковь эта была уничтожена гитлеровцами во время Великой Отечественной войны, однако полностью восстановлена, за исключением фресок, большая часть которых безвозвратно утрачена. Благодаря работам Новгородской археологической экспедиции нам стало известно имя одного из главных мастеров, расписывавших храм Спаса на Нередице,— это был выходец из Византии новгородский священник Олисей Петрович Гречин. Он расписал также надвратную церковь Ризположения у Пречистенских ворот Новгородского детинца.

В Новгороде XII—XIII вв. строились не только мощные монастырские и княжеские церкви, но и уличные храмы, небольшие сооружения, возводившиеся жителями той или иной новгородской улицы. Такова церковь Петра и Павла на Синичьей горе (1185—1192), построенная жителями Лукиной улицы.

Нашествие Батыя не затронуло Новгород непосредственно, однако вывоз в Орду ремесленников и сбор ордынской дани тяжело

сказались на каменном строительстве в Новгороде. После Батыева нашествия до конца XIII в. в Новгороде строят только крепости и деревянные церкви. Ни один каменный храм не был воздвигнут до 1292 г. (церковь Николы на Липне).

Иной характер, чем в Новгороде, носило каменное зодчество во Владимиро-Суздальской земле. Прежде всего, оно отличалось по материалу. Большинство новгородских храмов построено из кирпича, а во Владимиро-Суздальской земле широко применяли местный белый камень-известняк. Отсюда вытекает и любовь владимиро-суздальских зодчих к каменной резьбе.

Древнейшие постройки Владимиро-Суздальской земли носят еще достаточно суровый характер. Такова церковь Бориса и Глеба в селе Кидекше рядом с Суздалем (1152), воздвигнутая при Юрии Долгоруком. Храм был дворцовой церковью князя и поставлен на месте легендарной встречи «святых» князей Бориса и Глеба при их роковой поездке в Киев. Это сравнительно небольшое, но очень массивное сооружение, напоминающее скорее крепость, чем церковь.

Основные характерные черты владимиро-суздальского зодчества сложились в постройках, относящихся ко времени княжения Андрея Боголюбского, когда усиленно обстраивались Владимир, Боголюбово и т. д. Во Владимире были воздвигнуты величественный Успенский собор, ведущие в город Золотые ворота (дошедшие до наших дней в сильно перестроенном виде), в Боголюбове — княжеский замок, а неподалеку от него — шедевр русской средневековой архитектуры церковь Покрова на Нерли.

У всех этих сооружений есть некоторые общие, характерные черты. Так, в них находят немало элементов господствовавшего в то время в Западной Европе романского архитектурного стиля. Одной из причин, возможно, было участие в строительстве приезжих зодчих. При огромном размахе строительства своих, местных мастеров могло не хватать. Вместе с тем Андрей Боголюбский, стремившийся к обособлению Владимира от Киева, не хотел привлекать киевских мастеров. Поэтому в сооружении храмов и дворцов принимали участие мастера, по словам летописца, «из всех земель», в том числе из Германской империи, по преданию, присланные Фридрихом Барбароссой. Возможно, в наличии романских черт отразились общие тенденции развития европейского, в том числе и русского, искусства.

Для владимиро-суздальских сооружений времени Андрея Боголюбского характерна четкость архитектурных форм и линий. Гладь стены членится выступающими пилястрами; обязателен резной аркатурный пояс из небольших рельефных арок — и на стенах, и на подкупольных барабанах. Часто встречаются барельефы людей, животных и растений. Однако все эти резные элементы занимают небольшую часть стены и резко выделяются на гладком фоне. Потому храмы этого периода одновременно и торжественно-суровы и нарядны.

В конце XII — начале XIII в. владимиро-суздальское зодчество,

сохраняя общие с предшествующим временем черты, становится значительно пышнее, декоративнее. Типичный образец архитектуры нового периода — Дмитриевский собор во Владимире (1194—1197), построенный при Всеволоде Большое Гнездо. Вся верхняя половина собора, портал и подкупольный барабан покрыты исключительно тонкой и невероятно затейливой резьбой. Эта резьба носит во многом светский характер. Из 566 резных камней только 46 изображений связаны с христианской символикой. Здесь множество фантастических и сказочных растений, птиц и зверей, сцены борьбы, охоты, скульптурная иллюстрация к популярной в Древней Руси повести об Александре Македонском, изображающая его вознесение на небо. Большое количество львов, барсов, орлов, сказочных двуглавых зверей служит олицетворением княжеской власти: со львами, барсами, орлами, порой даже с крокодилами было принято сравнивать князей в древнерусской письменности. Прославлению княжеской власти служат рельефы собора.

Эти традиции были развиты в построенном в Юрьеве-Польском при князе Юрии Георгиевском соборе, посвященном его небесному патрону (1234). Сложной и тонкой каменной резьбой, в которой причудливо сплелись церковные, античные и русские народные мотивы (вроде кентавра в русском кафтане), был покрыт уже весь собор — от подножия до кровли. Как и Дмитриевский собор, Георгиевский был посвящен воспеванию могущества княжеской власти.

Своеобразные архитектурные школы сложились также в Полоцкой, Галицко-Волынской, Чернигово-Северской и других землях.

Процесс интенсивного культурного подъема, развития местных культурных центров был насильственно прерван Батыевым нашествием.

Глава IV

БОРЬБА ПРОТИВ ОРДЫНСКОГО ИГА. ОБЪЕДИНЕНИЕ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ВОКРУГ МОСКВЫ

§ 1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ РУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII— ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV в.

После Батыева нашествия Русь стала страной вассальной по отношению к Золотой Орде. Золотой Ордой на Руси называли улус Джучи. Это было мощное государство, созданное монгольскими ханами. Оно охватывало огромную территорию, включая земли волжских болгар, Половецкую степь, Крым, Западную Сибирь, Приуралье, Хорезм. Столицей этого государства был Сарай, или Сарай-Бату, основанный Батыем неподалеку от нынешней Астрахани.

Первым в Орду в 1243 г. был вынужден поехать оставшийся главным владимиро-суздальским князем после гибели Юрия его брат Ярослав. По словам летописи, Батый его «почти великою честию и мужи его» и назначил его старшим из князей: «Буди ты старей всем князьям в русском языце».

Следом за владимирским князем потянулись и остальные. Таким образом, политическая зависимость Руси выразилась в изменении положения князей. Хотя древнерусские нормы наследования продолжали действовать, ордынская власть поставила их под свой контроль. Князья должны были отныне ездить в Орду и получать там ханские утверждения — *ярлыки* — на свои княжества. Хан таким образом становился источником княжеской власти. Самым привлекательным ярлыком был ярлык на великое княжение Владимирское, дававший помимо номинального старшинства над князьями Северо-Восточной Руси и ряд вполне ощутимых выгод, включая и Владимирский «домен».

Для ордынских властителей раздача ярлыков на княжение стала средством политического давления на русских князей. С их помощью ханы перекраивали политическую карту Северо-Восточной Руси, разжигали соперничество и добивались ослабления наиболее опасных князей.

Поездка в Орду за ярлыком не всегда кончалась для русских князей благополучно. Так, князь Михаил Всеволодович Черниговский, княживший в Киеве во времена Батыева нашествия, был в Орде казнен, как сообщает его житие, из-за отказа выполнить языческий обряд очищения: пройти между двумя огнями. В Орду за ярлыком съездил и галицкий князь Даниил Романович. Неудачной оказалась поездка Ярослава Всеволодовича в далекий Каракорум — он был там отравлен (1246).

Главной формой зависимости от Орды был сбор дани, или, как ее называли на Руси, *«ордынский выход»*. Дань собирали с дома-хозяйства. Для точной раскладки дани была проведена специальная перепись — *«число»*. Сборщиками дани были *баскаки,* приезжавшие на Русь в сопровождении вооруженной охраны. «Великий баскак» имел резиденцию во Владимире, куда из Киева фактически переместился политический центр страны. От дани было освобождено духовенство. Татары, бывшие в это время еще язычниками, отличались веротерпимостью. Кроме того, ордынские ханы отчетливо понимали большую идеологическую роль духовенства и стремились привлечь его на свою сторону.

Народные массы сопротивлялись ордынской политике угнетения. Сильные волнения произошли в Новгородской земле. В 1257 г., когда там начали брать дань, новгородцы отказались от ее уплаты. Однако Александр Невский, который считал невозможным открытое столкновение с Ордой, жестоко расправился с восставшими. Впрочем, новгородцы продолжали сопротивление. Они отказывались «даваться в число», записываться при переписи. Их негодо-

вание вызвало также то обстоятельство, что бояре «творяху... собе легко, а меньшим зло». Положить меньших людей в число удалось только в 1259 г. Но в **1262 г.** во многих городах Русской земли, в частности в Ростове, в Суздале, в Ярославле, в Устюге Великом, во Владимире, прошли народные восстания, многие сборщики дани — баскаки и купцы-мусульмане, которым баскаки передавали сбор дани на откуп, были убиты. Напуганные народным движением, ордынцы решили передать значительную часть сбора дани удельным русским князьям. Таким образом, народное движение заставило Орду пойти если не на полную отмену баскачества, то, по крайней мере, на его ограничение.

Усилению ига способствовала политика многих представителей княжеской верхушки. В наступивших после смерти Александра Невского в **1263 г.** (он был великим князем с 1252 г.) междоусобиях его сыновей и родственников главным аргументом стал суд хана. Князья доносили друг на друга в Орду и использовали ордынскую рать для взаимной борьбы. Так, в 1280 г., князь Андрей Александрович «многи дары даде царю и великим князем ордынским, и всех наполни богатством, и уговори и уласка всех, и изпроси себе княжение великое Владимерское у царя под братом своим старейшим, великим князем Дмитрием Александровичем» и с ордынской ратью пришел на Русь. Однако он недолго держал княжение в своих руках, Дмитрию Александровичу удалось вернуть себе первенство. Но в 1292 г. Андрей вместе с другими князьями донес в Орду на Дмитрия Александровича, что он утаивает дань. Хан Тохта отправил на Русь своего брата Дюденю. «Дюденева рать» вместе с князьями «взяша Владимер, и церковь Володимерскую разграбиша, и сосуды священныя вся поимаша, и Суздаль, и Юрьев, и Переславль, Дмитров, Москву, Коломну, Можаеск, Углече поле, всех градов взяша 14, и всю землю пусту сътвориша». Таких сообщений встречается в летописях очень много.

К концу XIII—началу XIV в. на Руси сложилась *новая политическая система.* Свершившимся фактом стал перенос столицы во Владимир. Галицко-Волынская земля оказалась от него независимой, хотя тоже подчинялась власти ханов. На западе возникло *Великое княжество Литовское,* в орбиту влияния которого постепенно попадают западные и юго-западные земли Руси. Пожалуй, только Черниговское и Смоленское княжества в какой-то степени тяготеют к Владимирскому княжению. Фактически произошло обособление Северо-Восточной Руси. Под властью великих князей владимирских, помимо территории старого Владимиро-Суздальского княжества, находились Рязанская земля и Новгород Великий.

Ордынское иго способствовало дальнейшему изменению характера политического развития древнерусских княжеств. Большинство старых городов Северо-Восточной Руси — Ростов, Суздаль, Владимир — пришли в упадок, уступив свое политическое

верховенство окраинным: Твери, Нижнему Новгороду, Москве. Насильственно прерванный процесс развития княжеств принял новые формы: на смену княжеским союзам, требовавшим добровольного объединения под властью великого князя, пришла монархия, основанная на огромной личной власти князя и служении одному ему феодалов-подданных. В дальнейшем такая форма организации политической власти привела к освобождению от ордынского ига, однако увеличение военного потенциала оказалось связанным с усилением зависимости всех слоев населения от власти.

Первое время после Батыева нашествия страна постепенно залечивала раны, восстанавливалась экономика. Заселяются опустевшие села и деревни, распахиваются поля, поднимаются из пепла города, возникают новые виды ремесел. Конец XIII— начало XIV в.— время роста феодального землевладения. Многочисленными селами владеют князья. Становится все больше вотчин, как крупных, так и мелких. Основной путь развития вотчины в это время — пожалование князем земли с крестьянами. Феодалы делились на высший слой — бояр и на так называемых *слуг вольных.* И те и другие обладали широкими иммунитетными правами, вероятно, судили население своих сел по всем делам. Однако с конца XIV в. эти права начинает урезывать усиливающаяся княжеская власть. Сначала в ведение князя переходит суд по делам об убийстве («душегубстве»), а затем — и о разбое, а иногда и о «татьбе» — кражах.

Наряду с боярами и слугами вольными существовали и мелкие феодалы-землевладельцы — так называемые *слуги под дворским* (дворские — это управляющие княжеским хозяйством в отдельных волостях, которым подчинялись мелкие княжеские слуги). Они получали от князя небольшие участки земли за службу. Из их землевладения впоследствии развилась *поместная система.*

Однако и вотчинная система (княжеские, боярские и монастырские села и деревни), не говоря уже о еще не сформировавшейся поместной, были всего лишь островками в море крестьянских общин. Даже во второй половине XV в. в Северо-Восточной Руси преобладали еще земли так называемых *черных крестьян.* Они платили дань и другие налоги непосредственно, а не через своих феодалов и жили в селах, не принадлежавших отдельным феодалам. Их общины именовались волостями, потому и самих крестьян часто называли волостными.

Вопрос об их социальной природе до сих пор дискуссионен. Одни исследователи говорят, что на Руси в XIV—XV вв. существовал государственный феодализм, а черных крестьян считают феодально-зависимыми, но не от частных собственников, а от феодального государства в целом. Дань и другие налоги, которые платили князьям черные крестьяне, они рассматривают как форму феодальной ренты. Другие исследователи полагают, что черное крестьянство — это свободное население, не втянутое еще в систему феодальной эксплуатации. Черные земли они считают полной

собственностью крестьянских общин, а дань рассматривают как обычное налоговое обложение. Есть и третья точка зрения, согласно которой черные крестьяне были как бы сособственниками черных земель вместе с государством. Однако вне зависимости от того, в каких терминах современной науки определяется положение черных крестьян, ясно, что жилось им легче, чем частновладельческим.

Феодалы вели постоянное наступление на черные земли, пытались их, как тогда говорили, «обоярить».

Уровень эксплуатации крестьянства в XIV— первой половине XV в. не был еще высоким: при слабом развитии товарно-денежных отношений феодал ограничивался получением лишь тех продуктов сельскохозяйственного производства, которые он мог потребить. Поэтому натуральный оброк был основным видом феодальной ренты. Отработочная рента существовала в виде отдельных повинностей. Так, в конце XIV в. крестьяне Цареконстантиновского монастыря близ Владимира должны были (по грамоте митрополита Киприана) ремонтировать монастырские постройки, пахать монастырскую пашню, ловить рыбу, варить пиво, молотить рожь, прясть лен и т. п. Работы на пашне составляли специфическую обязанность именно монастырских крестьян (монастыри не владели холопами), в вотчинах светских феодалов на господской пашне работали холопы.

В ходе восстановления экономики росло городское население и развивалось ремесло. Некоторые ремесленники работали уже не на заказ, а на рынок. И все же население городов по-прежнему составляло ничтожную часть жителей страны. Товарные связи были в основном случайными, обусловленными либо источниками сырья (например, доставка соли от места добычи или выплавка железа возле месторождений руды), либо перевозкой зерна из урожайных районов в неурожайные.

Борьба крестьянства была направлена лишь против усиления эксплуатации и ее наиболее жестких форм. Одним из видов протеста был уход крестьян на новые места в поисках более приемлемых условий для жизни и труда. Страх перед возможным уходом крестьян и запустением земли подчас удерживал феодалов от чрезмерного увеличения повинностей. Междукняжеские соглашения (впрочем, далеко не всегда выполнявшиеся) предусматривали нередко выдачу ушедших в чужое княжение крестьян, запрет принимать крестьян в другом княжестве. Из уставной грамоты митрополита Киприана (1391) известно о сопротивлении крестьян попыткам усилить эксплуатацию. Крестьяне апеллировали при этом к обычаю, «старине»: незыблемость «старины» была одним из принципов средневекового правосознания, и даже ее изменения обычно пытались маскировать восстановлением нарушенного обычая.

Крестьяне вели также борьбу против захвата феодалами в частную собственность общинных земель, выступали с судебными исками, перепахивали межи, не пускали боярских приказчиков.

Поскольку князья часто передавали возникающим монастырям в собственность черные земли, то крестьяне нередко сопротивлялись созданию новых монастырей. Многочисленные сведения такого рода встречаются в житиях основателей монастырей.

§ 2. НАЧАЛО ОБЪЕДИНЕНИЯ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

Проблема образования Русского государства принадлежит к ключевым в исторической науке. Различные исторические направления и школы предлагали свои подходы и конкретные пути решения этой важной темы. Уже В.Н. Татищев, отталкиваясь от теории «естественного права» и добровольного договора, рассматривал эту проблему в контексте восстановления в Северо-Восточной Руси самодержавия. В том же, свойственном для дворянских историков ключе рассматривал процесс становления Русского государства и Н.М. Карамзин. Создание Русского государства для него — результат деятельности отдельных князей и царей, среди которых он особенно высоко ставил Ивана III — дальновидного и осторожного политика. По Карамзину, восстановлением государственности Русь обязана монархическому устройству, единственно способному одолеть центробежные тенденции эпохи уделов. В этой связи он подчеркивал даже благотворное влияние ордынского ига, облегчившего воссоздание монархии уничтожением «древних гражданских прав» и политикой ханов. При таком подходе вне внимания исследователей оставалась социально-экономическая тематика, роль народных масс в создании Русского государства.

В середине XIX в. этими проблемами занялись историки буржуазного направления. Предмет их пристального внимания — история государства. Однако они уже не были удовлетворены известной прямолинейностью своих предшественников, сводящих все к утверждению в Восточной Руси единовластия. Русское государство рассматривается ими как определенный итог этнического развития народа. Стержнем их построений стала теория выделения государственного начала, которое пришло на место началу вотчинному. В итоге исходной точкой отсчета создания государства для них становилась не Древняя Русь, как это было в дворянской историографии, а Русь Московская. Само же содержание процесса сводилось к борьбе различных общественно-политических форм. Эта схема получила свое воплощение в трудах С.М. Соловьева. Именно он придал ей научную целостность и историческую аргументированность, обратился к истокам внутреннего, «органического развития» российской государственности.

В.О. Ключевский и его последователи дополнили эту схему изучением социально-экономических процессов, обратились к выяснению места «общественных классов». Русское национальное государство выросло, по мнению В.О. Ключевского, из «удельного порядка», из «вотчины» князей — потомков Даниила Московского.

При этом знаменитый историк подчеркивал неразборчивость московских князей, действовавших как «беззастенчивые хищники». Своекорыстный интерес московских правителей совпал с «народными нуждами» формирующейся великорусской народности — ее стремлением к освобождению и обретению своего независимого государства.

В современной литературе нередко встречаются работы, скептически относящиеся к тому, что было достигнуто советской исторической наукой. Действительно, жесткие методологические установки сильно ограничивали творческие усилия исследователей, определяли тематику и подходы. Но было бы несправедливо и в научном плане необоснованно перечеркивать ту огромную исследовательскую работу, которую выполнили советские историки. В их трудах получили подробное освещение вопросы социально-экономического развития, феодального землевладения, что позволяет судить о предпосылках образования государства и централизации, участия различных социальных групп и слоев в образовании Русского государства, политической истории. Понятно, что в новых условиях и при открывшихся новых подходах многое предстоит переосмыслить. Расширяется круг представлений, развивается сама историческая наука.

Политическое раздробление Руси достигло своего апогея на рубеже XIII—XIV вв. Из Владимиро-Суздальского княжества выделилось к 70-м годам XIII в. 14 княжеств, из которых наиболее значительными были *Суздальское, Городецкое* (с Нижним Новгородом), *Ростовское, Ярославское, Переяславское, Тверское* и *Московское*.

Дробление было характерно и для других территорий: так, Смоленская земля распалась на еще более мелкие уделы: Можайское, Вяземское, Ржевское, Фоминское и другие княжества. В Чернигово-Северской земле, в верховьях Оки, было множество мелких княжеств: Козельское, Тарусское (из него выделилось Оболенское), Трубчевское, Мосальское и т. п. Во многих княжествах на протяжении XIV в. шло выделение новых уделов. Так, в Тверском княжестве выделились Микулинский и Кашинский уделы, в Московском — Серпуховской, Боровский и др., в Рязанском — Пронский.

На рубеже XIII—XIV вв. создалась *особая политическая система Великого княжения Владимирского*. Великий князь Владимирский стоял во главе феодальной иерархии. Он оставался в то же время главой своего собственного княжества. Власть великого князя была во многом номинальной, но все же давала некоторые преимущества. Территория великокняжеского домена вокруг Владимира включала богатые и плодородные земли, великокняжеские бояре могли получать здесь выгодные наместничества. Великокняжеский стол увеличивал престиж князя, давал ему возможность расширить или, по крайней мере, укрепить границы своего княжества. Поэтому князья вели ожесточенную борьбу за выдававшийся в Орде ярлык на владимирский стол. Основными претендентами были в XIV в. тверские и московские князья, а затем и суздальско-нижегородские.

Остальные не могли претендовать на владимирский стол, ибо были либо слишком слабы для борьбы, либо не принадлежали к владимиро-суздальской княжеской династии (например, рязанские князья) и не имели прав на великокняжеский престол.

Наиболее сильные княжества (Московское, Тверское, Суздальско-Нижегородское, Рязанское) с XIV в. часто именуются великими, а их князья вне зависимости от получения Владимира — великими князьями. Эти великие князья стали главами своеобразных союзов князей в своих землях, арбитрами в спорах между удельными князьями, сносились с Ордой и часто собирали «ордынский выход» — дань. Они считались «братьями старейшими» удельных князей (термины родства указывали лишь на место в феодальной иерархии: дядя мог быть «братом молодшим» племянника).

Борьба за великокняжеский престол усиливалась по мере того, как рос великокняжеский домен за счет выморочных княжеств, владетели которых не оставили прямых наследников. Так, постепенно в его составе оказались Костромское и Юрьевское княжества; формально в него входило и Переяславское княжество, хотя, как будет показано ниже, оно фактически подчинялось Москве.

В XIV в. наметились тенденции политического объединения земель. В Северо-Восточной Руси развивалось крупное феодальное землевладение. Вотчинникам-боярам было тесно в рамках небольших княжеств: ведь бояре не имели права покупать земли за границами своего княжества. Классовая борьба крестьян и горожан также требовала усиления власти. Феодальная раздробленность не порвала давних экономических связей между землями, а в дальнейшем возникали и новые. Это облегчало достижение единства. Предпосылкой для ликвидации феодальной раздробленности была примерная синхронность в развитии всех княжеств, а потому в основном одинаковым был их уровень. Близки были правовые нормы, восходящие к Русской Правде. Сохранялось и общерусское национальное самосознание.

Но действие этих предпосылок, едва наметившихся тенденций социально-экономического развития не смогло бы проявиться без участия внешнего фактора: необходимости организовать отпор разбойничьим набегам ханов Золотой Орды и свергнуть ее иго. Одного этого внешнего фактора оказалось мало, чтобы объединить русские земли в XIII в. перед лицом Батыева нашествия, но без него и в XIV—XV вв. слабые еще социально-экономические предпосылки не смогли бы оказать своего действия.

Борьба за владимирский престол не была столкновением противников и сторонников единства. В ней решалось лишь, какое княжество возглавит объединительный процесс. Из участников этой борьбы наименьшие шансы на успех были у Суздальско-Нижегородского княжества. Расположенное на восточной окраине, это княжество находилось слишком близко к Орде и потому часто становилось жертвой набегов. Это и препятствовало концентрации

здесь населения, и толкало суздальско-нижегородских князей на соглашательство по отношению к Орде.

Возможности же Московского и Тверского княжеств были приблизительно равными. Их столицы стояли на перекрестках торговых путей. Территории были хорошо защищены и с запада и с востока густыми лесами и другими княжествами от вражеских нападений. Именно здесь, в Центре, складывалась русская народность. Поэтому победа Москвы или Твери обусловливалась прежде всего конкретной ситуацией, реальным соотношением сил. Забегая вперед скажем, что превосходство Москвы было достигнуто благодаря политике московских князей, неразборчивых в средствах и способах достижения своих целей, особенно в первые десятилетия, и тому обстоятельству, что возвысившееся Тверское княжество, не успев окрепнуть, оказалось под ударами ордынских правителей.

Оба княжества возникли в XIII в.: Тверское в **1247 г.** получил младший брат Александра Невского Ярослав Ярославич, Московское — в **70-х гг. XIII в.** младший сын Александра Невского Даниил. Ярослав и Даниил стали родоначальниками тверской и московской *княжеских династий.*

Московское княжество было одним из самых небольших, но Даниилу Александровичу удалось его значительно расширить. В 1301 г. он отвоевал у Рязани Коломну. Затем ему удалось фактически присоединить выморочное Переяславское княжество. Тем самым в руки московских князей попала густо населенная территория с развитым феодальным землевладением. Здесь было много и крестьян, и феодалов, что увеличивало экономическую и военную мощь княжества. Присоединение Коломны дало выход к низовьям Москвы-реки и к Оке, а переяславские земли стали плацдармом для наступления на граничившее с ним Ростовское княжество. Сын Даниила Юрий **(1303—1325)** отвоевал у Смоленского княжества Можайск и вступил в борьбу за великое княжение.

Юрий Данилович заручился поддержкой хана Узбека, на сестре которого Кончаке (Агафье) он был женат, обещал ему больше дани и получил ярлык на великое княжение. Великокняжеский престол был тогда в руках тверского князя Михаила Ярославича, который не подчинился приказу хана и начал войну с Юрием. Юрий потерпел поражение, причем в плен попала княгиня Агафья. На беду она скоро умерла в Твери. Юрий ловко обвинил Михаила Ярославича в том, что он «уморил» ханскую сестру. Михаила вызвали в Орду и казнили. Впрочем, ярлык на великое княжение достался не Юрию: в Орде стремились натравливать друг на друга русских князей, не оставлять надолго великокняжеский престол в руках одной княжеской ветви. Поэтому ярлык получил сын казненного Михаила Ярославича Дмитрий Грозные Очи. Видно, прозвище не было случайным: встретив в Орде виновника гибели своего отца, Дмитрий не сдержался и убил Юрия Даниловича. Хан приказал его казнить. По словам летописи, он был «гневен зело на всех князей тверских

и называше их крамольникы». Впрочем, ярлык остался у Твери: он был дан брату Дмитрия — Александру Михайловичу.

Московским князем стал брат Юрия Иван Данилович Калита **(1325—1340).** Его прозвище было, вероятно, связано с богатством и скопидомством князя: калитой называли кошель для денег, который привязывали к поясу.

Иван Калита усиливал свое княжество при помощи Орды. В **1327 г.** в Твери вспыхнуло восстание против ордынцев. Оно было вызвано попыткой восстановить на Руси систему баскачества. Хан Узбек прислал в Тверь в качестве баскака Чолхана (на Руси его называли Щелканом), своего родственника. Отряд Чолхана бесчинствовал в Твери. Восставшие истребили ненавистного баскака и его воинство. Князь Александр Михайлович, пытавшийся отговорить горожан от восстания, вынужден был примкнуть к ним. Иван Калита взял на себя подавление народного движения. Вместе с ордынским войском он пошел на Тверь. Вся земля была опустошена, города и села сожжены, люди уведены в рабство. Князь Александр бежал во Псков, но митрополит Феогност, союзник Калиты, проклял псковичей и отлучил их от церкви. Александру Михайловичу пришлось бежать в Великое княжество Литовское. Через несколько лет он все же вернулся на Русь, а затем вызван в Орду и там казнен (1339).

В награду за подавление восстания Иван Калита получил ярлык на великое княжение. Несмотря на поражение, тверское восстание имело огромное значение: оно заставило Орду окончательно отказаться от системы баскачества и перейти к откупу дани русскими князьями. Главным сборщиком дани стал Иван Калита.

При Иване Калите Московское княжество стало самым сильным на Руси. Великое княжение у него уже никто не решался оспаривать. Сбор дани давал ему возможность, утаивая часть «выхода», значительно разбогатеть. Церковь поддержала удачливого: митрополит Петр сделал Москву своим постоянным местопребыванием. Калите удалось (вероятно, при помощи Орды) установить власть над Угличем и отдаленными Галичем (Костромским) и Белоозером. Но и земли, которые были формально самостоятельными, испытывали на себе тяжелую руку московского князя. Так, сохранилось известие, что при Иване Калите от ростовских князей «отъяся... и имение, и честь, и слава, и вся прочая, и потягну к Москве», а «насилование много» воевод московского князя заставили «не мало их от ростовец» отдавать насильно свои имения москвичам и переселиться в пределы Московского княжества, где они пополнили ряды слуг Ивана Даниловича. В нарушение норм тогдашнего права Калита покупал села в других княжествах и нередко отдавал во владение своим людям. Так он создавал свои опорные пункты в чужих землях. Усилил Иван влияние на жизнь Великого Новгорода, князем которого он считался как великий князь владимирский.

Укрепилось при Иване Калите и московское боярство. Оно богатело, участвуя в сборе дани, получая выгодные наместничества, приобретая новые вотчины на присоединенных территориях и в великокняжеском домене. Это привлекало под власть Калиты феодалов из других княжеств.

Укрепляя Московское княжество, Иван Калита не ставил перед собой больших государственных задач, он преследовал лишь корыстные цели обогащения и укрепления личной власти. Он не только не помышлял об отпоре захватчикам, но, напротив, был таким верным слугой Орды, что даже свое завещание утвердил там. Однако усиление Московского княжества позволило внуку Калиты Дмитрию вступить в открытую борьбу с Ордой.

Политику Ивана Калиты продолжали его сыновья — Симеон Иванович Гордый **(1340—1353)** и Иван Иванович Красный **(1353—1359)**. В их время уже начали выделяться уделы внутри самого Московского княжества, но князьям «Калитина рода» удавалось действовать единодушно. Единство действий великого и удельных князей Симеон Гордый считал главным принципом московской политики. Обращаясь в завещании к младшим братьям (князь пережил сыновей), он наставляет их «жити заодин» и не слушать «лихих людей», которые будут их ссорить («сваживати»), «чтобы не престала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла».

Эта свеча чуть не погасла в конце 50-х — начале 60-х гг. XIV в. В 1359 г. умер 33-летний великий князь Иван Иванович, оставив 9-летнего наследника Дмитрия. Ребенок еще ни разу не получал ярлыка на великое княжение. Суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович воспользовался малолетством Дмитрия, чтобы получить в Орде ярлык. Однако к середине XIV в. в Москве сложился сплоченный кружок московского боярства, твердо отстаивавший интересы московской династии. Превращаться из великокняжеских бояр в обычных приближенные Дмитрия не хотели. Фактически главой этого кружка был митрополит Алексей, умный и дальновидный государственный деятель. Алексей был сыном черниговского боярина Федора Бяконта, перешедшего на службу к Даниилу Александровичу. Он родился в Москве, его крестным отцом был молодой княжич Иван Данилович. Крестник Калиты направил всю свою энергию, чтобы добиться ярлыка для внука своего крестного. А возможности его были велики: Алексей был своим человеком в Орде. В 1362 г. усилия Алексея и московских бояр увенчались успехом: 12-летний Дмитрий получил ярлык.

Но борьба продолжалась. В Орде в это время разные ханы оспаривали друг у друга престол. В этих условиях и ярлык переходил из рук в руки. Вскоре его снова получил Дмитрий Константинович. Однако в 1366 г., он, видя силу Москвы, отказался навсегда от великокняжеского престола и даже выдал за Дмитрия Ивановича свою дочь.

Это был важный успех, но оставался главный соперник —

тверской князь. Однако прежде чем вступать с ним в открытую борьбу, Дмитрию надо было укрепить могущество Москвы. В **1367 г.** в невероятно короткий срок — меньше чем за два года — было закончено строительство нового Московского Кремля — из белого камня-известняка. Его строительство выделяло Москву из всех остальных городов. Для возведения такой крепости требовалось огромное богатство: тысячи саней должны были ежедневно возить камень из Мячкова (30 километров от Москвы) в Москву, сотни строителей должны были трудиться ежедневно: ведь Кремль строили «безпрестани». Недаром новый Кремль резко повысил престиж московского князя: к известию о строительстве летописец отнес общую характеристику политики Дмитрия, который «всех князей русских привожаше под свою волю, а которые не повиновахуся воле его, а на тех нача посегати».

Тверской князь пользовался поддержкой великого князя литовского Ольгерда, который дважды осаждал Москву, но безрезультатно. В 1371 г. тверской князь Михаил Александрович получил ярлык на великое княжение. Но оказалось, что жители Владимира уже привыкли к власти московских князей и не впустили Михаила. Не повиновался Орде и Дмитрий, заявив: «К ярлыку не еду, а в землю на княжение на великое не пущаю». Михаил Александрович побоялся скомпрометировать себя и отказался от войска Орды, чтобы сесть на владимирский стол. Хан признал сложившееся положение, ярлык получил Дмитрий. В 1375 г. началась московско-тверская война, после того как тверской князь снова получил ярлык. Антитверская коалиция оказалась весьма широкой. Выставили свои полки Ярославль, Ростов, Суздаль и другие княжества. Поддержал Дмитрия и Новгород Великий, у которого были пограничные счеты с Тверской землей, а потому новгородцы опасались тверского князя на великокняжеском престоле. Союзником Дмитрия был также один из удельных князей Тверской земли — кашинский. Михаил Александрович после безуспешной обороны Твери капитулировал. В московско-тверском договоре владимирский стол был признан «вотчиной» — наследственным владением московских князей. Михаил Тверской считался теперь «братом молодшим» Дмитрия и просто «братом» удельного князя Московской земли Владимира Андреевича, владевшего Серпуховом и Боровском. Статус великого князя тверского приравнивался, таким образом, к статусу московского удельного князя.

События конца 50-х — начала 70-х гг. показали, что соотношение сил изменилось и судьбы владимирского престола решаются теперь на Руси, а не в Орде. Дмитрий собрал силы для открытого противоборства с поработителями. Война с Тверью окончательно развязала ему руки. Недаром перед самым началом войны с Тверью, в ноябре 1374 г., в Переяславле Залесском состоялся съезд князей и бояр всей страны. Как предполагают, на нем и было решено вступить в решительную борьбу с Ордой.

В самой Орде с конца 50-х годов продолжались усобицы — «замятня великая». За 20 с небольшим лет на престоле сменилось больше 20 ханов. В условиях ослабления ханской власти многие ордынские «царевичи» и мурзы на свой страх и риск предпринимали многочисленные разбойничьи набеги на Русь. Но вместе с тем Орде было теперь труднее вмешиваться в политическую жизнь Руси. Однако в середине 70-х годов усобицы приостановились. Темник (начальник тумена) Мамай захватил власть и стал фактическим правителем Орды, ставя и свергая ханов по своему усмотрению. Мамай сумел отчасти восстановить военное могущество Орды.

Итак, теперь сплотившаяся вокруг Москвы Русь и преодолевшая усобицы Золотая Орда стояли друг перед другом. Столкновение было неизбежно.

Первое время стороны еще как бы прощупывали друг друга. В 1375 г. войска Мамая совершили набеги на юго-восточную часть Нижегородского княжества и на г. Новосиль в юго-западной части страны. В начале 1377 г. совместная московско-нижегородская рать во главе с московским воеводой Дмитрием Боброком Волынским напала на ордынский город Булгар (южнее Казани). Ордынские войска потерпели поражение и уплатили большой выкуп. В Булгаре были оставлены русские должностные лица. Впервые не Русь платила дань Орде, а ордынские князья Руси.

Летом того же 1377 г. стало известно, что хан Араб-шах (на Руси его называли Арапша) готовится напасть на Нижний Новгород. Ему навстречу вышло объединенное русское войско (москвичи, нижегородцы, владимирцы, муромцы, ярославцы и т. д.). Арапша где-то задержался, в войсках началось разложение: князья, воеводы и воины беспечно охотились, пьянствовали, оружие и доспехи держали в обозе. Однако вместо Арапши внезапно появились, очевидно, войска самого Мамая и нанесли русскому войску у берегов реки Пьяны жестокое поражение. «По истине за Пианою пиани»,— невесело каламбурит летописец. Враги двинулись дальше, без труда взяли оставшийся без защиты Нижний Новгород, сожгли его и разграбили.

Тяжелое поражение не изменило решимости Дмитрия бороться с Ордой. Когда на следующий год Мамай решил закрепить успех и отправил на Русь большое войско мурзы Бегича, Дмитрий лично возглавил силы для отпора. На *реке Воже* в Рязанской земле ордынская рать потерпела полное поражение: ордынцы, бросив множество убитых и свои походные шатры, под покровом темноты бежали.

Мамаю было необходимо взять реванш за Вожу. Иначе иго бы пало. Поводом для похода стало требование увеличить дань.

В войска Мамая, по разным данным, входило от 100 до 250 тыс. человек: не только ордынцы, но и рати из подчиненных Орде народов Поволжья и Северного Кавказа и даже наемники из генуэзских колоний в Крыму. Союзниками Мамая считались великий князь литовский Ягайло и рязанский князь Олег Иванович.

Они были ненадежными союзниками. Ягайло с опаской относился к усилению Москвы: ведь под угрозой могли оказаться западнорусские земли, вошедшие в состав Великого княжества Литовского. Но и победа Мамая не сулила ему ничего хорошего. Для Ягайла выгодно было, чтобы Москва и Орда взаимно обескровили друг друга. Вынужденно обещал помогать Мамаю Олег Рязанский: ведь его княжество было как раз на пути из Орды на Русь, на него всегда обрушивался первый, самый страшный удар врага. Союз с Мамаем был лишь средством спасти княжество от погрома. Однако именно Олег, этот «союзник» Мамая, первым сообщил Дмитрию о приближении ордынского войска и о пути его движения.

Мамай шел на Русь «во мнозе силе», но и войско Дмитрия было необычно большим. Известия о его составе противоречивы. Несомненно, что, кроме воинов из великого княжества Владимирского и Московской земли, под знаменами Дмитрия Ивановича были воины из Ростова, Ярославля, Мурома, расположенных в верховьях Оки северских княжеств. Братья Ягайла — Андрей Полоцкий (княжил в Пскове) и Дмитрий Трубецкой (княжил в Брянске), вероятно вместе с дружинами из Полоцка и Трубчевска, вошли в состав войск Дмитрия Ивановича. По некоторым данным, в битве участвовали на стороне Руси воины из Литвы — «литовские паны». Не было ратей суздальско-нижегородских князей, ослабленных поражением на Пьяне, не прислал войск тверской князь, хотя один из удельных князей Тверской земли — холмский, видимо, участвовал в битве. Недостаточно достоверны встречающиеся в поздних источниках сведения об участии в ополчении новгородцев. Но все же под стягами Дмитрия собрались воины из большей части Руси. Войско включало не только дружинников-феодалов, но и народное ополчение. По словам летописца, «от начала бо такова сила русская не бывала».

В Коломне московские войска соединились с остальными дружинами и двинулись навстречу Мамаю, к Дону. Дмитрий стремился вступить в соприкосновение с Мамаем до того, как к нему подойдут союзники. Вероятно, Ягайло и Олег Иванович не торопились и сами. Во всяком случае, в битве они не участвовали.

7 сентября 1380 г. на берегу Дона состоялся военный совет. По предложению Дмитрия, было решено переправиться на противоположный берег Дона и там принять бой. Тогда в случае поражения путь к отступлению был бы отрезан: ведь переправа в боевой обстановке почти невозможна. Таким образом, русское войско было готово сражаться до последнего. В ночь с 7 на 8 сентября по быстро наведенным мостам полки переправились через Дон, на *Куликово поле* возле впадения в Дон реки Непрядвы.

Противоречивость источников в изображении подробностей битвы привела к спорам относительно конкретного ее хода. Нет единого мнения даже в том, на каком — правом или левом — берегу Непрядвы разыгралось сражение. Поэтому представить его себе можно лишь в общих чертах.

Обычное расположение русских войск на поле боя включало 6 полков: авангард (передовой и сторожевой полки), центр (большой полк), фланги (полки правой и левой руки) и засада (засадный полк). Используя утренний туман и лесные заросли по краям поля, Дмитрий сумел укрыть засадный полк. Сначала ордынцам удалось уничтожить передовой и сторожевой полки, затем они направили свои удары на большой полк и полк левой руки. Тем самым Мамай подставил незащищенный фланг под удар русскому засадному полку. Его воины во главе с воеводой Дмитрием Боброком Волынским и Владимиром Андреевичем Серпуховским внезапно появились из засады. Свежие войска встретились с уже обескровленными и усталыми воинами Мамая. Это решило исход сражения. Ордынцы не выстояли и бежали с поля боя. После этой битвы московский князь Дмитрий был прозван Донским.

Куликовская битва, казалось, должна была покончить с ордынским игом. Однако получилось иначе. Скомпрометированного тяжелым поражением Мамая сверг с престола Тохтамыш, один из потомков Чингисхана, правивший в Средней Азии. Мамай бежал в Крым и был там убит. Тохтамыш потребовал от русских князей дани: он утверждал, что на Куликовом поле проиграла битву не Золотая Орда, а узурпатор Мамай. В самом деле, темник Мамай, хотя и породнившийся с Чингизами, не принадлежал к ханскому роду, следовательно, незаконно захватил власть. Сопротивление ему с точки зрения средневекового сознания было оправдано. Иное дело — Тохтамыш, законный наследник владык Золотой Орды. Это обстоятельство внесло определенный раскол в среду князей, к тому же недовольных возвышением Дмитрия Ивановича. Все эти обстоятельства сильно затруднили организацию отпора Тохтамышу, который в 1382 г. двинулся походом на Русь. Суздальско-нижегородские князья, опасаясь за свою судьбу, присоединились к нему. Дмитрий Донской отправился собирать войска, но Тохтамыш дошел до Москвы раньше. Митрополит Киприан, великая княгиня и многие бояре бежали. Оборону города взяли в свои руки сами москвичи. К этому событию относятся первые сведения о применении на Руси огнестрельного оружия — крепостных пушек («тюфяков»).

Будучи не в силах взять Москву, Тохтамыш прибег к обману. Нижегородские князья убеждали жителей, что хан удовлетворится только выражением покорности. Когда ворота города были открыты, враг подверг столицу погрому и сжег ее. Были разграблены Владимир и города Московского княжества. Для войны с Тохтамышем сил у Руси не было. «Оскуде бо вся русская земля от Мамаева побоища за Доном»,— писал летописец. Ордынское иго было восстановлено.

Тем не менее Куликовская битва была событием огромного исторического значения для судеб страны. Это была первая победа над главными силами Орды, а не над отрядами отдельных полко-

водцев. Тем самым народ восстановил веру в свои силы, увидел, что победа над Ордой возможна.

Куликовская битва показала, что победы можно достичь, лишь объединив все силы народа под общим руководством, и что может это сделать именно Москва. До Куликовской битвы Москва была столицей самого крупного и сильного княжества, князья которого несколько десятилетий подряд занимали владимирский великокняжеский престол. Теперь Москва стала национальной столицей. Окончательно решился в пользу Москвы давний спор о том, Москва или Тверь возглавит политическое объединение страны.

Дмитрий Донской прожил недолгую жизнь. В 30 лет он совершил главное дело своей жизни — выиграл битву на Куликовом поле. Через 9 лет, в **1389 г.,** он умер. Перед смертью он по обычаю составил завещание. Оно носит не только хозяйственный (как у большинства его предшественников), но и политический характер, отражает новую обстановку в стране, сложившуюся после 1380 г. Дмитрий решительно передает старшему сыну владимирский великокняжеский престол как свою «вотчину», ни словом не упоминая о ханском ярлыке. Тем самым произошло слияние территории Владимирского и Московского великих княжеств.

В завещании Дмитрий Донской предусматривал возможность падения ордынского ига еще при жизни своих сыновей при условии, что «переменит бог Орду», т. е. там снова начнутся смуты. Впрочем, Дмитрий Донской не считал, что прекращение выплаты дани должно будет улучшить положение народных масс: «который сын мой возмет дань на своем уделе, то тому и есть»,— писал он в духовной. Таким образом, измениться должен был лишь адресат дани.

Наследником Дмитрия был его старший сын Василий. Вероятно, это имя было дано не случайно. Ведь в московском княжеском доме до сих пор Василии почти не встречались. В переводе с греческого это имя означает «царь». Юрием, т. е. Георгием, победоносцем, назвал Дмитрий другого сына. Власть и оружие, единство страны и вооруженная борьба против ордынского ига,—вот завет Дмитрия своим сыновьям, выраженный в их именах.

§ 3. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ В XIII— ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

Важную роль в отечественной истории сыграло Великое княжество Литовское. Литовские племена в Прибалтике — жемайты (жмудь), аукштайты, ятвяги, курши и т. д.— позже, чем восточные славяне, перешли к классовому обществу. Но во второй половине XII в. у них уже наблюдаются союзы князей, бывших еще, видимо, племенными вождями. Князья возглавляют первые набеги на Русь. Однако Литовское государство создалось только в **XIII в.** Его основателем был Миндовг (Миндаугас), который впервые упоминается в русских летописях в 1219 г.

Миндовг объединил под своей властью литовские земли в кровавой борьбе с остальными князьями. Волынский летописец сообщает, что он «нача избивати братью свою и сыновце (т. е. племянников) свои, и другие выгна из земли и нача княжити один во всей земле Литовской». Его называют даже «самодержцем». Миндовг поддерживал союз с Александром Невским и с галицким князем Даниилом Романовичем, за которого выдал замуж свою дочь.

Литовцы в это время были еще язычниками, за право христианизации Литвы соперничали православие (Русь) и католицизм (Польша и Тевтонский орден). Миндовг было принял католичество (1251), но это было лишь его ловким политическим маневром. Через несколько лет он вернулся в язычество и продолжил успешную борьбу с Тевтонским орденом за независимость Литвы.

В **1263 г.** Миндовг погиб в результате заговора враждебных ему князей. В Литве начались междоусобия. Отдельным князьям (Тройдену, Войшелку) удавалось лишь временно укрепить княжескую власть. Их преемник Витень (1293—1315) в союзе с галицкими князьями одерживал победы над Тевтонским орденом. Расцвет Великого княжества Литовского (с этого времени оно так называется) наступил при брате Витеня — Гедимине **(1316—1341)**.

С самого начала в состав Великого княжества Литовского входили не только литовские, но и русские земли. Уже Миндовгу была подчинена *Черная Русь* — земли в бассейне Немана вокруг Гродно. При его наследниках количество русских земель, подвластных великим князьям литовским, значительно возросло. Особенно большие территории Руси оказались в Великом княжестве Литовском при Гедимине. В его руках были Минск, Туров, Витебск, Пинск. В Полоцкой земле сидели на княжении литовские князья. Влияние Гедимина распространялось также на Киевскую, Галицкую и Волынскую земли. При преемниках Гедимина — Ольгерде (Альгирдасе), Кейстуте (Кейстутисе), Витовте — еще больше русских и будущих белорусских и украинских земель входит в Великое княжество. Собственно этнографическая Литва составляла около одной десятой части этого обширного государства.

Способы присоединения этих земель были различны. Конечно, имел место и прямой захват, но нередко русские князья признавали добровольно власть литовских князей, а местное боярство призывало их, заключая с ними соглашения — «ряды». Причиной тому были неблагоприятные внешнеполитические условия. С одной стороны, русским землям угрожала агрессия немецких рыцарских орденов, с другой — ордынское иго. Феодальная раздробленность и княжеские междоусобия в Северо-Восточной Руси делали ее бессильной помочь западным и юго-западным частям страны. Поэтому русские феодалы искали у Великого княжества Литовского защиты от внешней угрозы, тем более что литовские князья не были вассалами Орды, и тем самым ордынское иго не распространялось на его территорию.

Включению русских земель в состав Великого княжества Литовского способствовали также многосторонние и давние связи литовских племен с Русью, особенно укрепившиеся в XIV в. Показателем их служат и браки литовских князей. Так, одна из дочерей Гедимина была замужем за тверским князем, его сын Ольгерд был дважды женат на русских княжнах, мужьями же его двух дочерей были суздальский и серпуховской князья.

Русские земли в составе Великого княжества Литовского, более многочисленные, чем литовские, и стоявшие на более высокой ступени развития, оказали существенное влияние на характер социальных отношений и культуру этого государства. Феодальная знать Великого княжества, за исключением князей, состояла в основном не из литовцев, а из русских. Это объяснялось в том числе и тем, что в Литве долго сохранялось подчиненное непосредственно великому князю свободное крестьянство, а местный феодальный класс был численно крайне невелик. Поэтому русские князья и бояре в Великом княжестве Литовском участвовали в решении политических вопросов, в дипломатических переговорах.

Вслед за русской знатью русское право вошло в литовское законодательство. Русская Правда была действующим сводом законов на территории Великого княжества Литовского и послужила одним из источников для Судебника великого князя Казимира (1468). Русский язык в его западном варианте — так называемая «русская мова» — стал государственным языком Великого княжества Литовского, языком образованной части литовского общества. Он послужил основой для формирования в дальнейшем украинского и белорусского языков. По своим функциям этот язык сравним с латинским языком в Западной Европе.

Наследниками Гедимина в результате междоусобной борьбы стали его сыновья Ольгерд, получивший восточную часть Литвы с большинством русских земель, и Кейстут, владевший западной частью государства. Старшим считался Ольгерд, даже называвший себя королем. Он захватил Волынь, Черниговскую и Брянскую земли, одновременно воевал с немецкими рыцарями. После его смерти **(1377)** начались новые усобицы. Кейстут в 1381 г. отобрал было великокняжеский престол у сына Ольгерда — Ягайла (Йогайла), но вскоре Ягайло вернул себе великокняжескую власть, а затем заманил Кейстута для переговоров и убил. Борьбу продолжил сын Кейстута — Витовт.

Междоусобицы ослабляли силы Литовского государства, приводили к усилению опасности со стороны Тевтонского ордена, угрожавшего не только Литве, но и Польше. В кругах польских феодалов созрел план объединения двух государств, что создавало бы возможности как для совместного отпора Ордену, так и для захвата Польшей украинских земель и подчинения ей всего Великого княжества Литовского. *Польско-Литовская уния* отвечала интересам и литовских феодалов, надеявшихся на помощь Польши

для успешной борьбы против Ордена. В **1385 г.** в селении Крево (в 80 км юго-восточнее Вильнюса) уния была заключена. Ягайло принял католичество с именем Владислава и женился на наследнице польского престола юной королеве Ядвиге, став одновременно королем польским и великим князем литовским. Христианство в католическом варианте было объявлено государственной религией Великого княжества Литовского.

Однако Витовт не подчинился унии и возглавил борьбу за независимость Литвы. Он заключил союз с Московским княжеством, выдав свою дочь замуж за московского великого князя Василия Дмитриевича. В **1392 г.** Витовту удалось добиться признания независимости: он стал наместником Ягайла в Великом княжестве Литовском, а через некоторое время начал и себя именовать великим князем.

Прекращение усобиц положительно сказалось на отпоре Ордену. А это было необходимо: рыцари вели наступление на литовские и польские земли, захватили литовскую Жемайтию и польскую Добржинскую землю. В 1409 г. началась так называемая Великая война королевства Польского и Великого княжества Литовского против Тевтонского ордена. Решающая битва произошла **15 июля 1410 г.** возле селения Грюнвальд в Северной Польше. С двух сторон в сражении участвовало около 60 тыс. человек. Польскую часть войска возглавлял Владислав-Ягайло, осуществлявший и общее командование. Предводителем литовско-русских войск был Витовт. В состав его рати входили и смоленские полки, сыгравшие важную роль в битве. Силы ордена были разгромлены, большинство рыцарей либо погибли, либо попали в плен. В числе убитых был и великий магистр фон Юнгинген. Вслед за тем соединенные польско-литовские войска взяли целый ряд замков, принадлежавших Ордену, и захваченных рыцарями городов, в том числе Гданьск, Торунь, Кенигсберг.

В 1411 г. возле Торуня (Польша) был подписан договор, по которому Орден был вынужден отказаться от Жемайтии и Добржинской земли, а также уплатить большую контрибуцию. Победа под Грюнвальдом остановила дальнейшую агрессию ордена на территории Польши и Литвы.

Грюнвальдская битва привела к усилению позиций Великого княжества Литовского. В **1413 г.** в местечке Городло (Восточная Польша) была заключена новая, Городельская уния, согласно которой закреплялась независимость Великого княжества Литовского. Теперь требовалось лишь взаимное согласие литовских и польских феодалов при выборе как польского короля, так и великого князя литовского. Впрочем, в последующий период не раз польский королевский и литовский великокняжеский престолы объединялись в руках одного монарха. Эта уния была личной, а не государственной: Польша и Великое княжество Литовское продолжали существовать как отдельные государства.

Вместе с тем Городельская уния распространила католичество и на западную часть Литвы — Жемайтию, сделав его государствен-

ной религией всего Великого княжества Литовского. Феодалы-католики получили определенные привилегии. Принятие католичества вело к полонизации. Таким образом, в конечном счете Городельская уния создала условия для наступления Польши на земли Великого княжества Литовского. Попытка Витовта добиться полной самостоятельности Великого княжества Литовского и принять королевский титул оказалась неудачной из-за сопротивления Польши. Вскоре умер и сам Витовт **(1430)**. Польше в конце концов удалось добиться перехода под свою власть части украинских земель — Западного Подолья.

Мы видели, как непросто складывались отношения Великого княжества Литовского с Северо-Восточными княжествами. Связано это с тем, что, вобрав в себя культуру, право, литературу Древней Руси, включив в свой состав Западные и Юго-Западные древнерусские земли, Литовское княжество стало претендовать на то, чтобы стать центром объединения русских земель. С 70-х годов XIV в. Литовское княжество вело борьбу на два фронта — против Тевтонского ордена и Москвы — и в иные периоды даже заключала союзы с крестоносцами ради достижения успеха в борьбе против русских князей. В 1368—1372 гг. князь Ольгерд трижды ходил походами на московское княжество, открыв эпоху так называемой литовщины. Не отказался от попыток остановить рост могущества Москвы и князь Витовт. В 1404 г. к Литовскому княжеству был присоединен Смоленск. Однако к этому времени Москва упрочила свои позиции в объединении Северо-Восточной Руси. После Куликовской битвы она стала центром освободительного движения. Кроме того, в Литовском княжестве все большее распространение получали католичество и католическая культура, что, конечно, мешало литовским князьям претендовать на роль наследников земель, некогда входивших в состав Древнерусского православного государства.

Основное население Великого княжества Литовского составляли крестьяне-земледельцы, находившиеся в феодальной зависимости. Уже в XV в. возникают зачатки крепостнических отношений. Так, крестьяне делились на *похожих,* т. е. имевших право уходить от феодала в определенный срок, и *непохожих*, т. е. прикрепленных к земле, фактически крепостных. Существенным этапом развития крепостничества в Великом княжестве Литовском был привилей (жалованная грамота) Казимира IV (1447), согласно которому крестьяне не имели права переходить из владений частных лиц в великокняжеские имения, а из великокняжеских имений — на земли бояр. Значительную часть зависимого населения составляла челядь, холопы, в том числе сидевшие на земле.

Господствующий класс имел сложную структуру. Высшее положение в феодальной иерархии занимали *князья*, владевшие огромными вотчинами, а часто и княжествами. За ними шли наиболее крупные, но нетитулованные феодалы — *паны.* Следующий слой составляли бояре, на которых в XV в. все чаще переходит польское название *шляхты.* Шляхтой называли и *земян*, которые, так же как

и бояре, ходили на войну, владели наследственными «отчинами», но были менее аристократичны по происхождению и владели меньшими имениями. Аналогичные категории феодалов — своеземцы и земцы — известны на Руси, в Новгородской и Псковской землях. Городские жители — мещане несли определенные военные повинности и также имели право владеть населенными имениями. Таким образом, некоторые мещане по своему социальному статусу оказывались феодалами.

Верховным главой класса феодалов и правителем государства был великий князь, носивший титул господаря (т. е. государя), а иногда даже самодержца. В действительности же власть великого князя была значительно ограничена советом крупных феодалов (*Паны-рада*). До середины XV в. в состав Рады входили и русские (будущие украинские и белорусские) феодалы, однако со второй половины XV в. Паны-рада состоит только из католиков. Многие земли управлялись отдельными князьями, большей частью из числа потомков Гедимина, но иногда и Рюриковичами. В Смоленской и Чернигово-Северской землях сохраняли власть местные наследственные князья — Вяземские, Воротынские, Одоевские, Мосальские, Мезецкие, Барятинские и т. д. В большинстве они были православными. Городами и землями управляли наместники и воеводы, получавшие, как и на Руси, «корм» и судебные пошлины. Они бывали иной раз достаточно независимыми от центральной власти. Вместе с тем Великое княжество Литовское не знало феодальной раздробленности, так как образовалось в результате объединения уже раздробленных русских княжеств с литовскими землями. Управление сельским населением находилось в руках выборных из волостных и городских общин. В выборных органах участвовали и мещане, и представители крестьян.

Этническая неоднородность и слабая централизация Великого княжества Литовского способствовали сохранению значительной автономии вошедших в него русских земель. Часть этих земель, лежащих в верховьях Оки, Дона и Днепра, по мере возрастания могущества Москвы стремилась перейти из Литовского княжества в Русское государство. Одновременно в славянских землях, оставшихся в составе Литвы, идет процесс становления украинской и белорусской народностей. Процесс этот, однако, был осложнен тем, что власть здесь принадлежала литовцам и полякам, а господствующей культурой была культура католическая, которую с середины XV в. стала активно перенимать местная знать. Окатоличивание, а затем и полонизация феодалов приводит к ухудшению положения низов, столкнувшихся с религиозным и национальным гнетом. В итоге растет патриотическое сознание низов и той части феодалов, которые не утратили связи с православной религией и культурой. Память о единстве восточнославянских народов рождает стремление к объединению с Русским государством и делает русско-литовские, а позднее русско-польские отношения одними из центральных в отечественной истории.

§ 4. РУСЬ В КОНЦЕ XIV— СЕРЕДИНЕ XV в. ФЕОДАЛЬНАЯ ВОЙНА

Наследник Дмитрия Донского Василий I Дмитриевич **(1389—1425)** успешно продолжал политику своего отца. В 1392 г. ему удалось присоединить Нижегородское княжество: Василий купил в Орде ярлык на него, а местные бояре во главе с Василием Румянцем поддержали московского великого князя — они воспользовались случаем перейти на сторону более сильного. Впрочем, местные князья сохранили власть над территорией Суздальского княжества и, возможно, Городецкого. Василий Дмитриевич сумел также присоединить Муромское и Тарусское княжества.

Однако на рубеже XIV—XV вв. осложнились отношения Руси с Ордой. **В 70-х гг. XIV в.** один из мелких среднеазиатских правителей Тимур (в европейской транскрипции — Тамерлан) начал завоевание Средней Азии, а на рубеже 80—90-х годов подчинил себе Золотую Орду и разгромил хана Тохтамыша.

В ходе войны с Золотой Ордой Тимур появился и в пределах Руси: в 1395 г. он дошел до Ельца и разграбил его. Навстречу ему вышли русские войска во главе с Василием I. Однако битва не состоялась: Тимур после двухнедельной остановки повернул назад. Люди средневековья приписывали избавление от страшной опасности чуду, сотворенному иконой Богородицы. Разумеется, дело было в другом: Тимур, для которого в это время главной задачей было покорение именно Золотой Орды, не был готов к затяжной и изнурительной войне с основными силами Руси.

Свержение Тохтамыша и последовавшие за этим смуты и ослабление Орды позволили Руси явочным порядком отказаться от посылки дани и поездок в Орду за ярлыками. Однако в 1399 г. фактическим главой Орды стал эмир Едигей. Укрепив свою власть, он решил добиться от Руси восстановления зависимости. Поход Едигея (1408) оказался неожиданностью для Василия I: он не успел собрать рать. Ордынские войска сожгли множество городов, в том числе Нижний Новгород, Ростов, Дмитров, Серпухов, разорили села, а вокруг Москвы «вся поплени и пусто сотвори». Лишь Москву, героически оборонявшуюся, Едигею не удалось взять. Получив денежный выкуп, он, напуганный известиями об угрожавших ему смутах в Орде, ушел восвояси. Однако ордынское иго было вновь восстановлено.

К концу княжения Василия Дмитриевича еще более возросла власть великого князя московско-владимирского. По размерам принадлежащей ему территории он неизмеримо превосходил всех остальных князей. Те князья, которые сохраняли пока свой суверенитет, за редким исключением, вынуждены были повиноваться ему. Некоторые князья перешли на положение великокняжеских слуг, получали назначения воеводами и наместниками, хотя и сохраняли в полном объеме княжеские права в своих землях. Таких

феодалов (князья Стародубские, Оболенские, Белозерские) называли *служилыми* или *служебными князьями.* Постепенно перестраивается вся система управления, превращаясь из местной, московской, в общерусскую. Появляются административно-территориальные единицы — *уезды,* бывшие самостоятельные княжества. Управляют уездами великокняжеские наместники. Московский князь реально руководил всеми вооруженными силами страны, а в дипломатических сношениях — с Ордой и с Великим княжеством Литовским — он выступает от имени всей земли.

Процесс политического объединения русских земель и превращения великого княжества Московско-Владимирского в единое государство замедлила продолжавшаяся около 30 лет *феодальная война* **второй четверти XV в.** Поводом для нее был династический конфликт между князьями Московского дома. После смерти Василия I претендентами на великокняжеский престол выступали его десятилетний сын Василий и энергичный младший брат Юрий Дмитриевич. На Руси издавна существовали два принципа престолонаследия: родовой (от брата к брату) и семейный (от отца к сыну). Однако было неясно, какой из них существовал в Московском княжестве; до сих пор князья либо умирали без мужского потомства (естественно, наследовали младшие братья), либо переживали братьев, и никто не соперничал с их сыновьями.

По завещанию Дмитрия Донского после смерти Василия великокняжеский престол должен был перейти к Юрию, но не было оговорено, что этот порядок сохранится и после рождения у Василия сына.

Силы претендентов были, казалось, неравными. Юрий, владевший подмосковным Звенигородом и Галичем в Костромской земле, был известен как храбрый воин, строитель крепостей, храмов и монастырей. Сам великий князь Василий I не очень верил, что его сыну удастся сесть на великокняжеский престол, уж в очень осторожной форме он предусматривал эту возможность в завещании: «А дасть бог сыну моему великое княженье, ино и яз сына своего благословляю».

Однако в действительности перед Юрием стояла нелегкая задача. Василий Дмитриевич назначил опекуном своего сына могущественного великого князя литовского Витовта, на дочери которого Софье был женат. Софья Витовтовна стала фактической правительницей при малолетнем сыне, за ней стояла поддержка отца. Юрию было не по силам вести войну с Витовтом, поэтому он в 1428 г. признал своего 13-летнего племянника «братом старейшим» и великим князем. Но в 1430 г. умер Витовт, и Юрий получил свободу действий. В 1433 г. он внезапно напал на Москву, разбив войска Василия II, занял великокняжеский престол, а Василию дал в удел Коломну. Но из столицы в удельную Коломну к юному князю-неудачнику один за другим потянулись московские бояре и «слуги вольные». Юрий был удельным князем в течение 40 лет и за

это время обзавелся своими боярами, которым, естественно, больше доверял. Московские бояре опасались, что пришельцы оттеснят их на задний план. Но править без опоры на московское боярство было невозможно. Юрий покинул Москву. На следующий год он возобновил войну, разбил Василия и снова стал великим князем, но через два с половиной месяца, 5 июня 1434 г., умер. Младшие сыновья Юрия Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный признали Василия Васильевича великим князем: его права на престол были неоспоримы. Но старший их брат Василий Косой не сложил оружия. Через некоторое время клан сыновей Юрия возглавил Дмитрий Шемяка. В ходе войны было много неожиданных и трагических поворотов. Применялось варварское средство расправы с противником — ослепление. Дважды его использовал Василий Васильевич: сначала приказал выколоть глаза боярину Ивану Дмитриевичу Всеволожскому, переметнувшемуся на сторону Юрия Дмитриевича; затем такая же судьба постигла попавшего в плен Василия Косого. Но и Василий Васильевич не избежал этой участи. В 1445 г. казанский хан Улу-Мухаммед совершил набег на Русь. Василий II потерпел поражение и попал в плен, власть захватил Шемяка. Но Василий Васильевич, мастер закулисных комбинаций, обещал хану выплатить огромный выкуп и с ханским ярлыком вернулся в Москву. Шемяка не думал сдаваться. Он использовал справедливое недовольство народа обещанным великим князем выкупом (Шемяка даже говорил, что Василий хану всю землю «процеловал», т. е. поклялся уплатить огромную сумму, поцеловав крест), заключил соглашение с суздальско-нижегородскими князьями о восстановлении независимости их княжества. Стоило через три месяца после возвращения, в феврале 1446 г., Василию поехать на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, как Шемяка захватил Москву. Арестованного Василия ослепили и отправили в ссылку в Углич. С тех пор Василий II стал Василием Темным, т. е. слепым. В сентябре Василий Темный поклялся, что не будет стремиться к великокняжескому престолу и стал удельным князем в Вологде. Казалось, Шемяка победил, но выкуп, обещанный Василием, собирать-то приходилось Шемяке. Московские бояре и другие феодалы уже не только были напуганы появлением на первых местах шемякинских приближенных, но потерпели материальный урон: при восстановлении независимости Суздальско-Нижегородского княжества были возвращены местным феодалам вотчины, захваченные или купленные московскими боярами. Общественное мнение постепенно отворачивалось от Шемяки. Роль Василия Темного в ослеплении Ивана Всеволожского и Василия Косого подзабылась, а он сам был свежей жертвой отвратительной жестокости. Поддержал Василия Темного и тверской великий князь Борис Александрович: он, видимо, полагал, что неудачник Василий Темный будет не так опасен для независимости Твери, как Шемяка. Услужливый игумен Кирилло-Белозерского монастыря «снял клят-

ву» с Василия, он переехал в Тверь, где закрепил союз торжественным обручением своего шестилетнего сына Ивана (будущего Ивана III) и четырехлетней тверской княжны Марьи. Со свадьбой, правда, пришлось подождать, пока молодые подрастут: их обвенчали тогда, когда жениху исполнилось 12, а невесте 10.

Через год после своего свержения и ослепления Василий II победоносно въехал в Москву. Московские феодалы отказали Шемяке в поддержке, они не только не стали воевать против Василия, но и переходили на его сторону. Но феодальная война не кончилась: московские войска преследовали Шемяку, пока он не умер в 1453 г. (судя по всему, его отравили).

Феодальная война дорого стоила народу: за распри князей расплачивались жители сожженных дотла и разграбленных городов. Сторонники Василия расправлялись с теми, кто осмелился присягнуть Шемяке, а сторонники Шемяки вешали тех, кто был лоялен к Василию. Театром военных действий была вся страна. Междоусобица усилила власть Орды, снова получившей возможность вмешиваться в политические отношения на Руси.

Вместе с тем феодальная война показала необратимость процесса объединения русских земель вокруг Москвы. По сравнению с междоусобицами предшествующего периода цели, которые ставили враждующие стороны, изменились. Если в XIV в. речь шла о том, Москва или Тверь возглавит объединительный процесс, то теперь велась борьба между князьями Московского дома за обладание Москвой. И даже тверской князь не воспользовался ситуацией для захвата Владимира, а решал, какого из претендентов на московский престол ему поддержать. Феодальная война вместе с тем показала и феодалам, и народным массам, что единство необходимо и для сохранения государственного порядка. Оказалось, что призрак кровавых княжеских междоусобиц XII—XIV вв. может воскреснуть. Страх перед этой опасностью делал желанной твердую власть. Поэтому в конечном счете феодальная война укрепила великокняжескую власть.

Это нашло свое выражение в том, что Василий Темный все более властно распоряжался делами всей Руси. Глава Суздальско-Нижегородского княжества стал фактическим наместником Василия Темного. Ростовские и ярославские князья также подчинялись ему. Наместник Василия правил Рязанским княжеством, хотя и от имени малолетнего князя. В **1456 г.** Василий Темный разгромил новгородские войска и в Яжелбицах заключил договор с Новгородом, по которому была усилена в Новгороде власть князя (он, а не вече стал теперь высшей судебной инстанцией), Новгород лишался права внешних сношений и т. д. Великокняжеский наместник появился и в Пскове (ок. 1460—1461).

Так во второй — третьей четверти XV в. были заложены основы для окончательной ликвидации феодальной раздробленности и создания единого государства.

§ 5. ЦЕРКОВЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII—XV вв.

С утверждением татаро-монгольского ига русская церковь была включена золотоордынскими ханами в созданную ими систему управления. При этом они придерживались правила, к которому прибегали и в других покоренных странах,— духовенство становилось привилегированной категорией населения. Это не означало, что во время многочисленных татарских набегов, призванных искоренять всякую мысль о сопротивлении, духовенство не страдало наравне с населением,— речь шла о системе податных и административных льгот, которые получала православная церковь и ее служители.

С 60-х годов XIII в. установилась практика выдачи митрополитам ханских грамот, в которых перечислялись дарованные привилегии: освобождение от уплаты даней (прежде всего ордынского «выхода»), пошлин и повинностей. Таким образом, по ханским ярлыкам церковь обладала привилегиями и льготами, которые даже превосходили по своему объему доордынские времена.

Было бы ошибочно связывать веротерпимость ордынских ханов с каким-то особым отношением к православной религии (правящая верхушка уже при хане Берке в третьей четверти XIII в. обратилась к исламу). В огромной монгольской державе, где уживались различные религии, веротерпимость долгое время была нормой государственной политики — в противном случае это могло угрожать единству империи. Присутствовал здесь и прагматический расчет: принцип разделяй и властвуй находил свое выражение в объемах дарованных прав, противопоставлении митрополита как самостоятельной политической силы князьям.

Веротерпимость ордынских правителей предполагала лояльное отношение церкви к власти завоевателей. Это требование ставило духовенство в двойственное положение. Церковь поддерживала власть, проповедуя покаяние, смирение и покорность «неверному царю» — хану Золотой Орды. Духовенство должно было, согласно ханским грамотам, воздавать молитву «о нас и за наше племя», освещая своим авторитетом иноземное иго. Вместе с тем, участвуя в процессе формирования национального самосознания, церковь с ее единым учением, богослужебной практикой и организацией постепенно становилась фактором единения земель и духовного сопротивления.

Большие трудности испытывало духовенство в связи с разорением и упадком Киева. Митрополиты Кирилл II (1250—1280) и Максим (1281—1305) находились в постоянных разъездах, не имея надежного пристанища в бывшем стольном городе. Кирилл до начала духовной карьеры был близок к князю Даниилу Романовичу. Однако упорное стремление галицкого князя получить помощь против татар от католических монархов и папы римского заставило митрополита переориентироваться на северо-восточных князей. В

итоге в 1299 г. митрополичья кафедра была окончательно перенесена из Киева во Владимир.

Крупной политической фигурой стал митрополит Петр (1308—1326), с именем которого традиционно связывается возвышение Москвы. На самом деле будущий «святитель» проводил вполне самостоятельную политику, заботясь прежде всего о выгодах митрополии и высоте своего сана. Другой разговор, что его интересы совпали с интересами московских князей, в результате чего и возник политический союз, из которого наибольшую пользу извлекли потомки Калиты.

Митрополит Петр с самого начала оказался в остром конфликте с великим владимирским князем Михаилом Ярославичем Тверским. Последний надеялся посадить на кафедру своего ставленника, и появление Петра нарушило его планы. Поводом для столкновения послужила, в частности, *симония* — практика продажи церковных должностей. В требовании отменить симонию, которому сочувствовал тверской князь, Петр увидел опасность посягательства на права митрополита, вмешательство «мирских лиц» во внутрицерковные дела. Дважды Михаил Ярославич пытался лишить Петра кафедры. Митрополит сумел оправдаться. Но ситуация потребовала от него поиска союзника. Он был найден, как уже отмечалось, в лице Юрия Даниловича, непримиримого и малоудачливого соперника Михаила Ярославича.

Пастырская поддержка принесла немалые выгоды московским князьям. Митрополит Петр подкреплял своим авторитетом многие действия Даниловичей. Особенно упрочились эти связи в последний период жизни митрополита, при князе Иване Даниловиче, который хорошо понимал значение идейного обоснования политики. Этот князь немало сделал для того, чтобы превратить свой стольный град в религиозный центр Северо-Восточной Руси. С благословения Петра здесь был построен кафедральный каменный собор Успения Богородицы. Когда же во время своих разъездов митрополит скончался в Москве (1326), Иван Калита похоронил его в Успенском соборе и добился канонизации. Таким образом и Москва обрела «своего» месточтимого святого, со временем обратившегося в общерусского. Истинный подтекст всех этих усилий московских князей — стремление потеснить главного соперника, Тверь, которая в первой трети XIII в. обладала большей, чем Москва, духовно-религиозной властью.

Константинопольский патриарх стремился к тому, чтобы «митрополит Киевский и всея Руси» сохранял свободу рук в княжеских распрях. Вот почему после смерти Петра митрополитом был назначен «нейтральный» грек Феогност (1328—1353). Но новому митрополиту приходилось исходить из реальностей — соотношения сил и намерений золотоордынских ханов, которые после народного восстания 1327 г. в Твери сделали ставку на московского князя. Феогност поддержал Ивана Калиту в его борьбе за велико-

княжеский престол с тверскими и суздальскими князьями. Когда после неудачного восстания 1327 г. тверской князь Александр Михайлович нашел себе убежище в Пскове, митрополит наложил отлучение на весь город. Это побудило тверского князя отъехать в Литву. Однако позднее Феогност, обеспокоенный чрезмерным возвышением Ивана Калиты, содействовал возвращению тверского князя, что, конечно, не отвечало интересам Москвы.

Много сил пришлось приложить Феогносту для того, чтобы сохранить единство митрополии. Мечтавшие о церковной независимости литовские князья всячески стремились заиметь собственного, послушного их воле митрополита. С этой целью они оказывали сильное давление на константинопольского патриарха. Феогносту с огромным трудом удалось сохранить единство митрополии и низвергнуть «самозваных» митрополитов Юго-Западной Руси. Однако было ясно, что с образованием двух центров, соперничавших между собой за главенство в объединении древнерусских земель, раскола митрополии не избежать.

Преемником Феогноста стал митрополит Алексей (1354—1378), о деятельности которого шла речь выше. Это был редкий случай, когда константинопольский патриарх утвердил на митрополичий престол «русича», ставленника московских князей. В грамоте патриарха Филофея о назначении было подчеркнуто, что подобное сделано в виде исключения. В Золотой Орде, поддержавшей Алексея, надеялись, что его возвышение вызовет негативную реакцию литовских князей: в Орде делали все, чтобы столкнуть между собой Литовское и Московское княжества, разрушить любое единство, даже хрупкое церковное. В первые годы своего митрополичества Алексею пришлось напрячь все силы, чтобы подобного не случилось. Это раздражало литовских князей. По приказу Ольгерда Алексей, который объезжал свою епархию, был схвачен в Киеве и заточен. Лишь спустя два года, в 1360 г. ему удалось бежать, после чего Алексей уже опасался появляться в литовской части своей митрополии. Позднее это дало повод Ольгерду обвинять митрополита в пренебрежении своими пастырскими обязанностями. Под давлением князя константинопольский патриарх поставил на Литву отдельного митрополита Киприана с условием, что после смерти Алексея он останется на вновь объединившейся русской митрополии.

В годы правления Алексея ситуация на северо-востоке Руси существенно менялась. Золотая Орда была потрясена жестокими междоусобицами. На глазах росло могущество Великого княжества Литовского. Москва после смерти князя Ивана Красного переживала внутренние неурядицы, которые некому было пресечь твердой рукой,— князю Дмитрию шел лишь десятый год. Воспользовавшись этим, суздальский князь Дмитрий Константинович получил в Орде ярлык на великое княжение. Но именно в это трудное для Москвы время и определилось политическое лицо

Алексея. Он не устранился, подобно своему предшественнику, от политической борьбы, а, напротив, активно в нее вмешался.

Митрополит Алексей неофициально возглавил правительство Москвы. Соединение в его руках светской и духовной власти способствовало торжеству дела потомков Калиты. Москва, руководимая искушенным правителем-митрополитом, очень скоро не только вернула утраченное, но и стала завоевывать новые позиции. Характерно, что для достижения своих целей Алексей прибегал даже к таким сомнительными способам, как арест политических противников, поверивших «слову» митрополита. Так, в 1368 г. был брошен в темницу Михаил Тверской, приехавший под митрополичьи гарантии в Москву.

Использовал митрополит и высокий духовный авторитет Сергия Радонежского. По-видимому, не без участия Сергия, подкрепленного движением московской рати, было сломлено стремление ростовского князя Константина Васильевича обрести независимость. Появление знаменитого игумена в 1364 г. в Нижнем Новгороде, где им были запечатаны все церкви, заставило князя Бориса Константиновича в конце концов покинуть захваченный им город и пойти на мир со своим старшим братом Дмитрием Константиновичем. Но подобные услуги дорого стоили: князь Дмитрий принужден был в том же году «добровольно» уступить ярлык на Великое княжение подросшему московскому князю. Следует, однако, подчеркнуть, что эта победа — не только итог расчетливой политики митрополита, заставившей суздальского князя принять подобное решение. Москва уже определилась в роли руководящей силы Великороссии. Она настолько выделялась среди других княжеств, что владимирцы в своей ориентации на сильного не желали иных князей, кроме их московских «природных государей». Московские князья, в свою очередь, привыкали смотреть на Великое княжение как на наследное.

Это явное возвышение Москвы вызвало опасения в Золотой Орде. Наметилось сближение Орды, Литвы и тверских князей. Союз этот был непрочен и внутренне противоречив. Но тем не менее он грозил Дмитрию Ивановичу и Алексею большими бедами. В этих условиях Алексей настоял на умеренности и осторожности. В 1371 г. московский князь отправился с поклоном в Золотую Орду к захватившему власть Мамаю. Мамай отступился от князя Михаила Тверского. Опасное сближение удалось нейтрализовать, и Твери пришлось в дальнейшем в одиночестве завершать борьбу. Но силы были слишком неравны. В 1375 г. московский князь с союзниками, получив благословение митрополита, осадил Тверь. Михаил Тверской сдался. Мирный договор зафиксировал неравное положение сторон. Тверской князь признавал Дмитрия Ивановича «старшим братом» и отказывался от Великого княжения даже в том случае, если его станет жаловать сам хан.

Отношения Алексея с повзрослевшим Дмитрием Ивановичем

были далеко не такими безоблачными, как обыкновенно представляются историками церкви. Митрополит был противником обострения отношений с Золотой Ордой. Московский князь все более склонялся к мысли о выступлении против правителей Орды. Тяготился, по-видимому, Дмитрий Иванович и теократическими наклонностями митрополита. Возникшие трения отражали различия в положении и целях светской и духовных властей, государства и церкви в период собирания земель. Дмитрий Иванович даже требовал от стареющего митрополита назначить себе преемника, Митяя, человека незаурядного, близкого к московскому князю. Алексей противился этому желанию, опасаясь, что Митяй не сумеет отстоять перед светской властью интересы митрополии. Он даже попытался противопоставить Митяю Сергия Радонежского, которого прочил в митрополиты. Однако Сергий наотрез отказался от митрополичьего сана.

В середине XIV в. возникло течение, направленное на улучшение нравов духовенства и рост авторитета церкви. Главой его и стал Сергий Радонежский, основатель Троицкого монастыря. В его обители утвердился *общежитийный* устав, согласно которому монахи отказывались от всякой личной собственности (в противоположность ранее распространенному *келиотскому* уставу, по которому каждый монах жил особо, своим хозяйством, не являясь собственником монастыря в целом). Аскет, человек твердых религиозных убеждений и правил, Сергий своим благочестивым поведением утверждал новый тип церковного деятеля-подвижника, который служил живым укором высшему, мало радеющему о спасении ближних, клиру. Алексей сумел оценить всю силу духовного воздействия Сергия. При этом митрополит проявил себя как дальновидный церковный политик, который использовал авторитет Сергия и его последователей для упрочения позиций церкви.

После смерти Алексея за митрополичий престол разгорелась упорная борьба. Московским князьям на этот раз уже не удалось поставить безусловного своего сторонника. Преемники Алексея, болгарин Киприян и грек Фотий, проводили достаточно независимую политику, заботясь о единстве своей митрополии и не допуская откровенной поддержки московских правителей. Но к этому времени Москва уже превратилась в признанный центр Северо-Восточной Руси, вокруг которого шел процесс «собирания земель».

Смерть Фотия положила начало длительной борьбе за освободившуюся кафедру между московскими и литовскими ставленниками. В этой затянувшейся церковной смуте ни одна из сторон не достигла решающего успеха — в 1437 г. в Москве появился присланный из Константинополя Исидор, ставленник патриарха, последний русский митрополит из греков. Вскоре он отправился на Флорентийский собор, где вошел в число активных сторонников объединения восточной и западной церквей, признания власти

папы римского. В Византии на Флорентийскую унию (**1439 г.**) смотрели как на средство, призванное объединить усилия с Западом и остановить продвижение турок. На Руси же решение восточных иерархов было воспринято как отступление от православия. Уния была решительно отвергнута. Возвратившийся в сане кардинала Исидор был арестован и заключен в Чудов монастырь «яко отступник веры».

Уния, а затем и последовавшее в 1453 г. падение Константинополя подорвали авторитет греческой церкви. Это нашло свое выражение в изменении положения русской церкви: Московская митрополия стала *автокефальной*, отделившейся от константинопольского патриарха. Первым русским автокефальным митрополитом стал рязанский епископ Иона, который, не без колебаний, поддержал Василия II в феодальной войне. Митрополичья кафедра таким образом приобретала национальное значение. Следствием этого была возросшая зависимость митрополита от великокняжеской светской власти.

Глава V

ЕДИНОЕ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV—XVI в.

§ 1. ЗАВЕРШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ РУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV— ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI в.

Почти два века занял процесс превращения самостоятельных русских княжеств в единое государство. Но чем ближе была конечная цель, тем больше ускорялся ход событий. Московские князья, поначалу верные слуги золотоордынского хана, по мере роста своего могущества и упадка Золотой Орды заняли лидирующее положение в освободительной борьбе с иноземным игом. Со временем противники потомков Калиты стали силой, препятствующей «собиранию» земель, и по логике внутренней борьбы принуждены были искать помощи на стороне, чаще всего в Литве, что в конечном счете лишь ослабляло их позиции. Став центром антиордынского движения и политического объединения северо-восточных земель, добившись решительного перевеса над своими соперниками, московские князья еще могли проиграть отдельные столкновения, но исход борьбы был уже во многом предрешен.

Из этого вовсе не следует, что победа достигалась автоматически: фактор политический, точное осознание целей и выбор оптимальных средств для их достижения, напротив, возрастал. Связано это было с тем, что внешняя угроза — татаро-монгольское иго и соперничество с Великим княжеством Литовским — побуж-

дали к объединению, которое значительно опережало процессы экономической и государственной интеграции. Владения московского княжеского дома стремительно росли, на месте удельных княжеств возникало единое Русское государство, но это было вовсе не централизованное государство — подобную систему управления и организации власти еще предстояло создать, а для этого еще должны были вызреть предпосылки. Политическое объединение, выстроенное на недостаточно прочной основе, в известной мере компенсировалось усиливающейся княжеской властью, призванной сконцентрировать скудные ресурсы страны для окончательного утверждения независимости, решения основных внешнеполитических задач. Поэтому субъективный фактор — личность князя — приобретал огромное значение. В этом смысле показательна судьба Василия II. Выше мы писали, насколько неудачлив и малоталантлив был этот князь, напрочь проигрывавший своим двоюродным братьям-соперникам, бывшим яркими, авторитетными фигурами. Но он уже стал символом единой Руси, и правящие круги не пожелали менять его на представителей младших ветвей московского княжеского дома. Заурядность выиграла, и это свидетельствовало, насколько далеко зашел процесс возвышения московских князей. Но феодальная война доказывала, сколь опасны для процесса собирания фигуры бесцветные, лишенные государственного кругозора, способные мыслить лишь старыми представлениями.

Сын Василия II, Иван III Васильевич **(1462—1505)** был полной противоположностью своему отцу. Это был один из немногих правителей, которому при жизни удалось достичь целей, поставленных перед ним временем: завершить объединение северо-восточных земель, обрести суверенитет, начать строительство новой государственности. Он был искусным, дальновидным политиком, умеющим ждать и при необходимости даже отступать. Хорошо понимая значение силы, Иван III предпочитал избегать кровопролития. Он не чуждался компромиссов и не пренебрегал чужими интересами, поэтому население присоединяемых княжеств в большинстве случаев без серьезного сопротивления переходило на его сторону.

К началу правления Ивана III великое княжество Московское было самым крупным, но не единственным. За четверть века московский князь существенно изменил политическую карту Северо-Восточной Руси, присоединив огромные территории. Для средневековых темпов развития это был подлинный взрыв в политических отношениях, превращавший Ивана III в глазах подданных в государя всея Руси.

Территориальный рост Московского княжества начался с первых лет правления Ивана III. В середине — второй половине 60-х годов окончательно утратило суверенитет Ярославское княжество,

князья которого давно уже были «подручниками» московских правителей.

В 1474 г. еще спокойнее были ликвидированы остатки независимости Ростовского княжества: у тамошних князей были выкуплены остатки их княжеских прав.

Трудной задачей было присоединение Новгородской земли, где традиции самостоятельности были весьма сильны. Часть новгородского боярства во главе с вдовой посадника («посадницей») Марфой Борецкой и ее сыновьями стремилась к открытому разрыву с Москвой и искала помощи у Великого княжества Литовского, чтобы удержать свои вольности. Другие бояре надеялись, что хорошие отношения с великим князем помогут сохранить самостоятельность Новгорода. В 1471 г. Борецкие одержали верх. Новгород заключил договор с великим князем литовским и королем польским Казимиром IV: Новгород признал Казимира своим князем, принимал его наместника, а «честной король» Казимир брал обязательство, если «поидет князь велики Московский на Велики Новъгород», «всести на конь... против великого князя и боронити Велики Новъгород».

Такой договор был законным поводом для войны против Новгорода. Иван III собрал войска всех подчиненных ему князей, в том числе тверские, и двинулся в поход. На реке Шелони **(июль 1471 г.)** новгородцы потерпели поражение. Казимир, понимая, что у него нет в Новгороде полной поддержки, не выполнил договора. Новгородский архиепископ не разрешил участвовать в битве своему полку: а это была немалая часть ополчения. Такая позиция Казимира и архиепископа объяснялись тем, что и среди боярства, и особенно среди городских низов были распространены антилитовские настроения. Победа в Шелонской битве укрепила власть Ивана III над Новгородом. Потерпела урон антимосковская группировка: был казнен попавший в плен сын Марфы посадник Дмитрий Борецкий. Но Новгород оставался пока независимым.

Иван III стремился не к усилению зависимости Новгорода, а к полному его присоединению. Для этого он решил сначала укрепить свои позиции в Новгородской земле. В 1475 г. он предпринял туда поездку с большими вооруженными силами. В качестве новгородского князя он и по пути следования, и в самом городе принимал многочисленные челобитные на новгородских бояр. Тем самым он одновременно решал две задачи: перед черными людьми выступал в тоге защитника народа, а враждебную ему группировку бояр ослаблял. Многие бояре были арестованы, часть их отправили для дальнейшего расследования в Москву, что было грубым нарушением новгородского права. Вернувшись домой, Иван III в Москве продолжал принимать челобитные и вызывать туда бояр для суда, еще более властно действуя не как традиционный новгородский князь, а как феодальный монарх.

Весной 1477 г. новгородские послы в Москве назвали Ивана III

господарем, а не, как было принято раньше, господином. Если обращение «господине» выражало отношение феодального равенства (или, в крайнем случае, вассалитета), то «господарь» или «государь» — подданства. Слово это в переводе на современный язык означает «хозяин». Государем считался по отношению к своим холопам их владелец. Там, где есть государи, там есть и холопы. На вопрос Ивана III: «Какова хотят государства их отчина их Великий Новъгород?» — новгородские власти ответили, что послы не имели на такое обращение полномочий («с тем... не посылывали»). В Новгороде были убиты на вече некоторые из сторонников Москвы. Так появился повод для похода на Новгород. Осенью войска Ивана III двинулись к Новгороду. Вечевые власти не решились сопротивляться, а Иван III предъявил им жесткий ультиматум: «хотим господарьства на своей отчине Великом Новегороде такова, как наше государьство в Низовской земле на Москве», что означало ликвидацию особенностей политического строя Новгорода. Далее Иван III разъяснил, что конкретно он имеет в виду: «вечю колоколу во отчине нашей в Новегороде не быти, а господарьство свое нам держати».

В **январе 1478 г.** новгородские власти капитулировали, вече было отменено, вечевой колокол увезен в Москву, вместо посадников и тысяцких городом теперь правили московские наместники. Земли у наиболее враждебных Ивану III бояр (в том числе у Марфы Борецкой) были конфискованы, но прочие боярские вотчины Иван III обещал не трогать. Это обещание он не сдержал: вскоре начались новые конфискации. Всего за 1484—1499 гг. 87% земель сменило своих владельцев; кроме мельчайших собственников — «своеземцев», все новгородские вотчинники лишились своих владений. Земли выселенных новгородцев отдали московским служилым людям.

Теперь пробил час и ликвидации независимости Тверской земли. Она оказалась после присоединения Новгорода зажатой между московскими владениями, лишь на западе гранича на небольшом протяжении с Великим княжеством Литовским. Удельные князья Тверской земли поддерживали Ивана III против своего сюзерена. Тверские феодалы нередко бросали своего князя и уходили на московскую службу: они торопились перейти на сторону победителя. Тверской князь Михаил Борисович чувствовал, что его власти приходит конец. Этого князя ничему не научил опыт новгородских бояр, которые напрасно ждали обещанной помощи от Казимира IV: Михаил Борисович заключил союз с королем. Тогда Иван III бросил на княжество свои войска, и Михаил Борисович быстро капитулировал. Видимо не до конца понимая сложившуюся ситуацию, он вскоре отправил Казимиру IV гонца с грамотами, но тот был перехвачен по дороге людьми Ивана III: не исключено, что в Москве уже имели возможность знать о каждом шаге тверского двора. Это был желанный для Ивана III повод окончательно решить тверскую проблему. 8 сентября **1485 г.** московские войска подошли

к городу, а уже в ночь с 11 на 12 сентября Михаил Борисович, «видя свое изнеможение», с кучкой верных ему бояр бежал в Великое княжество Литовское. 15 сентября Иван III и его сын Иван торжественно въехали в город. Иван Иванович, бывший по матери родным внуком тверского великого князя Бориса Александровича, стал великим князем тверским. Хотя Псков и Рязань оставались еще формально независимыми, присоединение Твери означало создание единого государства. Недаром именно с этих пор Иван III титулует себя государем всея Руси. В этом титуле содержался и внешнеполитический вызов: многие исконные земли Руси входили в состав Великого княжества Литовского, и владетели этого государства именовали себя великими князьями литовскими и русскими. Иван III предъявлял таким образом претензии на эти земли.

Объединительную политику продолжал преемник Ивана III его сын Василий III **(1505—1533)**. При нем были полностью присоединены Псков **(1510)** и Рязань **(1521)**. Кроме того, успешные войны с Великим княжеством Литовским привели к присоединению Северской и Смоленской земель. Так был закончен процесс политического объединения русских земель и создания единого государства.

С самого начала это государство было многонациональным. На территории, подвластной Новгороду Великому, жили, кроме русских, угро-финские народы — карелы, вепсы, саамы. Пермская земля, населенная коми, была присоединена в конце XV в.

§ 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ РОССИЙСКОГО ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВА

Создание единого государства оказало влияние на развитие экономики и социального строя Руси. Прекращение феодальных усобиц способствовало развитию производительных сил. Продолжалось освоение русским крестьянством новых территорий: колонизационные потоки двинулись в Приуралье, за Оку. Увеличивалось население Поморья. Не меньшее значение имела внутренняя колонизация, резервы которой были далеко еще не исчерпаны: огромные лесные пространства были хорошим резервом для новых пашенных угодий. Экстенсивная подсечно-огневая система земледелия сохраняла ведущую роль во многих районах страны. Вместе с тем уже появляются двупольные, а в некоторых местах и трехпольные севообороты.

Важные изменения произошли в структуре феодальной собственности на землю. Изменился характер землевладения князей. Став подданными государя всея Руси, они в значительной степени сохранили право собственности на свои бывшие домениальные земли. Однако эти их владения все больше сближались с обычными вотчинами. Кроме того, они взамен части отобранных у них старых

земель получали вотчины на территории великого княжества Московского и Владимирского, а также сами приобретали там вотчины покупкой или в приданое. Тем самым княжеское землевладение постепенно сближалось с обычным боярским, хотя этот процесс закончился только к середине XVI в.

Многие старые вотчинники значительно расширили свои владения. В присоединенных княжествах они приобретали новые вотчины, что делало московское боярство кровно заинтересованным в создании и укреплении единого государства. Однако параллельно шел другой процесс: многие старые феодальные вотчины мельчали в семейных разделах. Обедневшие отпрыски старых вотчинных родов либо переходят в самые «низы» класса феодалов, либо даже поступают в холопы к своим более удачливым собратьям. Фонд вотчинных земель несколько уменьшается из-за роста землевладения церкви — монастырей, митрополита и епископов. Часть земель они получают в дар за «упокой души», часть покупают. Разумеется, вклады в монастыри во многом были обусловлены религиозными представлениями: заупокойные молитвы монахов могли, как считали, спасти грешную душу от адского пламени. Но нередко вотчинники оказывались вынуждены отдавать землю монастырю из-за того, что были опутаны долговыми обязательствами.

Такое измельчание и обезземеливание части вотчинников противоречило государственным интересам. Обеспечить боеспособность войска можно было только одним путем: у каждого воина должна была быть земельная собственность, ведь государство не имело средств для денежного жалованья, и каждый воин должен был на свои средства приобретать вооружение и боевых коней. Создание же единого государства создало возможности для активной внешней политики, а она требовала даже увеличения вооруженных сил. *Были необходимы земельные раздачи.*

Эти раздачи стали возможны, так как в руки великого князя попал обширный земельный фонд: владения новгородских вотчинников и домениальные земли Тверского княжества. Ожидались и новые приобретения. Но наделять землей на старом вотчинном праве было опасно: новые вотчины могли через некоторое время уйти в руки монахов. Поэтому и новгородским вотчинникам, выселенным в центральные и восточные районы страны, и московским служилым людям, получившим их владения, было запрещено продавать и дарить свои новые земли. Таких феодалов, переселенных на новые места, «испомещенных» там, стали называть *помещиками,* а их владения — *поместьями.* Первоначально поместья мало отличались от вотчин: они практически наследовались, а вотчинники были обязаны также служить. Главным было то, что поместья было запрещено продавать и дарить.

Основная часть первых помещиков — мелкие слуги великих князей (ключники, псари и т. п.), отпрыски старых вотчинных родов, имущественное положение которых пошатнулось, а также

переселенцы из Новгородской земли и в Новгородскую землю. Появление в присоединенных землях землевладельцев из числа давних и потомственных слуг великих князей московских создавало там форпосты для освоения этих территорий.

Вскоре помещикам начали раздавать земли черносошных крестьян. Земля, отданная в поместье, не меняла формально своего верховного собственника — великого князя всея Руси; менялся лишь адресат повинностей. Более того, помещик выступал в роли покровителя крестьян и должен был «стоять» за их землю. Это на первых порах примиряло черных крестьян с превращением их в помещичьих. Правительство же, отдавая черную землю помещику, а не вотчиннику, могло не страшиться, что она перейдет затем к монастырю. Поэтому поместье в большей степени, чем вотчина, оказалось приспособлено к поглощению черных земель. Развитие поместной системы привело к резкому сокращению количества черносошных крестьян в центре.

В первой трети XVI в. поместья были уже почти во всех уездах страны, во многих из них прошли массовые поместные раздачи.

Хотя создание единого государства послужило в конечном счете одной из предпосылок для закрепощения крестьянства, на первых порах положение крестьян даже несколько улучшилось. Благотворно повлияло прекращение феодальных междоусобиц. Новгородские крестьяне после конфискаций Ивана III стали сначала черносошными, что облегчало их положение. Раздача конфискованных земель новым владельцам растянулась надолго, порой на 30—40 лет. Крестьяне Двинской земли так и не стали частновладельческими.

Вскоре, однако, феодальное государство переходит в наступление. Давно существовавшее правило, что крестьянин может покидать своего владельца только в течение двух недель в году, стало общегосударственной нормой. Судебник 1497 г. установил вместо существовавших в разных районах разных сроков единый для всей страны срок перехода крестьян: *неделя до Юрьева дня осеннего (26 ноября) и неделя после.* Это было первое общегосударственное ограничение крестьянской свободы, но еще не закрепощение крестьян. Срок — конец ноября, время, когда уже собран урожай и установился санный путь — был сравнительно удобным и для землевладельцев, и для крестьян. В едином государстве, с другой стороны, потеряли силу запреты на переход крестьян из одного княжества в другое. Крестьяне небольших княжеств, территория которых приближалась к размерам крупной вотчины, фактически приобрели право перехода хотя бы в Юрьев день.

Господствовала, как и раньше, натуральная рента, хотя местами возникала и денежная. Барщина по-прежнему была слабо развита, а собственную запашку феодала обрабатывали главным образом холопы. Такие пашенные холопы получали от хозяина небольшой земельный надел и назывались *страдниками* (от «страда» — сельскохозяйственные работы). Социальное положение страдников приближалось к положению крепостных крестьян (наличие собст-

венного хозяйства и личная несвобода), но степень приближения вызывает в науке споры.

В конце XV в. появилась новая форма холопства — *кабальное.* Должник давал на себя «служилую кабалу», по которой он был обязан отрабатывать своим трудом «по вся дни» проценты долга. Освободиться кабальный холоп мог только после смерти хозяина, так как, будучи холопом, он не мог заработать денег для уплаты долга. Но и освободившийся холоп обычно снова шел в кабалу: у него не было средств к существованию. Нередко будущий кабальный холоп и не брал денег, а кабала была лишь документом, оформляющим поступление в холопство.

Продолжалось развитие ремесла. Многие ремесленники жили в селах (вотчинное ремесло), но главными центрами были города. Растет ремесленная специализация, в крупных городах часто существовали слободы, населенные ремесленниками одной специальности (Гончарная, Кузнечная, Бронная в Москве и т. п.). Высокого уровня достигло оружейное дело. Например, крымский хан просил Ивана III прислать ему доспехи русской работы. Развивалось литейное дело. В конце XV в. в Москве был создан *Пушечный двор,* где изготавливались артиллерийские орудия. Развитие ремесла каменщиков позволило провести в Москве фортификационные работы небывалого масштаба: построить новые кремлевские стены, а затем и стены Китай-города.

Во второй половине XV— первой трети XVI в. продолжали расширяться экономические связи между разными областями страны. Этому способствовало создание единого государства. Но эти связи было бы неверным преувеличивать. Преобладала естественная специализация (доставка соли из районов ее добывания, рыбы из Поморья и т. п.). Для развития оживленных торговых связей слишком ничтожна была доля городского населения. Натуральное хозяйство сохраняло безраздельно господствующее положение.

В эти же годы расширяются не только политические, но и торговые и культурные связи России с другими странами: с Великим княжеством Литовским, Польшей, Германией, Италией, странами Востока.

Развивается денежная система. Основной единицей был рубль (монет рублевого достоинства не существовало, это была счетная единица), а наиболее распространенной монетой была деньга. Она встречалась в двух вариантах: московская и новгородская, в два раза тяжелее. В московский рубль входило 200 московских денег, в новгородский —216 новгородских.

Быстрота, с которой произошло политическое объединение русских земель, привела к тому, что старое, связанное с удельными временами, оказывалось живучим и причудливо переплеталось с новым. В итоге для России конца XV— первой половины XVI в. было характерно *сочетание единства страны и разнообразия укладов и социальных отношений в прежде независимых землях.* Наряду с

государем всея Руси сохраняли долю своей власти вынужденные ему подчиниться феодальные владыки. Церковный писатель того времени Иосиф Волоцкий называл Василия III «всея Русскии земля государем государь». Это определение содержало не только лесть монарху, но и точную характеристику истинного положения вещей. Под высокой рукой государя всея Руси продолжали властвовать над своими подданными другие «государи», рангом пониже. Местные князья нередко оставались наместниками в своих прежних княжествах, часто под суверенитетом великого князя сохраняли и княжеские права, выдавали жалованные грамоты, имели своих вассалов.

Политический строй Русского государства рубежа XV—XVI вв. развивался в сторону *централизации*. Великий князь всея Руси уже систематически пользовался титулом государь, а в его власти проявлялись черты самодержца. Даже внешний вид государя во время торжественных церемоний должен был показывать его отличие от подданных. В руках у него скипетр и держава — символы верховной власти. На голове — великокняжеская корона, «шапка Мономаха», выкованная из золота тюбетейка, опушенная мехом и увенчанная уже в Москве крестом. Предполагают, что она была подарена Ивану Калите ханом Узбеком. Официальная же московская легенда начала XVI в. «Сказание о князьях Владимирских» рассказывала, что это якобы византийская корона, перешедшая к Владимиру Мономаху от его деда, византийского императора Константина Мономаха как знак царского достоинства. В 1472 г. овдовевший Иван III женился на племяннице последнего византийского императора Софье (Зое) Палеолог, после чего великокняжеским гербом стал византийский двуглавый орел.

Уже при Василии III один из придворных — Берсень Беклемишев вспоминал, что Иван III любил «встречу», т. е. несогласие с ним. Вероятно, Берсень несколько идеализировал прошлое. Иван III умел беспощадно расправляться с теми приближенными, кто рисковал «высокоумничать».

Характер, который приобрела власть государя, ясно виден на примере событий династического кризиса рубежа XV—XVI вв. Ход событий был таков. От первой жены у Ивана III был сын Иван, которого, чтобы отличить от отца, называли «Молодым». Он умер в 1490 г.; наследником престола стал его сын Дмитрий. В 1498 г. Иван III торжественно венчал своего внука великокняжеским венцом. Софья Палеолог и ее сын Василий тщетно пытались помешать торжеству Дмитрия Внука: жена и сын оказались в опале. Но вскоре ситуация изменилась. Дмитрий Внук и его мать, дочь молдавского господаря Елена Стефановна («Елена Волошанка»), были близки к религиозным вольнодумцам и даже еретикам. Когда Иван III, сначала сочувствовавший вольнодумцам, вернулся в стан ортодоксов, он приказал арестовать внука и сноху. Стоит обратить внимание на то объяснение, которое давал государь своему решению: «Чи не

волен яз, князь великий, в своих детех и в своем княжении? Кому хочу, тому дам княжение». Основой великокняжеской власти была здесь не законность, а личное желание самодержца, деспотический принцип. Государство Иван III считал своей личной собственностью, вотчиной.

При Василии III еще более усилилась великокняжеская власть. Упоминавшийся выше Берсень Беклемишев был казнен за «непригожие речи» о государе. Он, в частности, жаловался в беседах с монахом Максимом Греком, что Василий III важнейшие дела решает «сам-третей у постели», со своим личным окружением. Посол Германской империи Сигизмунд фон Герберштейн, чье сочинение отличается спокойствием оценок и неплохим знанием русской жизни, писал, что ни один из советников Василия III не решается ему противоречить, что его подданные считают, «что воля государя есть воля божья, и что ни сделает государь, он делает по воле божией».

Совещательным органом при великом князе была *Боярская дума.* Она восходит к временам Древнерусского государства, когда князь «думал» со старшими дружинниками о делах «земли». Совещания князей с боярами продолжались и в период феодальной раздробленности. В первой трети XVI в. сложилось четкое разграничение думных чинов — *боярина* (повыше) и *окольничего.* Дума была невелика. В разное время в нее входило от 5 до 12 бояр и не более 12 окольничих. Все они были отпрысками аристократических родов. Состав Думы менялся. До середины XV в. там заседали только люди из старых московских боярских фамилий, но с образованием единого государства в составе бояр оказываются князья прежде независимых княжеств. Формально их «жаловали» в бояре. На деле же переход в бояре был знаком их превращения из вассалов в подданных великого князя, т. е. снижал их социальный статус. «Обояривание» князей произошло не сразу: некоторые из них превратились в бояр лишь в середине XVI в. Благодаря тому что Дума была невелика, государь мог делать своими советниками только тех аристократов, на лояльность которых он мог твердо рассчитывать.

Одновременно начался процесс формирования *государева двора,* который включал титулованную и нетитулованную знать, различные категории служилых людей, приближенных ко двору и составляющих во время военных походов великокняжеский (государев) полк. Новейшие исследования позволяют говорить о большой роли этой структуры господствующего сословия в определении внешней и внутренней политики.

Система приказов до середины XVI в. еще не сложилась, но действовали два общегосударственных ведомства: *Дворец* и *Казна.* Дворец, возглавлявшийся дворецкими, ведал личными, так называемыми дворцовыми землями великого князя. Со временем функции дворецких стали шире: они рассматривали тяжбы о зе-

мельной собственности, судили население некоторых уездов. Когда присоединялась новая территория или ликвидировалось удельное княжество Московской земли, то для управления этими землями создавали местные дворцы: новгородский, тверской, нижегородский, дмитровский, углицкий и т. д. С одной стороны, местные дворцы давали возможность управлять присоединенными землями из центра. Но с другой стороны, управление разными частями страны в разных учреждениях было пережитком удельной старины.

Казна, которую возглавляли казначеи, была главным государевым хранилищем и отнюдь не ограничивалась финансовыми делами. Здесь хранились не только деньги и драгоценности, но и государственный архив и государственная печать. Таким образом, Казна была, по сути, государственной канцелярией. Это ведомство руководило и внешней политикой. Видимо, правы были иностранцы, которые называли казначеев, а также служивших в Казне печатников (хранителей печати) канцлерами. Впоследствии из Казны выделились главные органы отраслевого управления — *приказы*.

Основную роль в складывающемся аппарате власти играли *дьяки* — первоначально писцы. Они вели делопроизводство, их влияние на ход государственной политики было подчас определяющим. Выходцы из низших слоев класса феодалов, а то и из духовенства и купечества, они зачастую были широко образованными людьми, видными деятелями культуры.

Таким образом, в государственном аппарате еще не было строгого разграничения функций, характерного для централизованного государства, сохранялись пережитки феодальной раздробленности. Особенно ярко проявлялись они в местном управлении. Административно-территориальное деление было архаичным. Страна делилась на *уезды* (Новгородская земля — на пять *пятин*). Границы уездов восходили к рубежам бывших княжеств, а потому их размеры были разнообразны. Уезды делились на *станы* и *волости*. Происхождение этих терминов не до конца ясно и уходит в давние времена, но к XV—XVI вв. разница между ними почти стерлась. Власть в уезде принадлежала *наместнику*, в станах и волостях — *волостелям*. Впрочем, им не подчинялись по гражданским и некоторым уголовным делам феодалы и их люди.

Наместники и волостели получали управление территориями «в кормление»: им полагались судебные пошлины («присуд») и определенная часть налогов («кормленичий доход»). *Кормление* было вознаграждением не за исполнение административных и судебных обязанностей, а за прежнюю службу в войсках. Административные же обязанности оказывались лишь придатком к основному — получению «присуда» и полагавшегося по «доходному списку» содержания. Поэтому кормленщики небрежно исполняли обязанности и систематически передоверяли их тиунам — обычно из числа своих холопов. По статьям судебников, посвященным местному управ-

лению, тиун наместника или волостеля почти не отличается от него по функциям. К тому же среди кормленщиков, как и среди всего правительственного аппарата, было распространено взяточничество.

В назначениях на должности наместников и волостелей не было строгого порядка, господствовала патриархальность.

Разумеется, присылка в город, прежде столицу независимого княжества, московского наместника была успехом объединительной политики. Но все же сама система наместничества была далека от централизованного управления. У центральных органов власти не было дублирующих органов на местах. Суровость великокняжеской власти сочеталась со слабостью, ибо отсутствовал централизованный аппарат управления.

В **1497 г.** был принят *Судебник* — первый свод законов единого государства. В Судебнике была (хотя и в общих чертах) определена компетенция должностных лиц, установлены процессуальные нормы, наказания за особо опасные для феодального государства преступления (убийства, разбои, кражи и т. п.). Судебник применялся на практике, но все же не получил широкого распространения и, вероятно, после смерти Ивана III (1505) был почти забыт: до нас дошел лишь один список этого документа. По-видимому, это не было случайностью. Судебник несколько опередил время в том смысле, что потребность в общегосударственном законодательстве не подкреплялась уровнем централизации. На местах великокняжеские наместники руководствовались Уставными грамотами.

Итак, во второй половине XV—первой трети XVI в. в России установилась самодержавная монархия, в которой великому князю принадлежала вся полнота политической власти. Однако разветвленный государственный аппарат еще не сложился, что на деле ограничивало возможности центральной власти. Внутри самой Московской земли продолжали существовать уделы. К концу княжения Ивана III из них остался лишь один. Но Иван III не был принципиальным противником удельной системы: он выделил четырем младшим братьям Василия III новые уделы. Однако Иван III намного увеличил долю старшего сына; великий князь владел значительно большей частью страны, чем все удельные князья, вместе взятые. Права удельных князей были урезаны: выморочные уделы переходили к великому князю, суд в московских селах удельных князей должен был осуществлять наместник великого князя. Младшим сыновьям Иван III завещал держать Василия III «в мое место, своего отца» и угрожал им проклятием за неповиновение государю. И все же удельные князья оставались постоянным источником династических смут.

Их опасность увеличилась при Василии III; его брак с Соломонией Юрьевной Сабуровой оказался неудачным; у великокняжеской четы не было детей. Надеясь на то, что в конце концов он станет отцом, Василий III не разрешал своим родным братьям жениться — чтобы их более взрослые сыновья не стали соперниками

его сыну. В 1526 г. он решился на поступок, взбудораживший общественное мнение: он развелся с женой, с которой прожил 20 лет, насильно постриг ее в монастырь и женился второй раз. Новой великой княгиней стала Елена Васильевна Глинская, племянница известного политического авантюриста князя Михаила Львовича Глинского. Михаил Глинский, видный вельможа Великого княжества Литовского, бежал в Россию. Однако в 1514 г. он пытался бежать из России в Литву, но был схвачен и брошен в темницу. Освободила его лишь женитьба великого князя на его племяннице. Елена родила двух сыновей: будущего Ивана IV (1530) и Юрия, болезненного и слабоумного. Сын Владимир родился у младшего брата Василия III— Андрея Старицкого, которому разрешили жениться.

Таким образом, количество уделов к концу княжения Василия III значительно сократилось: осталось лишь два — Дмитровский, где княжил Юрий Иванович, и Старицкий, принадлежавший Андрею Ивановичу. Слабоумному Юрию Васильевичу удел был дан лишь формально.

§ 3. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV— ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI в.

Создание единого государства дало возможность вести активную внешнюю политику. Россия стала играть значительную роль в международных отношениях.

Во внешней политике четко выделяются три основных направления: борьба за свержение ига Золотой Орды и отношения с выделившимися из ее состава ханствами (Казанским и Крымским); борьба с Великим княжеством Литовским за возврат захваченных им русских, украинских и белорусских земель; борьба с Ливонским орденом за выход к Балтийскому морю. Иван III, обладавший ярким талантом дипломата, успешно маневрировал и сумел избежать распыления сил страны: в нужный момент он концентрировал всю свою мощь на каком-то одном направлении.

Первой задачей, стоявшей перед внешней политикой, была ликвидация ордынского ига. Еще в 1476 г., отправив посольство и, возможно, дань в Орду, Иван III тем не менее отказался поехать туда, на чем настаивал хан Ахмат. После 1476 г. Иван III, во всяком случае, уже не посылал дани. В июне **1480 г.** Ахмат выступил в поход против России: он воспользовался тем, что обстановка для Ивана III складывалась неблагоприятно. Подняли мятеж удельные братья великого князя — Андрей Галицкий и Борис Волоцкий. Они были недовольны тем, что старший брат не поделился с ними выморочным уделом умершего в 1472 г. дмитровского князя Юрия и арестовывает тех бояр, которые хотят «отъехать» к ним. Ливонский орден совершил нападение на Псковскую землю. В Новгороде, только что присоединенном, было еще неспокойно. Ахмат собрал огромное войско (вероятно, около 100 тыс. человек) и заключил военный союз с Казимиром.

В августе и сентябре происходили стычки русских и ордынских отрядов, основные же русские войска стояли на Оке, ожидая неприятеля. В Москве готовились к осаде. Великая княгиня Софья с казной уехала на Белоозеро. Это вызвало недовольство москвичей. К тому же было известно, что среди бояр пользуется влиянием группировка, настаивающая на примирении с Ахматом. Эти, как пишет летописец, «бояре богати... думаючи бежати прочь, а крестьянство выдати», уговаривали великого князя: «Побежи и не можеши с ними битися». Когда 30 сентября Иван III, покинув военный лагерь, приехал в Москву, жители встретили его с возмущением. Находившийся в Москве ростовский архиепископ Вассиан Рыло назвал великого князя «бегуном». Государь даже не смог остановиться в Кремле, «бояся гражан мысли», а остался в пригородном селе Красном (ныне в черте Москвы возле станции метро Красносельская). Однако он подготовил Москву к возможной осаде и, главное, уладил свои отношения с братьями.

В начале октября русское и ордынское войска оказались друг против друга на берегах притока Оки — Угры. Дважды хан пытался форсировать Угру, но оба раза был отброшен. Третью попытку Ахмат предпринимать не стал: он ждал подхода своего союзника Казимира, а пока решил вступить в переговоры. Претензии Орды были несоразмерны ее силам: хан настаивал, чтобы Иван III приехал к нему в ставку и стал у его стремени, а уж хан готов его «жаловать добре». Вскоре, однако, ордынцы пошли на уступки, но по-прежнему настаивали на сохранении ига. Переговоры прервались. Казимир так и не появился: в самом Великом княжестве Литовском начались усобицы, а крымский хан Менгли-Гирей, враг Ахмата, а потому союзник Ивана III, совершил набег на южную часть Великого княжества Литовского. Тем временем необычно ранняя зима скрыла под снегом остатки травы — корм для ордынских коней. 11 ноября Ахмат увел свои войска и вскоре погиб. Так ордынское иго, продолжавшееся 240 лет, кончилось. Почти бескровное «стояние на Угре» показало и мощь молодого государства, и дипломатическое искусство Ивана III.

Это искусство помогло Ивану III найти правильную линию в том сложном клубке международных противоречий, в котором оказалась Россия. Османская империя после падения Византии захватила Балканы, оказалась на границах Германской империи. Папа римский предполагал создать антиосманскую лигу христианских государей, привлечь к участию в ней Россию и тем самым подчинить себе и русскую церковь. На это рассчитывали в Риме, начиная переговоры о браке Ивана III и Софьи Палеолог: византийскую принцессу воспитали в Риме в духе унии между православием и католичеством. Надежды эти не сбылись: Софья быстро разобралась в обстановке на Руси и мгновенно превратилась в ортодоксальнейшую православную. Не увлекся Иван III и перспективой получить «византийское наследство». Трезвый политик,

он не пошел на столкновение с Османской империей. Борьба с сильнейшей военной державой тогдашней Европы могла лишь обескровить Русь. Восточное направление не стало главным в политике Ивана III, он стремился к мирным отношениям с Крымом и Турцией.

Провалились и попытки Германской империи втянуть Ивана III в борьбу между императором и венгерским королем. В обмен за военную помощь император предлагал великому князю королевский титул и брак дочери Ивана III со своим племянником. Принятие этих «щедрых» подарков означало бы признание сюзеренитета Германской империи. Иван III ответил, что «поставление» на престол имеет от бога и не хочет получать его ни от кого другого. Женихом своей дочери он соглашался видеть только сына императора, а не его племянника.

Главные усилия Россия направила на воссоединение русских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского. Там было немало русских феодалов, остававшихся православными. В связи с усилением влияния католической церкви их положение осложнилось. В конце XV в. в подданство к Ивану III перешли вместе со своими землями князья в верховьях Оки и в Чернигово-Северской земле (Воротынские, Одоевские, Трубецкие и т. д.), до тех пор служившие «на обе стороны». Вспыхнула война. В этой так называемой «пограничной войне» (1487—1494) Россия одержала победу. Великий князь Александр Казимирович не только признал новые границы, но и закрепил мир династическим союзом: женился на дочери Ивана III Елене (1495).

Однако вскоре на русскую службу перешли новые князья и даже внук Дмитрия Шемяки. Весной 1500 г. вновь началась война. **14 июля 1500 г.** на реке Ведроши в Смоленской земле состоялась битва с главными силами литовского войска. Бой продолжался шесть часов. Победа русских войск, возглавлявшихся кн. Даниилом Васильевичем Щеней, была полной. Среди пленных был и литовский гетман кн. Константин Острожский. Исход войны стал теперь ясен, и в 1503 г. было заключено шестилетнее перемирие. Выиграть войну России было тем труднее, что в распоряжении Александра были силы не только Великого княжества Литовского, но и Польши, королем которой он стал в 1501 г. Союзником Александра был также Ливонский орден. Иван III предвидел столкновение с ливонскими рыцарями: еще 1492 г. на русском берегу реки Нарвы, напротив укреплений Ордена была построена крепость Ивангород. Ивангород был основной базой для русских войск, сражавшихся против рыцарей. Орден был разгромлен, вынужден признать права России на Тарту (Юрьев, Дерпт) и обязался платить России дань за владение городом.

В результате двух войн воссоединились с Россией Чернигово-Северская земля, восточная часть Смоленской земли. Граница проходила в верховьях Днепра, всего в 50—80 км от Киева.

В 1512 г. истек срок русско-литовского перемирия, военные действия возобновились. В Москве рассчитывали, что удастся добиться присоединения Смоленска, а затем Украины и Белоруссии. Однако пришлось ограничиться Смоленском. После капитуляции гарнизона города (1514) русские войска в том же году потерпели тяжелое поражение под Оршей, начал набеги крымский хан. По новому перемирию **(1522)** удалось закрепить за Россией Смоленскую землю.

Таким образом, ликвидация политической раздробленности и образование единого государства принесли свои плоды: Россия одержала невиданные до того внешнеполитические успехи, добилась объединения всех великорусских земель и свержения ига Золотой Орды.

§ 4. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА 30—50-х ГОДОВ XVI в.

В 1533 г. умер Василий III, оставив наследником трехлетнего Ивана IV. Фактической правительницей государства стала молодая вдова Елена Глинская. Но на пути к упрочению ее власти стояло немало препятствий. Был опасен брат Василия III дмитровский князь Юрий Иванович. Ему даже не дали уехать домой с похорон и тут же арестовали. Оспаривал у великой княгини регентство и ее дядя Михаил Глинский, но и он был заточен в темницу родной племянницей. Ближайшим советником великой княгини, которая теперь уже официально выступала как соправительница сына, стал боярин князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский. В 1537 г., опасаясь «поимания» (ареста), поднял мятеж дядя великого князя старицкий князь Андрей Иванович. Его мятеж не был «удельной фрондой»: князь Андрей стремился захватить великокняжеский престол. Однако силы были неравны. Многие даже из числа старицких дворян не поддержали своего князя. Овчине и Елене удалось обманом заманить Андрея в Москву, где он был немедленно арестован. Старицкий удел оказался ликвидирован.

Вскоре умерла Елена Глинская **(1538)**. Подозревали, что она была отравлена. Вокруг 8-летнего государя началась острая борьба за власть. Фаворита Елены Овчину-Телепнева арестовали сразу после ее смерти и «уморили» в тюрьме. Власть оспаривали группировки Шуйских и Бельских. В их программах не было большой разницы. Все группировки в годы боярского правления пытались продолжать централизаторские мероприятия, начатые при Василии III и Елене Глинской. Особое развитие получила в эти годы поместная система. Но беспринципная борьба за власть дезорганизовывала правительственную деятельность.

В годы боярского правления формировался характер будущего Ивана Грозного. На глазах у мальчика разыгрывались кровавые сцены: приверженцы боярских кланов отправляли противников в

темницу, избивали и даже убивали. Это была подлинная школа жестокости. Недаром в возрасте 13 лет, в 1543 г., Иван IV вынес свой первый смертный приговор: приказал убить ненавистного ему кн. Андрея Шуйского. Разумеется, великий князь действовал по наущению родственников матери — Глинских, и казнь Шуйского привела лишь к смене боярской группировки у власти.

В годы боярского правления ухудшилось положение народных масс. Сторонники враждующих группировок, получая в награду за помощь в борьбе за власть выгодные кормления, были, по сути, бесконтрольны, а потому их злоупотребления и взяточничество достигли невиданных размеров. Современник даже сравнивал кормленщиков тех лет с дикими зверями. Сложившаяся ситуация привела к обострению классовой борьбы. В конце 40—50-х годов власти усиливают репрессии против «разбоев» (а выступления крестьян нередко носили разбойный характер), что свидетельствует о напряженном положении в деревне. Писатель середины XVI в. Ермолай-Еразм писал о «скорбных волнениях», в которых постоянно пребывают крестьяне.

Наибольший размах носили в эти годы выступления горожан. **Летом 1547 г.** вспыхнуло восстание в Москве. Поводом послужил грандиозный пожар, оставивший без крова и разоривший большинство жителей столицы. Посадские люди так люто ненавидели бояр, что решили, что они подожгли Москву. Главными виновниками посчитали тех, кто стоял у власти,— князей Глинских. Прошел даже слух, будто бабка Ивана IV Анна Глинская оборачивалась птицей, летала по городу и кропила кровью из сердец мертвецов дома, от того и возникал пожар. Одного из Глинских убили, другие бежали. Затем москвичи отправились в загородную резиденцию Ивана IV— село Воробьево требовать выдачи Глинских. Еле-еле, не жалея обещаний, Иван IV уговорил посадских разойтись. Но бурлила не только Москва. Перед самым московским восстанием началось движение в Пскове. С жалобой на злоупотребления наместника к Ивану IV приехала делегация псковичей. 17-летний государь жестоко расправился с «посадскими мужиками», вздумавшими искать у него справедливости. По словам летописца, он их «бесчествовал, обливаючи вином горючим (т. е. спиртом), палил бороды и волосы да свечею зажигал, и повелел их покласти нагих по земли». Волнения охватили также Коломну, Устюг Великий, Опочку.

Выступления свидетельствовали о сильном социальном недовольстве, проникшем в различные слои общества. Существовала настоятельная потребность в достижении успокоения, обретении социального равновесия, стабильности. Эти задачи напрямую были связаны с восстановлением расстроенного государственного аппарата, укреплением власти, реформами. Последние по своему содержанию объективно должны были быть направлены на усиление централизации. Другой вопрос, что различные сословные группы,

политические деятели предлагали свои варианты и модели централизации.

Укреплению самодержавия, а следовательно, и централизации должен был способствовать и новый титул царя, который Иван IV принял незадолго до московского восстания — в **январе 1547 г.** Теперь государь был не просто старшим из князей, но царем: этот титул считали равным императорскому, так называли византийских императоров и ханов Золотой Орды. Все византийские поучения, переведенные на русский язык, призывавшие «царя чтити», теперь стали относиться к особе царя и великого князя всея Руси.

Ок. 1549 г. сложился правительственный кружок, который вошел в историю под названием *Избранной рады*. Возглавлял это правительство Алексей Федорович Адашев, яркий и талантливый государственный деятель, выходец из богатого, но не слишком древнего рода костромских вотчинников. Участвовал в этом правительстве и священник придворного Благовещенского собора Сильвестр. Влиял на политику правительства и глава церкви митрополит Макарий. Избранная рада в середине XVI в. провела серию серьезных реформ, направленных на централизацию государства. В **1550 г.** был принят новый Судебник. Он был основан на Судебнике 1497 г., но расширен, лучше систематизирован, в нем была учтена судебная практика. Были подтверждены и уточнены нормы крестьянского перехода в Юрьев день. «Пожилое», которое крестьянин уплачивал феодалу при переходе, было немного увеличено, вероятно из-за происшедшего падения денежного курса. Усилилась власть феодала над крестьянами: на барина возлагалась ответственность за преступления крестьян; феодала именовали «государем» крестьянина: тем самым юридическое положение крестьянина приближалось к статусу холопа; это был шаг на пути к крепостничеству. Более жестокими стали наказания для «лихих людей», обвиняемых в «разбоях». Впервые в Судебнике были введены наказания для бояр и дьяков-взяточников, ограничены права наместников и волостелей.

Ко времени Избранной рады относится создание первых функциональных органов управления — *приказов* (первоначально они назывались «избами»). Внешней политикой занимался Посольский приказ во главе с Иваном Михайловичем Висковатовым. А.Ф. Адашеву был поручен Челобитенный приказ: там принимались жалобы на имя царя и проводилось расследование по ним. Это был, таким образом, высший орган контроля. Поместный приказ ведал землевладением феодалов. Разбойный приказ разыскивал и судил «лихих людей». Сбор дворянского ополчения и назначение воевод были в компетенции Разрядного приказа. В **1550 г.** созданные еще при Василии III отряды пищальников были преобразованы в стрелецкое войско. Стрельцов было несколько тысяч, они получали денежное жалованье, огнестрельное оружие и обмундирование. Ведал ими Стрелецкий приказ.

В 1556 г. были отменены кормления. Население теперь должно было платить общегосударственный налог — «кормленичий окуп», который заменил прежний «кормленичий доход». За счет «кормленичьего окупа» служилым людям платили «помогу» для выхода на военную службу. Ее размеры были определены в принятом тогда же Уложении о службе. Согласно Уложению, с каждых 100 четвертей земли «в одном поле» (150 десятин, или около 170 га) должен был выходить на службу вооруженный конник. С первых 100 четвертей выходил сам землевладелец, со следующих — его военные холопы. Денежную «помогу» давали тем, кто вывел больше людей, чем полагалось, или имел владение меньше 100 четвертей. Зато тот, кто вывел меньше людей, платил денежный штраф. Между Уложением о службе и отменой кормлений была тесная связь: без «кормленичьего окупа» правительство не получило бы денег для «помоги».

Отмена кормлений — только заключительный акт длительного процесса преобразования местного управления. Еще при Елене Глинской началась, а в годы боярского правления продолжалась *губная реформа*. Суть ее в следующем. Дворяне избирали в каждом уезде, где было введено губное управление, из своей среды губных старост. Им была поручена борьба с наиболее опасными для феодального государства преступлениями — «разбоями». Судебник 1550 г. целиком отдал «разбойные дела» в руки губных старост. Когда были отменены кормления, то губные старосты вместе с городовыми приказчиками (также выбирались из местных дворян) возглавили уездную администрацию. В отличие от пришлых в уезде людей — наместников и волостелей, они были кровно заинтересованы в установлении в своих уездах жесткого порядка. В тех уездах, где не было частного землевладения, а также в городах население выбирало земских старост, обычно из наиболее зажиточных слоев черносошного и посадского населения.

В реформах Избранной рады отмена кормлений, земская реформа — центральные, структурообразующие. Они повлекли за собой перестройку судебной и финансово-налоговой систем, центральных и местных органов власти. С отменой кормлений возникла потребность в централизации сбора налогов. В связи с перераспределением властных прерогатив в пользу центра возросло значение приказов, что, в свою очередь, способствовало дальнейшему развитию приказной системы. Эти же реформы сближали различные группы феодалов, уравнивая их по принципу денежного обеспечения — «государево жалованье». Земская реформа способствовала объединению провинциального дворянства в уездные корпорации — служилые «города», которые стали важным институтом сословного устройства основной массы помещиков.

Вместе с тем реформы не завершили процесса централизации. Государственный аппарат был недостаточно развит для того, чтобы правительство могло обойтись без участия представителей сословий в управлении: феодалов, крестьян, посадских людей. Россия, таким

образом, развивалась в направлении *сословно-представительной монархии,* формы правления, предусматривающей участие сословных представителей в управлении страной. В Западной Европе сословно-представительная монархия предшествовала абсолютизму, в России — политической централизации. В России, в отличие от Западной Европы, где сословными были высшие органы власти (Генеральные штаты, парламенты), здание сословно-представительной монархии строилось снизу, с местных органов власти. В **1549 г.** был создан и первый *Земский собор,* состоявший из Боярской думы, представителей духовенства и феодалов. Земские соборы в XVI в. собирались нерегулярно, характер представительства в них не был четко определен, они еще не были постоянным органом власти, как в XVII в.

В правительственной деятельности Избранной рады важное место занимала организация класса феодалов. В 1550 г. было решено дать в радиусе 60—70 верст от Москвы поместья тысяче бояр и дворян — «лутчих слуг», обязанных быть всегда наготове для исполнения ответственных поручений. Был составлен список, в который вошли представители знатнейших родов и верхи Государева двора. Впрочем, вероятно предположение (разделяемое не всеми исследователями), что реформу не провели в жизнь: не нашелся необходимый резерв земель. В 1552 г. была составлена Дворовая тетрадь — полный список Государева двора, около 4000 человек. Именно из состава Двора выходили и воеводы, и головы (высший и старший командный состав), и дипломаты, администраторы и т. п. Люди, входившие в Государев двор, именовались дворовыми детьми боярскими или дворянами; просто дети боярские составили нижний слой служилых людей. В Дворовой тетради дворяне записаны по тем уездам («городам»), где они владели землей. Тем самым закреплялась организация феодалов в уездные служилые корпорации. Дети боярские одного уезда вместе выходили на службу, решали судьбу выморочных поместий, определяли оклады жалованья (поместного и денежного) друг для друга.

Было упорядочено *местничество.* Возникло оно лишь на рубеже XV—XVI вв. и состояло в том, что при назначении на военные и государственные должности решающее значение имело происхождение служилого человека. Учитывалась не абстрактная знатность, а службы предков и родственников. Если некогда один служилый человек был подчинен другому, то и их дети, и племянники, и внуки всегда должны были находиться в том же соотношении. Бояре и дворяне создавали длинные цепочки местнических «случаев» (прецедентов) типа: «А» был «меньше» моего отца, его племянник был равен «Б», его младший брат был меньше «В», а тот был меньше твоего отца. Поэтому было опасно пропустить «невместное» назначение: создавался плохой для всего рода прецедент, «поруха» роду. Хотя местничество и давало аристократии некоторые гарантии сохранения ее господствующего положения, оно вместе с тем

выдвигало те роды, которые издавна и верно служили великим князьям московским. Однако решение местнических дел было очень сложным: против одной цепочки «случаев» при желании выдвигалась другая. Перед каждым походом начинались затяжные споры. «С кем кого ни пошлют на которое дело, ино всякой разместничается»,— жаловался Иван IV в 1550 г. В том же году были ограничены случаи, когда служба считалась совместной, и местнические счеты стали несколько упорядоченнее.

Местничаться имели право только аристократические роды, «родословные» люди. Их состав был точно определен официальным родословным справочником, составленным в середине XVI в.,— «Государевым родословцем». Все назначения записывались в разрядные книги, которые с середины XVI в. велись при Разрядном приказе. Эти записи были систематизированы в официальном «Государеве разряде»: только на него теперь можно было опираться при местнических спорах.

Шла централизация денежной системы и системы мер. При Елене Глинской московский рубль стал основной денежной единицей для всей страны. Но продолжали чеканить и новгородскую деньгу, равняющуюся двум московским. На «новгородке» был изображен всадник с копьем. Эти деньги потому называли копейными. Отсюда происходит копейка —1/100 рубля. Для наиболее распространенной меры вместимости сыпучих тел — четверти (ею мерили зерно) были созданы медные эталоны, которые разослали во все уезды. Тем самым было достигнуто единообразие мер.

Централизация коснулась и церковного управления. Еще в конце 40-х годов многие «местночтимые» святые были признаны общерусскими. В государстве создавался единый пантеон святых. Эти решения были утверждены в **1551 г.** так называемым *Стоглавым собором* (в сборнике его решений было 100 глав, отсюда и назание «Стоглав»). Собор, работами которого руководил митрополит Макарий, унифицировал церковные обряды. При участии Ивана IV он принял меры для искоренения безнравственности в духовенстве. Например, Собор запретил монахам пить водку, а разрешил лишь виноградное вино, пиво и мед. Протопопы (старшие священники) должны были следить, чтобы священники «не билися и не лаялися и не сквернословили и пияни бы в церковь и во святый алтарь не входили и до кровопролития не билися». Собор сохранил и один из пережитков удельной старины: духовенство и «церковные люди» подлежали суду епископов, а не государства.

Хотя далеко не все из реформ Избранной рады удалось в полной мере осуществить, все же они означали невиданный шаг вперед в направлении централизации и преодоления пережитков феодальной раздробленности.

В середине XVI в. Россия ведет активную внешнюю политику. Ее успехи во многом были обусловлены реформами Избранной рады, в частности укреплением вооруженных сил. Основную их

часть составляло *конное ополчение феодалов*. Сын боярский в 15 лет «поспевал» в службу и из «недоросля» становился «новиком». Продолжал он службу до самой смерти или до тяжелой болезни. Вотчинник или помещик выходил на службу на коне, вооруженным и со своими холопами («конно, людно и оружно»). За неявку на службу или на смотр «нетчик» подвергался жестокому телесному наказанию, у него могли быть конфискованы поместья и вотчины.

Кроме дворян и детей боярских, служилых людей «по отечеству» (т. е. по происхождению), существовали *служилые люди «по прибору»*, которых «прибирали» (т. е. набирали) в службу: стрельцы, артиллеристы, городская стража. К ним были близки казаки. Вспомогательную службу (обозы, дорожные и фортификационные работы) несло ополчение из черносошных и монастырских крестьян и посадских людей — *посоха:* определенное количество ополченцев выставлялось с каждой «сохи» (единица налогового обложения).

В середине XVI в. сохранялись те же направления внешней политики, что и в предшествующий период. Основным было сначала *восточное*. Прежде всего стремились добиться присоединения *Казанского ханства*. Русские феодалы надеялись получить новые земли, купцы — торговый путь по Волге. Наконец, царское правительство рассчитывало на доходы от дани с народов Поволжья. Однако причины походов против Казанского ханства нельзя свести только к этим материальным интересам. Казанские ханы и мурзы совершали набеги на русские земли, в Казани скопились многие тысячи (по неточным, возможно, завышенным данным, — 100 тысяч) русских рабов. Необходимость отпора набегам мешала борьбе за выход к Балтийскому морю. Наконец, подвластные Казани народы Поволжья (марийцы, мордва, чуваши) стремились к освобождению от ханского гнета.

Среди казанских феодалов постоянно шла борьба между сторонниками русской и крымской ориентации. Несколько раз занимал ханский престол ставленник Москвы Шигалей (Шах-Али), но большую часть времени на престоле сидели противники России. Несмотря на помощь принявших подданство народов Поволжья, первые походы под Казань (1547—1548, 1549—1550) кончились неудачей.

В 1551 г. началась подготовка к новому походу. В мае — июне всего за 4 недели у впадения в Волгу р. Свияги (30 км на запад от Казани) была построена деревянная крепость — Свияжск. Строительством руководил талантливый фортификатор дьяк Иван Григорьевич Выродков. Основные детали будущей крепости изготовили заранее, их привезли к Свияжску по реке и там смонтировали.

Осада Казани началась в августе 1552 г. Русское войско насчитывало ок. 150 тыс. человек, среди них — много стрельцов, мощная осадная артиллерия (около 150 орудий). К стенам подвели подвижные осадные башни «гуляй-города». Подземным взрывом в

сентябре разрушили один из участков стены. **2 октября 1552 г.** Казань была взята штурмом, последний казанский хан Ядигар-Магмет попал в плен, вскоре крестился и как «царь Симеон Касаевич» стал владетелем Звенигорода и активным участником войн России на Западе.

В **1556 г.** была присоединена Астрахань: хан Дербыш (Дервиш)-Али бежал при приближении русских войск. Еще одно ханство, выделившееся в свое время из Золотой Орды — Ногайская орда (Северный Прикаспий и Приуралье), признало вассальную зависимость от России.

Еще в 1552 г. в составе России оказалась Западная Башкирия, входившая в Казанское ханство. Остальная Башкирия оказалась расчлененной между Сибирским ханством и Ногайской ордой. К 1557 г. присоединение Башкирии было закончено: в составе России объединился почти весь башкирский народ, за исключением части, подвластной Сибирскому ханству. Русское правительство сохранило за башкирами их земли, установив для них натуральный налог — *ясак*.

После присоединения Казанского и Астраханского ханств Иван IV стал называть себя царем Казанским и Астраханским: ведь ханов на Руси всегда называли царями. Отныне царский титул Ивана IV стал более обоснованным в глазах общества. Военные успехи укрепили самодержавие.

Присоединение Поволжья способствовало не только освоению края русскими крестьянами, но и развитию ремесла, торговли и сельского хозяйства на территории бывшего Казанского ханства.

Вместе с тем царизм раздавал земли коренного населения феодалам, крестьяне попадали в зависимость. Верхи местного общества, получая привилегии и награды от правительства, усиливали эксплуатацию своих соотечественников. Со временем усилился нажим православной церкви с целью обращения жителей в христианство, разжигалась национальная и религиозная рознь между народами. Трудящиеся испытывали двойной гнет — своих владетелей и русских феодалов.

Присоединение Казани и Астрахани благотворно сказалось на внешнеполитическом положении страны. Были ограничены возможности для агрессии Крымского ханства и стоящей за его спиной Османской империи. Возрос престиж России на Кавказе. В **50-х гг.** черкесские, кабардинские и дагестанские князья обращаются за помощью к России, некоторые из них принимают российское подданство. Крымские ханы, обеспокоенные русскими успехами в Поволжье, совершают набеги на южные области России. Правительство не считало возможной прямую конфронтацию с Крымом, а следовательно с могущественной Османской империей, а потому ограничилось оборонительными мерами. Так, в 50-е гг. начато было строительство Засечной черты — оборонительной линии из лесных засек, крепостей и естественных преград. Пост-

роенный участок черты проходил южнее Оки, недалеко от Тулы и Рязани. Было предпринято несколько походов в Крым.

Во второй половине 50-х гг. основным в русской внешней политике стало *западное направление.* Правительство стремилось к присоединению Прибалтики, к получению выхода в Балтийское море. Без него трудно было налаживать связи с более развитыми странами Западной Европы и преодолеть отсталость страны.

В борьбе с властвовавшим в Прибалтике Ливонским орденом были заинтересованы прежде всего феодалы, надеявшиеся на новые земли и крестьян. Купцы рассчитывали на расширение торговых связей через порты Балтийского побережья. Сочувствовали русским планам латыши и эстонцы, находившиеся под тяжелым феодальным гнетом немецких баронов и епископов (кроме Ливонского ордена, в Прибалтике находились владения рижского архиепископа, эзельского епископа и других духовных феодалов). Эстонские и латышские крестьяне были крепостными, отбывали тяжелую барщину. В городах, крупнейшими из которых являлись Рига, Ревель (Таллин) и Дерпт (Тарту), также социальные противоречия переплетались с национальными: городская верхушка состояла из немцев, а среди низов преобладали латыши и эстонцы. Они занимали неравноправное положение, их не допускали к выборным городским должностям.

Крестьянская война в Германии (1525) привела к усилению борьбы латышского и эстонского крестьянства, многие бежали в Россию. Не миновала Ливонию и реформация. К середине XVI в. большинство горожан и феодальной верхушки приняло лютеранство, владения католической церкви были конфискованы.

Поводом для начала войны стал вопрос о «юрьевской дани», которую Орден должен был платить России. Орден долго не платил дани, а неустойку погашать не собирался. К тому же он заключил военный союз с королем польским и великим князем литовским Сигизмундом II Августом. В **январе 1558 г.** началась Ливонская война. Ливонские рыцари терпели одно поражение за другим. Нарва, Дерпт, крупнейшие крепости — Феллин и Мариенбург были взяты русскими войсками. Почти вся Ливония была занята, магистр Ливонского ордена Фюрстенберг попал в плен.

Политика русского правительства на ливонских землях была противоречивой. С одной стороны, все делали для того, чтобы местное население поддержало царя: Нарве было дано право свободной торговли с Россией и с Германской империей. Крестьяне получали ссуды зерном и скотом. Но вместе с тем сразу началась раздача земель русским помещикам. Латышские и эстонские крестьяне вместо освобождения от феодальной зависимости получили лишь новых хозяев. Поборы на войну, постой войск тяжело сказывались на крестьянском хозяйстве. Среди прибалтийских крестьян зрело недовольство.

Главным итогом военных действий 1558—1560 гг. было *уничто-*

жение Ливонского ордена. Новый магистр Кетлер признал себя вассалом Сигизмунда II Августа, отдал ему всю Ливонию, оставив себе лишь герцогство Курляндское. Северная Эстония оказалась под властью Швеции. Датский принц Магнус стал владетелем острова Эзель (Сааремаа). Теперь и Великое княжество Литовское (к тому же объединенное с Польшей), и Швеция, и Дания были заинтересованы в том, чтобы Ливония не попала под власть России. Вместо одного Ливонского ордена у России оказалось три сильных противника. Это обстоятельство в значительной степени определило ход Ливонской войны в последующие годы.

Внешняя политика России в эти годы не ограничивалась военной сферой. Добрососедские отношения связывали Россию со многими странами Востока и Запада. В Москве бывали посольства Ирана, Индии, Османской империи. Развивалась торговля с Германской империей, с государствами Италии. С 1553 г. начались оживленные русско-английские отношения. Английский мореплаватель Ричард Ченслор, приплывший в устье Северной Двины, получил от Ивана IV грамоту на право свободной торговли с Россией. Вслед за торговыми связями (в Англии была даже создана «Московская компания» для торговли с Россией) завязались оживленные дипломатические отношения.

В **1560 г.** пало правительство Избранной рады. Разногласия между Иваном IV и его приближенными накапливались долго. В 1553 г. царь опасно заболел. Многие придворные, в том числе Сильвестр и отец А.Ф. Адашева — Федор Григорьевич, не желали присягать грудному младенцу, сыну царя Ивана Дмитрию. Высказывалось опасение, что при царе «пеленочнике» может повториться боярское правление. В наследники предлагали двоюродного брата Ивана IV — старицкого удельного князя Владимира Андреевича. Правда, все обошлось: все в конце концов присягнули, а царь выздоровел. Но отношения царя с советниками охладились.

Иван IV, человек с непомерно развитым властолюбием, со временем стал тяготиться людьми с самостоятельными взглядами. Опасным непокорством считал царь всякую самостоятельность в суждениях. Недаром впоследствии он обвинял Сильвестра и Адашева в том, что они отняли у него всю власть. Напряженными были отношения Сильвестра и Адашева с родственниками первой и любимой жены царя Ивана — Анастасии Захарьиной-Юрьевой. Когда царица умерла, Иван IV обвинял своих бывших любимцев в пренебрежении к своей «юнице». Были внешнеполитические разногласия: Адашев был против бесперспективной войны в Ливонии.

Но самыми тяжелыми были внутриполитические разногласия. Избранная рада проводила серьезные, глубокие реформы, рассчитанные на длительный период. Царь Иван стремился к немедленным результатам. Но при неразвитости аппарата государственной власти быстрое движение к централизации было возможно

только при помощи террора. Царь пошел именно по этому пути, Избранная рада на него не соглашалась.

В 1560 г. Сильвестра царь сослал в далекий Соловецкий монастырь, А.Ф. Адашев с братом Данилой отправлены на воеводство в Ливонию, вскоре они были арестованы. А.Ф. Адашев умер в тюрьме, а Данило — казнен. В 1564 г. бежал в Великое княжество Литовское кн. Андрей Михайлович Курбский, возглавлявший войска в Ливонии. Он находился в близких отношениях с Адашевым и понимал, что его ждут опала и казнь.

§ 5. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА 60-х — НАЧАЛА 80-х ГОДОВ XVI в. ОПРИЧНИНА

Падение Избранной рады послужило прологом к одному из самых мрачных периодов отечественной истории — *опричнине.* События первой половины 60-х гг. стали ее предысторией.

В это время были достигнуты серьезные успехи в Ливонской войне. Швеция и Дания занялись тогда борьбой друг с другом, и Иван IV смог воевать на одном фронте — против Сигизмунда II Августа. Русские войска двинулись в Белоруссию и в **феврале 1563 г.** после долгой осады взяли один из важнейших городов этого района — Полоцк. Взятие Полоцка было важным стратегическим и политическим событием: царь показал, что он может успешно вести войну и после устранения Сильвестра и Адашева, и после перехода Ливонии под покровительство короля. Возможно, поэтому Иван IV приблизил к себе многих участников взятия Полоцка.

И все же война, где противником России выступали объединенные личной унией Великое княжество Литовское и королевство Польское, требовала чрезвычайного напряжения всех сил. Росли налоги, а с ними и эксплуатация крестьян. Становилось неустойчивым и хозяйство феодалов — его благосостояние основывалось на платежеспособности крестьян. Россия с 1547—1548 гг., с первого похода на Казань, непрерывно вела военные действия, служилые люди начали уставать. Победы сменяются неудачами. В 1564 г. русские войска потерпели подряд два поражения: в январе — у р. Улы, а в июле — под Оршей. Царь Иван сразу нашел «виновников». Двух «изменников»-бояр убили без суда и следствия, многие оказались в опале. Террор начался.

Осложнились отношения со старицким князем Владимиром Андреевичем. В нем, единственном удельном князе на Руси, Иван IV видел главную опасность для своего наследника: и раньше удельные князья становились претендентами на великокняжеский престол, и кандидатура самого Владимира Андреевича едва не возобладала в 1553 г. над кандидатурой сына Ивана IV. Поэтому, когда сидевший в старицкой тюрьме дьяк Савлук Иванов сумел переслать в Москву донос на своего господина, Иван IV был рад поверить, что удельный князь и его мать Ефросинья замышляют «многие неправды».

Ефросинью летом 1563 г. постригли в монахини и отправили в далекий Горицкий монастырь на Шексне. Бояр и служилых людей у Владимира Андреевича отобрали, а двор его наполнили царскими соглядатаями. Часть удела, расположенную вблизи от литовской границы, царь взял себе, а Владимиру Андреевичу «пожаловал» в компенсацию уезд на Волге.

Но все эти разрозненные мероприятия были лишь подготовкой к тому решительному повороту в политике, который позволил бы царю проводить в стране беспощадный террор.

В декабре 1564 г. Иван IV в сопровождении заранее подобранных бояр и дворян отправился из Москвы на богомолье. Но из Троице-Сергиева монастыря он поехал дальше — в свое охотничье село Александровскую слободу (ныне — г. Александров Владимирской обл.). В начале января **1565 г.** гонец привез в Москву два послания царя, оглашенные на Красной площади. В первом царь сообщал, что он «положил гнев и опалу» на высшее духовенство и всех феодалов (он тщательно перечислил все категории класса феодалов): на бояр и детей боярских — за их нежелание воевать против недругов и насилия над народом, на духовенство — поскольку оно заступается за «изменников». Царь, «не хотя их многих изменных дел терпети», решил оставить государство и «вселитися, идеже его, государя, бог наставит». В грамоте, обращенной к посадским людям Москвы, Иван IV заверял их, что «гневу на них и опалы никоторые нет». Это был рассчитанный демагогический жест: царь ловко противопоставил феодалов и посадских людей, выдавая себя за защитника простых людей от насилий феодалов. Московские черные люди потребовали, чтобы бояре и духовенство уговорили царя вернуться на престол, угрожая, что они «государьских лиходеев и изменников» сами «потребят».

Через несколько дней царь принял в Александровской слободе делегацию духовенства и бояр и согласился вернуться на престол, но лишь за тем, чтобы казнить «изменников» по своему усмотрению и учредить опричнину. Опричниной издавна назывался удел, который выделялся вдове князя, «опричь» (т. е. кроме) всей земли. Теперь опять же «опричь» всей Русской земли выделялась государева опричнина, своеобразный личный удел государя всея Руси. Остальная часть государства именовалась *земщиной*. Земли, которые были взяты в опричнину, можно разделить на три группы. Во-первых, это были уезды с давно развитым феодальным землевладением, служилые люди которых были исконной опорой великокняжеской власти (Суздальский, Ростовский, часть Переславль-Залесского, возможно, Костромской); во-вторых, уезды, пограничные с Великим княжеством Литовским, где земли были отданы в значительной степени верным слугам московских государей (Вяземский, Козельский, Белевский, Медынский, Малоярославецкий, Можайский); в-третьих, черносошные земли в Поморье, дававшие большой доход: поступавшие оттуда налоги стали финансовой базой

опричнины. Опричную часть Иван IV выделил и в Москве. Указ предусматривал, чтобы феодалы, не принятые в опричнину, лишались поместий и вотчин в опричных уездах и получали возмещение в земских. Однако значение этой меры нельзя преувеличивать: многие местные феодалы вошли в опричнину, а выселение остальных было проведено лишь частично; пострадали в основном родственники опальных, которым туго пришлось бы и в земщине.

В опричнину была взята тысяча служилых людей (к концу опричнины число опричников выросло примерно до 6 тыс.). Они составили отдельные от земских полки, возглавлявшиеся опричными воеводами. В опричнине действовала и своя Боярская дума. Приказы остались в земщине, но часть дьяков Иван IV взял в опричнину.

Иностранцы-современники писали, что царь создал опричнину по наущению своей второй жены — кабардинской княжны Марии Темрюковны. Возможно, эти слухи были вызваны тем, что брат царицы князь Михайло Темрюкович Черкасский стал одним из самых видных опричников. Один из поздних летописцев говорит, что царь учредил опричнину «по злых людей совету» — Василия Михайловича Юрьева, двоюродного брата царицы Анастасии, и Алексея Даниловича Басманова — отпрыска старинного боярского рода Плещеевых, опытного воеводы. Это был один родственный кружок: М.Т. Черкасский был зятем В.М. Юрьева, а сын А.Д. Басманова Федор был женат на племяннице царицы Анастасии. У колыбели опричнины стоял кружок старых московских бояр, родня двух первых жен царя Ивана.

Опричное руководство по своему социальному составу почти не отличалось от старого Государева двора. Там было много князей, отпрысков старых боярских родов, существовало и местничество. Роль опричнины определял не ее состав, а тот факт, что опричники были личными слугами царя и пользовались полной безнаказанностью. Тем самым усиливались и самодержавие, и его деспотические черты. Свою слабость, обусловленную неразвитостью государственного аппарата, власть пыталась компенсировать жестокостью.

Опричнина не изменила структуру феодальной собственности на землю. Ведь выселение земских из опричных уездов фактически осталось на бумаге, а ссылка под Казань князей ряда родов (Ярославских, Ростовских, Стародубских) закончилась через год их амнистией и возвращением вотчин. В результате опал и казней изменился персональный, но не социальный состав феодалов-землевладельцев. Крупное феодальное, в том числе княжеское, землевладение пережило опричнину.

Но тем не менее опричнина серьезно подорвала пережитки удельной старины в стране, хотя вряд ли царь ставил перед собой именно эту задачу: он стремился лишь к усилению своей личной

власти. Первым из этих пережитков была относительная самостоятельность церкви, которая выступала еще как союзница, а не простой придаток царской власти. В 1566 г. оказался вакантным митрополичий престол: митрополит Афанасий не хотел быть «опричным» митрополитом. Иван Грозный призвал на митрополию игумена Соловецкого монастыря Филиппа Колычева. Отпрыск боярского рода, он постригся в монахи из-за участия в мятеже Андрея Старицкого. С самого начала он потребовал отменить опричнину, но затем дал обещание в нее «не вступаться». Однако многочисленные казни, часто невинных людей, к тому же из близкой Филиппу среды, заставили его смело выступить с обличением царя. Митрополита по клеветническим обвинениям низложили и заточили в монастырь. Свержение Филиппа подорвало самостоятельность церкви.

Главным политическим соперником Иван IV считал Владимира Андреевича Старицкого. В 1566 г. царь отобрал у удельного князя отцовский удел с преданными ему служилыми людьми и заменил новыми землями. Вскоре он решил расправиться с ним окончательно. Повар царя донес, что Владимир подговаривал его отравить царя. Ложный донос был, вероятно, инспирирован самим Иваном: ведь и повара вскоре казнили. Осенью 1569 г. царь приказал Владимиру Андреевичу, его жене и младшей дочери принять яд, а мать князя казнили в Горицком монастыре.

Осенью 1569 г. в руки царя попал донос о том, что новгородцы хотят изменить: царя извести, на престол посадить Владимира Андреевича, а сами — перейти под власть польского короля. Донос пришелся кстати: Ивану Грозному давно хотелось разделаться с Новгородом, в котором не только жила некоторая симпатия к старицким князьям, но и сохранялись пережитки времен самостоятельности и воспоминания об этом времени. В декабре 1569 г. войско опричников во главе с Иваном Грозным выступило в поход на русский город. Путь опричников к Новгороду был отмечен зверскими массовыми казнями, насилиями над женщинами. Под Тверью Малюта Скуратов, любимый царский палач, который выдвигается в ряды главных руководителей опричнины, задушил митрополита Филиппа. В самом Новгороде погром длился 6 недель. Погибли тысячи жителей, многих сбросили под лед Волхова, часто перед смертью их подвергали жестоким пыткам. Все церкви были ограблены. Город был опустошен. Опричники грабили и убивали без разбора и в Новгородской земле. Многие насильно вывозили в свои владения крестьян. Известен рассказ немца-опричника Генриха Штадена о том, как он собрал собственный отряд грабителей и при помощи пыток выведывал у встречных, где можно хорошо пограбить. С удовольствием вспоминал опричник, как одну помещицу собственноручно зарубил. «Когда я выехал с великим князем, у меня была одна лошадь, вернулся же я с 49-ю, из них 22

были запряжены в сани, полные всякого добра»,— пишет он. Этот варварски жестокий погром привел к упадку Новгорода.

Достижение, быть может даже помимо воли самого Ивана IV, некоторых успехов в централизации в результате опричнины не дает оснований считать прогрессивной опричную политику. Борьба с пережитками удельной старины вытекала из всего хода развития страны, она шла и в годы правления Избранной рады, и даже более успешно. Эту борьбу можно было вести разными методами. Путь опричнины был не лучшим, он был разорителен для страны и мучителен для народных масс.

После новгородского погрома начались казни и самих опричников. Смерть Марии Темрюковны (1569) ускорила гибель боярской группировки, создавшей опричнину. Погибли отец и сын Басмановы, М.Т. Черкасский с женой и шестимесячным сыном, князь Афанасий Вяземский. Во главе опричнины стали теперь Малюта Скуратов и другой палач — Василий Грязной. Они вошли в Боярскую думу в качестве *думных дворян*: это был появившийся в годы опричнины чин для незнатных членов Думы.

Летом 1570 г. на Красной площади в Москве изощренным казням было подвергнуто несколько десятков человек. Казнили и сам царь, и его приближенные. Опричнина окончательно выродилась в банду грабителей и убийц с высокими титулами. В Александровской слободе царь создал нечто вроде опричного монастыря, где сам был игуменом. Во время многочасовых молебнов, перемежавшихся разгульными пьяными пирами, отдавались приказания о казнях и пытках. Опричники в черных одеяниях с мрачными символами верной службы царю (метла — чтобы выметать измену, собачья голова — чтобы выгрызать) наводили ужас на страну.

Летом 1571 г. ждали набега крымского хана Девлет-Гирея. Но опричники, которым поручили держать заслон на берегу Оки, в большинстве не вышли на службу: воевать против крымского хана было опаснее, чем грабить Новгород. Один из пленных детей боярских выдал хану неизвестный путь к одному из бродов на Оке, Девлет-Гирей сумел обойти заслон из земских войск и одного опричного полка и форсировать Оку. Русские войска едва успели вернуться к Москве. Но Девлет-Гирей не стал осаждать столицу, а поджег посад. Огонь перекинулся через стены. Город сгорел весь, а те, кто укрылись в Кремле и в примыкавшей к нему крепости Китай-городе, задохнулись от дыма и «пожарного зноя». Начались переговоры, на которых русские дипломаты получили тайную инструкцию соглашаться в крайнем случае на отказ от Астрахани. Девлет-Гирей же требовал и Казани. Чтобы окончательно сломить волю Ивана IV, он повторил набег на следующий год.

Иван IV понимал серьезность положения. Он решился поставить во главе войск опытного полководца, который часто бывал в опале,— князя Михаила Ивановича Воротынского. Его командо-

ванию были подчинены и земские, и опричники; их объединили на службе и внутри каждого полка. Это объединенное войско в битве у *села Молоди* (50 км южнее Москвы) наголову разбило войско Девлет-Гирея, почти в два раза его превосходившее. Крымская угроза на много лет была устранена. Победа при Молодях показала, как опасно разделять страну и войска на две части. Уже осенью того же **1572 г.** опричнина была отменена. И территории и служилых людей объединили. Прежним владельцам возвратили часть конфискованных земель. Даже Новгороду была торжественно возвращена вывезенная оттуда «чудотворная икона». Тому, кто ненароком произнесет ставшее вдруг крамольным слово «опричнина», угрожало наказание кнутом. Но террор не прекратился, а только изменил направление: начались казни опричников. Впрочем, не только опричников: в 1573—1575 гг. погибли многие видные деятели, в том числе и победитель Девлет-Гирея М.И. Воротынский. Но прежнего размаха не было: ни погром, как в Новгороде, ни массовые казни, как в Москве в 1570 г., не повторялись.

В **1575 г.** Иван IV попытался вернуться к опричным порядкам. Царь принял скромный титул князя московского, а великим князем (но все же не царем) всея Руси стал крещеный татарский хан Симеон Бекбулатович. Иван IV как смиренный верноподданный посылал Симеону свои распоряжения в виде униженных челобитных. А *«удел»* князя Ивана Московского был своего рода опричниной. Сущность этого политического маскарада не вполне ясна. Ходили даже слухи, что царь Иван поверил волхвам, предсказавшим, что в этом году умрет московский царь. Действительно, Иван Грозный продержал Симеона на великокняжеском престоле всего год, после чего дал ему в удел Тверь. Но и как «великия князь Тверской» он не играл никакой политической роли. Бывший же «удел» Ивана IV стали называть *двором,* и вся территория страны и люди были разделены на земских и дворовых. Это разделение не было таким жестким, как в годы опричнины, не сопровождалось оно и массовыми казнями.

В опричные годы продолжалась Ливонская война. В **1569 г.** в Люблине была заключена государственная уния между Великим княжеством Литовским и королевством Польским: оба государства объединились в единую «Речь Посполитую» (республику) во главе с королем, которого вместе выбирали польские и литовские феодалы. Люблинская уния усилила влияние польских феодалов, быстро пошел процесс окатоличивания и полонизации украинских и белорусских земель. Объединение придало силы Польско-Литовскому государству, но не сразу. После смерти бездетным последнего короля из династии Ягеллонов Сигизмунда II Августа (1572) начались длительные смуты. На вакантный престол выдвигали свои кандидатуры и германский император, и Иван IV, обсуждались кандидатуры и их сыновей. В годы бескоролевья Иван IV успешно наступал в Ливонии. Он создал вассальное «Ливонское королевст-

во», «королем» стал датский принц Магнус, женатый на племяннице Ивана Грозного — уцелевшей дочери Владимира Старицкого Марии. Русские войска заняли в Ливонии много городов и осаждали Ревель (Таллин). Перемирие было заключено со Швецией.

В 1575 г. в Речи Посполитой кончилось бескоролевье: на престол был избран трансильванский князь Стефан Баторий, талантливый полководец, сторонник централизации государственного управления. На первых порах, пока еще не сказались результаты деятельности Стефана Батория, Россия продолжала одерживать победы. В 1577 г. русские войска заняли почти всю Ливонию. Но уже на следующий год Стефан Баторий перешел в наступление, вернул многие ливонские города. На сторону Речи Посполитой перешел Магнус. В 1579 г. возобновила военные действия Швеция. Тем временем Баторий взял Полоцк и Великие Луки, а в **1581 г.** осадил Псков. Шведы захватили Нарву. Около пяти месяцев Стефан Баторий безрезультатно осаждал Псков, хотя сил у защитников города было куда меньше, чем у королевских войск. Ни артиллерийский обстрел, ни штурмы не увенчались успехом. Героическая оборона Пскова, в которой участвовал весь город, сорвала планы дальнейшего наступления на Россию.

В **1582 г.** в Яме-Запольском было заключено перемирие с Речью Посполитой, в **1583 г.** в Плюссе — со Швецией. По их условиям Россия утратила все свои приобретения в Ливонии и Белоруссии, хотя Великие Луки и некоторые другие города, захваченные Баторием, вернулись к ней. К Швеции перешла большая часть побережья Финского залива. Ливонская война, длившаяся четверть века, закончилась для России поражением. Только мужество защитников Пскова спасло страну от еще более тяжелых условий перемирия.

На востоке дела России шли лучше. Именно тогда началось освоение Россией *Сибири. Сибирское ханство*, владевшее Западной Сибирью, было обширным государством, в которое, кроме сибирских татар, входили ханты, манси, зауральские башкиры и другие народы. В 50-х гг. XVI в. хан Едигер признал себя вассалом России, но пришедший затем к власти Кучум вступил в борьбу с ней. Русское правительство поставило задачу присоединения Сибири. Оно располагало помощью фактических хозяев среднего Приуралья — сольвычегодских солепромышленников Строгановых. Они не только владели огромными землями, но и имели собственные вооруженные силы. В Западной Сибири Строгановы скупали пушнину. По жалованной грамоте Ивана IV они начали там и строительство крепостей. Около **1581—1582 гг.** (в литературе существуют разногласия относительно этой даты) состоявший на службе у Строгановых казачий атаман Ермак со своим отрядом (ок. 600 человек) двинулся в поход на Кучума. Ему удалось разбить Кучума и взять его столицу Кашлык. Население Сибири согласилось платить дань не Кучуму, а Ермаку. Однако в 1584—1585 гг. Ермак

погиб в бою. Но начало присоединению Сибири было положено. Колонизационные потоки русского крестьянства двинулись в таежные просторы Сибири, осваивая ее плодородные земли. В **80—90-х гг. XVI в.** Западная Сибирь вошла в состав России.

И все же в целом итоги царствования Ивана IV были неутешительны. В результате опричнины не произошло серьезных изменений в структуре общественных отношений, зато опричные репрессии и рост налогового гнета в связи с Ливонской войной резко ухудшили положение народных масс. Усугубили народные бедствия также крымские набеги, походы Стефана Батория и свирепствовавшая несколько лет эпидемия чумы, охватившая широкую территорию. Результатом был хозяйственный кризис. Центр и северо-запад были опустошены. Села и деревни стояли заброшенными, зарастала лесом пашня: одни крестьяне умерли от голода и эпидемий, другие были убиты вражескими войсками или царскими опричниками. Наконец, многие бежали из разоренных родных мест — на юг (в район Орла, Тулы, Курска и т. д.), в Среднее Поволжье, в Приуралье, а в самом конце века — и в Западную Сибирь.

Выход из кризиса правительство искало в административных мерах. Ответом на бегство крестьян стало крепостническое законодательство. **1581/82 г.** впервые был объявлен *«заповедным»*, в этот год отменялся Юрьев день и запрещался переход крестьян. «Заповедными» стали и последующие годы. Сохранившиеся источники не дают ответа на вопрос о том, по всей ли стране распространился режим «заповедных лет» или это была локальная мера, подтверждался ли указ о «заповедных летах» каждый год или их ввели «до государева указа». Но в любом случае это законодательство означало важный шаг на пути к оформлению крепостного права в России. Закрепощение стало возможным в результате опричной политики. Только деспотическое правление при неразвитости государственного аппарата могло удержать крестьян в повиновении.

Ухудшение экономического положения народных масс, закрепощение крестьянства вызывали рост недовольства. Сохранился рассказ о том, как в конце царствования Ивана Грозного царские соглядатаи записали тайком разговоры на московском торгу. Когда «список речей» принесли царю, он «удивишася мирскому волнению».

Невеселыми были итоги царствования и лично для монарха. Царь Иван был не только жесток до садизма и болезненно подозрителен, но и вспыльчив. Во время одного из припадков гнева он избил до смерти собственного старшего сына и наследника царевича Ивана. Иван Иванович был похож на отца: начитан, сообразителен и жесток. Его смерть была для царя тяжелым ударом. В 54 года Иван Грозный выглядел дряхлым стариком; его организм был расшатан пьянством и развратом. Единственным же наследником престола оставался слабоумный карлик с ярко выражен-

ными чертами вырождения — будущий царь Федор Иванович. Самодержавную неограниченную власть умирающий деспот оставлял наследнику, который править просто не мог.

§ 6. КУЛЬТУРА И БЫТ РУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV—XVI вв.

Русская *литература* второй половины XIV— первой половины XV в., времени борьбы за политическое объединение русских земель, за ликвидацию феодальной раздробленности, как и прежде, обращалась к особенно важной в это время теме — борьбе русского народа за свержение ордынского ига. Особенно выделяются произведения Куликовского цикла, посвященные победе Дмитрия Донского над Мамаем. Первым откликом на эту битву была поэтическая «Задонщина». Существует предположение, что первоначально это была песня, которую сразу после битвы создал рязанский боярин Софоний. Обе дошедшие до нас редакции «Задонщины» воспевают Дмитрия Донского, его двоюродного брата Владимира Андреевича и всех «удальцов русских», подчеркивают важность единства сил для отпора врагу. Вместе с тем глубокой скорбью проникнут плач по погибшим в этой битве: «Не одина мати чада изостала (т. е. сына потеряла), и жены болярскыя мужеи своих и осподарев остали». Но участники битвы «покладоша головы свои у быстрого Дону за Русскую землю».

Во многих редакциях дошло до нас «Сказание о Мамаеве побоище», возникшее, вероятно, уже в первой половине XV в. Наполненное многими легендарными подробностями, «Сказание» содержит и некоторые намеренные фактические неточности. Например, митрополит Киприан, который в это время был во враждебных отношениях с Дмитрием и отсутствовал в Москве, согласно «Сказанию», благословляет Дмитрия на битву. Автор здесь хотел подчеркнуть тесный союз между великим князем и церковью. В целом же «Сказание» проникнуто чувством глубокого патриотизма и восхищения подвигами русских воинов. Вот как описывает автор русские войска перед битвой: «Дивно бо есть видети и жалостно зрети рати великого князя Дмитрея Ивановича таковых руских сынов собрание, таковое же учрежение и тако их хотение: все бо един за единаго хощет умрети и друг за друга головы своя положити». Страстными и поэтическими словами описывает автор саму битву: «И ставшимся обемя войскома, крепко бьющеся и грозно вельми; и под коньскими ногами умирающе, от великия тесноты задыхахуся, яко не мощно бе вместитися на поле Куликове».

Во второй половине XV в. новое рождение переживает старый жанр «хожений» — описаний путешествий. Это явление отражает растущий интерес образованных людей Руси того времени к другим странам, развитие экономических и культурных связей с ними. Особенно интересно «Хожение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина. Попал он в Индию случайно: в конце 60-х гг. XV в.

Афанасий поехал на Северный Кавказ для торговли, но стал жертвой грабителей. Возвращение домой сулило незавидную участь неоплатного должника: полное разорение и холопство. В надежде поправить свои дела Афанасий Никитин отправился в Иран, а оттуда — в Индию. Только через 8 лет тяжело больной, умирающий Афанасий вернулся на Русь. Его произведение, написанное простым, безыскусным языком, без характерного для средневековой риторики «плетения словес», содержит множество интересных наблюдений о жизни и быте Индии. Благожелательно всматривался путешественник в жизнь другого народа. Он обратил внимание на угнетение, которому подвергалось коренное население страны мусульманскими завоевателями («хоросанцами»): «В Ындейской земли княжат все хоросанцы, и бояре все хоросанцы, а гундустанцы все пешеходы... а все наги и босы... А земля людна велми, а сельскыя люди голы велми. А бояре силны добре и пышны велми». Но главная мысль Афанасия Никитина — о своей родине. В путешествии Афанасий Никитин хорошо изучил ту тюркско-иранскую смесь языков, которая звучала на восточных базарах. Самые заветные места своего произведения — те, чтение которых непосвященными он считал опасным для автора,— он написал на этом своеобразном языке. Одно из таких мест — молитва о Русской земле: «А Русскую землю бог да сохранит!.. На этом свете нет страны, подобной ей. Но почему князья земли Русской не живут друг с другом как братья! Пусть устроится Русская земля, а то мало в ней справедливости». Так под пером писателя-патриота рождаются слова не только в похвалу родной земле, но и резкое осуждение феодальных распрей и междоусобиц, в которых нет, по мысли Афанасия Никитина, справедливости, нет ни правых, ни виноватых.

Новый культурный подъем вызвало создание единого государства. В первой половине XVI в. создается культурный кружок вокруг новгородского архиепископа, а с 1542 г.— вокруг митрополита всея Руси Макария. Макарием и его сотрудниками были созданы Великие Четьи-Минеи. «Четьими» назывались книги, предназначенные для чтения, в отличие от «служебных», т. е. богослужебных. «Минеями» же называли сборники, где произведения распределены по тем дням, в которые их рекомендуется читать. Макарьевские Четьи-Минеи должны были стать собранием всех книг, «чтомых» на Руси: житий и поучений, византийских законов и памятников церковного права, повестей и сказаний. Но вместе с тем они стали и сводом литературы, дозволенной церковниками-ортодоксами.

Важным достижением было начало *книгопечатания.* Первая типография в России начала работать **ок. 1553 г.,** но имена ее мастеров неизвестны. В **1563—1564 гг.** Иван Федоров, дьякон одной из кремлевских церквей, и его помощник Петр Мстиславец создали на Печатном дворе на Никольской улице в Москве первую печатную книгу с выходными данными. Качество печати было исключительно высоким. Иван Федоров был не только мастером-типографом, но

и редактором: исправлял переводы книг «Священного писания», приближал их язык к языку своего времени. Из-за преследований и обвинений в ереси Иван Федоров и Петр Мстиславец перебрались в Великое княжество Литовское и продолжали деятельность просветителей в Белоруссии и на Украине. Во Львове И. Федоров выпустил первый русский букварь с грамматикой. Не заглохло книгопечатание и в России: уже в XVI в. работали типографии в Москве и в Александровской слободе. Однако печатная книга даже в XVII в. не вытеснила рукописную, ибо печатали в основном богослужебные книги, летописи же, повести, сказания и даже жития святых по-прежнему переписывали от руки.

В центре внимания русской письменности второй половины XV—XVI в. стоят коренные вопросы жизни страны. В «Сказании о князьях Владимирских» подчеркивалась идея преемственности власти московских государей от византийских императоров. Мало того, их род выводили даже от римского императора Августа. Псковский монах Филофей в послании Василию III утверждал, что Москва — это «третий Рим». Собственно Рим пал из-за ересей, «второй Рим» (Византия) — из-за унии с католичеством. «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти»,— писал Филофей.

Одним из самых своеобразных мыслителей первой половины XVI в. был Федор Иванович Карпов, дипломат, государственный деятель. Он был рационалистом, искавшим истину через сомнения: «Изнемогаю умом, в глубину впад сомнения»,— писал он. Одной из главных тенденций *русской общественной мысли* XVI в. было освобождение от пут церковного мировоззрения, апелляция к разуму. Этот процесс принято называть *секуляризацией* (от латинского слова saecularis — мирской, светский) или *обмирщением культуры*. В этом же русле находились и воззрения Карпова. Когда митрополит Даниил утешал Карпова в связи с его служебными неприятностями и призывал к христианскому терпению, Карпов отвечал, что терпение — добродетель лишь для монахов, а у жизни государства — иные основания. «Ин есть суд в духовных лицех, а ин в мирьском начальстве». Для государства необходима законность — «правда», иначе «сильный погнетет бессильного». Но власть, полагает Карпов, должна быть сильна: «Милость бо без справды (т. е. правды) малодушьство есть». Впрочем, гуманист Карпов, понимающий опасность деспотического правления, добавил: «Правда без милости мучительство есть».

В конце 40-х — начале 50-х гг. XVI в. писал известный публицист Иван Семенович Пересветов. Выходец из русской шляхты Великого княжества Литовского, он служил во многих странах — Польше, Венгрии, Чехии, Молдавии, пока не приехал на Русь. Пересветов с негодованием пишет о боярах, «ленивых богатинах», которые «люто против недруга смертною игрою не играют». Существенно, что обвиняет он их не в сепаратизме, а лишь в трусости и недостатке служебного рвения. России, по Пересветову,

нужна «правда» (в этом он близок к Карпову). Но ввести ее можно только суровостью и даже жестокостью — «грозой». Вместе с тем Пересветов далек от восхваления деспотизма. Для него царь — это не просто самовластный государь, у него есть обязанности перед «воинниками», которые «люты к недругом». Именно «воинниками» царь «силен и славен».

Пересветов был близок и к религиозному вольнодумству. По его словам, «Петр, воевода Волосский» (молдавский господарь Петр Рареш), которому Пересветов вкладывает в уста свои мысли, спросил у одного выходца из Москвы, есть ли «правда» в Московском государстве. «Москвитин» сказал, что «вера християнская добра всем сполна... а правды нет». Петр воевода возразил: «Коли правды нет, то и всего нет» — и добавил: «Бог не веру любит — правду». Разумеется, ни один христианский ортодокс не отрицал необходимости правды, не выступал за неправду, но Пересветов первым в отечественной словесности решился противопоставить правду и веру и предпочесть правду. Впрочем, он предпочитал и свободу холопству. «Которая земля порабощена,— писал он,— в той земле все зло сотворяется».

Поток «обмирщения» захватывал порой даже ортодоксальных церковных авторов. Характерен в этом отношении *«Домострой»*, автором (или, возможно, составителем последней редакции) которого был Сильвестр. Слово «домострой» в переводе на современный язык означает «домоводство». В самом деле, таково и было назначение этого произведения. Мы находим в нем и наставления церковного характера, и советы, как воспитывать детей и наказывать жену, хранить запасы и просушивать платье, когда покупать товары на рынке и как принимать гостей. Но исполнение религиозных обрядов и следование практическим советам в равной степени являются долгом — и нравственным, и религиозным. Например, грешником является тот, кто живет, «не разсудя собя» (не по средствам): ему «от бога грех, а от людей посмех». Итак, «Домострой» чисто светское произведение, но авторитетом бога и «Священного писания» он освящает торговлю, наживу, даже скопидомство. Это несовместимо с суровым аскетизмом, который был официальной идеологией церкви.

О путях и методах централизации, об отношениях монарха и подданных вели яростный спор талантливые политические противники — царь Иван Грозный и кн. А.М. Курбский. Бежав за рубеж, Курбский прислал царю послание (1564), обвиняя его в тирании и жестокости. Грозный ответил, затем появились новые послания, всего было два послания царя и три Курбского. Из-под пера Курбского вышло еще несколько посланий, Курбский написал также памфлет против царя Ивана — «История о великом князе Московском» и другие сочинения. Оба были по-средневековому широко образованы: знали и Библию, и богословскую литературу, и историю Рима, Византии, Руси, и античных авторов.

По своим взглядам Иван и Курбский были не только антагонистами, но и во многом единомышленниками: оба они выступали за централизацию государства и сильную царскую власть, а политическим идеалом Курбского была деятельность Избранной рады, которая значительно укрепила централизацию. Спор шел о другом. Истинной монархией царь Иван считал только монархию деспотическую. Он полагал, что не царь действует для блага своих подданных, а священным долгом подданных является верная служба государю: ведь сам бог их поручил в «работу» (т. е. в рабство) своим государям. Все жители страны — от последнего холопа до князя — государевы холопы. «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же»,— так лаконично, четко и даже талантливо сформулировал царь основной принцип деспотизма. Курбский представлял себе царскую власть иначе. Царь отвечает не только перед богом, но и перед людьми, он не может нарушать права своих подданных, должен уметь находить мудрых советников, причем не только из высшей аристократии (позднейшие историки часто обвиняли Курбского в стремлении добиться для бояр «права» соучаствовать в управлении государством), но и «всенародных человек». Увы, сам Курбский не следовал этим высоким идеям: в своих имениях в Речи Посполитой он обращался с подвластными так жестоко, что против него было возбуждено судебное дело. Представитель князя на суде словно цитировал царя Ивана, говоря, что князь Курбский сам знает, как обращаться со своими подданными.

Курбский, хотя и допускает «всенародных человек» к участию в управлении, остается аристократом. Даже жертвы опричного террора в его «Истории» расположены в соответствии с их знатностью. И сама история создания единого государства — это для Курбского печальная история того, как московские князья пили «крове братии своей». И все же Курбский признает совершившиеся факты, царь Иван плох не тем, что он глава единого государства, а тем, что он казнит невиновных, своих верных слуг.

Аристократичен и Иван IV, который всегда кичился своим происхождением от «Августа-кесаря». Шведскому королю он отказывал в равенстве с собой, считал его род «мужичьим», так как отец короля Густав Ваза был не прирожденный монарх, а выборный.

Курбский обладал незаурядным литературным талантом, он великолепно освоил средневековую риторику, любил острые каламбуры. Например, опричников Курбский называл «кромешниками»: ведь «опричь» и «кроме» — синонимы, а поскольку ад — это «тьма кромешная», то опричники — адово воинство. Грозный был, пожалуй, талантливее как литератор. Он не хуже Курбского владел классическим стилем «плетения словес», но при этом любил резко выйти за его рамки, смело вводил в свои послания наряду с обширными цитатами из Библии и «отцов церкви» просторечие и даже перебранку. Тем самым он взрывал литературный этикет

средневековья. Писаниям царя всегда присуща ирония — то острая, то грубая и мрачная. Курбский писал о том, что воевал в «дальноконных градах германских». Царь высмеял красивый эпитет: «Ты того дальноконнее поехал». Даже английской королеве Елизавете в момент обострения русско-английских отношений он написал: «... у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но и мужики торговые... А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая (т. е. обычная) девица».

Рассматриваемая эпоха — время острых *религиозных споров*. «Ныне и в домех, и на путех, и на торжищих иноци и мирьстии и вси сомнятся, вси о вере пытают»,— писал в 70-х гг. XV в. Иосиф Волоцкий. И хотя он же утверждал, что до этого времени никто в Русской земле не видел живого еретика, на самом деле известные нам ереси относятся уже ко второй половине XIV в. Ереси и вообще религиозное вольнодумство были всегда результатом самостоятельного, без оглядки на авторитеты поиска истины. Тем самым подрывается важнейший принцип религиозно-церковного мировоззрения: беспрекословного повиновения иерархии. Попытки еретиков и вольнодумцев найти рациональные обоснования религии и отвергнуть те догматы, которые не выдерживают рациональной критики, противоречили основе всякой религии — слепой вере, не основанной на знании. Поэтому, хотя ереси и вольнодумство не выходили за пределы религиозного мировоззрения, они были, по сути, враждебны церкви и несли в себе элементы социального протеста. Это полностью относится к возникшей в 70-х гг. XIV в. в Новгороде ереси *стригольников* (происхождение названия неясно), распространившейся среди низшего духовенства и ремесленников. Стригольники не только с позиций разума критиковали Библию и сочинения «отцов церкви», но и отвергали церковные обряды, заявляли, что «пастыри» (т. е. духовенство) сами «возволчились», а потому «овцам» (мирянам) приходится самим себя «паствити»; они протестовали против тех, кто «свободных людей порабощает и продает». Церковь и государство преследовали стригольников, многие из них были казнены, но и в середине XV в. в Новгороде и Пскове встречались стригольники.

Их прямыми наследниками были сторонники новой ереси, которую церковники окрестили ересью *«жидовствующих»*: их обвиняли в переходе в иудаизм. Трудно оценить справедливость этих обвинений: ведь до нас дошли произведения не еретиков, а их «обличителей», не брезговавших никакими средствами в борьбе. Видимо, еретики использовали и какие-то сочинения иудейских богословов, но в целом оставались в рамках христианского вероучения. Еретики (священники Алексей, Денис и другие) отрицали церковную иерархию, не принимали как противоречащий разуму догмат о троичности божества, считали ненужными иконы и обряды. Еретики, разумеется, были утопистами: они надеялись создать религию без церкви и веры в чудесное.

Церковь повела ожесточенную борьбу против еретиков. Новгородский архиепископ Геннадий Гонзов готов был даже пойти на союз с католиками: он восхищался «панским королем», который «очистил» Испанию от еретиков и иноверцев, при дворе Геннадия доминиканский монах Вениамин переводил католические антиеретические трактаты. Но больше Геннадий надеялся не на аргументы, а на силу, ведь ортодоксы, как он сам признавался, «люди... простые, не умеют по обычным книгам говорити», а потому «таки бы о вере никаких речей с ними не плодили; токмо того для учинити собор, что их казнити — жечи да вешати». Вслед за Геннадием в борьбу вступил игумен Волоцкого (т. е. Волоколамского) монастыря Иосиф Волоцкий, написавший множество сочинений против еретиков. По приказу Геннадия некоторых еретиков наказали в Новгороде кнутом. В 1490 г. церковный собор в Москве осудил ересь, отправленных в Новгород для наказания еретиков облачили в шутовские одежды, подвергли издевательствам, после чего у них на головах сожгли лубяные шлемы с надписями: «Се есть сатанино воинство».

Но ересь оказалась живучей и даже проникла во дворец великого князя. В московский круг еретиков входили видные дипломаты — дьяки Федор Васильевич и его брат Иван Волк Курицины, государев переписчик книг Иван Черный, наконец, невестка Ивана III — дочь молдавского господаря Елена Стефановна. В ереси обвиняли и митрополита Зосиму. Сам великий князь до поры до времени покровительствовал еретикам. Разумеется, он не вникал в богословские споры. Для него важнее было другое: монастыри увеличивали свои владения за счет вотчин служилых людей. Иосиф Волоцкий и его сторонники (*иосифляне)* доказывали, что церковь не только имеет право, но даже обязана владеть населенными землями. Противоположную позицию занимали *нестяжатели* во главе с монахом одного из окраинных монастырей Нилом Сорским, но они были скорее мыслителями-созерцателями, чем борцами. Проповедь еретиков против церковной иерархии и монашества дала бы оправдание для конфискации церковных земель. К тому же иосифляне, воинствующие церковники, порой заявляли, что церковная власть превосходит светскую, а это беспокоило великого князя. Вот он и держал еретиков «про запас» против иосифлян.

И все же в 1502 г. Иван III окончательно отвернулся от еретиков. Его страшили их независимость в суждениях, элементы социальной критики в их учении. Елену Стефановну и ее сына Дмитрия арестовали. На церковном соборе в 1503 г. иосифляне решительно выступили против попыток Ивана III конфисковать часть церковных земель. Правительству пришлось отступить. Но отныне Иосиф Волоцкий и его сторонники все чаще стали поддерживать великих князей. В декабре 1504 г. новый собор осудил еретиков на смерть; многих из них сожгли, Елену Стефановну умертвили в тюрьме. В обмен на сохранение монастырских вотчин и инквизиционные

костры власть получила полную поддержку иосифлянских иерархов, превратившихся в «дворян великого князя», как их насмешливо называли.

Но идеи еретиков не сгорели в пламени костров. В середине XVI в. снова появились *вольнодумцы*. В 1553 г. был осужден московский дворянин Матвей Семенович Башкин. Этот прихожанин придворного Благовещенского собора принадлежал к верхушке столичного дворянства. Башкин пришел к выводу, что церковные обряды не нужны, отрицал иконы и даже «таинство» исповеди. Пришел он и к социальному вольнодумству: считал, что холопство противоречит христианским идеалам, нельзя своего «брата» держать в неволе: «У меня что было кабал полных (т. е. документов на полное холопство), то есми все изодрал»,— говорил Башкин. После пыток Башкин был сослан в Иосифо-Волоколамский монастырь, оплот воинствующих церковников.

Еще более радикальные позиции занимал постригшийся в монахи беглый холоп Феодосий Косой. Он отрицал не только обряды и священство, но даже христианскую символику, заявлял, что крест — орудие казни Христа — негоже обожествлять. Он пошел и дальше: говорил, что у христиан не должно быть властей, а потому призывал не платить налогов и не повиноваться феодалам. Феодосий проповедовал равенство всех народов, что резко противоречило характерной для средневековья религиозной и национальной обособленности. Идеи Феодосия разделяли многие его ученики. От преследований он бежал в Великое княжество Литовское, где продолжал распространять свое учение среди украинских и белорусских крестьян и горожан. Угнетатели ненавидели «рабье» (так они презрительно его называли) учение Феодосия Косого. Недаром его преследовал Иван Грозный и «обличал» Курбский.

В рассматриваемый период продолжало развиваться русское *искусство*. В XIV в. в Новгороде строится много посадских, сравнительно небольших храмов, из которых наиболее известны церкви Спаса на Ильине улице и Федора Стратилата на Федоровом ручье. В XV в. идет интенсивное строительство в Москве. Столицу великой державы хотели сделать парадной и монументальной. Иван III привлекает для работы итальянских архитекторов — самых умелых в то время. Среди них выделяется болонец Аристотель Фиораванти, не только архитектор, но и фортификатор, пушечный мастер-литейщик и чеканщик монет. В 1476—1479 гг. под его руководством в Кремле был построен Успенский собор — кафедральный храм митрополита всея Руси. Фиораванти обязали взять за образец Успенский собор во Владимире — тем самым как бы подчеркивалось, что столицей Руси стала Москва. Итальянскому архитектору действительно удалось создать храм в русском национальном стиле. Вероятно, Фиораванти составил проект и новых кремлевских стен, которые были сооружены в **1485—1516 гг.** под руководством не-

скольких итальянских мастеров. Они заменили обветшавшие белокаменные стены времен Дмитрия Донского, построенные в соответствии с военной техникой своего времени, кирпичными, на белокаменном фундаменте. В Кремле были возведены Грановитая палата для торжественных приемов, Архангельский собор — усыпальница московских великих князей и царей, домовая церковь государей — Благовещенский собор (построен псковскими мастерами) и т. д.

Строительство московских укреплений продолжалось в течение всего XVI в. При Елене Глинской к Кремлю пристроили полукольцо укреплений Китай-города, защищавшее центральную часть посада. В конце XVI в. «городовых дел мастер» Федор Савельевич Конь возвел кольцо укреплений «Белого города» длиной ок. 9,5 км с 27 башнями (проходило по линии нынешнего Бульварного кольца). Ф.С. Конь построил также кремль в Смоленске, считается, что он воздвигал стены Симонова (в Москве) и Пафнутьева (в Боровске) монастырей. В самом конце XVI в. была создана последняя внешняя линия укреплений Москвы — «Скородом», деревянные стены на Земляном валу (проходил по линии нынешнего Садового кольца).

Со второй трети XVI в. в каменное зодчество проникает из народной деревянной архитектуры шатровый стиль. Его шедевром и одновременно наиболее ранним образцом является церковь Вознесения в селе Коломенском (ныне в черте Москвы). В 1554—1561 гг. архитекторы Постник Яковлев и Барма закончили на Красной площади строительство собора Покрова, что на Рву, посвященного взятию Казани (Казанью русские войска овладели на следующий день после праздника Покрова). Эту церковь по одному из позднее пристроенных приделов чаще называют храмом Василия Блаженного. Это вершина русского зодчества XVI в. Вокруг огромного центрального шатра — восемь глав, в чем-то похожих и вместе с тем разнообразных. Как Москва объединила вокруг себя разные земли Руси, так и центральный шатер объединяет в нерасторжимое целое красочное разнообразие отдельных главок.

Во второй половине XIV— первой половине XV в. работали два великих русских *художника* — Феофан Грек и Андрей Рублев. Феофан, выходец из Византии, во второй половине XIV в. работал в Новгороде, а затем и в Москве. Для стиля фресковых росписей Феофана и его икон характерна особая экспрессивность, эмоциональность. Феофан не всегда тщательно прорисовывал свои изображения, но достигал огромной силы воздействия на чувства зрителя. Этот характер живописи соответствовал и темпераменту художника, о котором говорили, что он «изограф нарочитый и живописець изящный во иконописцех». Современник рассказывает, что во время работы он никогда не стоял на месте («ногами бес покоя стояше»): вероятно, для того, чтобы все время видеть, как смотрится мазок издали. Не прерывая работы, Феофан вел беседы с друзьями — и об искусстве, и о философии.

Иной характер носит живопись Андрея Рублева (**ок. 1360—1430**). Великолепный колорист, Андрей Рублев создавал умиротворенные композиции. В годы кровавых феодальных междоусобиц, вражеских набегов он отразил в живописи народную мечту о мире, спокойствии, благополучии, человеческой близости. Эти черты особенно ярко проявились в его самом знаменитом произведении — «Троице». На иконе изображены трое прекрасных юношей, ведущих неторопливую, дружескую и вместе с тем печальную беседу. Андрей Рублев работал и в области книжной миниатюры. Во времена, когда искусство было большей частью безымянным, он оставил после себя прочную память. Даже в середине XVI в. в одном из завещаний среди множества икон без указания авторов особо выделялся образ «Ондреева письма Рублева».

Традиции Андрея Рублева продолжались в живописи второй половины XV—XVI в. Особенно выделяются фресковые росписи Дионисия (лучше всего они сохранились в Ферапонтовом монастыре в Белозерском крае), не только своеобразные по композиции, но и с неповторимо нежным колоритом. Во второй половине XVI в. в живописи появляются уже и первые портретные изображения — «парсуны».

Характерными чертами русского *быта* XVI в. оставались консервативность и бóльшая, чем в предыдущие периоды, но все еще незначительная дифференцированность: разница в быте между господствующим классом и «черными» людьми по-прежнему была скорее количественной, чем качественной. Мало отличались друг от друга в это время городские и сельские жилища. Город был комплексом усадеб, на улицы и переулки выходили не дома, а высокие глухие заборы. В каждой усадьбе были изба, хозяйственные постройки, небольшой огород с садом. Боярская усадьба имела бóльшие размеры, разнообразнее были хозяйственные постройки, кроме господского дома, стояли «людские» избы, в которых жили холопы. Горожане держали также домашний скот, а потому за городской чертой обязательно устраивались выгоны.

Жилища и представителей высших сословий, и рядовых горожан, и крестьян были, за редким исключением (у самых богатых бояр изредка встречались каменные хоромы), срубными, из сосновых бревен, топились чаще всего по-черному, дым выходил через специальное дымовое отверстие. Каменные печи с дымоходами встречались в самых богатых домах, «белая изба», «белая горница» обычно специально отмечались. Основная постройка называлась избой. Избы феодалов состояли из нескольких срубов, иногда на высоких подклетях; бывали двух- и трехэтажными. На дворе могла стоять и башня — «повалуша» или «терем». Дома украшались высокохудожественной затейливой резьбой. Окна были небольшими, в богатых домах — слюдяные, в бедных — закрытые всего лишь бычьим пузырем.

Больше различий было в одежде. Крестьянское платье этого

периода не отличалось от одежды предшествующего времени. Зато знать одевалась богато и разнообразно. Уже в первой половине XVI в. известны щеголи-модники, которые, по словам митрополита Даниила, «красятся и упестреваются... о красоте сапожней весь ум имея и о прочих ризах» (т. е. одеждах). Щеголи размышляют « о ожерелиях, о пуговицах... о стрижении главы, о повышении косм... о кивании главе, о уставлении перст, о выставлении ног», они «украшаются вящше жен умывании различными и натирании хитрыми». Среди боярства были распространены одеяния из дорогих привозных тканей — фландрского сукна и венецианского бархата, из восточного «рытого» бархата и из атласа, из тафты и парчи. Если простые люди носили шубы из дешевых мехов — овчины и белки, то на боярские шел соболь, а то и одни «пупки собольи» (брюшко); встречались даже горностаевые шубы. Шуба беличья или даже кунья была недостаточно престижна для знатного боярина. Иван Грозный, презрительно говоря об одном из Шуйских, замечал, что у него бедного была всего одна шуба, к тому же «мухояр (полушерстяная ткань) зелен на куницах, да и те ветхи». Цена шубы зависела не только от стоимости меха: серебряные или даже золотые пуговицы могли стоить столько же, а то и еще дороже, чем сама шуба.

Одежды и украшения знатных женщин стоили не меньше. К платьям боярынь пришивали куски цветной ткани или кожи, часто с вышивками, с драгоценными камнями — «вошвы». Они стоили немало — недаром ходила пословица: «Дороже кожуха вошвы стали».

Отличались и головные уборы. У крестьян — дешевые войлочные шляпы, зимой — шапки из недорогих мехов, у горожан — разнообразные колпаки. Колпаки для знати изготовляли из тонкого фетра с оторочкой из дорогого меха, украшали драгоценными камнями. Так, в одном из завещаний упомянут колпак, унизанный жемчугом, с пуговицами из яхонтов и жемчугов. При дворе в моде были восточные головные уборы — «тафьи», тюбетейки. Иной раз их даже не снимали, входя в церковь, что сурово осуждал в особой статье «Стоглав», предписавший, во-первых, всем, начиная с царя, князей, бояр и «прочих вельмож», снимать в церкви шапки, а во-вторых, чтобы «тафьи... отныне и впредь на всех православных крестьянех никогда же не являлися». Но церковь оказалась бессильной перед модой: Иван Грозный и его опричники входили в церковь в тафьях.

Военное снаряжение, естественно, использовали только феодалы, но у «верхов» и у «низов» этого класса оно различалось. Рядовой сын боярский выходил на службу в стеганом «тегиляе» с нашитыми на него кольчужными кольцами, со старой дедовской саблей, в простом металлическом шлеме. Боярское же военное снаряжение состояло из дорогих привозных вещей, украшенных золотом и серебром.

Различалась и утварь богатых и бедных людей. В боярских домах парадная посуда была из серебра («суды серебряны»), повседневная — из олова, в домах среднего достатка «суды оловянные» были посудой для гостей, а ежедневно пользовались глиняной и деревянной; наконец, у большинства населения парадной посуды не было вовсе.

Пища даже простого населения в это время была достаточно обильна и разнообразна (разумеется, в годы хороших урожаев, а не в периоды голодовок). Хлеб ели в основном ржаной, из ржаной же муки пекли блины, из пшеничной — разнообразные пироги и караваи. Ели каши и кисели, из овощей самой распространенной была репа (она играла в рационе ту же роль, что впоследствии картофель). Сравнительно недорого было мясо, чаще употребляли баранину. Мясо солили впрок. В погребах и ледниках знати и богачей хранились разнообразные напитки из фруктов и ягод (яблок, груш, вишен и т. д.). Распространенными прохладительными напитками были квас и морс. Дыни и арбузы использовали засоленными или консервированными в патоке. Очень разнообразна была рыбная пища. Рыба употреблялась и свежей, и соленой, и сушеной, и вяленой.

Резко различалась пища скоромная и постная. Посты продолжались долго, к тому же на каждой неделе были постными среда и пятница, когда запрещалось употребление мяса, коровьего масла и молока. В некоторых житиях святых даже описывалось, что будущий праведник еще в младенчестве отказывался от материнской груди по средам и пятницам.

Пищевой рацион бояр был более изысканным, кулинарно изощренным. Митрополит Даниил насмешливо писал о множестве поваров, ежедневно «стекающихся» в «поварню», готовящих «к насыщению чрева пищу» и удивлялся: «... колико тщание и подвиги иметь пища и питие, колико же сребра и злата на сие исчезает, а колики подвиги, и поты, и труды, и болезни приемлют чреворабо-тающие». Жареные лебеди и гуси, часто мясо не просто жареное, а «верченое» — приготовленное на вертеле. Употреблялись и дорогие заморские приправы.

Семейный быт строился на основе безоговорочного подчинения главе семьи всех домочадцев — жены и детей. За непослушание следовало телесное наказание. Это и неудивительно: телесные наказания применялись широко, им подвергали даже бояр, они не считались позорящими. И все же было бы неверным считать русскую женщину XV—XVI вв. абсолютно бесправной. Разумеется, браки совершались по воле родителей, «сговорные» и «рядные» записи о будущем браке заключали не жених и невеста, а их родители или старшие родственники. Но соображения материальные и престижные преобладали в феодальных семьях, где выгодный брак сулил приращение вотчин или установление добрых отношений с влиятельными лицами. Среди крестьян и посадских людей, где к тому же ранняя трудовая деятельность помогала общению

юношей и девушек, основы брака бывали иными. Встречались исключения и в феодальной среде. Так, в середине XVI в. княжна Авдотья Мезецкая отказалась от навязанного родней жениха, и любящая бабушка вынуждена была продать два села и уплатить неустойку родне жениха. Женщина обладала имущественными правами: муж не мог распоряжаться приданым без ее ведома, а после ее смерти при отсутствии детей оно возвращалось в род покойной. Особенно высокое положение занимали вдовы. Они выступали как своеобразные опекунши своих даже взрослых детей. Например, когда сыновья Ф.А. Басманова делили отцовские владения, грамота о разделе была составлена «по благословению» их матери. В своих вотчинах вдовы были полновластными хозяйками, составляли завещания с имущественными распоряжениями, вели тяжбы с соседями и родственниками-мужчинами. Важные обязанности лежали на жене и при жизни мужа: она была распорядительницей всего домашнего хозяйства, в богатых домах ей подчинялась вся женская прислуга. Не случайно «Домострой» включает особую главу «Похвала женам», где утверждается, что добрая жена дороже «камени многоценнаго», что «жены ради добры блажен муж».

Глава VI

СМУТНОЕ ВРЕМЯ В НАЧАЛЕ XVII в.

§ 1. МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНЦЕ XVI— НАЧАЛЕ XVII в. УЧРЕЖДЕНИЕ ПАТРИАРШЕСТВА

В последние годы правления Ивана Грозного Московское государство переживало политический кризис — прямое следствие неудачной Ливонской войны и опричного терррра. Со смертью царя в 1584 г. кризис принял характер открытой борьбы различных группировок за власть. Большим влиянием пользовалась княжеско-боярская знать во главе с Шуйскими, которая претендовала на власть, опираясь на знатность рода. Ей противостояли худородные деятели особого «двора», фавориты покойного государя (например, Б. Бельский), стремившиеся сохранить свои позиции при Федоре Ивановиче. Влиятельной была и группировка Годуновых — Романовых, сильная своими родственными связями с царем. Она и взяла верх, постепенно оттеснив от трона всех своих соперников.

В результате борьбы особенно упрочилось положение царского шурина Б. Годунова, который, получив высший дворовый чин конюшего, стал официально признанным правителем государства. Обеспокоенные возвышением Годунова, Шуйские попытались развести царя Федора с бездетной царицей Ириной, сестрой Годунова.

Но прочные позиции при дворе и приязнь царя Федора позволили Годунову перехватить инициативу и расправиться с оппозицией. Влиятельный И.П. Шуйский был отправлен в ссылку, а затем убит. Годунов взял верх, отстаивая принципы самодержавной власти. Победила группировка старомосковских боярских родов, которая связывала свое служебно-местническое и материальное положение в первую очередь с государевой службой и близостью к престолу.

Положение правителя позволило Б. Годунову поставить под свой контроль приказной аппарат. Немало сторонников он имел и в Боярской думе.

Много внимания было уделено правительством Годунова крестьянскому вопросу. По общепринятому мнению, именно в последней четверти XVI столетия в положении земледельцев произошли столь важные перемены, что приходится говорить о переломном этапе в истории становления крепостного права.

История крепостничества и крепостного права — тема, традиционная для отечественной науки. При наличии множества мнений в досоветской историографии существовали две основные теории происхождения крепостного права — *указная и безуказная.* Возникновение первой связано с именем В.Н. Татищева, который первый обнаружил Судебник 1550 г. и указ 1597 г. о пятилетнем урочном сыске беглых крестьян. Сопоставление двух памятников дало ему основание утверждать, что крестьяне были законодательно прикреплены к земле указом 1592 г. Правда, сам поиск указа не увенчался успехом.

В первой половине XIX в. было запрещено обсуждать крепостное право даже в историческом аспекте. Лишь в канун Великих реформ ученые получили возможность обратиться к обсуждению этой проблемы. Б.Н. Чичерин выступил автором теории государственного закрепощения и раскрепощения сословий, согласно которой необходимость в исполнении определенных государственных повинностей привела к постепенному закрепощению всех слоев населения. При этом «крепость» сословий зависела от характера повинностей. Первыми были «закрепощены» служилые сословия — выполняя ратную повинность, они при этом в силу своего занятия сохранили свободу передвижения. В конце XVI в. возникла потребность закрепощения — прикрепления к земле — крестьян, основного «податного класса». Подход Чичерина предполагал равное отношение власти ко всем сословиям и абсолютизировал лишь одну сторону деятельности государства — быть социальным регулятором.

Б.Н. Чичерин предложил лишь общую схему закрепощения в рамках указной теории. С.М. Соловьев на фактическом материале обосновал ее и включил в общеисторический процесс. Он связывал возникновение крепостного права с обширностью русского государства и острым «недостатком рабочих рук при... обилии земли». Но уже в середине XIX столетия было предложено иное объяснение

происхождения крепостного права. М.П. Погодин, отрицая существование закона об отмене Юрьева дня, утверждал, что крепостное право возникло помимо государства, в ходе самой жизни. Любопытно, что ранее близкую мысль высказывал известный государственный деятель М.М. Сперанский, по которому «закрепощение основывалось сперва обычаем, а потом законом». Однако потребовались мастерство и талант В.О. Ключевского, чтобы эти наблюдения выстроились в теорию безуказного закрепощения крестьянства. По Ключевскому, крепостное право сложилось постепенно, в результате роста крестьянской задолженности, без участия государства. Позднее последователи известного историка дополнили экономический фактор закрепощения (задолженность) обычаем — институтом старожильства. В итоге безуказная теория получила широкое признание.

Однако открытые в конце XIX— начале XX в. документы о заповедных летах вновь побудили часть историков вернуться к указной теории закрепощения. При всей фрагментарности найденного материала новые источники поколебали основы безуказной концепции и прежде всего положение о пассивной роли власти в формировании крепостничества.

Советская историография, исходя из утвердившихся методологических посылок, безусловно предполагала участие феодального государства — орудия классового господства — в утверждении крепостничества и крепостного права. Само же становление крепостного права как крайнего юридического выражения внеэкономического принуждения, свойственного феодальной формации, рассматривалось в неразрывном единстве с генезисом феодализма, как длительный процесс. Отсюда и начальная точка отсчета — времена Киевской Руси.

Интерес к социально-экономической тематике, характерный для советской исторической науки, вызвал появление большого числа исследований по истории крестьянства и крепостного права. Удалось даже обнаружить новые документы с известиями о запрещении выхода крестьян новгородских пятин. Однако попытка на их основе реконструировать указ 1592—1593 гг., который запрещал выход и утверждал крестьянскую крепость во всероссийском масштабе, в силу недостаточности аргументации не получила широкого признания.

В настоящее время продолжается поиск не только источников, могущих пролить дополнительный свет на историю закрепощения, но и новых подходов к самой теме, преодолевающих ограниченность сугубо классового осмысления этой важной проблемы. Сам процесс закрепощения в конце XVI столетия многие исследователи связывают с хозяйственным разорением, с последствиями опричнины и Ливонской войны. Мотивом правительственной деятельности в крестьянском вопросе был фискальный интерес: резко уменьшившиеся финансовые поступления потребовали ограни-

чения свободы податного населения, которое пыталось разными способами, в том числе переходами и побегами, «избыть» фискальный гнет.

Стремление правительства к закреплению земледельцев отвечало и интересам провинциального дворянства. Ограниченное в своих материальных возможностях, оно остро реагировало на крестьянские выходы, которые все более приобретали характер сманивания и вывоза земледельцев, предоставления им разного рода льгот. Крупные церковные и светские землевладельцы имели здесь все преимущества перед мелкопоместным служилым людом. Однако уходили в прошлое времена, когда в социальной политике правящие круги могли себе позволить равнодушное отношение к коренным интересам помещиков, составляющих основу поместной армии. Государство искало такие меры, которые защитили бы интересы дворянства и службы. Выход был найден в дальнейшем утверждении крепостничества, которое в конечном счете отражало социально-экономическую неразвитость страны,— при скудности ресурсов государство просто не имело иных альтернатив организации «государственной службы» и обеспечения помещиков.

Дворянские чаяния совпали с устремлениями государства и вызвали к жизни крепостнические акты, *навсегда запретившие крестьянские переходы*. Правда, по-прежнему не все ясно в законотворческой деятельности правительства. Высказано предположение, что сами указы появились **около 1592—1593 гг.** (они, по-видимому, носили общегосударственный характер), поскольку указ **1597 г.** *об урочных летах* — пятилетнем сроке сыска беглых крестьян — уже исходит из факта прикрепления всех крестьян к земле. Сами урочные лета, по всей видимости, первоначально имели значение чисто «техническое» — они должны были стимулировать помещика под угрозой утраты владельческих прав к поиску беглого крестьянина-тяглеца. Однако в первой половине XVII столетия именно урочные лета стали центральной проблемой дальнейшего развития крепостничества.

Крепостническое законодательство конца века — важный этап в истории крепостного права. Земледельцы прикреплялись прежде всего к земле, а не к владельцу. Сам запрет перехода относился преимущественно к главе семьи, дворовладельцу, имя которого фиксировалось в писцовых книгах. Иными словами, далеко не все в крестьянской семье утрачивали возможность ухода к новому помещику — крепостному праву было еще куда «развиваться».

В 1597 г. ограничены были права и другой группы феодально-зависимого населения, *кабальных холопов*. Отныне они не получали освобождения после уплаты долга и оставались в холопстве до смерти владельца. Служившие по «вольному найму», «добровольные холопы», после полугода службы также превращались в холопов и уже не могли в одностороннем порядке разорвать зависимость. Все это законодательство свидетельствовало о возрастании ценности

рабочих рук и стремлении землевладельцев любыми средствами закрепить их за собой. Но главное, более отчетливо выстраивались структуры самого общества, основанного на всеобщей несвободе, разных типах зависимости.

При Годунове была предпринята попытка провести так называемое посадское строение. «Черные» посадские люди, скрывшиеся от тягла в привилегированных частновладельческих «белых слободах» (т. е. освобожденных от податей и служб), насильственно возвращались на прежнее местожительство. Так правительство защищало свои фискальные интересы и интересы посадского «мира» — общины.

Важным событием стало учреждение в **1589 г.** *патриаршества.* Зависимость русской православной церкви от константинопольской в XVI в. носила номинальный характер. После падения Константинополя русские с подозрением смотрели на восточное «благочестие», считая, что греки под владычеством турок «пошатнулись» в вере, тогда как отечественная церковь полностью сохранила верность «большому православию». Кроме того, в отличие от всех остальных православных народов, пребывавших под чужеземным иноверческим гнетом, русская православная церковь не утратила «царства», несомненного свидетельства «Божьей благодати». Такой взгляд укреплял мессианские представления об особой роли русской церкви и государства в охранении и распространении истинной веры и естественно питал стремление к обретению полной независимости.

Греки с неприятием относились к этому стремлению. Потребовалась помощь светской власти, чтобы преодолеть их сопротивление. Первым патриархом был избран активный сторонник Годунова митрополит Иов.

Утверждение патриаршества отразило возросшее значение русской церкви в православном мире. Вместе с тем русская церковь все более превращалась в церковь национальную. Не случайно с ее деятельностью окажутся тесно связанными процессы формирования национального самосознания. Становясь национальной, церковь все более сближалась с государством: освобождение от власти константинопольского патриарха оборачивалось для нее возрастанием зависимости от светской власти.

Во внешней политике правительство Годунова склонялось более к дипломатическим средствам разрешения возникающих противоречий. Было продлено перемирие с Речью Посполитой, внушительной демонстрацией силы был удержан от вторжений крымский хан.

Вполне успешно завершилась кратковременная война со Швецией в **1590—1593 гг.** По **Тявзинскому миру 1595 г.** Русское государство вернуло ранее утраченные земли и города Ям, Ивангород, Копорье, Корела. Продолжалось энергичное продвижение в Западной Сибири, где были построены Тюмень, Сургут, Тобольск —

будущая «столица» Сибири — и другие города. Правительство уделяло много внимания укреплению южных рубежей государства. В конце века идет освоение лесостепи южнее Тульской оборонительной линии (так называемой засечной черты). Строятся города Орел, Курск, Воронеж, Ливны, Елец, Белгород и др. Это медленное «сползание» границ на юге имело два следствия: затруднялись набеги татар и одновременно осваивались плодородные земли.

В 1591 г. в Угличе погиб царевич Дмитрий Иванович. Расследование, которое возглавил В.И. Шуйский, пришло к официальному заключению, что страдавший «падучей» (эпилепсией) отрок «сам себя поколол ножом». Вскоре появились слухи о том, что Б. Годунов повинен в организации убийства царевича. Вопрос этот за недостаточностью источников до настоящего времени остается окончательно невыясненным. Неубедительными кажутся заключения, сделанные из логической посылки заинтересованности Годунова в смерти наследника престола для собственного воцарения. В начале 90-х годов XVI в. подобные претензии выглядели проблематичными. Однако определенно можно сказать, что убийство или случайная гибель царевича Дмитрия обернулись к пользе Бориса.

В 1598 г. умер бездетный царь Федор Иванович. Пресеклась династия Рюриковичей. Началась острая борьба за опустевший престол. На этот раз Годунов столкнулся со своими недавними союзниками Романовыми, клан которых после смерти в 1586 г. Н.Р. Юрьева возглавил его старший сын Ф.Н. Романов (отец первого Романова, царя М.Ф. Романова). Б. Годунов имел все преимущества перед своими соперниками. Он контролировал деятельность администрации. В его руках были внешнеполитические нити. От благосклонности правителя зависели служебные назначения и пожалования. Многие из придворных были ему обязаны, а те, кто колебался, предпочитали ориентироваться на самого сильного — Бориса. Наконец, Годунов опирался на поддержку патриарха Иова. Годунов имел власть реальную, тогда как роль Романовых была скорее придворной, почетной. Эти обстоятельства предопределили победу правителя.

В 1598 г. Земский собор избрал Бориса царем. На престол вступил талантливый и опытный политический деятель, бывший в курсе всех государственных дел. Вместе с тем это был человек, прошедший школу опричнины, неразборчивый в средствах, скоро обнаруживший «недостаток нравственного величия» (С.М. Соловьев).

Печать выборности сильно стесняла нового государя: многие шаги царя Бориса были предопределены необходимостью упрочить свое положение. Он попытался добиться консолидации господствующего класса вокруг своего трона, помириться — на основе безусловного признания лигитимности династии — с недавними соперниками. Но ему не удалось избавиться от оппозиции в кругах знати. В 1600—1601 гг. царь расправился с Романовыми и их

сторонниками. Глава Романовых, Федор Никитич, был насильно пострижен под именем Филарета в монахи и отправлен в монастырь. Опала Романовых, носившая отчасти превентивный характер, не принесла успокоения.

Правительственный курс Бориса уже как царя был продолжением его прежней политики. Однако складывался он в условиях крайне неблагоприятных. Росла социальная и политическая напряженность. Хозяйственную стабилизацию 90-х годов прервал неурожай 1601—1603 гг. Светские и духовные феодалы, имевшие большие запасы зерна, не спешили расстаться с ними в надежде нажиться на народном бедствии. Не отставали от них и корыстные приказные. Таким образом, правительственные меры оказались неудачными и привели лишь к озлоблению низов общества.

Размеры бедствия побудили царя Бориса частично разрешить крестьянский переход. В 1601 и 1602 гг. появились указы, по которым земледелец мог покинуть помещика по своей воле, спасаясь от голода и притеснений — «налог и продаж». Восстановленный выход касался помещичьих крестьян и не затрагивал крупные владельческие и монастырские земли из-за опасения, что именно сюда устремится поток обездоленных хлебопашцев. Годунов стремился не допустить разорения основной массы служилых людей. Однако эти меры не могли радикальным образом поправить ситуацию. Кризис углублялся.

В 1603—1604 гг. недовольство стало принимать открытые формы — под Москвой появились отряды восставших. Посланная царская «многая рать» не без труда справилась с восставшими. В бою погиб воевода, окольничий И. Басманов.

§ 2. НАЧАЛО СМУТЫ. АВАНТЮРА ЛЖЕДМИТРИЯ I

На рубеже XVI—XVII вв. страна переживала кризис, который по глубине и масштабу можно определить как *структурный,* охвативший все сферы жизни. Экономический кризис был тесно связан с *хозяйственным,* порожденным Ливонской войной, опричниной и ростом феодальной эксплуатации. Экономический кризис стимулировал усиление крепостничества, вызывающего *социальную напряженность* в низах. *Социальную неудовлетворенность* испытывало и дворянство, возросшая роль которого мало соответствовала его положению. Этот наиболее многочисленный слой господствующего класса претендовал на большее — и в плане материального вознаграждения за государеву службу, и в служебном продвижении, ограниченном чиновными рамками и местничеством.

Глубоки были и политические причины смуты. В процессе собирания земель Московское княжество превратилось в обширное государство, сильно продвинувшееся на путях централизации в XVI в.

Существенным образом изменилась социальная структура общества. Однако самодержавная тираническая модель взаимоотношения власти и общества, навязанная Иваном Грозным, доказала свою ограниченность. Сложнейший вопрос XVI в.— кто и как, какими правами и обязанностями будет обладать в государстве, которое уже перестало быть собранием разрозненных земель и княжеств, но еще не превратилось в единое органическое целое, был перенесен в смуту.

Политическим кризисом порожден был и *кризис династический,* вовсе не завершенный с избранием Бориса Годунова.

Наконец, в годы царствования Ивана Грозного оказались расшатаны, по определению В.О. Ключевского, «духовные скрепы общества» — нравственные и религиозные чувства. Казни без суда, опалы возвели насилие и произвол в норму. Человеческая кровь проливалась с необычайной легкостью, ценилось угодничество, ловкость и беспринципность. Не случайно все главные действующие лица смуты так или иначе прошли школу опричнины. Даже самозванство было до известной степени порождением прежнего правления, когда царь Иван, «отрекаясь» от престола, прятался под именем Иванца. Смута — лишь обильная жатва, печальный итог века, уже познавшего раскол общества и подготовившего общество к расколу новому.

Смута открылась авантюрой Лжедмитрия I. Представляется упрощением трактовать самозванство как только порождение «наивного монархизма» масс. Самозванство — одно из проявлений «нормального» монархического сознания, модель поведения, созданного и отточенного в годы смутного лихолетья. Самозванство имело то преимущество, что служило внутренним оправданием для выступления против правящего государя. При сакральном восприятии царской власти поддержка истинного монарха — будь то царь, сидящий на престоле, или претендент-самозванец, доказывающий законность своих притязаний,— становилась обязательной, угодной Богу, моментом спасения. Эти особенности национального самосознания и придавали самозванству на русской почве особый размах.

Первым самозванцем стал молодой галичский дворянин Григорий Отрепьев. Существуют свидетельства, что противники Годунова готовили бойкого сына боярского к роли царевича Дмитрия еще в Москве. Опала Романовых заставила его искать спасения под монашеским клобуком. Он обосновался в Чудовом монастыре. Однако непомерное честолюбие и угроза разоблачения побудили его бежать из Москвы в Речь Посполитую. Здесь Отрепьев и открыл крупным православным магнатам Вишневецким свою «тайну»: он — законный московский государь, чудом спасшийся царевич Дмитрий Иванович.

Ряд исследователей высказывают предположение, что сам

Отрепьев искренне уверовал в свое высокое происхождение и лицедействовал с внутренней убежденностью. Но, конечно, решение поддержать самозванца польской стороной было принято исходя из собственных интересов. Король Сигизмунд III решил использовать его для ослабления Бориса Годунова. Прельщали и обещания, сделанные самозванцем. К Речи Посполитой должны были отойти Смоленск и Северская земля, невесте Марине Мнишек, дочери сандомирского воеводы Юрия Мнишека,— Новгородская земля. Приняв тайно католичество, Отрепьев заручился поддержкой папы римского.

Несмотря на тайное покровительство короля и поддержку ряда влиятельных магнатов, возможности самозванца были сильно ограничены. Тем не менее, человек смелый, с авантюристической жилкой, он в конце 1604 г. с небольшим отрядом, состоявшим из поляков-наемников, русских дворян-эмигрантов и присоединившихся позднее запорожских и донских казаков, пересек границы Московского государства. Первоначально успех сопутствовал ему — города один за другим открывали «царевичу» ворота. Здесь же он находил много сторонников: юго-западная окраина издавна служила местом сосредоточения социально-динамичных слоев русского общества, недовольных своим положением. Даже поражение в январе 1605 г. от царских воевод под Добрыничами не привело к падению самозванца. В разгар противоборства 13 апреля 1605 г. неожиданно скончался Борис Годунов. После его смерти чаша весов стала быстро склоняться в пользу самозванца, в котором оппозиция увидела силу, способную свалить ненавистную династию. Сын Бориса, Федор Борисович, не имел ни опыта, ни авторитета, чтобы удержать власть. В мае на сторону Лжедмитрия I перешли царские полки. Это решило исход борьбы. Федор и его мать были лишены жизни. 20 июня 1605 г. самозванец торжественно вступил в Москву.

Победа Отрепьева на первый взгляд кажется фантастической. Поражены были сами современники: «Яко комар льва... порази». Но успех самозванца объясним: при остром недовольстве всех слоев общества побеждал скорее не он, а мечта о законном «добром государе». С именем царевича связывались самые сокровенные надежды, которые должны были осуществиться по восшествии его на «прародительский» престол.

Новый царь оказался деятельным правителем. Самозванец не боялся преступать многие православные традиции и открыто демонстрировать свою приверженность к польским обычаям. Это насторожило, а позднее и настроило против него окружение. Но не поведение главная причина падения Отрепьева. Сесть на престол оказалось легче, чем усидеть на нем. Едва самозванец свалил Годунова, как сам стал ненужным боярству. Очень скоро был составлен заговор, во главе которого стоял В.И. Шуйский. Но

заговор провалился. Лжедмитрий, желая продемонстрировать свое милосердие, помиловал приговоренного к смерти Шуйского.

Скоро самозванцу напомнили о взятых обязательствах его зарубежные покровители. Однако последний прекрасно понимал, что их выполнение для него самоубийственно. Православие не было поколеблено. Лжедмитрий лишь низвел с патриаршества сторонника Годунова Иова. Не собирался он отдавать Смоленск и Северскую землю, предложив Сигизмунду III взамен денежный выкуп. Все это вело к обострению отношений с Речью Посполитой. Чтобы снизить их остроту, самозванец выступил с идеей общехристианского похода против татар и турок.

Сложным было и внутреннее положение Отрепьева. Прежняя политика обещаний и лавирования исчерпала себя. Обильные пожалования, с помощью которых «царь Дмитрий Иванович» надеялся упрочить свое положение, имели свой предел. Следовало пополнить казну, а это должно было привести к ужесточению налогообложения, тогда как самозванец обещал его ослабление. Обращение же за финансовой помощью к церкви вызвало ропот духовенства, которое усмотрело в этом посягательство на свою собственность. Обманутым чувствовало себя крестьянство, мечтавшее о восстановлении выхода. Но сделать это значило столкнуться с дворянством. Лжедмитрий I оказался в заколдованном круге. Росло разочарование, которое испытывали все слои общества. Однако само это недовольство не успело принять сколько-нибудь законченные формы. Дело решил заговор, во главе которого оказался В.И. Шуйский.

В начале мая 1606 г. состоялась свадьба Лжедмитрия с Мариной Мнишек. Свадебные торжества, проведенные по польскому образцу, неправославная царица, оскорбительное поведение наехавших в Москву польских магнатов и шляхтичей вызвали взрыв возмущения. Этим воспользовались заговорщики. **17 мая 1606 г.** против поляков вспыхнуло восстание. Заговорщики ринулись в Кремль и убили самозванца. «Царь Дмитрий Иванович» был объявлен «ростригою», «еретиком», «польским свистуном». «Московская царица» Марина Мнишек и ее гости разосланы по городам.

19 мая сторонниками В. Шуйского был созван импровизированный Земский собор, на котором, как позднее утверждали противники нового монарха, Василий Иванович был «выкрикнут» царем. Сам Шуйский не особенно заботился о соблюдении всех тонкостей для волеизъявления «всей земли». Его более беспокоила позиция Боярской думы. Чтобы привлечь ее, новый царь пошел навстречу притязаниям аристократии, давно мечтавшей огородить себя от самодержавного произвола целым рядом обязательств, которые возлагал на себя монарх. Шуйский дал *крестоцеловальную запись*, в которой обещал соблюдать феодальную законность: не налагать ни на кого опал и не казнить без суда, не отнимать

имущества у родственников осужденных, не слушать «ложных доводов». В подобной записи многие историки смуты видят робкий шаг к ограничению царской власти.

§ 3. ВОССТАНИЕ БОЛОТНИКОВА

Человек, оказавшийся волею судьбы на московском престоле, не пользовался ни авторитетом, ни народной любовью. Главным качеством характера Шуйского было лицемерие, любимый способ борьбы — интрига и ложь. Подобно Годунову, он успешно усвоил все уроки правления Ивана Грозного, был недоверчив, коварен, однако не обладал ни государственным умом, ни опытом царя Бориса. Его слову нельзя было верить: при правителе Борисе Годунове Шуйский, глава следственной комиссии в Угличе, клялся, что царевич Дмитрий закололся сам; затем, при Лжедмитрии I, что царевич жив и, значит, Годунов — узурпатор; наконец, что царевич был заколот людьми Годунова и царь Дмитрий — самозванец. Умственную ограниченность Шуйский пытался восполнить хитростью. Замена была плохая. Этот человек не был способен остановить развал государственности и преодолеть раскол социальный.

С самого начала Шуйский не пользовался широкой поддержкой. Легитимность его избрания признали далеко не все. Не случайно о своем избрании даже царь Василий писал, что принял Мономахов венец по выбору «всяких людей Московского государства», а не «всех людей всех государств Российского царствия». В этом определении — косвенное признание оппозиции, возникшей во многих регионах страны.

Знаменем оппозиции вновь стало имя царя Дмитрия Ивановича, который, по слухам, спасся от заговорщиков и на этот раз. Шуйский срочно организовал церемонию перезахоронения мощей царевича, объявленного святым. В Углич за гробом отправился Ростовский митрополит Филарет — Ф.Н. Романов, возвращенный из ссылки еще Лжедмитрием I. Царь, по-видимому, сулил ему патриаршество. Но по возвращении обманул, испугавшись встретить в Романове личность независимую. Вместо низведенного патриарха Игнатия, ставленника самозванца, на патриарший престол был избран Казанский митрополит Гермоген — человек фанатичный и твердый в вере.

Против Шуйского выступило население порубежных уездов, опальные сторонники Лжедмитрия, такие, как воеводы Путивля князь Г. Шаховской и Чернигова князь А. Телятевский. Оппозиционные настроения охватили дворянские корпорации, среди которых особенно была сильна Рязанская, возглавляемая энергичным кланом Ляпуновых и Сумбуловым, и веневская — Истомы Пашкова. Летом 1606 г. движение стало приобретать

организованный характер. Появился и руководитель — Иван Исаевич Болотников.

Холопство было неоднородным институтом. Верхи холопов, приближенные к своим владельцам, занимали достаточно высокое положение. Не случайно многие провинциальные дворяне охотно меняли свой статус на холопий. И. Болотников, по-видимому, принадлежал к их числу. Он был военным холопом А. Телятевского и скорее всего дворянином по своему происхождению. Впрочем, не следует придавать этому слишком большого значения: социальная направленность взглядов человека определялась не одним только происхождением. «Дворянством» Болотникова можно объяснить его военные дарования и качества бывалого воина.

Есть известия о пребывании Болотникова в крымском и турецком плену, гребцом на галере, захваченной «немцами». Существует предположение, что, возвращаясь из плена через Италию, Германию, Речь Посполитую, Болотников успел повоевать на стороне австрийского императора предводителем наемного казацкого отряда против турок. В противном случае трудно объяснить, почему именно он получил полномочия «большого воеводы» от человека, выдававшего себя за царя Дмитрия.

Восставшие, собравшиеся под знаменами «царя Дмитрия Ивановича», представляли собой сложный конгломерат сил. Здесь были не только выходцы из низов, но и служилые люди по прибору и отечеству. Едины они были в своем неприятии новоизбранного царя, различны в своих социальных устремлениях. После успешной битвы под Кромами в августе 1606 г. восставшие заняли Елец, Тулу, Калугу, Каширу и к концу года подступили к Москве. Сил для полной блокады столицы не хватило, и это дало возможность Шуйскому мобилизовать все свои ресурсы. К этому времени в стане восставших произошел раскол и отряды Ляпунова (ноябрь) и Пашкова (начало декабря) перешли на сторону Шуйского.

Сражение под Москвой 2 декабря 1606 г. окончилась поражением Болотникова. Последний после ряда сражений отступил к Туле, под защиту каменных стен города. Сам В. Шуйский выступил против восставших и в июне 1607 г. подошел к Туле. Несколько месяцев царские войска безуспешно пытались взять город, пока не перегородили реку Упу и не затопили крепость. Противники Шуйского, положившись на его милостивое слово, отворили ворота. Однако царь не упустил возможности расправиться с вождями движения.

Достаточно сложно дать оценку характера восстания Болотникова. Представляется односторонним взгляд на движение исключительно как на высший этап крестьянской войны. Для нас остается неизвестной «программа движения»: все сохранившиеся документы, по которым можно судить о требованиях восставших, принадлежат правительственному лагерю. В интерпретации Шуйского, восставшие призывали москвичей к уничтожению «вельмож и сильных», разделу их имущества. Патриарх Гермоген объявлял,

что болотниковцы «велят боярским холопем побивати своих бояр, и жены их, и вотчины, и поместья им сулят», обещая «давати боярство, и воеводство, и окольничество, и дьячество». Известны случаи так называемых «воровских дач», когда имения сторонников царя Василия передавали сторонникам «законного государя Дмитрия Ивановича». Таким образом, борьба была направлена не столько на разрушение существующей социальной системы, а на перемену лиц и целых социальных групп внутри нее. Участники выступления, бывшие крестьяне, холопы, стремились конституироваться в новом социальном статусе служилых людей, «вольных казаков». К повышению своего статуса стремилось и дворянство, недовольное воцарением Шуйского. Налицо была острая, достаточно сложная и противоречивая социальная борьба, выходящая за рамки, очерченные концепцией крестьянской войны. Эта борьба естественно дополняла борьбу за власть — ведь только победа одного из претендентов обеспечивала закрепление прав его сторонников. Само это противоборство вылилось в борьбу вооруженную, целыми армиями.

В социальном противоборстве принимали участие и низы общества. Однако антикрепостнический запал находил свое выражение прежде всего в ослаблении, а в последующем и в прогрессирующем разрушении государственности. В условиях кризиса всех структур власти все труднее было удержать крестьян от выхода. Стремясь заручиться поддержкой дворянства, Шуйский **9 марта 1607 г.** издал обширное крепостническое законодательство, которое предусматривало значительное увеличение срока урочных лет. Сыск беглых становился должностной обязанностью местной администрации, которая отныне должна была каждого пришлого человека «спрашивати накрепко, чей он, и откуда, и когда бежал». Впервые вводились денежные санкции за прием беглого. Однако Уложение 1607 г. носило скорее декларативный характер. В контексте событий для крестьянства актуальной становилась проблема не выхода, восстанавливаемого явочным путем, а поиска владельца и места нового жительства, которые бы обеспечивали стабильность бытия.

События начала XVII в. рядом историков трактуются как гражданская война в России. Однако далеко не все исследователи разделяют эту точку зрения. Подчеркивая отсутствие четких граней социального и политического противостояния, они рассматривают все события в рамках, очерченных самими современниками — как смуту, смутное время.

§4. «ТУШИНСКИЙ ВОР»

В этих условиях поражение Болотникова не могло стать полным торжеством Шуйского. Необходим был лишь новый центр притяжения оппозиционных сил, и он скоро явился в лице нового Лжедмитрия, обосновавшегося в Стародубе.

Вокруг самозванца объединились разные силы. С самого начала он был орудием польских «рокошан» (участников выступления против короля), которые после поражения от Сигизмунда III решились на новую авантюру. Вдохновленные историей с Лжедмитрием I, они надеялись на богатое вознаграждение. К самозванцу примкнули польские отряды Лисовского, гетмана Рожинского и, позднее, Сапеги. Быстро росло число русских сторонников Лжедмитрия II. К нему потянулись разбитые отряды Болотникова, «вольное казачество» во главе с атаманом Иваном Заруцким, все недовольные Василием Шуйским.

Признала своего «супруга» и Марина Мнишек, освобожденная по настоянию короля. Но она не вернулась на родину и присоединилась к Лжедмитрию II, закрепив политический союз тайным браком.

Не успев соединиться с Болотниковым, Лжедмитрий отступил в Путивль, откуда в начале 1608 г. двинулся на Москву. В **июне 1608 г.** он расположился станом в подмосковном селе Тушино, откуда пошло его презрительное прозвище «Тушинский вор». Началась еще одна осада Москвы.

Постепенно власть Лжедмитрия II распространилась на значительную территорию. По сути, в стране установилось своеобразное *двоевластие,* когда ни одна из сторон не имела сил для того, чтобы добиться решающего перевеса. Два года существовали «параллельные» системы власти: две столицы — Москва и Тушино, два государя — цари Василий Иванович и Дмитрий Иванович, два патриарха — Гермоген и Ростовский митрополит Филарет, которого силой привезли в Тушино и «нарекли» патриархом. Функционировали две системы приказов и две думы, причем в тушинской было немало людей знатных. Это было время так называемых «перелетов» — зримого проявления нравственного оскудения общества, когда дворяне по нескольку раз переходили из одного лагеря в другой ради получения наград и сохранения за собой при любом исходе нажитого.

Военные действия вели к разорению и потерям. В 1609 г. гетман Сапега осадил Троице-Сергиев монастырь. Героическая оборона монастыря способствовала укреплению национального чувства и сильно повредила самозванцу, покровителю поляков — разорителей православных святынь.

Однако Шуйский более полагался не на патриотические чувства, а на реальную силу. В 1609 г. он заключил договор со Швецией, по которому в обмен на уступленную Корельскую волость шведы оказывали военную помощь московскому государю. На практике дипломатическая акция царя принесла ему больше минусов, чем плюсов: договор нарушал прежнее соглашение с поляками и давал Сигизмунду III повод для открытого вмешательства в московские дела и преодоления внутренней оппозиции, выступавшей против войны на Востоке. Осенью 1609 г. польские войска осадили Смо-

ленск. Сигизмунд III надеялся, что в условиях всеобщей «шатости» он не встретит сильного сопротивления: было объявлено, что он пришел в Московское государство для прекращения смуты и междоусобия. Однако жители города во главе с воеводой, боярином М.Б. Шеиным, в течение 20 месяцев оказывали упорное сопротивление. Героическая оборона Смоленска, сковав короля и вдохновив русских людей, оказала большое влияние на исход смуты.

В условиях *открытой интервенции* Речи Посполитой «Тушинский вор» уже не был нужен полякам. Часть их потянулась под Смоленск, другая продолжала действовать самостоятельно, совершенно не считаясь с самозванцем. Большие опасения вызывали новгородские полки молодого воеводы, племянника царя М. Скопина-Шуйского, которые вместе со вспомогательными отрядами шведов двинулись освобождать столицу от тушинцев. В окружении Лжедмитрия II назревал кризис. Осенью 1609 г. самозванец бежал в Калугу. Это ускорило распад тушинского лагеря. Часть «русских тушинцев», которая не желала никакой договоренности с Шуйским, стала искать выхода из политического и династического кризиса в сближении с польским королем. В этом они видели единственный способ достижения консолидации и сохранения собственных позиций, одоления той же тушинской казачьей вольницы, которая объединилась вокруг самозванца в Калуге.

В феврале 1610 г. «русские тушинцы» во главе с М.Г. Салтыковым заключили под Смоленском с Сигизмундом III соглашение о призвании на престол его сына, королевича Владислава. Авторы договора стремились сохранить основы русского строя жизни: Владислав должен был блюсти православие, прежний административный порядок и сословное устройство. Власть королевича ограничивалась Боярской думой и даже Земским собором. Ряд статей должен был защитить интересы русского дворянства и боярства от проникновения «панов». Примечательно, что тушинцы оговорили право выезда для учебы в христианские земли. Договор был новым шагом в конституировании прав господствующих сословий по польскому образцу.

Камнем преткновения для «русских тушинцев» оказался вероисповедальный вопрос. Они настаивали, чтобы Владислав принял православие. Сигизмунд, ревностный воспитанник иезуитов, не соглашался. В перспективе он мечтал о династической унии Речи Посполитой и Московского государства. Но польским королем не мог быть некатолик. Казалось, легче заставить пойти на уступки русскую сторону. В итоге этот вопрос так и остался открытым.

Между тем М. Скопин-Шуйский в марте 1610 г. торжественно вступил в освобожденную столицу. Молодой князь пользовался необычайной популярностью. Но в апреле Скопин-Шуйский скоропостижно скончался. Ходили слухи, что он был отравлен братом бездетного царя Д. Шуйским из-за опасения, что тот займет престол.

Смерть князя погубила Шуйских. Они лишились единственной личности, которая могла бы сплотить все слои русского общества.

В июне 1610 г. гетман Жолкевский нанес поражение царским войскам под командованием бездарного Д. Шуйского у с. Клушино близ Можайска. Сражение не отличалось упорством: иноземцы изменили, русские не собирались стоять насмерть за Василия Шуйского. Жолкевский двинулся на Москву. В это время из Калуги к городу приблизился Лжедмитрий II, обратившийся к жителям с призывами открыть ворота «природному государю». Сложилась крайне неопределенная ситуация. **17 июля 1610 г.** бояре и дворяне во главе с Захарием Ляпуновым, братом Прокофия Ляпунова, свергли В. Шуйского с престола. Два дня спустя во избежание попыток реставрации он был насильственно пострижен в монахи. Официальное объяснение низвержения царя гласило, что служилые люди, услышав о том, что государя «на Московском государьстве не любят... и служити ему не хотят, и кровь межусобная льется многое время», били челом Шуйскому «всею землею», чтобы тот «государство оставил». Заговорщики обещали выбрать государя «всею землею, сослався со всеми городы». В этом заявлении ощутимы уроки царствования Шуйского, изначально не получившего поддержки многих городов и земель.

До выборов царя власть переходила к правительству из семи бояр, так называемой *семибоярщине*.

Выступая против Шуйского, участники заговора надеялись, что так же поступит с Лжедмитрием II и его окружением,— в удалении этих двух одиозных фигур виделось главное условие для преодоления розни. Но обещание не было выполнено. Самозванец по-прежнему угрожал захватом Москвы, анархией и переменами в составе правящих лиц и социальных групп. Не имея реальной силы, семибоярщина искала стабильности. В этих условиях в **августе 1610 г.** был заключен договор о призвании королевича Владислава на русский престол. Договор во многом повторял соглашение, заключенное ранее «русскими тушинцами». Но если там вероисповедальный вопрос остался открытым, то Москва стала присягать новому государю Владиславу с обязательным условием, что «ему, государю, быть в нашей православной вере греческого закона».

Договор позволил правительству семибоярщины ввести в столицу польские войска. Лжедмитрий II вместе с Мариной Мнишек и «вольными казаками» под предводительством Ивана Заруцкого отступили в Калугу.

Поляки, оказавшись в Кремле, вели себя как завоеватели. Королевич не появлялся. От его имени правил наместник Александр Гонсевский, опиравшийся на узкий круг русских «доброхотов» польского короля — боярина М. Салтыкова и «торгового мужика» Ф. Андронова. Нарушались статьи августовского договора. Продолжалась осада Смоленска. Для урегулирования разногласий и окончательного достижения договоренности в королевский лагерь было

направлено Великое посольство. В его состав, по настоянию поляков, включили лиц влиятельных, способных возглавить оппозицию и даже претендовать на престол,— князя В.В. Голицына и бывшего тушинского «патриарха» Филарета. Переговоры, однако, вскоре зашли в тупик. Сигизмунд отказывался снять осаду и отпустить пятнадцатилетнего Владислава в Москву. Неизменной оставалась его позиция относительно православия Владислава. Больше того, скоро стало понятным тайное намерение короля самому взойти на русский престол. Стороны были в неравном положении: столкнувшись с неуступчивостью великих послов, король попросту приказал арестовать их. Маска была сброшена: путь переговоров оказался ненужным и невозможным.

§ 5. I И II ОПОЛЧЕНИЯ. ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ

Избрание Владислава не принесло желаемого мира. Напротив, страна оказалась на краю гибели. Государственность была разрушена. Общество расколото на враждебные лагеря. Преобладала рознь, сословный эгоизм. В сердце России, Москве, стоял польский гарнизон, страной управляло марионеточное правительство. Приближалась к концу осада изнемогавшего Смоленска. Свержение Шуйского освободило руки Швеции и королю Карлу IX, противнику Сигизмунда III. Шведы оккупировали значительную часть северо-запада Московского государства.

В эти трагические месяцы «безгосударева времени» огромную роль сыграла церковь и церковные деятели, прежде всего патриарх Гермоген и, позднее, настоятель Троице-Сергиева монастыря Дионисий. Патриарх возглавил национально-религиозную «партию» и первый, ссылаясь на нарушение польской стороной договоренности (прежде всего о православии государя и уходе «литовских людей» за пределы государства), освободил подданных от присяги Владиславу и призвал к сопротивлению.

Церковь дала *национально-освободительному движению национальную идею* — защиту православия и восстановление православного царства. Вокруг этой идеи началась *консолидация* здоровых сил общества. Решающую роль в освободительном движении сыграла *земщина*, традиции которой, как оказалось, не были подорваны предыдущими царствованиями. В 1610—1611 гг. земские миры выступили силой организующей и, по сути, государственной. Вдохновляемая позицией Гермогена, которого, по преданию, за неуступчивость польская партия уморила «гладом» в 1612 г., и грамотами Дионисия, земщина призывами «стояти заодно» объединила патриотические силы, привлекла, материально обеспечила дворянские служилые корпорации и отряды «вольных казаков» — реальную воинскую силу, которая могла изгнать интервентов.

В стране созревает идея созыва *всенародного ополчения*. Его созданию способствовала гибель в декабре 1610 г. Лжедмитрия II. Отряды «вольных казаков» под предводительством И. Заруцкого и

князя Дм. Трубецкого присоединились к дворянским отрядам Прокопия Трубецкого и образовали I ополчение. Ляпунов, призывая всех воинских людей принять участие в освобождении Москвы, сулил «волю и жалованье».

Весной 1611 г. ополчение осадило Москву. Накануне его появления, в марте, в столице вспыхнуло восстание. Завязались упорные бои на улицах. Активным участником восстания стал Д.М. Пожарский, который был ранен и вывезен в свою нижегородскую вотчину. Не имея сил для того, чтобы справиться с москвичами, поляки выжгли часть посада.

Ополчение создало высший временный орган власти страны — *Совет всея земли.* Но действовал он нерешительно, скованный внутренними разногласиями и взаимными подозрениями. Для преодоления их по инициативе Ляпунова 30 июня 1611 г. был принят «Приговор всей земли», который предусматривал восстановление прежних крепостнических порядков.

«Приговор» не удовлетворил вольное казачество. Известия о расправе дворян над 28 казаками переполнили чашу их терпения. 22 июля 1611 г. вызванный на казачий «круг» Ляпунов был убит. Смерть Ляпунова привела к распаду I ополчения. Дворяне покинули подмосковный лагерь. Казаки Трубецкого и Заруцкого продолжили осаду, но они не были достаточно сильны, чтобы справиться с польским гарнизоном.

Эти события совпали с падением Смоленска в **начале июня 1611 г.** Сигизмунд III открыто объявил о своем намерении сесть на московский престол. Активизировали свои действия и шведы. 16 июля был занят Новгород, власти которого пошли на соглашение с Карлом IX, предусматривавшее избрание царем его сына, принца Карла Филиппа. Казалось, что страна на краю пропасти, — не случайно самые распространенные публицистические жанры этого времени — «плачи» о погибели Русской земли.

Но земщина вновь показала свою способность к возрождению. В провинциальных городах началось движение за организацию II ополчения. **Осенью 1611 г.** староста Нижегородского посада Кузьма Минин обратился с призывом пожертвовать всем ради освобождения Родины. Под его началом городской совет собирал средства для призыва ратных людей. Патриотический порыв, готовность к самопожертвованию охватили массы. Был избран и воевода, отличавшийся «крепкостоянием» и честностью, — Д.М. Пожарский. Последний вместе с «выборным человеком» Кузьмою Мининым возглавил новый Совет всей земли.

II ополчение не сразу выступило к Москве. Поднявшись вверх по Волге, оно более четырех месяце простояло в Ярославле, формируя свое правительство и основные приказы. Это необходимо было, чтобы, во-первых, опираясь на менее разоренные северные города, собраться с силами и средствами и, во-вторых, договориться с вольными казаками. Судьба Ляпунова была еще слишком памятна, чтобы игнорировать важность подобной акции.

Между тем в подмосковных «таборах» произошел раскол. Честолюбивый И. Заруцкий, мечтавший о самостоятельной роли, ушел со своими сторонниками в Коломну, где находилась Марина Мнишек и ее сын от Лжедмитрия II Иван, «воренок», по определению современников. Имя Ивана Дмитриевича, «законного» наследника престола, давало Заруцкому желаемую свободу действий и независимость.

В августе 1612 г. II ополчение пришло под Москву. В сентябре подмосковные воеводы договорились Москву «доступать» вместе и «Российскому государству во всем добра хотеть безо всякой хитрости». Было образовано единое правительство, выступавшее отныне от имени обоих воевод, князей Трубецкого и Пожарского.

В 20-х числах августа ополченцы отразили попытку гетмана Хоткевича освободить осажденный польский гарнизон. Однако поляки упорствовали. Им было жалко расставаться с богатой добычей, награбленной в Кремле. Сильно надеялись они на помощь короля. Но Сигизмунд III столкнулся с целым рядом трудностей: шляхта, в частности, опасалась самодержавных устремлений короля, усиленных ресурсами Москвы, ограничивала его силы. Сигизмунд III отступил. Польские и литовские люди изнемогали. 22 октября был взят Китай-город. Четыре дня спустя, **26 октября** капитулировал кремлевский гарнизон. Москва была освобождена.

Глава VII

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО ПРИ ПЕРВОМ РОМАНОВЕ

§ 1. ЗЕМСКИЙ СОБОР 1613 г. ИЗБРАНИЕ РОМАНОВЫХ

Тотчас же после освобождения правительство Трубецкого и Пожарского созвало в Москву выборных из всех городов и из всякого чина людей «для земского совета и для государского избрания». В истории сословного представительства *Земский собор 1613 г.* — самый представительный и многочисленный из всех, какие только собирались в XVI—XVII вв. В нем участвовали выборные от дворянства, посада, белого духовенства и, возможно, черносошного крестьянства.

Главным был вопрос об избрании государя. В результате острых споров наиболее приемлемой оказалась кандидатура 16-летнего Михаила Федоровича Романова. Он стал реальным претендентом на престол не потому, что был лучше, а потому, что устроил в конечном счете всех. «Мишка-де Романов молод, разумом еще не дошел и нам будет поваден», — якобы писал Ф. Шереметев, выдавая аристократические мечтания знати о соправлении при слабом

государе. В отличие от других претендентов, М. Романов был относительно нейтрален: не успев ничем проявить себя, он позволял связывать с собой все чаяния и мечты о преодолении смуты. Подобно тому как некогда имя царя Дмитрия воплощало в себе целую легенду, так и Романов был олицетворением программы возвращения к «старине и покою», примирению и компромиссу всех общественных сил на базе крепостничества и самодержавия. Своей родственной связью с прежней династией Михаил Федорович более всего воплощал идею возврата к старине.

История рода Романовых также способствовала выбору. Для аристократии они были свои — почтенный старомосковский боярский род. Пользовались Романовы благодаря тушинскому патриаршеству Филарета популярностью среди вольного казачества — им не приходилось опасаться репрессий, связанных с пребыванием в лагере Лжедмитрия II. Поскольку тот же Филарет был в числе великих послов, отправленных под Смоленск вести переговоры об избрании Владислава, спокойны были и сторонники королевича.

Однако до последнего момента стороны готовы были оспаривать престол. Решающим оказалось давление вольного казачества, которое преобладало на момент избрания в Москве и которое, по сути, заставило аристократию и духовенство поспешить с выбором.

По некоторым сведениям, при вступлении на престол в **феврале 1613 г.** Михаил Федорович дал обязательство не править без участия Земского собора и Боярской думы. Подобное было вполне вероятно — уже сложилась своеобразная традиция воцарения, обставленная целым рядом условий. Другой вопрос, что идеалы старины вошли в столкновение с самой идеей ограничения самодержавия и в последующем ограничительная запись никак не проявляет себя.

§ 2. ЗАВЕРШЕНИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ СМУТЫ

Ошибочно считать, что с избранием Романова смута завершилась. Напротив, перед новым правительством возникли чрезвычайно сложные задачи преодоления розни и восстановления государства и государственного порядка.

Сам Михаил Федорович как личность мало подходил к их решению. Он был малоинициативен и вряд ли ему было по силам решение подобных задач. Его влияние на дела почти не ощущается. Но именно эти качества обернулись ему на пользу. Для уставшего, жаждавшего замирения общества умеренность и традиционализм первого Романова были основанием к консолидации.

Болезненным оказался процесс обуздания вольного казачества, действия которого угрожали самой идее стабилизации. При этом Михаилу Федоровичу приходилось считаться с силой казачества и тем, что оно приняло активное участие в его избрании. В конечном итоге Романов встал на путь утверждения феодального правопоряд-

ка: в 1615 г. было разгромлено движение атамана Баловня, угрожавшее стабилизации; часть казаков была переведена в разряд служилых людей.

Большую опасность представляли отряды Заруцкого, оттесненного из южных уездов в Астрахань. В 1614 г. Заруцкий и Марина Мнишек были схвачены.

Но главной проблемой для правительства первого Романова стало завершение освобождения страны от интервентов. Последние не спешили признать легитимность Романовых и, пользуясь слабостью Московского государства, стремились к его дальнейшему расчленению. В 1615 г. шведы осадили Псков, но потерпели неудачу. В целом же правительству шведского короля Густава II Адольфа удалось оттеснить Россию от Балтийского моря и принудить к заключению **Столбовского мира 1617 г.**, по которому побережье Финского залива и Корела отошли во владение Швеции.

Труднее было добиться прекращения военных действий с Речью Посполитой. В 1618 г. подросший Владислав отправился отвоевывать свой «законный престол», похищенный Романовыми. В ночь на 1 октября поляки дошли до Арбатских ворот и попытались овладеть Белым городом. С большим трудом Михаилу Федоровичу удалось отбить приступ. Но и силы Владислава были исчерпаны. В **декабре 1618 г.** близ Троицкого монастыря было заключено **Деулинское перемирие.** Условия его были чрезвычайно тяжелыми для страны. К Польше отходил Смоленск, Северская и Черниговская земли. Владислав не отказывался и от своих претензий на власть, хотя должен был признать де-факто власть Михаила Федоровича. Деулинский договор предусматривал обмен пленными. Вернувшийся в 1619 г. Филарет, отец государя, был избран патриархом. Человек властный и решительный, он по сути дела оттеснил на второй план своего сына и с новым титулом «великого государя» сосредоточил в своих руках управление страной. По замечаниям современников, «старец» Филарет до самой смерти в 1633 г. «всеми царскими делами и ратными владел», определяя основные направления внутреннего и внешнеполитического курса страны.

Первые годы царствования Михаила Федоровича во многом были определены смутой, последствия которой ощущались во всех сферах жизни.

По определению современников, русские люди «понаказались смутой». Возросло значение *православных ценностей*, усилились настроения изоляционизма и особой ответственности за судьбы православного мира. Важной стала проблема *восстановления* страны, которое происходило в рамках расшатанного, но сохранившегося крепостничества. С целью упорядочения налогообложения в 20-е годы составлялись новые дозорные и писцовые книги, прикрепляющие население к месту жительства. Преодоление «великого московского разорения» затянулось до конца 20-х годов XVII в.

Возрождалась практика «урочных лет». Провинциальное дворянство было недовольно существующим крепостническим законодательством и неоднократно в 1637, 1641 и 1645 гг. подавало коллективные челобитные с требованием отмены урочных лет. Правительство лишь частично шло на уступки уездному дворянству, увеличивая продолжительность сроков сыска беглых крестьян, что вело к обострению противоречий среди землевладельцев.

Смута упрочила *идею самодержавия.* После пережитого, когда земля была «безгосударной», монархия Романовых воспринималась как символ национального суверенитета, условие внутреннего мира и стабильности. Это вело к укреплению самодержавной власти, которая постепенно сводит на нет огромную роль земщины в годы смуты. Однако первоначально, когда перед правительством первого Романова стояли задачи восстановления государственной системы, правящие круги опирались за земские соборы.

Земские соборы занимались преимущественно изысканием средств для пополнения казны и внешними сношениями. Помимо увеличения прямых поземельных налогов правительство с согласия соборов несколько раз собирало чрезвычайные сборы, так называемые *пятинные деньги.* За период с 1613 по 1619 г. они собирались семь раз, а в годы Смоленской войны еще дважды.

С 20-х годов, по мере упрочения власти Романовых, правительство все реже прибегало к земским соборам. Это, по определению историков, *угасание* деятельности соборов нашло свое выражение в окончательном утверждении *совещательного характера* высших сословно-представительных органов.

Итоги смуты предопределили главные направления внешнеполитических усилий первых Романовых. «Святейший патриарх» Филарет и его преемники настойчиво искали пути преодоления условий Деулинского перемирия, возвращения земель, утраченных в смутное лихолетье.

§ 3. СМОЛЕНСКАЯ ВОЙНА

Россия, ослабленная польско-шведской интервенцией и жестоким социальным кризисом внутри страны, долгое время вынуждена была мириться со значительными территориальными потерями. По Столбовскому миру 1617 г. к Швеции отошли земли, обеспечивавшие выход к морю: Ям, Ивангород и Копорье. Деулинское перемирие 1618 г. с Речью Посполитой лишило Россию Смоленска и чернигово-северских земель. На южных границах грабили население и уводили в плен тысячи русских и украинцев крымские татары. Разоренная страна не могла не только протянуть руку помощи украинскому и белорусскому народам, но и дать отпор агрессивным акциям крымских феодалов.

Внешнеполитический курс России на протяжении XVI—XVIII вв. был нацелен на решение трех задач: *воссоединение с братскими украинским и белорусским народами, обеспечение выхода к Балтийско-*

му и Черному морям и, наконец, *достижение безопасности южных границ* от разбойничьих набегов вассала Османской империи — крымского хана.

Возможностей для одновременного решения трех задач у России в XVII в. не было. Поэтому при определении первоочередной цели правительство тщательно оценивало как собственные ресурсы, так и международную обстановку. В Москве рассудили, что в 30-х гг. сложилась благоприятная обстановка для борьбы с Речью Посполитой за возвращение Смоленска. Расчет исходил из того, что Речь Посполитая, неизменно осуществлявшая по отношению к России агрессивные планы, была скована борьбой с Османской империей и Крымом. В то же время главные европейские державы были втянуты в Тридцатилетнюю войну и не могли активно вмешиваться в дела Восточной Европы.

Россия накануне войны с Речью Посполитой пыталась склонить к совместным действиям против нее Швецию и Османскую империю, но безуспешно, и ей пришлось воевать без союзников.

После смерти весной **1632 г.** Сигизмунда III началось бескоролевье в Речи Посполитой. Русское правительство сочло ситуацию благоприятной, чтобы начать войну за Смоленск. Специально созванный Земский собор поддержал намерение правительства.

Поход русской рати к Смоленску начался в сложных условиях, когда южные уезды подверглись набегам крымцев. Опасаясь прихода более значительных сил крымских феодалов правительство вынуждено было задержать выход войск из Москвы до августа. Поход протекал крайне медленно, с оглядкой, так что войска оказались у Смоленска только в декабре.

Блокировать сильную крепость командовавшему русскими войсками боярину Шеину не удалось — осада затянулась на восемь месяцев. К этому времени в Речи Посполитой на троне укрепился Владислав IV, начавший энергичную подготовку к оказанию помощи смоленскому гарнизону. Два обстоятельства усложнили положение армии Шеина. Летом 1633 г. крымские татары вторглись в пределы России, опустошили Рязанский, Белевский, Калужский и даже часть Московского уездов; проведав об этом, дворяне бросились из армии спасать свои поместья и семьи. В еще большей степени русские войска деморализовало движение «вольницы» в армии Шеина; в нем участвовали спешно мобилизованные в армию холопы, крестьяне и посадские. Лишенные воинских навыков и дисциплины, они игнорировали приказы общего командования, действовали по-партизански, нападая как на неприятельские отряды, так и на усадьбы помещиков. Движение, которым на первом этапе предводительствовал монастырский крестьянин Балаш, не прекратилось и после того, как он был схвачен, и даже усилилось, так что в 1634 г. в нем участвовало до 8 тыс. человек.

Подоспевшему к Смоленску Владиславу IV удалось перерезать коммуникации армии Шеина с тылами, и она стала испытывать

острый недостаток в продовольствии и фураже. Начались переговоры, завершившиеся в **июне 1634 г.** заключением Поляновского мирного договора. Полякам были возвращены все города, которыми овладели русские на начальном этапе войны: Невель, Стародуб, Почеп, Себеж и др. Смоленск тоже оставался в руках поляков. Договор, однако, предусматривал отказ Владислава от претензий на русский престол.

Виновниками неудачи Смоленской войны были объявлены воеводы М.Б. Шеин и А.В. Измайлов. Обоим по боярскому приговору были отрублены головы.

Поражение в Смоленской войне лишило страну возможности вести активную борьбу с южным соседом даже в годы, когда обстоятельства тому благоприятствовали. В 1637 г. донские казаки по собственной инициативе овладели турецкой крепостью Азовом. Попытки султанского правительства выбить казаков из крепости не удались. Когда к Азову была стянута колоссальная армия османов и казаки убедились, что им не выдержать осады, они обратились в Москву с предложением ввести в крепость правительственный гарнизон.

Принятие предложения казаков непременно втянуло бы Россию в войну с Османской империей. Правительство не решалось на подобный шаг и для обсуждения создавшегося положения созвало Земский собор. Его участники, представленные как служилыми людьми по отечеству, так и горожанами, а также корпорациями купечества, жаловались на тяготы службы и разорение от поборов и дали понять правительству, что они против войны. В результате казаки в 1642 г. оставили Азов, разрушив его укрепления.

Глава VIII

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО ПРИ АЛЕКСЕЕ МИХАЙЛОВИЧЕ

§ 1. КРЕПОСТНОЕ ХОЗЯЙСТВО И РАЗВИТИЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Самый важный итог развития сельского хозяйства в первой половине XVII в. состоял в ликвидации последствий «великого московского разорения», в течение которого появились огромные пространства невозделанной земли, успевшей зарасти лесом. Наиболее пострадавшими оказались уезды, расположенные к западу и югу от Москвы, в меньшей степени — к северу от нее. В некоторых уездах пашня сократилась в десятки раз. Другим показателем разорения явилось резкое увеличение бобыльского населения и уменьшение крестьянского.

Восстановительный процесс занял три десятилетия — с 20-х по 50-е гг. XVII в. Затяжной характер восстановления производительных сил в сельском хозяйстве объяснялся несколькими причинами: низким плодородием земли Нечерноземья, где в XVII в. размещалась основная масса населения; слабой сопротивляемостью крестьянского хозяйства природным условиям: ранние заморозки, как и обильные дожди, вызывавшие вымокание посевов, а также недостаток влаги в период вызревания хлебов вызывали недороды, а то и гибель посевов.

Пашня обрабатывалась орудиями, остававшимися неизменными в течение столетий: сохой, бороной, серпом, косой, реже плугом. В целом в стране преобладало трехполье, но на севере сохранилась подсека. Список возделываемых культур возглавляли рожь и овес, в меньших размерах высевались пшеница, ячмень, гречиха, горох, а также технические культуры: лен и конопля.

Малопроизводительный труд крестьянина был обусловлен не только неблагоприятными почвенно-климатическими условиями и рутинной техникой земледелия, но прежде всего порожденным феодальными порядками отсутствием у него заинтересованности в увеличении результатов труда — светские и духовные феодалы нередко изымали в свою пользу не только излишки, но и необходимый продукт. Это приводило к тому, что на протяжении второй половины XVII в., как, впрочем, и в следующем столетии, в крестьянском хозяйстве наблюдалось простое воспроизводство его ресурсов.

Главный резерв роста сельского хозяйства состоял *в вовлечении в оборот новых земель* — во второй половине столетия прослеживалось интенсивное заселение территорий к югу от Белгородской черты, Среднего Поволжья и Сибири. Знаменитый историк С.М. Соловьев выдвинул правильный тезис, поддержанный другим выдающимся историком В.О. Ключевским, о том, что Россия являлась страной, которая колонизуется. Это был хотя и экстенсивный путь развития, но он обеспечивал увеличение сбора зерна: если в Нечерноземье обычный урожай составлял чуть выше «сам» 2—3, то на южном черноземе средняя урожайность была в два раза выше.

Крестьянское, как и помещичье хозяйство, в основном сохраняло натуральный характер: крестьяне довольствовались тем, что производили сами, а помещик — тем, что ему доставляли те же крестьяне в форме натурального оброка: птицу, масло, яйца, мясо, сало, окорока, а также изделия промыслов: полотно, грубое сукно, деревянную и глиняную посуду и т. д.

Владения светских и духовных феодалов были, как правило, разбросаны по многим уездам, расположенным в разных почвенно-климатических зонах: боярина Б.И. Морозова в 19 уездах, боярина Н.И. Романова — в 16, средней руки помещика стольника А.И. Безобразова — в 11 уездах, а Троице-Сергиевой лавры — в 40

уездах. Это позволяло барину разнообразить повинности — рыбу, зернистую и паюсную икру поставляли ему вотчины, расположенные у берегов Волги, баранину и овчину — из южных уездов, дары леса и изделия из дерева — из центрального района и т. д.

Сбором ренты, управлением хозяйством, иногда представлявшим многоотраслевой комплекс, выполнением полицейских функций ведала вотчинная администрация. У крупного феодала Морозова она состояла из приказчиков, непосредственно управлявших вотчинами, и главной администрации, находившейся в Москве. У Безобразова промежуточная инстанция между ним и приказчиками отсутствовала, и он сам отдавал им распоряжения.

Про боярина Морозова современники говорили, что у него была «такая же жажда к золоту, как обыкновенно жажда пить». Репутацию стяжателя он подтвердил тем, что во много крат увеличил свои владения: в 20-х гг. за ним числился 151 двор, населенный 233 душами м. п., а после смерти он оставил 9100 дворов с 27 400 крепостными.

Своеобразие хозяйству Морозова придавали *промыслы*, главным из которых был поташный. Будные станы, расположенные в приволжских владениях, приносили боярину грандиозную по тому времени прибыль —180 тыс. руб. в год. Содержал Морозов винокурни, а также железоделательный завод в Звенигородском уезде. Занимался он и ростовщичеством.

Хозяйство Морозова не относилось к типичным — предпринимательством в XVII в. были охвачены лишь немногие помещики. В еще меньшей мере им занимались духовные феодалы. Монастырские старцы выступали лишь организаторами солеваренных промыслов. Солеварение Соловецкого, Пыскорского, Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого монастырей восходит к XVI в. и не было обусловлено социально-экономическими процессами XVII в.: производством соли занимались монастыри, расположенные на севере страны, где имелись богатые рассолы.

В отличие от хозяйства Морозова, в значительной мере ориентированного на рынок, хозяйство царя тоже относилось к многоотраслевым, но оно не было связано с рынком. Царь Алексей Михайлович слыл рачительным хозяином, самолично вникавшим во все детали жизни своих вотчин, но его распоряжения не всегда были практичными. Он, например, предпринимал шаги к основанию в Подмосковье шелководства, для чего намеревался создать плантации тутовых деревьев. К эфемерным планам относилась и организация солеварения на рассолах слабой концентрации, добывавшихся в Хамовниках, на Девичьем поле, под с. Коломенским.

Впрочем, некоторые начинания царя дали положительные результаты. Он закупал породистых коров, в том числе голландских, вводил пятипольный севооборот, требовал обязательного удобрения полей навозом и т. д. Хозяйственные заботы царя распространялись и на промысловые отрасли; в царских вотчинах действовали метал-

лургические, стекольные и кирпичные заводы, выпускавшие изделия не на рынок, а для удовлетворения либо личных потребностей владельца (стеклянные кружки, кувшины, чарки, стаканы), либо его вотчин (гвозди, сошники и др.).

Определяющая тенденция социально-экономического развития России состояла в дальнейшем укреплении феодально-крепостнических порядков. В дворянской среде постепенно утрачивалась прямая связь между службой и ее земельным вознаграждением: поместья оставались за родом даже в том случае, если его представители прекратили службу. Расширялись права распоряжения поместьями (мена, передача в качестве приданого и т. д.). Тем самым поместье утрачивало черты условного землевладения и приближалось к вотчине, между ними к концу столетия сохранились лишь формальные различия.

Развитие феодально-крепостнических отношений проявлялось также в *расширении крепостнического землевладения* за счет пожалования дворян черными и дворцовыми землями. Этот процесс сопровождался увеличением численности закрепощенного населения. Одновременно повысился удельный вес светского землевладения. Уложение 1649 г. запретило церкви расширять свои владения как покупкой земли, так и получением ее в дар на помин души. Не случайно патриарх Никон назвал Уложение «беззаконной книгой».

Существенное значение в насаждении крепостнических порядков имели энергичные меры правительства по *предотвращению бегства крестьян.*

Дворяне добились своего: под их давлением правительство взяло на себя сыск беглых, отправляя в уезды воинские команды во главе с сыщиками, возвращавшими беглецов их владельцам. Тем самым оно освободило дворянскую мелкоту от необходимости разыскивать беглецов своими средствами и преодолевать сопротивление «сильных людей», в вотчинах которых они укрывались. Увеличен был размер «пожилого» за держание беглого с 10 до 20 руб.

Важную веху в правительственной политике по отношению к дворянству составила *отмена местничества* в **1682 г.** Местнический обычай серьезно препятствовал достижению успехов как во внутреннем управлении, так и в особенности в ратном деле — бездарные представители родовитых семей всегда претендовали на высшие командные должности в армии, отправлявшейся в поход к театру военных действий. Хотя уже при Иване IV накануне таких походов объявлялся царский указ «быть без мест», конфликты на почве местнического счета иногда возникали.

Как случилось, что бояре, рассуждавшие ранее: «то им смерть, что им без мест быть», теперь безропотно согласились сжечь разрядные книги и вынести местничеству суровый приговор, объявлявший его «богоненавистным, враждотворным, и любовь отгоняющим обычаем»?

Утрата интереса к местничеству со стороны всех слоев служилых

людей по отечеству объяснялась оскудением древних аристократических фамилий, лишенных возможности соперничать с восходившими к власти представителями новых фамилий. Эта категория дворянства уже не цеплялась за архаическое местничество. Его уничтожение означало первый шаг на пути консолидации дворянства и стирания граней между его сословными группами.

Расширение сословных прав и привилегий дворянства сопровождалось углублением бесправия крестьян. Сельское население страны делилось на две основные категории: *владельческих* и *черносошных* крестьян. К первым относились крестьяне светских (помещиков, царской семьи) и духовных (монастырей, патриарха, церквей) феодалов. В общей сложности они составляли 89,6% тяглового населения страны.

Характерная черта в истории крестьянства XVII в. состояла в стирании граней между его отдельными разрядами, всех их уравнивало крепостное право. Впрочем, некоторые различия между разрядами крестьян сохранились: помещичьи и дворцовые крестьяне принадлежали одному лицу, в то время как монастырские — учреждениям: Патриаршему дворцовому приказу либо монастырской братии. Существенные различия прослеживаются в праве распоряжения крестьянами: помещик мог их продать, обменять, передать по наследству или в приданое, в то время как дворцовый крестьянин мог изменить владельца только в результате пожалования, а вотчины духовных феодалов не подлежали отчуждению.

Особую категорию сельского населения составляли черносошные крестьяне. На протяжении столетия «черные», или государственные, земли подвергались систематическому расхищению и к концу века сохранились лишь в Поморье и Сибири. Главное отличие черносошных крестьян состояло в том, что они, сидя на государственной земле, располагали правом ее отчуждения: продажи, заклада, передачи по наследству. К столь же важным особенностям черносошных крестьян относится их личная свобода, отсутствие крепостного права.

Если за выполнение государственных повинностей отвечал владелец и государство передало ему значительную часть административно-фискальных и судебно-полицейских функций, как правило, претворявшихся в жизнь приказчиками, то у черносошных крестьян эти функции выполняла община с мирским сходом и выборными должностными лицами: старостой и сотскими. Мирские органы производили раскладку податей, отвечали за их своевременную уплату, чинили суд и расправу, защищали земельные права общины. Мир был связан круговой порукой, что затрудняло крестьянам выход из него.

Черносошные крестьяне платили самую высокую в стране подать. Единицей обложения до 1680 г. была соха, включавшая землю, площадь которой зависела от социальной принадлежности владельца: соха «черных» земель равнялась 500 четям в поле,

монастырских — 600, а служилых людей по отечеству — 800 четям. Это отражало дворянский характер налоговой политики — чем больше четей входило в соху (соха служилых людей по отечеству была в 1,6 раза больше сохи черносошных крестьян), тем меньше был налог и тем, следовательно, большую долю мог извлечь себе помещик от эксплуатации крестьянина.

Развитие крепостного права отразилось и на судьбе *холопов*. Этот институт эволюционировал в сторону уравнения его положения с положением крепостных крестьян. К традиционным холопам относилась дворовая челядь, ремесленники, обслуживавшие барскую семью, приказные люди, общавшиеся с правительственными учреждениями и управлявшие вотчинами, а также военные слуги, сопровождавшие своего господина в походах. Труд холопов применялся в сельском хозяйстве: задворные и деловые люди обрабатывали господскую пашню, получая от барина месячину.

Новое в институте холопов состояло в том, что Уложение 1649 г. ограничило источники его пополнения, ими могли стать только вольные люди; крепостным крестьянам и служилым людям путь в холопы был закрыт. Другое новшество сглаживало различия между деловыми и задворными людьми, с одной стороны, и крестьянами — с другой. В годы проведения финансовой реформы 1678—1681 гг. деловые и задворные люди были положены в оклад наряду с крепостными. О сближении холопов с крестьянами и превращении их в единую закрепощенную массу свидетельствовал также общий порядок сыска беглых тех и других.

Сокращение источников комплектования холопов, как и стирание граней между ними и крестьянами, влекло ликвидацию архаической формы эксплуатации: производительность труда холопа на месячине была ниже производительности труда крестьянина, обрабатывавшего свой надел.

§ 2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАНУФАКТУР

Натурального хозяйства в чистом виде даже в пору раннего феодализма, не говоря уже о XVII в., не существовало. Крестьянин, как и помещик, обращался к рынку для приобретения изделий, производство которых могло быть организовано только там, где для этого существовали необходимые сырьевые ресурсы, как, например, соль и железо.

В XVII в., как и в предшествующем столетии, некоторые виды промыслов были распространены повсеместно. Повсюду крестьяне для своих нужд ткали полотно, выделывали кожи и овчину, обеспечивали себя жилыми и хозяйственными постройками. Особенность развитию мелкой промышленности придавали не *домашние промыслы*, а распространение *ремесла*, т. е. изготовление изделий на заказ и особенно *мелкого товарного производства*, т. е. изготовление изделий на рынок.

Самое важное новшество в промышленности XVII в. было связано с появлением *мануфактуры*. Ей присущи три признака. Это прежде всего крупное производство; мануфактуре, кроме того, свойственно разделение труда и ручной труд. Значительные по размерам предприятия, использовавшие ручной труд, на которых разделение труда находилось в зачаточном состоянии, называются простой кооперацией. Если в кооперации применялся наемный труд, то она называется простой капиталистической кооперацией.

К типу простой капиталистической кооперации относились артели бурлаков, тянувших струги из Астрахани в Нижний Новгород или в верховья Волги, а также артели, строившие кирпичные здания. Самым ярким примером организации производства по принципу простой капиталистической кооперации (при непременном условии, что труд был наемным) было солеварение. Промыслы у некоторых владельцев достигали огромных размеров: за Строгановыми в конце века числились 162 варницы, за гостями Шустовыми и Филатовыми — 44 варницы, за Пыскорским монастырем —25. Но на соляных промыслах отсутствовало мануфактурное разделение труда: в выварке соли участвовали только солевар и подварок. Все остальные работники (дрововоз, печник, кузнец, бурильщик скважин, из которых извлекали рассол) в производстве соли не участвовали. Впрочем, некоторые историки относят солеваренные промыслы к мануфактурам.

Первые мануфактуры возникли в металлургии; вододействующие заводы строились в местах, где существовали для этого триединые условия: руда, лес и небольшая река, которую можно было перегородить плотиной, чтобы использовать энергию воды в производстве. Начало мануфактурному производству было положено в Тульско-Каширском районе — голландский купец Андрей Виниус в 1636 г. пустил вододействующий завод.

Отметим характернейшие особенности появления мануфактурного производства в России. Первая из них состоит в том, что крупные предприятия возникали не на базе перерастания мелкого товарного производства в мануфактуру, а путем перенесения в Россию готовых форм из стран Западной Европы, где мануфактура уже имела вековую историю существования. Вторая особенность состояла в том, что инициатором создания мануфактур выступило государство. Чтобы привлечь иностранных купцов к вложению капиталов в производство, государство предоставило им ряд существенных привилегий: основатель завода в течение 10 лет получал денежную ссуду, к заводам были приписаны дворцовые крестьяне, заготавливавшие руду и древесный уголь. В свою очередь, заводовладелец обязывался отливать для нужд государства пушки и ядра; на внутренний рынок изделия (сковороды, гвозди) поступали только после выполнения государственного заказа.

Вслед за Тульско-Каширским районом в промышленную эксплуатацию были вовлечены рудные месторождения Олонецкого и

Липецкого районов. Вододействующие заводы основали для удовлетворения потребностей в железе своих вотчин такие крупные землевладельцы, как И.Д. Милославский и Б.И. Морозов. В конце столетия к мануфактурному производству приобщились купцы Демидов и Аристов. Металлургия являлась единственной отраслью промышленности, в которой вплоть до 90-х гг. действовали мануфактуры.

В *XVII в. Россия вступила в новый период своей истории.* В области социально-экономического развития он сопровождался началом *формирования всероссийского рынка.*

В его возникновении и развитии решающее значение имели не мануфактуры, охватившие лишь одну отрасль промышленности и выпускавшие ничтожную долю товарной продукции, а мелкое товарное производство. Межобластные связи цементировали *ярмарки* всероссийского значения, такие, как Макарьевская близ Нижнего Новгорода, куда везли товары с бассейна Волги, Свенская под Брянском, являвшаяся главным пунктом обмена между Украиной и центральными районами России, Ирбитская на Урале, где происходила купля-продажа сибирской пушнины и промышленных товаров русского и иностранного происхождения, предназначавшихся для населения Сибири.

Крупнейшим торговым центром была Москва — средоточие всех товаров сельскохозяйственного и промышленного производства, от зерна и скота до пушнины, от изделий крестьянских промыслов (полотно и сермяжное сукно) до разнообразного ассортимента импортных товаров из стран Востока и Западной Европы.

Верхний слой купечества составляли гости и торговые люди гостиной и суконной сотен. *Гости* — самая богатая и привилегированная часть купечества. Им предоставлялось право свободного выезда за границу по торговым делам, право владеть вотчинами, они освобождались от постоя, податей и некоторых посадских служб. *Торговые люди гостиной и суконной сотен* располагали теми же привилегиями, что и гости, за исключением права выезда за границу.

За предоставленные привилегии члены корпораций расплачивались с государством выполнением ряда обременительных поручений, отвлекавших их от торговли собственными товарами,— они являлись торгово-финансовыми агентами правительства: закупали товары, торговля которыми находилась в казенной монополии, управляли таможнями крупнейших торговых центров страны, выступали оценщиками мехов и т. д. Казенная монополия на экспорт ряда товаров (пушнина, черная икра, поташ и др.), пользовавшихся спросом у иностранных купцов, существенно ограничивала возможности для накопления капиталов российским купечеством.

Морская торговля со странами Западной Европы осуществлялась через единственный порт — Архангельск, на долю которого приходилось 3/4 торгового оборота страны. На протяжении столетия

значение Архангельска хотя и медленно, но возрастало: в 1604 г. туда прибыло 24 корабля, а в конце века —70.

Главными потребителями импортных товаров были казна (оружие, сукно для обмундирования служилых людей и др.) и царский двор, приобретавший предметы роскоши и изделия мануфактур. С азиатскими странами торговля осуществлялась через Астрахань, город с пестрым национальным составом,— там наряду с русскими купцами торговали армяне, иранцы, бухарцы, индусы, доставлявшие шелковые и бумажные материи, платки, кушаки, ковры, сушеные фрукты и др. Главным товаром здесь был шелк-сырец, следовавший транзитом в западноевропейские страны.

Западноевропейские товары доставлялись в Россию и сухим путем, через Новгород, Псков, Смоленск. Здесь торговыми партнерами были Швеция, Любек, Речь Посполитая. Особенность русско-шведской торговли состояла в активном участии в ней русских купцов, обходившихся без посредников и доставлявших пеньку непосредственно в Швецию. Однако удельный вес сухопутной торговли был невелик.

Структура внешнеторгового оборота отражала уровень экономического развития страны: в импорте из стран Западной Европы преобладали промышленные изделия, в русском экспорте преобладали сельскохозяйственное сырье и полуфабрикаты: пенька, полотно, пушнина, кожи, сало, поташ и др.

Внешняя торговля России почти полностью находилась в руках иностранных купцов. Русские купцы, слабо организованные и менее богатые, чем их западноевропейские собратья, не могли конкурировать с ними ни в России, ни на рынках тех стран, куда ввозились русские товары. К тому же русские купцы не располагали торговыми кораблями.

Засилье иноземного торгового капитала на внутреннем рынке России вызывало у русских купцов острое недовольство, проявившееся в подаваемых правительству челобитных с требованием изгнать купцов-иноземцев (англичан, голландцев, гамбуржцев и др.) с внутреннего рынка. Впервые это требование прозвучало в челобитной 1627 г. и затем было повторено в 1635 и 1637 гг. На Земском соборе 1648—1649 гг. русские торговые люди вновь потребовали высылки иностранных купцов.

Настойчивые домогательства русских купцов лишь частично увенчались успехом: правительство в 1649 г. лишило права вести торговлю внутри России только англичан, причем основанием послужило обвинение в том, что они «государя своего Карлуса короля убили до смерти».

Торговые люди продолжали оказывать давление на правительство, и оно в ответ на челобитную именитого человека Строганова **25 октября 1653 г.** обнародовало *Торговый устав*. Главное его значение состояло в том, что он вместо множества торговых пошлин (явочной, езжей, мостовой, полозовой и др.) устанавливал единую пошлину в размере 5% с цены продаваемого товара. Торговый устав,

кроме того, повышал размер пошлины с иностранных купцов — вместо 5% они платили 6%, а при отправлении товаров внутрь страны дополнительно еще 2%. Торговый устав, таким образом, носил покровительственный характер и способствовал развитию внутреннего обмена.

Еще более протекционистским был *Новоторговый устав* **1667 г.,** подробно излагавший правила торговли русскими и иностранными купцами. Новый устав создавал благоприятные условия для торговли внутри страны русским торговым людям: иноземец, продававший товары в Архангельске, уплачивал обычные 5% пошлины, но если он пожелал отвезти товар в какой-либо другой город, то размер пошлины удваивался, причем ему разрешалось вести только оптовую торговлю. Торговать иноземцу с иноземцем иностранными товарами запрещалось.

Новоторговый устав ограждал русских торговых людей от конкуренции иностранных купцов и в то же время увеличивал размер поступлений в казну от сбора пошлин с иноземных купцов.

Составителем Новоторгового устава был Афанасий Лаврентьевич Ордын-Нащокин. Этот представитель захудалого дворянского рода стал самым видным государственным деятелем XVII в. Он ратовал за необходимость поощрять развитие внутренней торговли, освобождение купечества от мелочной опеки правительственных учреждений, за выдачу ссуд купеческим объединениям, чтобы они могли противостоять натиску богатых иностранцев. Нащокин не считал зазорным заимствовать полезное у народов Западной Европы: «доброму не стыдно навыкать и со стороны, у чужих, даже у своих врагов».

Глава IX

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ АБСОЛЮТИЗМА

§ 1. ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО И МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Государственный строй России второй половины XVII в. эволюционировал к абсолютизму, т. е. неограниченной и бесконтрольной власти монарха. Советские историки, характеризуя условия возникновения абсолютизма в России, руководствовались известным высказыванием К. Маркса о том, что «абсолютная монархия возникает в переходные периоды, когда феодальные условия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 300).

Этим марксистским постулатом руководствовались многие авторы, не задумываясь над тем, что ни одно из его положений не

приложимо ко времени, когда в России начал складываться, а затем и утвердился абсолютизм. В самом деле, в России второй половины XVII в. отсутствовали признаки упадка феодальных сословий, напротив, их оформило Уложение 1649 г., и признаки их упадка обнаруживаются лишь полтора столетия спустя. Равным образом, историки не располагают сведениями о формировании в это время современного класса буржуазии. В XVII в., когда обнаруживаются первые признаки эволюции государственного строя к абсолютной монархии буржуазия отсутствовала. В России XVII в., как, впрочем, и в Киевской Руси, существовало купечество, функционировал торговый капитал, но современной буржуазии не было даже в зародыше, необходимые для ее появления условия возникают на полтора столетия позже. Из сказанного можно сделать вывод — третье условие возникновения абсолютизма, о котором писал Маркс, рушится само собою: коль феодальные сословия не переживали упадка, а буржуазия отсутствовала, то ни о каком соперничестве между ними и установлении равновесия не может быть и речи. Кстати, этот тезис легко опровергается источниками: ни один из них не подтверждает критики купечеством крепостнических порядков, оно не противостоит дворянству, а требует предоставления себе дворянских привилегий, в частности главной из них — права владения крепостными крестьянами. Выступления купцов в Уложенной комиссии 1767—1768 гг. происходили под лаконично сформулированным С.М. Соловьевым лозунгом: дайте нам рабов!

Вопрос об условиях возникновения абсолютизма в России требует дальнейшего изучения, но уже сейчас с уверенностью можно сказать, что бесполезно искать предпосылки установления этой формы правления в экономике — специфика истории нашей страны состоит в отставании ее экономики от политического устройства. Напомним, решающее влияние на создание единого государства оказала внешняя опасность. Эта же опасность, угроза потерять независимость форсировала утверждение абсолютизма. Угроза со стороны более развитых стран Запада и систематические грабительские набеги с юга вынуждали государство держать в постоянной готовности значительные вооруженные силы, расходы на содержание которых превосходили материальные ресурсы населения. Только неограниченная власть монарха могла принудить население приносить жертвы государству. Имели значение и прочие факторы: огромные размеры территории страны, не прекращавшаяся колонизация, соперничество боярства с основной массой дворян, позволявшее монарху лавировать между ними, городские восстания середины XVII в. и др.

Переход России к абсолютизму прослеживается в разных сферах политической жизни страны: в изменении царского титула, отмирании такого атрибута сословно-представительной монархии, как земские соборы, в эволюции приказной системы, а также состава Боярской думы, в повышении значимости непородных

людей в государственном аппарате, наконец, в победном исходе для светской власти ее соперничества с властью церковной.

Укрепление самодержавия нашло отражение в *титуле*. Вместо прежнего, «государь, царь и великий князь всея Руси», после воссоединения Украины с Россией он стал звучать так: «Божией милостью великий государь, царь и великий князь всеа Великие и Малые и Белые Русии самодержавец». В новом титуле должны быть отмечены два момента: идея божественного происхождения царской власти и ее самодержавный характер.

Теоретические постулаты самодержавия подкреплялись Уложением 1649 г., две главы которого были посвящены соблюдению престижа царской власти и определению мер наказания за все помыслы и действия, наносившие урон как «государевой чести», так и царскому двору. Строго наказывалось любое бесчестье, даже словом, если оно наносилось кому-либо в резиденции царя.

В повседневном обиходе величие царской власти подчеркивалось пышно-торжественными церемониями появления царя перед народом. Использовались все средства для внушения идеи о божественном происхождении царской власти: роскошное убранство помещений, красочность и сказочное богатство одежды, торжественность жестов, походки. Условный ритуал беспредельно господствовал не только в сфере официального представительства, приеме и отпуске послов, но и глубоко проник в будничный быт двора; регламентировалось все — от царской трапезы до отхода ко сну.

Другим свидетельством усиления самодержавия было *падение значения земских соборов*. Пора их расцвета относится к десятилетиям, когда царская власть после потрясения начала столетия нуждалась в активной поддержке сил, на которые она опиралась — широких кругов дворянства и верхушки купечества. На обсуждение земских соборов выносились вопросы, связанные как с внешнеполитическими акциями правительства, так и внутренней жизни страны.

Были годы, когда в напряженной обстановке борьбы с польско-шведскими интервентами и отголосками движений начала века еще не окрепшая верховная власть нуждалась в *почти непрерывной деятельности земских соборов*. Таковы соборы 1613—1615, 1616—1619, 1619—1622 гг. Земские соборы этого десятилетия обсуждали вопросы мобилизации ресурсов для подавления движения казачества, а также введения чрезвычайных налогов в пользу служилых людей, боровшихся с польско-шведскими войсками, и на ликвидацию последствий разорения страны.

Затем в созыве земских соборов наступает десятилетний перерыв и очередные соборы заседали в связи с внешнеполитическими событиями: Смоленской войной (1632 и 1634), обострением отношений с Крымским ханством (1636—1639) и взятием Азова донскими казаками (1642). Два земских собора (1648 и 1650) правительство царя Алексея Михайловича созвало в связи с городскими восстаниями в Москве и Пскове.

Земский собор **1653 г.**, принявший постановление о воссоединении Украины с Россией, считается последним собором полного состава. Это утверждение заслуживает внимания вследствие того, что появились труды, авторы которых открыли множество земских соборов, ранее неизвестных науке. Собор в переводе на современный язык означает совещание. Земскими соборами принято считать совещания с непременным участием в нем трех составных частей или курий: Освященного собора (духовных иерархов), Боярской думы и представителей Земли. Отсутствие одной из курий, прежде всего представителей Земли, лишает права причислять такие совещания к земским соборам, их следует называть просто Соборами.

Угасание этого института в последующие десятилетия выразилось в том, что правительство перешло к практике приглашения на совещания лишь представителей сословий, в мнении которых оно было заинтересовано. К ним относится совещание с торговыми людьми, вызванными в Москву в 1662 г. в связи с финансовым кризисом: правительство пыталось выяснить причины обесценивания денег и вызванного им Медного бунта.

На так называемом «соборном деянии», утвердившем в 1682 г. отмену местничества, присутствовало две курии — Боярская дума, Освященный собор, но отсутствовали выборные от «третьего сословия». В этом тоже нет ничего удивительного, ибо совещание обсуждало акт, важный для служилых людей по отечеству, но не касавшийся посадских и купечества. Указ о созыве последнего Земского собора был опубликован 18 декабря **1683 г.**, в связи с обсуждением условий Вечного мира с Речью Посполитой, но его открытие в связи с продолжением военных действий так и не состоялось, и явившимся в Москву выборным было в марте 1684 г. разрешено отправиться по домам.

Окрепшее самодержавие более не нуждалось в поддержке сословно-представительного органа. Он был оттеснен правительственными учреждениями — приказами, а также Боярской думой, в которой набирали силу дворяне и приказные дельцы.

В *Боярской думе* во второй половине XVII в. прослеживаются двоякого рода изменения: в Думе повышался удельный вес думных дворян и думных дьяков, т. е. людей, проникавших в аристократическое учреждение благодаря личным способностям. В 1653 г. на долю бояр и окольничих приходилось 89% общего числа членов Боярской думы, в 1700 г. удельный вес их снизился до 71%. Дума, таким образом, становилась на путь превращения феодально-аристократического учреждения в более «демократическое».

Второе изменение относится к увеличению численности Боярской думы. Если в 1638 г. в Думу входили 35 членов, то в 1700 г., несмотря на то что Петр I еще в 1694 г. прекратил пожалования в думные чины, Дума насчитывала 94 человека. Следовательно, Дума превратилась в громоздкое учреждение, практически парализованное своей численностью. Именно поэтому Алексей Михайлович создал при ней госу-

дареву комнату, а его сын в 1681 г.— Расправную палату — учреждение, состоявшее из узкого круга лиц, предварительно обсуждавших вопросы, выносимые на заседания Боярской думы.

Существенные изменения претерпела и *приказная система.* XVII в. считается временем ее расцвета. Это была довольно сложная и громоздкая система центральных учреждений, в которой отсутствовали как единые принципы создания приказов, так и четкое распределение функций между ними. Этим объясняется многослойность их классификации.

Существовали постоянные и временные приказы. Последние возникали для решения сиюминутных задач и прекращали существование, как только отпадала в них надобность. К ним относится, например, приказ боярина Н.И. Одоевского, созданный для составления Уложения. Недолговечным был Записной приказ, созданный в 1657 г. для написания истории царствования Алексея Михайловича. Приказ действовал полтора года и прекратил существование в связи со смертью его руководителя. К временным приказам относились также Монастырский приказ, Бархатный приказ и др.

Постоянно действовавшие приказы по чисто формальному признаку, т. е. по их подчиненности, можно разбить на три группы: государственные, дворцовые и патриаршие. Самой многочисленной группой была группа государственных приказов, подразделявшихся по территориальному признаку на общегосударственные и областные (Сибирский, Казанского дворца, Малороссийский, княжества Смоленского).

Число общегосударственных приказов на протяжении столетия оставалось почти неизменным: 25 в 1626 г. и 26 в конце века. К ним относятся Посольский приказ, ведавший сношениями с другими государствами, Разряд, в обязанность которого входил учет служилых людей по отечеству, определение их годности и назначение им жалованья. Наделением служилых людей землей, а также регистрацией земельных сделок дворян ведал Поместный приказ.

Ряд приказов общегосударственного значения выполнял финансовые функции. К ним относится приказ Большого прихода, ведавший сбором таможенных пошлин и приказ Большой казны, управлявший казенной промышленностью и торговлей, а также гостями и торговыми людьми гостиной и суконной сотен. В подчинении этого приказа находились денежные дворы, чеканившие монеты.

Группа военных приказов управляла отдельными родами войск и их вооружением. В ведении Стрелецкого приказа находились стрелецкие полки, а также натуральные и денежные сборы, предназначавшиеся на их содержание. Рейтарский приказ управлял созданными в середине столетия полками нового строя, а Иноземский — служилыми иноземцами. Два приказа ведали изготовлением оружия: Оружейная палата — холодного и ручного огнестрельного, а Пушечный — литьем пушек и ядер к ним.

Дворцовые приказы ведали обширным хозяйством царя. Среди них первостепенное значение имел приказ Большого дворца, управлявшего царскими вотчинами. Казенный приказ ведал хранением вещевой казны, в том числе мягкой рухляди (мехов).

Ряд приказов обеспечивал удовлетворение личных надобностей царя и его семьи. К ним относится Конюшенный приказ, распоряжавшийся выездом царя. В штате приказа находилось множество конюхов и мастеровых: каретников, седельников, сыромятников и др.

Царь Алексей Михайлович увлекался охотой, в его хозяйстве содержались сотни кречетов и охотничьих собак. Ловлей кречетов, их обучением, а также псарнями и организацией охоты ведали два приказа: Сокольничий и Ловчий.

Гардероб царя и царицы находились в управлении Царской мастерской палаты и Царицыной мастерской палаты. В подчинении Царицыной мастерской палаты находилась Кадашевская слобода, жители которой ткали полотно «про царский обиход».

Менее разветвленную сеть имели приказы, находившиеся в подчинении патриарха. Его двор, как и личные потребности, были значительно скромнее. Среди патриарших приказов важнейшими считались Патриарший дворцовый приказ, управлявший вотчинами, и Патриарший казенный приказ, ведавший всем, что относилось к обслуживанию личных нужд патриарха.

На протяжении XVII в. функционировало в общей сложности свыше 80 приказов, из которых к концу столетия сохранилось более 40. Количество приказов увеличивалось, ибо появлялась надобность в управлении новыми отраслями государственного хозяйства: создание полков нового строя вызвало появление Рейтарского приказа, а воссоединение Украины с Россией сопровождалось созданием Малороссийского приказа, возвращение смоленских земель — Смоленского приказа и т. д. Это был естественный процесс, отражавший усложнение социально-экономической и политической структуры общества и соответственно ей — усложнение структуры государственного аппарата. Однако не появление новых приказов означало переход к абсолютизму, а новшества в структуре каждого из них и рост влияния беспородных людей. Если в 1640 г. приказных людей числилось всего 837 человек, то в 1690 г. их стало почти вчетверо больше —2739. Более чем по 400 человек в конце века сидели в Поместном приказе и приказе Большой казны. Штат приказа Большого дворца насчитывал более 200 человек. В остальных приказах сидело от 30 до 100 подьячих. Современник отметил, что подьячих в приказах стало так много, что и «сидеть негде, стоя пишут». Рост числа приказных служителей — свидетельство повышения роли чиновников в управлении государством.

Более важным новшеством в приказной системе было создание таких учреждений, как приказ Тайных дел и Счетный приказ. Приказ Тайных дел отправлял функции контроля за деятельностью остальных приказов, рассматривал подаваемые на имя царя челобитные, ведал царским хозяйством. Он находился в непосред-

ственном ведении царя и не подчинялся Боярской думе. По свидетельству Г. Котошихина, он был создан «для того, чтоб его царская мысль и дела исполнялись все по его хотению, а бояре б и думные люди о том ни о чем не ведали». Контролирующие функции в области финансов выполнял учрежденный в 1650 г. Счетный приказ. Оба приказа прекратили существование после смерти их основателя — Алексея Михайловича. Организация контроля средствами чиновников — один из признаков абсолютизма.

Изменения в *местном управлении* тоже отражали тенденцию к централизации и падение выборного начала. Власть в уездах, а их в стране в середине столетия насчитывалось свыше 250, сосредоточивалась в руках *воевод*, заменивших всех должностных лиц земских выборных органов: городовых приказчиков, судных и осадных голов, губных старост. *Земское управление* сохранилось лишь в Поморье.

Воеводами назначались по традиции отставные военные, многократно участвовавшие в походах, получившие ранения и неспособные нести ратную службу. Служба их считалась «корыстной», т. е. не оплачиваемой государством. Воеводу и его челядь содержало местное население, при вступлении в должность он получал «въезжий корм», а к каждому празднику — приношения; челобитчики тоже поощряли усердие воевод подношениями.

В воеводских канцеляриях (исполнительных органах воеводы) сидели дьяки и подьячие. Общая численность аппарата местных учреждений страны к концу столетия приближалась к двум тысячам человек. Контроль за деятельностью воевод был крайне слабым. Это способствовало процветанию произвола, мздоимства и разнообразных злоупотреблений, в особенности в уездах, отдаленных от центра, например в Сибири.

В XVII в. получают дальнейшее развитие *разряды:* военно-административные округа, возникавшие в пограничных районах. Первый из них — Тульский был создан еще в XVI в. В XVII в. в связи с расширением границ на юг, запад и восток возникли Белгородский, Смоленский, Тобольский и другие разряды. Создавались они и в районах, находившихся в центре страны (Московский, Владимирский и др.), но они оказались недолговечными. Воеводами разрядов назначались бояре, им подчинялись воеводы уездов. Разряды являлись отдаленными предшественниками губерний петровского времени. Права и обязанности воевод разрядов не были определены. Их главная задача состояла в мобилизации сил для отпора неприятелю.

§ 2. ДЕЛО ПАТРИАРХА НИКОНА

В XVII столетии история русской православной церкви ознаменовалась двумя важными событиями: всплеском борьбы за примат духовной власти над светской и возникновением раскола. Оба явления связаны с именем патриарха Никона — человека незауряд-

ного интеллекта и столь же сильного физически. Родился он недалеко от Нижнего Новгорода в мае 1605 г. Начинал карьеру сельским дьячком, а затем священником. В 31 год Никита Минич на Соловках постригся в монахи под именем Никона. В одну из поездок в Москву он был представлен царю Михаилу Федоровичу, а затем Алексею Михайловичу. Благочестивый монах очаровал последнего своей начитанностью, а также житейской мудростью (он был старше царя на 25 лет) и был возведен в сан архиепископа, а в 1649 г. стал Новгородским митрополитом. В Новгороде он прославился милосердием — устроил четыре богадельни, а также приобрел славу блестящего проповедника. Возросло к нему расположение и благосклонность царя в связи с умиротворением им новгородцев, восставших в 1650 г. С этого времени царь стал называть Никона «пастырем, наставником душ и телес», а также «собинным (личным) другом». Уже в эти годы Никон стремится воплотить в жизнь вынашиваемую им идею о превосходстве духовной власти над светской. Будучи в Новгороде, он начал вводить новшества в церковных обрядах: вместо «многогласия», когда одновременно читали и пели, что затрудняло для молящихся понимание происходящего, ввел единогласную службу.

Никону даже удалось внушить царю мысль перевезти мощи одного из мучеников за христианскую правду митрополита Филиппа, задушенного по повелению Ивана Грозного, из Соловков в Успенский собор в Москве. В обращении царя к мощам звучали покаянные слова: «Преклоняю пред тобой сан мой царский за согрешившего против тебя... преклоняю честь моего царства пред твоими честными мощами, повергаю на умоление тебя всю мою власть».

В том же 1652 году, когда Никон отправился за мощами Филиппа на Соловки, умер патриарх Иосиф. Алексей Михайлович прочил в патриархи Никона, но последний, зная, что царь полностью подчинился его властному характеру, выдвинул условия своего вступления на патриаршество: царь во всем должен проявлять ему, Никону, послушание как главному архипастырю.

Реализацию идеи примата церкви над государством Никон начал с наступления на Уложение 1649 г., ограничивавшего рост монастырского землевладения. Вопреки запрету Никон расширял патриаршие владения за счет царских пожертвований и приобретения новых земель. На небывалую высоту он вознес церковное благолепие, его патриаршее облачение, украшенное жемчугом, золотом и драгоценными камнями общим весом в полтора пуда, стоило свыше полумиллиона золотых рублей (на деньги начала XX в.).

Властный, не терпевший возражений патриарх за малейшую провинность сурово наказывал подчиненных церковнослужителей. Более того, беспредельно честолюбивый Никон, пользуясь покровительством государя, бесцеремонно вторгался в светские дела, чем вызывал недовольство бояр; они докладывали ему, как и царю, стоя. В отсутствие царя, отбывшего в 1654 г. на театр военных

действий, он рассылал указы, используя следующий титул: «Указал царь великий князь всея Руси Алексей Михайлович и мы, великий государь и патриарх». До этого патриархи, за исключением Филарета, величали себя «великим господином», а не «великим государем». Никон упорно стремился к осуществлению своей мечты о полном подчинении царской власти патриарху. Царь наконец осознал эту опасность. Восторженное отношение к «собинному другу» сменилось охлаждением, особенно усилившимся после неудачной войны со Швецией, затеянной по настойчивому совету патриарха. По внушению враждебных к Никону бояр, а также бывших друзей патриарха из кружка «ревнителей древнего благочестия», к которому до патриаршества принадлежал сам, царь перестал являться на богослужения, отправляемые патриархом. Никон, закусив удила, продолжал гнуть свою линию, надеясь сломить волю слабохарактерного монарха: патриарх на продолжительное время уезжал в Новый Иерусалим — храм, сооруженный по его повелению, являвшийся точной копией подлинного храма в Иерусалиме, отличавшийся роскошным убранством. Он совершал шаги, один рискованнее другого.

Однажды Никон после службы в Успенском соборе облачился в простую монашескую одежду и присутствовавшей пастве огласил: «От сего времени не буду вам патриархом» — и отправился в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Никон полагал, что царь станет униженно просить его не покидать патриаршества. Этого, однако, не случилось. Царь ограничился тем, что справился у Никона, для чего патриаршество оставляет, затем сдержанно просил не покидать трон и, наконец, обратился с просьбой дать благословение на замещение патриаршего места Крутицким митрополитом Питиримом.

Никон понял, что поединок с царем он проигрывает, и решил проявить смирение, согласившись, чтобы патриархом стал митрополит Крутицкий и подписался в письме к царю в 1658 г. так: «Смиренный Никон, бывший патриарх». В действительности Никон вовсе не собирался стать «бывшим патриархом». Это был тактический шаг, рассчитанный на восстановление прежних отношений с царем путем выражения покорности.

Царь, однако, решился на избрание нового патриарха. Когда Никон уяснил для себя, что примирение с царем невозможно, он в 1660 г. заявил, что не отказывался от патриаршества, а четыре года спустя, в декабре 1664 г., дал знать, что считает себя патриархом, — он неожиданно для всех появился в Успенском соборе, откуда отправил послание царю, в котором, в частности, писал: «Сошел он с престола никем гоним, а ныне пришел на свой престол никем зовом». Примирения не состоялось и на этот раз: царь созвал находившихся в Москве архиереев и, опираясь на их мнение, велел Никону возвращаться в Новый Иерусалим.

После этого демарша Никон убедился в невозможности вернуть себе патриаршество, согласился отречься от сана, но просил сох-

ранить за ним три монастыря со всеми владениями и привилегиями, а также право назначать в эти монастыри всех духовных лиц.

Дело Никона приобрело затяжной характер вследствие того, что он был поставлен на патриаршество Вселенским собором, к созыву которого немало усилий приложил сам царь. Вселенский собор должен был и лишить его патриаршества. Именно поэтому Алексей Михайлович до 1663 г. не отваживался предъявить Никону решение Московского собора, принятого еще в 1660 г. и лишавшего его и патриаршества, и священства. Никон не принял этого постановления, и царю ничего не оставалось, как пригласить в Москву вселенских патриархов.

Вызов и приезд вселенских патриархов в Москву потребовал продолжительного времени, и суд над Никоном начался 6 декабря 1666 г. Обвинительную речь против патриарха произнес сам царь. 12 декабря собор объявил приговор: Никона обвинили в том, что он досаждал государю, вторгался в дела, не подведомственные патриарху, отречением от патриаршества бросил паству на произвол судьбы, препятствовал избранию нового патриарха, глумился над архиереями, поносил греческих патриархов и др.

Собор низвел Никона до простого монаха и определил место ссылки — Ферапонтов монастырь. Непокорный Никон не проявил смирения. В декабре 1666 г. его заточили, как он выразился, в кельи «смрадные и закоптелые». Нелегко жилось привыкшему к роскоши Никону, он постоянно «докучал» царю жалобами: то требовал, чтобы доставляемая ему рыба привозилась живой, то выражал недовольство, что прислали «одних грибов таких негодных и с мухоморами, что и свиньи есть их не станут», то негодовал, что к нему «прислан портной швечишка неумеющий». Не могут не вызвать сочувствия слова, адресованные Никоном царю в 1672 г.: «Теперь я болен, наг и бос. Со всякой нужды келейной и недостатков оцынжал, руки больны, левая не подымается, на глазах бельма от чада и дыма, из зубов кровь идет смердящая, и они не терпят ни горячего, ни холодного, ни кислого. Ноги пухнут...» Царь Алексей Михайлович несколько облегчил условия жизни опального патриарха и перед смертью даже просил у него прощения.

При царе Федоре Алексеевиче гонения на Никона усилились, он был переведен в Кириллов монастырь и заточен в такую же дымную келью, как и в Ферапонтовом монастыре. Впрочем, царь Федор, вопреки желаниям противников Никона, велел перевезти опального патриарха в Воскресенский монастырь. В дороге Никон скончался 17 августа 1681 г.

Внешне взаимоотношения царя и патриарха выглядят ссорой двух несхожих по характеру лиц — властного и сурового Никона и слабовольного молодого Алексея Михайловича, который, взрослея, стремился освободиться от назойливой опеки духовного пастыря. Бывшие друзья постепенно превратились в непримиримых врагов.

Эта тяжба, однако, имела глубокий смысл и по своей сути отражала борьбу двух противоположных начал и должна была

завершиться победой либо светской, либо духовной власти, т. е. решить вопрос, станет ли Россия светским или теократическим государством. Должно со всей определенностью заявить, что реальная угроза для России превратиться в теократическое государство отсутствовала. Посягательства Никона на светскую власть основывались не на праве или обычае, а на личных отношениях царя с патриархом. Поэтому претензии Никона были исчерпаны вместе с благоволением к нему царя.

Глава X

СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

§ 1. ГОРОДСКИЕ ВОССТАНИЯ. УЛОЖЕНИЕ 1649 г.

XVII столетие современники не случайно назвали бунташным веком — именно на это столетие падают два массовых движения, городские восстания середины столетия, Медный бунт 1662 г. в Москве и два стрелецких бунта последней четверти века.

Городские восстания середины XVII в. охватили многие города страны. Среди них первенствующее значение имело восстание **1648 г.** в Москве, прежде всего потому, что оно развернулось в столице государства. Своеобразие этого восстания состояло в том, что оно завершилось удовлетворением требований, предъявленных участниками движения. Другой особенностью выступления в Москве было участие в нем разнородных слоев населения столицы: посадских людей, стрельцов и дворян.

Недовольство посада и стрельцов вызвала финансовая реформа правительства боярина Б.И. Морозова. Этот «дядька» царя, породнившийся с ним женившись на сестре его супруги, вздумал пополнить казну заменой прямых налогов косвенными: в 1646 г. вместо взимания стрелецких и ямских денег было решено обложить дополнительной пошлиной соль. Но реформа не достигла цели, она вызвала резкое недовольство низших слоев населения и сокращение потребления соли. Неудачу реформы признало и правительство, в конце 1647 г. отменило соляной налог и вернулось к прежней налоговой системе, причем стало нещадно взыскивать образовавшуюся недоимку по прямым налогам.

Посадское население считало занятие торговлей и промыслами своим исключительным правом. Между тем в Москве находилось немало ремесленников, принадлежавших крупным светским и духовным феодалам. Они жили в так называемых белых слободах, не несли посадских повинностей и составляли серьезную конкуренцию ремесленникам черных слобод. Чернослободчики требовали ликвидации белых слобод и уравнения их жителей в правах и обязанностях со всем остальным посадским населением.

Свои претензии к правительству предъявляли и широкие круги дворянства — они давно домогались неограниченного срока сыска беглых крестьян. Первую челобитную с требованием отмены урочных лет для сыска беглых и перенесения судебного разбирательства по исковым челобитным из Москвы в провинцию дворяне подали еще в 1637 г. Челобитчики жаловались на произвол «сильных людей», на невозможность найти на них управу, на то, что они «волочат нас московскою волокитою». Эти требования были повторены в дворянских челобитных 1641 и 1645 гг. Результаты домогательств были скромными — дворянам удалось добиться лишь увеличения срока сыска беглых с 5 до 10 лет.

Поскольку реальная власть находилась в руках бояр, отнюдь не заинтересованных не только в отмене урочных лет, но и в удлинении срока сыска беглых потому, что, как правило, именно в их владения устремлялись беглецы из поместий мелких и средних феодалов, то они не спешили удовлетворить требования дворян.

На позицию правительства в вопросе о сыске беглых оказывали влияние и интересы государства, обладавшего громадной независимостью и преследовавшего в некоторых случаях цели, не совпадавшие с чаяниями широких слоев дворянства. Один из потоков беглых устремлялся в южные уезды страны. Вернуть оттуда беглых значило оголить южную границу и создать условия для безнаказанных набегов крымских татар.

1 июня 1648 г. возвращавшемуся с богомолья царю москвичи хотели подать челобитную, но стрельцы разогнали толпу. На следующий день горожане ворвались в Кремль и, не поддаваясь уговорам бояр, патриарха и царя, вновь пытались вручить челобитную, но бояре, разорвав в клочья, бросили ее в толпу челобитчиков. Морозов велел стрельцам выгнать толпу из Кремля, но те отказались повиноваться.

2 июня были разгромлены дворы боярина Морозова, окольничего П.Т. Траханиотова, гостя Василия Шорина и думного дьяка Назария Чистого, который при этом был убит. Восставшие потребовали выдачи начальника Земского приказа Леонтия Плещеева и его покровителей Морозова и Траханиотова.

В Кремле решили пожертвовать Плещеевым, который 4 июня был выведен палачом на Красную площадь и растерзан толпой. На следующий день казнили и Траханиотова. Царю удалось спасти лишь Морозова, срочно отправив его в ссылку в Кирилло-Белозерский монастырь.

В ходе восстания сложился временный союз посадских людей столицы, служилых людей по отечеству и стрельцов. Его участники потребовали от правительства созыва экстренного Земского собора. 16 июля на Земском соборе было принято решение о необходимости составить новое уложение. Оно было выработано комиссией, возглавляемой кн. Н.И. Одоевским и **1 сентября 1649 г.** утверждено Земским собором.

Возникновение Уложения 1649 г. связано не только с городским

восстанием, но и процессами, протекавшими в обществе: почти за столетие, отделявшее новый законодательный акт от Судебника 1550 г., было обнародовано 445 новых указов: некоторые из них отменяли статьи Судебника или им противоречили, иные возникли в связи с новыми потребностями общества.

Уложение 1649 г.— универсальный кодекс феодального права, не имевший аналогов в предшествующем законодательстве, он устанавливал нормы во всех сферах жизни общества — социальной, экономической, административной, семейной, духовной, военной и т. д. Одновременно Уложение определяло меры наказания за нарушение этих норм. Универсальность обеспечила ему долгую жизнь: хотя некоторые статьи его и были отменены, но оно действовало до 1826 г., когда его нормы использовали во время суда над декабристами.

Уложение состоит из 25 глав, в каждой из которых сгруппированы статьи по какой-либо теме. Общее количество статей —967.

Памятник открывается главой «О богохульниках и церковных мятежниках». В ней светская власть берет под защиту соблюдение чистоты веры, подвергая богохульников жесточайшей каре — сожжению на костре. Статьи главы грозят наказанием молящимся за нарушение порядка и благочинности в храмах. В церкви надлежало «стоять и молиться, а не земная мыслити», запрещались разговоры, подача челобитных и действия, мешавшие отправлению службы. В то же время Уложение ущемляло интересы церкви, ликвидируя ее прежние привилегии и усиливая ее подчинение светской власти. Обе тенденции отражены в двух специальных главах («О суде патриарших приказных и дворовых всяких людей и крестьян» и «О монастырском приказе» — главы XII и XIII), а также в некоторых статьях XI и XIX глав.

Церковь в конце XVI в. владела третью земельного фонда страны. Экономическое могущество духовных феодалов подкреплялось их некоторыми иммунитетными правами, например автономным управлением. Уложение сохранило автономию в управлении лишь патриаршими владениями, а население всех остальных вотчин передавало в юрисдикцию специально созданному Монастырскому приказу, являвшемуся светским учреждением.

Наибольший протест церковных иерархов вызывали три статьи XVII главы, запрещавшие передавать вотчины в монастыри при пострижении в монахи и в епархии на помин души. Уложение таким образом перекрывало источники роста церковного и монастырского землевладения. Удар по экономическому благосостоянию епархий и монастырей наносили статьи XIX главы, ликвидировавшие на посадах белые слободы и институт закладчиков. Именно по этим причинам Уложение вызвало резкое осуждение патриарха Никона.

К важнейшим в законодательном акте относятся главы, определяющие сословную структуру общества. Глава XI «Суд о крестьянах» удовлетворила требование дворян о праве на бессрочный сыск беглых. Тем самым отменялись урочные лета и крестьяне с их

потомством становились навечно собственностью помещиков, дворцового ведомства и духовных владельцев. Статьи главы предусматривали размер штрафа (10 руб. в год) за прием и держание беглых, процедуру передачи их законным владельцам, судьбу прижитых в бегах детей, а также имущества, устанавливали порядок выдачи замуж за крестьян, принадлежавших другим помещикам, наставляли, как поступать в случаях, когда беглый крестьянин изменил имя, и т. д.

Если глава XI навечно прикрепляла крестьян к землевладельцу, то глава XIX распространяла крепостнические отношения на посадское население — она навечно прикрепляла посадского человека к посаду. Одна из главных норм главы — ликвидация белых слобод, принадлежащих крупным светским и духовным феодалам, население которых было освобождено от выполнения посадских повинностей. Сословная привилегия посадского населения — монополия на занятия торгами и промыслами. Крестьянам, доставившим в город продукты своего хозяйства, разрешалось продавать их только с возов и стругов. Глава определяла порядок комплектования посада торгово-промысловым населением: возвращали на посад по «старине», т. е. лиц, ранее в нем живших, по родству и по роду занятий. Уложение обязывало посадских заниматься торгами и промыслами, ибо то и другое являлось источником финансовых поступлений в казну.

Правам и обязанностям дворян (служилых людей по отечеству) посвящены две специальные главы (XVI и XVII), о них прямо или косвенно речь шла и во многих других главах, (например в XI, XII и др.). Главы «О поместных землях» и «О вотчинах» до мельчайших подробностей излагают порядок обеспечения служилого человека землей в форме поместий и вотчин, определяют размер пожалования поместьем в зависимости от принадлежности к той или иной прослойке служилого сословия: боярину отводилось 200 четвертей, в то время как провинциальному дворянину —70. В главах четко прослеживается стирание граней между поместьем и вотчиной. Главное отличие между ними состояло в том, что последняя являлась наследственным владением, в то время как первая — пожизненным. Прекращение службы теоретически влекло за собой изъятие поместья. Поэтому каждый владелец поместья стремился превратить ее в вотчину. Уложение удовлетворяло это желание: оно разрывало непосредственные связи и зависимость службы от владения поместьем — поместья оставлялись «в пожить» дворянам, лишенным возможности продолжать службу по старости или состоянию здоровья. Определение доли поместной земли, причитавшейся вдовам, сыновьям, не достигшим возраста, с которого начиналось несение службы, а также дочерям, следует тоже считать показателем стирания различий между поместьем и вотчиной.

Значение Уложения в истории России выходит за рамки оформления крепостного права, выразившегося в отмене урочных лет сыска беглых и ликвидации белых слобод. Едва ли не самый важный результат этого законодательного акта состоял в оформлении сос-

ловной структуры общества, в определении прав и обязанностей каждого из четырех сословий: духовенства, дворян, посадских и крестьян. В наибольшем выигрыше оказались дворяне, что они прекрасно понимали. Не случайно дворяне требовали от правительства неукоснительного исполнения норм, зарегистрированных в «Крепостном уставе», как они называли Уложение 1649 г.: «И чтоб в твоей государевой державе все люди Божии и твои государевы, каждо от великих и четырех чинов, освященный и служивый, и торговый и земледелательный, в своем уставе и в твоем царском повелении твердо и непоколебимо стояли, и ни един бы ни от единого ничим ни обидим был, и кийждо людие по заповеди Божии от своих прямых трудов питалися».

Крепостнический режим столетиями оказывал пагубное влияние на менталитет русского человека. Крепостным крестьянам он прививал рабское послушание, сковывал личную инициативу и предприимчивость, порождал двоякое отношение к труду при обработке, например, барской и собственной пашни, прививал желание присвоить барское имущество.

Крепостное право пагубно влияло и на помещика: оно приучало барина к лености, освобождало его от забот по добыванию средств к существованию, поскольку ими его обеспечивал крепостной крестьянин, приучало барина к безнаказанности за чинимый произвол, культивировало лесть, угодничество и раболепие, поскольку у дворян существовала своя иерархия зависимости: рядовой дворянин — воевода — вельможа — царь. Спина барина, как и спина крепостного крестьянина, не освобождалась от соприкосновения с кнутом. Достойно удивления, как при этих неблагоприятных условиях русский человек приобщался к цивилизации, проявляя упорство в преодолении трудностей, порожденных крепостничеством, и занял достойное место в семье европейских народов.

Проведенное правительством так называемое *посадское строение* обеспечило прирост по стране посадского населения на одну треть с 31 567 до 41 662 дворов. Посадская реформа способствовала развитию товарно-денежных отношений. Поскольку реформа проводилась феодальным государством, в ней проявлялись черты, сдерживавшие разложение посадского населения: каждый житель посада был закреплен за посадской общиной и тяглом, под которым подразумевались не только денежные платежи, но и выполнение разнообразных служб в пользу государства, отвлекавших купцов и промысловиков от их занятий. Непоследовательность в проведении реформы проявилась и в том, что далеко не все белые слободы, принадлежавшие духовным феодалам, были ликвидированы: светская власть накануне проведения церковной реформы стремилась не обострять отношений с церковными иерархами.

Восстание в Москве приобрело большой резонанс — волна движений летом 1648 г. охватила многие города: Козлов, Соль Вычегодскую, Курск, Устюг Великий и др. В южных городах (Козлов, Курск), где посады были немногочисленными, главной

силой движения выступали мелкие служилые люди, боровшиеся против засилья стрелецких начальников, в то время как в городах Приморья, где жизнь в посадах протекала более интенсивно, опорой движения, направленного против воевод и богатых купцов, были посадские люди.

Самые упорные и продолжительные восстания развернулись в **1650 г.** в Пскове и Новгороде. Поводом к восстанию послужило резкое повышение цен на хлеб, вызванное обязательством правительства поставить Швеции зерно в счет компенсации за перебежчиков с территорий, захваченных шведами. Закупки зерна взвинтили цены, что вызвало волнения сначала в Новгороде, а затем и в Пскове. В обоих городах власть перешла в руки земских старост. Если, однако, выборные власти в Новгороде не проявили ни стойкости, ни решительности и открыли ворота карательному отряду кн. И.Н. Хованского, то псковичи отказались повиноваться карателям, в город их не впустили и оказали вооруженное сопротивление.

Началась трехмесячная осада Пскова (июнь — август 1650 г.). Полновластным хозяином города стала Земская изба, распределявшая среди горожан хлеб, изъятый из боярских житниц. Она же осуществляла конфискацию имущества у некоторых богатеев.

Правительство поддалось панике: в Москве был созван экстренный Земский собор, утвердивший состав делегации для уговора псковичей. Они прекратили сопротивление только после того, как добились прощения всем участникам восстания, в том числе и пятерым «заводчикам» во главе с Гавриилом Демидовым, руководившим Земской избой.

Восстание в Москве в **1662 г.**, известное под названием Медного бунта, было связано с затянувшейся русско-польской войной, вызвавшей серьезные финансовые затруднения. Чтобы выпутаться из них, правительство встало на путь строгого взыскания накопившихся за прошлые годы недоимок и выпуску медных денег.

Денежная реформа вызвала катастрофическое падение курса медного рубля: в начале 1662 г. за рубль серебра платили 4 медных рубля, 1 сентября серебряный рубль стоил уже 9 руб., а в середине 1662 г.— 15 медных рублей. От резко обесценивавшихся медных денег страдали прежде всего люди, получавшие денежное жалованье, солдаты и стрельцы, а также ремесленники и мелкие торговцы.

25 июля раздался набат, и возбужденная толпа посадских, солдат и стрельцов двинулась в Коломенское, где находился царь, с требованием выдачи бояр. В самой Москве восставшие громили дворы бояр и богатых купцов, причастных к денежной реформе.

Царь срочно вызвал в Коломенское верные стрелецкие полки, велев им «тех людей бити и рубити до смерти». Жертвами свирепой расправы с беззащитными людьми стали многие сотни находившихся в Коломенском, часть из которых, преследуемая стрельцами, утонула в реке. Три стрелецких полка, оказавших столь важную услугу царю, стали своего рода гвардией и в последующие годы пользовались разнообразными царскими пожалованиями.

§2. ДВИЖЕНИЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ С.Т. РАЗИНА

Скоротечный Медный бунт явился еще одним свидетельством кризисного состояния страны. Вершиной его выражения стало движение под предводительством донского казака С.Т. Разина. С этого времени в роли предводителей крупных движений выступали представители донского казачества.

Донская вольница издавна привлекала беглых из южных и центральных уездов Российского государства. Правительство, нуждаясь в услугах донских казаков, избегало конфликтов с ними и мирилось с неписаным законом: «С Дона выдачи нет», т. е. беглых крестьян не возвращали их владельцам. Мирилось правительство и с правом донских казаков на внешние сношения с ближайшими соседями — крымцами и калмыками. Правительство вынуждено было мириться и с походами казаков за «зипунами», усложнявшими отношения России с крымцами и Османской империей.

Таким образом, казаки отличались от крестьян и по роду занятий, и тем, что они не несли повинности в пользу помещика и государства, а, наоборот, получали от последнего жалованье, и, наконец, тем, что они были воинами.

Во второй половине XVII в. возможностей для похода «за зипунами» стало значительно меньше: после ухода казаков из Азова, которым они владели пять лет **(1637—1642),** османы так его укрепили, что практически лишили их выхода в Азовское и Черное моря.

Потерпев неудачу в попытке прорваться в Азовское море через османский заслон в Азове, Разин в **мае 1667 г.** во главе отряда в тысячу человек отправился на Волгу, где сначала нападал на караваны судов, а затем в июне, миновав Астрахань, вышел в море, поднялся по реке Яик в Яицкий городок и овладел им. Перезимовав там, разинцы, захватив с собой артиллерию, двинулись на стругах к западным берегам Каспийского моря, где совершали успешные набеги на владения иранского шаха.

Зиму 1668—1669 гг. разинцы провели на Свином острове близ Гиляна. Здесь они разгромили флот, снаряженный против них иранским шахом, но должны были покинуть остров и держать путь к родным берегам. В августе 1669 г. Разин с казаками высадился в Астрахани.

Появление разинцев в Астрахани произвело на ее жителей неизгладимое впечатление. Сам Разин предстал удачливым атаманом, прибывшим с богатой добычей. Рядовые казаки щеголяли по городу в бархатной, шелковой одежде, струги были оснащены витыми из шелка канатами и шелковыми парусами. Разин щедро раздавал населению золотые монеты.

4 сентября 1669 г. Разин отправился на Дон, где был встречен с триумфом. Здесь он занялся подготовкой нового похода, на этот раз не за зипунами, а против «изменников бояр». Путь его должен

был проходить тоже по Волге, но не на юг, а на север. В походе Разина в **1670 г.** наряду с казаками, русскими крестьянами участвовали народы Поволжья: мордва, татары, чуваши и др.

13 апреля 1670 г. 7-тысячный отряд Разина подошел к Царицыну и без труда овладел им.

Во время пребывания в Царицыне разинцы одержали две важные победы, поднявшие их престиж: сначала над стрельцами, направленными правительством из Москвы, а затем над стрельцами, двигавшимися под начальством кн. Семена Львова из Астрахани. Астраханские стрельцы перешли к Разину.

Разин продолжал двигаться к Астрахани и 22 июня начал приступ. Мощные стены кремля с расставленными на них 400 пушками могли оказаться неприступными, но астраханцы открыли ворота. Лишь небольшая группа начальных людей во главе с воеводой кн. Иваном Прозоровским, укрывшись в соборе, оказала сопротивление, но была перебита.

Из Астрахани огромное войско Разина вновь прибыло в Царицын, где было решено двигаться вверх по Волге. Саратов и Самара добровольно перешли на сторону восставших. Разин обратился к населению Поволжья с «прелестными письмами», в которых призывал примкнуть к восстанию и «выводить» изменников, т. е. бояр, дворян, воевод и приказных. 4 сентября Разин подступил к Симбирску и почти месяц упорно его осаждал.

Разбушевавшиеся пьяные толпы разинцев вели разгульную жизнь, сопровождавшуюся обильным пролитием крови: лишали жизни воевод, служилых людей по отечеству, приказных людей, стрелецких голов, а также стрельцов, не пожелавших примкнуть к движению. Милосердие не проявляли и правительственные войска — они предавали смерти всех, кто остался в живых на поле сражения; такая же участь постигала почти всех разинцев, оказавшихся в плену: их без суда вешали, рубили саблями. Обоюдная жестокость, проявление звериных инстинктов, надругательства над женами и дочерьми подрывали нравственные устои общества, нарушали главную христианскую заповедь — не убий. Примером свирепой расправы над побежденными может служить сожжение на костре старицы Алены.

Походы Разина за зипунами, ограбление им населения побережья Каспийского моря, бесспорно, носили разбойный характер и к социальному протесту отношения не имели. Это было движение казачьей вольницы. На следующем этапе, быть может и не очень четко, но все же прослеживается социальный аспект движения, хотя не исчез и разбойный его характер: разинцы грабили дворян, воевод и начальных людей, купеческие и казенные караваны, следовавшие по Волге, казну монастырей, помещичьи усадьбы и даже крестьянские дворы. Грабежи наносили огромный ущерб хозяйству страны, противостояние уносило десятки тысяч человеческих жизней.

Ради чего все это происходило, какие цели преследовали участвовавшие в движении крестьяне и народы Среднего Поволжья?

Они, конечно же, имели основания для выступлений — в стране усиливался крепостной гнет, власть помещика и правительственной администрации. Но на поставленный выше вопрос должного ответа сохранившиеся документы не дают, как не отвечают на него ни Разин, ни его соратники.

Напуганное правительство объявило мобилизацию столичного и провинциального дворянства. 28 августа 1670 г. царь напутствовал 60 тыс. служилых людей по отечеству, державших путь в Среднее Поволжье.

Между тем ратные люди во главе с воеводой кн. Иваном Милославским засели в Симбирском кремле и выдержали четыре штурма повстанцев. 3 октября к Симбирску из Казани подошли правительственные войска под начальством Юрия Барятинского и после нанесенного Разину поражения соединились с ратными людьми Милославского. Разин ушел на Дон, чтобы собрать новое войско, но был схвачен домовитыми казаками и выдан правительству.

Конечной целью похода Разина было овладение Москвой, где разинцы намеревались побить бояр, дворян и детей боярских. А что дальше? Судя по практическим действиям, Разин и его соратники считали идеальным установление казачьего уклада жизни. Но это была утопия, ибо кто должен был обрабатывать пашню, обеспечивать казаков хлебным и денежным жалованьем, кто должен был компенсировать доход, получаемый казаками от походов за зипунами? Те же крестьяне. Поэтому движение Разина могло завершиться не сменой общественных отношений, а сменой лиц в привилегированном слое общества, его составе.

Восстание потерпело неудачу. Тому причиной была стихийность и слабая организованность движения, отсутствие четких целей борьбы. Толпы плохо вооруженных людей не могли противостоять правительственным войскам, прошедшим военную подготовку.

Движение носило царистский характер — в глазах восставших «хороший» царь ассоциировался с именем не царя Алексея Михайловича, а его сына Алексея, умершего незадолго до того. Это не помешало им иметь в своей флотилии два струга: в одном из них, обитом красным бархатом, будто бы находился царевич Алексей Алексеевич, а в другом, обитом черным бархатом,— пребывавший в ссылке бывший патриарх Никон.

4 июня **1671 г.** Разин был доставлен в Москву и два дня спустя казнен на Красной площади. Церковь предала его анафеме. Правительство торжествовало победу. В то же время имя удачливого атамана Разина превратилось в легенду — народная память сохранила о нем множество песен и былин.

§ 3. РАСКОЛ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Кризис социальный сопровождался кризисом идеологическим, охватившим сферу религиозных воззрений. Он обострился в связи со стремлением части церковников восстановить единство церков-

ных обрядов и содержания богослужебных книг. Поскольку в те времена религия рассматривалась прежде всего как совокупность обрядов, то унификация и регламентация обрядовой практики имела большое значение.

Истоки религиозного кризиса относятся к 40-м гг. XVII в., когда в Москве сложился *Кружок ревнителей древнего благочестия,* группировавшийся вокруг царского духовника Стефана Вонифатьева. В него входили будущие враги — Никон и Аввакум, а также настоятель Казанского собора в Москве Иоанн, костромской протопоп Даниил, царский постельничий Федор Ртищев и др.

Ревнители пытались решить три задачи: они выступали против произвольного сокращения церковной службы, достигавшегося введением многогласия, а также беспорядков во время богослужения; в программу ревнителей входило обличение таких пороков, укоренившихся среди духовенства, как пьянство, разврат, стяжательство и т. д.; наконец, они пытались противодействовать проникновению светских начал в духовную жизнь населения.

Программа ревнителей соответствовала и интересам самодержавия, шедшего к абсолютизму. Поэтому царь Алексей Михайлович тоже выступал за исправление богослужебных книг и унификацию церковных обрядов.

Единство взглядов было нарушено, когда зашла речь о выборе образцов, по которым надлежало производить исправления. Одни считали, что за основу должны быть положены древнерусские рукописные книги, не подвергавшиеся, подобно греческим, после падения Византии изменениям. Выяснилось, однако, что совершенно одинаковых текстов в древнерусских книгах не было. Именно поэтому, считали другие, за образец книг следует взять греческие оригиналы. Первой точки зрения придерживался Аввакум, второй — Никон.

Обоих уроженцев Нижегородского уезда природа наделила недюжинным умом, огромным честолюбием, властным характером, фанатичной верой в правоту своих взглядов и нетерпимостью к мнению других. Никон преследовал инакомыслящих во время своего патриаршества. Аввакуму, не обладавшему властью, оставалось лишь грозить своим противникам «перепластать» их «во един день», и прежде всего Никона,— «того собаку разсекли бы начетверо, а потом бы никониян тех».

Сын мордвина-крестьянина, Никон совершил головокружительную карьеру от священника до патриарха, которым стал в 1652 г. Сразу же он начал энергично проводить церковную реформу, одобренную церковными соборами с участием восточных патриархов. Наиболее существенные новшества коснулись церковных обрядов. Никон заменил обычай креститься двумя пальцами троеперстием, велел произносить слово «аллилуйя» не дважды, а трижды, двигаться вокруг аналоя не по солнцу («посолонь»), а против него. Изменениям подверглась и одежда священно-

служителей и монахов. В самом тексте богослужебных книг произведены замены одних слов другими, по сути равнозначными. Так «певцы» заменены «песнопевцами», «вечное» — «бесконечным», «видевшие» — «узревшими» и т. д.

Поначалу споры между ревнителями и сторонниками реформы носили келейный характер и не выходили за рамки богословских рассуждений узкого круга лиц. Но, став патриархом, Никон круто порвал с кружком ревнителей и выслал их из Москвы. Был сослан в Сибирь и Аввакум.

Вслед за Никоном с ревнителями порвал и царь. На первых порах он не вмешивался в проведение реформы. Но после того, как Никон оставил патриаршество, царь стал продолжателем дела, начатого патриархом. Надежды ревнителей на то, что с уходом Никона прекратятся «мудрования», не оправдались. Церковный собор **1666—1667 гг.** объявил проклятие всем противникам реформы, предал их суду «градских властей», которые должны были руководствоваться статьей Уложения 1649 г., предусматривавшей сожжение на костре всякого, «кто возложит хулу на господа Бога». В разных местах страны запылали костры, на которых гибли ревнители старины. Подвижнической смерью погиб и протопоп Аввакум. После многолетнего заточения в земляной тюрьме он был сожжен на костре в **1682 г.**

После собора 1666—1667 гг. споры между сторонниками и противниками реформы были перенесены в гущу народных масс и чисто религиозное движение приобрело социальную окраску. Силы споривших между собой никониан и старообрядцев были неравны: на стороне никониан находилась церковь и государственная власть, в то время как их противники располагали только одним средством нападения и защиты — словом.

Старообрядчество — сложное движение как по составу участников, так и по существу. Общим лозунгом был возврат к старине, протест против всех новшеств. Однако различные социальные группы вкладывали в понятие «старины» неодинаковое содержание.

Трудовые массы были безразличны к троеперстому или двоеперстому крещению, но их пониманию была доступна мысль, что государственная власть, обрушившая на расколоучителей суровые кары, утвердила Уложение 1649 г., жестоко расправилась с выступлением городских низов, организовала сыск беглых с целью возвращения их помещикам, в крови утопила крестьянскую войну. Старообрядцы боролись против дворянского государства, посягавшего на весь уклад веками сложившейся жизни, и этого было достаточно, чтобы вызвать сочувствие низов.

Проповеди расколоучителей находили отклик и у стрельцов, так как они связывали со стариной вольготную службу в столице, жизнь, не обремененную походами, широкое участие в торгах и промыслах.

В рядах раскольников было немало представителей черного и

белого духовенства. У них старина ассоциировалась с привычным выполнением обрядов, заученными молитвами и т. д.

Среди старообрядцев встречаются и имена бояр. Для них старина означала возврат к боярскому самовластию, отрицание государственной централизации, протест против формировавшегося абсолютизма.

На длительном пути своего существования старообрядчество являлось то знаменем открытой вооруженной борьбы с самодержавием, то символом не только пассивного непротивления злу, но и самоуничтожения, выразившегося в массовых «гарях» (самосожжениях) последней четверти XVII в. Старообрядцы упорно сопротивлялись европеизации России, безнадежно цепляясь за такие символы старины, как борода и длиннополое платье. В то же время в действиях старообрядцев, уклонявшихся от переписей и от выполнения повинностей в пользу феодального государства, нетрудно разглядеть социальные мотивы.

Примером перерастания религиозной борьбы в социальную является Соловецкое восстание **1668—1676 гг.** Началось оно с того, что «царские нищие богомольцы» наотрез отказались принять исправленные богослужебные книги. Правительство решило укротить непокорных монахов путем блокады монастыря и конфискации его владений на материке. Монастырь, однако, располагал богатыми запасами продовольствия, и его осада присланными стрельцами не принудила осажденных к сдаче — высокие и толстые стены надежно защищали монахов и трудников от штурмов. К тому же ряды восставших пополнялись разинцами, прибывавшими в монастырь после подавления крестьянской войны.

Под влиянием мирских людей восстание, зародившееся на религиозной почве, приобрело политическую окраску — монастырский собор 1674 г. вынес постановление, «чтоб за великого государя богомолье отставить». На этом же соборе было решено «стоять и биться против государевых людей» до смерти.

Неизвестно, сколь долго продолжались осада и безуспешные штурмы, если бы среди осажденных не оказался предатель-перебежчик, указавший в 1676 г. тайный лаз. Монахи и трудники ожесточенно сопротивлялись: из 500 защитников монастыря в живых осталось только 60.

Современники с полным на то основанием считали XVII в. «бунташным», причем большинство выступлений народных масс падает на время правления царя Алексея Михайловича. В то же время за этим царем закрепилась репутация «тишайшего».

В последнее время ученые установили, что понятие «тишайший» означает не черту характера царя, а цель его правления — идеалом властвования любого монарха во все времена считались покой и тишина. В этом смысле реальный ход событий в царствование Алексея Михайловича вступал в вопиющее противоречие с преследуемыми им целями.

Обстоятельную характеристику личности царя Алексея Михай-

ловича дали знаменитые историки С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и С.Ф. Платонов. Они отзывались о нем с теплотой и относились с большой симпатией. Царь был вспыльчивым, но отходчивым, благожелательным и бережливым, любил раздавать милостыню сирым и убогим, умел сопереживать страданиям и радостям близких людей. Они отмечали его глубокую религиозность, строгое соблюдение им постов, превосходное знание порядка церковной службы и отбивание тысячи поклонов во время утренней или вечерней молитвы. Это был образцовый семьянин и добродетельный христианин.

Отмечая общность оценки царя Ключевским и Платоновым, надо отметить одно существенное отличие. У Платонова Алексей Михайлович выглядит безукоризненно и однозначно положительным человеком. У Ключевского есть важная оговорка: личность царя оставила у него приятное впечатление, но только не на престоле. В самом деле, умение сочинять вирши, самозабвенно отбивать поклоны, быть верным супругом относятся к добродетелям частного лица, но их совершенно недостаточно для государственного деятеля, хотя, конечно, этого рода достоинства оказывали несомненное влияние на поступки царя. Главным критерием при оценке государственного деятеля, является его личный вклад в дело процветания народа и государства. В этом плане царь Алексей Михайлович выглядит бледнее и ординарнее, чем о нем живописал С.Ф. Платонов.

В актив Алексея Михайловича можно отнести новый торговый устав и воссоединение Украины с Россией, но война с Речью Посполитой велась бездарно и из-за этого было столько ненужных жертв, которых можно было бы избежать. Приписываемая Алексею Михайловичу инициатива в заведении полков нового строя и привлечении на службу иностранцев принадлежит не ему, а его отцу Михаилу Федоровичу, точнее патриарху Филарету: солдатские и рейтарские полки участвовали в Смоленской войне.

Бесхарактерность царя следует отнести к крупнейшим недостаткам его как государственного деятеля. За все годы своего царствования он неизменно находился под чьим-либо влиянием: сначала Морозова, затем — Никона, которого сменил Ордын-Нащокин, наконец, Матвеева. Нуждается в уточнении и знаменитое высказывание В.О. Ключевского о том, что царь Алексей Михайлович одной ногой еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже было занес за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении. Последнее справедливо, если иметь в виду личное восприятие новизны: царь не прочь был украдкой понаблюдать за театральным действом, вывозил из терема свою молодую красавицу-супругу Наталью Кирилловну, он охотно пользовался бытовыми удобствами, привнесенными с Запада, но все эти новшества не стали достоянием всего общества, они потакали лишь вкусам царя.

Он, несомненно, обладал литературными способностями и начитанностью. Его письма, как и сочинение «Урядник сокольничья пути», в котором изложены правила соколиной охоты и обучения кречетов, отличаются выразительным, точным и образным языком. Вместе с тем религиозная мораль не помешала этому богомольцу, отбивавшему поклоны в течение 5 часов кряду, быть крайне жестоким и немилосердным. Идеалом его правления был царь Иван Грозный. Свидетельством жестокости «тишайшего» является резня в Коломенском в 1662 г., а также расправа с участниками разинского движения в 1671 г. Чрезмерное увлечение царя гастрономией вызвало ожирение, что и привело к смерти в 47 лет.

Глава XI

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

§1. ВОССОЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ И ВОЙНА С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ

Важнейшей внешнеполитической акцией Российского государства в XVII в. явилась борьба за воссоединение с Украиной.

Большая часть Украины в первой половине XVII в. входила в состав панской Речи Посполитой. Крестьяне и городское население Украины, как и в России, подвергалось феодальной эксплуатации. Но украинские крестьяне и горожане являлись, кроме того, объектом национального и религиозного угнетения: населенные украинцами и белорусами латифундии принадлежали польским магнатам, официальным языком, на котором велось все делопроизводство в учреждениях, был польский, православная церковь подвергалась гонению.

Особую прослойку населения Украины составляли *запорожские казаки*. У днепровских порогов еще в начале XVI в. сложился своеобразный уклад жизни, существенно отличавшийся от жизни остального населения Украины. Казаки имели свое самоуправление — выборного гетмана. Днепровские казаки несли сторожевую службу, отражая набеги крымских феодалов. Польское правительство, заинтересованное в службе казаков, заносило их в реестр, т. е. список. Каждый значившийся в нем получал вознаграждение.

Запорожская Сечь непрерывно пополнялась новыми пришельцами, но реестр оставался неизменным. Это создавало почву для социальных конфликтов между верхушкой казачества и остальной массой, особенно не включенной в реестр. В **1630 г.** вспыхнуло восстание под предводительством Тараса Федоровича, направленное против гетмана, придерживавшегося польской ориентации.

Восставшие дважды разгромили шляхетские отряды и вырвали у правительства обещание увеличить реестр. Новые выступления произошли в **1635, 1637— 1638 гг.**, но и они потерпели поражение.

Обескровленное казачество не располагало силами для продолжения борьбы. С конца 30-х гг. до 1648 г. в борьбе запорожцев наступило затишье, которое польская шляхта называла «золотым покоем».

Новый этап борьбы украинского народа против социального, национального и религиозного угнетения панской Польши связан с именем Богдана Михайловича Хмельницкого. Предводитель освободительной борьбы украинского народа обладал всеми качествами вождя: умением сплотить разнородные в социальном отношении силы (не только казачество, но и крестьян, горожан, духовенство) и нацелить их против общего врага. Другое достоинство Хмельницкого состояло в широком политическом кругозоре, позволявшем ему смело лавировать, заключая союзы, если того требовала обстановка, даже с таким ненадежным партнером, как крымский хан. В то же время Богдан Хмельницкий ни на минуту не забывал того, что окончательная цель может быть достигнута только в тесном союзе с русским народом. Наконец, Хмельницкий обладал еще одним достоинством — он был талантливым полководцем, умевшим правильно определить направление главного удара и в нужный момент обеспечить перевес в силах, умелым организатором партизанской борьбы. К этому следует добавить личное обаяние и отвагу Хмельницкого, готовность настойчиво добиваться поставленной цели.

Богдан Хмельницкий во время восстания 1637—1638 гг. занимал пост войскового писаря, но, видимо, за причастность к восстанию был отстранен от должности и назначен чигиринским сотником. В 1646—1647 гг. он подвергся репрессиям: его хутор был разгромлен, а один из сыновей убит. В конце 1647 г., когда ему удалось освободиться из-под ареста, он в низовьях Днепра организовал небольшой отряд и в начале следующего года явился в Запорожскую Сечь, где был избран гетманом.

Начало движения сопровождалось рядом блестящих побед восставших над войсками Речи Посполитой. Первый успех последовал в **мае 1648 г.**, когда в двух битвах у урочища Желтые Воды и у Корсуни была наголову разгромлена армия коронного гетмана Потоцкого. Молва о победе быстро разнеслась по Украине, и в армию Хмельницкого стали вливаться огромные массы населения. Летом 1648 г. восстание переросло в освободительную войну.

Очередные победы войско Хмельницкого одержало у Пилявец **(сентябрь 1648 г.)** и у Зборова, где **5 августа 1649 г.** были разгромлены карательные войска, которыми командовал сам король. По компромиссному *Зборовскому договору,* заключенному через три дня после сражения, в ряде воеводств должности могли занимать только православные; число реестровых казаков было доведено до 40 тыс.

В то же время договор разрешал польским магнитам, изгнанным с Украины в ходе освободительной войны, возвратиться в свои владения и требовать от крестьян выполнения повинностей.

Одновременно с украинцами в борьбу против панского гнета включились и белорусы. Движение здесь было менее организованным, чем на Украине, прежде всего потому, что в Белоруссии отсутствовали силы, аналогичные тем, которыми располагал Хмельницкий,— запорожское казачество, цементировавшее движение и придававшее ему больше организованности. Это препятствовало слиянию локальных выступлений в единое движение.

Хмельницкий понимал значение Белоруссии как плацдарма для нанесения панами ударов по Украине с фланга и тыла. Поэтому он отправлял в помощь белорусским повстанцам значительные силы. Совместные действия белорусских крестьян и горожан с украинскими казаками сковывали силы противника и лишали его возможности бросить их на Украину.

Успехи движения не вскружили голову его предводителю — Хмельницкий отдавал отчет, что, чем дольше будет затягиваться освободительная война, тем меньше останется шансов добиться цели. Собственных национальных ресурсов было недостаточно для завоевания независимости и длительной борьбы с Речью Посполитой и Крымом. С самого начала освободительной войны Хмельницкий много раз обращался к русскому правительству с просьбой принять Украину в русское подданство.

Обстановка в России не способствовала удовлетворению просьбы — страна не была готова к войне с Речью Посполитой, которая началась бы сразу же после объявления о воссоединении Украины с Россией. На решимость правительства удовлетворить просьбу Хмельницкого оказывало сдерживающее влияние обострение социальных противоречий внутри страны — в середине столетия Россия была охвачена городскими восстаниями.

Освободительная война украинского и белорусского народов вступила в стадию, когда без помощи извне она могла пойти на убыль. Время показало, что на союзническую верность крымского хана положиться было нельзя,— он изменял в самые ответственные моменты, например, в **июне 1651 г.** в сражении под Берестечком татары не только покинули поля боя, но и увели с собою Хмельницкого, чем обрекли украинскую армию на поражение. В итоге *Белоцерковский договор,* заключенный в сентябре 1651 г., ограничил казацкий реестр 20 тыс. человек. Изменил крымский хан и **осенью 1653 г.,** когда армии короля в окрестностях Жванца грозило полное уничтожение,— хан и здесь, получив от короля крупную сумму, перешел на его сторону.

Для России настала пора решительных действий. Земский собор в Москве **1 октября 1653 г.** принял решение о воссоединении Украины с Россией. На Украину было отправлено посольство во главе с боярином Бутурлиным. Рада в Переяславле **8 января 1654 г.**

единодушно высказалась за вхождение Украины в состав России. В торжественной обстановке было провозглашено воссоединение двух братских народов.

Начавшаяся война с Речью Посполитой на первом этапе протекала для России весьма успешно. В кампанию 1654 г. русские войска овладели Смоленском и 33 городами Восточной Белоруссии, в том числе Полоцком, Витебском, Могилевом.

Разгромом Речи Посполитой воспользовалась Швеция, стремившаяся оттеснить ее от побережья Балтийского моря и стать самым полновластным хозяином прибрежных территорий на юге Балтики. Летом 1655 г. шведский король Карл X с севера вторгся в пределы Польши и без труда овладел большей частью ее территории, в том числе и Варшавой.

Успехи Швеции обострили и без того напряженные отношения ее с Россией. В Москве справедливо рассудили, что захват Швецией польских земель укрепит ее позиции в Прибалтике и усложнит борьбу России за выход к Балтийскому морю. Так как русское правительство было убеждено, что Речь Посполитая, ослабленная успешными действиями русского и шведского оружия, более не в состоянии вести активные боевые действия, то в августе 1656 г. оно начало с нею мирные переговоры. Русская сторона потребовала присоединения к России всех территорий, которыми она овладела в течение двух лет войны. Поляки не соглашались на такие уступки. Поэтому с Речью Посполитой **24 октября 1656 г.** был заключен не мир, а перемирие.

К этому времени Россия уже находилась в состоянии войны со Швецией, объявленной **17 мая.** Военные действия на русско-шведском театре первоначально развивались успешно: русские войска овладели Дерптом, Кокенгаузеном, Динабургом, Мариенбургом и подошли к Риге, но здесь их постигла неудача, и осаду Риги пришлось снять. В течение двух лет, когда Россия вела войну с Швецией, Речь Посполитая, получив передышку, сумела собраться с силами и возобновить военные действия против России. Одновременно вести войну против Речи Посполитой и Швеции у России возможностей не было, и она 20 декабря 1658 г. в Валиесаре заключила с Швецией перемирие на три года. В 1660 г. Швеция заключила мир с Речью Посполитой, и Россия вынуждена была по Кардисскому миру **(июнь 1661)** возвратить Швеции все свои приобретения в Ливонии. Наша страна оставалась отрезанной от морских берегов.

Возобновленная с Речью Посполитой война более не сопровождалась блистательными победами, характерными для первых лет военных действий. Она приняла затяжной характер, истощавший материальные и людские ресурсы сторон. В одних сражениях победу одерживали польско-литовские, в других — русские войска, причем, чем дальше, тем действия русских войск становились менее успешными. Самое крупное поражение русские потерпели под

Чудновом 23 октября 1660 г. Показателем напряженного состояния экономики России был Медный бунт в Москве в 1662 г.

Стороны начали мирные переговоры еще в 1661 г., но они, то прекращаясь, то возобновляясь, не приносили мира, поскольку ни одна из них не соглашалась на уступки: Речь Посполитая отказывалась уступить России земли, которыми она фактически владела, а Россия не соглашалась на границы, обусловленные Поляновским договором 1634 г., выгодным Речи Посполитой. Изнурительные переговоры завершились **30 января 1667 г.** Андрусовским перемирием на 13 с половиной лет: России были возвращены Смоленск, а также все земли к востоку от Днепра. Речь Посполитая признала воссоединение Левобережной Украины с Россией, однако Белоруссия оставалась под ее владычеством. Россия приобрела также Киев, расположенный на правом берегу Днепра, правда на два года. Условия Андрусовского перемирия в 1686 г. закрепил Вечный мир, согласно которому Киев на вечные времена оставался за Россией.

Хотя Андрусовское перемирие, а затем и Вечный мир не решили вопроса воссоединения с Россией всей Украины и тем более Белоруссии, они знаменовали крупный внешнеполитический успех правительства: воссоединение Левобережной Украины с Россией цементировало дружбу двух братских народов и открывало перспективу вхождения всей Украины и Белоруссии в состав России.

Воссоединение Украины с Россией подверглось суровым испытаниям. После смерти Богдана Хмельницкого **(1657)** гетманская булава оказывалась в руках тех представителей старшины, которые придерживались польской ориентации. Вопреки воле украинских селян и горожан они пытались разорвать узы воссоединения с Россией и вернуть Украину в подданство Речи Посполитой. Позиция этой прослойки старшины объяснялась слабостью центральной власти в Речи Посполитой, существованием магнатско-шляхетского своеволия, что открывало широкий простор для гетманского произвола и обогащения. Корыстные интересы части старшины вступали в противоречие с коренными интересами украинского народа, оказывавшего решительное противодействие предательским замыслам гетманов. Отсюда гетманская чехарда, характерная для Левобережной Украины 50—60 гг. XVII в.

Гетманами Левобережной Украины были Иван Выговский, заключивший с польско-шляхетским правительством Гадячский договор, отменивший постановление Переяславской рады, 16-летний Юрий Хмельницкий, оказавшийся недостойным своего знаменитого отца и ставший послушной марионеткой в руках противников воссоединения Украины с Россией, Иван Брюховецкий, договорившийся с султаном о переходе Украины в подчинение Османской империи. Против них боролись лучшие представители украинского народа. Все попытки оторвать Украину

от России закончились провалом. И все же гетманам постепенно удалось расширить привилегии старшин и восстановить феодальные порядки, расшатанные освободительной войной.

§ 2. РУССКО-ОСМАНСКИЕ И РУССКО-КРЫМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Окончание войны с Речью Посполитой позволило России оказать энергичное сопротивление агрессивной политике Османской империи. Ее военная мощь в связи с упорядочением армии и государственного аппарата оставалась серьезной угрозой для соседей. У Речи Посполитой ей удалось отвоевать Подолию, у Венеции — о. Крит, в 70-х гг. она пыталась утвердиться на Правобережной Украине.

Перед российской дипломатией встал вопрос об установлении союзнических отношений со странами, над которыми нависла угроза стать жертвами захватнической политики османов. Но осуществить это намерение созданием антитурецкой коалиции пока не удавалось, что позволило османам объявить войну России **(1677—1681)**. Война началась походом объединенного османо-крымского войска на обороняемую русскими крепость Чигирин, расположенную на Правобережной Украине. Захватив эту крепость, османы намеревались овладеть Киевом и Левобережной Украиной.

3 августа 1677 г. неприятельские войска численностью около 60 тыс. человек осадили Чигирин, защищавшийся гарнизоном в 12 тыс. воинов (5 тыс. русских солдат и 7 тыс. украинских казаков). Осада Чигирина силами, в пять раз превышавшими численность оборонявшихся, не принесла успеха османам. Стойкая оборона крепости, осуществлявшаяся под руководством талантливого военачальника окольничего И.И. Ржевского, демонстрировала прочность уз русского и украинского народов.

На помощь осажденному гарнизону двинулась русско-украинская армия во главе с Г.Г. Ромодановским. Она успешно переправилась через Днепр и в сражении у Бужина наголову разгромила крымско-османскую армию, пытавшуюся воспрепятствовать переправе. Неприятель откатился к Чигирину, а оттуда, бросив артиллерию и обозы с продовольствием, в панике бежал.

В **июле 1678 г.** османы вновь предприняли осаду Чигирина. Несмотря на героическую оборону крепости, османам удалось овладеть частью города. В ночь с 11 на 12 августа русские войска организованно вышли из крепости, от которой после осады и штурма остались руины. Османы вместе с крымцами пытались разгромить армию, отходившую к Днепру, но, убедившись в стойкости русских и украинских воинов, вынуждены были отказаться от этого намерения.

Кампания 1677—1678 гг. настолько ослабила османов, что в последующие два года активные операции с участием значительных сил не производились, и дело ограничилось мелкими стычками —

13 января 1681 г., в Бахчисарае был подписан договор, устанавливавший 20-летнее перемирие. Османы признали право России на Киев. Земли между Днепром и Бугом объявлялись нейтральными, не подлежавшими заселению подданными воевавших сторон.

В ходе войны была создана третья по счету оборонительная линия, протяженностью в 400 верст — Изюмская, прикрывавшая от набегов крымцев Слободскую Украину.

Отношения с Крымским ханством складывались столь своеобразно, что заслуживают специального освещения. Главное отличие состояло в том, что это были не отношения двух суверенных государств, а отношения данника с завоевателем, причем в роли данника выступала огромная страна, именуемая Россией, а в роли повелителя — ничтожное по размерам Крымское ханство. Конечно, суверенность России, независимость ее внутри- и внешнеполитического курса не вызывают сомнения, но данничество накладывало свой отпечаток на поведение русского правительства, вынуждало его в известной мере считаться с позицией, которую занимал Крым по отношению к той или иной акции Москвы.

Уплата дани крымским татарам ведет начало от данических отношений Московского княжества к Золотой Орде. К XVII в. положение монголо-татар коренным образом изменилось: Казанское и Астраханское ханства были покорены Россией еще в середине XVI в. Крымское ханство существовало еще свыше двух столетий. Тому способствовали два обстоятельства: наличие узкого перешейка, соединявшего полуостров с материком, позволяло крымцам, укрепив его, успешно обороняться от нападений извне — перекопские укрепления надежно защищали крымских татар от русской рати.

Второе, не менее существенное обстоятельство, обеспечивавшее долголетие Крымского ханства, состояло в том, что оно находилось в вассальной зависимости от Османской империи, представлявшей в те времена могущественное государство, перед которым трепетала вся Восточная Европа. Конфликт с Крымом грозил перерасти в войну с Османской империей, что побуждало русское правительство проявлять к крымскому хану осторожность и даже предупредительность.

Крымские ханы считали себя прямыми наследниками и преемниками золотоордынских ханов и требовали от русского государства уплаты дани, называвшейся поминками. Это унижение приходилось терпеть, ибо у Русского государства в первой трети XVII в. отсутствовали силы, чтобы освободиться от уплаты поминок.

Поминки увозились в Крым ежегодно и состояли из денежной казны и «мягкой рухляди», выдаваемой хану, членам его семьи, а также вельможам из ханского окружения. В общей сложности казна на поминки тратила 9—10 тыс. руб. в год. Немалую статью расхода составляло содержание в Москве крымских посольств и гонцов. Свита гонцов, не говоря о посольствах, состояла из 20—30 человек,

каждого надлежало кормить и награждать подарками. Если учесть, что столицу ежегодно навещали четыре гонца и два посольства, то расходы на их содержание составляли крупную сумму — в среднем свыше 37 тыс. руб. в год.

Еще одна особенность в русско-крымских отношениях состояла в том, что Русское государство находилось в состоянии непрекращающейся и в то же время необъявленной войны с Крымом; из года в год, как только зеленела трава и, следовательно, появлялся подножный корм для лошадей, крымская конница уходила с полуострова и направлялась на север, в уезды, населенные русскими и украинцами. Цель походов на протяжении нескольких столетий оставалась неизменной: пленение людей, захват лошадей, домашнего скота, а также предметов, не очень громоздких, чтобы не обременять движение конницы.

В Москве знали об обыкновении татар совершать набеги на Русь в весенние и летние месяцы и заранее готовились к отпору, сосредоточивая поместную конницу в Серпухове, Переяславле Рязанском, Туле и других городах. Трудность борьбы с набегами состояла в том, что русскому командованию не было известно, на каком из шляхов встретятся с нападавшими: Муравском мимо Белгорода, Изюмском со стороны Ливен или Калмиусском со стороны Ольшанска и Воронежа.

Вести регулярные боевые действия татары не умели; совершив молниеносный набег, они тут же исчезали. Если лавине татарской конницы удавалось смять ряды русской рати, нападавшие, прихватив пленных, уклоняясь от сражения, с добычей возвращались к исходному рубежу.

Ясырь, т. е. пленные, составляли важную статью доходов крымского хана, его окружения и участников похода и соответственно значительную статью расходов правительства России. Захваченных в плен либо продавали потом в рабство на невольничьих рынках, либо возвращали русскому правительству за значительный выкуп. Выкупная операция стоила правительству тоже немалых денег — за каждого пленного в зависимости от возраста, пола и должности приходилось платить от 40 до 500 рублей. В итоге выкупная сумма в зависимости от степени удачи похода либо приближалась к размеру поминок, либо превосходила его.

Урон, наносимый походами крымцев, не ограничивался расходами на выкуп пленных — они разрушали села и деревни, сжигали посевы; сокращалась численность работоспособного населения. Наконец, был еще один момент в русско-крымских отношениях, пагубно отражавшийся на экономике страны,— необходимость устройства оборонительных сооружений на путях, по которым крымские татары двигались на север.

Отсутствие гор, открытая со всех сторон степь, а также равнинная лесостепная территория не создавали серьезных трудностей для продвижения на север. Преградой могли стать полно-

водные реки, но в Европейской России все они, за исключением Оки, текли с севера на юг. Государство должно было проявить заботу о возведении искусственных сооружений, укреплявших границы.

Мысль о необходимости создания засечной черты в сознании правительства укрепилась после неудачного исхода Смоленской войны — незащищенность южных границ и отсутствие там рати, находившейся под Смоленском, позволили татарам беспрепятственно проникнуть в глубь территории Руси. Перспектива возобновления войны за Смоленск вынудила правительство обратить серьезное внимание на укрепление южных границ. Строительство так называемой Белгородской засечной черты, создававшей сеть укреплений между Белгородом и Доном, началось в 1635 г. и продолжалось почти два с половиной десятилетия: в 30-х годах было сооружено 10 городов, в 40-х —18.

Сооружение засечной черты потребовало не только финансовых затрат, но и привлечения людских ресурсов как для строительных работ, так и для обороны крепостей. Правительство использовало для этого два способа: принудительное переселение жителей из ранее возникших городов, существовавших севернее засечной черты, и вольную колонизацию, т. е. призыв к населению добровольно заселять вновь построенные города. Заметим, вольная колонизация вызывала дружный протест помещиков и монастырей, из владений которых бежали крестьяне, чтобы обрести свободу от крепостной неволи.

Государство, однако, не пошло на поводу у дворянства, действуя в своих интересах, т. е. продолжило строительство пограничных укреплений. В этом сказалась самостоятельная роль государства, его собственные, не зависимые ни от кого чаяния. Подобными же намерениями государство руководствовалось и тогда, когда отклонило не только всякие притязания помещиков на возвращение им беглых крестьян, но и попытки организовать там крепостное хозяйство. В итоге зона укрепленных городов превращалась в зону мелкого землевладения, где отсутствовали помещичьи латифундии.

С **середины XVII в.**, когда было завершено строительство Белгородской черты, в обороне южных границ наступил новый этап: набеги татар хотя и продолжались, но они перестали быть безнаказанными и сопровождались более скромной, чем прежде, добычей. Определить общий ущерб, наносимый крымцами Русскому государству, не представляется возможным, но не подлежит сомнению, что он равнялся многим десяткам тысяч рублей в год. К материальному урону надлежит добавить моральный — крайне жестокое обращение с русскими дипломатами, находившимися в Крыму. Их морили голодом, держали обнаженными на холоде, подвергали пыткам. Такое поведение крымских властей вызвало возмущение в Москве, и в 1639 г. для обсуждения инцидента был созван Земский собор. Только тяжелое положение в стране, вызванное неудачно закончившейся Смоленской войной, удержало Земский собор и правительство от объявления Крыму войны.

§ 3. ОСВОЕНИЕ СИБИРИ

В течение XVII в. русские продвинулись от Западной Сибири до берегов Тихого океана, Камчатки и Курильских островов. Стремительное движение русских на восток стимулировалось поиском новых «землиц», стремлением обложить ясаком местное население и обнаружить полезные ископаемые, прежде всего золото и серебро.

Огромные просторы Сибири представлены разными почвенно-климатическими зонами: степью и лесостепью на юге, тайгой в средней полосе и тундрой на севере. Пестрое в этническом отношении местное население было немногочисленным — там проживало ок. 200 тыс. местных жителей. Малая плотность населения и суровые климатические условия не благоприятствовали нормальному социально-экономическому развитию.

Продвижение русских по Сибири осуществлялось двумя маршрутами. По одному из них, лежавшему вдоль северных морей, бесстрашные мореходы и землепроходцы двигались к северо-восточной оконечности материка. В **1648 г.** одна из экспедиций совершила крупное географическое открытие: казак Семен Дежнев на небольших судах с кучкой отважных людей открыл пролив, отделяющий Азию от Северной Америки.

Другой маршрут на восток пролегал вдоль южных границ Сибири. Здесь землепроходцы тоже в короткий срок достигли берегов Тихого океана. Выдающимся открывателем новых земель проявил себя письменный голова Василий Данилович Поярков, отправившийся в 1643 г. во главе 132 человек на Зею и Шилку. В **1645 г.** он вышел по Амуру в Охотское море, совершил отважное плавание на речных судах вдоль его побережья и в следующем году возвратился в Якутск.

В **середине XVII в.** совершает поход в Даурию устюжский торговый человек Ерофей Павлович Хабаров и завоевывает земли по Амуру. Что привлекало в Сибирь искателей наживы, людей авантюристического склада, бесспорно отважных, выносливых, обладавших твердой волей и суровым характером? Прежде всего главное богатство обширного края — пушнина. Именно ради нее горстки промышленных и служилых людей, двигаясь на восток, терпели лишения, преодолевали реки и болота, горные цепи и безлюдные пространства, суровый климат и сопротивление местного населения.

По-разному встречали коренные жители пришельцев: одни — луками и стрелами, но уступая в конце концов огнестрельному оружию; другие сами обращались с просьбами принять их в подданство, ибо искали защиты у русского царя от нападения единоплеменников или воинственных соседей; третьи безропотно подчинились новой власти.

За промышленными и служилыми людьми следовали представители царской администрации — воеводы. С их появлением связано оформление подданства местного населения, выражавшегося в уплате ясака пушниной. Надо отметить особенность в отношении к местному населению воеводской администрации, промышленных и служилых людей, с одной стороны, и московских властей — с другой. В Москве присоединенные «землицы» расценивали как источник поступления в казну пушнины и поэтому были заинтересованы в сохранении платежеспособности ясачного населения. Отсюда многочисленные напоминания воеводам и служилым людям о бережном отношении к ясачным людям, чтобы «ясак с них на государя имать ласкою, а не жесточью», чтобы они уговаривали население принять подданство «ласкотою» и не взыскивали с них непосильных налогов.

Местное население Сибири переживало разные стадии патриархально-родового строя. Самые отсталые формы экономики и социальных отношений наблюдались у народов северо-восточной Азии: *юкагиров, чукчей, ительменов,* живших в каменном веке и не пользовавшихся железом. Они занимались рыбной ловлей, охотой на морских животных и диких оленей.

Наиболее многочисленными этническими группами Сибири были *якуты*, жившие по обеим сторонам среднего течения Лены, и *буряты*, заселявшие бассейн Ангары и берега Байкала. Уровень развития производительных сил у них был значительно выше — основным занятием было скотоводство. Если скот у бурят круглый год питался подножным кормом, то якуты прибегали к заготовке сена. Охота и рыбная ловля имели для них второстепенное значение. Некоторые бурятские племена были знакомы с примитивным земледелием. Оба народа переживали развитую форму патриархально-родовых отношений и стояли на пороге вступления в феодализм.

Бассейн Амура занимали оседлые народы (дауры, дючеры и др.), которым было хорошо известно земледелие, дававшее высокие урожаи. Они возделывали пшеницу, рожь, просо, гречиху, ячмень, овес и другие культуры, а также занимались скотоводством и даже разводили фруктовые сады. Дауры и дючеры находились среди народов Сибири на самой высокой ступени социального развития — они жили патриархально-феодальным строем.

По мере продвижения на восток служилые люди создавали крепостцы, служившие опорными пунктами для дальнейшего продвижения. Так возникли Енисейский острог (1619), Красноярский острог (1628), Братский острог (1631), Якутский острог (1632), Иркутское зимовье (1652), Селенгинский острог (1665).

Промышленные люди и периодически сменяемые воеводы мечтали о сиюминутных доходах и не были разборчивы в средствах их получения. Кроме ясака они взимали поборы в свою пользу — «в почесть». Нередко их «ясак» превышал государев и разорял ясачных

людей. Распространенной формой обогащения торговых людей был неэквивалентный обмен — ценные шкурки соболя и песца выменивали за безделушки из стекла, в лучшем случае за изделия из железа. Едва ли не самым отрицательным последствием общения с купцами было спаивание коренных жителей — пушнину выменивали за водку. Чтобы обеспечить своевременное поступление ясака в установленных размерах, с ясачных людей брали аманатов — заложников. Местных князьков правительственная администрация подкупала мелкими подарками (ножи, бисер, колокольчики и др.), и те понуждали своих соплеменников вносить ясак.

К концу XVII в. численность русского населения Сибири достигала 150 тыс. человек, из коих около половины являлись служилыми людьми. Остро стоял вопрос о снабжении сибирских гарнизонов хлебом. Сначала его привозили из Европейской России, причем доставка стоила дорого. Постепенно возникала сибирская пашня. Земледельческое население Сибири рекрутировалось отчасти из принудительно переселяемых правительством крестьян, отчасти в результате народной колонизации, преимущественно из среды беглых крестьян и посадских.

Крестьяне оседали в районах, пригодных для земледелия, т. е. на юге Сибири. В итоге в Сибири возник разряд крестьян, известных под названием *пашенных людей.* Повинность их была натуральной — они возделывали так называемую десятинную пашню, урожай с которой поступал государству. Положение их было тяжелее, чем положение местного населения, о чем свидетельствует стремление некоторых крестьян перейти на статус местных жителей и, так же как они, выплачивать лишь ясак. К концу столетия сибирское земледелие полностью обеспечивало потребности края в хлебе.

В отличие от служилых, торговых и промышленных людей, нередко либо грабивших местное население, либо прибегавших к неэквивалентному обмену, крестьяне приносили с собой земледельческую культуру, а также более современные орудия ремесленного производства (долото, стамеска и т. д.).

Контакты русских крестьян с местным населением способствовали усвоению последними более развитых форм производства. Другой положительный итог вхождения народов Сибири в состав Российского государства состоял в том, что прекратились распри и вооруженная борьба как внутри этнических групп, так и между отдельными народами, истощавшие экономические ресурсы каждого из них.

Глава XII

КУЛЬТУРА И БЫТ

§ 1. ОБМИРЩЕНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

В русской культуре XVII в. прослеживаются черты перехода от средневековья к новому времени. Главная особенность культуры этого периода состояла в *усилившемся процессе ее обмирщения,* т. е. освобождения от церковного влияния. Обмирщение охватило все сферы культурной жизни страны: литературу, живопись, архитектуру и т. д. Само церковное мировоззрение переживало кризис, выразившийся в расколе. Появляются новые жанры в литературе, ранее неизвестные стили в архитектуре и живописи, развивается печатное дело. Заметным становится личностное начало, которого практически не знала средневековая культура, имевшая дело не с живыми людьми, а с носителями либо добра, либо зла. На развитие русской культуры оказали также влияние постепенное преодоление национальной замкнутости и расширение связей с другими странами.

Самые выразительные новшества прослеживаются в *литературе.* Если литературные герои предшествующего времени пребывали в неустанной молитве, их действия сковывала божественная воля, то теперь героями становятся предприимчивые и энергичные люди, ищущие приложения сил и способностей в полезных начинаниях. Герои литературы XVII в. начинают освобождаться от оков рода, их судьба персонифицируется. Вместе с тем литература совершала только первые шаги в преодолении средневековых традиций и еще не обрела альтернативы им.

В литературе XVII в. утвердились два течения: панегирическое, феодально-охранительное и народно-обличительное. Самым крупным представителем первого течения был Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович, уроженец Полоцка и потому именовавшийся в Москве Симеоном Полоцким. Образование он получил в Киево-Могилянской академии, а затем в Виленской академии, после окончания которой принял монашеский сан. О себе он писал: «Ума излишком, аже негде девати,— купи кто хочет! А я рад продати». Покупателем оказался Алексей Михайлович, которому приглянулись стихи, сочиненные Полоцким в его честь во время пребывания в Полоцке. В 1661 г. Симеон переехал в Москву, где стал учителем царевичей Алексея и Федора и царевны Софьи. Расцвет поэтического дарования Симеона Полоцкого падает на годы его пребывания в России. Его жизненный путь являет выразительный пример близости культур двух народов и их взаимной тяги друг к другу.

С именем Полоцкого связано появление в литературе новых жанров — поэзии и драматургии. Он был первым в стране придвор-

ным поэтом-одописцем, сочинявшим тяжеловесные силлабические стихи. В сочинениях Полоцкого господствуют панегирические тона, идеализировавшие самодержавие и царя Алексея Михайловича. Его же перу принадлежат оригинальные пьесы на русском языке «О Новходоносоре царе» и «Комедия притча о блудном сыне». В новую форму автор вложил традиционное содержание: младший сын в отличие от старшего, проявлявшего покорность родительской воле, не пожелал «в отчинной стране юность погубити» и отправился странствовать, превратился в блудного сына, испившего много горя. Он возвращается в отчий дом, убежденный в необходимости слушаться старших.

Полоцкий известен не только как поэт и драматург, но и как публицист. Он сторонник самодержавия. Только оно, по его мнению, способно успешно решать внешнеполитические задачи и «утоляти» мятежи. Самодержец, однако, должен подбирать себе помощников, руководствуясь не их породой, а рационалистическим принципом: знанием, моральным авторитетом, заслугами.

Оценка самодержавия как самой лучшей политической системы обрела наиболее полное обоснование в сочинениях Крижанича. Хорват Юрий Крижанич, прибывший в Россию в 1659 г., написал ряд трактатов, среди которых важнейший «Политика», отдавал предпочтение «самовладству», потому что только с ним он связывал справедливое правление, обеспечивавшее стране покой и согласие народа, а также возможность без проволочек исправлять промахи. Но порядок и гармонию способен обеспечить только мудрый царь. Крижанич выступал за объединение славянских народов.

Крижанич, как и Полоцкий, не осуждал крепостнических порядков, но оговаривался, что надлежит ограничить аппетиты помещиков. При неумеренных тяготах хозяйство крестьянина придет в упадок, и он утратит тяглоспособность. Отсюда проистекала убежденность обоих мыслителей в необходимости установить умеренный уровень феодальной эксплуатации.

Народно-обличительную литературу представляет «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное». Аввакум — талантливый писатель-полемист, основоположник биографического жанра. Если герои житийной литературы наделены мифическими добродетелями и выступают безукоризненными подвижниками, то в «Житии» Аввакум Петрович выглядит реальной личностью с достоинствами и недостатками. «Житие» — остросюжетное полемическое сочинение, его автор на примере собственной жизни, полной страданий и драматических коллизий, повествует о фанатической преданности идеям древнего благочестия. Во всех поступках вождя старообрядчества четко прослеживается его неприятие новизны, науки и всего, что шло из Западной Европы. Язык «Жития» прост, динамичен, рассчитан на широкую аудиторию, которую автор намерен склонить на свою сторону. Аввакум содействовал обогащению литературного языка элементами живой народной речи.

Содержание так называемых бытовых повестей XVII в. обнаруживает две тенденции: с одной стороны, герои пытаются вырваться из оков церковности; с другой стороны, попытки героя выйти из рамок житейской мудрости Домостроя заканчиваются полным крахом. Патриархальные устои хотя и высмеиваются, но герои не могут их преодолеть.

Темой «Повести о Горе-Злочастии» является судьба молодца, не внявшего родительским советам и поплатившегося за это нищетой. Мытарства героя заканчиваются тем, что он оказывается в монастырской келье. В отличие от предшествующего времени келья уже не умиляет героя, жизнь в ней равнозначна самоубийству. В повести раскрыт образ человека, его внутренний мир и трагические переживания.

В «Повести о Савве Грудцыне» фигурируют реальные исторические личности и определенная географическая среда, чем создается видимость подлинности рассказанной истории. Герои повести — богатые купцы Грудцыны-Усовы, торговавшие по городам Волги и Камы. В основу сюжета положены похождения купеческого сына Саввы Грудцына, отправленного отцом по торговым делам в Соль Камскую: беспутный сын предался разврату, продал душу дьяволу, затем попал в солдаты, участвовал в Смоленском походе, освободился от дьявола с помощью казанской иконы Богоматери и оказался в монастыре, где и закончил свою жизнь.

Примечательны сатирические произведения с пародиями на неправый суд, беспутную жизнь монахов, бесправие простого человека и т. д. Повесть о «Шемякином суде» рассказывает о разбирательстве в суде конфликта между двумя братьями, один из которых был богатым, а другой бедным. Богач дал своему брату лошадь и сани, чтобы тот вывез из леса дрова, но пожалел дать сбрую. Бедняк привязал сани за хвост лошади, хвост оборвался, и богач через суд затребовал от брата возвращения лошади с хвостом. Бедняк во время суда многозначительно показывал из-за пазухи судье Шемяке сверток, давая понять, что его ожидает богатый посул. Это и определило поведение Шемяки — он решил дело в пользу бедняка. На поверку оказалось, что в платок был завернут простой камень. Выражение «Шемякин суд» стало нарицательным для характеристики продажности и беспринципности судей.

«Повесть о Ерше Ершовиче» тоже пародирует судебные порядки, предусмотренные Уложением 1649 г. Герои повести — рыбы Ростовского озера: здесь и рыбы-господа Осетр, Белуга и Белая рыбица, сын боярский Лещ, приставы Окунь и Налим, свидетель Сельдь, судья Сом усатый, подьячий Вьюн и прочие представители рыбного царства. Выиграть процесс мелкой рыбешке Ершу у сына боярского Леща оказалось не под силу, Ерша суд признал виновным. Повесть заканчивается словами: «Плюнул Ерш судьям в глаза и скочил в хворост: только того Ерша и видели».

Повесть «Калязинская челобитная» высмеивает быт монахов

Калязинского монастыря, прославившегося распутной жизнью. Монастырская братия озабочена не молитвами, а наличием в достатке пива и вина. Мечта монахов состояла в том, чтобы иметь такого архимандрита, «который бы с нами горазд лежа вино да пиво пить, а в церковь не ходить, а нас бы не томить».

Зодчество принадлежит к той сфере культуры, где, как и в литературе, на протяжении XVII в. произошли наиболее существенные изменения.

Основным строительным материалом оставалось дерево, из которого сооружались как избы крестьян и посадских, так и палаты и дворцы бояр и царей. Новое в архитектуре состояло в том, что в XVII в. увеличилось число зданий, воздвигаемых из кирпича. Если раньше монументальные сооружения имели только культовое и военное назначение, то теперь возводимые здания использовались для жилья, правительственных учреждений и торгово-промышленных предприятий.

В связи с укреплением экономических связей между отдельными областями и возросшей централизацией государства в архитектуре хотя и сохранялись местные особенности, но они утратили прежнее значение, и она приобретала общероссийский характер. Зодчество, как и литература, подвергалось обмирщению. Наиболее выразительные его черты состояли в сближении культового стиля с гражданским, в замене суровых и аскетических сооружений зданиями с украшениями, придававшими им живописность и праздничную торжественность. Широко применялись новые виды строительного материала: многоцветные изразцы, фигурный кирпич, белокаменные детали.

К выдающимся памятникам деревянного зодчества XVII в. относится затейливый и роскошный царский дворец в Коломенском, называвшийся современниками восьмым чудом света. Комплекс представлял сочетание больших и малых срубов-клетей и включал соединенные между собой переходами хоромы царя, царицы, царевичей и царевен, а также разнообразные служебные постройки. Дворец венчали разной формы покрытия, окрашенные в яркие цвета: шатровые, бочечные и кубовые. Снаружи его украшала позолоченная резьба.

В деревянном культовом зодчестве преобладали *шатровые* храмы, но наряду с ними получили распространение ярусные церкви: на четверике устанавливалось несколько последовательно уменьшавшихся восьмериков (Вознесенская церковь в Торжке, 1653 г.). Строгие пропорции придавали даже небольшому храму монументальность.

Несмотря на попытку Никона изолировать церковное зодчество от общих тенденций развития русского искусства, новые явления проникали и в кирпичную храмовую архитектуру. Никон сразу же после вступления на патриаршество в 1652 г. запретил строительство шатровых храмов. Он хотел вернуть культовой архитектуре черты

суровой монументальности предшествующих веков и образцом для подражания считал Успенский собор в Кремле. Сам Никон намеревался воплотить традиции зодчества в храмах, строившихся по его заказу, но и он в конечном счете поддался воздействию нового.

Первым по заказу Никона на одном из островов Валдайского озера был построен Валдайский Иверский монастырь. Огромные оконные проемы в пятиглавом соборе свидетельствовали об отступлении от канонов зодчества XVI в. Отступления прослеживаются и во внутреннем убранстве храма — при его отделке использовались многоцветные изразцы. Не удалось Никону возродить традиции зодчества XVI в. и при сооружении Новоиерусалимского монастыря. Воскресенский собор монастыря должен был воспроизвести храм Гроба Господня в Иерусалиме. Но в соответствии со вкусами XVII в. собор был снаружи и внутри украшен многоцветными изразцами. Строительство его завершилось в 1685 г.

Идея превосходства духовной власти над светской выражена также в грандиозном сооружении ростовского митрополита, известном под названием Ростовского кремля (1670—1683). Ансамбль, включавший жилые покои митрополита, хоромы митрополии, множество хозяйственных построек и пятиглавую церковь Воскресения, сочетал жилой комплекс с храмовым. Все постройки окружали внушительные стены с башнями, имитировавшие мощную городскую крепость.

В XVII в. завершается оформление множества монастырских ансамблей, начало которым было положено в предшествующих столетиях: Иосифо-Волоколамский, Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский и др. Организующим центром каждого из них были соборы, возвышавшиеся над всем комплексом. Сооружались огромные трапезные с большими залами без опор. Значительные по размерам оконные проемы, украшенные затейливыми наличниками, изразцы на внутренних стенах, роскошные порталы придавали трапезным вполне светский облик. Трапезная Троице-Сергиева монастыря украшена лепным растительным орнаментом. От грандиозных стен с башнями и бойницами, надвратных построек у въезда в храмы и монастыри веяло торжественностью и монументальностью.

К выразительным элементам храмового зодчества второй половины XVII в. относились многоярусные колокольни. Легки и изящны шестиярусная башня Новодевичьего монастыря в Москве и девятиярусная башня Иосифо-Волоколамского монастыря.

В конце XVII в. в храмовом зодчестве возникает новый стиль, получивший название *нарышкинского (московского барокко)*. Его использовали при сооружении небольших церквей в усадьбах русских вельмож. Особенностью храмов нарышкинского стиля является элегантность и строгая симметричность всего сооружения. Выразительным памятником этого направления стала церковь Покрова в Филях, отличающаяся необыкновенным изяществом и без-

укоризненными пропорциями. Вместо многоцветных изразцов в церкви Покрова в Филях использованы только два контрастных цвета — красный и белый. Внутреннее убранство церкви отличается пышностью и богатством: многоярусный иконостас, ложа для владельца церкви, резные обрамления арок и т. д.

Гражданское строительство в XVII в. не отличалось многообразием типов сооружений. Торгово-промышленные здания представлены гостиными дворами в Китай-городе в Москве (1661—1665) и в Архангельске (1668—1684), а также Хамовным двором в Москве (1658—1661). Гостиный двор в Архангельске, построенный под наблюдением Дмитрия Старцева, вытянулся вдоль Северной Двины на 400 метров, его окружали высокие каменные стены с боевыми башнями. Внутри гостиного двора размещалось более двухсот торговых помещений.

Гражданское зодчество находилось в поисках новых путей оформления зданий общественного назначения. За основу были положены жилые постройки, которым были приданы более монументальные формы. Примером может служить Сухарева башня архитектора Михаила Чоглокова, воздвигнутая для стрелецкого Сухарева полка, проявившего верность Петру во время его конфликта с Софьей. Над массивным первым ярусом, по традиции являвшимся подклетом, расположились два яруса палатного строения, увенчанного башней с государственным гербом наверху. Ко второму ярусу вела широкая парадная лестница. К общественным постройкам в Москве, сооруженным тоже в конце столетия, относятся здания Земского приказа в Кремле (1683), а также Монетного двора.

Во много крат больше сохранилось жилых зданий. Они строились не только в Москве, но и других городах: Калуге, Гороховце, Устюге Великом, Ярославле, Пскове и т. д. Прообразом для них служили деревянные пятистенные дома, состоявшие из двух комнат с сенями посередине. Снаружи здания украшались наличниками, карнизами, порталами. Первый этаж предназначался для хозяйственных надобностей, второй был жилым.

Живопись относилась к тому виду искусства, где в наибольшей степени сохранилось влияние традиций и где новое проявлялось меньше, чем в литературе и зодчестве. Это объясняется тем, что изобразительное искусство XVII в. представлено преимущественно иконописью, находившейся под пристальным надзором государства и церкви. В патриаршей и царской грамотах 1668 и 1669 гг. живописцам предписывалось придерживаться издавна установившихся традиций. Особенно рьяно защищали старину старообрядцы, считавшие святотатством всякие отклонения в изображении святых: Аввакум резко осуждал иконы нового письма, на которых, по его словам, святой изображался «яко немчин, брюхат и толст».

Контроль за деятельностью живописцев осуществляла Оружей-

ная палата Кремля. Возникнув еще в XV в. как хранительница драгоценностей царской семьи и мастерская по производству оружия, она в XVII в. становится художественным центром страны. В Оружейную палату были привлечены лучшие художники со всей страны, а также иностранные мастера. В ней выполнялись работы для царского двора: писали иконы, парсуны (портреты), украшали рукописи, изготавливали знамена, шатры, повозки, мебель, утварь, игрушки для царевичей. Среди художников Оружейной палаты сложилось разделение труда: одни из них разрабатывали композицию иконы, другие писали лица, третьи — одежду, четвертые специализировались на изображении растений и животных.

Помимо икон, художники расписывали стены храмов, в частности Архангельского собора. Стены нижнего яруса собора и столбы были украшены изображениями похороненных князей и царей.

В течение 30 лет художественную деятельность в Русском государстве возглавлял Симон Ушаков. Он выступал в роли художника, организатора живописцев страны, работавших в Оружейной палате, а также теоретика нового направления в живописи. Характерная черта творчества Ушакова — пристальный интерес к изображению человеческого лица.

В ранних произведениях лик под кистью Ушакова мало отличался от традиционного: худое плоское лицо, прямой тонкий нос, темные круги под глазами. Постепенно он преодолевал суровость выражения, аскетичное лицо приобретало живые черты. Стремление очеловечить лик Христа ярче всего выражено Ушаковым в знаменитой иконе «Спас нерукотворный».

Широко известна другая его икона — «Насаждение древа государства Российского». У истоков древа находится Иван Калита и митрополит Петр. На ветках древа укреплены медальоны с изображением наследников Калиты. С левой стороны древа стоит царь Алексей Михайлович, справа — его супруга и двое царевичей. Это был живописный панегирик Романовым, якобы составлявшим единое древо с Рюриковичами.

Высказывания Ушакова об искусстве и его назначении существенно отличались от традиционных. Искусство должно быть близким к природе, радовать глаз яркими красками, а не мрачным, изображающим святых тощими и смуглыми. В основе оценки иконы должен лежать эстетический принцип, ей надлежит быть красивой.

Ушаков создал живописную школу. Его последователями были Георгий Зиновьев, Иван Максимов, Тихон Филатьев и др. Иосиф Владимиров развивал взгляды на иконопись, близкие взглядам Симона Ушакова.

В XVII в. было положено начало двум светским жанрам: портретной живописи и пейзажу. Оба жанра, однако, не преодолели еще манеры письма, присущей иконографии. Портретная живопись представлена немногочисленными парсунами. В парсунах, даже выполненных Ушаковым, отсутствует объемность изображения,

стремление достичь сходства с оригиналом сочеталось с плоскостной трактовкой. Таковы, например, парсуны царя Алексея Михайловича и его сына Федора Алексеевича. Пейзаж тоже еще не стал объектом самостоятельного изображения, он в иконе выполнял вспомогательную функцию, являлся фоном: рядом с ликом святого художник писал деревья, лес с птицами и зверями, цветы и т. д.

Признаки обмирщения обнаруживаются и в *просвещении*. Грамотность широко проникла в посадскую среду, где в конце столетия каждый второй или третий горожанин умел читать и писать. Грамоте обучали либо члены семьи, либо мастера — учителя из священников, дьячков и подьячих.

О возросшем интересе к просвещению свидетельствует появление печатных букварей. Первый из них, составленный Василием Бурцевым, был опубликован в 1634 г. и затем несколько раз переиздавался. В конце столетия появился иллюстрированный букварь Кариона Истомина, а также рукописные руководства по арифметике. Карион Истомин для запоминания букв воспользовался выразительными картинками.

В роли распространителя просвещения выступали как государство, так и церковь. В 1665 г. при Заиконоспасском монастыре в Москве была открыта школа, готовившая подьячих для приказов. Ее учащиеся овладевали грамматикой и латинским языком. В школе при Печатном дворе, открытой в 1680 г., обучалось свыше двухсот человек, главным предметом был греческий язык. Скромную сеть учебных заведений венчало открытое в 1687 г. Славяно-греко-латинское училище, переименованное затем в академию, где преподавались как светские, так и духовные дисциплины: грамматика, пиитика, риторика, богословие и др. Все предметы вели приглашенные греки братья Иоаникий и Софроний Лихуды. Академия готовила кадры для правительственных и церковных учреждений. В академии обучался будущий доктор медицины и философии Падуанского университета Петр Васильевич Постников.

§ 2. БЫТ

Характерной чертой быта является его консервативность: человек с трудом расставался с передаваемыми из поколения в поколение привычками, веками складывавшимися нравственными устоями и обрядами, а также представлениями о моральных ценностях. Именно поэтому в XVII в. в основном продолжали жить по Домострою.

Важнейшая черта феодального быта состоит в том, что экипировка человека, архитектура жилища и его внутреннее убранство, домашняя утварь, пища и многое другое находилось в прямой зависимости от сословной принадлежности человека. Горлатную шапку и соболью шубу мог носить только боярин, в то время как крестьянин должен был довольствоваться зипуном из грубого сукна

домашнего изготовления или кожушком из овчины и столь же недорогим головным убором — войлочной шляпой летом и суконной, подбитой овчиной,— зимой. Стол боярина по богатству и разнообразию блюд отличался от крестьянского в такой же мере, как боярская усадьба от крестьянской избы. Эту зависимость быта от сословной принадлежности подметил наблюдательный Котошихин: «А в домях они своих живут против того, кто какой чести и чином».

В то же время в быту прослеживаются некоторые общие черты, обусловленные общностью социальной, экономической и политической среды, в которой жили люди.

Глубокие социальные различия между боярином и крестьянином не исключали того, что оба они по отношению к царю являлись не гражданами, а холопами.

Крепостное право лишало крестьян не только личной свободы, оно властно вторгалось в имущественные отношения и семейную жизнь, нарушало неприкосновенность домашнего очага, попирало личное достоинство человека. Полная зависимость крестьянского бытия от произвола барина, грубое вмешательство помещика в заключение брачных союзов, предоставление помещику права чинить над крестьянами суд и расправу за все случаи нарушения феодального правопорядка, кроме дел, связанных с убийством, право пытки крестьян оказывали огромное влияние на формирование крестьянской психологии и представление о человеческом достоинстве. Но этот же произвол вел к накоплению вражды и ненависти, готовности крестьян встать на путь отчаянного стихийного сопротивления, что находило наиболее яркое отражение в крестьянских войнах.

Господствовавшие в стране крепостнические порядки и самодержавный строй оказывали влияние и на дворянство, создавая внутри его иерархию отношений и развивая в представителях господствующего сословия чувство холопской угодливости, смирения и кротости к лицам, занимавшим по отношению к ним более высокую ступень, и безнаказанной жестокости, хамства и высокомерия по отношению к тем, кто стоял ниже.

Другой особенностью феодального быта являлась *замкнутость жизни людей.* В первую очередь она определялась замкнутостью их хозяйственной деятельности: каждый крестьянский двор представлял нечто изолированное, способное существовать независимо от других дворов. Натуральный характер хозяйства позволял и барину обходиться плодами крестьянского труда и не прибегать к услугам рынка: к месту жительства помещика тянулись обозы со всякой снедью и изделиями крестьянских промыслов.

Из сказанного, однако, не следует, что крестьянская и городская среда состояла из замкнутых в себе сельских или посадских дворов. Главным местом общения в сельской местности была церковь: на паперти велись деловые разговоры, обсуждались вопросы частной

и общественной жизни, такие, например, как раскладка повинностей, разбирались и примирялись споры жителей и т. д. Церковь являлась также местом, где молодые люди могли увидеть друг друга, чтобы потом связать свои судьбы брачными узами.

Нередко деловые разговоры велись и в самой церкви. Еще Домострой предписывал стоять в церкви молча, не переступая с ноги на ногу и не прислоняясь к стене или столбу. В XVII в. рекомендованные Домостроем нормы поведения были возведены в закон.

Мест общения в городе было значительно больше, чем на селе. Помимо церквей, горожане для контактов друг с другом пользовались торговыми банями, рынками, а также приказной избой, у которой население извещалось о таких событиях, как объявление войны, заключение мира, о моровом поветрии и т. д.

Сельские и городские жители пользовались еще одним средством общения — выездом в гости к родственникам и знакомым. В XVII в. продолжали придерживаться традиционной церемонии приема гостей и раздельного застолья мужчин и женщин.

Для быта феодального общества характерна также такая черта, вытекавшая из натурального хозяйства, как *патриархальный уклад жизни.* Патриархальными отношениями была пронизана жизнь как крестьянской или посадской семьи, так и боярской. Непременным ее признаком являлось беспрекословное подчинение воле старшего и приниженное положение женщины. Ярче всего патриархальные черты быта проявлялись в период создания новой семьи — при ее возникновении главными действующими лицами были не молодые люди, которым предстояла совместная жизнь, а их родители. Именно они совершали обряд сватовства: родители невесты собирали сведения о репутации жениха (что он не пьяница, не лентяй и т. д.), а родители жениха усердно изучали перечень того, что невеста получит в приданое. Если результат удовлетворял обе стороны, то наступал второй этап обряда — смотрины невесты.

Смотрины совершались тоже без участия жениха — по его поручению смотрельщицами выступали мать, сестры, родственницы или те, «кому он, жених, сам верит». Цель смотрин состояла в установлении отсутствия умственных и физических недостатков у невесты. Положительный исход смотрин давал основание для разговоров о решающей процедуре — определения времени венчания и свадебных торжеств. Сроки закреплялись документом, в котором указывалась сумма неустойки, если одна из сторон откажется от условий контракта.

Наконец, наступал день венчания. Под венец невеста шла закутанной в фату. Только во время свадебного пиршества невесту «открывали», и муж мог разглядеть супругу. Иногда случалось, что супруга оказывалась с изъяном: слепой, глухой, умственно неполноценной и т. д. Такое происходило, если во время смотрин показывали не невесту с физическими недостатками, а ее здоровую

сестру или даже девушку из другой семьи. Обманутый муж исправить дела не мог — патриарх не удовлетворял челобитной о разводе, ибо руководствовался правилом: «Не проведав подлинно, не женися».

В таком случае муж мог в конце концов добиться своего путем ежедневных истязаний супруги, требуя пострижения в монастырь. Если молодая женщина упорно отказывалась переселяться в монастырскую келью, то ее родители подавали патриарху челобитную с жалобой на жестокость супруга. Обоснованная жалоба могла иметь последствие — изверга определяли в монастырь на покаяние сроком на полгода или год. Развод давали лишь после того, как возвратившийся из покаяния супруг продолжал истязать жену.

Хотя Котошихин и писал, что «так же и меж торговых людей и крестьян свадебные зговоры и чин бывает против такого же обычая во всем», но вряд ли в крестьянских и посадских семьях возможен был показ во время смотрин подставных невест — в этих семьях они не вели затворнической жизни. Еще больше от описанного обряда отличались браки крепостных крестьян. Здесь решающее слово принадлежало не родителям, а помещику или его приказчикам. Приказчик А.И. Безобразова составлял списки женихов и невест, формировал брачные пары и сам выступал в роли свата. Если, однако, алчность приказчика была должным образом удовлетворена подношениями заинтересованных родителей, то он мог пойти навстречу их желаниям. Браки подлежали утверждению барина, заключение их без его санкции могло вызвать наказание вступивших в брак.

Обязанность детей беспрекословно повиноваться воле родителей в XVII в. приобрела силу закона: Уложение 1649 г. запрещало сыну или дочери жаловаться на отца или мать, челобитчики подлежали наказанию кнутом. Уложение устанавливало разную меру наказания за одинаковое преступление, совершенное мужем и женой: мужеубийцу ожидало закапывание по шею в землю и мучительная смерть, а репрессий по отношению к мужу Уложение не предусматривало, на практике ограничивались покаянием.

В семье продолжало существовать издавна сложившееся разделение труда между ее мужской и женской половинами. На долю мужчин выпадали самые тяжелые сельскохозяйственные работы (пахота, боронование, посев и др.), а также уход за рабочим скотом, заготовка дров, охота и рыболовство. Женщины участвовали в жатве, сенокосе, обрабатывали огород, ухаживали за домашним скотом, готовили пищу, шили одежду, пряли и ткали. На попечении женщин находились дети.

Некоторые черты общности в одежде и жилище прослеживаются у всех слоев феодального общества. Одежда, в особенности нательная, была одинаковой у крестьянина и боярина: мужчины носили порты и рубаху навыпуск. Кафтан и зипун состоятельного человека

отличались от одежды крестьянина и посадского только материалом, из которого они изготовлены, а также мастерством изготовления. На боярский кафтан употребляли заморские сукна и парчу, в то время как крестьяне шили его из сермяжного сукна. Меховую одежду крестьянина и посадского изготавливали из овчин, а шубу состоятельного человека — из дорогих мехов: соболя, куницы, горностая. Дорогая шуба отличала простолюдина от боярина, поэтому последний, истекая потом, не расставался с нею даже в жаркие летние дни. Изготовление одежды в крестьянской и посадской семье являлось заботой женщин. Одежду бояр и богатых людей шили обученные мастера-портные. То же самое относится и к обуви. Лапти в XVII в. еще не стали универсальной обувью крестьян. Они носили также и сапоги, отличавшиеся от боярских тем, что были изготовлены не из импортной кожи, более тонкой и эластичной, а из грубой сыромятной.

В жилищах и хозяйственных постройках подавляющего большинства дворянских усадеб тоже было немало общего с крестьянским двором — в XVII в. еще не знали роскошных дворцов. Изба крестьянина и посадского, как и жилище дворянина, сооружалась из дерева. Но помещичья изба отличалась от крестьянской размерами и наличием удобств, а хозяйственные постройки большим разнообразием: горница зажиточного человека обогревалась печью с вытяжной трубой для дыма, в то время как крестьянин ютился в курной избе. В комплекс хозяйственных построек боярской усадьбы входили сооружения, предназначенные для обслуживания многочисленной дворней: поварни, ледники, погреба, хлебники, пивные сараи и др. Крестьянский двор помимо избы — жилого помещения, включал клеть — неотапливаемое помещение для хранения одежды, посуды, зерна, съестных припасов, а также амбары.

Новшества в быт проникали прежде всего в верхи дворянства. Они были обусловлены развитием товарно-денежных отношений и началом формирования всероссийского рынка. Под их воздействием изменялись как материальные, так и духовные условия жизни верхов. В частности, увеличился приток в Россию изделий западноевропейских мануфактур. В боярских домах появились предметы роскоши, комфорта, причем, чем ближе к концу столетия, тем в большей мере ощущалось влияние Западной Европы.

Дом богатого вельможи, фаворита Софьи боярина В.В. Голицына, охотно воспринимавшего европейский комфорт, был наполнен предметами западноевропейского производства. Множество комнат его кирпичного дома были обставлены европейской мебелью, а стены увешаны зеркалами. С потолка столовой палаты свисала огромная люстра, на полках была выставлена для обозрения дорогая посуда. В спальне стояла иноземного производства кровать с пологом. В отличие от библиотеки Безобразова, состоявшей из трех десятков церковных книг, обширная библиотека Голицына содер-

жала множество сочинений светского содержания, что свидетельствовало о высоких духовных запросах ее владельца.

Вкусы и манеры Голицына, как и роскошная обстановка в его доме, были присущи единицам, даже в среде правящей верхушки. Но европейское влияние, касавшееся, например, одежды и растительности на лице, более или менее широко проникало в придворную среду. О том, что во второй половине XVII в. брили бороды, свидетельствуют дошедшие до нас портреты. Светские и духовные власти противодействовали проникновению в страну новых обычаев. Алексей Михайлович требовал от придворных, чтобы они «иноземных немецких и иных извычаев не перенимали, волосов у себя на голове не подстригали, також и платья, кафтанов и шапок с иноземских образцов не носили и людям своим по тому ж носить не велели». Курение табака считалось богомерзким занятием. Уложение 1649 г. грозило продавцам табака смертной казнью, а курильщикам — ссылкой в Сибирь.

Наблюдалось и ослабление затворнической жизни женщин в боярском и царском теремах. Показательной в этом отношении является судьба царевны Софьи, окунувшейся в водоворот политической борьбы.

Глава XIII

ПРЕДПОСЫЛКИ И НАЧАЛО ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

§ 1. У ИСТОКОВ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Рубеж XVII—XVIII вв. является весьма важным в истории феодальной России. Его по-своему отмечали дворянские и буржуазные историки. Они противопоставляли «московский» период «петербургскому», или «царский» — «императорскому». Историк Рожков преобразования первой четверти XVIII в. называл даже дворянской революцией.

Преобразования, разумеется, революцией не являлись. Как до преобразований, так и после них господствующее положение занимало дворянство. Однако его статус в экономической и политической жизни страны укрепился настолько, что оно приобрело в последующие десятилетия новые привилегии, усилило свою власть над закрепощенным крестьянством, распоряжалось по своему усмотрению троном.

Преобразования оставили глубокий след прежде всего тем, что они охватывали самые разнообразные сферы жизни страны: экономику и науку, быт и внешнюю политику, государственный строй и положение трудовых масс, церковные дела и искусство. Осущес-

твление преобразований связано с деятельностью Петра Великого. Этого выдающегося государственного деятеля отличала многоплановость дарований: он был талантливым полководцем и проницательным дипломатом, одаренным публицистом и незаурядным законодателем, великолепным кораблестроителем и человеком, постигшим тайны фортификационного дела. Таким же разнообразием отличались свойства его натуры. Он умел быть жестоким и нежным, расточительным и рачительным до скаредности, буйным и выдержанным в проявлении страстей, простым и надменным в обращении. Едва ли не самой примечательной чертой его характера была настойчивость в достижении поставленной цели. Он не имел обыкновения отступать перед трудностями и неудачами — они вызывали у него прилив энергии и непреклонное желание достичь задуманного.

Еще одно свойство натуры Петра, являвшееся уникальным, состояло в стремлении воздействовать на подданных личным примером. Отправка за границу *волонтеров* вызывала в боярско-княжеской среде ропот — царь сам отправился учиться корабельному мастерству; все слои населения тяготились корабельной повинностью и повинностью строить новую столицу — Петр сам берется за топор, чтобы строить и спускать на воду корабли, вбивает сваи в болотистую почву, на которой выросла столица империи; театр военных действий требовал жертв — Петр не отсиживался в обозе и находился в пекле сражений.

На военном поприще подвизались многие монархи разных времен, но Петр был единственным, кто начинал службу барабанщиком и получал очередные повышения в чинах за реальные успехи на поле брани: за овладение Азовом, за Полтавскую викторию. Требуя от дворян и горожан, чтобы они вместо длинополого платья носили короткое, царь сам обрядился в удобный для работы европейский кафтан.

Петр был прост в обращении, часто принимал приглашения на крестины, в том числе и от рядовых гвардейцев, запросто беседовал с мастеровыми, любил физический труд и владел дюжиной ремесел, но из этого не следует, что перед нами царь-демократ. Великий Пушкин подметил и деспотичное свойство царя: «перед ним все дрожало и безмолвствовало». В то же время царь удостаивался похвалы современников прежде всего не как наместник бога на земле, а как пример совершенного человека, обладавшего множеством личных достоинств, которым подданные должны были подражать.

Но дело здесь не только в неутомимой энергии Петра I, его разносторонних дарованиях, а в том, что преобразования были подготовлены всем предшествующим развитием России.

Заслуга Петра I состояла в том, что он правильно понял стоявшие перед страной задачи и упорно их осуществлял.

Специфика преобразований Петра Великого состояла в том, что

они проводились в годы напряженнейшей Северной войны, решавшей судьбы страны: быть ли ей суверенным государством или оказаться зависимой от Швеции и продолжать прозябать в роли отсталой державы, на Западе называвшейся Московией.

Война властно требовала сиюминутных результатов от внедряемых новшеств, и поэтому на первом этапе преобразования осуществлялись стихийно, без предварительной подготовки. Так продолжалось примерно до 1711—1712 гг., после чего наступил второй этап преобразований, позади остались Полтава и Прутский поход. Театр военных действий переместился на неприятельскую территорию, у Петра появилась возможность основательно готовиться к проведению реформ, изучать опыт государственного строительства европейских стран, привлекать на русскую службу не только военных, но и гражданских специалистов.

Приходу к власти Петра I предшествовала острая борьба придворных группировок, в которой активное участие приняли стрельцы. Петр родился в **1672 г.** от второго брака царя Алексея Михайловича с Натальей Нарышкиной, представительницей захудалого дворянского рода. Еще в царствование Федора Алексеевича **(1676—1682)** при дворе образовались две группировки. Во главе одной стояла умная и энергичная царевна Софья. Она опиралась на родственников первой жены Алексея Михайловича — бояр Милославских. Другую группировку возглавляла царица Наталья Кирилловна.

В связи со смертью бездетного царя Федора Алексеевича встал вопрос о выборе преемника. Юридические права были на стороне старшего годами Ивана Алексеевича, но он был вялым, болезненным и неспособным к правлению. Поэтому выбор пал на 10-летнего Петра, не по годам развитого и живого ребенка. Вступление на престол Петра вызвало негодование среди Милославских. Они воспользовались недовольством стрельцов и подняли их против Нарышкиных. Во время бунта **15 мая 1682 г.** стрельцы уничтожили видных сторонников Нарышкиных и через несколько дней потребовали, чтобы царствовали оба брата Иван и Петр, а управляла ввиду их молодости царевна Софья.

Во время правления Софьи Нарышкины были отстранены от власти. Петр рос в подмосковном селе Преображенском, где проводил время в военных забавах и из своих сверстников формировал отряды «потешных», на базе которых возникли потом Преображенский и Семеновский полки.

Отношения между Софьей и Петром обострялись из года в год и к лету **1689 г.** стали такими, что открытое столкновение было неизбежным. В ночь на 8 августа 1689 г. тайные сторонники Петра I донесли ему, будто Софья готовит стрельцов к походу на Преображенское. Позже выяснилось, что слух был ложным, но напуганный тревожным известием, Петр поскакал в Троице-Сергиев монастырь, куда вскоре прибыли потешные войска. Назревал вооруженный

конфликт, однако стрелецкие полки, поддерживавшие вначале Софью, не были склонны проливать за нее кровь и один за другим переходили на сторону Петра. Софья оказалась без вооруженной поддержки, и ее без труда заточили в Новодевичий монастырь.

Громадная территория России была фактически лишена удобных морских путей. В этих условиях борьба за выход к морю приобретала первостепенное значение для судеб Российского государства. Это была борьба с экономической изоляцией, от ее успеха зависело преодоление экономической отсталости, сказывавшейся во всех отраслях хозяйства.

Первым внешнеполитическим шагом, направленным к осуществлению этой цели, являлись Азовские походы. Они знаменовали новое направление в традиционной борьбе с Крымским ханством и Османской империей. Крымские походы В.В. Голицына **(1687** и **1689 гг.)** показали, что русские войска, двигаясь в знойные месяцы по выжженной степи, непрерывно атакуемые татарскими разъездами, достигали Крыма обессиленными и не могли выполнить поставленной задачи. На этот раз войска двигались не только по суше, но и по Дону и Волге.

Летом 1695 г. русские войска под командованием Головина, Лефорта и Гордона прибыли под Азов. Крепостью, однако, овладеть не удалось, так как русские войска, не имея флота, не могли блокировать Азов с моря. Гарнизон крепости отбил два штурма, и осенью осада была снята.

Всю зиму русские войска готовились ко второму походу. Свыше 25 тыс. крестьян и посадских было мобилизовано для строительства флота в Воронеж и другие города. Азов удалось обложить с суши и с моря, и **18 июля 1696 г.** гарнизон крепости, не дожидаясь штурма, сдался. Эта победа была отпразднована необычными торжествами: при огромном стечении народа победители прошли под артиллерийские салюты по Москве через специально сооруженные ворота. В рядах триумфально шедших войск находился Петр I, принимавший участие в обоих походах в скромном звании бомбардира Петра Михайлова.

В 1697 г. Россия, Австрия и Венеция заключили наступательный союз против Османской империи сроком на три года. Русская дипломатия намеревалась укрепить этот союз вовлечением в его состав ряда западноевропейских государств. С этой целью в том же **1697 г.** за границу было направлено *великое посольство* во главе с Ф.Я. Лефортом, Ф.А. Головиным и П.Б. Возницыным. В составе многочисленного посольства инкогнито находился царь, а также молодые дворяне (волонтеры), отправленные для обучения военно-морскому делу и кораблестроению. Петр побывал в Голландии, где одновременно с работой на верфях руководил дипломатическими переговорами, затем отправился в Англию, где пополнял свои знания по кораблестроению. Дипломатическую задачу посольство, однако, не выполнило. Морские державы Голландия и Англия

остались глухими к предложениям России вследствие заинтересованности в торговле с Турцией, а также потому, что были заняты подготовкой к назревавшему конфликту с Францией за испанское наследство.

Между тем Венеция и Австрия намеревались заключить сепаратный мир с Османской империей. Чтобы предотвратить намечавшийся распад антиосманского союза, Петр решил предпринять поездку в Австрию и Венецию. Летом 1698 г. он прибыл в Вену, где получил известие о тревожных событиях в России — там вновь вспыхнул стрелецкий бунт. Поездка в Венецию была отложена, и Петр спешно отбыл в Россию.

§ 2. НАЧАЛО БОРЬБЫ ЗА ВЫХОД К БАЛТИЙСКОМУ МОРЮ

На обратном пути Петр I встретился с польским королем и саксонским курфюрстом Августом II. Переговоры с последним положили основание *Северному союзу* против Швеции. К нему присоединилась и Дания. Заключение Северного союза означало коренной поворот во внешней политике России — на первый план была поставлена задача овладения побережьем Балтики.

Стрелецкий бунт был подавлен до возвращения Петра в Москву. Рядовых его участников разослали по городам, а зачинщиков казнили. Следствие показало, что причиной восстания стрельцов было недовольство тяготами походной жизни, отрыв от торговли и промыслов, которыми они занимались, живя в столице. Прибывший в Москву Петр подозревал, что действия стрельцов были инспирированы Софьей, находившейся в Новодевичьем монастыре. Новый розыск, предпринятый по распоряжению царя и сопровождавшийся страшными пытками возвращенных из ссылки в столицу стрельцов, не дал ответа — причастна ли Софья к бунту. Тем не менее около полутора тысяч стрельцов были казнены, несколько человек повешены у окна кельи царевны Софьи.

После этих событий стрелецкое войско, не внушавшее доверия в военном и политическом отношении, начали расформировывать. Стрельцов влили в состав полков нового строя. Правительство с **1699 г.** переходит к новой системе комплектования вооруженных сил — набору *рекрутов* для постоянной строевой службы в регулярных полках, по одному человеку с определенного количества крестьянских и посадских дворов. Это был важный шаг к укреплению оборонной мощи страны.

В плане экономической подготовки к предстоящей войне следует рассматривать также проведение в **1699—1700 гг.** *первой городской реформы*. Указ 1699 г. об организации в Москве *Бурмистерской палаты* (переименованной вскоре в *Ратушу*), а в остальных городах *земских изб* объяснял проведение городской реформы стремлением оградить купцов «от многих приказных волокит и притеснений». Реформа вводила для городского населения самоуправление, не

подчинявшееся воеводам на местах и приказным учреждениям в центре. Городское население, согласившееся на введение новых учреждений, должно было платить окладные сборы в двойном размере. Когда выяснилось, что горожане не проявили энтузиазма к самоуправлению, покупаемому столь дорогой ценой, правительство отказалось от взимания двойного оклада, но зато объявило реформу обязательной для всех городов.

Главная цель реформы состояла в превращении Ратуши и земских изб в ответственных сборщиков прямых налогов, а также таможенных и кабацких денег. Ратуша стала центральным казначейством. Таким образом правительство получало гарантию в поступлении налогов, причем их взимание не требовало от него никаких затрат.

Правительство Петра I вело интенсивные переговоры по заключению Северного союза. Втайне от Швеции, послы которой прибыли в Москву для подтверждения Кардисского договора 1661 г., в 1699 г. был оформлен союз между Россией, Саксонией и Данией. Но Россия не могла проводить активной политики на севере без обеспечения безопасности своих южных границ. Между тем Порта никак не мирилась с потерей Азова и оттягивала заключение мира. Лишь в **1699 г.,** когда русский посол Емельян Украинцев прибыл в Константинополь на военном корабле «Крепость», продемонстрировав военно-морскую мощь России, Османская империя стала более сговорчивой и согласилась на заключение 30-летнего перемирия.

8 августа 1700 г. курьер доставил в Москву известие о заключении перемирия, и Петр в соответствии с обязательствами по Северному союзу объявил Швеции войну и двинул войска к Нарве.

Союзники России — Саксония и Дания — уже находились в состоянии войны со Швецией, причем в первые недели им сопутствовал успех: датчане овладели рядом городов, а Август II осадил Ригу. Однако 18-летний шведский король Карл XII, оказавшийся незаурядным полководцем, одним ударом вывел Данию из войны. Он высадил под Копенгагеном десант и в августе 1700 г. вынудил Данию в Травендале заключить мир. Освободившиеся 12 тыс. отборных войск Карл XII срочно перебросил к Нарве, осажденной к этому времени 34-тысячной армией Петра. Подойдя к Нарве, шведы **19 ноября** внезапно атаковали русские войска и добились победы.

Поражение под Нарвой обнаружило отсталость России в экономическом и военном отношении. Армия, состоявшая из плохо обученных рекрутов, имела низкую боеспособность. Ее офицерский состав, преимущественно из наемных иностранцев, не пользовался доверием солдат, к тому же большая часть офицеров во главе с командующим войсками герцогом де Кроа перешли на сторону противника при первом же столкновении. Лишь три хорошо обученных полка (Преображенский, Семеновский и Лефортов)

проявили стойкость и оказали упорное сопротивление. Остальные войска, оставшиеся без командиров, в беспорядке отступили. Русская армия потеряла всю артиллерию.

Одержав победу и выпустив по этому поводу медаль с изображением бегущих от Нарвы русских («исшед вон, плакася горько»), Карл XII посчитал Россию выведенной из войны и перебросил свои силы против третьего участника Северного союза — Августа II. В то время как Карл XII, по образному выражению Петра, «увяз в Польше», в России началось энергичное устранение последствий нарвского поражения. В 1701—1704 гг. на Урале были построены четыре крупных металлургических завода, выпускавших железо, чугун, ядра и пушки. Правительство в первую очередь сооружало крупные предприятия, обеспечивавшие армию и флот вооружением, снаряжением, парусным полотном, экипировкой. В условиях отсутствия денежных накоплений у купцов строительство металлургических заводов на Урале и в Олонецком крае, а также суконных, парусно-полотняных, шляпных и других мануфактур взяло на себя государство. Всего за 8 лет после Нарвы в России было построено не менее 30 мануфактур, преимущественно казенных. Это немало, если учесть, что вся промышленность России, создававшаяся на протяжении предшествующего столетия, на грани двух веков едва насчитывала полтора десятка крупных предприятий.

Совершенствовалась также система комплектования личного состава вооруженных сил. Рекрутские наборы, введенные в 1699 г., стали основным источником пополнения армии. Из года в год в нее вливались новые контингенты, так что к 1708 г. в полевой армии насчитывалось 113 тыс. человек вместо 40 тыс. к началу Северной войны. Крестьяне и посадское население поставляли рядовых; офицерский состав комплектовался преимущественно из дворян. Важное значение в подготовке офицерских кадров имели преобразованные в гвардию Преображенский и Семеновский полки, из которых дворяне после прохождения практического обучения в качестве рядовых направлялись офицерами в полевые полки.

В то время как западноевропейские армии широко использовали наемных солдат, русская армия комплектовалась рекрутскими наборами. Столь существенное отличие объяснялось прежде всего отсутствием в бюджете России средств на оплату службы наемников; этих средств доставало лишь на содержание офицеров высокого ранга. Положительная роль рекрутчины состояла в укомплектовании армии контингентом, однородным по национальному составу.

Перечисленные меры ускоряли процесс формирования в России регулярной армии, т. е. армии, располагавшей единообразным вооружением, снаряжением, обмундированием, системой комплектования, обучения и ведения боевых действий.

Оправившиеся от нарвского поражения русские войска стали одерживать одну победу за другой. Громадный моральный эффект

произвела первая победа под Эрестфером (близ Дерпта), достигнутая русскими войсками под командованием Б.П. Шереметева **29 декабря 1701 г.** Эта победа показала, что можно одолеть шведскую армию, считавшуюся лучшей в Европе. Спустя десять месяцев русские войска одержали еще одну важную победу — штурмом овладели Нотебургом, древнерусским Орешком, крепостью у истоков Невы, переименованной в Шлиссельбург (ключ-город). Продвигаясь с востока на запад, войска Шереметева взяли небольшую крепость Ниеншанц, стоявшую в устье Невы.

Таким образом, к маю 1703 г. все течение Невы оказалось в руках русских. У устья этой реки **16 мая 1703 г.** была заложена Петропавловская крепость, положившая основание Петербургу, ставшему через десять лет столицей государства. С моря подступы к городу охраняла крепость на острове Котлин. Петербург постепенно приобрел значение важнейшего в России портового города, «окна в Европу» и стоянки военно-морского флота. В августе 1703 г. с верфи на Лодейном поле был спущен на воду первенец Балтийского флота —28-пушечный корабль «Штандарт». В 1704 г. капитулировали шведские гарнизоны в Нарве и Дерпте.

В то время как русская армия одерживала победы, Август II показал себя неспособным на серьезное сопротивление шведам. Карл XII занял Варшаву, в 1704 г. добился «детронизации» Августа и возведения на престол послушного познанского воеводы Станислава Лещинского. Чтобы не лишиться своего последнего союзника, Россия решила оказывать Августу II, сохранившему за собой Саксонское курфюршество, посильную помощь. Русская армия вступила на территорию Речи Посполитой. Спасти союзника от новых поражений не удалось, в 1706 г. Карл XII принудил саксонского курфюрста заключить Альтранштадтский мир, по которому он обязался выйти из Северного союза и отказаться от польской короны.

С этого времени вся тяжесть борьбы с сильным противником легла на плечи одной России. Положение усугублялось тем, что с одной стороны, сосредоточенный в Гродно русский вспомогательный корпус оказался в окружении и ему грозило уничтожение, а с другой — социальные противоречия в самой России обострились настолько, что вызвали ряд противоправительственных выступлений.

§ 3. ТЯГОТЫ ВОЙНЫ. ВОССТАНИЯ В АСТРАХАНИ И НА ДОНУ

Война вызвала значительный рост государственных повинностей крестьян и посадских людей. Помимо ямских, стрелецких и полоняничных денег, взимавшихся в XVII в., население должно было платить новые налоги на корабельную починку, жалованье ратным людям, рекрутам, устанавливались поборы с бань, ульев, подымные, с рыбных ловель, с перевоза и т. д. Поощряемые

правительством изобретатели новых налогов — *прибыльщики* изощрялись в поисках новых источников дохода. По предложению прибыльщика Курбатова в России была введена орленая (гербовая) бумага. Налогом облагались даже дубовые гробы.

Не менее обременительными для трудовых масс были рекрутская, подводная и постойная повинности. Тысячи людей ежегодно призывались на пожизненную службу в армию и на флот. Кроме того, с 1699 по 1709 г. на строительстве крепостей и гаваней ежегодно было занято около 17 тыс. крестьян и посадских. Если в XVII в. подводная повинность населения была эпизодической, то в связи с Северной войной она стала постоянной. На крестьянских подводах к театру военных действий доставлялись продовольствие, фураж, вооружение, снаряжение, боеприпасы, а иногда и рекруты. Обязанность предоставлять постой войскам при их формировании, маршах и расположении на зимние квартиры также разоряла крестьян и посадских. На содержание армии с населения взимались сухари, мука, крупа, овес, или вместо всего этого оно вносило деньги. К этому следует добавить «великие неправды и грабительства» чиновников, беспощадно выколачивавших накопившиеся недоимки и взимавших незаконные поборы в свою пользу.

Помимо налогов, правительство использовало еще один источник увеличения государственных доходов. С 1700 г. оно стало проводить денежную реформу, сопровождавшуюся уменьшением количества серебра в монете. Только за три года (1701—1703), в течение которых наиболее интенсивно проводилась чеканка новой монеты, казна получила чистой прибыли свыше 1,9 млн. рублей. Порча монеты вызвала понижение курса рубля почти вдвое, соответственно поднялись цены на товары.

Владельческие повинности крестьян тоже увеличились, хотя и не в таком размере, как государственные. Наиболее распространенной была трехдневная барщина, однако некоторые помещики посылали крестьян на барщину и чаще. «Есть такие бесчеловечные дворяне,— отмечал известный публицист петровского времени Иван Тихонович Посошков,— что в рабочую пору не дают крестьянам своим единого дня». По его словам, такие дворяне руководствовались правилом: «Крестьянину-де не давай обрасти, но стриги его яко овцу догола».

На рост государственных и владельческих повинностей крестьяне и посадские отвечали прежде всего бегством. В первом десятилетии XVIII в. бегство приняло невиданный ранее размах. Перепись населения, предпринятая в 1710 г., обнаружила массу пустых дворов, причем, чем ближе тот или иной район находился к театру военных действий, тем больше там было пустых дворов. В Смоленской губернии более 20% дворов пустовало, в Архангелогородской и Ингерманландской губерниях по сравнению с данными переписи 1678 г. численность населения уменьшилась почти на 40%. Крестьяне бежали на окраины государства: в Сибирь, на Дон, в

Поволжье, где было легче укрыться от всяческих сборов и поборов. Но феодальные порядки развивались не только вглубь, но и вширь, государство и феодалы стремились насаждать крепостнические отношения на новых территориях. Именно здесь, на окраинах страны — в Астрахани, на Дону и в Башкирии, вспыхнули крупные движения.

Астрахань была значительным торгово-промышленным центром с населением, пестрым в социальном и национальном отношении. Рыбные промыслы и в особенности судоходство привлекали туда большое количество пришлых работных людей. Там всегда было много не только русских, но и армянских, персидских, среднеазиатских и индийских купцов. В городе стоял крупный гарнизон, насчитывавший 3 650 человек, среди которых было немало стрельцов, сосланных после подавления последнего стрелецкого мятежа.

Восстание началось в ночь на **30 июля 1705 г.** выступлением солдат и стрельцов, перебивших около 300 человек начальных людей и иностранцев. На следующий день на кругу восставшие избрали совет старшин в составе богатого ярославского купца и астраханского рыбопромышленника Якова Носова, земского бурмистра Гаврилы Ганчикова и стрельца Ивана Шелудяка. На круг был приведен скрывавшийся в курятнике воевода Ржевский и здесь же казнен. Круг отменил введенные налоги, из конфискованной денежной казны выдал стрельцам жалованье и принял меры к расширению восстания, к которому вскоре примкнули Красный Яр и Гурьев. Но ни донские казаки, ни посады Среднего Поволжья не поддержали движения — слишком узкой и локальной была социальная программа стрельцов, чтобы их лозунги могли поднять на борьбу широкие народные массы.

Известия о восстании в Астрахани свидетельствовали о непрочности тыла. На подавление восстания Петр направил лучшего полководца фельдмаршала Шереметева. **13 марта 1706 г.** правительственные войска, овладев Астраханью, подавили восстание. Свыше 300 астраханцев были казнены, многих участников бунта сослали в Сибирь. Среди репрессированных преобладали стрельцы, что дает основание считать его стрелецким.

Спустя год после подавления Астраханского восстания вспыхнуло еще более мощное движение на Дону. Коренное население Дона не знало крепостного права, что привлекало сюда массы крестьян. Казачество пользовалось автономией, имело самоуправление во главе с выборным атаманом, ему было предоставлено право не выдавать беглых.

По мере развития в стране феодальных отношений усиливалось наступление государства на автономию Дона. Уходили в прошлое те времена, когда Дон жил своей обособленной, независимой от Москвы политической жизнью.

Теперь Дон оказался зажатым между Воронежем и Азовом,

губернатору которого Петр поручил ведать донскими казаками «как бог вразумит». Царские власти нарушали старый неписаный закон, гласивший: «С Дона выдачи нет». Над казачьими правами и традициями внутренней жизни нависла опасность.

Восстание вспыхнуло в связи с жестокими действиями карательной экспедиции князя Юрия Долгорукого, направленной на Дон для сыска и возвращения беглых. Действия Долгорукого, с целью устрашения сжигавшего станицы, где укрывались беглые, вызывали протест не только со стороны беглых, но и части домовитых казаков, лишавшихся таким образом рабочих рук. Когда Долгорукий разделил карательную экспедицию на четыре отряда, «новопришлые люди, которые бежали из разных городков от розыску», во главе с Кондратием Булавиным в ночь на **9 октября 1707 г.** напали на отряд Долгорукого, заночевавший в Шульгинском городке, и после короткой стычки почти полностью уничтожили его.

Верные царскому правительству отряды домовитых казаков, усиленные калмыками и солдатами Азовского гарнизона, разбили булавинцев, сам Булавин вынужден был бежать в Запорожье, откуда рассылал «прелестные письма» с призывом «побить» бояр, воевод и прибыльщиков.

Весной 1708 г. центром движения стал Пристанский городок на Дону, куда стекались восставшие. Оттуда Булавин двинулся на столицу войска Донского — Черкасск и на полпути к нему, близ Паншина городка, встретился с казаками, мобилизованными атаманом Лукьяном Максимовым для борьбы с восставшими. Сражение не состоялось, так как казаки вступили в братание. В самом Черкасске старшины и войсковой атаман были выданы Булавину. Вместо казненного Максимова войсковой круг избрал атаманом Булавина.

В Черкасске повстанческая армия разделилась на несколько отрядов. Раздробление сил создало благоприятные условия для карательных операций царских войск. После неудачной попытки булавинцев овладеть Азовом зажиточное казачество, примкнувшее к восстанию после прихода Булавина в Черкасск, организовало заговор. Предводитель восстания был убит, а по другой версии, будучи окруженным, застрелился.

В Черкасске казацкая старшина явилась с повинной и выдала активных участников восстания. Начались казни. Для устрашения восставших каратели пустили вниз по Дону плоты с казненными булавинцами.

Летом 1708 г. правительству удалось подавить восстание на Дону, хотя локальные выступления крестьян продолжались до 1710 г. По социальному составу и по целям восстание оставалось казачьим. Поскольку на Дону не было феодального землевладения, то и в «прелестных письмах» Булавина и его атаманов отсутствовали призывы к ликвидации помещичьего землевладения. «Прелестные письма» называли противниками восставших представителей царской администрации, иноземцев и прибыльщиков.

Несколько иной характер носило восстание в Башкирии, продолжавшееся с **1705 по 1711 г.** Подобно астраханскому и булавинскому восстаниям, движение в Башкирии было вызвано ростом повинностей. Имели значение также грубые формы, произвол и насилия, проявляемые администрацией при взыскании податей. Так, прибыльщики, явившиеся в 1704 г. в Уфу для сбора новых налогов и призыва тысячи человек для службы в нерегулярных войсках, изощрялись в издевательствах, жгли башкирам бороды.

У руководства восстанием сразу же встали башкирские феодалы, использовавшие недовольство рядовых башкир в своих целях. Восставшие выступали не только против царской администрации и карательных отрядов, но и против русского трудового населения, совершенно неповинного в политике самодержавия. Подвергались разорению сотни русских деревень, множество крестьян башкиры захватили в плен и продали в рабство. В ходе восстания башкирские феодалы отправляли посольства в Османскую империю и Крымское ханство для ведения переговоров о переходе под власть крымского хана. Башкирское восстание было подавлено в 1711 г.

Глава XIV

ОФОРМЛЕНИЕ АБСОЛЮТИЗМА

§ 1. ВТОРЖЕНИЕ КАРЛА XII В РОССИЮ. ПОЛТАВСКАЯ ВИКТОРИЯ

В разгар восстания на Дону началось вторжение вражеской армии на русскую землю. После побед в Польше и Саксонии отдохнувшая армия Карла XII весной 1708 г. начала свой поход к границам России. Шведский король намеревался в одном сражении разбить русскую армию, овладеть Москвой и принудить Петра заключить выгодный мир.

Русская армия, уклоняясь от генерального сражения, медленно отходила на восток. Командование осуществляло принятый в конце 1706 г. план «томить неприятеля» нападением мелких отрядов и уничтожением провианта и фуража.

Уже во время движения по Литве и Белоруссии шведская армия столкнулась с сопротивлением народных масс, уничтожавших мелкие отряды завоевателей. Имея перед собой армию Шереметева, Карл XII отказался от прямого пути на Москву через Смоленск и круто повернул на юг для следования на Украину, где его ожидал изменник Мазепа.

Значение его поддержки для шведов увеличивалось в связи с разгромом русскими войсками корпуса Левенгаупта, двигавшегося

из Прибалтики для пополнения армии Карла XII. 16-тысячный корпус Левенгаупта сопровождал обоз в восемь тысяч повозок, нагруженных трехмесячным запасом продовольствия, порохом и артиллерией. Войска под командованием Петра I встретили Левенгаупта у деревни Лесной и **28 сентября 1708 г.** разбили шведов, овладев обозом. Петр I называл победу под Лесной матерью Полтавской виктории.

В этих условиях путь на Украину становился для Карла XII тем более заманчивым, что его там ожидали запасы продовольствия и артиллерия, заготовленные коварным гетманом в Батурине. Шведский король, кроме того, рассчитывал пополнить свою армию отрядами украинских казаков, а также надеялся на помощь крымского хана.

Однако этим планам не суждено было осуществиться. Мазепа прибыл в шведский стан с 3—4 тыс. казаков, которых гетман привел обманом, уверив их, что идет сражаться против шведов. Украинский народ не поддержал изменника и оказал решительное сопротивление агрессору. На Украине началась народная война. Население многих городов (Недрыгайлов, Краснокутск, Веприк и др.) наносило значительный урон противнику. Крестьяне уничтожали продовольствие и фураж, нападали на отряды шведов. Карл XII не получил обещанного Мазепой подкрепления и в Батурине, разоренном русской армией.

С **1 апреля 1709 г.** шведская армия начала осаду Полтавы, защищаемой немногочисленным гарнизоном во главе с мужественным полковником Келиным. Три месяца продолжался «неравный спор» между сосредоточенной под крепостью армией Карла XII и гарнизоном (4,2 тыс.), усиленным 2,6 тыс. вооруженных горожан. В бесплодных штурмах шведы несли большие потери. Здесь же, под Полтавой, концентрировалась и русская армия.

Генеральная баталия началась ранним утром **27 июня 1709 г.** наступлением шведов на земляные редуты, защищавшие подступы к русскому лагерю. Сражение закончилось полным разгромом шведской армии. «Непобедимые господа шведы скоро хребет показали»,— писал Петр с поля битвы. На месте сражения шведы оставили свыше 9 тыс. трупов, около 3 тыс. попало в плен. Остатки разгромленной армии во главе с королем в беспорядке бежали к Днепру, где **30 июня** у Переволочны их настиг Меншиков. Здесь сдались в плен еще 16 250 шведов. Карл XII вместе с Мазепой в сопровождении небольшого отряда едва спаслись от плена, укрывшись в османских владениях.

Полтавская победа оказала решающее влияние на весь ход Северной войны. Первоклассной шведской армии более не существовало. Военные действия были перенесены в Прибалтику, где в течение 1710 г. русские войска овладели Ригой, Ревелем, Выборгом и Кексгольмом. Победа под Полтавой имела также громадное международное значение. Северный союз, распавшийся в предпол-

тавский период, снова был восстановлен: на польском престоле утвердился Август II, спустя несколько месяцев в Северном союзе заняла свое место и Дания.

Благоприятного для России хода Северной войны не могла изменить даже крупная неудача в русско-турецком конфликте 1710—1711 гг., инспирированном Англией и Карлом XII. Порта объявила войну России осенью 1710 г., но военные действия начались с января следующего года набегами крымских татар на Украину. Русское командование решило добиться успеха наступательными операциями на вражеской территории. Рассчитывая на помощь томившихся под гнетом османских феодалов народов, Петр I намеревался раньше неприятеля вступить в Молдавию и Валахию и овладеть переправами через Дунай. **Весной 1711 г.** русская армия двинулась на юг и в июне, преодолевая жару и трудности с продовольствием, достигла реки Прут. Здесь ок. 45 тыс. русских войск во главе с Петром I были окружены втрое большим числом неприятеля. Ожидаемая помощь от союзников вовремя не подоспела. Несмотря на это, неприятель в сражении 9 июля 1711 г. не добился перевеса. Переговоры с визирем, умело проведенные вице-канцлером П. Шафировым, закончились 12 июля подписанием Прутского договора: Османской империи возвращался Азов. Россия обязалась не вмешиваться в дела Речи Посполитой. Карлу XII предоставлялся свободный проезд в Швецию. Хотя Петр возвратился из *Прутского похода* «не без печали», мирный договор с блистательной Портой позволил России сосредоточить свои усилия на решении основной внешнеполитической задачи — борьбе за укрепление на Балтийском море.

Здесь военные действия в 1711—1715 гг. протекали на южном берегу Балтийского моря в шведской провинции Померании, где Россия выступала совместно с союзниками, и в Финляндии, где русские войска действовали самостоятельно и овладели ее территорией. Окрепший к этому времени Балтийский флот России мог выполнять самостоятельные боевые задачи. **27 июля 1714 г.** в морском сражении у мыса Гангут Балтийский флот одержал крупную победу над шведами. Территория Швеции стала уязвимой не только с суши, со стороны Финляндии, но и с моря, где молодой флот России приобретал господствующее положение.

§ 2. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ

Система управления уездами из центра, унаследованная от XVII в., не обеспечивала эффективной борьбы с бегством крестьян, оказалась неспособной предотвратить Астраханское и Булавинское восстания. Приказы и подчиненные им воеводы слабо справлялись со сбором налогов, так что недоимки росли из года в год.

В **1708—1710 гг.** правительство провело *областную реформу*. Ее сущность состояла в том, что между уездами, ранее непосредственно

подчинявшимися центру, и приказами появились промежуточные административные единицы — губернии и провинции. Страна была разделена на восемь *губерний* (Московская, Ингерманландская, Смоленская, Киевская, Азовская, Казанская, Архангелогородская и Сибирская) во главе с губернаторами, облеченными правами главнокомандующих расположенных на территории губернии войск и всей полнотой административной и судебной власти. В подчинении губернаторов находилось четыре помощника, каждый из которых ведал определенной отраслью управления: обер-комендант возглавлял военное ведомство; обер-комиссар и обер-провиантмейстер отвечали за денежные и хлебные сборы; ландрихтер управлял судебными делами. Губернии делились на провинции, а последние — на уезды. Проведение областной реформы значительно увеличило штат чиновников, которые, подобно саранче, опустошали управляемые территории всякого рода сборами и налогами, а также поборами в свою пользу.

Областная реформа внесла существенные изменения в организацию центрального аппарата государства. Ратуша утратила значение центрального казначейства страны, так как ее финансовые функции перешли в ведение областной администрации. Исчезли областные приказы.

Вслед за организацией губерний в **1711 г.** был учрежден *Сенат,* заменивший Боярскую думу. Аристократическая по составу, Боярская дума стала отмирать еще с конца XVII в.: она сократилась в *своем составе, так как пожалование думными чинами более не* проводилось, в думу проникали недумные чины, лица незнатного происхождения, но пользовавшиеся доверием царя. Первостепенное значение приобрела возникшая в 1699 г. Ближняя канцелярия — учреждение, осуществлявшее административно-финансовый контроль в государстве. Ближняя канцелярия вскоре стала местом заседаний Боярской думы, переименованной в Консилию министров.

Отправляясь в Прутский поход, Петр учредил «для всегдашних наших в сих войнах отлучек» Сенат в качестве временного учреждения. Всем лицам и учреждениям «под жестоким наказанием или и смертию» велено беспрекословно выполнять сенатские указы. Сенат превратился в постоянное учреждение с весьма широкими правами: он контролировал правосудие, руководил расходами и сбором налогов, «понеже деньги суть артериею войны», ведал торговлей, к нему перешли функции Разрядного приказа.

Одновременно с Сенатом Петр I создал должность *фискалов.* Обязанность обер-фискала при Сенате и фискалов в провинциях состояла в негласном надзоре за деятельностью учреждений. С созданием Сената и губерний процесс замены старых местных и центральных учреждений был далек от завершения: отсутствовали инстанции между Сенатом и губерниями, многие приказы продолжали функционировать, хотя в целом губернская реформа ослабила

значение приказной системы. Нуждались в уточнении функций и областные учреждения — губерния как основная административная единица оказалась слишком громоздкой, ибо включала громадную территорию.

Замена старых приказов новыми центральными учреждениями — *коллегиями* — была проведена в **1717—1721 гг.** К концу XVII в. функции центральных учреждений выполняли 44 приказа. Их заменили 11 коллегиями. Внешние сношения и вооруженные силы находились в ведомстве трех коллегий: Военной, Адмиралтейств и Иностранных дел. Значение этих коллегий подчеркивалось тем, что они назывались «первейшими». Финансами ведали также три коллегии, обязанности между которыми разграничивались следующим образом: Камер-коллегия руководила сбором налогов, расходами распоряжалась Штатс-контор-коллегия, контроль за расходами и доходами осуществляла Ревизион-коллегия. Управление легкой промышленностью было передано Мануфактур-коллегии, горным делом — Берг-коллегии, внешней торговлей — Коммерц-коллегии. Вместо Поместного приказа, ведавшего земельными делами, была организована Вотчинная коллегия. Она ведала всякого рода земельными спорами, делами о наследовании земли и т. д. Местными судебными учреждениями управляла Юстиц-коллегия.

На правах коллегий находились еще два учреждения: *Главный магистрат* и *Синод*. Ратуша после проведения областной реформы 1708—1710 гг. утратила значение центрального учреждения, земские избы были ликвидированы. Перед Главным магистратом, учрежденным в Петербурге в **1720 г.,** была поставлена задача, чтобы он «сию (всего российского купечества) рассыпанную храмину паки собрал». В подчинении Главного магистрата находились городские магистраты, члены которых избирались из числа «дельных и лучших в купечестве» горожан. Фактическая власть в Главном магистрате и городских магистратах находилась в руках богатых купцов, притеснявших мелкий ремесленный люд. Члены городских магистратов избирались пожизненно и за «тщательное радение» могли быть пожалованы в дворянство. Городская реформа укрепила права купечества и тем самым способствовала развитию торговли и промышленности.

Особое место среди центральных учреждений занимал Преображенский приказ — карательное учреждение, возникшее еще в конце XVII в. Преображенский приказ ведал политическим сыском, его суду подлежали все противники существовавших порядков: участники восстаний, лица, произносившие «непристойные речи», под которыми подразумевались разговоры, осуждавшие реформы и поведение царя, его семейные дела и т. д.

Коллегиальная система отличалась от приказной более строгим распределением обязанностей между центральными ведомствами. Решения в коллегиях принимались большинством голосов ее членов в составе президента, вице-президента, четырех советников и

четырех асессоров. Введение коллегиального управления Петр мотивировал, в частности, тем, что «известнее взыскуется истина» коллективным решением, нежели «единым лицем».

Коллегии располагали не только административными правами в отведенной им области управления, но и судебными функциями, за исключением политических преступлений. Финансовые тяжбы между купцами разбирали городовые магистраты и Главный магистрат. Права промышленников защищали Берг- и Мануфактур-коллегии, они же разбирали взаимоотношения мануфактуристов и работных людей. Военная коллегия рассматривала преступления, совершенные военнослужащими сухопутной армии, и т. д.

Коллегиям подчинялись губернская, провинциальная и уездная администрации.

Порядок рассмотрения дел в коллегиях был разработан *Генеральным регламентом,* на основе которого строился весь внутренний распорядок учреждений. Помимо Генерального регламента, каждая из коллегий имела свой особый регламент с перечислением конкретных обязанностей по той или иной отрасли управления. К выработке регламентов были привлечены иностранные правоведы, был учтен опыт государственных учреждений Швеции и Дании. Петр I предупреждал: «Которые пункты в шведском регламенте неудобны или с сетуациею сего государства несходны, и оные ставить по своему разсуждению».

С образованием коллегий были уточнены структура Сената, его права и обязанности. Изменился состав Сената. Первоначально все президенты коллегий являлись членами Сената. Но уже в 1722 г. Петр I признал, что такой состав Сената лишал возможности контролировать работу коллегий и противоречил бюрократическому принципу подчиненности низших учреждений высшему. В том же году при Сенате была учреждена высшая в стране должность генерал-прокурора, а в коллегиях — прокуроров. Обязанность прокуратуры состояла в осуществлении гласного надзора за деятельностью Сената и коллегий. В отличие от фискалов, не вмешивавшихся в ход решения того или иного вопроса, а лишь доносивших о замеченных злоупотреблениях обер-фискалу, прокуроры в коллегиях и генерал-прокурор Сената, заметив нарушение законности, тут же должны были его устранить. Петр I назвал генерал-прокурора «оком государевым» и «стряпчим в делах государственных». Первым генерал-прокурором Сената был Павел Ягужинский, человек весьма деятельный и властный, умевший придать своей должности высокий престиж. Все центральные учреждения и Сенат находились в Петербурге, в Москве они имели конторы.

К 1719 г. изменилась также структура областной администрации. Вместо губернии основной единицей административного управления стала *провинция.* Их было около пятидесяти. Деление гу-

бернии сохранилось, но во власти губернаторов осталось управление губернским городом и командование войсками, расквартированными на территории губернии. По остальным вопросам провинциальные воеводы сносились непосредственно с коллегиями и Сенатом.

В итоге административных преобразований в России было завершено оформление абсолютной монархии. Царь получил возможность неограниченно и бесконтрольно управлять страной при помощи полностью зависимых от него чиновников. Неограниченная власть монарха нашла законодательное выражение в 20-м артикуле Воинского устава и Духовном регламенте. Там отмечено, что «монархов власть есть самодержавная, которым повиноваться сам бог повелевает». Внешним выражением утвердившегося в России абсолютизма является принятие в 1721 г. Петром I титула императора и наименования «Великий». К важнейшим признакам абсолютизма относятся бюрократизация аппарата управления и его централизация. Реформы центрального и местного управления создали внешне стройную иерархию учреждений от Сената в центре до воеводской канцелярии в уездах.

Административные реформы, сопровождавшиеся созданием иерархии учреждений и иерархии чиновников, вооруженных регламентами, уставами и наставлениями завершили возникновение в России *бюрократии*. Без бюрократии не может существовать ни одно цивилизованное государство. Вопрос состоит в том, находится ли она под контролем общества, т. е. таких демократических институтов, как оппозиционные партии, гласность, свобода печати или действует бесконтрольно, превращаясь во всевластную организацию. Петр понимал подобную опасность бюрократии и пытался ограничить ее всевластие при помощи бюрократических же учреждений — фискалата и прокуратуры, которым поручался контроль за чиновниками. Иных форм контроля монархический режим не допускал. Поэтому бюрократическая форма контроля дала ничтожные результаты как при Петре, так и его преемниках.

§ 3. ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА

Церковная реформа принадлежит к важнейшим преобразованиям Петра I. Смерть патриарха Адриана в 1700 г. дала повод известному прибыльщику А.А. Курбатову обратиться к Петру, находившемуся в это время у стен Нарвы, с посланием, содержавшим два мудрых совета. Он рекомендовал царю «до времени обождать» с избранием нового патриарха, а также учредить «расправный приказ особливый для сбора податей в казну, чтобы они не погибли в прихотях владетелей». Руководителем нового приказа Курбатов рекомендовал назначить боярина И.А. Мусина-Пушкина. Царь внял обоим советам: вместо избираемого собором патриарха он назначил рязанского митрополита Стефана Яворского место-

блюстителем патриаршего престола. Воспользовался Петр и советом назначить руководителем Монастырского приказа Мусина-Пушкина.

Принятие царем советов прибыльщика станет понятным, если вспомним дело патриарха Никона, а также напомним о деятельности главных пастырей, занимавших патриаршество после его низложения. Из четырех патриархов, возглавлявших православную церковь в 1667—1700 гг. только два последних оставили след в истории церкви.

Как ни парадоксально выглядит оценка деятельности патриархов Иоакима (1674—1690) и Адриана (1690—1700), но оба они хотя и участвовали в низложении Никона, придерживались тех же взглядов, что и опальный патриарх. Так, Иоаким настойчиво добивался ликвидации Монастырского приказа и передачи администрации, суда и финансов в руки духовенства и в конечном счете достиг своего — в 1677 г. Монастырский приказ был упразднен и мирские чиновники более не выполняли административных, финансовых и судебных функций в вотчинах духовных помещиков. В завещании, составленном Иоакимом в 1690 г., патриарх заклинал царя не знаться с «богомерзкими» иноверцами, с «латины, лютеры, кальвины» и не прельщаться «непотребными» иноземными порядками. Бритье бороды он объявляет «елинским блудничеством, гнусным обычаем». За это велит наказывать отлучением от церкви. Патриарх Адриан не скрывал теократических взглядов и, подобно Никону, отдавал предпочтение духовной власти над светской: «Царство убо власть имать точию на земли... Священство же власть иметь и на земли и на небеси».

Итак, борьба светской власти за примат над духовной началась не при Петре, а задолго до него, учреждение Монастырского приказа придумано не Петром, а за полстолетия до него. Царь-реформатор придал этой борьбе присущий его интеллекту широкий размах, а в самой борьбе он занял не оборонительные, как его отец при Никоне, а наступательные позиции.

Новые подходы к решению проблемы объяснялись, с одной стороны, ускоренным движением политического строя к абсолютизму, по своей природе не терпящим рядом с собой равной ему власти, а с другой — четким пониманием того, что «лютеры и кальвины» обладали передовой культурой, необходимыми знаниями, опытом промышленного строительства, организации армии и флота. Если руководствоваться заветами патриарха Иоакима, то надо было обречь страну на косность и отсталость, наложить запрет на заимствование всего передового, что могло проникнуть в Россию с «богопротивного» Запада и в конечном счете отказаться от преобразований.

Петру надобен был не противник преобразовательных планов, а активный помощник, целиком разделявший его намерения. Такого помощника он среди духовных иерархов не обнаружил, и

потому, чтобы не обрести второго Никона, решил вместо избрания патриарха назначить местоблюстителя патриаршего престола. Выбор пал на Стефана Яворского, проникновенная проповедь которого на похоронах боярина Шеина обратила внимание царя. Эта речь и решила карьеру сына мелкого украинского шляхтича, в течение года проделавшего путь от настоятеля монастыря до рязанского митрополита и, наконец, высшего церковного иерарха.

Петр, умевший угадывать таланты у своих помощников, на этот раз ошибся. Хотя Стефан Яворский не отваживался на открытое осуждение преобразований, но несомненно был тайным их недоброжелателем и иногда позволял себе высказывать суждения, не вызывавшие одобрения царя. Так, местоблюститель не одобрял насильственное пострижение первой супруги Петра Евдокии Лопухиной, его женитьбы на безродной Екатерине. Но особенно обострились отношения между царем и местоблюстителем в 1712 г., когда Стефан Яворский в день ангела царевича Алексея назвал его «единой надеждой России» и обрушился на введенный Петром институт фискалов.

Стефан Яворский был прав, когда выступил против безнаказанности фискалов за неправый донос. По его мнению, фискал, не доказавший вины, должен подлежать такому же наказанию, которому мог быть подвергнут обвиняемый. Проповедь вызвала гнев царя. Он запретил местоблюстителю произносить проповеди в своем присутствии и потребовал от него письменного объяснения.

Одновременно с учреждением должности местоблюстителя был круто изменен уклад жизни черного духовенства. Монахам было запрещено держать в кельях чернила и бумагу, ограничивался переход их из одного монастыря в другой. Но главное новшество состояло в том, что Монастырский приказ взял на учет владения монастырей и духовных владык и поделил их на две категории: доходы с одних, так называемых определенных, шли на удовлетворение нужд монастыря из расчета на каждого монашествующего, независимо от чина, по 10 руб. и 10 четвертей хлеба в год; другие вотчины, «заопределенные», управлялись чиновниками, назначаемыми Монастырским приказом. Все доходы с этих вотчин поступали в казну. За первые 11 лет своего существования Монастырский приказ перечислил в государственный фонд свыше 1 млн. руб.

У царя сложилось устойчиво негативное отношение к монашествующим. В указе от 30 декабря 1701 г. он ставил в пример древних монахов, которые «сами себе трудолюбными своими руками пищу промышляли и, общежительно живяше, и многих нищих от своих рук питали». Нынешние же монахи, рассуждал царь, «сами чуждые труды поедоша, и начальные монахи во многие роскоши впадоша». Спустя 23 года царь высказывал те же мысли: большая часть монахов «тунеядцы суть», ибо ведут праздную жизнь («корень всему злу праздность»), заботятся только о себе, в то время как до

пострижения они были «троеданниками: то есть дому своему, государству и помещику».

Эти высказывания царя наводят на мысль о его безверии или отсутствии у него твердой религиозности. Подобное суждение ошибочно — Петра с детских лет обучали церковному благочестию, он усвоил порядок церковной службы, участвовал во всех церковных церемониях и оставался до конца дней своих глубоко верующим человеком, полагая, что все доброе, выражавшееся, например, в победах на театре войны, и злое, происходившее от грехопадений, как, например, трагедия на Пруте, не что иное как Божье благоволение.

Истоки негативного отношения к монашеству восходят к представлениям Петра о роли своей и своих подданных в государстве. Он, царь, слуга государства, монарх, олицетворявший государство, ему служат подданные. В предшествующих столетиях служба монашествующих состояла в замаливании грехов, их называли царскими богомольцами. Петр считал, что такой службы теперь недостаточно. «А что, говорят, молятся, то и все молятся... что же прибыль обществу от сего? Поистину токмо старая пословица: ни Богу, ни людям, понеже большая часть бегут (в монастыри.— *Н.П.*) от податей и от лепости, дабы даром хлеб есть».

Петр возложил на монастыри новые обязанности. Одна из них, филантропическая, состояла в предоставлении приюта больным, старикам, увечным. Нужда в подобных услугах в годы Северной войны возросла во много крат в связи с увеличением числа раненых и увечных. Другая обязанность — просветительская: они должны были превратиться в очаги распространения грамотности, стать учредителями школ. Наконец, третья обязанность, связанная с пополнением бюджета государства доходами с монастырских вотчин, выполнялась лишь два десятилетия: «заопределенные» вотчины, управляемые Монастырским приказом, были напрочь разорены управителями и Петр в 1721 г. вернул их монастырям.

Петру все же удалось обрести среди духовенства подлинного сторонника преобразований и надежного соратника в их осуществлении — Феофана Прокоповича.

Таланты Прокоповича Петр использовал, чтобы, во-первых, оправдать свое решение о лишении сына Алексея права наследовать престол и, во-вторых, в обосновании преимуществ коллегиальной системы над единоличным управлением. Но главный вклад Прокоповича в преобразовательные начинания Петра состоял в обосновании беспочвенности теократических притязаний духовенства и несостоятельности никонианской идеи преимущества духовной власти над светской.

Прокопович утверждал, что священство всего-навсего «иный чин есть в народе, а не иное государство», что у духовной и светской власти государь и патриарх представлен одним лицом — императором. С идеей примата светской власти над духовной и ненадобности

патриаршества тесно перекликается система доказательств преимущества коллегиального управления над единоличным. Все эти вопросы тщательно разработаны Феофаном в одном из его главных сочинений — регламенте Духовной коллегии. Этот документ обозначил сущность церковной реформы: главой церкви объявлялся монарх, а управление церковными делами поручалось таким же чиновникам, находившимся на государственной службе и получавшим жалованье, как и чиновники, заседавшие в Сенате и коллегиях. Различие состояло в том, что в Духовной коллегии, вскоре переименованной в Святейший Синод, заседали чиновники, облаченные в рясы. Контроль государственной власти за деятельностью Синода осуществлял обер-прокурор, светское лицо, объявленное инструкцией таким же «оком государевым», как генерал-прокурор Сената. Полная зависимость Синода от государства выражалась не только в получаемом жалованье, но и в принимаемой его членами присяге. Синодалы присягали на верность царствующей фамилии, обязывались блюсти государственный интерес, а самого монарха почитать высшим судьей в духовных делах. На священнослужителей возлагались и полицейские функции — разрешалось пренебрегать тайной исповеди и доносить властям в тех случаях, когда исповедовавшийся замышлял что-либо против существовавших порядков.

Церковная реформа устраивала далеко не все духовенство — церковь как носительница консервативного начала подверглась внедрению крутых новшеств, но Петр вместе с Прокоповичем осуществил реформу так, что ни у одного из иерархов не возникло возражений: все 87 духовных лиц прикусили язык и безропотно подписали Духовный регламент.

Частичной секуляризацией владений духовных феодалов и превращением церкви в послушное орудие государственной власти не исчерпывается содержание церковной реформы. Третьим ее следствием надлежит считать некоторую «секуляризацию мысли», проникновение светской идеологии в общественную жизнь. Свидетельством частичного освобождения общественной мысли от церковной идеологии является отказ правительства от средневековых преследований «еретиков». На смену слепой непримиримости к инаковерующим пришло некоторое ослабление религиозных гонений, известная веротерпимость. Костер и ссылка, тюремное заключение и содержание в яме перестали быть единственными средствами защиты православия. Руководствуясь практическими интересами, правительство отказалось от жестокого преследования старообрядцев. Указ 1716 г. разрешал записываться в раскол «без всякого сомнения», но за эту милость с лиц, придерживавшихся старых обрядов, налоги взыскивались в двойном размере. Кроме того старообрядцев принудили носить иной, чем у остального населения, головной убор — его украшали рога. Сторонников старой веры лишали также некоторых гражданских прав, предостав-

ляемых посадскому населению: участия в выборах и права занимать выборные должности.

Еще одна особенность церковной политики Петра I состояла в провозглашении манифестом 1702 г. веротерпимости, предоставлении иностранцам права беспрепятственно исповедовать свою религию и сооружать для этого храмы. Эта мера была обусловлена привлечением иностранных специалистов на русскую службу.

§ 4. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Существенные изменения прослеживаются в области экономики и социальной политики.

Подавляющая масса населения страны, как и в предшествующем столетии, была занята в сельском хозяйстве. Хотя эта отрасль народного хозяйства при феодализме развивалась чрезвычайно медленно, но и здесь можно отметить некоторые сдвиги, обусловленные развитием промышленности и увеличением спроса на сельскохозяйственное сырье. Для суконных мануфактур требовалась шерсть. С этим связаны меры правительства по развитию в стране овцеводства, в частности создания на Украине крупных овцеводческих ферм с вывезенными из Испании и Саксонии породистыми овцами.

Развитие текстильных мануфактур вызвало расширение посевов льна. Указ 1715 г. предписывал сеять лен и коноплю во всех губерниях страны, причем посевы этих культур в старых льноводческих районах должны были увеличиться вдвое. В отличие от XVII в. в инструкциях помещиков приказчикам первой четверти XVIII столетия наряду с пунктами судебно-полицейского содержания (о неприеме беглых, о наказании плетьми за различные провинности) включены наставления об уходе за скотом, определяется время выполнения сельскохозяйственных работ, предусматривается порядок удобрения полей навозом и т. д. Однако основной путь развития производительных сил в сельском хозяйстве состоял не в их интенсификации, а в расширении посевных площадей за счет освоения новых районов. Земледельческая колонизация все в больших размерах проникала в Поволжье, Урал и Сибирь. Вслед за крестьянами, на юг и в Поволжье устремились помещики, превращавшие поселенцев в крепостных.

Старинная система раздачи земель служилым людям по отечеству уже изжила себя, и рядовые дворяне были переведены на денежное жалованье. Царь жаловал землею не за службу, а за особые заслуги. Но и такого рода пожалования приводили к значительному росту дворянского землевладения. Только с 1682 по 1710 г. были розданы из дворцового фонда 273 волости с более чем 43 тыс. крестьянских дворов. Огромные пожалования получили ближайшие сотрудники Петра I: А.Д. Меншиков стал владельцем 100 тыс. душ крепостных; фельдмаршал Б.П. Шереметев получил от царя Юхотскую волость в Ростовском уезде и др.

Одновременно с расширением площади дворянского землевладения расширялись права дворян на землю. В XVI—XVII вв. различались две формы феодального землевладения: поместье — пожизненное владение, обусловленное обязательной службой, и вотчина — безусловная наследственная собственность. Процесс стирания граней между поместьем и вотчиной происходил еще в XVII в., но только *указ о единонаследии* **1714 г.** окончательно оформил слияние этих двух форм землевладения в одну: поместные и вотчинные земли были объявлены «недвижимой» собственностью. Правда, указ 1714 г. запрещал продавать и закладывать поместья и вотчины, а также делить их на части между наследниками. Вся недвижимая собственность могла быть передана только одному из наследников, а движимое имущество получали остальные сыновья, дочери и вдова. Это мотивировалось необходимостью предотвратить дробление земельных владений и измельчание помещичьих хозяйств. Однако главная цель указа состояла в том, чтобы принудить молодых дворян «хлеба своего искать службою, ученьем, торгами и прочим».

Консолидации дворянского сословия способствовала также «*Табель о рангах*» **1722 г.**, вводившая новый порядок прохождения службы. В предшествующее время основным критерием служебной годности и продвижения по службе была знатность происхождения. Отмена местничества в 1682 г. нанесла удар определению служебной карьеры по породе, но полностью не ликвидировала ее. Лишь «Табель о рангах» на первое место поставила не породу, а личные способности, образование и практические навыки дворянина. Она открыла доступ для представителей мелкого и среднего дворянства к высшим должностям в государстве.

Вместе с тем «Табель» ликвидировала прежнее деление господствующего класса-сословия на чины. Служебная лестница теперь состояла из 14 ступеней, или рангов, от фельдмаршала и генерал-адмирала в армии и флоте и канцлера на гражданской службе до самого низкого, 14-го ранга прапорщика и коллежского регистратора. Сыновьям родовитых отцов отдавалось предпочтение только во время дворцовых приемов, но никакого ранга они не получали, если не находились на службе. Личные способности выдвинули из среды неродовитого дворянства ряд крупных государственных деятелей петровского времени, таких, как генерал-адмирал Ф.М. Апраксин, дипломаты П.А. Толстой, И.И. Неплюев и др.

Вместе с тем «Табель о рангах» предоставляла возможность получать дворянские чины выходцам из других сословий: с получением 8-го ранга по гражданской службе и обер-офицерского чина (начиная с прапорщика) по военной они становились потомственными дворянами, приобретая тем самым все привилегии этого сословия. Князь Меншиков, в конце жизни пожалованный чином генералиссимуса, в детстве, согласно молве, торговал пирожками; московский вице-губернатор В.С. Ершов, президент Ратуши

А.А. Курбатов до своего возвышения были крепостными крестьянами.

Главная социальная мера правительства в отношении крестьян состояла в проведении *переписи* **1718—1724 гг.,** с окончанием которой в России подворное обложение было заменено *подушной податью.*

Начиная с 1678 г. единицей обложения в России был двор. В первом десятилетии XVIII в. правительство, испытывая большую нужду в деньгах и рассчитывая на прирост населения, решило в 1710 г. провести новую перепись, обнаружившую уменьшение населения.

Основная причина выявленной «пустоты» состояла в бегстве крестьян. Но вместе с тем имела значение и утайка количества дворов, осуществляемая помещиками. Чтобы уменьшить число плательщиков, они нередко объединяли несколько семей родственников, а иногда и чужих друг другу людей в один двор. Прибыльщики и прожектеры (лица, подававшие «прожекты» — проекты реформ) петровского времени высказывали правительству свои критические замечания в адрес существовавшей подворной системы обложения и настоятельно рекомендовали правительству перейти к «поголовщине», сделать единицей обложения не двор, а мужскую душу.

В 1718 г. правительство приступило к проведению подушной переписи населения, причем подача сказок была возложена на самих помещиков, которые должны были это сделать в течение года. Не добившись сведений о численности населения от помещиков и монастырей, правительство в 1722 г. решило обревизовать наличные ведомости и с этой целью использовало офицеров. Таким образом, с 1722 по 1724 г. была проведена ревизия результатов первой переписи. С этого времени переписи населения получили название *ревизий.*

Проведенная ревизия и связанная с нею податная реформа имела троякое значение: *финансовое, социальное* и *полицейское.* Финансовое значение состояло в том, что она позволила перейти от подворного обложения к *подушному.* Ревизия учла 5,6 млн. податных душ мужского пола, в том числе 5,4 млн. душ м. п. крестьян и 183,4 тыс. посадских (3,2%), неподатное население исчислялось в 515 тыс. д. м. п., а общая численность населения России, включая Сибирь, Прибалтику и Украину, составляла 15,5 млн. человек обоего пола.

На крестьян было возложено содержание армии, а на посадских — флота. Размер подати определили арифметическим путем: 4 млн. руб., требуемых на армию, разделили на число крестьян-налогоплательщиков, получилась сумма в 74 коп. Налог с посадских составлял 1 р. 14 коп. Ученые сходятся на том, что подушная подать была обременительнее налогов, взимавшихся до ее введения, но на сколько — точно установить пока не удается, так как взимание великого множества экстраординарных налогов было не повсеместным, оно часто распространялось на отдельные разряды крестьян и на отдельные губернии и даже уезды.

В целом доход государства по смете 1724 г. по сравнению с 1680 г. должен был увеличиться в три раза. Это не значит, что налоговый

гнет давил с тройной силой: на рост доходов немаловажное влияние оказывало значительное увеличение численности налогоплательщиков, а также возросшие поступления от развивавшейся промышленности и торговли.

Социальное значение податной реформы состояло в том, что она стала важнейшей после Уложения 1649 г. вехой в развитии крепостного права в России. Если Уложение оформило крепостное право для основной массы сельского населения, то податная реформа распространила крепостную зависимость на слои населения, которые были либо свободными (гулящие люди), либо имели возможность обрести свободу после смерти господина (холопы). И те и другие становились навечно крепостными.

В процессе проведения податной реформы был образован новый разряд крестьян, получивших название *государственных.* В него вошли черносошные крестьяне Севера, однодворцы южных уездов, пашенные люди Сибири и ясачные люди Среднего Поволжья общей численностью в 1 млн. д. м. п. Государственных крестьян правительство обязало платить в казну сверх подушной подати 40-копеечный оброк, т. е. сумму, которую, как считали, вносила мужская душа, принадлежавшая помещику, монастырю или дворцовому ведомству. Это означало включение государственных крестьян в сферу феодальной эксплуатации.

Первая ревизия, таким образом, пристроила к государственному или владельческому тяглу все трудовое население страны, не оставив среди сельских жителей людей, свободных от крепостной зависимости.

Третий аспект ревизии — полицейский — состоял в введении в стране *паспортной системы.* Каждый крестьянин, уходивший на заработки дальше 30 верст от постоянного места жительства, должен был иметь паспорт с указанием срока возвращения домой. Паспортная система затрудняла миграцию крестьянского населения и на долгие годы затормозила формирование рынка рабочей силы. Она ужесточила борьбу с бегством, в чем и состояло ее главное назначение: всякий, кто не имел паспорта, подлежал задержанию и выяснению личности в воеводской канцелярии. Борьбу с бегством преследовал и изданный в **1721 г.** указ, устанавливавший по сравнению с Уложением 1649 г. десятикратное увеличение суммы штрафа за держание беглого,— теперь помещик, приютивший беглого, должен был платить вместо 10—100 руб. в год.

Наиболее существенные результаты во время преобразований экономики были достигнуты не в сельском хозяйстве, а в промышленности. В списке мануфактур должно быть оставлено не 200 предприятий, как считалось ранее, а около 100. Тем не менее достижения в области промышленного развития следует признать грандиозными, так как в конце XVII в. крупное производство России представляла одна парусно-полотняная мануфактура и чуть больше десятка металлургических.

В развитии промышленности прослеживается два этапа: на

первом, продолжавшемся до середины второго десятилетия XVIII в., основателем мануфактур выступала казна, на втором преимущественно частные лица. Изменилось и назначение продукции, выпускавшейся крупным производством: сначала эта продукция предназначалась главным образом для военных нужд (металлургия, сукноделие, парусно-полотняное производство); на втором этапе появляются мануфактуры, выпускающие изделия для населения. игральные карты, краски, курительные трубки, шелковые ленты и др.

В промышленной политике правительства тоже прослеживается два этапа: на первом, продолжавшемся **до 1717 г.,** единственным средством поощрения привлечения купеческих капиталов в сферу производства была *передача купцам на льготных условиях казенных заводов:* Невьянского на Урале П. Демидову в 1702 г. и полотняной мануфактуры компаниям купцов в 1711 г. В этот же период многочисленные меры правительства наносили такой ущерб купцам, что многие из них разорились. К таким мерам относятся объявление торговли солью и табаком государственной монополией, принудительное перенесение торговли с заграницей из Архангельска в Петербург, запрещение пользоваться речными судами старой конструкции, расширение списка товаров, монополизированных казной при торговле с заграницей, выполнение купцами разнообразных поручений правительства, связанных с отрывом их от собственных торговых операций, взимание многочисленных налогов с купцов. Перечисленные меры либо лишали купцов возможности извлекать прибыль от торговли товарами, пользовавшимися большим спросом на внутреннем и внешнем рынке (соль, юфть, щетина, ревень, пенька и др.), либо разрушали налаженные пути движения товаров для продажи за границу, либо изымали в казну в форме налогов значительную долю купеческих капиталов, либо отвлекали их от торговли.

Новый этап в торгово-промышленной политике наступает с 1717 г., когда государство отказалось от монополии на продажу за границу ряда ходовых товаров, освободило от служб владельцев мануфактур, а главное — предоставило им в **1721 г.** *право покупать к предприятиям крепостных.* Тем самым было положено начало применению крепостного труда в промышленности.

Другим источником обеспечения предприятий рабочей силой, тоже начавшим использоваться при Петре, было закрепление за мануфактурами беглых крестьян — указом **1722 г.** мануфактуристы получили право не возвращать помещикам беглых, овладевших мастерством.

Успехи в развитии промышленности сказались на структуре ввоза и вывоза. Если накануне Северной войны Россия ввозила высшие сорта железа из Швеции, то к концу первой четверти XVIII в. русская металлургия оказалась способной полностью удовлетворить внутренние потребности в металле и даже производить его для продажи за границу. Первая партия железа в количестве 42,4 тыс.

пудов была продана за границу в 1722 г. Опыт оказался настолько удачным, что уральское железо, мягкое в ковке, стало пользоваться устойчивым спросом за границей и ввоз его из года в год увеличивался.

Вершиной протекционистской политики правительства явился *таможенный тариф* **1724 г.** Размер пошлины, взимаемой с заграничных товаров, находился в прямой зависимости от способности отечественных предприятий удовлетворить потребности внутреннего рынка: чем больше тех или иных товаров выпускали русские мануфактуры, тем более высокая пошлина взималась при ввозе таких же товаров из-за границы.

Из купцов, вложивших капиталы в мануфактурную промышленность, формировалась особая прослойка феодального общества, по своему социальному статусу приближавшаяся к дворянству.

Промышленная политика правительства оказывала на мануфактурное производство противоречивое влияние. С одной стороны, она способствовала увеличению числа мануфактур, что можно оценить как успех в развитии производительных сил. Мануфактурная промышленность, кроме того, повышала экономическую независимость России и укрепляла ее обороноспособность. Но, с другой стороны, прогресс осуществлялся на крепостнической основе с использованием ресурсов феодальной системы, что нашло отражение в широком применении принудительного труда в промышленности. Но иного пути развития Россия тогда не имела.

Мануфактурное производство, на каком бы уровне развития оно ни находилось, не в состоянии обеспечить население промышленными изделиями. Основную массу промышленных товаров попрежнему поставляли мелкие производители-ремесленники.

Городские ремесленники на основе указа **1722 г.** были объединены в *цехи*. Если в Западной Европе возникновение цехов предшествовало вступлению стран в мануфактурный период и исходило от самих ремесленников, пытавшихся жесткой регламентацией предотвратить конкуренцию и усилить свои позиции в борьбе с феодалами, то в России цехи были организованы по инициативе государства, и в тот период, когда страна уже имела крупную промышленность. Цехи были учреждены прежде всего с целью организованного использования труда разрозненных мелких производителей для изготовления изделий, необходимых армии и флоту. Русские цеховые уставы были лишены ряда ограничений, тормозивших развитие ремесла: не регламентировали размеры производства мастера, разрешали ему держать любое количество подмастерьев и учеников, допускали конкуренцию с внецеховым производством.

Немаловажное значение в развитии торговли имел пуск в 1709 г. Вышневолоцкого канала, который позволил связать дешевым речным путем обширный бассейн Волги с северо-западными областями России, в том числе с Петербургом.

В 1726 г. торговый оборот Петербурга в 12 раз превышал

торговый оборот Архангельска. Для внешнеторговых связей использовались также приобретенные в ходе Северной войны такие портовые города, как Рига, Ревель (Таллинн), Выборг и др. Из России вывозились преимущественно лен, пенька, кожи, мачтовый лес, канаты, поташ. Новое в структуре русского экспорта состояло в продаже за границу изделий молодой промышленности: железа и полотна. За границей Россия закупала изделия мануфактурной промышленности: сукна, краски, шелковые материи, вино и колониальные товары: сахар, пряности и т. д. Баланс внешней торговли был активным для России, вывоз в два раза превышал ввоз. Достижение активного торгового баланса являлось заветной мечтой меркантилистов всех стран, считавших приток благородных металлов в страну одним из важнейших показателей обогащения государства.

В итоге преобразований Россия стала сильным европейским государством. Во многом была преодолена технико-экономическая отсталость. Однако в экономической характеристике страны решающее значение имела не промышленность и городское население с его более передовыми производственными навыками, а сельское хозяйство с рутинной техникой и крепостническими отношениями, задерживавшими рост производительных сил.

Отсталость проявлялась и в низком удельном весе городского населения, и в структуре внешней торговли, где главным предметом русского экспорта были не промышленные товары, а сельскохозяйственное сырье, а в вывозе товаров морским путем преобладающая роль принадлежала не русским, а иностранным купцам.

И все же преобразования, несмотря на то что они проводились на крепостнической основе, дали большой толчок для развития производительных сил.

§ 5. ОКОНЧАНИЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ И ОБРАЗОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

После Полтавской победы и крупных успехов русских войск в Прибалтике военная мощь Швеции была подорвана настолько, что ее дальнейшее сопротивление становилось безнадежным. Россия, закрепив за собой берега Балтики, не претендовала на новые территориальные приобретения и готова была заключить мир. Однако Швеция не хотела мириться с потерей богатых прибалтийских провинций, снабжавших ее хлебом. Война хотя и вяло, но продолжалась. Основные усилия воюющих сторон были сосредоточены на дипломатической подготовке благоприятных для себя условий мира.

Об ослаблении напряженности на театрах Северной войны можно судить по тому, что Петр I счел возможным в 1716 г.

снарядить 6-тысячный отряд во главе с А. Бековичем-Черкасским в Хиву и Бухару. Перед экспедицией была поставлена задача склонить хивинского хана в подданство, а бухарского эмира — к дружбе с Россией. Кроме того, экспедиция должна была разведать торговые пути в Индию и залежи золота в низовьях Амударьи. Поход князя Черкасского окончился трагедией. Хивинский хан сначала уговорил князя рассредоточить силы, а затем вероломно напал на отряды и уничтожил их.

В 1716 г. русская дипломатия во взаимоотношениях с государствами Западной Европы достигла наибольших успехов. Швеция оказалась в изоляции, так как в состав возглавляемой Россией коалиции, помимо Дании и Саксонии, вошли Речь Посполитая, Пруссия и Ганновер. Настойчивые попытки Карла XII создать помехи торговле России с Западом через Балтийское море вызвали недовольство морских держав. Объединенная эскадра в составе русских, английских, датских и голландских кораблей под командованием Петра I готовилась высадить десант на шведском побережье. В 1717 г. в Амстердаме был подписан договор с Францией и Пруссией, предусматривавший благоприятное для России посредничество при заключении мира со Швецией. Франция, кроме того, обязалась прекратить финансовую помощь Швеции.

Перспектива заключения выгодного для России мира встревожила Англию, которая опасалась превращения ее в сильную морскую державу. В результате интриг английской дипломатии и обострения противоречий среди союзников антишведская коалиция в 1717 г. распалась: Дания и Ганновер отказались принимать участие в активных действиях против Швеции.

Между тем Швеция в 1718 г. находилась в состоянии крайнего истощения военных и экономических ресурсов, в стране свирепствовал голод. В мае начались мирные переговоры (на одном из Аландских островов). Уповая на помощь англичан, шведы избрали тактику затягивания переговоров. После гибели Карла XII (1718) в Швеции восторжествовала реваншистская группировка, ориентировавшаяся на продолжение войны. Лихорадочными усилиями английской дипломатии в 1719 г. была организована коалиция европейских государств против России в составе Австрии, Саксонии и Ганновера. Англия подогревала упорство шведов обещанием эффективной военной и финансовой помощи. Это привело к прекращению переговоров на Аландском конгрессе. Русское командование трижды в 1719—1721 гг. организовывало успешные десантные операции на территории Швеции.

В 1719 г. русский корабельный флот одержал победу над шведским у острова Эзель, а в **1720 г.** отряд галер у острова Гренгам напал на шведскую эскадру, захватил 4 фрегата, 104 пушки и 407 пленных. Петр I особенно высоко ценил эту победу потому, что она была достигнута «при очах господ англичан, которые равно шведов обороняли, как их земли, так и флот».

Убедившись в бесплодности попыток вытеснить Россию с берегов Балтийского моря, Англия отозвала свой флот. Истощенная войной Швеция решила пойти на мир. В мае **1721 г.** в Ништадте (Финляндия) были возобновлены переговоры, **30 августа** они завершились подписанием мирного договора. Россия получила Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с Выборгом, а также острова Эзель и Даго. Россия возвращала Швеции Финляндию и обязалась уплатить за территориальные приобретения 2 млн. ефимков (1,5 млн. рублей).

Таким образом, Россия получила надежный выход к Балтийскому морю. Приобретение Балтийского побережья вполне окупило тяжелые жертвы, понесенные Россией в длительной войне, так как договор создавал более благоприятные предпосылки для ее экономического и культурного развития.

Исход войны внес коренные изменения в международное положение России. Она вышла на широкую международную арену, превратилась в великую европейскую державу, и ни один вопрос международной жизни не мог решаться теперь без ее участия.

Результаты Северной войны имели огромное значение для исторических судеб народов, вошедших в состав Российской империи,— латышей и эстонцев. Лифляндия и Эстляндия оказались под шведским владычеством в первой половине XVII в. Обе провинции, превращенные в колонии, находились в управлении генерал-губернаторов, назначаемых шведским королем.

Агрессивные войны, которые вела Швеция в XVII в., финансировались ее заморскими владениями в Прибалтике. Оттуда же выкачивались деньги на содержание королевского двора. Земли этих провинций использовались для раздачи шведским чиновникам и дворянам.

Прибалтийские колонии выполняли функции хлебного амбара Швеции, снабжая ее продуктами сельского хозяйства. Повышенный спрос на хлеб стимулировал рост мызного хозяйства немецких и шведских феодалов, что вызывало увеличение барщинных повинностей крестьян. Отсюда требования помещиков об окончательном закрепощении крестьян. Крепостное право было оформлено несколькими законодательными актами, среди которых важнейшим были *«Полицейские правила 1668 года»*. Нигде в Европе положение крестьян не было таким бесправным, как в шведских колониях.

Одновременно с расширением прав потомков крестоносцев и шведских феодалов на личность крестьян и плоды их труда они добились от шведского правительства права на самоуправление и организацию собственного судопроизводства. Корпоративное устройство эстляндского и лифляндского рыцарства превратило его в хорошо организованную и сплоченную силу, защищавшую свои интересы перед правительством в Стокгольме. В итоге в

прибалтийских колониях Швеции утвердился так называемый прибалтийский особый порядок, под которым подразумевается совокупность привилегий местного дворянства и система его сословных учреждений.

В последнем двадцатилетии XVII в. в шведских колониях произошло важное событие, обусловленное изменением в политическом строе метрополии — там утвердился абсолютизм. Осуществляемая им агрессивная внешняя политика требовала огромных затрат, а казна была пуста. Для ее пополнения абсолютистский режим провел *редукцию имений,* т. е. изъятие у дворянства земель, ранее пожалованных королем как в самой Швеции, так и в ее прибалтийских владениях. В итоге в Лифляндии перешло к государству 5/6, в Эстляндии —1/3, а на о. Сааремаа —1/4 дворянских земель. Редукция сопровождалась сокращением прав органов дворянского самоуправления и расширением власти генерал-губернатора.

Редукция если и изменила положение крестьян, то только в худшую сторону. Редуцированные имения остались во владении прибалтийских феодалов, но теперь они выступали не их собственниками, а арендаторами. Чтобы уплатить аренду государству, помещик увеличивал крестьянские повинности.

Редукция вызвала недовольство и дворянства, особенно лифляндского. Среди него в канун Северной войны возник заговор, возглавляемый Паткулем.

Сопротивляемость ослабленного крестьянского хозяйства стихийным бедствиям понизилась настолько, что неурожаи 1695—1697 гг. вызвали в Прибалтике голод, прозванный великим. Смертность населения от голода сократила его численность. Несмотря на это, шведское правительство продолжало выгребать зерно из своего «амбара». В первое десятилетие Северной войны на территории Лифляндии и Эстляндии происходили военные действия, что подрывало экономику провинций.

Ништадтский договор предусматривал сохранение всех привилегий, предоставленных немецкому дворянству шведским правительством. Редукция имений, приостановленная Карлом XII в 1700 г. была отменена, дворянство сохранило свое самоуправление, сословные органы и прочие привилегии. Таким образом, от присоединения Лифляндии и Эстляндии к Российской империи более всего выиграли немецкие дворяне. Тем не менее в целом вхождение прибалтийских земель в состав России оказало огромное влияние на развитие эстонского и латышского народов: были ликвидированы искусственные преграды, тормозившие установление тесных экономических связей между такими крупными портовыми городами, как Рига, Ревель, и близлежащими к ним районами России, где прибалтийские купцы покупали традиционные товары российского экспорта: лен, пеньку, поташ и

т. д. Присоединение Прибалтики к России положило конец борьбе северных держав за обладание ею.

После окончания Северной войны Россия получила возможность активизировать внешнюю политику в Закавказье, установить более тесные связи с грузинами, армянами и азербайджанцами, находившимися под гнетом иранских и османских феодалов. Этому способствовала благоприятная для Россия обстановка, сложившаяся в Иране, вступившем в стадию упадка.

Решение предпринять поход в Закавказье было связано с подъемом освободительного движения народов Закавказья и неоднократными обращениями их к русскому правительству за помощью.

Поход на Кавказ и в Иран, вошедший в историю под названием *Персидского похода,* начался в **июле 1722 г.,** когда 22 тыс. пехотинцев были перевезены на судах к устью Терека. Там пехота соединилась с подошедшим отрядом конницы в составе ок. 9 тыс. человек. В августе русские войска без боя овладели Дербентом. Появление русских войск вызвало создание ополчений грузин, армян и азербайджанцев. Они готовились к соединению с русскими вооруженными силами для совместной борьбы против иранских феодалов. Однако такое соединение не состоялось, так как Петр I из-за недостатка продовольствия и понесенных от болезней потерь в армии вынужден был осенью прервать поход.

В следующем году поход был возобновлен. Западное и южное побережья Каспийского моря с городами Баку и Рештом были заняты русскими войсками при поддержке местного населения. Успех похода закрепил подписанный в Петербурге в **1723 г.** договор, по которому к России отошли прикаспийские провинции Ирана с городами Дербент, Решт и Астрабад. От проникновения в центральные районы Закавказья Россия должна была отказаться, так как летом 1723 г. туда вторглись османы, опустошавшие Грузию, Армению и западную часть Азербайджана. Столкновение с османскими войсками должно было повлечь затяжную войну и новое напряжение ресурсов России. Поэтому в 1724 г. российское правительство заключило с Портой Константинопольской договор, по которому султан признал приобретения России в Прикаспии, а Россия — права султана на Западное Закавказье.

Каспийский поход не принес освобождения народам Закавказья от ига иранских и османских феодалов. Однако поход способствовал росту политического влияния России в Закавказье и установлению более тесных экономических связей между ними. В результате похода состав грузинских и армянских поселений в Москве, Астрахани и других городах пополнился тысячами новых жителей, что способствовало сближению народов России и Закавказья.

Глава XV

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И БЫТА

§ 1. ПРОСВЕЩЕНИЕ. НАУЧНЫЕ ЗНАНИЯ

Русская культура первой четверти XVIII в. развивалась под влиянием трех взаимосвязанных процессов, истоки которых проявились еще в предшествующем столетии: происходило дальнейшее обмирщение культуры, развивалось личностное начало, наконец, преодолевалась ее национальная замкнутость. Но, отмечая преемственность культуры петровского времени с культурой XVII в., следует подчеркнуть, что это было не плавное развитие, лишенное качественных сдвигов, а скачок, сопровождавшийся появлением многочисленных новшеств. При Петре впервые возникли: печатная газета, музей, регулярный город, специальные учебные заведения, ассамблеи, отечественные художники-портретисты и т. д. В то же время многое из того, что в XVII в. лишь пробивало себе путь и проявлялось в виде тенденций развития, в годы преобразований приобрело столь бурный рост и масштабность, что создавалось впечатление об отсутствии преемственности с предшествующим временем. Таковы гражданское зодчество, переводная литература и печатание книг светского содержания, обмирщение храмовой архитектуры, установление культурных связей с другими народами.

Особо следует остановиться на личностном начале. «Табелью о рангах» ему было придано государственное значение. Не родовые традиции, а личные способности открывали доступ к вершинам власти и богатству. Колорит эпохе придавали не родовитые люди, косневшие в средневековых представлениях о своей исключительности, а безвестные дельцы, не имевшие знатных предков, но энергичные и сильные личности, такие, как Меншиков, Курбатов, Шафиров и др.

Преобразования, охватившие все стороны жизни страны, не могли быть проведены без *подъема общего культурного уровня населения,* в первую очередь господствующего класса. Разросшийся бюрократический аппарат требовал грамотных чиновников; армии и флоту необходимы были офицеры, усвоившие военное и морское дело; строительство крепостей, каналов и мануфактур побуждало иметь людей, владевших техническими знаниями. Все это вызывало расширение сети учебных заведений и реорганизацию системы обучения. Богословские предметы в школах уступили место математике, астрономии, геодезии, фортификации, инженерному делу и другим наукам. Это было качественно новое явление.

Обмирщение школы, преобладание среди преподаваемых дисциплин точных наук является характерной чертой постановки образования. Наряду с учебными заведениями, открытыми в первый

период преобразований (Навигацкая, Артиллерийская школы — в 1701 г., Инженерная — в 1712 г., Медицинское училище — в 1707 г.), сеть школ в дальнейшем пополнилась открытыми в 1714 г. цифирными школами в губерниях. Дети изучали в этих школах арифметику и начала геометрии, причем в роли преподавателей выступали выпускники Навигацкой школы. К концу первой четверти XVIII в. по губерниям были открыты 42 цифирные школы с 2000 учащихся. Дети духовенства проходили обучение в 46 епархиальных школах, а дети солдат — в гарнизонных школах. При металлургических заводах на Урале и в Олонецком крае правительство организовало первые в России горные школы, готовившие специалистов горнорудного дела.

Чтобы удержать командные высоты в государстве, дворянство должно было овладевать знаниями. Поэтому обучение дворянских детей стало для них повинностью. Наряду с обучением в русских школах молодых дворян для овладения навигационным делом отправляли за границу. По прибытии в Петербург навигаторы держали экзамены, нередко в присутствии царя. Большинство дворянских недорослей, особенно из аристократических фамилий, стремились уклоняться от обучения, поэтому в 1714 г. был издан указ, грозивший таким недорослям запрещением жениться. С другой стороны, в надежде завоевать доверие царя за границу для обучения мореходству отправлялись немолодые дворяне. Так, известный дипломат П.А. Толстой отправился в Венецию, уже имея внуков.

С расширением сети школ связано появление разнообразной учебной литературы. Учитель Славяно-греко-латинской академии Федор Поликарпов в 1701 г. выпустил «Букварь словенскими, греческими, римскими письмены учатися хотящим». В 1703 г. вышла знаменитая «Арифметика, сиречь наука числительная» Леонтия Магницкого, в течение полувека служившая основным учебным пособием по математике. Учебник Магницкого давал практические советы, например, как определить глубину колодца, высоту стен и т. д.

Крупный вклад в развитие отечественной науки внесли *географы*. Отважные русские землепроходцы, нередко малообразованные, но наблюдательные и с острым умом, производили описание Сибири и открытых «новых землиц». К их числу принадлежит устюжский крестьянин Владимир Атласов, назначенный приказчиком в Анадырский острог. На свои скромные средства Атласов в 1697—1699 гг. составил первое этнографическое и географическое описание Камчатки. В 1713—1714 гг. русские землепроходцы побывали на Курильских островах.

Однако основных успехов отечественная география достигла в обследовании уже известных территорий и нанесении их на карту. Русские картографы Ф. Соймонов и К. Верден нанесли на карту Каспийское море и описали его. В 1720 г. карта была опубликована

в России, подарена Петром I Парижской академии, которая избрала его своим членом. Картографы петровского времени «открыли» Аральское море, о котором западноевропейские ученые не имели достоверных сведений. Трудами Василия Киприянова, Алексея Зубова и Якова Брюса на карты были нанесены Балтийское и Азовское моря, бассейн Дона.

В петровское время было положено *начало изучению производительных сил страны.* В **1720 г.** правительство организовало первую в России экспедицию для изучения Сибири, перед которой были поставлены исключительно научные цели. Экспедиция, руководимая Даниилом Мессершмидтом, собрала большое количество естественно-исторических и этнографических коллекций, характеризующих быт и религию сибирских племен, природу Сибири.

Поиски полезных ископаемых увенчались открытием залежей каменного угля в районах Подмосковья, Дона и Кузнецка и нефти в Поволжье. «Земляной» уголь в то время еще не умели использовать в практических целях, проводились лишь первые опыты употребления его в качестве топлива при выварке соли, а нефть применяли лишь в медицине. Особенно успешно велось изучение горнорудных богатств Урала и Сибири.

Бурные события современности нашли отражение в *исторических сочинениях,* написанных по заданию Петра. Среди них обстоятельностью изложения отличается «Гистория Свейской войны», опубликованная в 1770—1772 гг. под названием «Журнал, или Поденная записка Петра Великого», а также «Разсуждение о причинах Свейской войны». Автор «Разсуждения» крупный дипломат Петр Шафиров дает обоснование прав России на отвоеванное у Швеции побережье Балтийского моря. Петру I принадлежит послесловие к этой книге.

Самое крупное достижение в развитии отечественной науки состояло в открытии в **1725 г.** Петербургской Академии наук. Инициатива ее организации принадлежит Петру, при его участии составлялся проект Устава Академии. В отличие от западноевропейских академий, материально обеспечивавших себя издательской деятельностью, устройством лотерей, Петербургская Академия наук имела твердый государственный бюджет. При Академии, являвшейся научным центром страны, был создан университет для подготовки научных кадров из русских «младых людей». Все это создавалось государством.

Распространению научных знаний способствовало развитие типографского дела. В первой четверти XVIII в. было открыто несколько *новых типографий*: в 1705 г. посадский человек Василий Киприянов открыл первую частную типографию, в 1711 г. начала работать типография в Петербурге, печатавшая материалы официального содержания: указы, манифесты, реляции. Небольшие типографии существовали при Сенате, Александро-Невской лавре и основанной в 1715 г. Морской академии. Помимо

учебной и специальной литературы, типографии печатали календари, пользовавшиеся среди читателей большим спросом. В них сообщались сведения о времени восхода и захода солнца, об ожидавшихся затмениях, о погоде.

С 1708 г. книги гражданского содержания стали печататься новым шрифтом, более упрощенным и четким, чем витиеватый церковнославянский шрифт, который использовался теперь только в служебных книгах. Вместо старых буквенных вошли в употребление арабские цифры.

Распространению просвещения и научных знаний способствовало расширение *культурных связей* с западноевропейскими странами. В Голландию, Англию, Францию, Италию группами и в одиночку отправлялись русские для обучения кораблестроению и кораблевождению, живописи, архитектуре, медицине и т. д. В общей сложности при Петре было отправлено за границу свыше 1000 волонтеров. Некоторые из них внесли существенный вклад в развитие культуры России.

С конца 1702 г. в России стала издаваться *первая печатная газета* «Ведомости». При дворе Алексея Михайловича выходили в одном экземпляре рукописные «Куранты», сообщавшие заграничные известия для царя и его приближенных. Петровские «Ведомости» имели более широкий круг читателей, они помещали информацию о ходе военных действий, о строительстве промышленных предприятий, розыске полезных ископаемых, о важнейших событиях международной жизни.

Пропаганду научных знаний осуществляла также открытая в 1719 г. для всеобщего обозрения Кунсткамера — первый в России естественно-исторический *музей*. В музее демонстрировались зоологические и минералогические коллекции, искусные изделия, а также «монстры» — живые и заспиртованные уроды. Отправку волонтеров за границу, ровно как и издание газеты и учреждение музея, финансировало государство. Только оно в это время располагало ресурсами, чтобы преодолеть отсталость России в распространении научных знаний и культуры.

§ 2. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Преобразования оказали существенное влияние на содержание художественных произведений. Все важнейшие явления эпохи — Азовские походы, Лесная, Полтава, измена Мазепы, тяжкий труд, рекрутские наборы и налоговое бремя — нашли отражение в народных песнях, былинах и сказках.

Плодами преобразований в области культуры воспользовались в первую очередь дворянство и купечество. В их среде возникли произведения, выразительно характеризующие новые явления в *литературе*. К ним относится «Гистория о российском матросе Василии Кариотском и о прекрасной королевне Ираклии Фло-

рентийской земли». Сюжет повести не нов — то похождения сына, покинувшего отчий дом. Если в XVII в. личность, пытающаяся вырваться из оков семейных традиций, терпит крах, то здесь личностное начало одерживает верх и герой повести, куда бы его ни забросила судьба, добивается успеха. Сын мелкого дворянина Василий Кариотский, получив родительское благословение, отправляется на модную в то время службу матросом, быстро овладевает знаниями в Кронштадте и едет в Голландию «для наук арихметических и разных языков». Острый ум и знания позволяют Василию добиться успеха в любом деле. Он выступал в роли и «молодца удалого» и галантного кавалера, знающего правила светского обхождения, сумевшего покорить сердце флорентийской королевы. В конечном счете Василий преодолевает множество препятствий, становится названым братом австрийского императора, женится на королеве и живет «в великой славе».

Василий Кариотский — литературный герой петровского времени — символизирует эпоху, открывшую доступ людям незнатного происхождения, но «острого ума» и «достойного разума» к высшим должностям в государстве.

В отличие от литературы XVII в., проникнутой сильным влиянием церковной идеологии, литература петровского времени освобождалась от оков религиозного сознания. Герои повестей образованны и ведут успешную деятельность в обстановке, порожденной преобразованиями: овладевают наукой, светскими манерами, торгуют с западноевропейскими государствами. Они отмечены нравственными качествами, присущими эпохе: отвагой, умом, верностью долгу.

Светским содержанием наполняется и *театральное искусство*. В 1702 г. в Москве был открыт общедоступный публичный театр. Сооруженная на Красной площади «Комедийная хоромина» вмещала несколько сотен зрителей. Театр, однако, не пользовался успехом, так как игравшие в нем немецкие актеры ставили пьесы, далекие от русской жизни. Зато популярны были театры при Славяно-греко-латинской академии и Хирургической школе, где разыгрывались пьесы на современные темы, прославлялись победы русского оружия, пропагандировались преобразования.

Аналогичные процессы «обмирщения» наблюдаются и в *архитектуре*. В первой четверти XVIII в. преобладает гражданское строительство. Появляется новый тип общественных зданий — административного, промышленного и культурно-просветительного назначения. Таковы монументальный Арсенал в Кремле, который начали строить в 1701 г., а также здание Суконного двора, представлявшего замкнутый четырехугольник из двухэтажных зданий с фасадом, выходившим против Кремля на набережную Москвы-реки.

Воплощением новшества в церковной архитектуре старой столицы являлась Меншикова башня, сооруженная русским зодчим

И.П. Зарудным. Ее достопримечательностью являлся шпиль и привезенные из Англии часы: 50 колоколов разной величины отбивали время через каждые четверть часа. Колокола погибли во время пожара, вспыхнувшего летом 1723 г. от удара молнии. Третью достопримечательность храма составляла его внутренняя отделка — он был украшен богатой лепниной, выполненной итальянскими мастерами.

Наиболее ярко зодчество и градостроительство петровского времени представлены в Петербурге. Одновременно начатое строительство Петропавловской крепости, Гостиного двора, Биржи и порта символизировало будущее нового города. Трудом десятков тысяч людей на заболоченной либо покрытой густым лесом местности было положено начало красивейшего города мира. К 1725 г. его население насчитывало около 40 тыс. человек.

В отличие от прочих городов России, застройка которых производилась стихийно, со множеством узких переулков и тупиков, застройка Петербурга велась по заранее разработанному плану. Дома воздвигались по прямой линии, фасады выходили на улицу, что выражало стремление преодолеть замкнутость прежнего образа жизни. Специальными указами был установлен тип зданий, размеры которых зависели от состоятельности владельца. Все население было разбито на «именитых», «зажиточных» и «подлых» людей. Именитые, к которым относились богатые помещики и купцы, обязаны были строить двухэтажные каменные здания с высокими комнатами, большими окнами и украшениями на фасаде. Летний дворец Петра мало чем отличался от типовых зданий для именитых.

Первые монументальные здания новой столицы империи связаны с именами архитекторов Доменико Трезини, Ивана Устинова, Михаила Земцова. Грандиознейшее сооружение Петербурга — Петропавловский собор был построен по проекту Трезини. Колокольня, увенчанная золотым шпилем, превышала высоту Ивана Великого в Московском Кремле, что, по мысли Петра, должно было отражать превосходство новой столицы над старой. Замечательными памятниками архитектуры Петербурга петровского времени являются здание Двенадцати коллегий, предназначенное для центральных учреждений России, Кунсткамера, в которой размещались библиотека и музейные коллекции, и др. Своеобразие зданию Двенадцати коллегий придавало многократное повторение одного и того же планового решения, выраженного в равенстве размеров членений зданий. Этим подчеркивалось равенство коллегий, для которых предназначалось здание. Крупнейшим промышленным зданием новой столицы была Адмиралтейская верфь. Этот сложный комплекс включал множество предприятий, необходимых для постройки и оснастки кораблей: лесопильни, кузницы, смолокурни, канатное, прядильное и парусное производства.

Петербург воплощал черты новой культуры и в отношении

городского благоустройства. По указу 1714 г. каждое судно, прибывавшее в город, должно было доставлять 10—30 камней, а подвода — 3 камня. Камни использовались для устройства мостовых. Главные улицы освещались фонарями, заправлявшимися конопляным маслом. Проявляя заботу о благоустройстве и внешнем виде своего «парадиза» (рая), как называл Петр новую столицу, царь в то же время тормозил каменное строительство в прочих городах страны — указом 1714 г. было запрещено использование кирпича в качестве строительного материала повсюду, за исключением Петербурга.

Придворная знать, помимо роскошных дворцов в столице, строила пышные дворцово-парковые ансамбли в ее окрестностях. К ним относится дворец Меншикова в Ораниенбауме.

Живопись первой четверти XVIII в. представлена работами Андрея Матвеева и Ивана Никитина. Оба получили известность как портретисты. Никитин тонко раскрывал внутренний мир человека, его характер. В портретах Петра I художник подчеркнул волю, ум и суровую сосредоточенность государственного деятеля. В стремлении отразить черты характера человека, его переживания и личные достоинства проявлялось личностное начало в живописи. Кроме того, Никитин написал ряд батальных полотен: Полтавскую и Куликовскую битвы.

Высокими художественными достоинствами отличались работы русских мастеров гравюры (братья Зубовы, И. Адольский, А. Ростовцев и др.), изображавшие виды Петербурга, батальные сцены, морские эскадры Петра I, или рисунки в книгах, на географических картах и т. п.

§ 3. ДЕЛО ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ. ПУБЛИЦИСТИКА

Преобразования, как и всякое значительное событие, вызывали острую реакцию современников. Голос недовольных был слышен в застенках учреждений политического сыска — Преображенского приказа, а с 1718 г.— Тайной канцелярии, мнение сторонников преобразований мы узнаем из политических трактатов, сочинений прибыльщиков и прожектеров.

Политика Петра пользовалась поддержкой широких кругов дворянства. Но среди феодалов, как светских, так и духовных, было немало недовольных. Осуществление преобразований влекло утрату аристократией руководящей роли в государственном управлении. Новшества вызывали недовольство и духовенства, так как оно попадало во все большую зависимость от светской власти и в связи с частичной секуляризацией монастырских владений лишилось прежней хозяйственной независимости.

Часть боярства и духовенства активно боролись за сохранение своего влияния, за старые порядки против новых. Проявлением этой борьбы были боярские заговоры, распространение ложных слухов, сеявших недоверие к реформам. В 1697 г. Преображенский

приказ раскрыл заговор, возглавляемый представителем боярской фамилии — окольничим Алексеем Соковниным. Он ориентировался на Милославских, при Софье возглавлял Конюшенный приказ, а при Петре потерял эту должность. Соковнин намеревался убить Петра или, воспользовавшись его отсутствием, совершить дворцовый переворот при помощи стрельцов и казаков. Исполнение плана взял на себя бывший стрелецкий полковник Циклер. Заговорщики поплатились жизнью.

В это же время функционировал кружок монаха Авраамия в Андреевском монастыре. Среди своих единомышленников Авраамий развивал две темы: осуждал поведение Петра, его увлечение морским делом и критиковал непорядки в управлении, лихоимство и казнокрадство приказных служителей. Свои взгляды Авраамий изложил в «тетради», переданной для ознакомления Петру. В ней он рекомендовал царю отказаться от преобразований, вести «приличное сану житие», т. е. уподобиться своим предшественникам.

Враждебные преобразованиям настроения боярства и духовенства наиболее ярко проявились в деле царевича Алексея. Сын Петра I от первого брака, царевич Алексей воспитывался в среде первой жены царя Евдокии Лопухиной. Петр хотел, чтобы сын овладел военным делом, изучил кораблестроение, выполнял отдельные поручения, а последний уклонялся от этого, прикидываясь больным и проводя время в «смертельном пьянстве».

В 1715 г., когда у 25-летнего царевича родился сын и таким образом появился новый кандидат в наследники, Петр предложил Алексею либо постричься в монахи, либо принять участие в государственных делах. В письме Алексею царь грозил лишить его права наследовать престол, «ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалел, то како могу тебя непотребного пожалеть».

Алексей внешне проявил полную покорность, он согласился стать монахом и отказался от короны. В действительности Алексей считал монастырь удобным местом, где можно, притаившись, ожидать смерти отца, чтобы потом предъявить свои права на престол. Главный его советчик утешал царевича: «Вить-де клобук не прибит к голове гвоздем, можно-де его и снять».

В 1716 г. Алексей, притворившись, что едет по вызову отца в Копенгаген, бежал в Вену «под дирекцию» своего шурина, австрийского императора Карла VI. Стараниями П.А. Толстого и А.И. Румянцева царевич был возвращен в Россию. Началось следствие, обнаружившее сообщников царевича и цели заговора.

Алексей считал своими сообщниками всех, «кто старину любит». Он надеялся на сочувствие князей Голицыных, Долгоруких и др. Единомышленники находились и в Суздале, где держали в заточении бывшую царицу Евдокию, взгляды царевича разделял ростовский митрополит Досифей. Видное место среди заговорщиков занимал А.В. Кикин, в прошлом любимый денщик Петра. За

казнокрадство он был лишен должности, имущества и отправлен в ссылку. Хотя Петр после этого вновь приблизил Кикина, но последний не забыл обиды и стал главным советником Алексея.

Находясь в Австрии, Алексей строил планы захвата престола при военной помощи государств, враждебных России. Внутри страны он рассчитывал на поддержку сенаторов из знати и особенно духовенства: «Кликну архиереям, архиереи — приходским священникам, а священники — прихожанам». Захват власти Алексеем должен был сопровождаться ликвидацией преобразований, отстранением от должностей ближайших сподвижников Петра, перенесением столицы из Петербурга в Москву, отказом от строительства флота и активной внешней политики.

Суд, состоявший из 127 светских сановников, признал царевича виновным в измене и летом **1718 г.** приговорил его к смертной казни. Приговор не был приведен в исполнение, так как Алексей, видимо, умер под пытками. По другой версии он накануне казни был задушен в каземате Петропавловской крепости. Прочие активные участники заговора также были казнены.

С делом царевича Алексея тесно связано опубликование в **1722 г.** *Устава о наследии престола.*

В Уставе дано обоснование прав царствующей особы назначать себе преемника по своему усмотрению, минуя старшего сына. Подобно тому как по указу о единонаследии родители могли передать недвижимое имущество достойному наследнику, «хотя и меньшему, мимо больших... который бы не расточал наследства», так и назначение наследника престола должно находиться «в воле правительствующего государя».

Иным было отношение к преобразованиям со стороны народных масс. Народ не сочувствовал целям, которые ставили перед собой противники Петра из верхов. В то же время крестьяне и посадские люди выражали в так называемых «непристойных речах» свой протест против усиливавшегося феодального гнета. Особенный ропот вызывали взимание налогов и выполнение разнообразных государственных повинностей: «Годы-де ныне стали голодные, а подати с нас великие» — или: «Как его бог на царство послал, так и светлых дней не видали, тягота на мир, рубли да полтины, да подводы, отдыха нашей братьи, крестьянству, нет». Среди крестьян и посадских ходили слухи, распространяемые духовенством и бродячими монахами, о том, что «государь не царского колена, немецкой породы, а великого государя скрали немцы у мамки».

Господствующей идеологией в стране была идеология правящего класса — дворянства. Его взгляды излагали указы, распространяемые правительством трактаты, газета «Ведомости» и т. д.

Идеологи петровского времени были полны горячей веры в могущество государства. Оно, по их мнению, руководит каждым шагом подданных, властно вторгается в частную и даже интимную жизнь. Правительственные указы учат подданных правилам

рационального хозяйствования: убирать хлеб косами вместо серпов, выделывать кожу ворванным салом, а не дегтем, строить печи не на полу, а на фундаменте. Внешность подданных тоже находилась под бдительным надзором правительства: предписывался покрой и цвет одежды, разрешалось или нет ношение бороды. Духовная жизнь населения также регламентировалась правительственными распоряжениями: указ определял размер штрафов для лиц, уклонявшихся от посещения церкви, дворянство и купечество должно было развлекаться в ассамблеях, причем указ предусматривал время их проведения, перечислял забавы, допускаемые на такого рода собраниях.

Идея всемогущества государства и его полиции выразительно определена в регламенте Главного магистрата, где сказано, что «полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобности». Благополучие граждан поставлено в полную зависимость от «божеской помощи» и «доброй полиции». Подданным отводилась пассивная роль исполнителей повелений монарха.

Многие указы петровского времени носили публицистический характер, они не только определяли нормы, но и разъясняли необходимость их введения. Законодатель убеждал перейти к уборке хлеба косами вместо серпов на том основании, что этот способ «гораздо споряе и выгоднее, что средний работник за десять человек сработает». Ввоз сахара и шелковых товаров из-за границы был запрещен, «понеже такие товары велено умножить в России».

Законодательство петровского времени настойчиво пропагандировало идею «всеобщего блага», а также свою заботу о «всенародной пользе», о «благе подданных». Этими лозунгами, повторяемыми в сотнях указов, внушалась мысль о государстве, в одинаковой мере заботившемся о всем населении страны.

Выдающимся писателем-публицистом первой четверти XVIII в. был Феофан Прокопович. В 1716 г. он переезжает в Петербург и становится ближайшим сподвижником Петра, страстным пропагандистом преобразований. Проповеди Феофана, произнесенные с церковного амвона, были наполнены светским содержанием, гордостью за мощь России, сумевшей одержать «преславную победу» над армией шведов. Прокопович живо откликался на все значительные события современности. В 1720 г. он произнес «Слово похвальное о флоте российском», в следующем году — слово при открытии Синода, а в 1723 г.— речь, обращенную к Петру по случаю возвращения из Каспийского похода. Художественное мастерство и острую политическую направленность пера Прокоповича широко использовал Петр I, поручив ему сочинение таких важных законодательных актов, как «Духовный регламент» и «Правда воли монаршей». Высшим выражением восторга перед выдающимися способностями Петра и в то же время скорби по поводу его кончины является слово Прокоповича при погребении императора: «Что се

есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим, что делаем? Петра Великого погребаем».

Видное место в публицистике петровского времени занимают произведения Федора Салтыкова, представителя древнего боярского рода. Салтыков находился в числе волонтеров, отправленных за границу с «великим посольством», участвовал в Нарвском сражении, руководил строительством кораблей. Во время своего пребывания в Англии Салтыков в 1713—1714 гг. направил Петру два донесения: «Пропозиции» и «Изъявления, прибыточные государству». Записки Салтыкова носили подражательный характер, по собственному признанию, свои предложения он заимствовал из законодательства «Английского государства», причем выбирал из него то, что «приличествует только самодержавию». И все же Салтыкову не удалось избежать явно несбыточных предложений, например, он предусматривал замену в течение 10—15 лет всех деревянных зданий каменными.

В центре внимания дворянского публициста находились интересы своего класса. Он сторонник расширения дворянских привилегий, ратует за сохранение монопольного права дворян владеть крепостными, предлагает ввести для дворян титулы в зависимости от размера владений.

Салтыков полагал, что осуществление его предложений превратит Россию в могущественную державу, в короткий срок ликвидирует ее отставание. Отсюда его заботы о распространении образования, предложение учредить в каждой губернии одну-две академии с двумя тысячами учащихся в каждой. Академии с библиотеками и типографиями должны размещаться в монастырях, монахи подлежали выселению из них.

Развитие промышленности и торговли должно стать предметом попечения государства. Он предусматривал строительство мануфактур объединениями купцов, созданными по инициативе государства. Некоторые предложения Салтыкова были претворены в жизнь. Так, он предлагал ввести майорат, т. е. право наследования имущества старшим сыном. Вместо майората Петр в 1714 г. ввел единонаследие, сохранив мотивировку этой меры, предложенную Салтыковым. Указ 1715 г. о расширении посевов льна и конопли также навеян предложениями Салтыкова.

В отличие от Прокоповича и Салтыкова Посошков был самоучкой, он не покидал пределов России. И тем не менее его сочинения относятся к выдающимся явлениям экономической мысли. И.Т. Посошков родился в 1652 г. в семье ремесленника-ювелира. К концу жизни он владел винокуренным заводом, домами и лавками, имел более 80 крепостных.

Посошков живо откликался на события, свидетелем которых он был. В 1700 г. Посошков обратился с «Доношением о ратном поведении», в котором резко обличал недостатки дворянской конницы: «У них клячи худые, сабли тупые, сами безодежны и

ружьем владеть никаким неумелые». Главным трудом Посошкова была «Книга о скудости и богатстве», завершенная в 1724 г.

Предложения идеолога русского купечества не направлены против социальных и политических основ сложившейся крепостнической империи. Он стремился к ее усовершенствованию. Посошков выступает против крайне жестоких форм эксплуатации крепостных крестьян, обрушивается на тех помещиков, которые «на крестьян своих налагают бремена неудобьносимыя». Он предлагал установить с помощью закона размер барщинных и оброчных повинностей, отделить крестьянские наделы от наделов помещиков, чтобы последние были лишены возможности захватывать у крестьян землю. Писатель отрицательно относился к подушной подати, считал необходимым вернуться к подворной системе обложения и уменьшить общий размер государственных податей вдвое, ибо «худой тот сбор, аще кто царю казну собирает, а людей разоряет».

Идеальным государственным строем Посошков считал абсолютную монархию, он осуждал порядки в других государствах, когда короли «не могут по своей воле что сотворити, но самовластны у них подданные их, а паче купецкие люди».

Посошков требовал «единого» суда для представителей всех сословий: «суд устроити един, каков земледельцу, таков и купецкому человеку, убогому и богатому, таков и солдату, таков и офицеру, ничем отменен и полковнику и генералу». Критикуя взяточничество и казнокрадство судей, Посошков предлагал допускать на должности не только дворян, но и «худородных» людей.

Наиболее интересны мысли Посошкова о развитии промышленности и торговли. Талантливый экономист высказывает оригинальные и зрелые идеи, присущие развитому меркантилизму. Государство должно поощрять строительство мануфактур выдачей купцам ссуд и пожалованием казенных заводов. Правительство обязано проявить заботу и об обеспечении предприятий рабочей силой, отдавать мануфактуристам бродяг и нищих. Купцы тоже должны пользоваться льготами и привилегиями, ибо «купечеством всякое царство богатитца, а без купечества никакое и малое государство быть не может».

Большое внимание Посошков уделял внешней торговле. Он выступал за объединение купцов, ведущих заграничную торговлю, в одну компанию. Это позволит устранить конкуренцию между русскими купцами, а также даст возможность держать высокие цены на товары, пользующиеся спросом на иностранных рынках. В интересах отечественной промышленности государство должно ограничить ввоз заграничных товаров, в частности «безделок», т. е. предметов роскоши.

«Книга о скудости и богатстве» предназначалась для Петра, однако знакомился ли он с ней — неизвестно. В 1725 г. Посошков по неведомым причинам был арестован Тайной канцелярией и в начале следующего года умер в заключении. Впервые «Книга о

скудости и богатстве» была опубликована в 1842 г. и с тех пор заняла выдающееся место среди памятников культуры петровского времени.

§ 4. НОВШЕСТВА В БЫТУ

Новшества в быту царь начал вводить одними из первых. Петру хотелось, чтобы его подданный внешне был похож на европейца. Когда царя, возвратившегося из заграничного путешествия в Москву, 26 августа 1698 г. прибыли поздравлять бояре, он схватил ножницы и самолично начал обрезать им бороды. Первым лишился бороды генералиссимус А.С. Шеин, за ним следовал Ф.Ю. Ромодановский и др. Позже, в 1705 г., последовал указ, вводивший налог за право носить бороду: борода дворянина и приказного оценивалась в 60 руб. в год, купца —100 руб., прочего посадского люда — 30 руб. Крестьянин должен был платить при въезде в город по 2 деньги.

За бородой пришел черед одежде. 4 января 1700 г. последовал указ о запрещении носить длиннополое платье. Вместо него дворянам и горожанам предложено было обрядиться в венгерские и немецкие кафтаны. У горожан, не успевших сменить гардероб, брали пошлину либо укорачивали платье прямо на улице.

Существенным изменениям подвергся семейный уклад. Указ 1702 г. установил новый порядок бракосочетания: старомодные смотрины были заменены обручением, которому предшествовала личная встреча жениха и невесты. При заключении брака главными действующими лицами становились жених и невеста. Указом 5 января 1724 г. царь запретил заключение браков по принуждению, в том числе и со стороны господ. При вступлении в брак руководствовались традиционной принадлежностью жениха и невесты к одной социальной среде. Впрочем, и здесь встречались, правда редко, отступления от обычая. Пример показал сам царь, когда выбрал себе в супруги неразведенную жену шведского солдата, пленницу, к тому же женщину низкого происхождения.

Воспитание детей тоже было охвачено влиянием новшеств. Дворянин должен был отличаться от окружающих не только внешностью, но и изысканными манерами, респектабельностью, образованностью и т. д. При Петре издавались наставления о правилах воспитания и поведения детей. Первое из них, на протяжении XVIII в. много раз переиздававшееся, было опубликовано в 1717 г. под названием «Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению». Это компилятивное сочинение, составленное из текстов, заимствованных у западноевропейских авторов, задачу воспитания излагает в традиционном духе смирения и послушания богу, царю и родителям. Вместе с тем «Юности честное зерцало» допускает прекословие сына родителю, но при этом надлежало говорить «благочинно, учтиво, вежливо». Внушалась мысль о тру-

долюбии, под которым подразумевалось выполнение служебных обязанностей, обучение грамоте, танцам, верховой езде и всему, что пристойно дворянину.

«Юности честное зерцало» наставляет правилам поведения не только в семье, но и в обществе: уделялось внимание даже мелочам: походке и осанке молодого человека, умению правильно вести себя за столом.

Заключительные страницы «Юности честного зерцала» излагают правила поведения девиц. Если молодой человек должен был обладать тремя добродетелями («смирен, приветлив и учтив»), то девице их надлежало иметь десятка два: страх перед Богом, смирение, трудолюбие, милосердие, стыдливость, бережливость, целомудрие, верность, молчаливость, чистоплотность и т. д. У девиц ценилось умение краснеть, что считалось показателем нравственной чистоты и целомудрия.

Другим руководством для воспитания детей служило сочинение Ф. Прокоповича «Первое учение отрокам». Автор исходил из мысли, что нравственные основы человека закладываются в отроческом возрасте: «каков кто отрок есть, таков и муж будет». Отсюда обязанность родителей наставлять детей «от младых ногтей в страхе божии, благочестии и добронравии». Обязанность родителей состояла в заботах об образовании детей, чтобы они в будущем в соответствии со своими способностями и склонностями могли обеспечить себя материально.

Изменилось представление о дворянском досуге. Была введена новая форма публичного общения — ассамблея. В отличие от обычаев предшествующего столетия, когда мужчин принимали отдельно от женщин, ассамблеи являлись собраниями, в которых женщины участвовали на равных с мужчинами. Тем самым женщине — затворнице терема — была предоставлена возможность появляться в публичном месте: отменялся поцелуйный обряд и раздельное застолье мужского и женского общества. Впрочем, даже у Меншикова жена и дети садились за общий стол в порядке исключения.

Ассамблеи ломали старый обычай, обусловленный местническими традициями,— на них наряду со знатью присутствовали рядовые дворяне, богатые купцы и даже корабельные мастера. По идее на ассамблеях должны были царить веселье и непринужденность: деловые разговоры могли чередоваться с танцами и играми. «Хозяин,— написано в указе,— не повинен гостей ни встречать, ни провожать, ни подчивать». Его обязанность состояла в обеспечении гостей напитками для утоления жажды, табаком и курительными трубками, столами для игры в шахматы, а также просторной комнатой для танцев.

Современники отметили, что на ассамблеях на первых порах гости находились в плену скуки и скованности: дамы сидели и молча глазели друг на друга, не клеился светский разговор и у мужчин.

Изменился характер публичных празднеств. До преобразований они носили церковный характер: победы на театре войны отмечали колокольным звоном, крестным ходом, молебном. При Петре такие празднества приобрели светский характер: они сопровождались торжественным шествием победителей через триумфальные арки, пушечной пальбой, фейерверками. Первое празднество было устроено 30 сентября 1696 г. по случаю овладения Азовом.

Северная война давала множество поводов для такого рода празднеств: 1 января 1704 г. отмечалось овладение Нотебургом и Ниеншанцем, в том же году праздновали взятие Нарвы; Лесная, Полтава, Гангут, Гренгам и менее значительные победы непременно отмечались парадным шествием войска, демонстрацией пленных и трофеев, красочными фейерверками. Современник считал, что на овладение прибалтийскими крепостями было израсходовано меньше пороха, чем на празднества, посвященные этим событиям. Особенно пышно и торжественно отмечалось заключение Ништадского мира. Маскарад в Петербурге по этому случаю продолжался несколько недель, в нем участвовало свыше 1000 масок. Зимой празднества были перенесены в старую столицу, где по заснеженным улицам двигались поставленные на сани макеты кораблей, на палубах которых размещались участники маскарада в масках и специальных костюмах. Публичными торжествами отмечались спуски на воду кораблей, а также события в жизни членов царской семьи.

Перестраивая быт дворян и горожан, царь не оставил без изменений и быт двора. Новшества здесь были связаны с всепьянейшим собором. Подобно тому как Алексей Михайлович составил «Урядник сокольничья пути», так Петр разработал подробнейший «Устав всепьянейшего собора». В нем были перечислены все чины, входившие в его состав, обязанности каждого из них, церемония приема новых членов, правила поведения и т. д. В собор принимались пьяницы и обжоры с уродливыми физиономиями. Большую часть года соборяне проводили в кельях, поклоняясь Бахусу. Из келий пьяные компании выползали в дни маскарадов и святок. Тогда к ним присоединялись царь и его окружение, число участников достигало 200 человек, и это сборище в санях, запряженных свиньями, медведями, козлами, отправлялось славить бояр и богатых купцов. Незваных гостей хозяин должен был угощать и одаривать.

Некоторые ученые в деятельности собора то пытаются обнаружить глубокий смысл, выражающийся в пародировании иерархии сначала католической, а после смерти последнего патриарха Адриана в 1700 г.— православной церкви, то придают собору нравоучительно-воспитательное значение — все должны были видеть, каким отвратительно-безобразным становится пьяный человек. Думается, что, так сказать, идейный смысл в этом диком разгуле отсутствовал, это была дань варварству и низким культурным запросам соборян и самого царя.

В итоге преобразований быт претерпел существенные изменения. Однако они охватили тонкую прослойку верхов феодального общества: дворян, чиновников, население двух столиц и отчасти провинциальных городов. В толщу сельского населения новшества либо не проникли совсем, либо пробивали себе путь с большим трудом: крестьяне и крестьянки продолжали носить ту же холщовую одежду летом и зипуны из сермяжного сукна зимой, пользовались сыромятной кожей для изготовления обуви и грубо выделанными овчинами, мужчины не расставались с бородой. Неизменным оставался и дневной рацион крестьянской и посадской семьи. Если за обеденным столом столичного дворянина все чаще появлялись различного рода пряности и заморские напитки, то главными продуктами питания крестьян и большей части горожан оставались хлеб, похлебка из муки, квас, а также овсяная и ячменная каши. Широко использовались овощи: свежая и квашеная капуста, свежие и соленые огурцы, репа и др. Мясо в рационе трудового населения занимало весьма скромное место, причем источником его являлся не крупный рогатый скот, а овцы и свиньи.

Итак, реформами быта были охвачены верхи феодального общества: принадлежность к господствующему сословию можно было без труда определить по внешнему виду человека — его одежде, отсутствию усов и бороды, а также по манерам поведения. Впрочем, не все новшества тотчас внедрялись и среди верхов. Браки без давления со стороны родителей и барина многие десятилетия оставались благим намерением законодателя.

Что касается основной массы населения, то его быт практически оставался неизменным.

С новшествами в быту при Петре Великом известный публицист и историк второй половины XVIII в. кн. М.М. Щербатов связывал повреждение нравов в России. XVII столетие представлялось ему идеальным, оно привлекало его патернализмом: и барин и его крестьянин ели практически одну и ту же пищу, одевались в одежды, сшитые из одинакового материала, пользовались почти одинаковыми колымагами и т. д.

Все изменилось при Петре. Лицо барина лишили растительности, обрядили в платье иноземного покроя, в то время как крестьянина оставили с бородой и в старомосковской одежде. Простолюдин употреблял незамысловатую пищу и напитки, добытые в собственном хозяйстве, а на столе барина появились заморские блюда и вина. Вместо колымаги барин стал пользоваться роскошными каретами, привезенными из-за рубежа. Немудреные столы и лавки были заменены изделиями заморской работы, роскошными креслами, вместо домотканого сукна баре стали пользоваться привозными.

Заморские диковинки стоили больших денег, помещик стремился добыть их у крестьян, увеличивая размер взимаемых повинностей, что разрушало существовавшие патриархальные отно-

шения между барином и его крепостным. Но ничто так не повлияло в худшую сторону на нравы, как введение ассамблей. С выходом женщин из терема на ассамблеи Щербатов связывал разврат при дворе и разорительную тягу представительниц прекрасного пола к роскоши: дамы стали соревноваться в богатых нарядах и дорогих украшениях, стоивших больших денег. Мужья, доставая их, пускались во все тяжкие: либо проматывали состояния, либо стали вымогать взятки и заниматься казнокрадством. Эти пороки, поразившие поначалу двор, распространились среди вельмож и столичного дворянства.

Доля истины в памфлете Щербатова имеется, но автора следует упрекнуть в том, что изображенная им идиллическая картина быта и нравов XVII в. далека от действительности и резкое противопоставление быта допетровской Руси времени Петра Великого неправомерно. Кареты, кресла и стулья иностранной работы, заморские напитки появились в дворянском обиходе до Петра. Истоки взяточничества и казнокрадства надо искать в системе кормлений, сложившейся еще в XVI в. Развратничали и раньше, до ассамблей: известно, например, что царевна Софья пренебрегла затворнической жизнью в тереме и имела по крайней мере двух фаворитов, а супруга брата Петра Ивана Алексеевича родила трех дочерей не от болезненного мужа.

Несомненно, однако, что при Петре новшеств появилось значительно больше и они стали доступны широкому кругу дворянства и городского населения. Впрочем, некоторые новшества, например европейская одежда, несмотря на настойчивые и суровые меры царя, внедрялись медленно, встречали сопротивление. В 1708 г. в Москве были разбросаны письма, в которых неизвестный автор извещал царя об игнорировании знатью указа о русском платье: «Как ты придешь к Москве — и при тебе ходят в немецком платье, а без тебя все боярские жены ходят в русском платье и по церквам ездят в телогрейках...»

Глава XVI

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В 1725—1762 гг.

§ 1. ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ

Со дня смерти Петра I и до воцарения Екатерины II на троне сменилось шесть государей и государынь. Это были лица разных возрастов, несхожих характеров и вкусов, тем не менее они имели много общего. Прежде всего никто из них не отличался высоким интеллектом, большинство оказалось на троне по воле случая. И еще одно объединяло их — в годы их правления абсолютная власть

монарха была использована не во благо нации и государства, а для удовлетворения личных прихотей.

Петр считал себя слугой государства. Цель служения — достижение общего блага. Вся его жизнь и кипучая деятельность была подчинена этой цели. Преемники Петра хотя изредка и говорили об общем благе, но делали это по инерции или в силу внешнего подражания. Личное участие в управлении государством не простиралось далее того, что относилось к нарядам и развлечениям, жизни двора и удовлетворениям капризов и вкусов фаворитов. Никто из них, подобно Петру Великому, не законодательствовал, не вел дипломатических переговоров, не водил войска на поле брани, не составлял регламентов, личным примером не воодушевлял подданных на подвиги в труде и ратном деле, не помышлял о будущем страны.

На первый взгляд в эти оценки деятельности преемниц и преемников Петра I не укладываются такие меры, как ограничение срока службы дворян, отмена внутренних таможенных пошлин, основание Московского университета, секуляризация церковного имущества и т. д. Но какое отношение ко всем этим акциям имели Анна Иоанновна, Елизавета Петровна или Петр III? Во все 37 лет, о которых речь ниже, фактически страной правили не те, кто занимал трон, а те, кто находился у его подножия — вельможи и фавориты. Роль государыней и государей сводилась к тому, что они в соответствии со своими вкусами, симпатиями и антипатиями комплектовали «штат» фаворитов и вельмож.

Такой фаворит Петра II, как Иван Долгорукий, не способен был заботиться об интересах государства, в его власти было пристрастить императора к охоте и развлечениям, не свойственным возрасту отрока. Отец Ивана Алексей Долгорукий сосредоточил все свои заботы на том, чтобы стать тестем императора.

Любимец грубой и жестокой Анны Иоанновны Бирон, такой же мстительный и невежественный, как его повелительница, всегда готовая выполнять любую прихоть фаворита, правил страной вместе с немецкой камарильей во главе с Андреем Ивановичем Остерманом. Этот делец и карьерист, человек с безграничным честолюбием был хорош в качестве исполнителя чужой воли. Он отличался немецкой педантичностью и исключительной работоспособностью. Интриги возвели чиновника на вершину правительственной пирамиды, где ему надлежало нести непосильную ношу генератора идей и разработчика планов их реализации. Остерман предстает не государственным мужем, а чиновником. Это однако не мешало ему возглавлять правительство 14 лет — со времени опалы Меншикова в 1727 г. до своего падения в 1741 г., т. е. в течение трех царствований.

Иного плана вельможи окружали трон Елизаветы Петровны. Фаворит из бывших пастухов и певчих украинец Розум, пожалованный императрицей графским титулом (стал Разумовским), был, как и повелительница, человеком незлобным, доброжелательным и

настолько ленивым, что не вмешивался в дела управления. Он заботился только о своей многочисленной родне, наделяя ее вотчинами, чинами и званиями. Сменивший Разумовского фаворит императрицы Иван Иванович Шувалов отличался многими редкостными в те времена качествами: бескорыстием, образованностью, мягким характером.

Ни в какое сравнение с Остерманом не шли и вельможи, на долю которых выпала роль первых лиц в управлении государством: А.П. Бестужев-Рюмин и особенно дядя фаворита Петр Иванович Шувалов, человек хотя далеко и не бескорыстный, но плодовитый прожектер, в котором просматриваются черты крупномасштабного государственного деятеля.

Елизавету Петровну сменил ее племянник Петр III. За полугодовое царствование он не успел обзавестись вельможей, одолевшим всех своих соперников и подобным Остерману и Шувалову, оказывавшим безраздельное влияние на монарха. Его фаворитка Елизавета Романовна Воронцова — личность серая, не блиставшая ни умом, ни красотой, тем не менее так очаровала императора, что тот намеревался отправить свою супругу в монастырскую келью, чтобы жениться на ней. Воронцова не претендовала на роль Помпадурши, и ее влияния на внутреннюю и внешнюю политику не прослеживается.

Конечно, те, кто занимал трон, их фавориты и вельможи придавали определенный колорит царствованиям, но при всем том их влияние на ход событий было ограниченным — надо помнить, что жизнь текла своим чередом независимо от того, кто царствовал, Петр Великий или его бездарный внук Петр III: крестьянин возделывал пашню, купец торговал, в канцеляриях скрипели перья, чиновники ездили на службу и вымогали взятки, солдаты проводили время в казармах или на поле брани.

Перейдем к рассмотрению событий на троне. Петр I после продолжительной болезни скончался **28 января 1725 г.**, не воспользовавшись изданным им Уставом о наследовании престола: преемника он не успел назначить. Старая знать хотела видеть на престоле сына царевича Алексея, малолетнего Петра. Но эта кандидатура не сулила ничего хорошего вельможам, выдвинувшимся при Петре I и принимавшим активное участие в розыске по делу царевича Алексея и суде над ним. В противовес Петру они поддерживали кандидатуру жены умершего императора — Екатерины. Спор о преемнике решили гвардейские полки. Дворянские по своему составу, они с этого времени превратились в основное орудие борьбы за власть между соперничавшими группировками.

Выдвинувшаяся при Петре I новая знать, заручившись поддержкой вызванных ко дворцу гвардейских полков, возвела на престол Екатерину. Эта была женщина недалекая, неграмотная, не способная управлять огромной империей, но пользовавшаяся популярностью, благодаря своей доброте часто выступавшая ходатаем перед

суровым супругом за лиц, подвергшихся опале, и умевшая укрощать его гнев. Практически власть оказалась, однако, в руках умного и честолюбивого князя А.Д. Меншикова. При императрице, в **1726 г.** был создан *Верховный тайный совет,* в состав которого, помимо представителей новой знати во главе с Меншиковым, был включен также олицетворявший родовитую аристократию князь Д.М. Голицын.

Верховный тайный совет стал высшим учреждением в государстве, ему были подчинены три первые коллегии (Военная, Адмиралтейская и Иностранных дел), а также Сенат. Последний потерял титул правительствующего и стал называться высоким.

После смерти Екатерины I в **1727 г.** императором согласно ее завещанию был провозглашен внук Петра I — Петр II, а к Верховному тайному совету перешли функции регента. Столь резкое изменение позиции Меншикова, ранее не желавшего слышать о сыне казненного царевича Алексея, было связано с планом женить малолетнего императора на своей дочери. Но не знавшее границ честолюбие временщика вызвало недовольство даже у его недавних союзников. Накануне смерти Елизаветы I против него готовился заговор, возглавлявшийся Толстым. Заговорщики были разоблачены и поплатились ссылкой. Но расправой с Толстым Меншиков расчистил путь к власти для аристократии, что в конечном счете ускорило его собственное падение. В сентябре 1727 г. Меншиков был арестован, сослан в далекий Березов, где вскоре и умер. Его колоссальные владения, насчитывавшие свыше 100 тыс. крепостных, были конфискованы.

Падение Меншикова означало фактически дворцовый переворот. Во-первых, изменился состав Верховного тайного совета, в котором из вельмож петровского времени остались лишь Остерман и Головкин. Большинство в Верховном тайном совете приобрели представители аристократических семей Голицыных и Долгоруких. Во-вторых, изменилось положение Верховного тайного совета. 12-летний Петр II вскоре объявил себя полноправным правителем; этим был положен конец регентству Верховного совета.

Добившись преобладающего влияния в Верховном тайном совете, аристократическая группировка имела в виду пересмотреть преобразования и отчасти восстановить порядки, существовавшие в России до их проведения.

При дворе большое влияние приобрел Алексей Долгорукий, недалекий интриган, выдвинувшийся благодаря бесшабашному сыну, проводившему время с Петром II в попойках, охоте и грубых развлечениях. Долгорукие, подобно Меншикову, пытались закрепить свое влияние осуществлением нового проекта брачного союза. Они были близки к цели — на середину января **1730 г.** была назначена свадьба Петра II и дочери А.Г. Долгорукого, но император во время очередной охоты простудился и скоропостижно умер. Сенаторы, генералитет, члены Синода, гвардейцы, а также многочисленные представители провинциального дворянства, при-

бывшие в столицу на ожидаемые торжества, стали участниками важных политических событий.

Верховники на тайных заседаниях обсуждали возможных кандидатов на престол. Выбор пал на Анну Иоанновну, дочь брата Петра I— Ивана Алексеевича. Петр I выдал замуж Анну Иоанновну за герцога курляндского, но она тут же овдовела и 20 лет провела среди чужого ей курляндского дворянства. В глазах верховников герцогиня была наиболее подходящей кандидатурой, которой можно предложить корону с ограниченной властью. Анна Иоанновна, по мнению верховников, давно покинув Россию, не имела здесь сторонников, на которых могла бы опереться. В глубокой тайне Д.М. Голицын с В.Л. Долгоруким составили *кондиции,* т. е. условия вступления Анны Иоанновны на престол.

Анна Иоанновна должна была управлять государством не в качестве самодержавной императрицы, а совместно с Верховным тайным советом, без ведома которого ей запрещалось объявлять войну и заключать мир, вводить новые налоги, награждать чином выше полковника, жаловать или отнимать вотчины без суда. Командование гвардией переходило к Верховному тайному совету. Таким образом, кондиции ограничивали самодержавие, но не в интересах всего дворянства, а в пользу его аристократической верхушки, заседавшей в Верховном тайном совете.

Слух о «затейке» ограничить «самодержавство» проник в дворянскую и гвардейскую среду и вызвал там явно враждебную реакцию. В противовес кондициям верховников различные группы дворянства составили свои проекты с изложением взглядов на политическое устройство страны. Если кондиции верховников имели в виду интересы небольшой кучки аристократов, то авторы дворянских проектов требовали сокращения срока службы, отмены ограничений в наследовании недвижимого имущества, облегчения условий службы в армии и флоте путем организации специальных учебных заведений для подготовки офицеров, более широкого привлечения дворян к управлению и т. д.

Анна Иоанновна, безропотно подписавшая кондиции в Митаве, после прибытия в Москву быстро обнаружила, что «затейка» верховников не пользуется поддержкой ни у массы дворян, ни у гвардейцев. В их присутствии и при их поддержке она надорвала лист бумаги с подписанными ею кондициями. Этим самым она провозгласила себя самодержавной императрицей. Верховный тайный совет был упразднен, а членов его (Голицыных и Долгоруких) под разными предлогами выслали из столицы, чтобы несколько лет спустя подвергнуть казням.

Ленивая и невежественная, отличавшаяся высоким ростом и чрезвычайной полнотой, императрица, которую приводили в восторг грубые шутки карлиц, не проявляла никакого интереса к государственным делам. Вместо упраздненного Верховного тайного совета при ней было организовано примерно такое же по компе-

тенции учреждение, но под новым названием — Кабинет министров. Новым был и состав Кабинета министров, куда вошли доверенные лица императрицы.

Анна Иоанновна тяготилась участием в государственных делах и в 1735 г. издала указ, которым подпись трех кабинет-министров объявлялась равноценной императорской подписи.

В царствование Анны Иоанновны *небывалых размеров достигло влияние иностранцев.* Наплыв их в Россию начался еще с конца XVII в., однако до воцарения Анны Иоанновны они не играли существенной роли в политической жизни страны. Иным стало их положение при Анне Иоанновне. Тон при дворе задавал невежественный фаворит императрицы, курляндский немец, бывший конюх, Бирон, не занимавший официальных постов, но пользовавшийся безграничным доверием Анны Иоанновны. Под его покровительством проходимцы из иностранцев занимали высшие и хорошо оплачиваемые должности в административном аппарате и армии. Многие из них безнаказанно грабили казну.

В годы бироновщины иностранцы пользовались преимуществами при назначении на доходные должности и продвижении по службе. Это вызывало протест со стороны русского дворянства, лишенного части доходов и ущемленного в национальных чувствах.

Выразителем его стал кабинет-министр А.П. Волынский, вместе с кружком единомышленников разработавший «Проект о поправлении внутренних государственных дел». Волынский требовал дальнейшего расширения привилегий дворянства, заполнения всех должностей в государственном аппарате от канцеляриста до сенатора дворянами, командирования дворянских детей за границу для обучения, «чтобы свои природные министры со временем были». Духовные пастыри от сельских священников до высших должностей в церковной иерархии тоже должны замещаться выходцами из дворянства. Резкие отзывы об Анне Иоанновне («Государыня у нас дура, и как-де ни докладываешь, резолюции от нее никакой не добьешься»), осуждение действий Бирона и его окружения привели в 1740 г. Волынского и его сообщников на плаху.

Незадолго перед смертью императрица назначила себе преемника — сына дочери своей племянницы Анны Леопольдовны (герцогини Брауншвейгской), причем регентом грудного ребенка была определена не мать, а Бирон. В условиях всеобщего недовольства Бироном и ропота гвардии, которую регент пытался «раскасовать» по армейским полкам, Миниху, президенту Военной коллегии, без особого труда удалось совершить очередной дворцовый переворот (8 ноября **1740 г.**), лишивший Бирона прав регента, которыми он пользовался всего три недели. Миних провозгласил регентом Анну Леопольдовну — даму недалекую, чуравшуюся всяких забот об управлении государством, как и ее предшественники. Чуждая русскому дворянству, она, запершись, проводила время в обществе своей фрейлины.

Переворот не мог удовлетворить интересов широких кругов

русского дворянства, так как он сохранил за немцами руководящее положение в государстве. Влиятельным лицом в стране стал фельдмаршал Миних, чрезмерно честолюбивый и столь же бездарный полководец. Он мечтал то о получении звания генералиссимуса русской армии, то о должности первого министра. Из-за интриг ловкого Остермана, конкурировавшего с фельдмаршалом в борьбе за власть, Миних не получил чина генералиссимуса, о котором мечтал, и ушел в отставку. Фактическая власть оказалась в руках Остермана.

Распри между немцами ускорили падение их влияния при дворе. Во время очередного переворота, совершенного **25 ноября 1741 г.** в пользу дочери Петра I — Елизаветы, были арестованы воцарившиеся на престоле представители Брауншвейгской семьи: маленький император Иван Антонович, его мать и отец. Свергнутого императора Елизавета Петровна и Екатерина II держали в строгом заточении вплоть до 1764 г.

Вступление на престол Елизаветы Петровны сопровождалось двумя особенностями: претендентка на трон сама отправилась добывать корону, сама возглавила отряд гвардейцев, свергнувших Брауншвейгскую фамилию. Вторая особенность переворота состояла в стремлении привлечь к нему иностранные государства — Швецию и Францию. По согласованию с Елизаветой Петровной Швеция объявила России войну. Подлинная цель войны — пересмотр условий Ништадтского мира — была завуалирована заботой об освобождении России от немецкого засилья. Предполагалось, что в Петербурге заговорщики при подходе шведских войск поднимут восстание, на троне окажется Елизавета Петровна, в благодарность за оказанную помощь готовая подписать выгодный для Швеции мир. Цесаревна, однако, отказалась подписать обязательство вернуть Швеции земли, отвоеванные ее отцом. Переворот был совершен без участия в нем шведских войск и дипломатов Франции.

Переворот 1741 г. сопровождался, кроме того, арестом Миниха, Остермана и других влиятельных немцев и ссылкой их в Сибирь. Рота Преображенского полка, участвовавшая в событиях, стала называться лейб-компанией. Участники переворота получили щедрые награды крепостными. Те из них, кто не имел дворянского звания, были возведены в дворянство.

Новая императрица упразднила Кабинет министров, восстановила Главный магистрат, ликвидированный Верховным тайным советом. Были возрождены также Мануфактур- и Берг-коллегии, слитые ранее с Коммерц-коллегией, и объявлено о том, что Сенату возвращается вся полнота власти, которой он располагал в петровское время. Однако и Елизавета Петровна не могла обойтись без учреждения, несколько напоминавшего Верховный тайный совет и Кабинет министров, — во время Семилетней войны возникло постоянно действовавшее совещание, стоявшее над Сенатом и назван-

ное *Конференцией при высочайшем дворе.* В работе Конференции участвовали руководители военного и дипломатического ведомств, а также лица, специально приглашенные императрицей.

Современники отмечали необычайную красоту Елизаветы Петровны. Более всего ее интересовали заботы о своей внешности, маскарадах, балах и фейерверках. Двор утопал в роскоши, расходы на его содержание были столь велики, что императрица порой не знала, как расплатиться по мелким счетам. Беззаботная, жившая в *свое удовольствие Елизавета Петровна, лишь изредка вспоминала,* что у императрицы кроме права иметь 15 тысяч платьев были еще и обременительные обязанности. В последние годы жизни ей было ненавистно всякое упоминание о делах и приближенным приходилось по нескольку недель выжидать удобной минуты, чтобы она подписала указ. Опасаясь дворцового переворота, она предпочитала в ночные часы бодрствовать, а спать днем.

Безалаберная жизнь рано свела ее в могилу — она умерла в конце 1761 г. в возрасте 52 лет. Ее сменил Петр III— внук Петра Великого, сын его дочери Анны Петровны и герцога Голштинского. Волею случая он стал наследником трех корон: герцога Голштинского, Швеции и Российской империи. Предусмотрительно его нарекли Петром Фридрихом: Петром, на тот случай если он займет трон в России, и Фридрихом — если в Швеции. Воцарившаяся Елизавета Петровна поспешила срочно доставить его в Петербург, где он принял под именем Петра Федоровича православие и был объявлен наследником престола.

Отрок, еще будучи в Киле, проявлял болезненную страсть к экзерциям. Эту привязанность он сохранил и в годы, когда стал взрослым. Устройчивыми у вздорного императора были три качества: неприязненное отношение к народу, которым он должен был управлять, пренебрежение к православию, третирование духовенства и подобострастное отношение к Фридриху II, которого он боготворил и которому пытался безуспешно подражать. Большую часть времени он проводил в попойках, в игре в карты и вахтпарадах.

Супруга Петра III, ангальтцербская принцесса, до принятия православия именовавшаяся Софьей Фредерикой Августой, нареченная Екатериной Алексеевной, была полной противоположностью своему нелепому супругу. Умная, энергичная и образованная, она после приезда в Россию из немецкого захолустья вынашивала мечту занять престол и умело завоевывала популярность у двора и столичного дворянства.

В противоположность Петру III, гримасничавшему в храмах во время богослужения, она демонстрировала набожность и горячую приверженность к православию. Супруг издевался над русскими обычаями, супруга, напротив, неукоснительно их придерживалась. Вспыльчивому нраву и самодурству Петра III Екатерина противопоставляла спокойствие и рассудительность. В итоге Петр III

своими непредсказуемыми поступками вызывал у придворных и вельмож неуверенность в будущем. Это облегчало Екатерине путь к трону. Возглавляемые ею гвардейцы-заговорщики 28 июня 1762 г. низложили Петра III. Началось 34-летнее царствование Екатерины Великой.

Итак, трон на протяжении 37 лет после Петра I занимали либо дети, либо дамы, совершенно не подготовленные к управлению огромной империей. Жизнь, однако, шла своим чередом, и чем бесталаннее были лица, занимавшие трон, тем менее заметное влияние, замедляющее или ускоряющее, они оказывали на течение этой жизни. Сельское хозяйство, как известно, менее всего поддавалось правительственной регламентации. Здесь наблюдался традиционный экстенсивный путь его развития: ни в орудиях труда, ни в агротехнике сколько-нибудь заметных изменений не произошло. Главным источником увеличения производства зерна оставалось освоение новых земель в Северном Причерноморье и Предуралье. Зерно еще не шло на экспорт, его товарные излишки использовались преимущественно в винокурении.

Более существенные сдвиги произошли в промышленности. Главное новшество состояло в изменении социальной структуры владельцев мануфактур: падал удельный вес казенных мануфактур и соответственно росло значение частных предприятий.

Из десятилетия в десятилетие увеличивалось число мануфактур и выпускаемой ими продукции. Так, выплавка чугуна выросла с 800 тыс. пудов в 1725 г. до 3663 тыс. пудов в 1760 г. Раздвинулись границы уральской металлургии на юг, на земли Башкирии. Бесспорны успехи в развитии текстильной промышленности, где в 1763 г. насчитывалось 205 мануфактур вместо 39 в 1725 г. Здесь важно отметить, что если в петровское время текстильное производство сосредоточивалось преимущественно в Москве, то теперь предприятия переместились на периферию, поближе к источникам сырья; заметными в текстильной промышленности стали мануфактуры, принадлежавшие дворянам.

Если в промышленной политике преемники Петра в основном придерживались норм, установленных в годы преобразований, особенно в сфере обеспечения предприятий принудительным трудом, то внешнеторговый тариф 1731 г., действовавший до 1757 г., значительно снизил ввозные пошлины, установленные покровительственным тарифом 1725 г.,— здесь налицо отступление от политики Петра, вызвавшее менее активный торговый баланс. Так, торговый договор с Англией, заключенный в 1734 г. не без участия Бирона, за взятку покровительствовавшего английским купцам, нанес урон русской торговле. Он хотя и ставил отечественных и английских купцов в равное положение, но так как иностранцы были богаче и организованнее, то и извлекали из этого «равенства» пользу.

§ 2. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА В 1725—1762 гг.

Главным во внутренней политике правительства рассматриваемого времени является вопрос о судьбах дворянства. Оно распоряжалось троном и не упускало случая, чтобы заявить о своих притязаниях.

Исходным пунктом, отталкиваясь от которого можно прояснить внутреннюю политику правительства, является петровское время, ибо последующие десятилетия можно рассматривать либо как продолжение петровских преобразований, либо как существенное отступление от них. Последнее относится к политике по отношению к дворянству: при Петре Великом оно было обременено различными повинностями; после его смерти начался медленный, но неуклонный процесс освобождения от них. Впрочем, если на проблему взглянуть шире, то принципиальные различия между политикой Петра и его преемников отсутствовали: все они возвышали дворянство, но разными средствами и приемами; не было бы принудительных мер, обязывавших дворян служить и учиться, преемники Петра не могли бы освободить их от этих обязанностей; урожай с семян, посеянных Петром, собирали его наследники.

За эти десятилетия дворянство изменило свой статус: из служилого сословия оно превратилось в привилегированное, отчасти в землевладельческое, более всего заботившееся о своем хозяйстве, а отчасти в сословие, из которого комплектовались офицерский корпус и бюрократия.

При Петре в отличие от предшествующего времени ратная служба дворянина стала обязательной и пожизненной. Изменение характера службы повлекло за собой новую, ранее неведомую обязанность учиться. Надлежало овладевать знаниями либо в созданных при Петре учебных заведениях, либо за границей, где волонтеры не столько обучались теории, сколько овладевали мастерством на практике. Недоросля выдергивали из лона семьи и нежных родительских забот и отправляли в столицу, где он должен был напрягать умственные и физические силы, где усердие стимулировалось розгами.

Помыслы многих дворян были направлены на то, чтобы уклониться от пожизненной службы, избавить себя от необходимости тянуть лямку рядового в гвардейском полку. Во взаимоотношениях государства и дворянина наблюдались две противоположные тенденции: дворянин пытался уклониться от обучения и службы, а государство, напротив, стремилось нейтрализовать эти попытки и поставить его в такие условия, чтобы он сам, без понуканий, тянулся и к знаниям, и к службе. В итоге появился указ о единонаследии.

После смерти Петра дворяне настойчиво домогаются облегчения условий службы, сокращения ее сроков и, наконец, объявления ее необязательной.

В 1731 г. правительство Анны Иоанновны отреагировало на шляхетские требования, выдвинутые ими в проектах 1730 г., и учредило Воинскую комиссию, которая пришла к выводу о необходимости ограничить срок службы дворянина 25 годами. Проект был реализован только манифестом 31 декабря 1736 г. Выразительна мотивировка его обнародования: «для лучшего содержания шляхетских домов и деревень». Дворянин, имевший несколько сыновей, одного из них мог оставить для управления имением. Прочие сыновья по достижении 20-летнего возраста должны были служить 25 лет. Множество дворян, состоявших на военной службе, изъявили желание уйти в отставку. Среди них встречалось немало лиц, получивших право на отставку вследствие того, что их записали в полки в младенческом возрасте и ко времени обнародования манифеста они едва достигли 30 лет. Так как появилась угроза армии, воевавшей с Османской империей, остаться без офицерского корпуса, действие манифеста пришлось приостановить до окончания войны, установленные им нормы стали претворяться в жизнь с 1740 г.

Дворяне тяготились и 25-летней службой и домогались полного от нее освобождения. Вопрос интенсивно обсуждался Уложенной комиссией Елизаветы Петровны (1754—1766). Установлено, что статьи проекта Уложения легли в основу Манифеста о вольности дворянской 1762 г. и являлись реализацией мероприятий, подготовленных еще при Елизавете Петровне. Из этого следует, что Манифест отнюдь не продукт государственной мудрости Петра III, эта идея носилась в воздухе и занимала умы ближайшего окружения императрицы.

Манифест 1762 г. объявлял право дворян уходить в отставку (увольнение запрещалось только во время военных действий и за три месяца до их начала). Кроме того, дворянину была предоставлена возможность беспрепятственного отъезда за границу, но с обязательством возвратиться в Россию.

Если руководствоваться свидетельством мемуариста М.Т. Болотова, то Манифест вызвал у дворянства восторженный прием. «Не могу вообразить,— вспоминал он,— какое неописанное удовольствие произвела сия бумажка в сердцах всех дворян нашего любезного отечества».

Болотов напрасно восторгался манифестом от имени всего дворянства; он не имел ни желания, ни склонности к военной службе, а главное — он владел крепостными, обеспечивавшими ему возможность в деревенской тиши заниматься агрономической наукой. У беспоместных дворян, и дворян, владевших двумя — пятью десятками крепостных, источником благополучия являлось жалованье, поэтому они не могли воспользоваться Манифестом.

Процесс освобождения дворян от службы переплетался с мерами по ее облегчению. Правительство пошло навстречу требованиям дворян, изложенным в шляхетских проектах 1730 г., и в 1731 г.

учредило сухопутный шляхетский корпус. Контингент учащихся в нем был ограничен и не охватывал всех дворянских недорослей и поэтому вслед за ним сеть сословных учебных заведений была расширена: Морскую академию в 1752 г. преобразовали в Морской шляхетский корпус, Артиллерийская и Инженерная школы в 1756 г. были объединены, превратившись в 1762 г. в Артиллерийский и инженерный шляхетский корпус. Еще раньше, в 1759 г., был основан Пажеский корпус, готовивший молодых дворян для придворной и гражданской службы.

Если в петровское время обучение считалось обременительной обязанностью дворян, то с возникновением узкосословных по составу учащихся учебных заведений оно превратилось в привилегию: пребывание в шляхетских корпусах считалось престижным и чадолюбивые родители спешили пристроить туда своих отпрысков. Московский университет не относился к привилегированным учебным заведениям, и правительство, чтобы привлечь в него детей дворян, предписало присваивать выпускникам, определенным на гражданскую службу, обер-офицерские чины.

Одновременно с расширением сети сословных учебных заведений детям обеспеченных родителей предоставлялась возможность приобретать знания в домашних условиях. Манифест 1736 г. предусматривал проверку результатов домашнего обучения четырьмя смотрами недорослей, последний из которых проводился в 20-летнем возрасте: лиц, не овладевших знаниями, определяли без выслуги в матросы.

Манифест 1762 г. значительно ослабил контроль за обучением и отменил строгости за нарушение порядка овладения знаниями. Вместо угрозы наказания манифест взывал к совести главы семьи — никто не должен уклоняться от обучения наукам, пристойным «благородному сословию». Манифест породил категорию митрофанушек, ярко и со знанием дела выведенных Фонвизиным в знаменитой комедии. Недорослей, едва умевших читать, расплодилось под крылышком сердобольных родителей великое множество, и директор Сухопутного шляхетского корпуса И.И. Шувалов вскоре после опубликования Манифеста доносил, что многим было отказано в приеме в это учебное заведение из-за незнания грамоты.

В итоге Манифест 18 февраля 1762 г. положил начало новому этапу в истории дворянства. До 1762 г. оно являлось тяглым сословием в том смысле, что, подобно прочим сословиям, оно было обременено обязанностями. Правда, тягло дворянина отличалось от тягла крестьянина или посадского — тягло последних состояло в уплате подати и поставке рекрутов. Тягло дворянина включало службу и обучение, от рекрутчины и уплаты налогов он был освобожден. Но Манифест дал возможность дворянам служить и учиться без принуждения, обратив обе обязанности в привилегии.

Сословные привилегии дворян оказали влияние на все сферы

жизни общества, его социальную структуру, хозяйственную деятельность, культуру и быт. К важнейшим сословным привилегиям дворянства относится восстановление монополии на право владения крепостными крестьянами.

Уложение 1649 г. предоставило право владения крепостными не только дворянам, но и богатым купцам: гостям разрешалось покупать земли и крестьян. Петр I предметом своих первейших забот и попечений считал не торговлю, а промышленность — владельцам мануфактур он разрешил покупать крепостных. При Петре и в особенности при его преемниках мануфактуристы пользовались еще двумя источниками комплектования предприятий принудительным трудом: припиской государственных крестьян к заводам и закреплением навечно за крупными предприятиями работных людей и членов их семейств. Если труд приписных крестьян использовался на вспомогательных работах (заготовка древесного угля и отчасти руды на металлургических заводах), то работные люди составляли костяк квалифицированных кадров мануфактур.

Так продолжалось до 1762 г., когда указ Петра III лишил мануфактуристов права покупать крепостных. Еще раньше были исчерпаны ресурсы государственных крестьян, приписываемых к заводам,— все государственные деревни, более или менее близко расположенные к предприятиям, к середине 50-х годов оказались приписанными. Прекратилась и практика навечного закрепления квалифицированных работников за мануфактурами — после 1739 г. она осуществлялась лишь эпизодически.

Перечисленные меры правительства оказали двоякое влияние на социально-экономическое развитие страны. С одной стороны, восстановление монопольных прав дворян на использование принудительного труда в промышленности ставило предпринимателей-дворян в более выгодное положение, ибо повышало их конкурентоспособность, поскольку труд крепостных оплачивался ниже труда наемных. Тем самым для дворянского предпринимательства создавались тепличные условия. С другой стороны, перекрытие источников комплектования кадров мануфактур принудительными работниками, вопреки намерениям правительства, способствовало развитию капиталистических отношений в промышленности, что в конечном счете подрывало крепостнические порядки.

Дворянским предпринимательством было охвачено прежде всего полотняное и суконное производства, в которых помещики использовали сырье своих вотчин. Удельный вес вотчинных мануфактур был невелик. Еще меньшее влияние на развитие дворянского предпринимательства оказала такая правительственная акция, как передача казенных заводов в частные руки. Подобная практика поощрения мануфактурного производства внедрялась Петром Великим, но тогда казенные предприятия передавались купцам, что благотворно сказалось на промышленном развитии страны. Передача казенных заводов в частные руки при Елизавете Петровне

внешне напоминала промышленную политику петровского времени, а по существу являлась формой грабежа народного достояния. В роли расхитителей народного добра выступали вельможи (П.И. и А.И. Шуваловы, С.П. Ягужинский, И.Г. Чернышов и др.), в руках которых оказалось 32 действовавших завода. Ни один из вельмож не удержался на предпринимательском плаву. Это была форма пожалования, нацеленная на поддержание привычного уровня жизни. Хищнически исчерпав ресурсы предприятий, вельможи расстались с ними, продав их промышленникам из купцов или возвратив казне, причем по цене, во много раз превышавшей прежнюю.

Самой широко распространенной отраслью переработки сырья, получаемого в вотчинах, было винокурение, сулившее дворянам сиюминутные выгоды, ибо при минимальных затратах на оборудование и использовании товарных излишков собственного зерна помещик мог рассчитывать на устойчивый спрос на готовую продукцию со стороны питейных дворов.

В первой четверти XVIII в. дворянам принадлежало лишь 17% винокурен, остальными владели купцы — обязательная служба, неукоснительно требуемая царем, лишала дворян возможности основательно заняться вотчинным хозяйством. Удельный вес дворянского винокурения постепенно повышался в связи с ограничением срока обязательной службы и к середине XVIII в. достиг уровня, способного вместе с казенными винокуренными заводами обеспечить потребности в вине питейных дворов. В 1754 г. последовал указ, предлагавший купцам в шестимесячный срок либо сломать свои винокурни, либо продать их дворянам. Помещикам, таким образом, предоставлялась монополия на винокурение и поставку вина в казну. В данном случае государство устранением конкурентов приносило в жертву свой интерес интересам дворян. Самыми крупными поставщиками вина выступали вельможи; первую строку в списке подрядчиков в 1765 г. занимали сенаторы: сын известного прожектера елизаветинского царствования директор Ассигнационного банка А.П. Шувалов, за ним следовал обер-прокурор Сената А.И. Глебов, генерал-фельдмаршал С.Ф. Апраксин и другие титулованные дворяне.

Правительство использовало еще одно средство оказания дворянам экономической помощи — оно обеспечило их дешевым кредитом и тем самым избавило от опасности оказаться в цепких объятиях ростовщиков; в 1754 г. в России было создано два банка — Дворянский и Купеческий. О предпочтительном отношении к интересам дворян свидетельствует изначальный капитал Дворянского банка в 750 тыс. руб., в то время как капитал Купеческого — 500 тыс. руб.; срок погашения ссуды в Дворянском банке достигал трех лет, а в Купеческом — шесть месяцев.

По идее Дворянский банк был призван поддерживать начинания дворян в перестройке их крепостного хозяйства. Практически 6%

ссуды банка вместо 20% у ростовщиков оказались у вельмож, использовавших их не на рационализацию хозяйства, а на потребительские нужды.

П.И. Шувалов сочинял проекты, по справедливой оценке Екатерины II, «хотя и не весьма для общества полезные, но достаточно прибыльные для него самого». В порядке исключения он осуществлял реформу, полезную не только ему, но и всему населению страны. Речь идет об отмене внутренних таможенных пошлин. Понесенный ущерб казна компенсировала увеличением пошлины на ввозимые и вывозимые товары, доведя ее до 13%. Шувалов был прав, когда убеждал Сенат принять его проект: «Чрез сей способ неописанное зло и бедство, которое происходит крестьянству и купечеству, так и многим конец свой возьмет». Выгоду от отмены внутренних таможенных пошлин извлекали и дворяне, ибо упрощение купли-продажи повышало доходы крестьянского хозяйства, часть которых поступала помещику в виде оброка.

К неудачным начинаниям в пользу дворянства следует отнести предпринятое по совету П.И. Шувалова генеральное межевание земель. Его цель состояла в документальном оформлении прав дворянина на землю, а также в установлении границ между владениями. К межеванию проявило интерес и правительство, рассчитывавшее увеличить фонд казенных земель за счет изъятия у помещиков площадей, захваченных у казны, на которые у их реальных владельцев отсутствовали соответствующие документы. Межевая инструкция 1754 г. обязывала межевщиков строго проверять наличие документов. Межевщику инструкция предоставляла огромные права, в том числе право изъятия земли в пользу казны, если отсутствовали необходимые документы. Если межевщик обнаруживал умышленную порчу межевых знаков, то ему предоставлялось право без суда взыскивать с виновника сторублевый штраф.

Причина неудачи елизаветинского межевания была заложена в инструкции: она преследовала интересы казны в ущерб интересам помещиков, что вызывало их повсеместный протест — посыпались жалобы на произвол межевщиков, на утрату документов вековой давности и т. д. В итоге за 11 лет было отмежевано чуть больше 57 тыс. десятин земли.

Превращение дворян в привилегированное сословие сопровождалось расширением их прав на личность и труд крестьянина. В результате выросли повинности крестьян в пользу помещика, усилилось их бесправие.

Труд крестьянина являлся источником благополучия его самого, государства и помещика. Чем больше брало государство, тем меньше оставалось помещику и крестьянину; чем больше изымал помещик, тем меньше становилась квота каждого из двух других претендентов на результаты труда.

Из многочисленных повинностей крестьян и посадских фиксированной, т. е. с точно установленным размером, была лишь

одна — подушная подать в 70 коп. с крестьянской души мужского пола, принадлежавшей помещику, монастырю и царской фамилии, 1 р. 10 к. — с государственных крестьян и 1 р. 20 к. с посадских. Другая тяглая повинность крестьян и горожан — рекрутская — не считалась величиной постоянной и зависела от того, в мирное или военное время производились рекрутские наборы, а также от размера потерь на театре военных действий. Обычно один рекрут поставлялся с определенного количества крестьянских и посадских душ: чем больше была потребность в рекрутах, тем с меньшего числа душ их брали.

К непостоянному размеру повинностей относились периодически производившиеся мобилизации драгунских лошадей, привлечение крестьян и горожан к строительным работам, подводная и постойная повинности.

Повинности в пользу помещика тоже никто не регламентировал, и их размер, как и формы, зависели от множества обстоятельств. В черноземной полосе помещик предпочитал вести собственное хозяйство, и уже в первой половине XVIII в. отчетливо прослеживается тенденция к переводу крестьян черноземья на барщину. Напротив, в нечерноземных районах помещик предпочитал взимать оброк — из-за низкого плодородия почвы и возможности крестьян извлекать доходы из неземледельческих промыслов.

Вовлечение помещичьего хозяйства в рыночные отношения повышало заинтересованность помещика в увеличении товарных излишков зерна, мяса, кожи, сала, шерсти и т. д. При рутинной технике сельскохозяйственного производства главным условием увеличения излишков, например, зерна могло стать только экстенсивное использование труда крепостного крестьянина, достигавшееся либо увеличением числа дней его работы на барской пашне, либо увеличением продолжительности рабочего дня. Оба способа использования крепостного труда могли привести к исчезновению условий для простого воспроизводства крестьянского хозяйства, на котором держалось благополучие барина. Это соображение вынуждало барина искать оптимальный размер крестьянских повинностей.

В первой четверти XVIII в. четырехдневная барщина встречалась редко, в 60-х годах четырехдневная и даже пятидневная барщина уже не являлась исключением. Только этим и можно объяснить появление в 1797 г. известного указа Павла I о трехдневной барщине.

Рост владельческих повинностей легче всего проследить на размере оброка — он из десятилетия в десятилетие неуклонно повышался: если в 1724 г. подушная подать была определена в размере 74 коп., а помещичий доход с мужской души в 40 коп., то совершенно очевидно, что государственный интерес превалировал над интересом дворянского сословия.

На протяжении XVIII в. размер подушной подати оставался неизменным, в то время как денежный оброк в пользу помещика

повысился и к середине столетия достиг одного-двух рублей. Чтобы помещик мог извлекать повышенный оброк или принуждать крестьянина выполнять дополнительные работы на барщине, надобно было барину предоставить дополнительные права над этим крестьянином в сферах судебной, административной, полицейской. Здесь действовал не столько закон, сколько обычное право. Этот факт признал даже Манифест 1861 г.: «Права помещиков доныне обширны и не определены с точностью законом, место которого заступили предания, обычай и добрая воля помещика».

Важным источником обычного права являются вотчинные инструкции. Известны три типа инструкций, адресованных управителям основных разрядов крестьян: помещичьих, монастырских и дворцовых. Если каждая из помещичьих инструкций уникальна, поскольку отражает личность владельца, его вкусы, нравственный облик, меру образованности и милосердия, а также специфику региона, где находилось имение, то инструкции дворцового и монастырского ведомств являлись типовыми творениями безликих чиновников монастырской и дворцовой администрации. В них имеется множество статей административно-полицейского содержания, заимствованных из текущего законодательства: об организации делопроизводства, обязанностях канцелярских служителей, о сборе подушной подати и неокладных доходов и т. д. Инструкции управителям дворцовых волостей содержали пункты, обязывавшие их обнаруживать шпионов, вести борьбу с разбойниками и корчемством.

Инструкции определяли судебные функции вотчинной администрации и меру наказания крестьян и управителей за провинности. Изобретательность авторов помещичьих инструкций относительно наказаний крепостных не идет ни в какое сравнение с инструкциями дворцовыми и монастырскими. Определение степени виновности крестьянина и определение меры наказания зависели от свойств характера и вкусов помещика и его приказчиков. Одни из инструкций преследовали леность и неучтивость, другие главным пороком, которому объявлялась беспощадная война, считали пьянство, третьи к главным преступлениям относили воровство и сквозь пальцы смотрели на прелюбодеяние, четвертые, наоборот, прощали воровство и жестоко наказывали супружескую неверность. Мера наказания также зависела от произвола помещика. Из карательной власти барина и его приказчиков исключались лишь три вида преступлений: по слову и делу, разбоям и смертоубийствам. Барин чинил над подвластными крестьянами суд и расправу, не ограничивавшуюся наказаниями розгами и плетьми, а, подражая государственной администрации, прибегал к пыткам, причем столь жестоким, что они завершались смертью истязаемого.

Принято в качестве примера жестокого произвола и изуверства помещиков рассказывать об истязаниях своих крепостных Дарьей

Салтыковой, вошедшей в историю под именем Салтычихи. Овдовев в 1756 г., она шесть лет мучила своих дворовых, преимущественно женщин и девушек, подвергала их изощренным пыткам, отправив на тот свет десятки человек.

Салтычиха была больной женщиной с явно садистскими наклонностями, и ее пример нельзя считать типичным, но и здоровые, просвещенные помещики, пользуясь полной безнаказанностью, прибегали к истязаниям. Так, родоначальник отечественной исторической науки В.Н. Татищев рекомендовал наказывать провинившегося не розгами и палками, не кнутом и батогами, а штрафом и голодом. Известный публицист второй половины XVIII в. М.М. Щербатов в отличие от Татищева допускал истязание палкой, но рекомендовал во время экзекуции «весьма осторожно поступать, дабы смертоубийства не учинить иль бы не изувечить». Отсюда совет: «бить по спине и ниже, ибо наказание чувствительнее будет». Агроном и мемуарист М.Т. Болотов наказывал столяра, подверженного пьянству и воровству, так: «Посекши его немного, посади я его в цепь в намерении дать ему посидеть в той несколько дней и потом повторять сечение по немного несколько раз...»

§ 3. ЦЕРКОВЬ НА СЛУЖБЕ ГОСУДАРСТВА

В истории церкви рассматриваемых десятилетий протекало два внешне несхожих, но органически связанных между собою процесса, завершившихся превращением церкви в безропотную служанку государства. Один из них затронул материальные условия жизни духовенства, поставившие его в зависимость от светской власти,— была проведена, хотя и не окончательно, секуляризация владений черного и белого духовенства; другой процесс протекал в духовной сфере и сопровождался бесплодными попытками части духовенства восстановить порядки, существовавшие до проведения церковной реформы Петра I, нацеленные на возрождение патриаршества.

Частичную секуляризацию церковных владений Петр осуществил еще в 1701 г., но два десятилетия спустя вернул вотчины в полное распоряжение духовенства. Однако секуляризационный процесс приобрел столь явные черты необратимости, что уже при Екатерине I было решено реформировать Синод, разделив его на два департамента по шесть персон в каждом: первый, состоявший из духовных иерархов, должен был ведать чисто церковными делами; второму, укомплектованному светскими чиновниками, поручалось управлять вотчинами черного и белого духовенства. Мера мотивировалась стремлением облегчить заботы духовенства, которому поручалось попечение лишь о духовных делах. Позже второй департамент получил наименование Коллегии экономии и в 1738 г. был передан из Синода в ведомство Сената. До завершения

секуляризации оставался один шаг, и Анна Иоанновна готова была сделать его, но помешал случай: инициатор реформы Платон Иванович Мусин-Пушкин оказался причастным к делу А.П. Волынского и попал в немилость, а императрица, наложившая на его донесении резолюцию «учинить по сему представлению», через полгода умерла. Синоду после ее смерти удалось добиться ликвидации Коллегии экономии и создания вместо нее Канцелярии синодального экономического правления, полностью ему подчинявшейся.

Казалось бы, судьба церковных вотчин в правление набожной Елизаветы Петровны должна была находиться в полной безопасности, но даже она не могла противиться властному велению времени и в 1757 г. передала управление вотчинами из рук монастырских служек в руки штаб- и обер-офицеров, которым было велено составить опись монастырского имущества и обстоятельный перечень крестьянских повинностей. Секуляризация, однако, не была проведена: Синод и монастырские власти всячески саботировали деятельность офицеров, а набожная императрица не проявила настойчивости, заявив, согласно молве: «Как хотят после моей смерти, а я не подпишу».

И все же деятельность офицеров оказала влияние на секуляризацию земель: духовенство убедилось, что изъятие у него земель неизбежно, и поэтому принялось хищнически эксплуатировать крестьян. Те ответили неповиновением монастырской администрации и отказом выполнять повинности. Упорное сопротивление крестьян многих монастырей ускорило секуляризацию земель.

Указ о полной секуляризации церковных земель был подписан Петром III 21 марта 1762 г. Сделал он это с необычайной легкостью, во-первых, потому что секуляризация долго вызревала и плоду оставалось только упасть; во-вторых, Петра не одолевали, подобно Елизавете Петровне, сомнения, и он не был обременен ни глубокой верой, ни чувством уважения к православному духовенству. Указ, однако, не был претворен в жизнь — через три месяца после его обнародования Екатерина Алексеевна свергла с престола своего супруга.

Напряженные отношения между светской и духовной властью сопровождались раздором в среде самого духовенства, в большинстве своем враждебно относившегося к церковной реформе Петра Великого и его сподвижнику, претворявшему ее в жизнь,— Феофану Прокоповичу. Если при жизни Петра никто из церковных иерархов не осмеливался открыто нападать на Феофана, то после смерти императора он уже не чувствовал себя в безопасности: волна доносов следовала она за другой и ему довелось изощренно обороняться.

Первым состряпал донос псковский иеромонах Савватий, действовавший по указке новгородского архиерея Феодосия, второго

вице-президента Синода. Феофану, обвиняемому в хищении драгоценностей с икон, удалось не только оправдаться, но и выдвинуть встречные обвинения против невоздержанного на язык Феодосия, придав им политическую окраску. В итоге Феодосий оказался в ссылке, лишился новгородского архиерейства, а Феофан его приобрел.

Этот прием оказался успешным, и Феофан в дальнейшем наносил удары своим противникам, возводя их проступки в ранг политических преступлений, сотрудничая при этом с Тайной канцелярией. В 1726 г. последовал новый донос, обвинявший Феофана в недоброжелательном отношении к императрице и во враждебности к православию. Прокоповичу и на этот раз удалось оправдаться, и доносителя за неправый донос посадили за решетку.

Самые тяжелые времена для Феофана наступили после смерти Екатерины I, когда отрок император Петр II оказался под влиянием Долгоруких, ненавидевших первого вице-президента. Если бы Петр II не умер так неожиданно и скоропостижно, то Феофану не миновать бы падения и заточения в каком-нибудь глухом монастыре. Но он удержался, а после воцарения Анны Иоанновны укрепил свое положение настолько, что стал полновластным хозяином Синода,— ему без труда удалось изгнать из него таких противников, как Георгий Дашков, претендовавший на патриаршее место, Игнатий Смола, Феофилакт Лопатинский и др.

Анна Иоанновна благоволила к Прокоповичу за оказанную им услугу во время бурных февральско-мартовских событий 1730 г. Ему покровительствовали Бирон и Остерман. В итоге Прокопович стал проводить такую же политику преследований противников в духовном ведомстве, какую осуществляли Бирон и Остерман в светском,— они учинили над поверженными Голицыным и Долгорукими, не представлявшими для них никакой опасности, жестокую расправу. Таким же чувством мести руководствовался и Феофан Прокопович, зорко следивший за условиями жизни своих противников в монастырском заточении, требуя ужесточения содержания, хотя они не представляли угрозы ни для Прокоповича, ни для церковной реформы. Таким образом, Прокопович вошел в историю в двух ипостасях: соратника Петра I, образованнейшей личности, теоретика и практика преобразований и человека жестокого и мстительного, действовавшего наперекор христианской морали и чувству милосердия.

Расправившись с оппозицией и смирившись с ролью учреждения, целиком подчиненного светской власти, Синод в последующие десятилетия сосредоточил усилия на распространении христианства среди народов Сибири и Среднего Поволжья, а также на просвещении духовенства. Принятие христианства народами Сибири власти поощряли освобождением от уплаты ясака, а также бесплатной выдачей муки, соли, одежды и даже освобождением от наказания за тяжкие преступления. Для христианизации народов

Поволжья в 1740 г. была учреждена Контора новокрещеных дел, считавшая, что за 15 лет ее деятельности (1741—1756) около 407 тыс. чувашей, черемисов, удмуртов приняли православие.

Не всегда миссионерская деятельность протекала мирно, без конфликтов и даже вооруженных столкновений. Нередко принятие христианства носило формальный характер: новокрещеный не понимал сути новой для него религии, не знал русского языка и, крестившись, продолжал молиться идолам, не почитая икон. Чтобы получить льготы, они крестились повторно, иногда многократно. С другой стороны, представители местной администрации вымогали с новокрещеных взятки, сажали их в тюрьму. В 1744 г. Сенат назначил в Казанскую, Нижегородскую и Воронежскую губернии специальных офицеров, поручив им следить, чтобы новокрещеным не чинили обид.

Синод занимался и образованием духовенства. Указ 1730 г. обязывал открыть школы для детей священнослужителей во всех епархиях. К началу 1740-х годов в стране насчитывалось 17 семинарий, через 20 лет их было уже 26 с шестью тысячами учащихся. Церковь, таким образом, выполняла роль распространителя просвещения — часто на селе единственными грамотными людьми были священник и дьячок, услугами которых пользовались не только крестьяне, но и дворяне для обучения своих детей.

§ 4. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Внешняя политика России во второй четверти XVIII в., в общем, продолжала традиции Петра I. Россия вела борьбу с Османской империей за выход к Черному морю, добивалась решения украинского и белорусского вопросов, а также стремилась закрепить успехи, достигнутые в Прибалтике в результате Северной войны. Одновременно с перечисленными основными направлениями внешней политики русской дипломатии пришлось решать проблемы, связанные с Прикаспием.

Говоря о преемственности внешней политики, следует вместе с тем подчеркнуть, что во второй четверти XVIII в. внешнеполитические задачи решались менее энергично, намеченные планы часто не осуществлялись. В значительной мере это объяснялось перенапряжением внутренних ресурсов во время длительной Северной войны, а также иностранным засильем, поразившим прежде всего армию, где многие командные должности захватили немцы. В результате немецкого засилья армия утратила часть традиций героев Полтавы, стала менее боеспособной. Командовавший русской армией фельдмаршал Миних приказал перелить

орудия петровского времени по западноевропейским образцам. От этого артиллерия стала менее подвижной, так как вес пушек увеличился. По плану Миниха было осуществлено строительство нескольких оборонительных линий вдоль южной и юго-восточной границ России. Эти линии не обеспечили безопасности страны, но на их сооружение были затрачены огромные средства. В армии была введена прусская система обучения, солдат одели в немецкие мундиры, заставили носить букли и косы, пользоваться пудрой. Русский флот, ранее бывший сильнейшим на Балтийском море, тоже пришел в упадок: строительство новых кораблей значительно сократилось, экипажи не были укомплектованы. Лишь после восшествия на престол Елизаветы Петровны, заявившей о том, что она будет во всем следовать заветам отца, во флоте и армии началось возрождение традиций, сложившихся в первой четверти XVIII в.

Клонившаяся к упадку и терявшая значение суверенного государства Речь Посполитая позволяла более сильным соседям вмешиваться в свои внутренние дела. В 1733 г. умер король Август II, и в стране началось бескоролевье, сопровождавшееся борьбой магнатско-шляхетских группировок. Франция поддерживала своего ставленника на престол — Станислава Лещинского. С утверждением на польском престоле Лещинского Франция могла создать послушный себе блок государств вдоль границ России в составе Речи Посполитой, Швеции и Османской империи.

Российское правительство, действовавшее в контакте с Австрией, поддерживало своего претендента на престол — Августа, сына Августа II. Путем подкупов, интриг и прямых угроз Франции удалось добиться избрания королем Лещинского. Тогда сторонники Августа обратились к России, Австрии и Пруссии с «Декларацией благожелательных», в которой просили защитить польскую «форму правления» от вмешательства Франции. Это дало повод для начала войны за польское наследство. Военные действия продолжались **с 1733 по 1735 г.** Рассчитывая на помощь французского флота, Лещинский оставил Варшаву и обосновался в Гданьске. После разгрома и пленения французского десанта русскими войсками Лещинский вынужден был бежать из осажденного города, и королем стал Август III.

Французская дипломатия с целью ослабления усилий России на Западе пыталась создать для нее второй фронт на южных рубежах. Однако стремление разжечь русско-турецкий конфликт не дало желаемых результатов, так как Порта в это время вела безуспешную войну с Ираном, да и внутренние неурядицы в самой Оттоманской империи вынуждали ее временно воздерживаться от выступлений. И все же в **1735 г.** русско-турецкая война началась. Поводом к войне послужило нарушение границ России 20-тысячным отрядом крымских татар, следовавших на Кавказ.

Российская дипломатия, зная об агрессивных намерениях

Порты, пыталась заручиться дружественной поддержкой Ирана, только что изгнавшего со своей территории османских захватчиков. С этой целью Россия в **1735 г.** возвратила ему владения вдоль западного и южного берегов Каспийского моря. По условиям Ганджинского трактата Иран не должен был допустить, чтобы уступленной территорией овладело какое-либо иное государство (подразумевалась Османская империя). Однако, как только в Стамбуле стало известно об этом трактате, в Закавказье для завоевания уступленных Россией территорий были направлены крымские татары.

Петр Великий, преодолевая огромные трудности, овладел побережьем Каспийского моря. Его преемница, ссылаясь на непосильные расходы на содержание гарнизонов, отказалась от приобретений, стоивших стране немалых жертв.

Военные действия между Россией и Османской империей начались осенью 1735 г., когда 40-тысячный корпус во главе с генералом Леонтьевым двинулся к Перекопу. Вследствие бездорожья и плохо организованного снабжения войска, не достигнув цели и понеся большие потери, он вынужден был вернуться обратно.

В кампании 1736 г. русские перешли Перекоп, заняли столицу ханства Бахчисарай, но не уничтожили крымских войск. Командовавший войсками Миних боялся оказаться запертым на полуострове возвращавшимися из иранских провинций татарами и поспешно отступил из Крыма. За время этого похода армия только от болезней потеряла около половины своего состава. Более успешно русские войска действовали под Азовом. Летом 1736 г. крепость перешла к России.

В кампанию 1737 г. России удалось занять крепость Очаков. Однако эти победы не имели решающего значения. Порочная тактика Миниха, избегавшего генерального сражения, давала противнику возможность сохранить свою живую силу. Все же летом 1737 г. по инициативе султанского двора российские, османские и австрийские представители на конгрессе в Немирове начали мирные переговоры. Опасаясь усиления России, австрийские дипломаты стремились ограничить ее приобретения одним Азовом и в то же время сами намеревались овладеть Молдавией и Валахией. Конгресс в Немирове не привел к миру, и война возобновилась. Наиболее крупное сражение произошло в **1739 г.**, когда османы, разбитые русскими войсками под Ставучанами, вынуждены были поспешно отступить и отказаться от обороны крепости Хотин. Но в этом же году союзница России Австрия терпела одно поражение за другим. После больших потерь Австрия, нарушив свои обязательства перед Россией, заключила сепаратный мир с Османской империей. Вслед за этим в сентябре того же года в Белграде был подписан мирный договор между Османской империей и Россией.

По Белградскому договору Россия получила Азов, но должна

была срыть его укрепления. К России, кроме того, отошла небольшая территория на Правобережной Украине. Большая и Малая Кабарда на Северном Кавказе, а также значительная территория к югу от Азова были признаны «барьером между двумя империями». Таким образом, четыре года напряженной войны, стоившей России больших жертв, окончились весьма скромными результатами — частичной отменой условий Прутского мира 1711 г. Россия по-прежнему не имела доступа к Черному морю, а овладение Азовом не давало ей права держать флот на Азовском и Черном морях.

Третий по счету конфликт — русско-шведская война **1741—1743 гг.** — был продуктом не только русско-шведских, но и европейских противоречий. В 1740 г. прусский король Фридрих II решил воспользоваться смертью австрийского императора Карла VI для захвата Силезии. Началась война за австрийское наследство. Враждебные Австрии Пруссия и Франция пытались склонить Россию принять участие в конфликте на своей стороне. На худой конец их устраивало и невмешательство в войну. С этой целью французская дипломатия употребила немало усилий, чтобы толкнуть Швецию на войну с Россией и тем отвлечь внимание последней от европейских дел. Но у шведского правительства были и свои реваншистские цели — оно пыталось вернуть утраченные по Ништадтскому договору прибалтийские земли.

Хотя войну объявила Швеция, но она оказалась слабо подготовленной к вооруженной борьбе. Военные действия, развернувшиеся на прибрежной территории Финляндии, принесли ряд успехов русским войскам. Война окончилась Абоским миром, по которому к России отошла небольшая территория Финляндии. Главный итог этой войны состоял в том, что Швеция вновь подтвердила приобретения России в Прибалтике.

Во **второй четверти XVIII в.** усилилось влияние России на Казахстан. К этому времени казахи разделились на *три жуза (орды):* Младший, Средний и Старший. Младший жуз занимал территорию современного Западного Казахстана, следовательно, граничил с Россией. Основным занятием казахов было кочевое и полукочевое экстенсивное скотоводство.

Казахские земли являлись ареной междоусобных войн между феодалами. Кочевья казахов, кроме того, подвергались набегам калмыков с юго-запада, сибирских казаков и башкир — с севера, среднеазиатских ханов — с юга. Опустошительными были набеги джунгаров. Разобщенность казахов позволяла джунгарам безнаказанно их грабить. Особенно разорительным был набег джунгаров в 1723 г.

В поисках защиты от набегов взоры казахов обратились к России, способной обеспечить безопасность их земли. Но и у России были свои мотивы для сближения с Казахстаном — через его территорию проходили торговые пути в Среднюю Азию и Индию.

Сначала переговоры велись на уровне посольств, а в **1731 г.** Анна Иоанновна подписала грамоту о принятии части Казахстана в российское подданство. Осенью того же года хан Младшего жуза Абулхайр и старшины присягнули России. В течение **1740—1743 гг.** к России добровольно присоединились казахи Среднего жуза.

Добровольное вхождение Младшего и Среднего жузов в состав России являлось поворотным пунктом в исторических судьбах казахского народа. Соединение с Россией предотвратило опасность новых губительных вторжений джунгар, способствовало развитию экономических и культурных связей казахского народа с русским и другими народами нашей страны, преодолению междоусобиц ханов и султанов. Уже в XVIII в. значительно возросли торговые связи с Россией. В обмен на продукты скотоводства, особенно кожу и шерсть — сырье для русских предприятий, Казахстан получал из России металлические и текстильные изделия, посуду и другую бытовую утварь.

Показателем возросшего влияния России на международную жизнь явилось ее активное участие в общеевропейском конфликте середины XVIII в.— в Семилетней войне **1756—1763 гг.** Усиление Пруссии, вероломные действия ее агрессивного короля Фридриха II вызвали существенные изменения во взаимоотношениях европейских государств. Прежние союзники Пруссии — Франция и Россия — оказались в стане ее врагов. Дальнейшее усиление Фридриха II создавало угрозу российским владениям в Прибалтике. Против Пруссии выступала и Франция, опасавшаяся превращения ее в гегемона Европы. В итоге сложилась коалиция государств в составе Австрии, Франции и России, к которым в дальнейшем примкнули Швеция и Саксония. На стороне Пруссии выступила Англия, поддерживавшая свою союзницу громадными субсидиями.

Фридрих II сколотил многочисленную и хорошо вымуштрованную армию. Пользуясь отсутствием согласованных действий союзников, он быстро перебрасывал армию с одного театра войны на другой и по очереди наносил удары каждому из своих противников. Так, летом 1756 г. Фридрих вынудил капитулировать саксонскую армию, а в следующем году он нанес поражение австрийским и французским войскам.

Россия вступила в войну в **1757 г.,** когда в Петербурге ожидали серьезных перемен: состояние здоровья Елизаветы вызывало опасения и престол мог оказаться в руках Петра III, не скрывавшего своего пренебрежительного отношения к русским. Он был настолько горячим и преданным поклонником прусского короля, что готов был считать его врагов своими врагами. В этих условиях от командующего русской армией требовались не столько полководческие дарования, сколько умение чутко прислушиваться к пульсу жизни царского двора. Именно этими качествами обладал Апраксин, накануне назначения главнокомандующим пожалованный чином

генерал-фельдмаршала,— тучный великан и сибарит, поднаторевший в придворных интригах, но лишенный необходимых знаний и военного опыта.

В первом же сражении у деревни Гросс-Егерсдорф **19 августа 1757 г.** русские войска нанесли прусским жестокое поражение, но Апраксин не стал преследовать деморализованного противника, наоборот сам предпринял отступление, что позволило Фридриху II собрать остатки разгромленной армии и перебросить ее против французов.

Между тем Елизавета Петровна выздоровела, Апраксин был смещен с поста главнокомандующего и оказался под следствием. Его место занял немец Фермор, не пользовавшийся уважением и доверием русского генералитета и армии. У него, по свидетельству современника, была репутация «человека, вполне преданного нашим врагам». В начале 1758 г. русские войска овладели Кенигсбергом, и население Восточной Пруссии присягнуло императрице. Кампания этого года завершилась сражением при деревне Цорндорф. Оно носило упорный и кровопролитный характер, Фридрих лишился лучшей части своей армии, но ни одному из противников перевеса достичь не удалось, что, однако, не помешало королю и Фермору отслужить благодарственные молебны по случаю победы над врагом.

В **1759 г.** Фермор был заменен П.С. Салтыковым, человеком, ничего не искавшим при дворе, преданным интересам родины и армии. Располагая 60-тысячной армией против 48 тыс. Фридриха, Салтыков **1 августа** дал сражение у дер. Кунерсдорф. Поначалу успех сопутствовал пруссакам, но затем началось их беспорядочное бегство, сопровождавшееся утратой армии,— из 48 тыс. осталось 3 тыс. деморализованных солдат. Сам король едва не попал в плен к казакам.

Салтыков тоже оказался неугодным Конференции, из Петербурга руководившей действиями главнокомандующих и требовавшей от них во что бы то ни стало наступательных операций. Салтыкова сменил А.Б. Бутурлин — фаворит Елизаветы в годы ее молодости. Он не имел ни малейшего понятия о военном деле и даже не умел читать топографическую карту.

Кульминацией кампании **1760 г.** было взятие Берлина **28 сентября**, оставленного пруссаками накануне штурма его корпусом под командованием Захара Чернышева. Овладение столицей Пруссии мыслилось как временное мероприятие, имевшее моральное значение и выгодное с точки зрения финансов: город должен был уплатить контрибуцию. Фридриха II спас резкий поворот во внешней политике России, вызванный вступлением на престол Петра III. Новый император тотчас разорвал военный союз с Австрией, прекратил военные действия против Пруссии и даже предложил Фридриху военную помощь. Лишь свержение

Петра III предотвратило участие России в войне против своих вчерашних союзников. Однако Россия больше не оказывала помощь Австрии.

Участие России в Семилетней войне не дало ей никаких территориальных приобретений, оно в значительной мере было связано с крайней неприязнью Елизаветы Петровны к прусскому королю. Тем не менее победы над прусской армией, считавшейся лучшей в Европе, укрепили престиж России.

§ 5. КУЛЬТУРА РОССИИ В 30—50-е годы XVIII в.

Развитие национальной культуры продолжалось во второй четверти XVIII в., с тем, однако, отличием от предыдущего периода, что на нее оказывало большое влияние дворянство, а также засилье иностранцев.

Выдающимся идеологом дворянства второй четверти XVIII в. был Василий Никитич Татищев **(1686—1750)** — историк, географ и администратор. Татищев обнаружил Краткую редакцию «Русской Правды» и Судебник 1550 г., написал первый обобщающий труд по отечественной истории — пятитомную «Историю Российскую», опубликованную после его смерти. Татищеву принадлежит первая попытка составить русский энциклопедический словарь — «Лексикон российской», доведенный до буквы «К».

Научные интересы Татищев совмещал с государственной деятельностью. В 30-х гг. он возглавлял Оренбургскую экспедицию, управлял уральской промышленностью, а в 40-х гг. занимал должность астраханского губернатора.

Практическую и научную деятельность Татищев подчинил возвышению дворянства, которое он считал «главнейшим и честнейшим станом государства». Татищев — сторонник монархической формы правления: в России, по его мнению, «демократия никак употребиться не может, ибо пространство великое государства тому препятствует». Опыт истории страны в период феодальной раздробленности свидетельствует о непригодности и аристократической формы правления, так как это время сопровождалось междоусобной борьбой удельных князей, ослаблением Руси и завоеванием ее монголо-татарами. В итоге рассуждений Татищев пришел к выводу, что «самовластное правительство у нас всех прочих полезнее, а прочие опасны».

Обоснование сохранения привилегий дворянства сочеталось у Татищева с требованием предоставить купечеству льготы, ибо, «где оное свободно торгует, там и богато, а когда купечество богато, то все государство богато, сильно и почтенно».

Татищев защищал крепостническую систему и феодальную

эксплуатацию крестьян. Он считал, что в России «вкоренившийся обычай неволи переменить небезопасно». Но крепостное хозяйство Татищев мыслил организовать не по старинке, а с учетом развивавшихся денежных отношений. Отсюда забота Татищева о повышении продуктивности вотчинного хозяйства, о наделении крестьян землей, скотом и орудиями производства, о распространении грамотности среди крестьян, так как он считал невежество причиной выступлений Болотникова и Разина: «Где науки процветают, там бунты неизвестны».

Усиление влияния дворянства сказалось и на характере *просвещения*. Часть учебных заведений, основанных при Петре I и рассчитанных на обучение детей не только дворян, но также посадских и разночинцев, постепенно превращалась в школы закрытого типа. Так, Навигацкая школа, в 1715 г. реорганизованная в Морскую академию, с 1752 г. превратилась в *Морской шляхетский корпус* для дворянских детей. Позже на базе Артиллерийской и Инженерной школ был организован Артиллерийский и инженерный корпус. Кадетские корпуса находились под особым попечением правительства. Вместе с тем развивалась сеть духовных учебных заведений, тоже постепенно терявших всесословный характер и приобретавших черты сословной замкнутости. Наиболее распространенным типом начальной школы были гарнизонные школы, в состав которых влились сохранившиеся от петровского времени цифирные школы.

Центром научной мысли становится Академия наук. Ее первыми членами были иностранные ученые, среди которых было немало крупных знатоков своего дела. Творческая деятельность талантливейшего математика XVIII в. Л. Эйлера, автора множества научных работ по механике, астрономии, кораблестроению и кораблевождению, связана с Петербургской Академией наук. Участие в работе Академии Эйлера и другого выдающегося математика — Б. Бернулли превратило ее в крупнейший математический центр мира. Для плодотворной работы ученых были созданы благоприятные условия. Швейцарец Бернулли в связи с переездом для работы в Петербург своих сыновей писал: «Лучше несколько потерпеть от сурового климата страны льдов, в которой приветствуют муз, чем умереть от голода в стране с умеренным климатом, в которой муз обижают и презирают».

Наряду с учеными, много и плодотворно работавшими в Петербургской Академии наук, в ее составе было немало чиновников и проходимцев, которым были чужды интересы русской науки и которые нанесли прямой вред развитию и распространению научных знаний в России. К ним в первую очередь относился советник канцелярии и библиотекарь Академии наук Шумахер, угодливый и раболепный по отношению к влиятельным лицам и заносчивый, надменный к ученым, в особенности к русским. М.В. Ломоносов

писал о Шумахере: «...мой ненавистник и всех профессоров гонитель и коварный и злохитростный приводчик в несогласие и враждование».

Академия наук приняла активное участие в организации второй Камчатской экспедиции, продолжавшейся 11 лет.

Результаты первой Камчатской экспедиции **(1725—1730)** не удовлетворили правительство, так как не удалось обнаружить американский берег и решить вопрос о том, «есть ли соединение Камчатской земли с Америкой». Несколько лет **(1733—1743)** продолжалась вторая Камчатская экспедиция, грандиозная по масштабам и фактически состоявшая из трех самостоятельных отрядов: 1) собственно Камчатской экспедиции, базировавшейся на Камчатке, во главе с В. Берингом и А.И. Чириковым; ее задача состояла в том, чтобы открыть морской путь в Америку; 2) Северной экспедиции, состоявшей из пяти отрядов, составлявших карту и описание Северного морского пути с целью изучения возможности продвижения судов из Архангельска в Тихий океан. Северные отряды экспедиции, руководимые бесстрашными мореплавателями С.И. Челюскиным, В.В. Прончищевым, С.Г. Малыгиным, Д.Я. и Х.П. Лаптевыми и другими, нанесли на карту и описали почти все северное побережье Сибири; 3) сухопутного отряда, снаряженного Академией наук, в который вошли ботаник Гмелин, историк Миллер, астроном Делиль и другие ученые, а также пять студентов, среди которых находился «студент натуральной истории» С.П. Крашенинников.

Путевые наблюдения Гмелин изложил в записках «Путешествие по Сибири». В четырехтомном труде «Флора Сибири» он описал около 1200 видов растений. Усилия Миллера были направлены на разыскание и копирование документов, связанных с освоением русскими Сибири и историей географических открытий. Им, в частности, были обнаружены документы, свидетельствующие об открытии Дежневым пролива, отделяющего Азию от Америки. В коллекции Миллера сохранились копии уникальных документов, подлинники которых давно утрачены.

С.П. Крашенинников считается основоположником русской этнографии. Им составлено «Описание земли Камчатки», в котором собраны сведения о природе полуострова и его населении: быте, обрядах, одежде и т. д. Труд Крашенинникова, переведенный тогда же на основные европейские языки, не потерял своего научного значения и в настоящее время.

Главный научный подвиг второй Камчатской экспедиции состоял в достижении северо-западных берегов Америки. В **июле 1741 г.** В. Беринг, А.И. Чириков и их спутники первыми из европейцев увидели северо-западное побережье Америки, о котором они сообщили достоверные сведения.

Русская *литература* во второй четверти XVIII в. вступила в

стадию классицизма, представленного произведениями А.Д. Кантемира, В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова. Литература теряет прежний анонимный и рукописный характер, появляются профессиональные писатели, печатным словом оказывающие активное влияние на развитие общественной мысли.

Классицизм является общеевропейским литературным направлением XVII—XVIII вв. Его характерные особенности состояли в гражданской тематике произведений, в воспевании разума, считавшегося мерилом ценности человека, в проповеди просвещенного абсолютизма. Классики изображали не конкретного человека, а абстракцию, воплощавшую сумму пороков или добродетелей: невежество и образованность, скупость и щедрость, жестокость и человеколюбие и т. д.

Русский классицизм, зародившийся позже западноевропейского, наряду с общими с ним чертами имел и ряд особенностей. Представители русского классицизма в меньшей мере обращались к античным сюжетам, отдавая предпочтение национальной тематике, стояли ближе к современной жизни и делали попытки отражать ее проявления в своих произведениях, теснее были связаны с традициями устного народного творчества. Наиболее распространенной формой произведений русских классиков была стихотворная: сатиры, оды, лирические песни, басни.

Антиох Дмитриевич Кантемир (1708—1744), по определению Белинского «первый светский поэт на Руси», был образованнейшим человеком своего времени, превосходным знатоком древних и западноевропейских языков. Первоначально он занимался переводами, но широкую известность получил в качестве автора сатирических произведений, проникнутых горячей защитой петровских преобразований и высмеивающих невежество, взяточничество, ханжество. Кантемир перевел с французского и издал в 1740 г. книгу академика Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», популяризирующую гелиоцентрическое учение Коперника. Синод, признав эту книгу «противной вере и нравственности» и подающей «причину к натурализму и безбожию», приказал ее «везде отобрать». Антиклерикальный характер творчества Кантемира выразился в том, что он в одной из своих сатир вывел мракобеса, противника просвещения Г. Дашкова. «Адам дворян не родил,— смело заявил Кантемир,— все люди произошли от простых земледетелей», «между вольным человеком и холопом природа никакой разницы не поставила в составе тела: та-ж кровь, те-ж кости, та-ж плоть». Сатиры Кантемира приобретали общественное значение именно потому, что сюжеты для них взяты из российской действительности.

Первый профессиональный писатель России Василий Кириллович Тредиаковский (1703—1769) прошел тяжелый жизненный путь. 20-летним юношей он покидает отчий дом, занимается в

Славяно-греко-латинской академии в Москве, а затем в университете Парижа.

Литературная деятельность Тредиаковского началась с перевода романа французского писателя Поля Тальмана «Езда в остров Любви» — первого печатного художественного произведения на светскую тему, появившегося в России. Перу Тредиаковского принадлежит большое количество од, пышно и торжественно воспевавших несуществующие добродетели и величие бездарных императриц. Однако Тредиаковский заслужил признательность потомков не своим поэтическим творчеством, в котором он уступал многим своим современникам, а теоретическими изысканиями в области совершенствования русского языка и приемов стихосложения. Он написал учебник по теории поэзии «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», ряд критических и историко-филологических работ: «Рассуждение об оде вообще», «Рассуждение о комедии вообще» и др. Утверждению новых форм русская литература обязана не Тредиаковскому, лишенному значительного поэтического дарования, а его более талантливым современникам, и прежде всего Ломоносову.

Биография вдохновенного поэта и ученого с мировым именем Михаила Васильевича Ломоносова **(1711—1765)** имеет много общего с биографией Тредиаковского. 19-летний Ломоносов отправился из Холмогор в Москву, где в 1731 г. поступил в Славяно-греко-латинскую академию. В 1736 г. в числе других 12 лучших учеников был направлен в Петербургский академический университет, а в конце того же года командирован в Германию, откуда вернулся на родину в 1741 г. В 1745 г. Ломоносов стал первым русским профессором, членом Академии наук. Ученый проявил универсальность интересов. Недаром Пушкин писал о нем: «Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом». Ученый занимался изысканиями в математике и физике, химии и астрономии, географии и геологии, биологии и языкознании, философии и истории. Во всех этих отраслях знаний Ломоносов достиг крупных успехов, иногда опережавших его век. Ему принадлежит открытие закона сохранения материи и движения. Он его формулировал так: «Все перемены, в натуре случающиеся, такого суть состояния, что, сколько чего у одного тела отнимается, столько присовокупится к другому, так ежели где убудет несколько материи, то умножится в другом месте». И здесь же добавлял: «Сей всеобщий естественный закон простирается и в самые правила движения».

Ломоносов являлся одним из создателей учения о теплоте как о молекулярном движении, опровергавшего господствовавшую тогда теорию теплорода, согласно которой нагревание и охлаждение тел происходит в результате проникновения в них и исчез-

новения невесомой жидкости — теплорода. Им высказан ряд интересных суждений об атмосферном электричестве, его происхождении, способах борьбы с грозовыми разрядами. Он предвидел большое будущее электричества; его использование, по мнению ученого, открывало «великую надежду к благополучию человеческому».

Теоретические работы Ломоносова были тесно связаны с практикой, он сконструировал многочисленные приборы, приспособления и инструменты: самопишущие метеорологические приборы, перископ, ночезрительную трубу, с помощью которой можно было ночью лучше различать скалы и корабли.

Велики заслуги Ломоносова в развитии горного дела и минералогии. В 1745 г. он закончил исследование «О вольном движении воздуха, в рудниках примеченном», в котором изложил начальные сведения физической теории проветривания глубоких шахт. В конце жизни он составил руководство «Первые основания металлургии или рудных дел», содержащее множество практических советов. Ломоносов положил начало разработке научной терминологии, ввел в оборот слова и понятия, употребляемые в настоящее время: «атмосфера», «чернозем», «горный хребет», «удельный вес», «клин» и т. д.

В области гуманитарных наук деятельность Ломоносова была не менее разнообразной и плодотворной. В 1755 г. он выпустил «Российскую грамматику», чем подготовил почву для создания современного русского языка, очищенного от архаичных церковнославянских слов. Интерес к прошлому нашел отражение в написанной Ломоносовым «Древней Российской истории», направленной против норманнской теории происхождения Русского государства.

Увеличение естественного прироста населения за счет сокращения смертности и повышения рождаемости Ломоносов считал важнейшим условием развития производительных сил. Он протестовал против неравных и насильственных браков, требовал ведения эффективной борьбы с разбойниками и т. д.

Сторонник просвещения, Ломоносов отдавал много сил организации преподавания в гимназии и университете при Академии наук. Но главная его заслуга в распространении просвещения состояла в основании вместе с И.И. Шуваловым в **1755 г.** Московского университета. План организации университета, составленный Ломоносовым, предусматривал преподавание на русском, а не на латинском языке, предоставлял возможность учиться представителям непривилегированных сословий.

Ломоносов вошел в литературу в 1739 г., когда написал знаменитую оду «На взятие Хотина». В его дальнейшем творчестве русский классицизм достиг наивысшего расцвета. Поэзию Ломоносова отличали оптимизм, высокая гражданственность, глубокая вера в будущее России. Он твердо верил в творческие способности русского народа и был убежден, что может «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать».

Глава XVII

РОССИЯ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ ВЕЛИКОЙ

§ 1. ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ

Первые два-три года царствования Екатерины II заслуживают специального рассмотрения по двум причинам: в эти годы императрица разбирала «завалы», оставленные предшествующими царствованиями, а с другой стороны, в эти же годы выявились зачатки новой политики, получившей название *просвещенного абсолютизма.*

Спустя семь лет после переворота, когда положение Екатерины на троне стало достаточно прочным и, казалось, ничто ей не грозило, она мрачными красками обрисовала положение страны в год, когда заняла престол: финансы находились в запущенном состоянии, отсутствовали даже сметы доходов и расходов, армия не получала жалованье, флот гнил, крепости разрушались, повсюду народ стонал от произвола и лихоимства приказных служителей, повсюду царил неправый суд, тюрьмы были переполнены колодниками, в неповиновении находились 49 тыс. приписных к уральским заводам крестьян, а помещичьих и монастырских крестьян в Европейской России —150 тыс.

Рисуя столь безотрадную картину, императрица, конечно же, сгустила краски, но во многом она соответствовала действительности. Более того, Екатерина умолчала о двух главных своих бедах, несколько лет лишавших ее покоя: первая состояла в насильственном овладении престолом, права на который у нее отсутствовали совершенно; вторая беда — это наличие трех законных претендентов на престол в лице двух свергнутых императоров и наследника — сына Павла Петровича.

От свергнутого супруга удалось избавиться — через восемь дней после переворота его лишили жизни гвардейцы, приставленные для охраны. Сын Павел серьезной угрозы не представлял, поскольку он не имел опоры ни в гвардии, ни при дворе, ни среди вельмож. Самым опасным претендентом Екатерина справедливо считала томившегося в Шлиссельбургской крепости 22-летнего Иоанна Антоновича. Не случайно императрица вскоре после воцарения пожелала на него взглянуть. Он выглядел физически здоровым, но многолетняя жизнь в полной изоляции нанесла невосполнимый урон — он оказался умственно неразвитым и косноязычным молодым человеком. Екатерина несколько успокоилась, но полной уверенности, что имя Иоанна Антоновича не станет знаменем борьбы против нее, не обрела и, как показали последующие события, была совершенно права.

Екатерина, кроме того, не упомянула о внешнеполитическом наследии, полученном от супруга: разрыв с союзниками по Семилетней войне, заключение союза со вчерашним неприятелем

Фридрихом II, передача в его распоряжение корпуса Чернышова и подготовка к войне с Данией.

Проще и выгоднее всего для Екатерины было дезавуировать внешнеполитические акции Петра III — они были крайне непопулярны как в обществе, так и в действующей армии и особенно в гвардейских полках, по повелению императора готовившихся к походу против Дании. Однако отказ от внешнеполитического курса супруга был неполным: Екатерина не пожелала пребывать в лагере союзников, чтобы продолжать Семилетнюю войну, но к радости изнеженных гвардейцев отменила датский поход и отозвала корпус Захара Чернышова. Не разорвала она и союза с Фридрихом II, поскольку имела виды на благожелательное отношение прусского короля к судьбам трона Речи Посполитой, где ожидали скорой смерти Августа III, а также Курляндии, где императрица намеревалась вернуть герцогскую корону Бирону.

Сложнее обстояло дело с решением внутриполитических задач. Именно в этой сфере от императрицы требовалось проявить максимум осторожности, предусмотрительности, умения лавировать и даже действовать вопреки своим убеждениям. Этими качествами она обладала в полной мере. Начнем с того, что переворот Екатерины в отличие от переворота Елизаветы Петровны не сопровождался сменой вельмож: сохранили свои посты канцлер М.И. Воронцов, генерал-прокурор А.И. Глебов, обласкан был Миних, находившийся в свите Петра III и дававший ему советы, как эффективнее бороться с супругой, а также генерал П.А. Румянцев, назначенный императором главнокомандующим русскими войсками в войне с Данией, и др.

Двух заслуженных вельмож — Якова Петровича Шаховского, отправленного в отставку Петром III с поста генерал-прокурора, и канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина, лишенного чинов и званий и отправленного в ссылку в деревню Елизаветой Петровной,— Екатерина велела вернуть ко двору. Тем самым Екатерина демонстрировала намерение осуществлять внутреннюю политику кадрами, унаследованными от супруга.

Преемственность политики в отношении дворян императрица подтвердила указом 3 июля 1762 г., повелевавшим крестьянам находиться в таком же беспрекословном повиновении помещикам, как и прежде. Заметим, личные воззрения Екатерины на крепостное право вступали в вопиющее противоречие с ее законодательством, т. е. практическими мерами, не ослаблявшими, а усиливавшими крепостной гнет. Преемственность политики проявилась и в подтверждении Екатериной нормативных актов предшествующего царствования: она оставила в силе указ Петра III о запрещении владельцам мануфактур покупать крестьян и его же указ об упразднении Тайной розыскных дел канцелярии.

Оба указа затрагивали интересы немногочисленной прослойки населения. Первый указ ущемлял мануфактуристов, но их в стране

насчитывалось несколько сотен и их протест можно было игнорировать. Что касается Тайной розыскных дел канцелярии, то ни Петр III, ни Екатерина не уничтожали орган политического сыска, а всего лишь изменили его наименование — отныне политическими преступлениями стали ведать Тайные экспедиции при Сенате и при Сенатской конторе в Москве. Полная преемственность карательных учреждений подтверждается тем, что штат Тайной экспедиции был укомплектован сотрудниками Тайной розыскных дел канцелярии во главе с кнутобойцем Шешковским.

Едва ли не самые неприятные заботы о наследии, полученном от предшественников, были связаны с подавлением крестьянских волнений на Урале. Они начались еще во второй половине 50-х годов, отличались упорством и вооруженным сопротивлением воинским командам, пытавшимся принудить приписных к заводам крестьян выполнять работы по рубке дров и заготовке угля.

Во главе отправленной на Урал экспедиции был поставлен генерал-квартирмейстер А.А. Вяземский. 6 декабря 1762 г. императрица утвердила ему инструкцию, предписывавшую сначала привести крестьян «в должное рабское послушание и усмирить», т. е. принудить их выполнять возложенные на них работы, и только после этого выяснять причины, вызвавшие волнения.

Зачитываемый крестьянам манифест убеждал их беспрекословно повиноваться властям, поскольку «собственное сопротивление, хотя бы и правильными причинами понуждаемо было, есть грех, непростительный противу Божьей заповеди». Если крестьяне будут продолжать сопротивляться, то их надлежало усмирять «огнем и мечом и всем тем, что только от вооруженной руки произойти может».

Вяземский и сменивший его в начале 1764 г. А.И. Бибиков действовали неумолимо жестоко и подавили волнения. В общей сложности ими было наказано плетьми и батогами свыше 400 крестьян. В некоторых случаях были наказаны и приказчики, отличившиеся в истязании крестьян и вымогательстве взяток. Императрица высоко оценила деятельность Вяземского, назначив его генерал-прокурором вместо корыстолюбивого А.И. Глебова.

Наконец, Екатерине II довелось «расчищать» еще один завал, оставленный ей в наследие Елизаветой Петровной, опубликовавшей в 1752 г. манифест о проведении в стране межевания земель.

Манифестом 1765 г. Екатерина отказалась от проверки владельческих прав на землю и руководствовалась принципом оставления за помещиками земель, которыми они владели к 1765 г. Таким образом, все земли, ранее захваченные у казны, однодворцев и соседей, передавались помещикам в безвозмездное пользование. Мемуарист А.Т. Болотов назвал его «славным манифестом», вызвавшим «великое потрясение умов». Только в XVIII в. в руках помещиков оказалось около 50 млн. десятин земли, на владение которой они юридических прав не имели. Манифест 1765 г. положил новый этап межеванию, значительно ускорив его проведение.

Главная цель Екатерины II состояла, однако, не в подтверждении или развитии законодательных инициатив своих предшественников и в особенности супруга, а, напротив, в доказательстве никчемности законотворчества Петра III: надлежало опорочить его царствование, убедить подданных, что страна в его правление катилась в пропасть и единственное ее спасение состояло в низложении опасного для судеб нации монарха. В частности, надлежало определить будущее двух важнейших нормативных актов шестимесячного царствования Петра III: манифестов о вольности дворянства и о секуляризации церковных имений. В обоих случаях Екатерина действовала вопреки личным убеждениям.

Ученице Вольтера, конечно же, импонировала секуляризация, но она, зная недовольство церковников манифестом Петра III, поспешила обвинить бывшего супруга, что он «начал помышлять о разорении церквей», и объявила секуляризацию мерой «непорядочной и бесполезной», заверила церковников, что у нее нет желания «присвоить себе церковные имения». 12 августа 1762 г. императрица ликвидировала Коллегию экономии и вернула вотчины духовенству. Это была тактическая мера. В конце того же года она поручила рассмотреть судьбу церковных имений специальной комиссии. Укомплектованная сторонниками секуляризации комиссия сочинила угодный императрице доклад, и она 26 февраля 1764 г. утвердила его — недвижимые и движимые имения черного и белого духовенства подлежали секуляризации. В спор светской и духовной власти за право владения церковным имуществом вмешались монастырские крестьяне, отказавшиеся повиноваться монастырским властям. *Это укрепило Екатерину в намерении осуществить секуляризацию.*

Императрица полагала, что освобождение дворян от обязательной службы усилит их независимость от трона, что противоречило ее представлениям о роли в обществе абсолютной монархии. Однако отменить манифест Петра III она не отважилась, как не отважилась и подтвердить его. Она решила спрятаться за спину специально учрежденной комиссии, которой дала два исключающих друг друга поручения. С одной стороны, она осудила манифест Петра III, ибо он, по ее мнению, «в некоторых пунктах еще более стесняет ту свободу, нежели общая отечеству польза и наша служба теперь требовать могут». Из этого повеления следует, что императрица намеревалась расширить дворянские привилегии.

С другой стороны, этой же комиссии было поручено изобрести способы, как заинтересовать дворян в продолжении службы. Комиссия сочинила доклад, расширявший дворянские привилегии (освобождение от телесных наказаний, от внесудебных репрессий и др.), но не изыскала мер, вынуждавших дворян служить.

Реакции императрицы на доклад комиссии не последовало, все оставалось без изменений: манифест Петра III хотя и не был

подтвержден, но им дворяне широко пользовались два с лишним десятилетия.

В годы, когда императрица разбиралась с наследием супруга, она стала претворять в жизнь и меры, положившие начало новому этапу в истории России. Расположив их в хронологической последовательности, мы обнаружим, что они в совокупности создают целостное представление о намерении императрицы руководствоваться идеями просвещенного абсолютизма.

В течение 1762—1764 гг. были отменены монополии на торговлю смолой, а также на производство обоев, сусального золота и серебра, кроме того, объявлена свобода рыбных, тюленьих и табачных промыслов и свобода открывать сахарные заводы.

В 1764 г. состоялось открытие Смольного института благородных девиц. Это был новый тип учебных заведений.

К этим же годам относятся две акции Екатерины, внесшие существенные изменения в структуру административных органов. Одна из них связана с проектом Н.И. Панина об учреждении Императорского совета и реформой Сената. Создание Императорского совета Панин мотивировал необходимостью устранить влияние на управление страной «припадочных» людей, как он называл фаворитов, людей своекорыстных и властных, но чуждых интересам государства. Фаворитизм порождал угодничество, произвол, казнокрадство, безнравственность. «Государь,— рассуждал Панин,— сколь бы он ни был талантлив, трудолюбив и проницателен, не в состоянии охватить все стороны управления страной». Ему должно было помочь постоянно действующее учреждение — Императорский совет из шести — восьми членов, среди которых четыре статс-секретаря, ведавших внешней, внутренней политикой, военными и морскими делами.

Екатерина поначалу согласилась с проектом, назначила даже членов совета, подписала манифест о его учреждении, но в последний момент надорвала лист со своей подписью. Некоторые историки, опираясь на мнение генералфельдцейхмейстера Вильбуа об этом проекте (он обнаружил в нем олигархические тенденции), считали возможным сравнить его с кондициями верховников, ограничивавших власть Анны Иоанновны. В действительности ограничение власти предполагалось только в отношении фаворитов. Этого, однако, оказалось достаточно, чтобы отклонить проект.

Зато реформа Сената прошла безболезненно. Рациональное зерно разделения Сената на шесть департаментов с пятью сенаторами в каждом состояло в том, что его громоздкий состав позволял многим сенаторам бездельничать, считать своей главной обязанностью не работу, а присутствие в учреждении. В департаментах сокращалась возможность прятаться за спины других, повышалась в 6 раз эффективность работы Сената.

Столь же безболезненно произошла и ликвидация гетманства на Украине. Восстановление гетманского правления, упраздненно-

го еще при Петре Великом, являлось плодом фаворитизма, когда Елизавета Петровна в 1750 г. назначила гетманом 22-летнего брата фаворита К.Г. Разумовского.

Самодержавному строю присуща унификация органов власти, ему противопоказаны автономии и учет специфики в управлении окраинами, населенными нерусскими народами. Сохранение особенностей в управлении Екатерина называла «глупостью».

Разумовский под влиянием беседы с императрицей сам попросился в отставку, тут же удовлетворенную. 10 ноября 1764 г. последовал указ об упразднении гетманского правления и учреждении Малороссийской коллегии во главе с П.А. Румянцевым.

В 1765 г. были введены еще два крупных новшества. Первое из них — открытие Вольного экономического общества. Оно должно было помочь помещикам рационально организовать хозяйство, приспособить его к рыночным отношениям. В издаваемых Вольным экономическим обществом «Трудах» печатались агротехнические советы, образцовые инструкции приказчикам, наставления, как содержать скот, рекомендации по переработке сельскохозяйственного сырья, сведения о новых орудиях труда. Помещики, добившиеся успехов в организации хозяйства, делились своим опытом.

Впрочем, далеко не всегда помещики могли воспользоваться разумными рекомендациями «Трудов», ибо крепостнический режим, с одной стороны, обусловливал потребительский характер хозяйства и исключал вложение средств в производство, а с другой — подневольный труд крепостного крестьянина отличался низкой производительностью и ему была противопоказана интенсивная агротехника.

Другое новшество было связано с объявлением Вольным экономическим обществом конкурса на лучший ответ на вопрос: «Что полезнее для общества,— чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираться должны?» В течение двух лет Экономическое общество получило 162 конкурсные работы, в том числе 129 прислали немцы, 21 — французы, 7 — русские. Конкурсные работы прислали Вольтер и Мармонтель, Граслен и Эйлер. Они подвергли резкой критике крепостничество, считали его противоречащим природе и человеческому разуму, писали о неминуемом упадке общества, в котором господствует рабство, об угрозе выступлений народа, доведенного до отчаяния, о паразитизме дворянства.

Конкурсное сочинение, выполненное представителем дворянского либерального лагеря А.Я. Поленовым, тоже содержало «по здешнему состоянию неприличные выражения» в адрес крепостничества. Но, раскритиковав крепостное право, Поленов не предлагал его отменить. Он всего лишь считал возможным предоставить крепостному крестьянину право наследственного владения «недвижимым имением» и право собственности на свое движимое имущество.

Первую премию получил член Дижонской академии Беарде де Лабей за сочинение под девизом, отражавшим взгляды автора: «В пользу свободы вопиют все права, но есть мера всему. Могущество государства основано на свободе и благосостоянии крестьян. Но наделение их землей должно было последовать за освобождением от крепостного права». Автор рекомендовал не спешить ни с освобождением крестьян, ни с наделением их землей, ибо опасно спустить с цепи медведя, не приручив его. Надлежит сначала подготовить крестьян к восприятию свободы, а потом уже приступить к наделению их землей.

Взгляды Беарде де Лабея вполне соответствовали умеренно-просветительским воззрениям императрицы, по инициативе которой проводился конкурс. Путь крепостных крестьян к свободе, намеченный французским автором, вполне устраивал императрицу — в годы, когда проводился конкурс, Екатерина усиленно штудировала «Дух законов»Монтескье и сочиняла свой знаменитый наказ. Конкурс являлся своего рода пробным шагом, проверкой исповедуемых ею идей относительно судеб крепостных крестьян в России.

Перечисленные проявления политики просвещенного абсолютизма еще не приобрели всеобъемлющего характера и касались частных сторон жизни общества. Эта политика наиболее яркое воплощение приобрела в созыве в 1767 г. Уложенной комиссии.

§ 2. УЛОЖЕННАЯ КОМИССИЯ 1767—1768 гг.

Просвещенный абсолютизм — политика, порожденная временем разложения феодальной системы и вызреванием в ее недрах капиталистических отношений, нацеленная на устранение мирными средствами устаревших феодальных порядков. Просвещенный абсолютизм отличался от обычного деспотизма декларированием соблюдения законов, одинаковых для всех подданных. Теоретические основы просвещенного абсолютизма были разработаны выдающимися деятелями французского просвещения Монтескье, Вольтером, Д'Аламбером, Дидро и др. Эти просветители умеренного крыла призывали к эволюционной, без потрясений, смене общественно-экономических отношений, что устраивало монархов Европы и способствовало возникновению союза королей и философов, способного, как полагали короли, предотвратить угрозу их тронам. Идеи просвещения разделяли прусский король Фридрих II, шведский король Густав III, австрийский император Иосиф II и др. Но самые близкие отношения просветители установили с Екатериной II. Тому способствовали два обстоятельства: благодаря крепостническому режиму, низкой грамотности населения и общей отсталости Россия представлялась просветителям страной, где реализация их идей должна была принести самые ощутимые плоды; кроме того, Екатерина оказалась прилежной ученицей просветителей, намеревавшейся

энергично претворять их идеи в жизнь. Гримму императрица писала: «Я люблю нераспаханные земли — поверьте, это лучшие земли... Я годна только для России».

Подобно тому как на родине Просвещения, во Франции, Вольтер, Д'Аламбер, Дидро не могли найти общего языка с Людовиками, так в России не получился диалог между Екатериной и Новиковым. Зато императрице удалось пленить умы просветителей из Франции, с которыми она вела оживленную переписку. К хору домашних льстецов присоединились панегиристы из-за рубежа. Если учесть, что эти почитатели императрицы были властителями дум передовых людей Европы, то станет очевидным, что употребляемые ими эпитеты «Северная Семирамида», «Северная звезда», «Великая Екатерина» создавали вокруг ее имени ореол славы и добродетели. Вольтер, признанный патриарх французского Просвещения, писал ей: «Мы трое — Дидро, Д'Аламбер и я — мы воздвигаем вам алтари; вы делаете из меня, государыня, язычника».

Ученица просветителей хотела быть достойной восхваления. Она не упускала случая, чтобы напомнить своим корреспондентам, что «у короля обязанность — желать блага своим подданным», что «вся моя наука заключается именно в том, что все люди братья, и всю мою жизнь я проведу в изучении искусства поступать согласно этому правилу». Не скупилась императрица и на комплименты. Она писала Вольтеру: «Ваши сочинения приучили меня размышлять»; «прошу вас быть уверенным, что Екатерина II всегда будет иметь особливое уважение и почтение к знаменитому фернейскому пустыннику». Сочинение Монтескье «Дух законов» Екатерина называла «молитвенником государей».

Особый восторг просветителей вызвала материальная помощь нуждавшемуся Дидро: императрица купила у него библиотеку за 15 тыс. франков, предоставив ему право держать ее у себя до смерти; более того, Екатерина назначила Дидро хранителем его библиотеки, определив жалованье в 1000 франков в год с выплатой его на 50 лет вперед. Д'Аламбер писал Екатерине в связи с этой акцией: «Вся литературная Европа рукоплескала...», а Вольтер: «Все писатели Европы должны пасть к стопам ее величества».

Настала пора реализации широкомасштабных реформ в духе идей Просвещения. Тому способствовали два благоприятных условия: Екатерина после гибели Иоанна Антоновича почувствовала себя на троне увереннее, чем прежде; уверенности, что справится с грандиозной по замыслу затеей, прибавила и достаточная осведомленность о трудах просветителей. В конце 1766 г. она приступила к осуществлению важнейшей акции своего царствования — созыву комиссии для составления нового Уложения.

Надобность в совершенствовании законодательства ощущалась уже при Петре Великом, и им, а также его преемниками предпринимались многократные попытки привести законы в соответствие с изменившимися обстоятельствами в области социального

и политического строя, экономики и нормами уголовного права. При Петре I таких попыток было три: в 1700 г., когда учреждена была Палата об Уложении, в 1714 и 1719—1729 гг. Аналогичные попытки, впрочем, закончившиеся столь же безрезультатно, предпринимались при Екатерине I, Петре II и Анне Иоанновне. Как составитель нового Уложения известен П.И. Шувалов, по инициативе которого была создана Уложенная комиссия, действовавшая с 1754 г. Формально она была распущена в 1767 г., а фактически прекратила существование в 1764 г.

Уложенная комиссия, созванная Екатериной, отличалась от предшествующих по крайней мере тремя особенностями: более широким представительством — право избирать депутатов было предоставлено дворянам (по одному депутату от уезда), горожанам (по одному депутату от города), государственным и экономическим крестьянам (по одному депутату от провинции при трехступенчатых выборах: погост — уезд — провинция), оседлым «инородцам» (тоже по одному депутату). Кроме того, каждое центральное учреждение посылало в Комиссию по одному своему представителю. Таким образом, права избирать депутатов были лишены крепостные крестьяне, составлявшие большинство населения страны, а также духовенство.

В итоге в Уложенную комиссию было избрано около 450 депутатов, из коих 33% составляли выборные от дворянства, 36% — выборные от горожан, около 20% — выборные от сельского населения, 5% — правительственные чиновники. Если учесть, что чиновники являлись дворянами, а некоторые города и государственные крестьяне избирали депутатами дворян, то удельный вес дворянства в Уложенной комиссии, составлявшего 0,6% населения страны, значительно повысится.

Депутатам предоставлялись существенные льготы и привилегии: помимо жалованья, выдававшегося сверх получаемого на службе, депутаты до конца дней своих освобождались от смертной казни, пыток и телесных наказаний; имения депутатов не подлежали конфискации за исключением случаев, когда надлежало расплатиться за долги; решение суда относительно депутатов не приводилось в исполнение без благословения императрицы; за оскорбление депутата взыскивался двойной штраф; депутатам выдавался особый знак с девизом: «Блаженство каждого и всех».

Вторая особенность екатерининской комиссии состояла в новшестве, неведомом предшествовавшим комиссиям: императрица составила «Наказ» с изложением своих взглядов на задачи Уложенной комиссии, которыми должны руководствоваться депутаты. Расхожее мнение о «Наказе» как компилятивном сочинении нуждается в уточнении. Основанием для подобной оценки явились слова самой императрицы, писавшей Д'Аламберу: вы «увидите, как там я на пользу моей империи обобрала президента Монтескье, не называя его».

Основной текст «Наказа» включал 20 глав, поделенных на 526

статей, из которых 245 восходят к «Духу законов» Монтескье, 106— к книге итальянского ученого-юриста Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях». Кроме того, Екатерина использовала труды немецких авторов Бильфельда и Юста, а также французскую энциклопедию и русское законодательство. «Наказ», однако, являлся продуктом творческого переосмысления идей Монтескье, бравшего за образец английский парламентаризм, и был приспособлен к русской действительности.

Императрица была глубоко убеждена, что размеры территории России обусловили для нее единственно приемлемую форму правления в виде абсолютной монархии: «Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть не может действовать сходно с пространством столь великого государства... Всякое другое правление не только было бы для России вредно, но и вконец разорительно».

Екатерине, однако, не всегда удавалось приспособить идеи просветителей к русской действительности и преодолеть противоречия между реалиями феодальной структуры общества и по сути буржуазными догмами, исповедовавшимися деятелями Просвещения. Так, «Наказ» постулировал девиз «Блаженство каждого и всех», а также провозглашал, что «равенство граждан всех состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам», в то время как эти постулаты противоречили сословному строю. Равенству всех перед законом противопоказаны сословные права и обязанности, зарегистрированные в том же «Наказе». «Земледельцы живут в селах и деревнях... и сей есть их жребий», в то время как дворяне находятся на службе и вершат правосудие. Равенству всех перед законом противоречит и статья «Наказа», осуждающая ситуацию, «когда всяк захочет быть равным тому, который законом учрежден быть над ним начальником».

Заслуживают положительной оценки статьи, предохранявшие общество от деспотизма, произвола монарха. Учреждениям дано право обращать внимание государя на то, «что такой-то указ противен Уложению, что он вреден, темен, что нельзя по оному исполнять». Прогрессивное значение имели статьи, определившие экономическую политику правительства, включавшую заботу о строительстве новых городов, развитии торговли и промышленности и особенно земледелия как важнейшей отрасли хозяйства.

«Наказ» предусматривал реформу судоустройства и судопроизводства. Автор руководствовался принципом: «Гораздо лучше предупреждать преступления, нежели наказывать». «Наказ» протестовал против норм Уложения 1649 г., предусматривавшего одинаковое наказание за умысел и действие: «Слова не вменяются никогда во преступление, разве оные приуготовляют или последуют действию беззаконному». Запрещались пытки в качестве способа судебного доказательства, содержание под стражей подозреваемого,

вина которого не доказана. «Наказ» провозглашал веротерпимость, «ибо гонения человеческие умы раздражали».

Самым уязвимым местом «Наказа» считается решение им крестьянского вопроса. В первоначальном варианте «Наказа», который императрица давала читать вельможам для критики, крестьянскому вопросу было уделено больше внимания и решался он более радикально, чем в опубликованном тексте. «Я зачеркнула, разорвала и сожгла,— писала Екатерина,— больше половины, и Бог весть что станется с остальным». Из сохранившихся черновиков видно, что в «Наказе» говорилось о желательности освободить рабов от личной зависимости, оставив помещикам право на часть их труда. Императрица считала возможным разрешить крестьянам обретать свободу за выкуп. Сколь решительно были настроены «разномыслящие персоны», как называла Екатерина своих критиков, на сохранение незыблемым крепостнического режима, явствует из отзыва на «Наказ» просвещенного поэта и драматурга А.П. Сумарокова: «Сделать крепостных людей вольными нельзя, скудные люди ни повара, ни лакея иметь не будут, и будут ласкать слуг своих, пропуская им многие бездельства, вотчины превратятся в опаснейшие жилища, ибо они (помещики.— *Н.П.*) будут зависеть от крестьян, а не крестьяне от них».

В опубликованном «Наказе» императрица излагала свое отношение к крестьянскому вопросу в духе секретного письма А.А. Вяземскому: «Надо относиться к крестьянам так, чтобы человеколюбивыми поступками предупредить грядущую беду» — выступления доведенных до отчаяния крепостных. Екатерина не предлагала регламентировать повинности крестьян в пользу помещика, а всего лишь рекомендовала помещикам, чтобы те «с большим рассмотрением располагали свои поборы».

Противоречивость «Наказа», сочетавшего просветительские идеи буржуазного плана с консервативными взглядами, уходившими корнями в феодальные порядки, не помешала фернейскому мудрецу назвать его «самым прекрасным памятником нашего века».

Третья особенность Уложенной комиссии 1767—1769 гг. состояла в наличии наказов депутатам, составленных участниками их выборов,— в наказах отражены сословные требования избирателей. Дворянские наказы требовали принятия строгих мер против побегов крестьян, в них были жалобы на обременительность рекрутской и постойной повинностей, разорявших крестьян и тем самым наносивших ущерб благополучию помещиков. Депутаты-аристократы осуждали введенную при Петре I Табель о рангах, открывавшую доступ в ряды дворянства представителям «подлых людей». Лица, добывшие дворянство шпагой и пером, т. е. на военной и гражданской службе, должны были подтвердить свои права бумагой от государя, единственного человека, который присваивал дворянский чин.

Многие наказы содержали жалобы на мздоимство канцелярских

служителей, волокиту в правительственных учреждениях, предлагали вместо назначаемых правительством чиновников заполнять административные должности дворянами, избранными на уездных и провинциальных собраниях.

Важнейшая особенность городских наказов состояла в отсутствии требований отменить крепостнический режим или заменить самодержавный строй более демократическим: напротив, горожане претендовали на дворянские привилегии — освобождение от телесных наказаний, предоставление права владеть крепостными, восстановление указа, разрешавшего промышленникам покупать крестьян к мануфактурам. Городские наказы требовали монополии горожан на занятия торговлей и лишения или ограничения этих прав для дворян и крестьян. Наказы горожан, как видим, не выходили за рамки существовавших социальных и политических порядков.

Содержание наказов государственных крестьян зависело от того, из каких групп комплектовался этот разряд: наказы бывших однодворцев отличались от наказов черносошных крестьян и пашенных крестьян Сибири, а последние — от наказов приписных крестьян к заводам и ясашных людей Среднего Поволжья. Общими у них были жалобы на обременительность подушной подати. В то время как бывшие однодворцы домогались дворянских привилегий и жаловались на захват их земель помещиками, приписные крестьяне требовали освобождения от заводских работ, а пашенных людей Сибири не волновали работы по заготовке угля и руды — обременительной для них была ямская гоньба.

Выступления депутатов от сословий ограничивались аргументацией требований наказов и лишь изредка вносили дополнения к ним.

Манифест о созыве Уложенной комиссии был обнародован 16 декабря 1766 г., а торжественное открытие ее состоялось через полгода, 30 июля 1767 г. Оно сопровождалось молебном в Успенском соборе в присутствии императрицы, после чего депутаты дали присягу «проявить чистосердечное старание в столь великом деле».

В октябре 1768 г. Османская империя начала войну с Россией, 18 декабря маршал Уложенной комиссии А.И. Бибиков объявил о прекращении работы Большого собрания комиссии на том основании, что начавшаяся война требовала присутствия депутатов либо на театре военных действий, либо в учреждениях, обслуживавших военные нужды. Депутаты Большой комиссии распускались, «доколе от нас паки созваны будут», но, закончив войну победным миром и подавив движение под предводительством Е.И. Пугачева, Екатерина так и не возобновила работу Уложенной комиссии.

За Уложенной комиссией в советской историографии тянулась недобрая репутация. Начало негативной ее оценки положили иностранные наблюдатели: французский посол назвал работу комиссии комедией. «Фарсой» оценил Уложенную комиссию и А.С. Пушкин.

«Наказ», по его мнению, лицемерное сочинение, Вольтер зря увлекался Екатериной, ибо «он не мог знать истины». Советские историки в оценке Уложенной комиссии, как и всего царствования Екатерины II, руководствовались высказыванием Ф. Энгельса об императрице, которой «настолько удалось ввести в заблуждение общественное мнение, что Вольтер и многие другие воспевали «северную Семирамиду и провозглашали Россию самой прогрессивной страной в мире...». В подавляющем большинстве работ Екатерина представала в образе двуличной женщины, умевшей пускать пыль в глаза французским просветителям и действовавшей вопреки всему тому, о чем им писала. Сама Уложенная комиссия рассматривалась в качестве грандиозного пропагандистского трюка, нацеленного на прославление императрицы.

Действительно, Уложенная комиссия не выполнила главной задачи, ради которой была созвана: Уложение не было составлено. Оно и не могло родиться в стенах столь громоздкого учреждения, уж больно не компетентными (в смысле юридической подготовки) были люди, избранные в комиссию. Историки и поныне не могут ответить, почему императрица доверила составление Уложения выборным депутатам, а не компетентным чиновникам, как это сделал Николай I. Такое решение Екатерины представляется тем более странным, что она многократно подчеркивала огромную роль законотворчества и законодательства как в личной жизни, так и в жизни страны.

Надо отметить три позитивных результата деятельности Уложенной комиссии. Одна из задач Уложенной комиссии, обозначенная в Манифесте 16 декабря, состояла в том, «дабы лучше нам узнать быть можно нужды и чувствительные недостатки нашего народа». Наказы депутатам, а также прения в Уложенной комиссии дали на этот счет достаточный материал — они выполнили такую же роль во внутренней политике Екатерины II, какая выпала на долю шляхетских проектов в 1730 г., ставших программой действий правительства Анны Иоанновны. «Комиссия уложения,— писала Екатерина,— быв в собрании подали мне свет и сведения о всей империи, с кем дело имеем и о ком пещись должно». Много лет спустя Екатерина возвратилась к оценке деятельности Уложенной комиссии: «Теперь вы выскажите свои жалобы: где башмак жмет вашу ногу? Мы постараемся поправить это». Действительно, в дальнейшем законодательстве были учтены претензии, высказанные дворянством и горожанами в Уложенной комиссии.

Деятельность Уложенной комиссии способствовала распространению в России идей французского Просвещения. Роль распространителя этих идей, хотела того императрица или нет, выпала на долю ее «Наказа»: с 1767 по 1796 г. он издавался не менее семи раз общим тиражом до пяти тысяч экземпляров. Указ требовал, чтобы «Наказ» читали в правительственных учреждениях наравне с «Зерцалом правосудия» петровского времени.

Третий итог деятельности Уложенной комиссии состоял в укреплении положения Екатерины на троне — она остро нуждалась в опровержении репутации узурпатора престола.

Не прошло и трех месяцев после ее вступления на престол, как возвращенный из ссылки А.П. Бестужев-Рюмин услужливо выступил с инициативой поднесения ей титула «Матери Отечества». Тогда императрица проявила благоразумие и отклонила это предложение, начертав на докладе Сената резолюцию: «Видится мне, что сей проект еще рано предложить, потому что растолкуют в свете за тщеславие, а за ваше усердие благодарствую». Еще раз вопрос, как величать императрицу, возник в Уложенной комиссии, предложившей присвоить ей пышный титул «Великой Екатерины, Премудрой и Матери Отечества». Екатерина в записке А.И. Бибикову по этому поводу кокетничала: «Я им велела сделать русской империи законы, а они делают апологии моим качествам». В конечном счете она оставила за собой титул Матери Отечества, отклонив два других на том основании, что значение ее дел («Великая») определит потомство, а «Премудрой» потому, что премудр один Бог.

Постановление о поднесении императрице титула Матери Отечества, подписанное всеми депутатами Уложенной комиссии, имело огромное политическое значение. Это был своего рода акт коронации императрицы, совершенный не кучкой заговорщиков, возведших ее на трон, а представителями всех сословий страны. Эта акция подняла престиж императрицы как внутри страны, так и за ее пределами.

Глава XVIII

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

§ 1. КАНУН КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Вторую половину XVIII в. отличает резкое повышение социальной активности трудового населения: владельческих, монастырских и приписных крестьян, работных людей мануфактур, народов Поволжья и Башкирии, яицких казаков. Своего апогея она достигла в крестьянской войне под предводительством Е.И. Пугачева.

Крестьянской войне предшествовали неповиновения крестьян вотчинной администрации и властям, нередко перераставшие в вооруженную борьбу с карательными отрядами. Борьба крестьян была направлена против повсеместного стремления повысить феодальную ренту. Если в XVII и даже первой половине XVIII в. относительно скромные размеры владельческих повинностей объяснялись отсутствием благоприятных условий для реализации излишков сельскохозяйственных продуктов, то при развитии товар-

но-денежных отношений во второй половине столетия рынок стал более емким.

Рутинное состояние техники и использование традиционных систем земледелия исключали получение излишков сельскохозяйственных продуктов за счет повышения производительности труда. Эти излишки феодал получал экстенсивным способом — увеличением в свою пользу трудовых затрат крестьянина. Эта общая и главная причина крестьянских выступлений дополнялась частными мотивами, вызванными спецификой положения отдельных разрядов крестьян.

Усмиряли крестьян воинские команды, которым не всегда удавалось сразу одержать верх над восставшими. Во время восстания крестьян Долматовского Успенского монастыря в Исетской провинции (1762—1764) 700 крестьян обороняли монастырь 2 месяца и сложили оружие только после карательных действий прибывшего драгунского полка.

Движение помещичьих крестьян активизировалось в связи с молвой о том, что наряду с манифестом о вольности дворянской будет обнародован и манифест об освобождении крестьян от помещиков. До деревни доходили слухи об обсуждении крестьянского вопроса в Уложенной комиссии и что он якобы решен в пользу крестьян.

Особым упорством отличалась борьба приписных крестьян, численность которых за уральскими и олонецкими заводами в 60-х гг. XVIII в. достигла 190 тыс. д.м.п. Для государственных крестьян приписка к заводам сопровождалась резким ухудшением положения — их переводили с денежной на отработочную ренту. Более того, выполняемые приписными крестьянами внезаводские работы (заготовка древесного угля и его доставка на завод) оплачивались по ставкам, установленным в 1724 г. Уже тогда эти ставки были ниже рыночных, а со временем, вследствие падения курса рубля, наемному работнику платили в два-три раза больше, чем приписному.

Наиболее упорные волнения развернулись на уральских заводах. В погоне за доходами вельможи на полученных ими заводах сооружали дополнительные домны и молоты и принуждали крестьян сверх нормы обеспечивать их древесным углем. Главное требование крестьян состояло в отмене заводской барщины и возвращения им статуса государственных крестьян. Требовали они также и повышения оплаты труда.

Волнения приписных крестьян на Урале начались в середине 50-х гг. и с небольшими перерывами продолжались около десяти лет. Иногда они сопровождались кровопролитными столкновениями, как, например, волнение крестьян, приписанных к Воткинскому и Ижевскому заводам, переданным графу Шувалову.

Широкий размах приобрели волнения приписных и покупных к заводам крестьян в Европейской России. Крупнейшим из них было продолжавшееся два года (**1769—1771**) Кижское восстание в Карелии. Как и на Урале, оно было вызвано увеличением объема

работ на казенных заводах. Восстание прекратилось только после прибытия в Кижский погост, являвшийся центром движения, четырех рот солдат с двумя пушками.

Ожесточенное сопротивление вотчинной администрации и карателям оказали в 1752 г. крестьяне Ромодановской волости близ Калуги, купленные Демидовым к металлургическому заводу. Они прекратили работы, вооружились и в упорном сражении разгромили полк правительственных войск. В ответ в Ромодановскую волость были двинуты 5 полков, жестоко подавивших восстание. В том же 1752 г. подняли восстание крестьяне и работные люди полотняной мануфактуры А. Гончарова, расположенной также в Калужской провинции.

Из работных людей на мануфактурах легкой промышленности более всего не повиновались владельцам суконщики. Владельцы суконных мануфактур сохранили неизменным жалованье работным людям, которого в связи с падением курса рубля недоставало не только для обеспечения семьи, но и самого работника. Рабочие мануфактур отвечали невыходом на работу, бегством с предприятий и т. д.

Работные люди московских мануфактур активно участвовали в Чумном бунте — скоротечном восстании, вспыхнувшем в Москве **15 сентября 1771 г.** Чума, начавшись летом на русско-османском театре военных действий, несмотря на строгий карантин, перекинулась в Москву и прежде всего поразила скученное население мануфактур, жившее в антисанитарных условиях, а также городскую бедноту. Дворяне в панике оставили старую столицу. Из города в подмосковную вотчину бежал даже московский главнокомандующий граф Салтыков. Толпы людей скопились у иконы Богородицы у Варварских ворот, считавшейся чудотворной. В целях пресечения эпидемии московский архиепископ приказал увезти икону, чему противились низы городского населения. Три дня на улицах шли бои. Восстание, в котором, помимо работных людей мануфактур, участвовали городские ремесленники, приезжие крестьяне, дворовые люди, было подавлено прибывшими в Москву полками регулярной армии. Чума унесла около 60 тыс. жизней москвичей.

Перечисленные выступления народных масс свидетельствовали о вызревании в стране глубокого социального кризиса. К его показателям относится появление многочисленных самозванцев из числа беглых солдат, однодворцев и крестьян, выдававших себя за Петра III, сына царевича Алексея, и др. За последнюю треть XVIII в. источники донесли, не считая Пугачева, имена 24 самозванцев. Их судьба была одинаковой — никому из них не удалось сплотить вокруг себя массы народа, поэтому они доживали свои дни каторжниками Нерчинских рудников. Исключение составлял донской казак той же Зимовейской станицы, из которой происходил Разин,— Емельян Иванович Пугачев.

§ 2. КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ Е.И. ПУГАЧЕВА

На Яике, где в сентябре 1773 г. появился самозванец, выдававший себя за Петра III, сложились благоприятные условия, чтобы его призывы нашли отклик сначала у казачества, а затем и у крестьян, работных людей, башкир и народов Поволжья.

Царское правительство на Яике, как и всюду, где оно переставало нуждаться в услугах казачества для обороны пограничной территории, начало проводить политику ограничения его привилегий: еще в 40-х гг. была отменена выборность войсковых атаманов, казаки стали привлекаться на службу вдали от родных мест. Ущемлялись и хозяйственные интересы казаков — в устье р. Яик правительство соорудило учуги (заграждения), препятствовавшие продвижению рыбы из Каспийского моря в верховья реки.

Ущемление привилегий вызвало разделение казачества на два лагеря. Так называемая «послушная» сторона готова была ради сохранения части привилегий согласиться с утратой прежних вольностей. Основная масса составляла «непослушную» сторону, постоянно посылавшую ходоков к императрице с жалобами на притеснения «послушных» казаков, в чьих руках находились все командные должности.

В январе **1772 г.** «непослушные» казаки отправились с хоругвями и иконами к прибывшему в Яицкий городок царскому генералу с просьбой сместить войскового атамана и старшин. Генерал велел стрелять по мирному шествию. Казаки ответили восстанием, для подавления которого правительство направило корпус войск.

После событий 13 января был запрещен казачий круг и ликвидирована войсковая канцелярия, управление казаками осуществлял назначенный комендант, подчинявшийся оренбургскому губернатору. В это время появился Пугачев.

Никто из его предшественников-самозванцев не обладал качествами вождя, способного повести за собою массы обездоленных. Успеху Пугачева, кроме того, способствовала благоприятная обстановка и те люди, к которым он обратился за помощью для восстановления своих якобы попранных прав: на Яике не утихло возбуждение от недавнего восстания и ответных мер правительства; казаки владели оружием и представляли наиболее организованную в военном отношении часть населения России.

Восстание началось **17 сентября 1773 г.** Перед 80 казаками, посвященными в «тайну» спасения Петра III, был зачитан манифест, и отряд двинулся в путь. Манифест удовлетворял чаяния казаков: царь жаловал их рекою, травами, свинцом, порохом, провиантом, жалованьем. Крестьянских интересов этот манифест еще не учитывал. Но и обещанного было достаточно, чтобы на следующий день отряд насчитывал уже 200 человек, ежечасно в его

состав вливалось пополнение. Началось почти трехнедельное триумфальное шествие Пугачева. 5 октября 1773 г. он подошел к губернскому городу Оренбургу — хорошо защищенной крепости с трехтысячным гарнизоном. Штурм города оказался безуспешным, началась его шестимесячная осада.

Под Оренбург правительство направило войско под командованием генерал-майора Кара. Однако повстанческие войска наголову разбили 1,5-тысячный отряд Кара. Та же участь постигла отряд полковника Чернышова. Эти победы над регулярными войсками произвели огромное впечатление. К восстанию — иные добровольно, иные по принуждению, присоединились башкиры во главе с Салаватом Юлаевым, горнозаводские рабочие, приписные к заводам крестьяне. В то же время появление в Казани Кара, позорно бежавшего с поля боя, посеяло панику среди местного дворянства. Тревога охватила столицу империи.

В связи с осадой Оренбурга и длительным стоянием у стен крепости войск, численность которых в иные месяцы достигала 30 тыс. человек, перед предводителями движения возникли задачи, которых не знала практика предшествующих движений: необходимо было организовать снабжение повстанческой армии продовольствием и вооружением, заняться комплектованием полков, противопоставить правительственной пропаганде популяризацию лозунгов движения.

В Берде, ставке «императора Петра III», расположенной в 5 верстах от блокированного Оренбурга, складывается свой придворный этикет, возникает своя гвардия, император обзаводится печатью с надписью «Большая государственная печать Петра III, императора и самодержца Всероссийского», у молодой казачки Устиньи Кузнецовой, на которой женился Пугачев, появились фрейлины. При ставке создается орган военной, судебной и административной власти — *Военная коллегия,* ведавшая распределением имущества, изъятого у дворян, чиновников и духовенства, комплектованием полков, распределением вооружения.

В привычную форму, заимствованную из правительственной практики, вкладывалось иное социальное содержание. В полковники «царь» жаловал не дворян, а представителей народа. Бывший мастеровой Афанасий Соколов, более известный под прозвищем Хлопуша, стал одним из выдающихся руководителей повстанческой армии, действовавшей в районе заводов Южного Урала. В лагере восставших появились и свои графы. Первым из них был Чика-Зарубин, действовавший под именем «графа Ивана Никифоровича Чернышова».

Провозглашение Пугачева императором, образование Военной коллегии, введение графского достоинства, свидетельствует о неспособности крестьянства и казачества сменить старый общественный строй новым — речь шла о смене лиц.

В месяцы, когда Пугачев был занят осадой Оренбурга, правительственный лагерь интенсивно готовился к борьбе с восставшими. Спешно стягивались к району восстания войска, вместо отстраненного Кара главнокомандующим был назначен генерал Бибиков. Чтобы воодушевить дворян и выразить им свою солидарность, Екатерина объявила себя казанской помещицей.

Первое крупное сражение пугачевцев с карательной армией состоялось 22 марта 1774 г. под Татищевой крепостью, оно длилось шесть часов и закончилось полной победой правительственных войск. Но стихия крестьянской войны такова, что потери были быстро восполнены.

После этого поражения начался второй этап крестьянской войны: Пугачев вынужден был снять осаду Оренбурга и, преследуемый правительственными войсками, двинуться на восток. С апреля по июнь главные события крестьянской войны развернулись на территории горнозаводского Урала и Башкирии. Однако сожжения заводов, изъятия у приписных крестьян и работных людей скота и имущества, насилия, чинимые над населением заводских поселков, приводили к тому, что заводовладельцам удавалось вооружить на свои средства работных людей, организовать из них отряды и направить их против Пугачева. Это суживало базу движения и нарушало единство восставших. Под Троицкой крепостью Пугачев потерпел еще одно поражение, после которого устремился сначала на северо-запад, а затем на запад. Ряды восставших пополнили народы Поволжья: удмурты, марийцы, чуваши. Когда 12 июля 1774 г. Пугачев подошел к Казани, в его армии насчитывалось 20 тыс. человек. Городом он овладел, но кремлем, где засели правительственные войска, не успел — на помощь осажденным подоспел Михельсон и нанес повстанцам очередное поражение. 17 июля Пугачев вместе с остатками разбитой армии переправился на правый берег Волги — в районы, населенные крепостными и государственными крестьянами. Начался третий период крестьянской войны.

Огромное значение в восстановлении численности войска восставших имели манифесты Пугачева. Уже в манифестах, обнародованных в ноябре 1773 г., крестьянам был брошен призыв «злодеев и противников воли моей императорской», под которыми подразумевались помещики, лишать жизни, «а домы и все их имение брать себе в награждение». Наиболее полно крестьянские чаяния отразил манифест **31 июля 1774 г.**, провозгласивший освобождение крестьян от крепостной неволи и от податей. Дворян, как «возмутителей империи и разорителей крестьян», надлежало «ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами».

На правобережье Волги крестьянская война разгорелась с новой силой — повсюду создавались повстанческие отряды, действовавшие разобщенно и вне связи друг с другом, что облегчало

карательные усилия правительства: Пугачев с легкостью занимал города — Курмыш, Темников, Инсар и др., но с такой же легкостью и оставлял их под напором превосходивших сил правительственных войск. Он двинулся к Нижней Волге, где к нему присоединились бурлаки, донские, волжские и украинские казаки. В августе он подошел к Царицыну, но городом не овладел. С небольшим отрядом Пугачев переправился на левый берег Волги, где находившиеся при нем яицкие казаки схватили его и **12 сентября 1774 г.** выдали Михельсону.

Крестьянская война закончилась поражением.

Иного исхода стихийного протеста против произвола властей и помещиков ожидать было нельзя: вооруженные чем попало толпы восставших не могли противостоять полкам хорошо вооруженной и обученной регулярной армии. Отметим некоторые особенности пугачевского движения.

Главные из них состояли в предпринимавшихся попытках преодолеть стихийность средствами, заимствованными у правительственной администрации: при новоявленном императоре Петре III заводились такие же порядки, как при царском дворе в Петербурге. В этих действиях Пугачева четко вырисовывается цель движения: его руководители должны были занять место казненных дворян и представителей царской администрации.

Призыв к поголовному уничтожению дворян, которых действительно без суда и следствия предавали смерти, наносил огромный ущерб развитию национальной культуры, ибо истреблялась самая образованная часть общества.

Еще одна особенность — восставшие сознательно и под воздействием стихии разрушения полностью или частично разгромили 89 железоделательных и медеплавильных заводов, общей стоимостью, по данным заводовладельцев, безусловно преувеличенных, в 2716 тыс. рублей. Разграбленными оказались дворянские гнезда Европейской России, охваченные крестьянской войной.

Столь же беспощадно, жестоко действовали и победители, предавая смерти тысячи участников движения. В одной только Нижегородской губернии каратели соорудили виселицы более чем в двухстах населенных пунктах. Яицкое казачество было переименовано в уральское, а река Яик — в Урал. Станица Зимовейская, в которой родился Пугачев, а за столетие перед ним — Разин, стала называться Потемкинской. **10 января 1775 г.** предводитель крестьянской войны и его соратники были казнены на Болотной площади в Москве. Дворянство во главе с «казанской помещицей» Екатериной II торжествовало победу.

Крестьянская война не принесла крестьянам облегчения. Напротив, помещики продолжали увеличивать повинности в свою пользу и с большим, чем раньше, ожесточением их взыскивали. Тем не менее крестьянская война оставила заметный след в истории России прежде всего тем, что она поддержала традиции борьбы с бесправием и угнетением.

§ 3. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Крестьянская война провела четкую разграничительную линию в расстановке социальных сил: в борьбе с мятежным крестьянством главную опору самодержавию составило дворянство. Но во враждебном крестьянству лагере оказались также купцы и промышленники. Этот факт едва ли не убедительнее всего характеризует низкий уровень развития капиталистических отношений и такой же низкий уровень классового сознания формировавшейся буржуазии. Получая привилегии от феодального государства, используя ресурсы крепостнической системы, купцы и промышленники не выступали ни против самодержавия, ни против крепостничества. Более того, купцы и промышленники в Уложенной комиссии, как отмечалось выше, требовали не ликвидации дворянских привилегий и буржуазного равенства, а предоставления их им самим.

Плоды «истинного торжества» вкусило прежде всего дворянство. Вместе с тем правительство оценило верность старым порядкам промышленников и верхушки купечества. Правительственная политика ближайших десятилетий была нацелена на удовлетворение чаяний дворянства и купечества.

Правительство организовало специальные банки, выдававшие ссуды помещикам и заводчикам для восстановления хозяйства на крайне выгодных условиях — ссуду они получали сроком на 10 лет под заклад вотчин и заводов, причем в течение первых трех лет из 1%, а остальных семи лет из 3% годовых. В том же **1775 г.** правительство осуществило еще две меры, надолго определившие пути социально-экономического и политического развития страны в духе просвещенного абсолютизма.

Крестьянская война обнаружила слабость местных органов власти, неспособность их собственными силами поддерживать «тишину». Именно поэтому заботы императрицы были направлены на совершенствование областной администрации, реформирование которой намечалось провести еще до крестьянской войны. «Я только что дала моей империи «учреждение о губернии»,— информировала Екатерина Вольтера в 1775 г.,— которое содержит в себе 215 печатных страниц... и, как говорят, ни в чем не уступает Наказу».

Проведение *областной реформы* преследовало охранительные и фискальные цели. Вместо ранее существовавшего деления территории России на губернии, провинции и уезды вводилось двухчленное деление на губернии и уезды, в основе которого лежал принцип численности податного населения: в губернии должно было жить 300—400 тыс. душ, а в уездах —20—30 тыс. д.м.п.

В итоге проведения реформы вместо 23 губерний было создано 50. Областную администрацию возглавлял наместник или генерал-губернатор, управлявший двумя-тремя губерниями, во главе кото-

рых стояли губернаторы. Исполнительным органом губернатора являлось губернское правление, осуществлявшее общий надзор за деятельностью учреждений и должностных лиц. Среди них важнейшим была Казенная палата, ведавшая промышленностью и финансами. К новым учреждениям относился Приказ общественного призрения, в ведении которого находились школы, больницы и приюты, а также сословные судебные учреждения: Верхний земской суд для дворян, Губернский магистрат, рассматривавший тяжбы между горожанами, и Верхняя расправа для суда над государственными крестьянами. Палата уголовная и гражданская судила все сословия. Бюрократический принцип комплектования местных органов власти сочетался с занятием выборных должностей представителями уездных корпораций дворян. Если наместники, губернаторы, председатели казенных палат, землемеры, казначеи назначались правительством, то уездная администрация оказалась в руках местного дворянства: реформа вводила дворянские уездные собрания, на которых избирались предводители дворянства. Уездные дворяне раз в три года избирали из своей среды высшее должностное лицо уезда — капитана-исправника. Он являлся исполнительным органом губернского правления. В каждом уезде должны были существовать такие же сословные учреждения, как и в губерниях: для дворян (уездный суд), для горожан (городской магистрат) и для государственных крестьян (нижняя расправа).

Областная реформа осуществила давнишнюю мечту дворян о создании своих корпораций и сословных учреждений. Теперь дворянину не было нужды отправляться в дальний путь в столицу для судебного разбирательства.

Выше, когда речь шла об Уложении 1649 г., отмечалась роль государства в оформлении сословного строя России. Теперь государство положило начало формированию корпоративного устройства прежде всего двух сословий: дворян и горожан, причем не в масштабах всей империи, а ее самой низшей административной единицы — уезда и города, где правили выборные представители дворянства и отчасти горожан. Таким образом значение областной реформы не исчерпывалось совершенствованием аппарата власти на местах, она имела и огромные социальные последствия.

Еще одно следствие областной реформы состояло в том, что она значительно увеличила штат чиновников. А так как все высшие и средние должности в губернской и уездной администрации заполнялись дворянами, то последние получили новый источник дохода: обычно в губернских и уездных учреждениях служили ушедшие в отставку офицеры. Значительные выгоды от реформы извлекло также городское население, особенно верхушка купечества. Горожане получили свои выборные органы власти. Параллельно с ними городом управлял городничий, назначаемый правительством.

Областная реформа почти вдвое увеличила численность в стране городов: все пункты размещения губернской и уездной

администрации были объявлены городами, а их население — мещанами и купцами. Появилось 216 новых городов. Население четвертой части их продолжало заниматься земледелием. Большинство городов, однако, имели не только административное, но и экономическое значение, их облик в связи с тем, что они стали губернскими центрами, существенно изменился. В Пензе, преобразованной из уездного в губернский город, через два десятилетия появились мощеные улицы, кирпичные двух- и трехэтажные дома, оживилась торговля. Державин, назначенный тамбовским губернатором, писал о появлении в Тамбове после превращения его в губернский центр театра, газеты, об открытии народного училища.

Областная реформа унифицировала органы местной администрации на территории всей страны, что привело к упразднению автономии некоторых окраин.

Первыми, кому царизм нанес удар, были запорожские казаки, издавна привлекавшие в свою среду активные элементы, готовые выступить против крепостничества. В **начале июня 1775 г.** войска генерала Текели, возвращавшиеся с русско-турецкой войны, внезапно напали на Запорожскую Сечь и полностью разрушили ее. В манифесте, извещавшем об этом событии население России, Екатерина писала, что казаки якобы помышляли «составить из себя область, совершенно независимую, под собственным своим неистовым управлением». После Ясского мира 1791 г. основная масса запорожских казаков была переселена на Кубань.

Распространение губернской реформы на Левобережную Украину привело в начале 80-х гг. к упразднению там административного деления на полки и сотни и введению наместничеств, губерний и уездов. Все войсковые регалии, напоминавшие о прежней автономии Украины (знамена, печати и др.), были доставлены в Петербург. Тем самым были окончательно ликвидированы остатки автономии Украины и элементы ее национальной государственности.

Проведение реформы на Дону сопровождалось созданием Войскового гражданского правительства, копировавшего губернскую администрацию центральных районов России. В Эстляндии и Лифляндии был ликвидирован особый прибалтийский порядок, предусматривавший более обширные, чем у русских помещиков, права местных дворян на труд и личность крестьянина. Прибалтика в результате проведения областной реформы в 1782—1783 гг. была разделена на две губернии — Рижскую и Ревельскую — с учреждениями, существовавшими в прочих губерниях России.

Унификации подверглось и управление народами Среднего Поволжья, Сибири и прочих районов, причем правительство, проводя там губернскую реформу, нередко игнорировало этнический состав населения. Так, территория Мордовии была поделена между четырьмя губерниями: Пензенской, Симбирской, Тамбовской и Нижегородской.

Сибирь была разделена на три губернии: Тобольскую, Колыванскую и Иркутскую. Губернская и уездная администрация опиралась на местную верхушку: князей, тайшей и зайсанов, распределявших ясак и чинивших суд и расправу.

Одновременно с проведением областной реформы правительство осуществило ряд мер в пользу купечества. Манифестом **1775 г.** была объявлена свобода предпринимательства. Это был второй шаг в этом направлении. Первый Екатерина совершила еще 1762 г., упразднив монополии в торговле и промышленности.

Введенные еще при Петре Великом торгово-промышленные монополии были важным средством поощрения развития отечественной промышленности в годы ее становления. Тогда русского промышленника ограждал от конкуренции изделий западноевропейских мануфактур высокий таможенный тариф 1724 г., а от конкуренции внутри страны — предоставление этому промышленнику монопольных прав на производство какого-либо изделия. Со временем монопольное положение мануфактуриста на внутреннем рынке привело к застою, стало тормозом для развития промышленности, поскольку владелец мануфактуры лишался стимулов к совершенствованию производства.

Предоставив условия для свободной конкуренции внутри страны и лишив отдельных промышленников их привилегий, правительство Екатерины не отказалось от покровительства русской промышленности в целом. Протекционистскую политику правительства продолжали таможенные тарифы **1766, 1782** и особенно **1796 г.**, устанавливавшие высокие ввозные пошлины на предметы роскоши и товары, которыми могла обеспечить внутренний рынок отечественная промышленность. Тариф 1796 г. запрещал ввоз кожевенных изделий, чугуна, изделий из железа, полотен и др.

Манифест 1775 г. провозглашал свободу открытия предприятий, т. е. они могли вступить в строй без разрешения правительственных инстанций и без регистрации их в учреждениях. Отменялся также сбор рублевого налога с каждого стана. Причина обнародования Манифеста — стремление устранить помехи в развитии промышленности. Эту же цель преследовало освобождение купцов, владевших капиталом свыше 500 руб., от уплаты подушной подати: для таких купцов устанавливался сбор в размере 1% с капитала. В следующем году купцам была предоставлена еще одна привилегия — они освобождались от рекрутской повинности при условии уплаты за каждого рекрута 360 руб. Купечество, таким образом, формировалось как феодальное сословие, его богатая часть занимала промежуточное положение между привилегированным дворянством и «подлыми» сословиями.

Процесс оформления привилегий дворян и купцов завершают две грамоты: *«Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства»* и *«Жалованная грамота городам»*.

Одновременное их опубликование (**21 апреля 1785 г.**) свидетельствует о стремлении самодержавия консолидировать силы, на которые они опирались,— дворянство и верхушку городского населения. Обе грамоты сводили воедино привилегии, в разное время предоставленные дворянам и купцам, и вместе с тем расширяли их права.

Жалованная грамота дворянству повторяла привилегии, которыми издавна пользовалось это сословие: освобождение от подушной подати, от расквартирования воинских команд, от телесных наказаний. Подтверждены были освобождение от обязательной службы, право неограниченного распоряжения имением, право владеть домами в городах, заводить в имениях предприятия и заниматься торговлей, право собственности на недра земли. За дворянством сохранилось право иметь свои сословные учреждения.

К новшествам Жалованной грамоты дворянству относилось наименование первого сословия. Отныне оно стало называться не «дворянством», а «благородным дворянством». Новой привилегией явилось запрещение производить конфискацию имений дворян за уголовные преступления. В этом случае имения переходили к законным наследникам. По сравнению с предшествующим законодательством Жалованная грамота повысила роль дворянских корпораций.

Дворяне каждой губернии составляли «дворянское общество», органом которого являлось дворянское собрание, созываемое раз в три года. Помимо выборов предводителя и прочих должностных лиц, собранию разрешалось докладывать наместнику или губернатору о своих нуждах, а в случае необходимости доносить о них сенату и императрице.

Дворянскому обществу предоставлялась дисциплинарная власть над своими членами, оно могло исключить из своей среды лиц, опороченных судом или дискредитировавших себя в личной жизни. Грамота вводила ценз, цель которого состояла в том, чтобы лишить права занимать выборные должности дворянскую мелкоту: избранным мог быть только дворянин, чей доход с имения превышал 100 руб. в год. Дворянин, не имевший офицерского чина, лишался избирательных прав.

Итак, Жалованная грамота дворянству предоставляла дворянину обширные личные права, право сословного самоуправления и возможность влиять на местную правительственную администрацию. Жалованная грамота дворянству расширила привилегии этого сословия. Если учреждения о губернии создавали корпорации дворян в пределах уезда, то теперь — в масштабах губернии.

Остается ответить на вопрос, почему Екатерина, вступив на престол, не подтвердила манифеста Петра III о вольности дворянской, а в последующие десятилетия довела привилегии дворянства до небывалых размеров и вошла в историю как самая откровенная защитница интересов благородного сословия. Противодействие

конфирмации манифеста объяснялось опасением императрицы, ярой сторонницы абсолютной монархии, что дворянство, получив освобождение от службы, приобретет независимость от монархии и даже попытается ее ограничить. Убедившись, однако, в отсутствии желания фрондировать и готовности дворян терпеливо ожидать милостей от трона, императрица встала на путь расширения их привилегий. 34-летнее царствование — апофеоз политики в интересах благородного сословия.

В *Жалованной грамоте городам* были перечислены все права и привилегии горожан, сформулированные предшествующим законодательством. К ним относились освобождение верхушки купечества от подушной подати и замена рекрутской повинности денежным взносом. Но Жалованная грамота вводила немало новшеств. К ним относится разделение городского населения на *6 разрядов* и определение прав и обязанностей каждого из них. Привилегированную группу горожан составляли так называемые именитые граждане, к которым относились купцы, располагавшие капиталом свыше 50 тыс. руб., богатые банкиры (не менее 100 тыс. руб), а также городская интеллигенция: архитекторы, живописцы, композиторы, ученые. Именитые граждане освобождались от телесных наказаний, представителям третьего поколения именитых граждан разрешалось возбуждать ходатайство о присвоении дворянства.

К другой привилегированной группе относилось гильдейское купечество. Купцы первых двух гильдий освобождались от телесных наказаний, а также от казенных служб при продаже соли, вина и др. Остальное население города составляли мещане, к которым относились цеховые ремесленники, городские старожилы, домовладельцы. Жившие в городе крестьяне не входили в состав городского общества, что задерживало рост численности городского населения.

Жалованная грамота городам вводила сложную систему городского самоуправления. Важнейшим органом самоуправления являлось созываемое раз в три года общегородское «Собрание градского общества», на котором производились выборы должностных лиц: городского головы, бургомистров, заседателей магистрата и совестного суда. Исполнительным и постоянно действующим органом была шестигласная дума, состоявшая из городского головы и шести гласных — по одному от каждого разряда городского населения. Она осуществляла текущее управление городом, наблюдала за городскими зданиями, устройством площадей, пристаней, привозом товаров и продовольствия и т. д.

Помимо названных учреждений, в городском самоуправлении существовала общая градская дума, члены которой избирались на собраниях граждан каждого из 6 разрядов, а также городские и губернские магистраты. Главная обязанность общей градской думы состояла в избрании членов шестигласной думы. Магистрат выполнял судебные и административные функции.

На Жалованной грамоте городам и городской реформе лежала печать крепостнического режима: деление городского населения на сословные группы, предоставление каждой из них привилегий. Впрочем, сокращение купеческих служб, как и освобождение от подушной подати и рекрутской повинности, благоприятно отразилось на купечестве и промышленниках.

Если объявление конкурса Вольным экономическим обществом, составление Наказа и созыв Уложенной комиссии должны были выражать намерения Екатерины, символизировать программу царствования, то на ее *путешествие в Крым* возлагалось как бы подведение итогов претворения этой программы в жизнь, показ цветущего состояния империи. По пышности и помпезности это путешествие не знало себе равных ни в предшествующее, ни в последующее время. Огромная территория от столицы империи до Крыма была превращена как бы в театральную сцену: ее устроителем являлся Григорий Потемкин, а зрительницей — Екатерина.

Подготовка к путешествию велась почти три года. Вдоль дорог ставились верстовые столбы, сажались деревья, в городах наводилась чистота и сооружались фундаментальные здания, для дворцов из Москвы доставляли мебель, люстры, запасались серой и селитрой для фейерверков, специально вызванные художники расписывали триумфальные арки.

Екатерина выехала из Петербурга 2 января 1787 г. и в конце месяца прибыла в Киев, откуда тронулась на судах 22 апреля. *Начиналась Новороссия, находившаяся в управлении Потемкина.* Взору путешественников представлялись благоустроенные населенные пункты и города, многочисленные стада скота, амбары, наполненные хлебом, нарядные толпы людей. Один из иностранцев писал, что мешки в амбарах вместо хлеба были наполнены песком, одни и те же стада скота перегонялись вдоль реки, а вместо благоустроенных деревень были расставлены макеты и декорации, искусно выполненные художниками. Отсюда пошло выражение «потемкинские деревни», означавшее показное благополучие.

Бывший фаворит хорошо знал пристрастие императрицы к шумихе и парадности и приложил немало усилий, чтобы эта страсть получила полное удовлетворение. Но не следует все сводить только к декоративным деревням. В недавнем прошлом пустынная территория к приезду Екатерины насчитывала 700 тыс. населения. В основанном в 1778 г. Херсоне была сооружена крепость и верфь, в порт стали прибывать иностранные корабли. Было положено основание Екатеринославу (1783), Севастополю, заложена верфь в Таганроге. Реальным фактом стал мощный военно-морской флот на Черном море.

Идеи умеренных просветителей разделяла не только императрица. Некоторые русские вельможи устанавливали личные отношения с французскими просветителями и находились, подобно

Екатерине, в переписке с ними. Граф Андрей Шувалов был известен своими дружескими связями с Вольтером и слыл среди французских просветителей «северным меценатом». На средства кн. Д.А. Голицына в Гааге печаталось запрещенное во Франции сочинение Гельвеция «О человеке». Фаворит Екатерины граф Григорий Орлов и граф Кирилл Разумовский соревновались друг с другом в предоставлении наиболее благоприятных условий для творчества подвергавшегося гонениям Руссо. Оба они изъявили желание передать философу-изгнаннику свои дворцы. При дворе Екатерины обсуждались произведения Монтескье, Вольтера, Руссо, Мабли, в модных салонах занимались их переводом на русский язык.

Французская революция положила конец заигрываниям с идеями Просвещения как самой Екатерины, так и ее окружения. Штурм Бастилии, тревожные сведения о сожжении дворянских замков и феодальных грамот напоминали русским дворянам события крестьянской войны в России. Рушились порядки, на которых, как писал фаворит Екатерины Платон Зубов, «основано было спокойствие, уверенность и благоденствие». Отношение к Французской революции со стороны петербургского двора и широких кругов дворянства менялось по мере ее развития.

Екатерина, получив известие о казни короля, слегла в постель. Двор в Петербурге объявил шестинедельный траур, разорвал дипломатические отношения с Францией. Россия стала пристанищем изгнанных из Франции аристократов.

Была установлена строгая цензура за печатанием информации о событиях во Франции, в таможнях бдительно проверялась литература, поступавшая из-за границы, в книжных лавках производились обыски с целью изъятия книг о Французской революции.

Одновременно усилились преследования внутри страны. Первой жертвой стал Александр Радищев — автор знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву». Княгиня Дашкова, лицо близкое к императрице, писала, что это сочинение было воспринято двором как «набат», призывающий к революционному взрыву. Екатерина II назвала Радищева «бунтовщиком хуже Пугачева». На полях его книги, которую она, по собственному признанию, прочла «от доски до доски», сделана пометка: «клонится к возмущению крестьян противу помещиков, войск, противу начальства», царям «грозится плахою».

Книга Радищева появилась в продаже в **мае 1790 г.**, а уже в июле ее автору был вынесен смертный приговор, замененный императрицей ссылкой в Тобольск сроком на 10 лет. Вслед за Радищевым репрессиям подвергся Н.И. Новиков. Еще в 1788 г. он по личному распоряжению Екатерины был отстранен от руководства московской типографией. В **апреле 1792 г.** императрица велела арестовать Новикова и распорядилась заточить его на 15 лет в Шлиссельбур-

гскую крепость. Судьбу Радищева и Новикова разделили некоторые другие активные представители русского Просвещения.

Враждебное отношение к Французской революции, преследование передовых взглядов внутри страны свидетельствуют о конце политики просвещенного абсолютизма.

§ 4. ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА

В истории церкви при Екатерине II произошло два знаменательных события: секуляризация владений духовенства и связанное с нею дело Арсения Мацеевича, а также провозглашение веротерпимости, прекращение политики насильственной христианизации и преследования инаковерующих.

Выше отмечалось обещание Екатерины, данное при вступлении на престол, не покушаться на владения церкви. Это был тактический шаг императрицы, рассчитанный на умиротворение духовенства, если не явно, то скрытно враждебно воспринявшего манифест Петра III о секуляризации, и противоречивший убеждениям ученицы Вольтера. Как только Екатерина почувствовала неспособность духовенства серьезно сопротивляться секуляризационным планам, она создала комиссию из светских и духовных лиц, которой было поручено решить вопрос о судьбах церковного землевладения. Императрица даже заготовила эмоционально насыщенную обличительную речь перед членами Синода, заканчивавшуюся словами: «Не умедлите же возвратить моей короне то, что вы похитили у нее незаметно, постепенно». Надобность в патетической речи отпала, синодалы проявили покорность и послушание. Единственным иерархом, осмелившимся открыто поднять голос против секуляризации, был ростовский митрополит Арсений Мацеевич.

Мацеевич принадлежал к числу подвижников типа патриарха Никона и протопопа Аввакума. Их сближали фанатизм, несгибаемая воля в борьбе за свои идеи и неумение соразмерять свои силы и возможности с силами противоборствующей стороны. Более того, упорство Арсения выглядело более безрассудным и обреченным, чем, например, Никона: тогда светская власть лишь двигалась к абсолютизму, теперь абсолютная монархия утвердилась и окрепла; тогда существовало патриаршество, теперь церковными делами командовал послушный светской власти Синод, низведенный до обычного правительственного учреждения; тогда события приобрели значение трагедии и имели огромный резонанс не только внутри страны, но и за ее пределами, теперь они выглядели фарсом, по крайней мере им пыталась придать такой характер императрица, и оставили малозаметный след в истории.

Непокорный нрав Арсений проявил еще при Елизавете Петровне, но тогда все ему сходило с рук,— набожная императрица относилась к нему снисходительно и даже благосклонно. Не встре-

чая поддержки Синода и Коллегии экономии, Арсений решил уйти на покой, но Елизавета отказала ему в просьбе.

При вступлении на престол Екатерины Арсений воспрянул духом и всерьез принял обещание императрицы не отбирать имения у духовенства, но ее практические меры вскоре развеяли радужные надежды ростовского митрополита. Когда ему стало известно предложение комиссии о проведении секуляризации, он очертя голову ринулся защищать церковное землевладение и в феврале 1763 г. в ростовском соборе совершил вызывающий обряд отлучения не только тех, кто встанет на церкви Божии, но и их крамольных советников. Проклятию подлежали также все, кто покушался на церковные имения.

6 марта Мацеевич отправил Синоду доношение с напоминанием об обещании императрицы поднять скипетр в защиту «нашего православного закона». Заявлением, что даже при татарском иге церковное землевладение оставалось неприкосновенным, Арсений бросил вызов как духовной, так и светской власти. Протестовал ростовский митрополит и против навязываемой государством обязанности монастырей содержать «всякие науки»: философию, богословие, астрономию, математику. Он соглашался лишь на то, чтобы монастыри содержали начальные школы.

Синод направил императрице доклад с осуждением доношения Арсения. «Оно клонится,— написано в докладе,— к оскорблению ее императорского величества, за что Арсений подлежит великому осуждению». Екатерина хотя и обнаружила в докладе Синода «превратные и возмутительные толкования священного писания» Арсением, а также его «посягательство на спокойствие подданных», но, стремясь прослыть гуманной и проявляя милосердие, поручила определить наказание Синоду. Тот без промедления распорядился доставить Арсения в Москву, где состоялся суд над ним. Приговор отличался жестокостью: «архиерейства и клобука его лишить и сослать в отдаленный монастырь под крепкое смотрение и ни бумаги, ни чернил не давать там». Милосердие Екатерины состояло в том, что она сохранила за Арсением монашеский чин, что освобождало его от суда гражданского и возможных истязаний.

После церемонии лишения сана Арсения в простой монашеской одежде усадили в колымагу, державшую путь сначала в Ферапонтов, а затем в более отдаленный Корельский монастырь Архангелогородской губернии.

Пребывание в монастыре на скудной монашеской пище и суровом режиме, когда его принуждали мыть полы, носить воду, колоть дрова и разрешали прогулки в сопровождении четырех солдат, не лучшим образом повлияло на строптивый характер Мацеевича — вместо смирения он проявлял непослушание, в особенности после того, как до него донеслись слухи о Манифесте о секуляризации, обнародованном 19 февраля 1764 г., и гибели Иоанна Антоновича, о котором он говорил, что «невинно... смерть принял».

Крамольные слова Мацеевича долгое время оставались без последствий, пока в 1767 г. на него не настрочил донос пьяница протодиакон Иосиф Лебедев. В Архангелогородской канцелярии началось следствие, непосредственное наблюдение за которым императрица поручила генерал-прокурору А.А. Вяземскому. Сама она живо интересовалась ходом следствия и в конечном счете определила меру наказания опальному митрополиту: Арсения лишили монашеского звания, тайно переправили в Ревель, где содержали в каземате под охраной солдат, не знавших русского языка. Императрица изобрела для него и новое имя — отныне он стал называться не Арсением Мацеевичем, а Андреем Вралем (умер в 1772 г.).

Справедливо ли считать протест Арсения серьезной угрозой светской власти, и должна ли была Екатерина предпринять решительные меры, чтобы пресечь нависшую опасность? Сорвать секуляризационные планы императрицы Арсений не мог, и это она прекрасно понимала. И если Екатерина уготовила бунтарю суровую кару, то эта акция ее имела скорее всего личную подоплеку — нескрываемую враждебность: невоздержанный на язык Арсений позволил себе резко и нелестно отозваться об императрице и этот отзыв оказался ей известен. Напомним, обрушившиеся на Арсения кары осуществлялись в годы, когда императрица сочиняла свой «Наказ» и созывала Уложенную комиссию. Идеи «Наказа» резко контрастировали с жестокостью императрицы по отношению к Мацеевичу. Необъяснимо поведение императрицы еще и потому, что Арсений до 1767 г. наивно полагал, что ей неведомы подлинные его доводы против секуляризации, что она пользовалась донесениями Синода и вельмож, намеренно искажавших его мысли. Стоит императрице почитать его подлинные донесения, как она проникнется его, Мацеевича, идеями и отменит секуляризацию.

Реализация Манифеста 26 февраля 1764 г. о секуляризации церковных владений имела два важных последствия. Манифест окончательно решил вековой спор о судьбах церковных вотчин в пользу светской власти, в казну перешло от церковных учреждений 910 866 душ м.п. Установленный полуторарублевый оброк с бывших монастырских крестьян, получивших название экономических, обеспечивал поступление в казну 1 366 тыс. ежегодного оброка (1764—1768), из которых только треть отпускалась на содержание монастырей и церквей, 250 тыс. расходовались на госпитали и богадельни, а остальные деньги (свыше 644 тыс. руб.) пополнили бюджет государства. В 1780-х годах оброчная сумма достигала 3 млн., а вместе с другими хозяйственными доходами —4 млн. руб., из которых на содержание духовенства тратилось только полмиллиона, а семь восьмых дохода поступало государству.

Отныне каждый монастырь имел утвержденные правительством штаты монашествующих и начальных лиц, на содержание которых отпускалась строго установленная сумма. Духовенство, таким обра-

зом, оказалось в полной зависимости от государства как в экономическом, так и в административном отношении. Духовенство было возведено в ранг чиновников в рясах.

Другим следствием секуляризации явилось улучшение положения бывших монастырских крестьян. Работа на монастырской барщине была заменена денежным оброком, что в меньшей мере регламентировало хозяйственную деятельность крестьян. Экономические крестьяне помимо ранее обрабатываемых ими площадей получили в пользование часть монастырских земель. Наконец, экономические крестьяне освободились от вотчинной юрисдикции: суда монастырских властей, истязаний и т. д.

В соответствии с идеями Просвещения Екатерина придерживалась по отношению к инаковерующим политики веротерпимости. При набожной Елизавете Петровне со старообрядцев продолжали взимать в двойном размере подушную подать, предпринимались попытки вернуть их в лоно истинного православия, отлучали от церкви. Старообрядцы отвечали на преследования акциями самосожжения — гарями, а также бегством либо в глухие места, либо за пределы страны. Петр III разрешил старообрядцам свободное богослужение. Веротерпимость Екатерины II простиралась дальше веротерпимости супруга. В 1763 г. она упразднила Раскольническую контору, учрежденную в 1725 г. для сбора двойной подушной подати, и налога с бород. От двойной подушной освобождались с 1764 г. старообрядцы, не чуравшиеся «таинств церковных от православных священников».

Терпимое отношение правительства к старообрядцам способствовало экономическому процветанию старообрядческих центров в Стародубе, Керженце и др., где появились богатые купцы. Московские купцы-старообрядцы в начале 70-х годов XVIII в. создали Рогожскую и Преображенскую общины — организации, владевшие крупными капиталами и постепенно подчинившие своему влиянию старообрядческие общины на окраинах России.

Веротерпимость проявлялась в прекращении ущемления прав мусульман. Тем из них, кто принял православие, более не предоставлялось преимуществ при наследовании собственности, татарам Екатерина разрешила сооружать мечети и открывать медресе, готовившие кадры мусульманского духовенства.

34-летнее царствование Екатерины II оставило яркий след в истории России. Бросается в глаза неординарность личности императрицы, ее выдающиеся качества государственного деятеля и величие ею содеянного: Петр Великий утвердился на берегах Балтики, Екатерина Великая — на берегах Черного моря, раздвинув границы на юг и включив в состав империи Крымский полуостров. Одного этого достаточно, чтобы потомки с благодарностью вспоминали имя Екатерины II. При Екатерине высокого уровня достигло распространение просвещения, стали издаваться первые журналы, появились писатели, чьи произведения звучат актуально и в наши дни, крупных успехов достигла историческая наука.

Екатерину, как и Петра, отличала невероятная работоспособность: «Я страстно люблю быть занятой и нахожу, что человек только тогда счастлив, когда он занят». В другой раз она писала: «Я по природе люблю трудиться и чем более работаю, тем становлюсь веселее». Достаточно взглянуть на распорядок дня императрицы, чтобы убедиться, сколь много времени она посвящала делам управления.

Как и Петр, Екатерина энергично и постоянно законодательствовала, ее перу принадлежат такие важнейшие акты царствования, как Наказ Уложенной комиссии, Учреждения о губерниях, Жалованные грамоты дворянству и городам, и многие другие. Но Екатерина сочиняла не только указы, манифесты и инструкции. Она оставила колоссальное эпистолярное наследие. По ее признанию, ей было совершенно недоступно стихосложение, она не понимала музыки, но охотно сочиняла пьесы, водевили.

Екатерина во многом подражала Петру, которого глубоко чтила. Работать топором на верфи, составлять чертежи кораблей, командовать войсками на суше и флотом на море она, конечно, не могла, но в пределах ее возможностей было провести на благо подданным первое в стране оспопрививание.

Как и Петр, Екатерина отличалась непритязательностью в еде, она не ужинала и в отличие от царя-преобразователя почти не употребляла горячительные напитки. Это, по-видимому, способствовало тому, что она по меркам того времени прожила долгую жизнь, умерев в 66 лет, в то время как ее предшественницы Софья Алексеевна, Екатерина I, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна не преодолели порога пятидесятилетия.

И еще одна общность: ни Петр, ни Екатерина не получили надлежащего сану образования. Своими познаниями они обязаны самообразованию, тяге к знаниям. Екатерина в беседе с Дидро заявила: «У меня были хорошие учителя: несчастие с уединениями» — она имела в виду свое положение нелюбимой супруги, когда была великой княгиней и находила утешение в чтении книг. Должно отметить, что познания Петра выглядели более энциклопедическими, чем Екатерины, интересы которой замыкались на философии, истории и юриспруденции.

Екатерина несомненно уступала Петру в умении находить талантливых соратников — время императрицы беднее выдающимися государственными деятелями, чем время Петра. Быть может, это объясняется ролью многочисленных фаворитов, в таланты которых она искренне верила, но всякий раз ошибалась. Единственным фаворитом, обладавшим государственным умом, был Г.А. Потемкин, а остальные — ничем не примечательные лица, которых императрица пыталась привлечь к управлению и которые ревниво следили за успехами людей талантливых, способных противостоять их влиянию. Фаворитизм оставил едва ли не самое

негативное впечатление о царствовании «Северной Семирамиды». А.И. Герцен с полным основанием называл Екатерину «седой развратницей».

В отношениях с соратниками Екатерина руководствовалась иными правилами, чем Петр. Последний внушал чувство страха и жестоко наказывал за оплошности. Мягкая и доброжелательная Екатерина подчиняла себе людей иными средствами: играла на их самолюбии и честолюбии, внушала им чувство готовности к самопожертвованию ради выполнения долга и расположения к ним императрицы.

К негативным качествам характера императрицы относится также ее пристрастие к внешнему блеску, помпезности. Младший современник Екатерины знаменитый историк Н.М. Карамзин правильно подметил такую черту Екатерины, как ее интерес не к сущности, а ее оболочке, желание демонстрировать благополучие, которого не существовало. Сошлемся в качестве примера на последние два путешествия императрицы (в Белоруссию и Крым), обставленные с пышностью и блеском, стоившие казне огромных затрат, а также на ее письмо к Вольтеру, явно приукрашивавшее действительность: «Впрочем, наши налоги так необременительны, что в России нет мужика, который бы не имел курицы, когда бы ее захочет, и с некоторого времени они предпочитают индеек курам».

С любовью к блеску соседствует пристрастие к лести. Потемкин, которому нет оснований не верить, рекомендовал своему корреспонденту: «Льстите как можно больше и не бойтесь в этом пересолить».

Екатерина в шутку сочинила себе эпитафию. «Здесь покоится,— писала она,— тело Екатерины II, родившейся в Штеттине 21 апреля (2 мая по новому стилю) 1729 года. Они приехала в Россию, чтобы выйти замуж за Петра III. В 14 лет она составила тройной план: нравиться своему супругу, Елизавете и народу — и ничего не забыла, чтобы достигнуть в этом успеха. 18 лет скуки и одиночества заставили ее много читать. Вступив на русский престол; она желала блага и старалась предоставить своим подданным счастие, свободу и собственность; она охотно прощала и никого не ненавидела. Снисходительная, жизнерадостная, от природы веселая, с душой республиканки и добрым сердцем, она имела друзей. Работа для нее была легка. Общество и искусство ей нравились».

Эпитафия была составлена Екатериной в 1778 г., т. е. задолго до французской революции и своей смерти.

В эпитафии все верно, если не считать умолчания о перевороте, убийстве супруга, движении Пугачева, стремления к саморекламе, процветанию фаворитизма. Сомнительным является ее утверждение, что она была «с душой республиканки». Если бы эпитафию императрица составляла в канун своей смерти, то должна была бы написать о коренных изменениях в воззрениях. Только после

Французской революции она поняла, что в ее подготовке немалая роль принадлежала просветителям, критиковавшим феодальные устои. Французская революция положила конец увлечениям Екатерины идеями Просвещения, наступило время активной борьбы за восстановление монархии по Франции и укрепление абсолютистского режима в России. Этого рода деятельность тоже относится к проявлениям государственной мудрости Екатерины.

Глава XIX

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

§ 1. РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ

Во внешней политике царизма при Екатерине II, как и во внутренней, прослеживаются два этапа. Гранью между ними является Французская буржуазная революция.

В 60-х гг. главным противником России на международной арене была Франция. Цель ее политики по отношению к России отчетливо выразил Людовик XV: «Все, что в состоянии ввергнуть эту империю в хаос и заставит ее вернуться во мрак, выгодно моим интересам». Французское правительство придерживалось традиционной линии укрепления так называемого «Восточного барьера», в состав которого входили пограничные с Россией государства — Швеция, Речь Посполитая и Османская империя. Французская дипломатия в предшествующее время дважды использовала свое влияние, чтобы толкнуть Швецию и Османскую империю в войну с Россией. Страной, которая соединила бы два крайние звена «Восточного барьера», была Речь Посполитая. Именно она стала местом столкновения противоречивых интересов Франции, Австрии, России, Пруссии и даже Османской империи. Находившаяся в состоянии упадка и утратившая значение суверенного государства, Речь Посполитая позволяла более сильным соседям вмешиваться в свои внутренние дела.

В начале 60-х гг. ожидали кончины престарелого короля Августа III. К предстоявшей политической борьбе в связи с выбором нового короля готовились Франция, Австрия, Пруссия и Османская империя. Активное участие в ней принимало и русское правительство, заинтересованное в том, чтобы преемник являлся проводником ее влияния. На почве единства интересов оформился союз России с Пруссией.

Цели участников этого союза были далеко не одинаковыми. Если Екатерина II предпочитала иметь целостную Речь Посполитую, находящуюся в сфере русского влияния, то Фридрих II, заключая этот союз, имел в виду далеко идущие планы ее территориального

раздела, которые не мог осуществить без согласия России. Вместе с тем были совпадающие интересы союзников — они состояли в сохранении условий, которые открывали бы широкие возможности для вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой. Союзный договор предусматривал решительное противодействие всяким попыткам ликвидировать «liberum veto». Недовольные отклонением какого-либо законопроекта создавали конфедерации, обращавшиеся за помощью к иностранным государствам. Другой пункт договора касался уравнения прав православных и протестантов («диссидентов») с католиками, которого обязались добиваться союзники.

Королем в 1764 г. был избран ставленник России Станислав Понятовский, поддержанный также и Пруссией. Спустя 4 года был решен в угодном союзникам духе диссидентский вопрос: некатолики наравне с католиками могли занимать все должности. Недовольная этим решением часть польской шляхты организовала в Баре конфедерацию, вступившую в вооруженную борьбу с находившимися в Речи Посполитой русскими войсками.

Османская империя, пристально следившая за событиями в Речи Посполитой и науськиваемая Францией, потребовала вывода оттуда русских войск, а также отказа от покровительства диссидентам. В **1768 г.** она объявила войну России.

Ко второй половине XVIII в. Османская империя утратила былое могущество. Ее экономические ресурсы оказались слабее, чем у России, обладавшей к тому же сильной сухопутной армией, мощным военно-морским флотом и талантливыми военачальниками. Это позволило России с одинаковым успехом вести войну на суше и на море, причем добиваться побед над превосходящим по численности противником.

В течение первых трех лет войны османским войскам не удалось одержать ни одной победы, они оставили Хотин, Яссы, Бухарест, Измаил и другие крепости на Дунайском театре военных действий. Два из многочисленных поражений османов были особенно сокрушительными. Первое, **25—26 июня 1770 г.,** когда русская эскадра, обогнув Европу, появилась в Средиземном море и под Чесмой одержала блистательную победу. Запертые в бухте все неприятельские корабли, за исключением одного, были сожжены. Русским флотом в Чесменском сражении командовали А.Г. Орлов, адмиралы Г.А. Спиридов и С.К. Грейг. Месяц спустя, **21 июля**, отличился талантливый полководец П.А. Румянцев в сражении при Кагуле. Османская армия насчитывала 150 тыс. человек при 150 орудиях, в то время как у Румянцева было 27 тыс. человек и 118 орудий. Тем не менее русские войска нанесли османам сокрушительное поражение — те потеряли весь обоз и всю артиллерию.

Становилось очевидным, что цель, ради которой Порта начала войну, не будет достигнута. Более того, ей предстояло пойти на территориальные уступки. Россия предприняла мирную инициативу, которая, однако, не встретила поддержки у султанского правительства.

К продолжению войны Османскую империю толкала прежде всего Франция, согласившаяся продать ей свои корабли для восстановления флота, утраченного в Чесменском сражении. Не вызывали восторга русские победы и в Лондоне, но английское правительство, заинтересованное в сохранении торговли с Россией, ограничилось отзывом своих офицеров из русского флота. У Австрии были свои основания, чтобы открыто поддерживать Османскую империю,— она сама претендовала на часть Дунайских княжеств, находившихся в руках русских войск. По союзному договору, заключенному с султанским двором, Австрия обязалась любыми средствами, в том числе военными, добиваться возвращения османам всех территорий, занятых русскими. Двусмысленную позицию занимала Пруссия. Будучи формально союзником России, она втайне от нее создавала трудности для русской дипломатии.

В этих условиях царское правительство не могло противодействовать осуществлению плана раздела Речи Посполитой, с которым Австрия и Пруссия начиная с 1768 г. обращались к России.

Фактический раздел Речи Посполитой начался еще в 1770 г., когда Австрия и Пруссия оккупировали часть ее территории. Конвенция **1772 г.** оформила первый раздел Речи Посполитой: Австрия захватила Галицию, к Пруссии отошло Поморье, а также часть Великой Польши. Россия получила часть Восточной Белоруссии.

Слова Екатерины II, обращенные к Дидро,— «если бы я могла еще отказаться от раздела, я охотно бы это сделала»— на этот раз полностью соответствуют отношению в это время России к разделу Речи Посполитой.

Согласием на раздел Речи Посполитой Россия отколола Австрию от Османской империи. Не надеясь на эффективную помощь извне, османы в 1772 г. согласились вести мирные переговоры. Главным пунктом разногласий был вопрос о судьбе Крыма — Османская империя отказывалась предоставить ему независимость, в то время как Россия настаивала на этом.

Военные действия возобновились, причем протекали в условиях, когда Россия была охвачена крестьянской войной. Русским войскам под командованием А.В. Суворова в июне 1774 г. удалось разгромить османов при Козлудже. Противник согласился возобновить переговоры. Царское правительство тоже было заинтересовано в незамедлительном окончании войны, с тем чтобы освободившиеся силы бросить на подавление народного движения внутри страны.

10 июля 1774 г. переговоры в болгарской деревне Кючук-Кайнарджи завершились подписанием мирного договора. По Кючук-Кайнарджийскому миру к России переходили Керчь, Еникале и Кинбурн, а также Кабарда. Россия получила право на строительство военно-морского флота на Черном море, ее торговые корабли могли беспрепятственно проходить через проливы, Молдавия и Валахия, хотя формально и оставались под властью Османской империи, но

фактически находились под протекторатом России. Султанский двор, являвшийся инициатором войны, обязался уплатить России контрибуцию в 4,5 млн. руб.

Два итога напряженной войны имели для России огромные последствия: плодородные земли Северного Причерноморья стали объектом хозяйственного освоения; Крым, откуда в течение многих столетий ханы совершали грабительские набеги, перестал быть вассалом Османской империи, что укрепило безопасность южных границ России.

Гарантированная Кючук-Кайнарджийским миром независимость Крыма являлась самой чувствительной потерей Османской империи. Цель ее внешней политики в ближайшие десятилетия и состояла в том, чтобы вернуть Крым в сферу своего влияния. Уже в 1775 г. османы грубо нарушили условия договора, провозгласив ханом своего ставленника Девлет-Гирея. В ответ русское правительство ввело в Крым войска и утвердило на ханском престоле своего кандидата Шагин-Гирея. Однако османские агенты организовали против него восстание. Девлет-Гирей высадился на турецком корабле в Кафе, чтобы вернуть себе ханский трон, но потерпел поражение от войск Шагин-Гирея и убрался восвояси. Соперничество двух держав в борьбе за Крым закончилось обнародованием **8 апреля 1783 г.** указа Екатерины II о включении Крыма в состав России. Тем самым Османская империя лишалась своего плацдарма в военных столкновениях с Россией.

В том же 1783 г. был заключен Георгиевский трактат с Восточной Грузией, укрепивший позиции народов Закавказья в борьбе против иранского и османского ига.

Одновременно с решением восточного вопроса Россия держала в сфере внимания и европейские дела. Важнейшей акцией здесь можно считать выступление России в качестве одного из гарантов Тешенского трактата 1779 г. Он возник в результате войны Австрии с Пруссией из-за Баварии. Посредницами при заключении Тешенского трактата между воевавшими сторонами выступили Россия и Франция. Они же стали и гарантами соблюдения его условий.

Произошла замена союзников России. Пруссия, выполнявшая эту роль с 60-х гг., оказалась ненадежным и даже коварным союзником, и ее место с 1781 г. заняла Австрия. Союзники дали взаимное обязательство в случае нападения на одного из них Османской империи выставить равное количество войск.

С установлением союзнических отношений с Австрией у Екатерины II возник внешнеполитический план, получивший название «*Греческого проекта*». Он предусматривал изгнание Османской империи из Европы путем создания из ее владений (Бессарабии, Молдавии и Валахии) буферного государства Дакии во главе с внуком Екатерины Константином. Смысл существования Дакии состоял в том, чтобы лишить Россию, Австрию и Османскую империю общих границ. Австрия не возражала против проекта,

рассчитывая на округление своих владений за счет османских земель, но ее территориальные притязания были столь непомерными, что план создания Дакии остался на бумаге.

Между тем Османская империя хотя и признала в 1784 г. присоединение Крыма к России, но интенсивно готовилась к войне с нею. Воинственные настроения султанского двора разжигали Англия и Пруссия, намереваясь извлечь из конфликта собственные выгоды: Англия стремилась чужими руками изгнать Россию с берегов Черного моря, поскольку основание черноморских портов могло лишить английских купцов выгод, которые они извлекали из слабости торгового флота России на Балтике; Фридрих II подстрекал османский двор к войне с Россией, руководствуясь видами на очередной раздел Речи Посполитой, ибо знал, что Россия, вовлеченная в войну, не в состоянии будет противодействовать его планам. Франция тоже оказывала помощь Османской империи в подготовке к войне — под руководством ее инспекторов и офицеров совершенствовались крепостные сооружения и боевая подготовка османской армии.

В конце июля **1787 г.** султанский двор в ультимативной форме потребовал от России признания своих прав на Грузию и допуска османских консулов в Крым. Россия, не заинтересованная в открытии военных действий вследствие поразившего страну сильного неурожая; готова была пойти на уступки, но Османская империя, не дождавшись ответа на ультиматум, открыла военные действия нападением на Кинбурн. Попытка овладеть крепостью путем высадки десанта была отбита Суворовым.

Неудача османов активизировала враждебные действия английского правительства: оно запретило заход в свои порты русской эскадре, готовившейся к отправлению из Балтийского моря в Средиземное, а также вербовку английских офицеров на службу в русский флот. Те же Англия и Пруссия толкнули на войну против России Швецию.

Со стороны Швеции это была вторая попытка пересмотреть условия Ништадтского мира: **летом 1788 г.** она без объявления войны напала на Россию. Шведский король Густав III тщательно готовился к конфликту, ибо, рассчитывая на легкие победы, стремился укрепить свою власть и сломить сопротивление оппозиции. У короля были основания надеяться на успех: главные силы русской армии и ее лучшие полководцы находились на юге. Густав III не скупился на хвастливые заявления — он говорил, что намерен овладеть Эстляндией, Лифляндией и Курляндией, а заодно с ними Петербургом и Кронштадтом. Перед отъездом из Стокгольма на театр войны он объявил придворным дамам, что «надеется дать им завтрак в Петергофе».

Начало военных действий вскрыло полную несостоятельность и даже нелепость шведских притязаний: в ожесточенном сражении **6 июля** у о. Гогланда Балтийский флот под командованием адмирала С.К. Грейга одержал победу, вынудив шведские корабли искать спасения в Свеаборге. Впрочем, победу приписывали себе и шведы,

поскольку у противников были одинаковые потери. Вслед за этой неудачей шведы сняли осаду пограничных крепостей Нейшлота и Фридрихсгама. Не принесла успехов Швеции ни кампания 1789 г., ни 1790 г.

Главные события в кампании 1789 г. развернулись в Финляндии, где русские войска предприняли успешное наступление и оттеснили неприятеля за р. Кюмень. Кампания **1790 г.** была ознаменована двумя сражениями Балтийского флота, одно из которых, впрочем, не принесло успеха русским.

Неудачный исход королевской авантюры стал очевидным, и Швеция в финской деревне Вереле заключила мир, восстановивший границы, существовавшие до начала этой войны.

Война не принесла шведам никаких выгод, но она значительно усложнила положение России на южном театре военных действий, прежде всего тем, что лишила ее возможности перебросить Балтийский флот в Средиземное море и поднять против Османской империи томившиеся под ее гнетом народы Балкан. Война со Швецией, кроме того, повлекла немалые расходы. В то же время рухнули надежды Англии и Пруссии, да и Османской империи, на то, что России не под силу вести войну на два фронта. Османская армия, как и флот, на всем протяжении войны терпели одно поражение за другим, причем в ходе войны с блеском проявились высокая боевая выучка солдат и матросов, а также полководческие дарования А.В. Суворова и незаурядный талант флотоводца Ф.Ф. Ушакова.

В **1788 г.** отличился Черноморский флот: в июне на Днепровско-Бугском лимане была разгромлена гребная флотилия османов, а 3 июля у о. Фидониси русская эскадра нанесла поражение османскому флоту, располагавшему численным превосходством. Эти победы лишили османов возможности помогать осажденному Очакову, взятому в результате ожесточенного штурма в декабре.

В кампании **1789 г.** наступательные операции османов на суше были парализованы А.В. Суворовым. **21 июля** Суворов после 60 км марша с ходу атаковал османов при Фокшанах, где 25 тыс. русских и австрийцев вынудили спасаться бегством 30 тыс. османов. Победа была достигнута решительной штыковой атакой, предпринятой после 9-часового сражения. В **сентябре** османы предприняли новое наступление, но и на этот раз 25 тыс. русских и австрийцев на р. Рымник разгромили четырехкратно превосходившую армию османов. Об успешном осуществлении тактического плана Суворова свидетельствуют потери сторон: во время сражения, продолжавшегося почти целый день и сопровождавшегося рукопашной схваткой, русские потеряли 45 человек убитыми и 133 ранеными, в то время как потери противника убитыми и утонувшими составили свыше 17 тыс. человек. Русские, кроме того, захватили 80 орудий и весь обоз.

1790 год ознаменовался двумя выдающимися победами. Пост командующего Черноморским флотом занял Ф.Ф. Ушаков, сменивший бездарного М.И. Войновича. **28—29 августа** была одер-

жана морская победа между о. Тендрой и Гаджибеем. В этом сражении Ушаков применил новинку — он не сделал остановки для построения кораблей в боевой порядок, а совершил его в процессе сближения с неприятелем, что явилось для него полной неожиданностью. Успех сражения обеспечил концентрированный удар по флагманским кораблям неприятеля. Его потери составили 4 линейных корабля, из которых один был захвачен в плен.

Самым примечательным сражением всей войны был штурм Измаила. Эта мощная крепость с гарнизоном в 35 тыс. человек при 265 орудиях считалась неприступной. Ее безуспешную осаду русские войска вели с сентября 1790 г. 2 декабря под Измаилом появился А.В. Суворов. Сразу началась интенсивная подготовка к штурму крепости: в учебном лагере выкопали ров и насыпали вал, соответствовавшие габаритам крепостных сооружений, и войска тренировались в преодолении препятствий. За 5 дней до начала штурма Суворов отправил коменданту крепости знаменитый ультиматум: «24 часа на размышление и воля; первые мои выстрелы уже неволя; штурм — смерть».

На рассвете **11 декабря** начался штурм: войска преодолели ров, по штурмовым лестницам взобрались на вал, ворвались в крепость и шаг за шагом, тесня ожесточенно сопротивлявшегося неприятеля, овладели ею. Суворов доносил: «Крепость Измаильская, столь укрепленная, сколь обширная и которая казалась неприятелю непобедимою, взята страшным для него оружием российских штыков».

Овладение Измаилом принадлежит к числу героических подвигов русских воинов — в штурме крепости сочетались высокий боевой дух и замечательная выучка солдат и офицеров с полководческим гением А.В. Суворова.

Взятие Измаила венчало исход не только кампании 1790 г., но и всей войны. Обессиленной Османской империи давно надо было просить мира, но она продолжала военные действия, уповая на помощь извне. Англия предпринимала столь же энергичные, как и безуспешные, меры по сколачиванию общеевропейской коалиции против России. Ей все же удалось убедить султана продолжать войну. Выгод из этого он не извлек. Напротив, **31 июля 1791 г.** Ушаков разгромил османскую эскадру у мыса Калиакрии (близ Варны). Победа была одержана благодаря умелым действиям Ушакова: он вынудил османские корабли выйти из-под защиты береговых батарей и только после этого напал на них. Замешательство в стане неприятеля привело к тому, что корабли противника «друг друга били своими выстрелами». От полного уничтожения османскую эскадру спасла наступившая темнота.

29 декабря 1791 г. был заключен Ясский мирный договор. Цели, ради которых Османская империя развязала войну, не были достигнуты. Ясский договор подтвердил присоединение к России Крыма и установление протектората над Грузией. Результаты войны для России не соответствовали ни ее военным успехам, ни поне-

сенным ею жертвам и финансовым затратам. К ней была присоединена лишь территория между Бугом и Днестром. Бессарабия, Молдавия и Валахия были возвращены османам. Скромные для России итоги войны были связаны с тем, что Англия не расставалась с идеей создания антирусской коалиции. Ранее русской дипломатии удалось расстроить эти планы. Чтобы не оказаться в изоляции, правительство должно было форсировать мирные переговоры.

Три обстоятельства определили успехи России в войнах с Османской империей и Швецией: России в этих войнах доводилось не нападать, а отражать агрессивные действия соседей; боеспособность русской регулярной армии была неизмеримо выше шведской и особенно османской — ополченцы последней, располагая двойным-тройным перевесом в численности, неизменно терпели поражение от хорошо обученных и вооруженных русских полков; немаловажной причиной победоносного окончания войн было наличие в русской армии и флоте талантливых полководцев (П.А. Румянцев, А.В. Суворов) и флотоводцев (Г.А. Спиридов, Ф.Ф. Ушаков). Они подняли военное искусство на более высокую ступень.

Суворов вместо господствовавшей в Европе кордонной стратегии, смысл которой состоял в равномерном распределении войск по всей линии фронта с использованием в качестве опорных пунктов крепости, применил более эффективное средство громить неприятеля — сосредоточение основных сил на главном участке сражения. Целью операции он считал не маневрирование и истощение ресурсов противника, уничтожение его живой силы. Знаменитое сочинение Суворова «Наука побеждать» наполнено множеством афоризмов и крылатых фраз, понятных как офицеру, так и солдату. Главными достоинствами воина он считал патриотизм, храбрость, выносливость, решительность.

Флотоводец Ф.Ф. Ушаков, опиравшийся на собственный опыт и опыт своего предшественника Г.А. Спиридова, подобно Суворову, не знал поражений. Главной целью сражения он считал уничтожение неприятельского флота и прежде всего флагманского корабля, на котором должен быть сосредоточен огонь.

Школы Суворова и Ушакова дали стране немало талантливых военачальников: Кутузова, Багратиона и многих других в армии, Сенявина, Лазарева и других — на флоте.

§ 2. РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ ВО ФРАНЦИИ. РАЗДЕЛЫ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

В отношении русского царизма к событиям во Франции прослеживается два этапа. На первом, продолжавшемся, впрочем, недолго, царский двор рассматривал начавшуюся революцию как событие повседневной жизни, т. е. как бунт голодной черни, с которым королевская власть способна быстро справиться. Ни Екатерина, ни ее окружение не считали происходившее в Париже

результатом глубоких социальных противоречий, а связывали его с временными финансовыми затруднениями и личными качествами незадачливого короля. «Какой же Людовик XVI король,— воскликнула императрица, получив известие о свержении короля,— он всякий вечер пьян и им управляет кто хочет». Более того, императрица считала возможным продолжать политику сближения с Францией, с тем чтобы союз с нею противопоставить Англии.

По мере развития революции и решительной ломки феодальных порядков настроение правящих кругов в Петербурге менялось. Там вскоре убедились, что революция угрожает судьбам трона не только в Париже, но и всем феодально-абсолютистским режимам Европы. Екатерина убедилась и в другом: Людовику XVI и французскому дворянству своими силами не восстановить старый порядок. Опасения русского двора разделяли обладатели тронов Австрии и Пруссии.

В 1790 г. был заключен союз Австрии и Пруссии с целью военного вмешательства во внутренние дела Франции. Тотчас реализовать эти намерения не удалось, так как Австрия, Россия и Пруссия были озабочены разделом Речи Посполитой, а Россия, кроме того, вела войну с Османской империей. На этом этапе абсолютистские режимы ограничились разработкой планов интервенции и оказанием материальной помощи французской эмиграции и контрреволюционному дворянству внутри страны. Екатерина на сколачивание наемной армии дала французским принцам взаймы 2 млн. руб. Она стала душой коалиции, создаваемой для борьбы с революционной Францией.

Согласно русско-шведскому союзу Густав III обязался высадить в австрийских Нидерландах десант, к которому должны были присоединиться войска французских принцев, а также Австрии и Пруссии. Екатерина вместо войск, занятых в русско-турецкой войне, обязалась до окончания ее выдавать субсидию в размере 300 тыс. руб.

Выступление коалиции не состоялось по двум причинам: смерть Леопольда II и убийство Густава III вынудили отложить поход; но главная причина состояла в том, что монархические режимы обнаружили продвижение идей революции к границам их собственных владений и сочли первостепенной задачей остановить это продвижение. Речь идет о *событиях в Речи Посполитой.*

В состав этого федеративного государства входили Польша, Литва, Украина и Белоруссия. Великое княжество Литовское в его составе, хотя и сохранило государственную границу, право внешних сношений, свой кодекс законов — Литовский статут, имело отдельный бюджет, таможенную систему и вооруженные силы, но, связав свою судьбу с Польшей, с ее слабой королевской властью и своеволием шляхты, разделило ее участь. Независимость страны при господстве анархии была эфемерной — практически литовские феодалы зависели от общего сейма, большинство в котором составляли поляки.

На протяжении столетия, с середины XVII по середину XVIII в., Литовское княжество переживало глубокий экономический кризис, обусловленный непрерывными войнами Речи Посполитой. Они опустошали казну и истощали экономические ресурсы. В 1648 г. население княжества насчитывало ок. 4,5 млн. человек, через два десятилетия оно уменьшилось почти вдвое (2,3 млн.), к концу Северной войны сократилось до 1,8 млн. человек и лишь к 1772 г. достигло 4,8 млн. На долю литовского и белорусского народов пали тяжелые испытания: запустело хозяйство в деревнях и ремесло в городах. Чтобы повысить доходы, феодалы вводили в своих владениях монополии, обязывали подвластных им крестьян покупать ходовые товары (соль, табак, водку и др.) только в своих лавках и пользоваться услугами господских мельниц и кузниц. Другим средством повышения доходов было увеличение барской запашки за счет уменьшения крестьянских наделов. Широкого распространения достигла сдача фольварков в аренду ростовщикам и корчмарям. Арендатор в погоне за увеличением доходов хищнически эксплуатировал крестьян, нисколько не заботясь о создании условий для простого воспроизводства их хозяйства.

Правительство Речи Посполитой проводило политику полонизации и окатоличивания белорусского населения. В 1697 г. был принят закон, провозгласивший польский язык государственным языком Великого княжества Литовского. Еще раньше, в 1673 г., был закрыт доступ некатоликам в шляхетское сословие. Однако попытки насадить католичество среди белорусов встречали решительное сопротивление, например, весной 1740 г. началось восстание в имениях Сапеги, объявившего о закрытии в них православных церквей. Вместе с тем духовная жизнь литовского населения находилась под полным контролем католической церкви: духовенство и помещики принуждали крестьян посещать костелы и соблюдать религиозные праздники. В Вильнюсской академии безраздельно господствовали схоластическая философия и богословие. Лишь со второй половины XVIII в. в Академии начали возникать светские науки: математика, физика, астрономия. В 1773 г. в связи с ликвидацией ордена иезуитов просвещение и науку государство взяло в свои руки.

Отсталые формы социально-экономической жизни, слабая степень централизации, допускавшая существование у магнатов собственных вооруженных сил, ставили под угрозу самостоятельность существования Речи Посполитой как суверенного государства.

Слабость Речи Посполитой давала повод для вмешательства в ее внутренние дела сильных соседей и позволила осуществить ее первый раздел. Но и в самой Речи Посполитой существовали силы, заинтересованные в сохранении анархии, воплощавшейся в «liberum veto», в слабости королевской власти, благоприятствовавшей шля-

хетскому своеволию. В 1791 г. удалось преодолеть их сопротивление и на сейме утвердить новую конституцию.

Конституция **3 мая 1791 г.** сохраняла за шляхетством его феодальные привилегии, крестьяне оставались в крепостной зависимости, за католичеством сохранялось значение государственной религии. Однако конституция отменяла «liberum veto», запрещала организацию сепаратистских конфедераций, передавала исполнительную власть королю. Было упразднено деление Речи Посполитой на королевство Польское и Великое княжество Литовское, на их основе провозглашалась единая Польша.

Укрепление государственности противоречило интересам Пруссии, Австрии и России. У них был формальный повод для вмешательства в дела Речи Посполитой, так как ей не разрешалось изменять конституцию и отменять «liberum veto». В самой Речи Посполитой некоторые магнаты и шляхта воспротивились усилению королевской власти. В знак протеста против конституции 3 мая 1791 г. они при поддержке Екатерины II организовали в Тарговицах конфедерацию и обратились к России за помощью. По призыву конфедерации в Речь Посполитую были двинуты русские и прусские войска, создались условия для нового раздела.

В **январе 1793 г.** был заключен русско-прусский договор, по которому к Пруссии отходили польские земли (Гданьск, Торунь, Познань), а Россия воссоединилась с Правобережной Украиной и центральной частью Белоруссии, из которой была образована Минская губерния.

Второй раздел Польши вызвал подъем в ней национально-освободительного движения, возглавленного участником борьбы северо-американских колоний за независимость генералом Тадеушем Костюшко. Оно началось в марте 1794 г. в Кракове, а в апреле — в Великом княжестве Литовском. В движении участвовали часть шляхты, мелких торговцев, ремесленников. Обещание Т. Костюшки упразднить крепостную зависимость привлекло в его армию и часть крестьян. Боевой дух и энтузиазм восставших был столь высоким, что им, несмотря на плохое вооружение и слабую организованность, удавалось одерживать верх над регулярными войсками противника. Однако движение не имело четко выраженной программы, способной обеспечить ему широкую социальную базу. Основная масса населения Польши — крестьянство — проявляла пассивность вследствие того, что предоставленные ему Костюшко даже ограниченные уступки саботировались шляхетством. **Осенью 1794 г.** А.В. Суворов взял штурмом предместье Варшавы Прагу. Восстание было подавлено, Костюшко попал в плен.

В 1795 г. состоялся третий раздел Польши, положивший конец ее существованию. Соглашение было подписано в **октябре 1795 г.**, но, не дожидаясь его заключения, инициатор раздела Австрия ввела свои войска в Сандомир, Люблинскую и Хелминскую земли, а

Пруссия — в Краков. К России отошли западная часть Белоруссии, Западная Волынь, Литва и герцогство Курляндское. Последний король Речи Посполитой отрекся от престола и до смерти в 1798 г. жил в России.

Воссоединение с Россией Белоруссии и Западной Украины и вхождение в состав России Литвы и Курляндии имели два последствия. Польско-литовские феодалы сохранили свои владения, и повинности с крестьян взимались в прежних размерах. Иначе и не могло быть — царизм, безжалостно эксплуатирующий собственный народ, проявлял в этом вопросе полную солидарность с литовскими и польскими феодалами, которым были предоставлены права и привилегии российского дворянства.

Но эта сторона перекрывалась положительными итогами. Российское правительство ликвидировало своеволие польско-литовских магнатов, лишив их права держать свои войска и крепости. Население бывшего Великого княжества Литовского и Западной Украины втягивалось в орбиту всероссийского рынка. Для него наступило время мирного труда, прекратились свары между шляхтой, пагубно отражавшиеся на хозяйстве крестьян и горожан. Россия обеспечила защиту извне, чего не могла гарантировать слабая Речь Посполитая. Прекратились религиозные преследования православных, а католикам была предоставлена свобода вероисповедания. Воссоединение с Россией народов, этнически близких русским, способствовало взаимному обогащению их культур.

В годы, когда монархи были поглощены разделами Речи Посполитой, события во Франции развивались своим чередом: 10 августа 1792 г. там была свергнута монархия, через два дня семья короля оказалась под стражей; 20 сентября войска интервентов, вторгшиеся во Францию, потерпели сокрушительное поражение при Вальми; 21 января 1793 г. состоялась казнь бывшего короля Людовика XVI. Это событие потрясло монархическую Европу.

Императрица принимала меры к организации новой антифранцузской коалиции. В марте 1793 г. была подписана конвенция между Россией и Англией об обоюдном обязательстве оказывать друг другу помощь в борьбе против Франции: закрыть свои порты для французских судов и препятствовать торговле Франции с нейтральными странами. Дело на этот раз ограничилось отправкой русских военных кораблей в Англию для блокады французских берегов — двинуть сухопутные силы в помощь англичанам, находившимся в это время в состоянии войны с Францией, императрица не решалась — они были необходимы для борьбы с повстанцами Тадеуша Костюшко.

Как только движение в Речи Посполитой было подавлено, между Россией, Англией и Австрией в конце 1795 г. был заключен контрреволюционный тройственный союз. В России началась подготовка 60-тысячного экспедиционного корпуса для действий против Франции. Отправить его не удалось из-за смерти императрицы 6 ноября 1796 г.

§ 3. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПАВЛА I

История страны конца XVIII в. рассматривается в отдельной главе прежде всего потому, что это время существенно отличается от предшествующего в том смысле, что в действиях Павла I, сменившего на престоле Екатерину, во многих случаях трудно обнаружить преемственность: поступки сына были порой совершенно непредсказуемыми и лишенными логики. Правительственная политика, проводимая в эти годы, вполне соответствовала личности императора — человека капризного, деспотичного, переменчивого в своих решениях и привязанностях, легко поддававшегося необузданному гневу и столь же легко менявшего гнев на милость, сентиментальность у него соседствовала с жестокостью.

Эти черты характера Павла проявились еще в годы, когда он был наследником престола. Два увлечения целиком поглощали его энергию: страсть к вину и страсть к муштре. Последнюю он стал вполне удовлетворять после того, как в 1783 г. Екатерина подарила ему Гатчинскую мызу. С утра до вечера там раздавались воинские команды, вахтпарады сменялись плацпарадами, разводы караулов чередовались с экзекуциями.

Между матерью и сыном издавна установились неприязненные отношения. Екатерина в 1794 г. намеревалась даже лишить его права наследования престола и передать это право старшему внуку Александру. Намерение это не было осуществлено, и на престол вступил Павел I. Во время четырехлетнего царствования его преследовали мания величия, а также мания страха. Первая выражалась в глубокой вере в свою непогрешимость, в представлении, что удел всех остальных состоял в безропотном послушании и выполнении всех его капризов. Он пытался превратить всю страну в казарму, и ничто им так не ценилось, как умение в точности выполнять артикулы. Не случайно первой значительной мерой императора было утверждение через три недели после вступления на престол нового воинского устава, заменившего традиционные русские порядки в армии прусскими.

Не менее отчетливо прослеживается и мания преследования. Подозрительность Павла распространялась не только на придворных и вельмож, но и на членов собственной семьи. Отсюда — сооружение Михайловского дворца, напоминавшего рыцарский замок средневековья. Он был возведен на острове, омываемом Мойкой и Фонтанкой и двумя вновь прорытыми каналами, с подъемными мостами и пушками, поставленными на полубастионах.

Другим проявлением страха за свое будущее являлся *закон о престолонаследии* **1797 г.**, согласно которому трон передавался только по мужской линии по прямой восходящей, т. е. старшему сыну, затем младшим сыновьям и только при их отсутствии —

дядьям. Тем самым, как казалось Павлу, установится порядок наследования и исчезнет возможность дамских царствований, в частности его собственной супруги. Некоторые меры Павел осуществил в пику матери, исходя из желания сделать наоборот. Так он освободил Радищева из ссылки, а Новикова из Шлиссельбургской крепости. Он облагодетельствовал Т. Костюшко, выдав ему 60 тыс. руб. и разрешив эмигрировать в Америку.

Желание противопоставить свои действия акциям Екатерины прослеживается и в политике Павла по отношению к дворянству. Екатерина предоставила дворянству уйму льгот и привилегий, объединенных Жалованной грамотой 1785 г. Указом 9 марта 1798 г. губернаторам было предписано присутствовать на выборах предводителей дворянства. Тем самым дворянское общество ставилось под контроль правительственной администрации. В следующем году последовало еще одно ограничение — отменялись губернские собрания дворян и губернские предводители избирались уездными предводителями. Дворянам запрещалось подавать коллективные челобитные, за уголовные преступления их можно было подвергать телесному наказанию.

Казарменному образу жизни, являвшемуся в глазах Павла идеальным, не соответствовали дворянские вольности, и он, внешне подражая Петру Великому, потребовал возвращения дворян из долгосрочных отпусков в полки. Не явившиеся (в том числе записанные в полки дети) были уволены из армии.

Отсутствие последовательности обнаруживается и в *крестьянском вопросе*. В указе **5 апреля 1797 г.** сказано: «дабы никто и ни под каким видом не дерзал в вокресные дни принуждать крестьян к работам». Остальные 6 дней недели следовало разделить на две равные части: 3 дня крестьянин должен был работать на себя и 3 дня — на барина. Иногда этот указ трактовался как указ о трехдневной барщине. В действительности указ устанавливал не норму, а всего лишь рекомендацию придерживаться этой нормы. В указе было отмечено, что 3 дня работы на помещика «при добром распоряжении» достаточны будут на удовлетворение всяким хозяйственным потребностям.

При Павле I были изданы еще два указа, учитывавших интересы крестьян: в **1797 г.** запрещалось продавать дворовых людей и безземельных крестьян с молотка, а через год был установлен запрет на продажу украинских крестьян без земли. И хотя указ 5 апреля 1797 г. носил рекомендательный характер, а два последующих указа касались немногочисленных групп крестьян, в целом они облегчали их участь, ибо давали основание для жалоб на произвол помещиков.

В вопиющем противоречии с названными указами находится практика распоряжения судьбами государственных крестьян — массовая их раздача фаворитам, вельможам, гатчинцам. Екатерина за 34 года царствования раздала 800 тыс. крестьян, ее сын за четырехлетие успел передать частным лицам 600 тыс. душ обоего пола. Только в день коронации он пожаловал 82 тыс. душ.

Строгой последовательности лишены были и некоторые другие меры Павла I. Так, в 1762 г. владельцам мануфактур запрещалось покупать крестьян к предприятиям. Тем самым Екатерина восстановила монопольное право дворян на крещеную собственность, и настойчивые требования купцов и промышленников вернуть это право остались без внимания. Павел в 1798 г. восстановил утраченную промышленниками привилегию, но в это время принудительный труд на мануфактурах уже не имел для промышленников прежней привлекательности, ибо они за три с половиной десятилетия научились довольствоваться наемным трудом.

В процессе проведения областной реформы Екатерина ликвидировала коллегии, оставив только три: Военную, Адмиралтейскую, Иностранную. Павел восстановил коллегиальную систему в полном объеме, причем без надлежащего юридического обоснования этой меры и ее целесообразности.

В перечисленном хаосе поступков и действий с трудом прослеживается общая их направленность на укрепление деспотической власти монарха. «В России велик только тот, с кем я говорю, и только пока я с ним говорю»,— сказал Павел. Его притязания относительно сосредоточения всей полноты власти в собственных руках были беспредельны, но они далеко превосходили его способности.

Во внешней политике наблюдались такие же несуразные зигзаги, как и во внутренней. Екатерина в августе 1796 г. снарядила корпус в помощь Австрии для борьбы с Францией. Павел, не менее Екатерины опасавшийся распространения революционной заразы, отказался от отправки корпуса, заявив своим союзникам (Австрии, Англии и Пруссии), что Россия истощена предшествующими войнами.

Император решил получить базу на Средиземном море. В 1797 г. он взял Мальту под свое покровительство. Наполеон этот факт игнорировал и, отправляясь в следующем году в египетский поход, захватил остров. Магистр ордена бежал, и гроссмейстером был объявлен Павел. Это обстоятельство, а также покровительство Франции польским эмигрантам подстегнуло Павла к участию в новой антифранцузской коалиции (**1798**) в составе Австрии, Османской империи, Англии и Неаполя. На этот раз вооруженные силы России участвовали в военных действиях на море (в союзе с османским флотом) и на суше (совместно с Австрией): в Австрию был направлен вспомогательный корпус русских войск, а на Средиземное море — Черноморская эскадра под командованием Ф.Ф. Ушакова. Объединенный русско-османский флот овладел находившейся в руках французов крепостью Корфу. Воинское мастерство матросов, офицеров и руководившего операцией адмирала Ушакова состояло в том, что впервые в военной истории хорошо вооруженную крепость принудили к сдаче моряки без участия в десантной операции пехоты. Суворов, узнав об этой

победе, воскликнул: «Ура русскому флоту! Зачем не был я при Корфу хотя мичманом».

Еще больших успехов русская армия достигла на суше. По настоянию Англии и Австрии командование соединенными русско-австрийскими войсками было вручено А.В. Суворову, отставленному от службы в феврале 1797 г.

Театром военных действий была Северная Италия, откуда Суворову в течение полутора месяцев удалось изгнать французов. В трехдневном ожесточенном сражении **15—17 апреля 1799 г.** Суворов разгромил французов при р. Адде. После этого наполеоновские генералы без боя оставили Милан и Турин. 4 июня союзная армия совершила беспримерный марш, преодолев за 36 часов 80 верст, и с ходу вступила в сражение при р. Треббии. Оно закончилось блестящей победой Суворова. У г. Нови Суворов вновь разгромил противника.

Успешные действия Суворова обнажили подлинные цели участия Австрии в коалиции — она стремилась овладеть землями, из которых были изгнаны французы. В этих условиях пребывание в Северной Италии русских войск под командованием Суворова становилось нежелательным для австрийцев. Суворову было предложено отправиться в Швейцарию, с тем чтобы там соединиться с корпусом Римского-Корсакова и совместными усилиями вторгнуться в пределы Франции.

Осуществлению этого плана помешало предательское поведение австрийцев. Они, не дождавшись прихода Суворова, оставили в одиночестве корпус Римского-Корсакова, чем принесли его в жертву французским генералам, располагавшим многократным численным превосходством. Австрийцы, кроме того, не обеспечили войска Суворова продовольствием, чем усложнили его переход через Альпы.

Спеша на выручку Римскому-Корсакову, Суворов избрал самый короткий и в то же время самый трудный путь через Сен-Готардский перевал. Суворовским чудо-богатырям приходилось преодолевать не только скалы по труднопроходимым тропам, но и сопротивление французов. Переход, вызвавший изумление всей Европы, был успешно завершен, но помощь Римскому-Корсакову запоздала, и он был разгромлен.

В ответ Павел отозвал войска в Россию и в **1800 г.** разорвал союз с Австрией. В том же году были разорваны дипломатические отношения с Англией из-за того, что она, как и Австрия, не проявила должной заботы о русском вспомогательном корпусе, находившемся в Голландии и действовавшем против французов.

В итоге произошел крутой поворот во внешней политике России: она заключает мир с Францией и вступает в новые союзы — с Пруссией против Австрии и с Пруссией, Швецией и Данией против Англии. Павел велел готовиться к походу в Индию — донские казаки уже двинулись к Оренбургу, но были отозваны вследствие дворцового переворота, происшедшего с 11 на 12 марта 1801 г.

Тираническое правление Павла, его внутренняя и внешняя политика вызывали острое недовольство различных кругов дворянства: офицерский корпус раздражали и держали в страхе вспышки гнева императора, которые порождали неуверенность в завтрашнем дне; столь же неуверенно чувствовали себя вельможи, находившиеся под постоянной угрозой опалы; не вызывал восторга разрыв с Англией и у широких кругов дворянства, чье хозяйство было связано с рынком,— традиционным покупателем товарных излишков сельского хозяйства были английские купцы; наконец, к императору явно враждебно относились члены собственной семьи, прежде всего супруга и старший сын Александр, которых он заподозрил в намерении отнять у него корону. Заговор возник еще в 1800 г. Сначала его возглавил вице-канцлер Н.П. Панин, а после его ссылки руководство перешло к петербургскому военному губернатору Палену. Заговорщики в ночь на 12 марта проникли в Михайловский замок и убили Павла.

Глава XX

КУЛЬТУРА И БЫТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

§ 1. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Все сферы духовной жизни России второй половины XVIII в. пронизывали идеи *Просвещения*. То, что способствовало усовершенствованию человеческой натуры,— наука, театр, распространение образования, литература, искусство — пользовалось горячей поддержкой деятелей Просвещения. Решающую роль в осуществлении своих идеалов большинство просветителей Франции, как и их последователи в России, отводили просвещенному монарху, способному при помощи законов создать новое общество, члены которого в отношениях друг с другом будут руководствоваться гуманными соображениями.

Идея медленного, эволюционного развития является общей для всех просветителей. Вместе с тем среди просветителей существовали различия во взглядах, касавшиеся прежде всего последовательности мер, направленных на обретение свободы. Одни из них, составлявшие умеренное крыло, предоставление крестьянам свободы связывали с распространением среди них просвещения. Другое направление, радикальное, считало, что сначала надо предоставить крестьянам свободу, а после этого заняться их просвещением.

Самым крупным деятелем Просвещения в России был Николай Иванович Новиков (**1744—1818**). В его деятельности теория Просвещения сочеталась с повседневной практикой — он поставил изда-

тельское дело на службу распространения просвещения. Тем самым он сделал свои взгляды достоянием широких кругов русских людей, оказывая огромное влияние на формирование у них политического сознания, не мирившегося с произволом, насилием, деспотизмом.

Издавая в 1769—1773 г. сатирические журналы «Трутень» и «Живописец», Новиков смело вступил в полемику с Екатериной, редактировавшей «Всякую всячину». Журнал Екатерины хотя и назывался сатирическим, но ограничивал свою задачу критикой человеческих слабостей (скупость, самолюбие, лживость, стяжательство, расточительство). Статьи «Всякой всячины», многие из которых принадлежали перу Екатерины, пытались задать тон всей журналистике публикацией безобидных сочинений в «улыбательном духе». Напротив, журналы Новикова изобличали пороки, порожденные самодержавно-крепостническим строем, и поэтому имели политическое звучание.

Перед читателями новиковских журналов проходила галерея крепостников. Одни из них прославились истязанием крестьян, другие — взиманием непосильных оброков, третьи уподобляли крепостных крестьян скоту. Новиков осмеивал закоренелые предрассудки, не щадил невежество помещиков. В дальнейшем он поднялся до обобщения — от критики личности и отдельных примеров до критики системы: причиной всех пороков являлось крепостное право, унижавшее человеческое достоинство крестьян и растлевавшее господ своей безнаказанностью. Обсуждение крестьянского вопроса, таким образом, охватило обширную аудиторию.

Объектом сатиры Новикова была также политическая система. Он осмеивал взяточничество, казнокрадство, административный и судебный произвол, писал о невозможности простому человеку добиться справедливого решения. Виной всех пороков являлся деспотизм, отсутствие свобод. Новиков высказывался за равенство всех людей, он был противником сословного строя. Ему принадлежит изречение: «Крестьяне такие же люди, как и дворяне».

В отличие от французских просветителей, преклонявшихся перед Екатериной и видевших в ней идеального монарха, Новиков был свободен от ее идеализации и не обольщался относительно ее умения поддерживать о себе репутацию философа на троне.

Новиков, как, впрочем, и многие другие деятели российского Просвещения, был значительно сильнее в критике существовавших социально-политических порядков, чем в определении путей достижения идеального общественного строя. Здесь он находился в плену ложных представлений о том, что достаточно убедить монарха и помещиков в аморальности крепостничества и деспотизма, как те путем реформ сверху установят справедливые порядки.

Иную позицию среди русских просветителей занимал Яков Павлович Козельский. Сын сотника Полтавского полка, он после окончания университета при Академии наук в Петербурге был

преподавателем в кадетском корпусе, а затем секретарем одного из департаментов Сената. В противоположность тезису Руссо, разделяемому русскими просветителями консервативного и умеренного толка, о том, что «прежде должно учинить свободными души рабов, а потом уже тела», Козельский придерживался такой последовательности в осуществлении просветительских идеалов: «Выполировать народ иначе нельзя, как чрез облегчение его трудностей». Следовательно, распространению просвещения должны предшествовать перемены в социально-экономическом и правовом положении народа. Только в этом случае семена просвещения дадут обильные всходы.

Козельский призывал к порядкам, свойственным буржуазному обществу: он за сохранение мелкой частной собственности, при которой все люди будут равны и не станут «утеснять других», за обязательный труд для всех граждан, за равномерное распределение среди них богатства. Эталоном образцового государства с идеальными общественными порядками для Козельского была Голландия.

Оригинальные взгляды проповедовал выдающийся просветитель, философ и поэт Украины Григорий Саввич Сковорода (**1722—1794**). Выпускник Киевской академии, он сумел преодолеть схоластические премудрости, которым его там обучали.

Сковорода — автор многочисленных басен, песен, лирических стихотворений, в которых высмеивалась жадность старшины, разоблачалась социальная несправедливость, звучало требование просвещения для широких масс населения.

Идеи Просвещения проникали в эстонское общество. Здесь в 1766 г. начал издаваться первый на эстонском языке журнал «Краткое наставление», в котором наряду с медицинскими советами, статьями, осуждавшими пьянство, рекомендациями, как рационально вести хозяйство, высказывались призывы к распространению просвещения среди крестьян. Взгляды автора этих статей А.В. Хупеля не отличались последовательностью: он призывал крестьян к безоговорочному выполнению барщинных повинностей, защищал права помещиков на плоды труда крестьян.

Вторая половина XVIII в. выдвинула двух мыслителей, чьи *взгляды выходят за рамки идей Просвещения*: Михаила Михайловича Щербатова и Александра Николаевича Радищева. Оба они были дворянами, но занимали диаметрально противоположные позиции. Щербатов — идеолог консервативного дворянства, сторонник сохранения незыблемыми дворянских привилегий и крепостного права, сторонник монархии, но с широким привлечением к управлению дворянства, особенно его аристократической прослойки. Радищев, напротив, антикрепостник, враг сословных привилегий, защитник угнетенного крестьянства. Принципиальное его отличие от просветителей состояло в том, что он был сторонником не эволюционного, а революционного пути изменения социально-экономического строя и политических институтов.

Выходец из аристократического рода, высокообразованный публицист и историк, а также блестящий оратор, Щербатов вошел в историю общественно-политической мысли России как идеолог консервативного дворянства на той стадии существования этого сословия, когда оно начинало испытывать воздействие разложения феодально-крепостнической системы и пыталось противопоставить натиску товарного производства консолидацию своих рядов, добивалось не только сохранения, но и расширения сословных привилегий. Перу Щербатова принадлежат многочисленные публицистические отклики на современные ему события, но почти все они при его жизни остались неопубликованными. Следовательно, воздействие их на общественную жизнь было минимальным. Значительно большим было влияние его выступлений в Уложенной комиссии, где он представлял интересы дворян Ярославского уезда.

С трибуны Уложенной комиссии и в публицистических сочинениях Щербатов развивал два тесно связанных тезиса: необходимость сохранить господствующее положение в обществе дворян и оставить неизменными крепостнические порядки. Со всей страстью оратора он ополчился на Табель о рангах, введенную Петром I в годы, когда дворяне не могли обеспечить потребности армии, флота и канцелярии подготовленными людьми. Теперь, по мнению Щербатова, в этом надобность отпала. Особенно он протестовал против получения дворянских дипломов купцами и подрядчиками, которых он называл грабителями государственной казны, достойными «не дворянского звания, а виселицы». Если купцы и подрядчики, влившись в дворянское сословие, привносили в него «пронырство и корыстолюбие», то разночинцы — лесть, лицемерие, подхалимство, подлость. В итоге дворянство стало утрачивать моральный авторитет. Восстановить его можно двумя средствами: изгнанием из его рядов всех, кто получил диплом, пользуясь Табелью о рангах, и расширением привилегий столбовых дворян, в частности предоставлением им монопольного права замещения всех должностей в правительственном аппарате.

Щербатов — решительный противник ликвидации крепостнических порядков. Освобождение крестьян, по его мнению, повлечет множество невзгод: обретя свободу, они впадут «в обленчивость», станут заниматься разбоем, без помещичьего присмотра в крестьянских хозяйствах снизится урожайность, сократится рождаемость, поскольку крестьяне, освободившись от принуждения, не станут спешить обзаводиться семьей. Самым опасным результатом освобождения крестьян Щербатов считал разорение дворянства. Слабее станет и государство, ибо разорившиеся дворяне утратят значение его надежной опоры. Рассуждения дворянского идеолога венчает следующий вывод: «Оставим лучше крестьян в России в том состоянии, в котором они пребывают, в течение нескольких столетий».

Щербатов подвергал резкой критике деятельность Екатерины,

но в отличие от просветителей он критиковал ее с правых, консервативных позиций, обвиняя ее в деспотизме и безнравственности. В понимании Щербатова деспотизм императрицы проявлялся в намеренном ущемлении интересов дворянства ее доверенными лицами, которым она предоставила непомерно широкие полномочия. Таковы генерал-прокурор, командовавший Сенатом и подчинивший своей воле сенаторов, а также наместники, узурпировавшие права губернских корпораций дворян.

Представления об идеальном государстве Щербатов изложил в сочинении фантастического жанра — «Путешествие в землю Офирскую». В Офирской земле благоденствует высшее сословие общества — дворяне, в зависимости от древности рода поделенные «на четыре степени благородства». Они управляют страной совместно с монархом, обязанным повиноваться законам своей страны. Земля Офирская — прообраз России, реформированной в соответствии с идеями Щербатова.

Безнравственность императрицы раскрыта в памфлете Щербатова под характерным названием «О повреждении нравов в России». Обличительная сила дворцового разврата, показанного в этом сочинении, была такова, что оно было использовано Герценом в борьбе с самодержавием. Он впервые опубликовал его в 1858 г.

В отличие от Щербатова, чьи сочинения увидели свет после смерти автора и остались неизвестными современникам, Радищеву удалось напечатать свой главный труд. Современники проявляли живой интерес к «Путешествию из Петербурга в Москву», о чем свидетельствуют около 100 выявленных к настоящему времени рукописных экземпляров, в то время как печатных сохранилось только 15. Таков итог преследования запрещенной книги, изданной тиражом примерно в 650 экземпляров.

Особое место Радищева в истории общественно-политической мысли определяется тем, что он первым в России не только подверг уничтожающей критике феодально-крепостнические порядки, взятые в целом, т. е. экономический и социальный строй, а также политическую систему, но и обосновал путь ее уничтожения — через революцию.

Перу Радищева принадлежит множество сочинений: «Письмо другу, жительствующему в Тобольске», посвященное оценке деятельности «великого мужа» Петра I, «Житие Федора Васильевича Ушакова», «Записки путешествия в Сибирь», «Записки путешествия из Сибири», «Письмо о китайском торге» и др. Богатое литературное наследие позволяет восстановить систему воззрений Радищева. Образование он получил в Москве и Петербурге, а завершил в Лейпцигском университете.

Первую работу Радищев опубликовал в 1773 г. Это был перевод книги деятеля французского Просвещения Мабли «Размышления о греческой истории...» со своими комментариями. В них привлекает внимание определение деспотизма, отождествленного с само-

державием в России: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». В этот период Радищев придерживался просветительских взглядов. Но в «Письме к другу, жительствующему в Тобольске» (1782) Радищев сделал вывод: «Нет и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своея власти седяй на троне». Единственный путь достижения свободы для народа — революция, в результате которой появится свободный труженик, обрабатывающий принадлежащую ему землю.

Причиной всех бед крестьянина является рабство. Крепостной земледелец не был заинтересован ни в повышении производительности труда, ни в расширении производства. Чтобы принудить крестьянина к усердию, помещик прибегает к насилию, но цели не достигает, так как крестьянин работает «оплошно, лениво, косо и криво». Напротив, если бы земледелец был свободным собственником, человеком, заинтересованным в результатах своего труда, то он работал бы «с прилежанием, рачением, хорошо».

Низкую урожайность крестьянских и помещичьих нив Радищев объяснял не истощением почвы и природной леностью крестьян, а социальными условиями — отсутствием интереса к производительному труду. Крепостнический режим являлся причиной нищеты крестьян, высокой смертности среди них и сокращения рождаемости. Не случайно богатства крестьян накапливались не в земледелии, а в промыслах и торговле. Крепостничество, по мнению Радищева, опустошительнее войны, ибо война более или менее кратковременна, в то время как крепостное право «губит долговременно и всегда».

Венцом воплощения революционных идей Радищева являлось «Путешествие из Петербурга в Москву». Своеобразие этого сочинения состоит в том, что автор использовал форму путевых заметок. Название глав соответствует наименованию населенных пунктов, в которых размещались почтовые станции: Тосна, Чудово, Новгород, Клин, Тверь и др.

Впервые в литературе была создана галерея простых селян, изображенных с теплотой, глубоким сочувствием к их тяжелой доле. В главе «Любань» автор встретился с крестьянином, с «великим тщанием» обрабатывающим собственную пашню. Он трудился в воскресенье, потому что остальные шесть дней в неделю должен был возделывать барскую ниву. Глава «Едрово» повествует о крестьянской девушке Аннушке, несмотря на сиротство, бедность и крепостное состояние сохранившей гордость, достоинство и независимость. Она трудолюбива и «не знает еще притворства».

Помещики наделены отталкивающими чертами. Перед читателем предстает асессор, почитавший крестьян скотами. Он «корыстолюбив, копил деньги, жесток от природы, вспыльчив, подл, а потому над слабейшими его надменен». Доведенные до отчаяния издевательствами барина и его трех сыновей крестьяне «убили их

до смерти». В главе «Черная Грязь» выведен другой тип помещика, заставивший молодых людей вопреки их воле вступить в брак.

Революционным пафосом отличаются две главы. В одной из них, «Тверь», помещены отрывки из оды «Вольность», воспевающей свободу и революционную борьбу за нее. Призыв к революционной борьбе содержит и помещенная рядом с нею глава «Городня», в которой автор мечтает о том, чтобы рабы, «ярясь, в отчаянии своем, разбили железом, препятствующим их вольности, главы наши».

Призывы Радищева к революции, уничтожению крепостнических порядков и самодержавия принадлежали к утопическим. В тех исторических условиях отсутствовали силы, способные как совершить революцию, так и ликвидировать крепостнический режим и монархический строй. Не случайно поэтому взгляды Радищева не получили распространения среди современников.

§ 2. ПРОСВЕЩЕНИЕ И НАУКА

Просвещение относилось к той области культуры, где теоретические положения просветителей имели наибольшую возможность воплощаться на практике. Имеется в виду одно из краеугольных положений Просвещения — распространение образования.

В развитии просвещения России второй половины XVIII в. отчетливо прослеживаются две тенденции: первая проявлялась в существенном расширении сети учебных заведений; вторая выражалась в усилении влияния принципа сословности на постановку просвещения.

Согласно *Уставу народных училищ*, утвержденному в **1786 г.**, в каждом губернском городе учреждались главные училища с четырьмя классами, а в уездных городах — малые народные училища с двумя классами. В первых двух классах обучали чтению и письму, изучали священную историю. В двух старших классах изучали историю, географию, геометрию, механику, физику и т.д. В обоих типах училищ было введено предметное преподавание. В младших классах специальные часы отводились для штудирования сочинения «О должности человека и гражданина», опубликованного в 1787 г. по повелению Екатерины II. Мысли, внушаемые в нем учащимся, лучшим образом характеризуют социальную направленность образования и цель создания народных училищ. Книга требовала безоговорочного повиновения светским и духовным властям, а также помещику. Учащиеся должны были твердо усвоить мысль о том, что неверно считать благополучной жизнь только помещиков. «Граждане, ремесленники, поселяне, также наемники и рабы могут быть благополучными людьми».

Претворение Устава народных училищ обеспечило резкое увеличение числа народных школ. Если в 1782 г. в стране насчитывалось всего 8 школ с 518 учащимися, а в 1786 г. их было 165 с 11 088 учащимися, то в конце столетия —288 школ с 22 220 учениками.

Наряду с расширением сети народных школ, предназначавшихся для низших слоев общества, из которых, впрочем, крепостные крестьяне исключались, увеличивалось число сословных школ исключительно для дворян. В конце XVIII в. существовало 5 кадетских корпусов вместо одного в первой половине столетия. Новым типом учебного заведения для дворян являлись благородные пансионы.

Появление новых учебных заведений связано с деятельностью И.И. Бецкого, разделявшего идеи просветителей, которые он пытался претворить в жизнь. Основой его педагогических воззрений была глубокая вера в то, что «корень всему злу и добру — воспитание». Отсюда вытекала практическая задача — воспитать новую породу людей, причем воспитание должно было вестись в полной изоляции от окружающей среды, в том числе и семьи, с тем чтобы учащиеся не подвергались дурному влиянию. В училища принимались дети не старше 5—6 лет, они должны были находиться там 18—20 лет. Предполагалось, что воспитанные должным образом отцы и матери способны будут воспитывать в духе полученных навыков своих детей. Бецким было открыто училище при Академии художеств для мальчиков «всякого звания», кроме крепостных, реорганизованы сухопутный и морской кадетский корпуса, основан в Москве Воспитательный дом для незаконнорожденных и подкидышей, а также Коммерческое училище для воспитания новой породы людей из купечества.

Бецкий считал целесообразным организовать женское образование. Этот взгляд нашел воплощение в создании в 1764 г. в ближайшей к Петербургу деревне Смольной *Института благородных девиц*. При Смольном имелось мещанское отделение для девочек недворянского происхождения. В институте, помимо общеобразовательных дисциплин, воспитанниц обучали правилам поведения в семье и обществе, а также домоводству: кулинарии, шитью, уходу за детьми и т. д. Украинский просветитель Г.С. Сковорода тоже высказывался за равенство мужчин и женщин в получении образования.

Школы создавались и у народов Поволжья и Сибири. Они носили миссионерский характер и являлись орудием христианизации местного населения. Положительное их значение состояло в том, что они давали минимум общеобразовательных знаний, в них изучался русский язык. Наибольшего распространения просвещение достигло у татар. Школы содержались за счет населения, поэтому были платными и доступными только для зажиточных. Обучение в них сводилось к заучиванию текстов религиозных книг на арабском языке.

В Лифляндии и Эстляндии существовали церковно-приходские школы, где обучали детей крестьян умению читать. По-иному развивалась сеть школ на Украине: она не расширялась, как на других окраинах, а, напротив, сокращалась. В середине столетия

там существовали приходские и казачьи школы. В 80-х гг. в связи с закрепощением украинских крестьян происходило свертывание их деятельности.

С распространением образования тесно связано развитие *науки*. Необходимость познания законов природы и повышенный интерес к изучению ресурсов страны вызывались экономическими потребностями. Как и во второй четверти XVIII в., основным центром научной деятельности оставалась Академия наук. К ней прибавился новый учебный и научный центр — Московский университет, а также Горное училище в Петербурге (1773) и Российская академия (1783), занимавшаяся изучением русского языка и грамматики. Центром научной мысли и главным учебным заведением Левобережной Украины была Киевская академия — одно из старейших учебных заведений России. Среди ее слушателей были выходцы из Правобережной Украины, России и славянских народов, порабощенных османами.

В развитии отечественной науки выдающееся место занимал М.В. Ломоносов, а среди иностранных ученых — Л. Эйлер, вырастивший ученых из русских учеников. Среди них С.К. Котельников, разработавший вопросы теоретической механики и математической физики, С.Я. Румовский — основоположник отечественной астрономии.

Пристальным вниманием пользовалось изучение природных ресурсов страны. С этой целью была возобновлена практика организации *комплексных экспедиций*, обследовавших различные районы России. Всего было отправлено 5 экспедиций, объединенных общей целью и планом. Среди них экспедиция, руководимая солдатским сыном академиком И.И. Лепехиным. Ее маршрут пролегал от Москвы до Астрахани, а оттуда через Гурьев и Оренбург к горным заводам Урала и берегам Белого моря. Богатый материал собрал академик Н.Я. Озерецковский, путешествовавший по северу страны и району Ладожского озера. Опубликованные отчеты руководителей экспедиций содержат богатейший материал о флоре и фауне, реках, рельефе, описание городов и населенных пунктов с их достопримечательностями, экономической характеристикой районов и промышленных предприятий. Огромную научную ценность представляет этнографический материал, в том числе относящийся к народам Сибири, Севера, Кавказа и других районов: сведения об одежде, жилищах, обрядах, орудиях труда и др.

К академическим экспедициям примыкают экспедиции промышленных людей, отправлявшихся осваивать острова Тихого океана, а также берега Америки. Наряду с хозяйственным освоением новых земель и приведением в российское подданство местного населения экспедиции составляли более совершенные карты островов и обстоятельное описание их флоры и фауны. Среди исследователей выдающееся место занимает Г.И. Шелихов, составивший в

80-х гг. описание Алеутских островов и организовавший изучение и освоение Русской Америки (Аляски).

Заметные успехи прослеживаются в развитии медицины. Если во времена Петра I в России существовало единственное медицинское училище, то в конце столетия их стало три. Кроме того, в столице была открыта Медико-хирургическая академия, а при Московском университете — медицинский факультет.

Особо остро в России стояла борьба с эпидемиями оспы и чумы. В 1768 г. Екатерина пригласила в Россию английского медика и сама первой сделала прививку от оспы. Оспопрививание того времени (вариоляция) хотя и не избавляло от заболевания, но значительно сокращало число смертельных исходов. Мировое признание получили труды о чуме Д.С. Самойловича, являвшиеся итогом изучения свирепствовавшей в России эпидемии в 1770—1772 гг. Его вывод о том, что чума передается не по воздуху, а от соприкосновения, имел большое практическое значение, поскольку позволял наметить эффективные средства борьбы с эпидемией.

Вторая половина XVIII в. примечательна небывалым взлетом *технической мысли*. В 60-х гг. развернулась деятельность великого русского изобретателя И.И. Ползунова, прославившегося изобретением в **1764—1765 гг.** универсальной паровой машины, которой можно было приводить в действие любые заводские механизмы. Ползунову, таким образом, принадлежит честь первому открыть век пара — он это сделал на 20 лет раньше, чем Дж. Уатт. Машина Ползунова была пущена через несколько дней после его смерти, в 1766 г.

Другим крупным изобретателем этого периода был И.П. Кулибин, внесший огромный вклад в развитие технической мысли. Если изобретение Ползунова по распоряжению заводской администрации было уничтожено, то знаменитые часы «яичной фигуры» сохранились до наших дней. Кулибин в 1776 г. разработал проект одноарочного деревянного моста через Неву длиной в 298 м. Проект остался неосуществленным. Творческая мысль Кулибина охватывала разнообразные отрасли техники. Он разработал проекты «самобеглой коляски», протезов для инвалидов, прожектора, лифта и т. д.

Судьба изобретений, как и изобретателей, была одинаковой: оба закончили жизнь в нищете, а большинство их изобретений не получили применения и были забыты.

Значительный шаг вперед сделали *гуманитарные науки*: история, экономическая и правовая науки, языкознание и др. Вторая половина XVIII в. выдвинула ряд крупных историков — М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова, И.Н. Болтина и др.

Перу Щербатова принадлежит «История Российская от древнейших времен», доведенная им до 1613 г. Автор не владел необходимыми знаниями для написания такого сочинения, поэтому оно содержало много неточностей хронологического, географического

и этнографического характера. Особое место в развитии русской исторической науки занимает Болтин, автор «Примечания на историю древния и нынешния Россия г. Леклерка». Французский медик Леклерк после 10-летнего пребывания в России, вернувшись на родину, написал сочинение, изобилующее клеветническими выпадами и вымыслами на Россию и русский народ. Болтин подверг «Историю» Леклерка подробному разбору, «чтобы уличить и устыдить наглого ее сочинителя». Труд Болтина обогатил отечественное источниковедение. Его призывы к критическому отношению к источнику, к точности в изложении фактов и описании событий не утратили значения и поныне.

Впервые в исторической науке появляются труды по истории отдельных отраслей хозяйства. К ним относится «Историческое описание Российской коммерции» из 21 книги, в котором опубликованы важные статистические материалы и извлеченные из архивов документы о состоянии торговли и промышленности, а также относящиеся к экономике законодательные акты. Большой вклад в агрономию внесли труды А.Т. Болотова.

Во второй половине XVIII в. зарождается историческое краеведение. Его родоначальниками считаются «архангелогородский гражданин» В.В. Крестинин, написавший ряд работ по истории Поморья, и П.И. Рычков, автор истории Оренбургского края, в которой помещены ценные сведения по истории и этнографии башкир. Исторические сочинения появляются и на Украине: «Черниговского наместничества топографическое описание» А.Ф. Шифонского и др.

Распространению исторических знаний способствовала публикация документов и исторических сочинений. Щербатов в 1767 г. опубликовал открытую Татищевым «Русскую Правду», а в 1770—1772 гг. «Журнал, или Поденную записку имп. Петра Великого». Обширную библиотеку с публикациями документов создал Н.И. Новиков. Второе издание его «Древней Российской Вивлиофики» состояло из 20 томов источников: грамот великих князей, дипломатических документов, отрывков из летописей, родословных дворянских фамилий и др.

§ 3. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Литература второй половины XVIII в. оставалась по преимуществу дворянской. Среди низов городского населения и в крестьянской среде были распространены устные сочинения народной поэзии, а также разнообразные повести, входившие в состав рукописных книг. Жизнь крепостных крестьян отразил «Плач холопов», появившийся среди крепостных в 1767—1768 гг., т. е. накануне крестьянской войны. В сочинении описано бесправие крепостного крестьянина, глумление над ним барина; жалобы на неправый суд завершаются угрозой «злых господ под корень пере-

водить». Появляется множество сатирических повестей, пародирующих царский суд, солдатскую службу, волокиту в правительственных инстанциях.

Печатная литература второй половины XVIII в. представлена тремя направлениями. Первое из них — *классицизм* воплотился в творчестве А.П. Сумарокова, перу которого принадлежат, кроме множества лирических и сатирических стихотворений, 9 трагедий и 12 комедий. Он признан создателем репертуара русского театра.

Сумароков по своим идейно-политическим взглядам примыкал к консервативному лагерю. Как и Щербатов, он считал дворянство первенствующим сословием в государстве, а крепостное право незыблемым институтом русской жизни. Вместе с тем он выступал противником церковного суеверия и домостроевского уклада семейной жизни, был сторонником женского образования. Свой долг писателя он видел в просвещении дворянства.

Герои его трагедий либо добродетельны, и он им симпатизирует, либо отталкивающе безобразны. Таким выведен герой трагедии «Дмитрий самозванец». Как положительные, так и отрицательные герои Сумарокова выглядят не живыми людьми, а резонерами, изъясняющимися выспренным языком.

Комедии Сумарокова, как и трагедии, выполняли воспитательные функции, они были нацелены на исправление нравов и устранение человеческих пороков («Опекун», «Лихоимец», «Рогоносец по воображению» и др.).

Другим направлением в русской литературе было начинавшее оформляться *художественно-реалистическое*. Здесь самый крупный след оставил Д.И. Фонвизин — автор комедий «Бригадир» и бессмертного «Недоросля».

Комедии Фонвизина внешне схожи с сочинениями классицизма: в них 5 актов, соблюдено единство места и времени. Соответствуют требованиям классицизма имена действующих лиц: фамилиях заложена их характеристика. Присущим стилю классицизма положительным персонажам присвоены фамилии Правдина и Стародума, а отрицательным героям — Простаков, Вральман, Кутейкин, Скотинин. Однако содержание комедий отходит от канонов классицизма: в них выведены не отвлеченные действующие лица, наделенные либо пороками, либо добродетелями, а живые люди, художественно обобщенные характеры, порожденные крепостнической действительностью. В «Недоросле» представлена галерея действующих лиц, воспитанных в условиях крепостного рабства: дикая крепостница Простакова, находящийся под ее пятой супруг, наконец, лица, причастные к воспитанию Митрофанушки: гувернер Вральман, недоучившийся семинарист Кутейкин, солдат Цифиркин и др. Проблема воспитания, являвшаяся ведущей в системе воззрений просветителей, волновала и Фонвизина, считавшего, что корень зла в воспитании.

Объективное значение комедий Фонвизина выходит за рамки

бичевания недостатков воспитания, они обличают пороки крепостничества, допускавшего бесчеловечное обращение с крестьянами. В уста идеального дворянина Стародума Фонвизин вкладывает слова: «угнетать рабством себе подобных беззаконно».

Язык героев комедии индивидуализирован, а художественная обобщенность ее столь велика, что Митрофанушка стал нарицательным именем, а некоторые выражения комедии приобрели значение поговорок («не хочу учиться, хочу жениться» «убояся бездны премудрости» и др.).

Третье направление известно под именем *сентиментализма.* Приверженцы сентиментализма показывают чувства рядового человека, иногда ничем не выделяющегося. В психологических романах и повестях сентименталисты изображали интимную жизнь, семейный быт. В их произведениях герои уходят от общественной деятельности, уединяются на лоне природы.

Для сентиментализма характерна идиллическая картина сельской жизни: барин проявляет отеческую заботу о крестьянах, а те отплачивают ему уважением и послушанием. Тем самым затушевывались социальные противоречия эпохи и рабское положение крепостного крестьянина. Вместе с тем у сентименталистов крестьяне обладают теми же душевными качествами, что и дворяне. Самым крупным представителем этого направления был Н.М. Карамзин, а самым значительным его сочинением — повесть «Бедная Лиза».

В основу повести положен сентиментальный вымысел об отношениях между бедной крестьянской девушкой Лизой и молодым офицером Эрастом. Идиллические отношения завершаются трагедией: соблазненная Лиза кончает жизнь самоубийством.

Русская *живопись* во второй половине XVIII в. вступила в новый этап своего развития. Он характеризуется прежде всего совершенствованием портретной живописи. Портреты, выполненные русскими художниками, стояли на уровне лучших образцов мировой живописи. Новшество состояло в появлении ранее почти отсутствовавших жанров: пейзажей, полотен на сюжеты из отечественной истории, картин с бытовыми сюжетами.

Расцвет портретной живописи был обусловлен многочисленными заказами двора, вельмож и дворян, стремившихся запечатлеть себя для потомков. Одни художники, потакая вкусам и запросам именитых заказчиков, создавали напыщенные, изысканно величавые образы, часто сильно отличающиеся от оригиналов. Другие пытались показать личность, какой она была, передать правду образа, неповторимые черты человеческой индивидуальности.

Ремесло художника не считалось престижным, поэтому их ряды пополнялись преимущественно представителями непривилегированных сословий: солдатскими и купеческими детьми, выходцами из духовенства и даже крепостных крестьян. Творческий путь большинства из них был сходен. Обучение живописи они начинали

в Академии художеств, открытой широко образованным ревнителем распространения просвещения И.И. Шуваловым в 1757 г., затем совершенствовали свои навыки в Париже или Риме, после чего возвращались на родину.

Среди портретистов выделялись три великих мастера: Ф.С. Рокотов, Д.Г. Левицкий и В.Л. Боровиковский. Рокотов положил начало новому этапу в изображении человеческой личности в живописи. Им выполнены парадные портреты Екатерины, ее сына Павла, вельмож, но не эти работы прославили художника. Мастерство его проявилось в небольших по размерам интимных портретах ничем не примечательных людей, так что до сих пор не удалось установить, кто изображен на некоторых из них. Художник предстает тонким психологом, умевшим передать душевные переживания человека,— для него главным было отражение душевного состояния.

Сын священника, Левицкий родился на Украине. Его отличает умение передать внешнее сходство модели в сочетании с ее психологическим образом. Кисти Левицкого принадлежит портрет знаменитого Д. Дидро, выполненный во время пребывания последнего в России. Художник сумел создать образ мыслителя: высокий лоб, проницательный взгляд выразительных глаз. Он же выполнил серию портретов смолянок — воспитанниц Смольного института благородных девиц. В этих портретах он не повторяется — в каждом из них нашел способ изобразить индивидуальность, непосредственность и обаяние девушек.

Примечателен портрет П.А. Демидова, крупного уральского промышленника, прославившегося своими чудачествами. Демидов изображен не в парадном мундире и парике, а в халате, с колпаком на голове. Оригинален и интерьер — Демидов опирается на лейку, рядом на столе лежат луковицы каких-то растений, а в глубине расположены горшки с цветами. Все это придает портрету интимность.

Вершина портретного мастерства достигнута в работах Боровиковского, родившегося на Украине в семье казака. Начинал он церковным иконописцем. На него обратила внимание Екатерина: он в 1783 г. украшал в Кременчуге дворец, предназначавшийся для коронованной путешественницы. Знамениты его женские портреты Н.А. Нарышкиной, М.А. Орловой и др. Хрестоматийную известность приобрел его поэтичный и женственный портрет М.И. Лопухиной.

Среди портретистов — выходцев из крепостной среды — выделяется крепостной Шереметева И.П. Аргунов. Семья Аргуновых подарила русской культуре ряд незаурядных мастеров — архитекторов и живописцев. И.П. Аргунов писал портреты по заказам друзей и знакомых Шереметева. Позировать крепостному художнику баре считали ниже своего достоинства, и он писал портреты либо по памяти, либо имея под рукой портреты, выполненные

другими мастерами. Он не приукрашивал изображаемые лица. Среди работ Аргунова выделяется портрет крестьянки с типично русским приветливым лицом в национальной одежде. Положение крепостного художника лишало его возможности полностью посвятить себя творчеству.

Другой крепостной художник, принадлежавший Потемкину, Михаил Шибанов, положил начало жанровой живописи в России. Его кисти принадлежат картины из крестьянской жизни, условия которой были ему хорошо известны. В картине «Крестьянский обед» запечатлен эпизод повседневной жизни крестьянской семьи: усталые лица, натруженные руки, скудная трапеза. В другой картине — «Сговор» отображена праздничная сторона крестьянского быта: жених, невеста и все присутствующие нарядно одеты, на лицах радость по случаю ожидаемого свадебного торжества.

Родоначальником пейзажа был С.Ф. Щедрин, сын солдата Преображенского полка. Он изображал парковый ландшафт Павловска и Петергофа. Сын солдата Семеновского полка М.М. Иванов писал виды Крыма и Грузии, т. е. областей, присоединенных к России. Ему принадлежат и батальные сцены: «Вид Очакова» во время осады русскими войсками, «Вид Бендер» и др.

Сын купца Г.И. Угрюмов запечатлел события из русской истории и ее героев: Александра Невского, Минина и Пожарского, избрание Михаила Романова на царствование и др.

Значительных успехов достигла еще одна отрасль изобразительного искусства — появляются мастера резца, первые отечественные *скульпторы*, сразу же занявшие почетное место в мировом искусстве. Среди них выделяются двое: Ф.И. Шубин, представлявший реалистическое направление в скульптуре, и М.И. Козловский, родоначальник русского классицизма.

Шубин был выдающимся мастером скульптурного портрета, создателем галереи деятелей второй половины XVIII в. Здесь портреты императрицы и ее фаворитов: Орлова, Зубова, Потемкина; представителей просвещенной знати: Голицыных, Шереметевых, Шуваловых; полководцев Чернышова и Румянцева; богатых купцов и промышленников Барышникова и Демидова. Проницательный глаз художника умел обнаружить и передать в мраморе характерные черты модели. Именно поэтому каждый портрет Шубина отличается неповторимой индивидуальностью: художник передал волевое лицо полководца Чернышова, тупую и самодовольную физиономию брата фаворита Екатерины В.Г. Орлова, надменное и жестокое лицо красавицы М.Р. Паниной. Особенно примечательны каждый по-своему два портрета: вдохновенное и обаятельное лицо гениального ученого, друга и земляка М.В. Ломоносова и уродливая, жалкая физиономия Павла I: скошенный лоб, выпуклые глаза, приплюснутый нос и выдающаяся вперед челюсть.

Если портреты Шубина обнаруживают сходство с моделью, то Козловский не стремился достичь такого сходства, главную свою

задачу он видел в раскрытии образа средствами, которыми пользовались ваятели Древнего Рима.

В памятнике А.В. Суворову, выполненному при жизни полководца, скульптор передал символические черты образа. В соответствии с канонами классицизма он героизирован и идеализирован: национальный герой представлен столь же отважным, как и благородным. Воин облачен в римскую одежду и доспехи.

Еще более аллегорична скульптура «Самсон, раздирающий пасть льва», предназначенная для Петергофа. День св. Самсона падает на 27 июня, когда в 1709 г. в решающем сражении под Полтавой русские войска разгромили шведов. Лев — герб Швеции. Могучая фигура Самсона олицетворяла победоносную Россию, одолевшую хищного льва.

Из иностранных ваятелей крупнейшим был француз Этьен Фальконе. В Россию он прибыл в 1766 г., будучи зрелым мастером, но именно здесь в полной мере раскрылся его незаурядный талант. В Петербурге он пробыл 12 лет, напряженно работая над созданием памятника основателю Российской империи — Петру Великому. В «Медном всаднике» передан образ гениального царя-преобразователя, указывающего путь обновленной России, столь глубоко и выразительно, что скульптура и в наши дни является одним из символов города. Памятник покоится на монолитной гранитной глыбе, составляющей единое целое с всадником и поднятым на дыбы конем.

В *архитектуре* на смену *русскому барокко*, отличавшемуся блеском и роскошью, приходит *классицизм*, использовавший античное наследие. Его отличает простота, четкое сочетание архитектурных членений, подчиненность второстепенных элементов главному, наличие портиков и колоннад. В стиле классицизма возводились столичные ансамбли, загородные дворцы, общественные здания в провинциях, жилые постройки в мелкопоместных усадьбах.

Архитектуру России второй половины XVIII в. прославили выдающиеся мастера В.И. Баженов, М.Ф. Казаков, И.Е. Старов.

Баженов уже в годы обучения в Париже и Риме приобрел репутацию выдающегося зодчего, он был избран академиком Флорентийской и Болонской академий, а Римская академия присудила ему звание профессора. Наиболее знаменитое творение Баженова — сооруженный в 1784—1786 гг. в Москве Пашков дом (старое здание библиотеки им. В.И. Ленина), являющийся и в настоящее время украшением столицы. Построенное на холме сказочное здание отличается легкостью, изяществом и великолепно вписывается в находящийся рядом кремлевский ансамбль. В Москве сохранилось еще несколько зданий Баженова. Проект Михайловского (Инженерного) замка в Петербурге тоже был разработан Баженовым, но его строительство в 1797—1800 гг. осуществлено архитектором Бренной.

Трагически сложилась судьба крупных проектов Баженова. Он разработал грандиозный проект Кремлевского дворца, строительство которого вскоре после закладки — в 1775 г.— было прервано,

вероятно в связи с опустошением казны. Так же плачевно закончилось строительство другого детища Баженова — дворца в подмосковной деревне Царицыно. Почти завершенный ансамбль, сооружению которого архитектор посвятил 9 лет, в 1785 г. по приказанию Екатерины разрушили. Это была месть императрицы за близость зодчего к Н.И. Новикову.

Творений Казакова сохранилось значительно больше. Он создавал сооружения самого разнообразного назначения. К серии построек для общественных нужд относится величественное здание Сената в Кремле, здание Голицынской больницы (1-я Градская больница), здание Благородного собрания (Дом союзов) с его знаменитым колонным залом, предназначавшимся для балов и собраний московского дворянства; сооружал Казаков и усадебные комплексы. К ним относится дом Губина (Институт физиотерапии), дом Демидовых (Институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии); Казаков проектировал также строительство церквей, из которых наиболее известна церковь митрополита Филиппа в Москве.

Старов работал преимущественно в Петербурге. Им построен собор в Александро-Невской лавре, являвшийся мавзолеем над гробницей Александра Невского. Главным сооружением Старова был Таврический дворец — архитектурный памятник величию России и ее победам в русско-турецкой войне.

Примечательной чертой зодчества второй половины XVIII в. является стремление изменить облик городов, стихийную их застройку заменить планомерным созданием городских ансамблей. Учрежденная в 1762 г. «Комиссия строительства столичных городов» распространила свою деятельность не только на Петербург и Москву, но и провинцию, утвердив планы 213 городов. Примером новой планировки города может служить Тверь. Условия для придания ей черт регулярного города создал грандиозный пожар 1763 г., практически уничтоживший старые постройки. Новый план предусматривал систему площадей, прямых и широких улиц, чтобы придать городу определенную цельность и симметричность.

Однако основное внимание правительства было приковано к Петербургу и отчасти к Москве, где сооружались правительственные и общественные здания, корпуса учебных заведений, больниц, богаделен, гостиных дворов и т. д. В Петербурге вдоль набережной Невы были построены здания Академии художеств и Академии наук. Адмиралтейскую часть столицы украсили грандиозный Гостиный двор и др. Набережные Невы одели в гранит, была сооружена решетка Летнего сада. Монументальные сооружения Москвы пополнились Воспитательным домом.

§ 4. БЫТ

Самое существенное изменение в быту населения России второй половины XVIII в. состояло в том, что он в рамках даже одного сословия *становился более дифференцированным*. Общность быта всех

крестьян определялась схожестью производственной деятельности, а также социальных отношений — все они, независимо от принадлежности к разрядам, подвергались феодальной эксплуатации. Но в быту крестьян все резче проявлялись различия, обусловленные тем, относились ли они к разряду государственных или владельческих.

Но и уклад жизни помещичьих крестьян, а они составляли во второй половине XVIII в. больше половины сельского населения (53%), не был единообразным — определяющее влияние здесь оказывали формы феодальной ренты: жизнь барщинного крестьянина протекала под бдительным надзором помещика и вотчинной администрации, властно вторгавшимися не только в хозяйственную деятельность, но и семейные отношения. Оброчный крестьянин в этом плане располагал большей свободой, иногда он жил за пределами вотчины, не занимаясь земледелием.

Особую категорию крепостных крестьян составляли дворовые, удовлетворявшие разнообразные потребности барина. Уклад жизни дворни существенно отличался от жизни остальной массы крепостных.

На быт крестьян также оказывали влияние протекавшие в деревне социальные процессы: жизнь капиталистого крестьянина, нередко лишь формально принадлежавшего к своему сословию, а фактически давно порвавшего с земледелием и с деревней, резко отличалась от жизни прочих крестьян. Иногда капиталистый крестьянин сам владел крепостными, его уклад жизни приобретал черты помещичьего быта. Таковы крестьяне графа П. Шереметева Е. Грачев и Г. Бутримов. Первый в 1784 г. владел 161 д.м.п., а второй 73 крепостными, купленными на имя барина. О богатстве капиталистых крестьян свидетельствует размер уплачиваемого оброка, достигавшего нескольких сотен рублей, а также сумма выкупного платежа за обретение свободы. Грачев уплатил Шереметеву 135 тыс. руб. деньгами, уступил ему фабрику, оцененную в 47 885 руб., и крестьян — в 543 300 руб.

Наконец, быт крестьян, как и прочих социальных слоев феодального общества, подвергался воздействию национального и религиозного факторов. Вековые традиции быта народов Сибири, Прибалтики, Поволжья, Украины, Белоруссии имели свою специфику.

Основной производственной ячейкой сельского и городского населения оставалась семья. Отношения между ее членами строились на обычном праве. Старший по возрасту мужчина, как и раньше, являлся главой семьи. Он руководил ее производственной деятельностью, определял последовательность работ, распоряжался трудовыми ресурсами и семейно-брачными отношениями.

Ритм крестьянской жизни определялся циклом сельскохозяйственных работ. Самым напряженным считалось время весеннего сева, сенокоса и жатвы. Зимой объем работ значительно сокращался —

шел ремонт инвентаря, телег, саней, изготовлялись колеса, а также выполнялись всякого рода мирские работы: ремонт дорог, мостов, колодцев, мирской избы и т.д. Все это не требовало больших трудовых затрат, в семье появлялись лишние рабочие руки, которые ее глава отправлял либо в извоз, либо плотничать, либо шить шубы и кафтаны. Весной все члены семьи, занимавшиеся отхожим промыслом, возвращались в свои деревни.

Женская половина семьи зимние месяцы проводила более напряженно: с утра до вечера они пряли и ткали полотно, шили белье. Девушки готовили для себя приданое: вышивали полотенца, платки, подолы рубашек.

После ужина начиналось веселье: пение песен, отгадывание загадок, катание на качелях, а также с горок, покрытых льдом. Деревня знала множество песен: хороводных, свадебных, величальных, предназначаемых для стариков, для женатых и замужних, для вдовых мужчин и женщин, по случаю свиданий и расставаний и т. д.

Глава семьи представлял ее интересы перед внешним миром: на мирском сходе, при распределении угодий, он отвечал за исправное несение государственных и владельческих повинностей.

Семейно-брачные отношения среди крестьян оставались почти неизменными. Хотя указ Петра I отдавал вопрос о создании семьи на усмотрение вступавших в брак, практически он, как и раньше, в большинстве случаев решался без учета их желания. В создании семьи участвовало несколько сторон, чьи интересы далеко не всегда совпадали.

В появлении новой семьи был заинтересован помещик, ибо создавалось тягло, т. е. новая единица обложения повинностями. Именно поэтому помещик сам или через приказчиков бдительно следил, чтобы парни не засиживались в женихах, а девушки в невестах. Если девушку своевременно не выдавали замуж, то ее родители должны были платить помещику штраф. Граф Шереметев распорядился не отпускать на заработки взрослых крестьян, не вступивших в брак. Если эти средства давления не приносили желаемых результатов, то помещик, правда, реже, нежели прежде, сам создавал брачные пары, не считаясь ни с волей родителей, ни с чувствами будущих супругов.

В женитьбе сына были заинтересованы его родители: с появлением невестки семья приобретала дополнительную рабочую единицу. Чтобы заполучить ее, иногда женили 12—15-летнего сына на вполне взрослой девушке или даже вдове. Противоположных взглядов придерживались в семье невесты — там стремились попридержать дочь, поскольку лишались работницы. Потери, связанные с уходом девушки в чужую семью, компенсировали получением за невесту выкупа, иногда достигавшего нескольких десятков рублей, что препятствовало заключению брака.

Наконец, к созданию семьи были причастны сами брачующиеся, с желанием которых считались более, чем ранее, но не всегда оно

было решающим. В итоге часто создавалась семья с отсутствием благоприятных условий как для производственной деятельности, так и прироста населения. Последнее обстоятельство приобрело значение общегосударственной проблемы, о чем свидетельствует записка М.В. Ломоносова «О сохранении и размножении российского народа», в которой он предлагал «вредное приумножению и сохранению народа неравенство супружества запретить».

Подавляющее большинство селян, как и в предшествующих столетиях, жило в курных избах. Живучесть традиций топить по-черному объяснялась экономическими причинами — для отопления по-белому требовалось в два раза больше дров. А так как пила еще не проникла в крестьянское хозяйство, и дрова, от рубки деревьев до разделки их на поленья, заготавливали топором, то это отнимало у крестьян массу сил и времени.

В XVIII в. в конструкции изб произошло несколько существенных изменений. Одно из них состояло в том, что в избах, сооружаемых в центральных районах страны, появились деревянные полы. Появление пола означало шаг вперед как в гигиеническом отношении, так и для сохранения тепла. Другим новшеством было появление потолка, вызвавшее изменения в расположении окон. В предшествующее время три окна избы располагались не на одном уровне: среднее пробивалось выше двух крайних и выполняло функции дымохода. В связи с устройством потолка дым стелился равномерно по всей избе и надобность в устройстве окна на высоком месте фронтона отпадала. Для вытягивания дыма из избы использовались дымоводы. В зажиточных семьях стали появляться «косящатые окна» — застекленные рамы, прикрепляемые к срубу при помощи косяков.

Новое прослеживается и в конструкции печи, которую стали использовать не только для обогрева и приготовления пищи, но и как лежанку — поверх глиняного остова печи сооружались дощатые настилы, на которых, как правило, спали старики. Интерьер избы помимо печи составляли полати — помост для сна, сооружаемый на уровне печи. Зимой под полатями держали появившийся на свет молодняк — овец и телят. По периметру стен закреплялись лавки, предназначавшиеся как для сиденья, так и сна. Над лавками крепились полки для хранения мелких предметов.

Затхлый воздух избы, огромная скученность и скудное питание вызывали высокую смертность сельского и городского населения. До трехлетнего возраста, как считал Ломоносов, умирало 4/5 младенцев. Статистика воспитательного дома в Москве свидетельствует, что смерть уносила там до 18—20-летнего возраста 85% воспитанников. Главными виновниками детской смертности были оспа и корь. Много детских жизней уносил обычай погружать детей в холодную воду во время крещения. Ломоносов называл попов «палачами затем, что желают после родин и крестин вскоре и похороны для своей корысти».

Крепостное население в подавляющей массе оставалось неграмотным — ни государство, ни помещики не помышляли об организации школ для детей крепостных крестьян. Лишь отдельные помещики содержали школы, и то исключительно для детей дворовых — из их числа барин комплектовал вотчинную администрацию, а также готовил доморощенных юристов, представлявших его интересы в правительственных учреждениях, использовал в оркестрах и собственных театрах. Относительно высоким был удельный вес грамотных среди государственных крестьян. В некоторых уездах Поморья каждый четвертый-пятый крестьянин владел грамотой. Успех в распространении грамотности очевиден, если учесть, что в XVII в. грамотных там было 2—4%.

Наряду с семьей огромное влияние на жизнь сельского населения оказывала община. Она выступала хранительницей традиций повседневной жизни селян, касались ли они хозяйственной деятельности, внутрисемейных отношений или повинностей в пользу помещика и государства. Община выполняла также административно-полицейские и судебные функции. Наконец, община являлась носительницей общественного мнения, создавая основанную на обычном праве нравственную атмосферу.

Важнейшей функцией общины являлись ежегодно производимые уравнительные переделы земли, учитывавшие часто менявшиеся трудовые ресурсы семьи, связанные со смертью работника, возмужанием малолетнего, приходом невестки и т. д. С уравнительным землепользованием, т. е. стремлением создать членам общины равные условия для хозяйственной деятельности, была связана чересполосица: каждый землепользователь получал участки одинакового качества земли, разделенной на три категории с учетом отдаленности каждого участка от места жительства.

В сохранении хозяйственной жизнеспособности каждой крестьянской семьи интересы общины совпадали с интересами помещика: община была заинтересована в сохранении способности ее членов платить подушную подать, а помещик — выполнять владельческие повинности. Община по собственной инициативе или по принуждению помещика следила за хозяйственной состоятельностью своих членов, не допуская их до разорения. В случае пожара, падежа скота, смерти кормильца община оказывала помощь попавшему в беду односельчанину.

В компетенцию мирского схода входила разверстка рекрутской повинности. При решении этого вопроса мирской сход стремился пожертвовать такими членами общины, избавление от которых не наносило ей существенного ущерба: в рекруты определяли недоимщиков и лиц, зарекомендовавших себя лодырями, пьяницами. Мирской сход, кроме того, принимал меры и по отношению к нерадивым хозяевам, осуждая их за леность и мотовство. Мирской сход разбирал множество казусов повседневной жизни крестьян: регулировал споры о межах, о разделе имущества

между наследниками, разбирал ссоры и драки, определял меру наказания, которую тут же на сходе приводили в исполнение. На мирском деревенском сходе особым авторитетом пользовались голоса умудренных опытом «лутчих стариков».

Община представляла замкнутую сословную организацию, в частности, отвечала за то, чтобы никто из посторонних (беглые крестьяне, рекруты, матросы, солдаты) не проживал на ее территории.

Помимо деревенской общины, объединявшей население деревни, существовала волостная община, в которую входили крестьяне нескольких деревень, составлявших вотчину. Если в деревенской общине был выборный староста, то волостная община имела более сложную организацию. Возглавлял ее бурмистр, отвечавший за безнедоимочное выполнение государственных и владельческих повинностей. Вторым лицом в волостной общине являлся староста, обязанность которого состояла в созыве волостных мирских сходов и определении вопросов, выносимых на их обсуждение. Он же отвечал за своевременный сбор денег в мирскую казну. Волостная община избирала нескольких целовальников: один из них ведал сбором подушной подати, другой — сбором оброчных денег помещику, третий — сбором хлеба в магазины на случай неурожая. Община держала посыльного и сторожа.

Перечисленные должностные лица находились на иждивении общины. На сходах волостной общины верховодили зажиточные селяне. Если общинники черносошного Севера называли таких крестьян горланами, то в общинах центра страны они известны под именем крикунов.

Общинное самоуправление было подвластно помещику. Это выражалось в том, что помещик санкционировал выборы должностных лиц, а также приговоры волостных сходок. В некоторых оброчных вотчинах помещик предпочитал не создавать вотчинной администрации, всецело полагаясь на органы общинного самоуправления.

Общинные порядки консервировали традиционно сложившиеся отношения в деревне. Они пытались держать хозяйство крестьян примерно на одном уровне. Этого община достигала переделами земли, круговой порукой, мирской помощью, организацией рекрутской повинности. Именно поэтому капиталистые крестьяне накапливают капиталы за пределами общины, вне сферы ее досягаемости. Вместе с перечисленными негативными свойствами община несла позитивное начало, выполняя функции социальной защиты крестьянина от посягательств внешнего мира.

Среди производительного населения в XVIII в. быстро растет новая прослойка — работные и мастеровые люди мануфактур. Их уклад жизни отличался пестротой, обусловленной отраслью промышленности и местом нахождения мануфактур: суконные и шелковые предприятия размещались в городах, в то время как

металлургические и стекольные заводы возводились у источников сырья. Персонал первого типа мануфактур в подавляющем большинстве случаев не имел собственных жилищ и не был связан с сельским хозяйством, а второго — жил семьями и не порывал с земледелием. Многие семьи мастеровых и работных людей уральских заводов возделывали пашню, и все без исключения разводили скот и занимались огородничеством.

Общим для всех мастеровых и работных людей была фиксированная продолжительность рабочего дня. По адмиралтейскому регламенту она зависела от времени года: с 10 марта по 10 сентября удар колокола, извещавший о начале работы на мануфактуре, раздавался в 4 часа 30 минут утра, а об окончании работы — в 7—8 часов вечера. На обеденный перерыв отводилось 2,5 часа. В остальные месяцы рабочий день начинался за час до восхода солнца и заканчивался через час после его заката с двухчасовым перерывом на обед. Таким образом, рабочий день продолжался 13, 5 часов в светлую половину года и 11, 5 часов в темные месяцы.

Источником существования работников мануфактур являлось жалованье. Оно было столь ничтожным, что его недоставало на содержание работного человека, не говоря уже о членах семьи. Большинство работных и мастеровых людей крупнейшей в Москве мануфактуры — Суконного двора, где было занято в 1771 г. свыше 1200 человек, не имели семьи, а также и средств, чтобы снять комнату или угол, и ютились в здании самого предприятия, спали рядом со станами, на которых работали. Правительство в документе, относящемся к 1741 г., признавало, что «очень срамно было видеть, что большее число мастеровых и работных людей так ободранно и плохо одето находятся, что некоторые из них насилу и целую рубаху на плечах могут иметь». Три десятилетия спустя жизнь мастеровых и работных людей оставалась такой же беспросветной. В 1771 г. в связи с эпидемией чумы доктор И. Кулманн, обследовавший Суконный двор, отметил, что высокая смертность работников объяснялась чрезвычайно «худым» состоянием пищи, «особливо при ужасно нечистом их образе жизни».

Положение работных людей на уральских заводах было более сносным, так как ресурсы семьи пополняли продукты животноводства и огородничества.

На мануфактурах широко применялся женский и детский труд, а также труд подростков. Последним на частных заводах Урала платили вдвое меньше, чем взрослым. Только в начале 60-х гг. велено было подросткам старше 15 лет платить, как взрослым.

На мануфактурах царил такой же произвол, как и в крепостной вотчине. Там, где господствовал принудительный труд, мануфактурист распоряжался судьбами работных и мастеровых людей так же бесконтрольно, как помещик своими крепостными,— любая оплошность работника влекла телесное наказание или вычет из жалованья. Главным средством наказания наемных работников являлись штрафы.

Дифференциация быта четко обозначилась и среди дворянства. Во второй половине XVIII в. усилилась тяга к роскоши, к изысканному столу, к неизвестным ранее наслаждениям и развлечениям. Возможность удовлетворить их была различной у такого богача, как Н.П. Шереметев, владевшего в конце столетия 198 785 крепостными обоего пола, и у безвестного помещика, довольствовавшегося где-либо в глухомани 10—15 душами. Богатые помещики разъезжали в дорогих, выписанных из-за рубежа каретах, одевались в мундиры и фраки, сшитые самыми модными портными европейских столиц, употребляли изысканные блюда и напитки, тоже доставленные из-за границы, их прихоти мгновенно готовы были удовлетворить множество слуг, облаченных в роскошные ливреи. Содержание дворни, достигавшей 300—500 человек, являлось одной из самых значительных статей расхода. Каждое из многочисленных блюд готовил отдельный повар, за столом прислуживало десяток-полтора официантов, знатный барин имел своего парикмахера, портных, башмачников и др.

Во второй половине XVIII в. модной стала роговая музыка, оркестр состоял из 40—60 музыкантов, каждый из них извлекал из своего инструмента единственную ноту. Столь же модным считалось иметь в усадьбе свой театр. Под Москвой существовало несколько усадеб, принадлежавших баснословно богатым вельможам. Таковы усадьбы в Архангельском, Кускове, Останкино, Нескучном саду и др. Если усадьба в Архангельском приобрела репутацию музея, то главной достопримечательностью Останкино был театр, труппа которого насчитывала свыше 300 актеров: музыкантов, певцов, танцовщиков.

Вельможам подражали помещики средней руки и тоже заводили у себя роговую музыку и театры, причем сами определяли актерские способности своей дворни. А.В. Суворов писал управляющему: «Васька комиком хорош; но трагиком будет лучше Никитка. Только должно ему научиться выражению, что легко по запятым, точкам, двоеточиям, восклицательным и вопросительным знакам».

Некоторые вельможи держали открытый стол — каждый дворянин, даже незнакомый, мог воспользоваться гостеприимством хозяина и отобедать у него. Хлебосольство русских бар приобрело европейскую известность. Один иностранец заметил, что можно было объехать всю страну, не издержав ни одной копейки на провизию.

Вельможа лето проводил в окружении семьи на лоне природы — в усадьбе. День барина начинался распоряжениями дворецкому, старостам, приказчику. Остальное время он проводил праздно: на охоте, рыбной ловле, принимая гостей, выезжая в гости, за пустой болтовней. Обед продолжался часа три, за ним следовал десерт, называвшийся заедками.

Зимние месяцы обеспеченный барин проводил в столицах — в Москве или Петербурге. С наступлением санного пути туда двигался

огромный обоз, нагруженный всякой снедью: замороженными поросятами, гусями, утками, маслом, мешками с мукой и крупами. Через несколько дней за обозом со снедью следовал обоз, доставлявший в столицу барина и его семью. Месяцы пребывания в столице представляли сплошной праздник. Устраивались балы, званые обеды, маскарады, из-за стола с карточной игрой вставали, только чтобы пообедать и отдохнуть. Держать шутов и дураков считалось теперь дурным тоном, приличным почитали развлекаться в театрах, которых в Москве в конце века существовало 15, из них 14 частных. По четвергам приезжали в Благородное собрание, куда одни вывозили в свет невест, а другие подыскивали выгодные партии для сыновей.

Выше речь шла о богатых дворянах, сытую жизнь которых обеспечивали тысячи крепостных. Таких было немного. Три пятых помещиков владели менее чем 20 крепостными д.м.п., и только у 16% их насчитывалось свыше 100 д.м.п. Совершенно очевидно, что размер получаемой ренты не позволял мелкопоместным дворянам жить в роскоши: их хоромы мало чем отличались от крестьянской избы, в них было два покоя, отделенных друг от друга сенями, а все убранство составляли сколоченные из досок лавки и стол. Такой дворянин разъезжал в сооруженной доморощенными мастерами колымаге, употреблял незамысловатую, но обильную пищу, у него не было возможности следить за модой и в соответствии с ее веяниями менять гардероб.

Столь же разительно отличалось воспитание и образование: если представители дворянской элиты держали гувернеров и гувернанток, а также нанимали учителей, платя им крупные по тем временам суммы в 300—500 руб. в год, то мелкопоместный дворянин обучал детей грамоте силами своей семьи или привлекал для этой цели священнослужителей и отставных солдат. Вслед за домашним образованием богатый барин пристраивал свое чадо в частный пансион губернского города, а затем — в сословное учебное заведение в столице, в то время как образование отпрыска мелкопоместного дворянина ограничивалось чаще всего главным училищем губернского города.

Современники, прошедшие школу домашнего воспитания, единодушны в оценке педагогического мастерства наемных учителей. В их роли сначала выступали немцы, а затем эмигранты-французы, большинство из которых были людьми невежественными. Главным средством поощрения усердия учеников у них были розги. Память дворянских мемуаристов запечатлела жестокие истязания, которым в детстве их подвергали заезжие учителя.

На уклад жизни дворян оказывали влияние не только размеры земле- и душевладения, но и происходившее во второй половине XVIII в. расширение их привилегий. При Петре Великом, когда служба дворян была обязательной и бессрочной, дворяне проводили время либо в казармах, либо в канцеляриях гражданских учреж-

дений. В усадьбах они появлялись наездом. Поэтому постоянными жителями деревни были либо увечные, либо старики, неспособные к дальнейшей службе.

Положение резко изменилось после опубликования Манифеста о вольности дворянской, проведения Екатериной II областной реформы и обнародования Жалованной грамоты дворянству. Во-первых, изменился возрастной состав провинциального дворянства: в усадьбах стали оседать полные сил дворяне, либо воспользовавшиеся правом уходить в отставку, либо перешедшие на службу в уездные и губернские учреждения, штаты которых сильно разбухли после областной реформы. Во-вторых, в губерниях и уездах были созданы сословные корпорации дворян: раз в три года они съезжались в уездные и губернские города для избрания должностных лиц в сословные учреждения и предъявления своих претензий правительству.

Контакты, установленные во время дворянских съездов, продолжали поддерживаться и в остальное время. Прежняя замкнутость исчезала, в обычай вошли взаимные визиты; помещик два-три раза в году отправлялся в путешествие по округе, чтобы навестить не столько близлежащих соседей, с которыми он, как правило, находился в ссоре из-за порубки леса или спорной межи, сколько помещиков, чьи владения были от него удалены.

В массе своей дворянство не отличалось ни образованностью, ни высокой духовной культурой. Значительная часть его паразитировала, прожигала жизнь, оставляя после себя долги и расстроенное хозяйство. В то же время из дворянской среды вышли М.М. Щербатов и А.Т. Болотов, Д.И. Фонвизин и А.Н. Радищев, Г.Р. Державин и А.П. Сумароков, а сыновья этого поколения дворян стали декабристами.

Быт купечества отличался своеобразием. Главное состояло в том, что духовный облик подавляющего большинства богатых купцов значительно отставал от их материального достатка. Отсюда чувство власти денег сочеталось с чувством сословной неполноценности. Другая черта быта купечества состояла в его подражании быту дворянства.

Купцы в Уложенной комиссии безуспешно требовали себе шпагу, т. е. дворянских привилегий. Дворянского статуса они не получили, но зато они могли воспользоваться, не спрашивая на то разрешения, всем, что предоставляли им деньги: носить дорогие шубы, сооружать пышные хоромы, содержать богатый выезд. Все это уживалось с грубостью нравов, невежеством, мотовством и стремлением обмануть покупателя.

Слабая изученность купеческого быта принуждает ограничиться иллюстрацией жизни богатого дмитровского купца А.И. Толченова, оставившего дневник с описанием множества бытовых деталей. В городе он слыл заметной фигурой не только среди купечества, избравшего его своим депутатом в Уложенную комиссию, но и среди

представителей вельможного дворянства. Его дом не считали зазорным навещать князья и воеводы, оказавшиеся в Дмитрове церковные иерархи и даже московский губернатор. В этом сказывалась власть денег, в значительной степени сметавшая сословные предрассудки и дворянскую спесь. Но в самом факте регистрации подобных визитов проглядывает сознание неполноценности и стремление подчеркнуть свою значимость упоминанием фамилий родовитых визитеров.

Личность Толченова является скорее исключительной, чем ординарной. Его интересы выходят за рамки сведений о ценах на хлеб, торговлей которым он занимался. Потребности Толченова не замыкаются торговыми сделками, кругом семьи и родственников, ежедневными посещениями церкви. Его взволновала культурная жизнь столиц, в каждый свой приезд в Москву или Петербург он навещал музеи, книжные лавки, посещал театры, осматривал достопримечательности.

Поражает общность судьбы купца Толченова с судьбами многих дворян, особенно вельмож: достигнув богатства, он перестал заниматься делом, передоверив торговые операции приказчикам. Капитал его стал таять из-за праздной жизни и непроизводительных расходов: он построил лучший в городе дом, воздвиг огромную оранжерею, пожертвовал деньги на постройку придела в церкви, приобрел паникадило для нее. Немалые суммы он проигрывал в карты. Если, однако, промотавшимся вельможам протягивало руку помощи государство, то разорившийся купец уходил в безвестность.

В заключение приведем пространную выдержку из записок графа Сегюра, в 1785—1789 гг. занимавшего пост французского посла при Екатерине Великой. Наблюдательный дипломат обратил внимание на контрастные черты быта населения столицы империи: «Петербург предоставляет уму двойственное зрелище; здесь в одно время встречаешь просвещение и варварство, следы X и XVIII веков, Азию и Европу, скифов и европейцев, блестящее гордое дворянство и невежественную толпу. С одной стороны, модные наряды, богатые одежды, роскошные пиры, великолепные торжества, зрелища, подобные тем, которые увеселяют избранное общество Парижа и Лондона; с другой — купцы в азиатской одежде, извозчики, слуги и мужики в овчинных тулупах, с длинными бородами, с меховыми шапками и рукавицами и иногда с топорами, заткнутыми за ременные пояса.

Богатые купцы в городах любят угощать с безмерной и грубой роскошью; они подают на стол огромнейшие блюда говядины, дичи, рыбы, яиц, пирогов, подносимых без порядка, некстати и в таком множестве, что самые отважные желудки приходят в ужас.

Русское простонародье, погруженное в рабство, не знакомо с нравственным благосостоянием; но оно пользуется некоторою степенью внешнего довольства, имея всегда обеспеченное жилище, пищу и топливо; оно удовлетворяет своим необходимым потребностям и не испытывает страданий нищеты».

Глава XXI

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

§ 1. ТЕРРИТОРИЯ, НАСЕЛЕНИЕ И ЕГО СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

К началу XIX в. Россия представляла собой огромную континентальную страну, занимавшую обширную площадь Восточной Европы, Северной Азии и часть Северной Америки (Аляску и Алеутские острова). За первую половину XIX в. ее территория увеличилась с 16 до 18 млн. кв. км за счет присоединения Финляндии, Царства Польского, Бессарабии, Кавказа, Закавказья и Казахстана.

По данным 1-й ревизии (1719), в России насчитывалось 15,6 млн. чел. обоего пола, по 5-й (1795) —37,4 млн., а по 10-й (1857) —59,3 млн. (без Финляндии и Царства Польского). Естественный прирост населения в первой половине XIX в. составлял около 1% в год, а средняя продолжительность жизни —27,3 года, что вообще было характерно, как показывают зарубежные демографические расчеты, для «стран доиндустриальной Европы». Низкие показатели продолжительности жизни обусловливались высокой детской смертностью и периодическими эпидемиями. Более 9/10 населения России проживало в сельской местности. По переписи 1811 г., городское население насчитывало 2765 тыс. человек, а по переписи 1863 г.—6105 тыс., т. е. за полвека оно увеличилось в 2,2 раза. Однако удельный вес его по отношению ко всему населению возрос за это время незначительно — всего с 6,5 до 8%. Численность самих городов за полвека возросла с 630 до 1032. Однако среди них преобладали небольшие города: в начале XIX в. из 630 городов 500 насчитывали менее 5 тыс. каждый и только 19— свыше 20 тыс. жителей. Такое соотношение между мелкими и крупными городами практически сохранялось и к началу 60-х годов XIX в. Самыми крупными городами являлись обе «столицы» — Петербург и Москва. Численность Петербурга за первую половину XIX в. возросла с 336 до 540 тыс., а Москвы — с 275 до 462 тыс. человек. Многие города представляли собой фактически большие села, жители которых занимались земледелием на отведенных городам землях, отчасти торговлей и мелкими промыслами. В это время официальное разделение поселений на города и села производилось по административному признаку. Поэтому было немало крупных торгово-промышленных селений, которые по характеру занятий жителей и даже по внешнему виду были настоящими городами (как, например, крупное фабричное село Иваново, которое по числу жителей превосходило даже губернский город

Владимир). Такими промышленными селами были Павлово, Кимры, Городец, Вичуга, Мстёра. Однако они продолжали оставаться на положении сел, ибо в большинстве своем принадлежали крупным помещикам-магнатам — Шереметевым, Паниным, Голицыным, Юсуповым, Воронцовым. Право помещиков на владение такими селами тормозило процесс городообразования. Так, село Иваново получило статус города лишь в 1871 г., когда оно окончательно освободилось от всех своих обязательств по отношению к его бывшему владельцу графу Шереметеву.

В административном отношении европейская часть России делилась на 47 губерний и 5 областей (Астраханская, Таврическая, Кавказская, земля Войска Донского и земля Войска Черноморского). В дальнейшем численность губерний увеличилась за счет деления некоторых из них и присоединения новых территорий. Области Астраханская и Таврическая получили статус губерний. Сибирь по административному делению 1822 г. была разделена на Тобольскую, Томскую, Омскую, Иркутскую, Енисейскую губернии и Якутскую область. В 50-х годах XIX в. образованы еще Камчатская, Забайкальская, Приморская и Амурская области.

К середине XIX в. вся Россия состояла из 69 губерний и областей, каждая из которых подразделялась на уезды (на Украине и в Белоруссии — поветы). В среднем на губернию приходилось по 10—12 уездов. Каждый уезд состоял из двух станов во главе со становыми приставами. Некоторые группы губерний были объединены в генерал-губернаторства и наместничества. В европейской части России в генерал-губернаторства были объединены три литовские (Виленская, Ковенская и Гродненская) губернии с центром в Вильне и три Правобережной Украины (Киевская, Подольская и Волынская) с центром в Киеве. Закавказские губернии составляли Кавказское наместничество. Генерал-губернаторство Сибири в 1822 г. было разделено на два — Восточно-Сибирское с центром в Иркутске и Западно-Сибирское с центром в Тобольске. Статус генерал-губернаторств имели столичные губернии — Московская и Петербургская. На юге России в начале XIX в. были образованы 5 градоначальств (административно-территориальные единицы, включавшие города и прилегающие к ним территории) в Одессе, Таганроге, Феодосии, Керчи, Измаиле. Они выделялись из губерний и подчинялись непосредственно Министерству внутренних дел, управлялись градоначальниками с правами губернатора.

Для феодального общества характерно деление его на сословия — социальные группы, обладающие разными правами и обязанностями, закрепленными обычаями или законами и, как правило, передающимися по наследству.

Сословный строй России первой половины XIX в. получил свое оформление, как уже было сказано ранее, еще в начале XVIII в., когда окончательно утвердилось и деление населения на привилегированные и податные сословия.

Высшим привилегированным сословием являлось *дворянство*. В законе говорилось: «Дворянство — ограда престола, важнейшее орудие правительства. Для него отверсты в отечестве нашем все пути чести и заслуг». Дворянство состояло из двух категорий — «дворянства потомственного» и «дворянства личного». Потомственное дворянство передавалось по наследству и приобреталось «по рождению» (по происхождению), «по выслуге» (начиная с 8-го класса по Табели о рангах Петра I), «монаршей милостью» (царским пожалованием за какие-либо заслуги) и «пожалованием российского ордена» (дававшим право на получение дворянского достоинства). Статус российского потомственного дворянства получили (точнее, сохранили) дворяне присоединенных к России Финляндии, Польши, Закавказья. Личное дворянство приобреталось путем выслуги с 12-го ранга на гражданской и 14-го на военной службе.

Потомственные дворяне обладали исключительным правом владения крепостными крестьянами, неприкосновенностью дворянского достоинства, освобождением от обязательной службы, от подушной подати и прочих повинностей (натуральных и денежных), освобождением от телесных наказаний («телесное наказание да не коснется благородного»), преимуществом при чинопроизводстве, при получении образования (причем специально для дворян в закрытых учебных заведениях), монопольным правом на наиболее доходные промышленные производства (например, монополия на винокурение), правом иметь свои дворянские корпоративные учреждения (уездные и губернские дворянские выборные органы), наконец, правом поступать на службу к союзным с Россией государствам, получать ордена, свободный выезд за границу. Личные дворяне обладали привилегиями дворян потомственных, кроме права владения крепостными крестьянами.

Петровская Табель о рангах, дававшая возможность приобретать потомственное или личное дворянство путем выслуги, способствовала притоку в дворянство представителей других сословий. К 1825 г. таких дворян в составе российского дворянства было уже 54%.

Личные дворяне жили в основном за счет жалованья за военную и гражданскую службу. Этими же источниками дохода пользовались многие потомственные дворяне, среди которых не все были помещиками. По данным ревизии 1833 г., из 127 тыс. семей потомственных дворян крепостными крестьянами владели 109 тыс. Большинство их (76 тыс., или 70% к поместному дворянству) относилось к числу мелкопоместных, т. е. владевших каждый менее 21 д.м.п. крестьян. Крупных помещиков, владевших каждый свыше 1 тыс. д.м.п., насчитывалось 3,7 тыс. (или 3%), но у них находилось в общей сложности 5120 тыс. д.м.п. крепостных крестьян, т. е. более половины их общего числа. Среди этих помещиков выделялись такие крупные магнаты, как Шереметевы, Юсуповы, Воронцовы, Гагарины, Голицыны, владевшие каждый десятками тысяч крепост-

ных крестьян и сотнями тысяч десятин земли. К середине XIX в. во всей Российской империи (включая Польшу, Финляндию и Закавказье) числилось 887 тыс. дворян обоего пола, из них 610 тыс. потомственных и 277 тыс. личных.

Привилегированным сословием являлось *духовенство,* освобожденное от всех податей, рекрутской повинности и от телесных наказаний (более подробные сведения о положении духовенства см. в главе XXVI).

При Петре I оформился сословный статус *купечества,* которое первоначально состояло из двух гильдий, а с 1775 г. — трех гильдий. Купечество освобождалось от подушной подати (вместо нее платило в казну гильдейский взнос в размере 1% с объявленного им капитала) и телесных наказаний, а купцы 1-й и 2-й гильдий также освобождались и от рекрутчины. Сословный статус купца всецело зависел от его имущественного состояния: в случае разорения и банкротства он утрачивал свой статус. По данным Министерства финансов, численность купцов за 1801—1851 гг. возросла со 125 до 180 тыс. душ.м.п.

В 1832 г. была образована новая привилегированная сословная категория — *почетные граждане* двух степеней (*потомственных* и *личных*), которым предоставлялись привилегии: освобождение от рекрутчины, телесных наказаний, от подушной подати и других государственных повинностей. В категорию почетных граждан, чье звание передавалось по наследству, попадали купцы первой гильдии, ученые, художники, дети личных дворян и духовенства, имевшего образовательный ценз. В личные почетные граждане попадали чиновники до 12-го ранга и дети духовенства, не имевшего образовательного ценза.

Основную массу непривилегированных (податных) сословий составляли *крестьяне* трех основных категорий: *государственные* (или казенные), *владельческие* (помещичьи) и *удельные* (принадлежавшие царской фамилии).

Помещичьи крестьяне были самой многочисленной категорией. Перед отменой крепостного права их насчитывалось 23,1 млн. чел. обоего пола, в том числе 1467 тыс. дворовых и 543 тыс. приписанных к частным заводам и фабрикам. Удельный вес крепостных крестьян составлял в то время 37% ко всему населению империи. Основная масса крепостных крестьян проживала в центральных губерниях, а также в Литве, Белоруссии и на Украине, где они составляли от 50 до 70% населения. Совсем не было крепостных крестьян в Архангельской губернии, а в Сибири их насчитывалось всего 4,3 тыс. чел., в основном дворовых. Крепостные крестьяне фактически находились в полной зависимости от владельцев, которые могли сдавать их без очереди в рекруты, ссылать в Сибирь, наказывать («без увечья»), отнять у них все их достояние, а самих крестьян продавать, дарить, закладывать в кредитные учреждения, передавать по наследству. Словом, крепостное право в России превратилось в

вещное право и достигло такого развития, что мало чем отличалось от рабства.

Положение государственных крестьян было несколько лучше, чем помещичьих. Они принадлежали казне и назывались «свободными сельскими обывателями». В составе государственных крестьян находились и однодворцы — потомки служилых людей, размещенных главным образом в Курской, Орловской и Воронежской губерниях, где находились охраняемые ими засечные черты. Уже при Петре I на них наложили подушную подать и заставляли отбывать рекрутскую повинность, а при Николае I у них отобрали принадлежавшие им 23 тыс. д.м.п. крепостных крестьян, но своими земельными участками они продолжали владеть на правах собственности. Всех категорий государственных крестьян по 10-й ревизии (1857) насчитывалось около 19 млн. чел. обоего пола. Основная масса государственных крестьян была сосредоточена в северных и центральных губерниях России, на Левобережной и Степной Украине, в Поволжье и Приуралье. Помимо подушной подати государственные крестьяне платили еще и денежный оброк в казну. Ранее их могли путем «пожалований» перевести в разряд помещичьих. Александр I хотя и прекратил с 1801 г. практику раздачи казенных крестьян в частные руки, но не оградил от других форм закрепощения: перевода в военные поселяне, передачи в удельное ведомство. В Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине сотни тысяч государственных крестьян были сданы в аренду. Арендаторы широко практиковали в своих имениях барщину и эксплуатировали этих крестьян не менее жестоко, чем помещики своих крепостных.

«Промежуточное» положение между государственными и владельческими занимали удельные крестьяне. Это бывшие дворцовые крестьяне, которые с 1797 г. получили название удельных, когда был создан для управления ими Департамент уделов. С 1800 по 1858 г. численность удельных крестьян возросла с 467 тыс. до 838 тыс. д.м.п. «Удельные крестьяне,— говорилось в законе,— находятся в том же отношении к императорской фамилии, как помещичьи к помещикам». Помимо уплаты подушной подати, отбывания рекрутчины и других государственных повинностей, удельные крестьяне платили также оброк в пользу императорской фамилии за предоставленные им в пользование наделы.

Другим податным сословием были *мещане* — лично свободное (бывшее посадское) население городов, обязанное платить подушную подать, отбывать рекрутчину и прочие денежные и натуральные повинности. Сам термин «мещане» официально был принят в 1775 г. и произошел от польского слова «място» (город). В 1811 г. мещан числилось 703 тыс., а в 1858 г.—1890 тыс. обоего пола. Не все принадлежавшие к этому сословию жили в городе. Выкупившиеся на волю крестьяне, желавшие перейти в сословие мещан, обязы-

вались приписаться к какому-либо уездному городу, но обычно они продолжали проживать в своем прежнем селении.

Существенное место в социально-сословной структуре населения России занимали *казачество* и *разночинцы*. Казачество составляло полупривилегированную военизированную категорию, в которой все мужское население в возрасте с 18 до 50 лет считалось военнообязанным, составляя иррегулярную конницу. Несение военной службы освобождало казачество от рекрутчины, подушной подати и других повинностей. По закону каждая «ревизская душа» (м.п.) получала надел в размере 30 десятин. Однако эта норма, особенно в старых, более густо заселенных казачьих округах, не соблюдалась. В первой половине XIX в. казачество состояло из Донского, Черноморского, Терского, Оренбургского, Уральского и Сибирского войсковых округов.

Термин «разночинец» появился в начале XVIII в. Тогда к таковым относили «разных чинов» людей, составляющих особую служилую группу населения, лично свободную, но не принадлежавшую ни к податным, ни к привилегированным сословиям. В первой половине XIX в. разночинец — это в первую очередь образованный интеллигент, выходец из мещанства, духовенства, деклассированного дворянства, деятель науки, литературы и искусства. К середине XIX в. разночинцев в России насчитывалось 24 тыс. чел.м.п. Отметим, что не все разночинцы — «деятели передового общественного движения». Подавляющая их часть верно служила престолу.

§ 2. КРИЗИС КРЕПОСТНИЧЕСТВА

В первой половине XIX в. Россия продолжала оставаться преимущественно аграрной страной с экстенсивным характером развития земледелия. С 1802 по 1860 г. посевная площадь возросла с 38 до 58 млн. десятин (на 53%), а валовые сборы хлебов — со 155 до 220 млн. четвертей (на 42%, в одной четверти насчитывалось от 7 до 10 пудов). Если учесть и естественный прирост населения, то в расчете на 1 душу количество производимых хлебов оставалось почти на одном уровне.

Господствующей системой земледелия было традиционное *трехполье* — яровые, озимые, пар. В северных губерниях страны при обилии лесных угодий и недостатке пахотных земель существовала *подсечно-огневая* система земледелия в соединении с трехпольем. Трудоемкость работ при подсеке вознаграждалась высокой урожайностью без внесения удобрений в течение 3—6 лет: она была в 7 раз выше, чем на обычных землях. Затем по мере истощения отведенного под подсеку участка он использовался для сенокоса, а позже снова запускался под лес. В южных степных районах с обширными земельными пространствами и относительно редким населением применялась *залежно-переложная* система, когда земля в течение нескольких лет подряд использовалась под пашню без

внесения удобрений, а затем «запускалась» под залежь на 15—20 лет.

Среди сельскохозяйственных культур преобладали «серые» хлеба: рожь, ячмень, овес. В центрально-черноземных губерниях, в Среднем Поволжье и в южной степной полосе значительный удельный вес составляли посевы пшеницы, которая в большей своей части шла на продажу. С 40-х годов XIX в. в центральных губерниях расширяются посевы картофеля, а в южных — посевы сахарной свеклы, использовавшейся на сахарных заводах.

Важнейшей отраслью сельского хозяйства являлось животноводство. Оно носило преимущественно «натуральный» характер, т. е. скот разводился главным образом «для домашнего употребления», а не на продажу. Товарное животноводство имело место в Ярославской, Костромской, Тверской, Вологодской и Новгородской губерниях.

В первой половине XIX в. расширяются посевы технических культур (льна, конопли, табака и пр.), вводится плодосменная система с травосеянием, заменяющая традиционное трехполье. Внедряются технически более совершенные сельскохозяйственные орудия и механизмы — молотилки, веялки, сеялки, жатки. Некоторые нередко конструировали крестьяне-самоучки. Государство через общества сельского хозяйства, устройство выставок, издание агрономической литературы поощряло введение этих новшеств.

Применялся и *наемный труд* в земледелии. По данным статистики 50-х годов XIX в., на сельскохозяйственные работы уходило 700 тыс. человек, преимущественно в южную степь, в Заволжье, частью в Прибалтику.

Расширялись *аренда и покупка земли* крестьянами. К середине XIX в. среди государственных крестьян насчитывалось 268 тыс. земельных собственников, в среднем на каждого приходилось по 4 дес. купленной земли. Помещичьими крестьянами только в девяти центральных губерниях было приобретено (на имя помещиков) до 270 тыс. десятин. Около 140 тыс. десятин купленной земли принадлежало 17 тысячам удельных крестьян.

В конце XVIII — начале XIX в. формируются *очаги торгового земледелия:* в степной части юга России и в Заволжье складываются районы зернового хозяйства и тонкорунного овцеводства, в Крыму и в Закавказье — центры виноградарства и шелководства, в нечерноземных губерниях — районы торгового льноводства, конопле-водства, хмелеводства, а около крупных городов и промышленных центров — торговое огородничество. Крупным центром торгового огородничества являлся Ростовский уезд Ярославской губернии. Пойменные земли около озера Неро вблизи Ростова стали «колыбелью русского огородничества». В Богородском и Бронницком уездах Московской губернии возник район торгового хмелеводства, охватывавший 142 селения. В 40-х годах XIX в. здесь выращивалось до 10 тыс. ц хмеля, значительная часть которого шла на экспорт. В Московской, Ярославской, Тверской и Нижегородской губерниях

возникли центры торгового луководства, табаководства, птицеводства и мясо-молочного хозяйства. Однако удельный вес предпринимательского сельского хозяйства был тогда еще невелик.

Помещичье хозяйство, втягиваясь в товарно-денежные отношения, постепенно теряло свой натуральный характер. С этим было связано и изменение форм феодальной ренты, наметившееся еще в предшествующее время. В *центрально-промышленных* губерниях накануне отмены крепостного права на оброке находилось 67% помещичьих крестьян, а в губерниях с развитым промысловым отходом (Ярославской и Костромской) на оброк было переведено 80—90% крестьян. Наоборот, в *земледельческих центрально-черноземных, средне- и нижневолжских* губерниях, производивших товарную продукцию, до 80—90% находилось на *барщине*. В целом же за первую половину XIX в. удельный вес барщинных крестьян увеличился с 56 до 71%. Расширение барщины было обусловлено, с одной стороны, ростом производства в помещичьем хозяйстве хлеба на продажу, с другой — еще недостаточным промышленным развитием страны, ее аграрным характером.

Дальнейшее расширение барщинной формы эксплуатации крестьянства в дореформенной России вполне совмещалось с возникновением кризисных явлений в крепостном хозяйстве, что нашло свое выражение в неуклонном падении производительности барщинного труда. По мере превращения крестьянского хозяйства из натурального в мелкотоварное крестьянин, борясь за наиболее благоприятные условия своего хозяйствования, все сильнее тяготился господской работой и откровенно саботировал ее. Помещики постоянно жаловались на «лень» и «нерадение» мужика. Конечно, при трудолюбии русского крестьянина «лень» и «нерадение» он проявлял не к своей, а к господской, подневольной работе. Наиболее дальновидные помещики видели отрицательные стороны подневольного труда, более высокую производительность труда наемного. Но осознание этого еще отнюдь не означало их желания, да и возможности, заменить крепостной труд наемным. На данном этапе, когда рынок рабочей силы был еще узок и наем требовал от помещика значительных затрат, все еще было выгоднее использовать даровой крепостной труд, чем заменить его дорогостоящим наемным.

Помещики изыскивают средства повысить доходность своих имений в привычных рамках крепостных отношений: они вводят систему «брат на брата» (когда в семье одна половина работников всецело занята на барщине, а другая полностью освобождена от нее), «урочную» систему (т. е. определенные нормы дневной выработки на барщине — «урок»), иногда практикуют частичную оплату барщинных работ или переводят крестьян на «месячину», когда крестьянам, лишенным земельных наделов и обязанным все рабочее время находиться на барщине, выдается плата натурой в виде месячного продовольственного пайка, а также одежда, обувь, необ-

ходимая утварь, при этом помещичье поле обрабатывается господским инвентарем. Однако все эти меры интенсификации барщины не могли возместить возраставшие потери от падения производительности барщинного труда.

Серьезные трудности в предреформенные десятилетия переживали и оброчные помещичьи имения. Распространение с конца XVIII в. в нечерноземных губерниях крестьянских неземледельческих промыслов, которые вначале, еще при недостаточном их развитии, оплачивались сравнительно сносно, явилось определяющим фактором перевода крестьян на оброк и стремительного роста его размеров. Возросли тогда и доходы оброчных помещичьих имений. Это было время возведения роскошных помещичьих усадеб. Однако дальнейшее развитие этих промыслов, породившее конкурентную борьбу между ремесленниками, а также рост фабричной промышленности, подорвавшей многие традиционные крестьянские промыслы, привели к сокращению заработков крестьян, что отразилось на их платежеспособности, а следовательно, и доходности помещичьих имений. Дальнейший нажим помещиков на крестьян еще более подрывал платежные возможности оброчной деревни. С 20-х годов XIX в. повсеместно растут недоимки по уплате крестьянами оброка, превышающие в два-три и более раз годовые оброчные оклады.

Некоторые помещики стремятся повысить доходность своих имений, применяя новые методы ведения сельского хозяйства: вводят многопольный севооборот, приглашают из-за границы специалистов-фермеров, выписывают дорогостоящие сельскохозяйственные машины, удобрения, новые сорта семян, улучшенные породы скота и пр. Но это было по плечу только богатым помещикам. Бум «рационализаторства» приходится на 20—30-е годы XIX в., когда проявился кризис крепостного хозяйства и «рационализация» его была одной из попыток преодолеть этот кризис. Однако рационализаторские опыты в условиях крепостной России терпели неудачу и еще более разоряли помещиков-«новаторов». Даже прославившееся своими достижениями калужское имение помещика Полторацкого Авчурино, куда другие помещики ездили знакомиться с новыми методами ведения хозяйства, не окупало себя и могло существовать как опытное только потому, что у его владельца были другие имения, работавшие на Авчурино. Но и это «показательное» хозяйство, по словам одного из современников, «исчезло как блестящий феномен в сельскохозяйственном мире, оставив по себе грустные развалины напрасно затраченных трудов и капитала». Попытка помещиков ввести новую агротехнику при сохранении старых, феодальных основ была бесперспективной. Для крестьян это выливалось в усиление феодальной эксплуатации, что обостряло социальные отношения в деревне.

К показателям кризисного состояния помещичьего хозяйства в предреформенные десятилетия относится рост задолженности

помещичьих имений. Еще в конце XVIII в. помещики стали влезать в долги, закладывая свои «крепостные души» в кредитных учреждениях. К началу XIX в. в залоге находилось не более 5% крепостных крестьян, к 30-м годам — уже 42%, а к 1859 г.—65%. Основная масса помещиков тратила полученные ссуды непроизводительно. К моменту отмены крепостного права долги помещиков государственным кредитным учреждениям составили свыше 425 млн. руб. Они в два раза превысили годовой доход в государственном бюджете. Это опровергает тезис П.Б. Струве о «процветании» крепостного хозяйства накануне реформы 1861 г.

Кризис помещичьего хозяйства во второй четверти XIX в. в России выражался в том, что дальнейшее его развитие на крепостной основе становилось уже невозможным. Кризис феодализма в России не следует рассматривать как проявление упадка и регресса. Регрессировало и приходило в упадок помещичье хозяйство, базировавшееся на крепостном труде. В целом же и в экономике, и в социальных отношениях несомненны были важные прогрессивные сдвиги, но они происходили на базе не крепостного, а мелкотоварного и капиталистического производства. Чем сильнее разлагалась феодально-крепостническая система хозяйства, тем больше условий создавалось для развития новых производственных отношений. В этом смысле разложение и кризис феодализма следует признать явлением не только закономерным, но и прогрессивным.

§ 3. НАЧАЛО ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА

Новый, капиталистический способ производства формировался прежде всего в промышленности. Для России первой половины XIX в. было характерно широкое распространение *мелкой,* преимущественно *крестьянской, промышленности.* В сфере обрабатывающей промышленности, изготавливавшей главным образом предметы массового потребления, мелкие крестьянские промыслы по объему продукции в стоимостном выражении занимали господствующее положение. В 50-х годах XIX в. на долю мелких крестьянских промыслов приходилось $^{4}/_{5}$ обрабатывающей промышленности.

Многие традиционные крестьянские промыслы, имевшие многовековую историю (ткачество, обработка кож, изготовление домашней утвари, посуды, несложных орудий крестьянского труда, дерево- и металлообрабатывающие), стали интенсивно развиваться в конце XVIII — первой половине XIX в., что обусловливалось ростом общественного разделения труда, углублением хозяйственной специализации отдельных регионов страны и усилением обмена между ними. Крестьянское хозяйство все более утрачивало свой натуральный характер и укрепляло связи с рынком: если раньше предметы домашнего обихода крестьянин изготовлял в своем хозяйстве, то теперь он их стал приобретать на рынке. Возникли и новые виды промыслов: шелкоткачество, изготовление галунов и

позументов, орденских лент, кружевное дело во многих селениях Подмосковья, ювелирное дело в селах Красном и Сидоровском Костромской губернии, литографирование лубочных картин в известном владимирском центре иконописания — слободе Мстёра.

Наиболее широкое распространение мелкая крестьянская промышленность получила в *центрально-промышленных губерниях* России — Московской, Владимирской, Калужской, Костромской, Ярославской, Тверской и Нижегородской, где крестьяне сочетали занятие земледелием с какими-нибудь промысловыми, как местными, так и отхожими. Существовало немало селений и целых промысловых округов, в которых эти занятия играли главную роль в крестьянском хозяйстве, а в крупных торгово-промышленных селах земледелием практически вообще не занимались. В данный период сложилась и промышленная география центрального района России. Такие известные промысловые селения, как Иваново и Тейково Владимирской губернии, Павлово, Ворсма, Богородское, Мурашкино и Городец Нижегородской, Вичуга, Середа, Сидоровское и Красное Костромской, Великое Ярославской, Кимры Тверской, Улома Новгородской, превращались в центры текстильной, ювелирной, металлообрабатывающей и деревообрабатывающей промышленности, формируя вокруг себя промысловые округа. Впоследствии некоторые из них стали центрами крупной фабричной промышленности, в основном текстильной. Характерно, что крестьянские промыслы, равно как и торговое земледелие, возникли главным образом в помещичьей, а не в относительно «свободной» государственной деревне. Все названные здесь торгово-промышленные селения принадлежали крупным помещикам, привилегии и влияние которых обеспечивали их крестьянам защиту от вмешательства государства и своеобразное «покровительство» в промыслах, чего была лишена государственная деревня. Таким образом, феодальный иммунитет служил защитой для крестьянского предпринимательства.

Мелкая крестьянская промышленность являлось базой для становления крупного капиталистического производства в форме мануфактуры: накапливались у посредников-скупщиков (выходцев из той же крестьянской среды) капиталы в результате скупки и перепродажи изделий крестьянских промыслов, готовились кадры обученных рабочих-надомников для мануфактурной промышленности. Из мелких товаропроизводителей-кустарей выделялись представители будущей промышленной буржуазии. Династии известных фабрикантов — Морозовых, Гучковых, Гарелиных, Гандуриных, Рябушинских — вышли из крепостных крестьян-кустарей.

Развитие крестьянской промышленности преобразовывало экономический облик деревни и сам быт крестьянина. В промысловых селах интенсивнее шли процессы социального расслоения крестьянства — выделение, с одной стороны, предпринимателей, а с другой — работавших у них по найму односельчан. Крестьяне все

более отвлекались от земледелия на промысловые занятия. Об этом свидетельствовал их массовый уход на заработки. В 1826 г. в целом по стране только по долгосрочным паспортам (на срок от полугода до трех лет) уходило 756 тыс. человек, а в середине XIX в.— уже 1,3 млн. Но еще большее число крестьян уходило на заработки по краткосрочным билетам, выдававшимся на срок до четырех месяцев. *Промысловый отход* служил важным фактором в складывании рынка рабочей силы для промышленности.

Крупная промышленность в первой половине XIX в. в России росла за счет распространения *капиталистической мануфактуры*, возникавшей на базе мелкой промышленности. Количество предприятий в обрабатывающей промышленности России увеличилось за 1799—1825 гг. с 2094 до 5261, а к 1860 г.— до 15 338. В среднем на одно предприятие приходилось по 40 рабочих, хотя некоторые мануфактуры насчитывали сотни и даже тысячи человек. Удельный вес наемных рабочих возрос с 1799 по 1860 г. с 41 до 82%.

Несмотря на рост удельного веса наемного труда, крепостной труд на предприятиях обрабатывающей промышленности вырос в 2,5 раза. Особенно показателен рост числа крепостных рабочих на *вотчинных мануфактурах* — с 14,7 тыс. до 91 тыс. (в 6 раз). Впрочем, на вотчинных предприятиях применялся и наемный труд на работах, требовавших высокой квалификации. Вотчинная мануфактура проявила способность к адаптации в новых условиях, вызванных изменениями в экономике страны.

Вотчинные мануфактуры основывались в первую очередь там, где существовала возможность использования бесплатных ресурсов собственных имений (сельскохозяйственное сырье, лес, руда и пр.). Помещик в силу менявшейся конъюнктуры мог сокращать производство, сажая своих крепостных рабочих на землю. Кроме того, действовала система покровительственных мер правительства, стремившегося поддержать помещичье предпринимательство: предоставление дешевого кредита и выгодных заказов казны. В вотчинных мануфактурах практиковалась частичная денежная оплата крепостным рабочим (помимо оплаты натурой, предоставления усадьбы и сенокосов).

Горнодобывающая промышленность базировалась преимущественно на принудительном труде как вотчинных, так и посессионных рабочих. В этой сфере промышленности накануне отмены крепостного права было занято более 540 тыс. д.м.п. В конце XVIII — начале XIX в. значительная часть выплавляемого в России металла шла на экспорт (главным образом, в Англию). Быстрый рост английской металлургической промышленности и падение в связи с этим экспорта металла из России сказались и на резком снижении темпов роста русской металлургии.

В целом же в России в первой половине XIX в. промышленное развитие существенно опережало сельскохозяйственное. Рост промышленности в значительной степени стимулировался и тем, что

в то время не было кризиса перепроизводства, ибо потребности рынка превышали возможности промышленности.

Первая треть XIX в. характеризуется дальнейшим ростом капиталистической мануфактуры, а вторая треть — началом перехода от мануфактуры к фабрике. Этот переход связан с промышленным переворотом, воздействующим на техническую (применение системы машин) и социальную (формирование промышленного пролетариата и промышленной буржуазии) сферы. Обе эти сферы находились в процессе постоянного взаимодействия. Начальная фаза промышленного переворота характеризуется созданием материально-технической базы, завершающая — глубокими изменениями в социальных отношениях.

Большинство историков и экономистов относит начало промышленного переворота в России примерно к рубежу 30—40-х годов XIX в., а завершение его к рубежу 80—90-х годов. Раньше всего этот процесс начался в текстильной промышленности (в первую очередь, хлопчатобумажной), позднее — в горнодобывающей. В связи с переходом к машинной технике производительность труда к середине 50-х годов XIX в., по сравнению с началом века, выросла в 3 раза, и на долю промышленного производства приходилось уже свыше $^2/_3$ продукции крупной промышленности.

Важным показателем развития капиталистических отношений являлось формирование новых социальных групп — *наемных рабочих и буржуазии.* Однако наемные рабочие начала XIX в. существенно отличались от пролетариата конца века. Они были представлены преимущественно помещичьими и государственными крестьянами, ушедшими на оброк, но находившимися в феодальной зависимости и связанными с сельским хозяйством. Такие рабочие подвергались двойной эксплуатации — феодальной (со стороны своего помещика) и капиталистической (со стороны нанявшего его предпринимателя). Помещик в любое время мог вернуть отпущенного на фабрику крестьянина в деревню, посадить его на барщину, перевести в дворовые. Не мог свободно распоряжаться собой и государственный крестьянин, прикрепленный к своему наделу и связанный с общиной. В заработную плату такого рабочего входила оплата не только его прожиточного минимума, но и феодальных повинностей, что удорожало стоимость наемного труда.

Буржуазия тогда также отличалась от буржуазии капиталистической эпохи: в ее составе преобладала торговая буржуазия, представленная гильдейским купечеством и «торгующими крестьянами», получавшими специальные свидетельства («билеты») на право торговли. Формирование промышленной буржуазии в России шло двумя путями: либо купец становился мануфактуристом и фабрикантом, вкладывавшим свой капитал в промышленное предпринимательство, либо мануфактурист и фабрикант вырастал из среды мелких товаропроизводителей, главным образом из среды разбогатевшего промыслового крестьянина. Характерным для того

времени было соединение торгового капитала с промышленным: купец, став мануфактуристом и фабрикантом, не прекращал своей торговой деятельности, а вышедший из кустарей крупный промышленник обычно соединял промышленное предпринимательство с торговым делом. Нередко предприниматель являлся по своему положению крепостным крестьянином, и на него так же давила крепостная зависимость, как и на работавших у него по найму помещичьих крестьян. Крепостная зависимость и сословная неравноправность таких разбогатевших крестьян-фабрикантов сильно сковывала их торгово-промышленную деятельность. Поэтому они, как и в XVIII в., продолжали идти на большие материальные жертвы, чтобы выкупиться на волю, приписаться в сословия либо мещан, либо купцов.

Известный фабрикант Савва Морозов выкупился на волю у своего помещика Рюмина в 20-х годах XIX в. за 16 тыс. руб., а несколько десятков фабрикантов с. Иванова заплатили графу Шереметеву за свою свободу свыше 1 млн. руб., при этом за помещиком осталась вся ранее купленная ими недвижимость — фабрики, леса, земли, которые помещик оставлял им уже в пользование за высокую арендную плату. Далеко не всегда помещики соглашались отпускать на волю своих крепостных-фабрикантов даже за большой выкуп, ибо они платили им высокие оброки. Например, владелец крупной шелкоткацкой фабрики в селе Щелкове под Москвой Иван Кондрашев, имевший даже звание «мануфактур-советника», вплоть до реформы 1861 г. оставался крепостным князей Голицыных.

§ 4. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

В связи с ростом промышленности и углублением разделения труда развивался *внутренний рынок*. Основными товарами, обращавшимися на внутреннем рынке, были сельскохозяйственные и изделия крестьянских промыслов. Постепенно все больший удельный вес стала занимать продукция крупной обрабатывающей промышленности, преимущественно текстильной, ориентированной на массовый спрос. Повысилась роль ярмарок, ежегодно собиравшихся в определенное время и продолжавшихся от нескольких дней до нескольких месяцев. В 40-х годах XIX в. в России насчитывалось до 4 тыс. ярмарок, преимущественно сельских. Всероссийское значение имели ярмарки с крупными суммами торгового оборота. В стране насчитывалось 64 ярмарки с оборотом свыше 1 млн. руб. каждая. Среди них особенно выделялись Нижегородская с оборотом до 70 млн. руб. (в середине XIX в.), Ростовская в Ярославской губернии, Ирбитская в Сибири, Контрактовая в Киеве и Коренная близ Курска. В наиболее крупных городах и промышленных центрах уже с конца XVIII в. стала быстро расти постоянная (магазинная) торговля; в Москве, Петербурге, Ярославле, Калуге и других городах были возведены богатые гостиные

дворы. Рост постоянной торговли особенно был заметен в первой половине XIX в. В связи с этим в Центральной России падала роль ярмарок, сокращались их обороты. Вместе с тем на периферии наблюдалось противоположное явление — рост ярмарочной торговли.

Рост ярмарок на окраинах свидетельствовал о включении национальных окраин в общероссийские торговые связи. Широкое развитие получила торговля вразнос. Предприимчивые офени-коробейники закупали на ярмарках ткани, галантерею, мелкие предметы домашнего обихода и разъезжали с этими товарами по всей стране, проникая в самые отдаленные, глухие углы.

Расширялись *внешнеторговые связи*. Страны Европы покупали в России хлеб и сырье; русская промышленность нуждалась в машинах, инструментах, хлопке, красках и пр. В Россию ввозились также «колониальные» товары и предметы роскоши для состоятельных слоев населения. Для внешней торговли России тогда был характерен активный торговый баланс — превышение вывоза над ввозом. На долю европейских стран приходилось $^{9}/_{10}$ внешнеторгового оборота России.

Если для европейских стран Россия выступала в качестве поставщика сырья и полуфабрикатов и покупателя промышленных товаров, то для азиатских стран, наоборот, она была поставщиком изделий промышленности, главным образом тканей и металлических изделий, а из них в Россию ввозились чай, шелк, хлопок, шерсть, кожи.

Заграничная торговля шла преимущественно морским путем — через порты Балтийского, Черного и Северного морей. Сухопутная торговля велась больше с азиатскими странами. В дореформенной России основными видами транспорта были водный и гужевой. Главной транспортной артерией страны являлась Волга. В составе грузопотоков, идущих по волжской водной системе, первое место занимал хлеб, который направлялся из поволжских и центрально-черноземных губерний в центрально-промышленные и в Петербург. Волга играла крупную роль в торговых связях России со Средней Азией и Персией. Большое транспортное значение имели Северная Двина, Западная Двина, Неман, Днепр, Днестр, Дон, по которым в северные, западные и черноморские порты перевозились хлеб, лен, лес, поташ, железо и другие виды сельскохозяйственной и промышленной продукции. В обслуживании внутренних водных путей была занята огромная армия бурлаков, коноводов, грузчиков, которых в 30—50-х годах XIX в. насчитывалось до 450 тыс. человек.

В начале XIX в. были проведены новые каналы, соединявшие различные водные системы. Наряду с ранее существовавшей Вышневолоцкой водной системой в 1808—1811 гг. были созданы Мариинская и Тихвинская, соединившие Верхнюю Волгу с Балтийским морем. В 1803—1805 гг. каналами были соединены Кама и Северная Двина, Днепр с Вислой, Западной Двиной и

Неманом. Однако пропускная способность каналов была невелика, через них проходили только сравнительно мелкие суда. Второе десятилетие XIX в. положило начало пароходству. Первый пароход появился на Неве в 1815 г., с 1817 г. стали ходить пароходы по Волге и Каме. К 1860 г. в России насчитывалось 339 пароходов.

Гужевой транспорт действовал главным образом зимой, в свободное от полевых занятий время. Когда устанавливался санный путь, к Петербургу, Москве, к другим промышленным центрам, портовым городам и речным пристаням тянулись огромные обозы, главным образом с продукцией сельского хозяйства.

В первой половине XIX в. началось строительство *шоссейных* дорог. Они соединили Петербург с Москвой и Варшавой, Москву с Варшавой, Ярославлем и Нижним Новгородом. Однако протяженность шоссейных дорог (к 1860 г. всего 9 тыс. верст) для огромных пространств России была ничтожно мала. Открытие первой в России железной дороги между Петербургом и Царским Селом протяженностью в 25 верст относится к **1837 г. В 1851 г.** при огромной затрате сил и средств завершилось строительство Петербургско-Московской железной дороги, продолжавшееся восемь лет, а в 1859 г. сдана в эксплуатацию железная дорога, соединившая Петербург с Варшавой. Всего к моменту отмены крепостного права в России насчитывалось 1,5 тыс. верст железных дорог, в то время как сравнительно небольшие по своей территории европейские страны Англия, Германия, Франция, Бельгия к тому времени были уже покрыты густой сетью железных дорог. Слабое развитие транспорта в дореформенной России существенно тормозило развитие промышленности и торговли.

Одна из главных особенностей социально-экономического развития России первой половины XIX в. состояла в его неравномерности в различных регионах, что объяснялось разнообразием природных, этнических и даже местных традиций в том или ином регионе. *Вторая особенность* заключалась в том, что в России более, нежели где-либо, была особенно велика роль государства в экономической жизни страны: оно регулировало, опекало, контролировало и поощряло промышленность и торговлю, проводило таможенную политику, защищало отечественных предпринимателей в предоставлении им разного рода льгот и субсидий. Она выражалась в развитии самого государственного хозяйства. Как уже было ранее сказано, крупная промышленность создавалась в России государством. Казенные предприятия основывались и позднее. Многие частные предприятия, особенно работавшие на казенные нужды, основывались и функционировали при поддержке государства. Вся транспортная система (строительство каналов, шоссейных и железных дорог) вплоть до отмены крепостного права строилась исключительно государством. В России в то время не было частных банков. Вся кредитная система была исключительно государственной. *Третья особенность* заключалась в слабом развитии частной

собственности, особенно собственности на землю, и как следствие этого — слабое развитие «третьего сословия». В России оно было представлено узким слоем буржуазии и городских ремесленников, отчасти лицами умственного труда, при этом они были втиснуты в жесткие рамки феодальных сословных структур. В России феодальное сословное деление со всеми вытекающими из него последствиями просуществовало вплоть до 1917 г. *Четвертая особенность* заключалась в том, что крепостничество в России в силу исторических условий, описанных выше в соответствующих главах, держалось дольше и приняло самые жестокие и грубые формы, чем где бы то ни было в цивилизованном мире. Хотя новые социально-экономические процессы и подрывали феодально-крепостническую систему, но она продолжала оставаться господствующей вплоть до 1861 г. Крепостное право долгое время могло приспосабливаться к новым явлениям в экономике страны и даже использовать их для укрепления материальных позиций помещиков, а также оно имело возможность расширять свою экономическую базу путем распространения феодальных отношений на новые территории России: в период позднего феодализма, вплоть до начала XIX в., продолжался интенсивный процесс насаждения феодального землевладения путем «пожалований» на окраинах России и перевода на новые земли крепостных крестьян. Здесь проявилась и противоречивая роль государства: с одной стороны, оно способствовало экономическому развитию страны, вплоть до поощрения капиталистического предпринимательства, с другой — стремилось законсервировать феодальную социальную структуру общества, стояло на страже феодально-крепостнических порядков, а это в конечном счете замедляло темпы экономического развития страны в дореформенный период.

Глава XXII

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПРИ АЛЕКСАНДРЕ I

§ 1. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА В 1801—1812 гг.

XIX век в истории России начался новым и последним дворцовым переворотом. Император Павел I был убит, и на престол вступил его старший сын Александр **(1777—1825)**, любимый внук Екатерины II, которая сама руководила его воспитанием. Ею были приглашены лучшие преподаватели и в их числе выписанный из Швейцарии Ф.Ц. Лагарп, человек высокообразованный, приверженец идей Просвещения и республиканец по взглядам. В должности «главного воспитателя» он состоял при Александре 11 лет. Знакомя

своего воспитанника с понятиями о «естественном» равенстве людей, преимуществе республиканской формы правления, о политической и гражданской свободе, о «всеобщем благе», к которому должен стремиться правитель, Лагарп при этом тщательно обходил реалии крепостнической России. Более всего он занимался нравственным воспитанием своего ученика. Впоследствии Александр I говорил, что всем, что есть у него «хорошего», он был обязан Лагарпу.

Но еще более действенной школой воспитания будущего императора явились те реальные условия, в которых ему приходилось находиться, атмосфера враждующих между собой «большого двора» Екатерины II в Петербурге и «малого» — отца Павла Петровича в Гатчине. Необходимость лавировать между ними приучила Александра, по меткому выражению В.О. Ключевского, «жить на два ума, держать две парадные физиономии», развила в нем скрытность, недоверчивость к людям и осторожность. Обладая незаурядным умом, изысканными манерами, по отзывам современников, «врожденным даром любезности», он отличался виртуозной способностью расположить к себе людей различных взглядов и убеждений, ловко пользовался людскими слабостями. Он умел играть «в откровенность» как надежное средство управлять людьми и подчинять их своей воле. «Сущий прельститель»,— говорил о нем М.М. Сперанский. Известно высказывание Наполеона: «Александр умен, приятен, образован, но ему нельзя доверять; это — истинный византиец... тонкий, притворный, хитрый». Современники отмечали и такие черты характера Александра, как упрямство, подозрительность, большое самолюбие и стремление «искать популярности по любому поводу», а историки видели в нем «странное смешение философских поветрий XVIII в. с принципами прирожденного самовластия», либерализма и деспотизма.

Александр вступил на престол в 23-летнем возрасте, но уже со сложившимися взглядами и намерениями. В изданном **12 марта**[1] **1801 г.** Манифесте он объявил, что будет управлять «Богом врученным» ему народом «по законам и по сердцу в Бозе почивающей августейшей бабки нашей императрицы Екатерины Великия», тем самым подчеркнув свою приверженность политическому курсу Екатерины II, особенно много сделавшей для расширения дворянских привилегий. Он начал с того, что восстановил отмененные Павлом I Жалованные грамоты 1785 г. дворянству и городам; дворянские выборные корпоративные органы — уездные и губернские собрания дворян, освободил дворян и духовенство от телесных наказаний, введенных Павлом. 2 апреля была упразднена наводившая ужас Тайная экспедиция и освобождены содержавшиеся в Петропавловской крепости ее узники. Были возвращены из ссылки до 12 тыс. опальных или репрессированных Павлом

[1] Все даты приведены по старому стилю.

чиновников и военных, объявлена амнистия всем бежавшим за границу от павловских репрессий. Были отменены и другие раздражавшие дворянство павловские указы, вроде запрета носить круглые французские шляпы, выписывать иностранные газеты и журналы, выезжать за границу. В городах исчезли виселицы, к коим прибивали доски с именами опальных. Владельцам частных типографий было разрешено свободно печатать книги и периодические издания.

Пока это еще не были реформы, а лишь отмена наиболее тира-нических распоряжений Павла I, вызывавших всеобщее недовольство, но эти действия нового царя оказали огромное влияние на умы современников и породили надежды на дальнейшие перемены. От Александра ждали «нового правления», где «на место произвола и насилия явились бы наконец законы и справедливость». В серьезность реформаторских намерений Александра верили не только в России, но и за ее пределами.

Несмотря на то что Александр I подчеркивал преемственность между своим царствованием и царствованием Екатерины II, однако его правление не было ни возвратом к «золотому веку» Екатерины II, ни полным отказом от политики, проводимой Павлом, направленной на усиление самодержавной власти царя. Демонстративно подчеркивая свое отрицание характера и методов павловского правления, он все же воспринял немало черт его царствования, причем в главной его направленности — к дальнейшей бюрократизации и централизации управления как меры укрепления самодержавной власти монарха. В нем глубоко укоренились и такие «гатчинские привычки», как приверженность к воинской муштре, любовь к парадам.

Однако Александр I не мог не считаться с новым «духом времени», в первую очередь с влиянием французской революции на умы. В новых условиях он стремился, не меняя основного направления политики Екатерины II и Павла I на укрепление абсолютизма, найти такие способы разрешения назревших политических проблем, которые соответствовали бы духу времени. Уже в самом начале своего царствования Александр I торжественно провозгласил, что отныне в основе его политики будет не личная воля монарха, а строгое соблюдение законов. При каждом удобном случае Александр I любил говорить о приоритете законности, о своем стремлении «привнести ясность и порядок» в систему управления и поставить отношения между властью и подданными на «законную основу». Населению были обещаны правовые гарантии от произвола. Все эти заявления Александра имели большой общественный резонанс, ибо они отвечали главной идее представителей всех направлений общественной мысли того времени.

В первые годы царствования перед Александром I стояли, таким образом, задачи не только устранения последствий тирании Павла I, но и усовершенствования государственного строя в новой исторической обстановке, когда вообще всем европейским монархам приходилось считаться с ростом прогрессивных сил, проводить

гибкую политику либеральных обещаний, отдельных уступок и даже преобразований.

Для проведения этого курса Александру I нужны были энергичные и деятельные советники. Естественно, он не хотел искать их среди убийц своего отца, которые многое знали и на многое претендовали. Поэтому после событий 12 марта 1801 г. участники заговора один за другим были удалены от двора. Не желал новый царь слушать и нравоучения престарелых екатерининских вельмож, также на многое претендовавших. Он приблизил к себе друзей юности — представителей молодого поколения родовитой дворянской знати: П.А. Строганова («первого якобинца» и поклонника Бонапарта), его двоюродного брата Н.Н. Новосильцева (старшего из всех, отличавшегося энциклопедической образованностью), молодого графа В.П. Кочубея (который хотя и «не блистал талантами», но был полезен «чиновничьей изощренностью») и А.А. Чарторыйского (бескорыстного, честного, мечтавшего о восстановлении независимости Польши, приходившегося двоюродным братом последнему польскому королю А. Понятовскому). Эти люди и составили летом 1801 г. так называемый Негласный комитет (его называли также «Интимным комитетом»). Он не имел официального статуса государственного учреждения, но в первые годы царствования Александр I оказывал большое влияние на его политику и определил в основных чертах программу преобразований.

Этот «дружеский» кружок сложился еще в царствование Павла I, когда его члены собирались тайно, опасаясь павловских репрессий, говорили о необходимости устранения деспотизма в России, отмене «рабства» крестьян, о предпочтительности республики. Но с воцарением Александра I тон разговоров переменился. Члены Негласного комитета, хотя и понимали необходимость преобразований, строили планы реформы государственного аппарата, говорили о необходимости издания Жалованной грамоты народу, однако исходили из незыблемости основ абсолютизма. Хотя комитет был «негласным», но о нем знали и говорили многие. Впрочем, и сам Александр I не делал из него тайны. Сановная екатерининская оппозиция окрестила Комитет «якобинской шайкой». С июня 1801 г. по май 1802 г. было проведено 35 заседаний Комитета. Признавалось необходимым «прежде всего узнать действительное положение дел, затем реформировать различные части администрации и, наконец, обеспечить государственные учреждения конституцией, основанной на истинном духе народа». Но изучение состояния дел в государстве свелось к собиранию сведений о функционировании высшего государственного аппарата и выявлению его недостатков. Учреждение конституции путем издания «Жалованной грамоты российскому народу» никоим образом не должно было ограничить самодержавной власти царя. Обсуждались также вопросы о повышении обороноспособности страны, об основных направлениях ее внешней политики, о правах Сената, а также и крестьянский вопрос в плане постепенной ликвидации крепостного права. В 1803 г.

Негласный комитет, проведя всего 4 заседания, был закрыт. Александр I уже прочнее чувствовал себя на троне; программу намеченных Комитетом мер в дальнейшем проводил уже сам, не нуждаясь в советниках.

Задуманную в первые годы царствования Александра I программу либеральных преобразований не удалось выполнить полностью, да и эти преобразования, особенно в социальной сфере, носили непоследовательный и противоречивый характер. Так, намерение обнародовать в день коронации царя осенью 1801 г. «Жалованную грамоту российскому народу» было отложено, в крестьянском вопросе все дело свелось к ряду частных мер. Во время коронации Александр торжественно заявил, что отныне прекращается раздача казенных крестьян в частные руки. Изданный **20 февраля 1803 г.** указ *о вольных хлебопашцах* предусматривал освобождение крепостных крестьян с землей за выкуп, целыми селениями или отдельными семействами, по обоюдной договоренности их с помещиком. Ничтожные практические результаты указа видны из того, что до конца царствования Александра I отпущено на основании указа 47 тыс. д.м.п. (0,5% ко всему крепостному населению). За все же время действия указа (до 1858 г.) выкупилось всего 152 тыс. д.м.п. (или 1,5%).

Был принят ряд мер по ограничению произвола помещиков. Так, указы 1808—1809 гг. запрещали продавать крестьян на ярмарках, давать объявления в газетах о продаже дворовых, отменялось право помещиков ссылать по своей прихоти крепостных в Сибирь, подтверждалось правило: если крестьянин единожды получил свободу, то он не мог быть вновь «укреплен» за помещиком, а крестьянам, незаконно записанным во владение помещика, предоставлялось право возбуждать иск о предоставлении свободы.

Уступкой новым экономическим процессам явилось издание в 1801 г. указа о покупке земли недворянами — купцами, мещанами, государственными крестьянами. Помещичьи и удельные крестьяне такое право получили в 1848 г. Тем самым нарушалась, хотя и незначительно, монополия дворян на земельную собственность. Практика показала, что до отмены крепостного права дворяне продали лицам других сословий менее 3% своей земли.

В 1803 г. было издано новое положение об устройстве учебных заведений. В основу системы образования были положены принципы бессословности учебных заведений, бесплатности обучения на низших его ступенях, преемственности учебных программ. Все учебные заведения подразделялись на 4 ступени: одноклассные приходские училища, уездные училища с трехклассным обучением, гимназии и университеты. Всей системой образования ведало Главное управление училищ (позднее Министерство народного просвещения). Было образовано 6 учебных округов, возглавляемых попечителями. Однако попечителям принадлежал лишь общий надзор за учебными заведениями во вверенных им округах. Всеми делами в учебном округе ведал университет через посредство своего

ученого совета. Университетский устав 1804 г. предоставлял университетам значительную автономию: выборность ректора и профессуры, собственный суд, право университетов назначать учителей в гимназии и училища своего учебного округа.

В **1804 г.** был издан «Устав о цензуре», в котором говорилось, что цензура вводится «не для стеснения свободы мыслить и писать, а единственно для принятия пристойных мер против злоупотребления оною». Цензорам рекомендовалось руководствоваться «благоразумным снисхождением для сочинителя и не быть придирчивым», толковать места, имеющие двоякий смысл, «выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать». Сами цензурные комитеты учреждались при университетах и состояли из профессоров по представительству попечителей учебных округов. Авторы и издатели получали право обжаловать их действия в Главном правлении училищ.

В первое десятилетие царствования Александра I был проведен ряд административных преобразований. В 1801 г. учрежден *Непременный (постоянный) совет* — совещательный орган при императоре. Высших сановников в Совет назначал сам император. Сенат, значение которого сильно упало при Павле I, был восстановлен в ранге высшего судебно-административного органа и «хранителя законов». Он стал верховным органом в империи, сосредоточившим в себе высшую административную, судебную и контролирующую власть. Ему предоставлялось право «делать представления» (т. е. возражения) по поводу издаваемых указов, если они противоречили другим законам. Однако первая же попытка Сената возразить против указа 1803 г. об обязательной 12-летней службе дворян, не достигших офицерского чина, что противоречило «Жалованной грамоте дворянству» 1785 г., вызвала резкое недовольство Александра I, и Сенат получил «разъяснение», что он может делать «представления» только по поводу ранее изданных законов, а не будущих.

В **1802—1811 гг.** была проведена *министерская реформа.* Манифестом 8 сентября 1802 г. учреждалось восемь министерств: военно-сухопутных сил, морских сил, финансов, коммерции, народного просвещения, внутренних дел, юстиции и иностранных дел (до 1824 г. оно именовалось еще коллегией). Коллегии были заменены новой формой исполнительной власти, где дела по каждому ведомству решались единолично министром, ответственным только перед императором. Учреждение министерств знаменовало собой дальнейшую бюрократизацию управления и усовершенствование центрального аппарата. Каждый министр имел заместителя (товарища министра) и канцелярию. Министерства подразделялись на департаменты во главе с директорами, департаменты — на отделения во главе с начальниками отделений, а отделения — на столы во главе со столоначальниками. Для совместного обсуждения дел учреждался Комитет министров. Первыми министрами и товарищами министров были назначены как представители старой

екатерининской знати (Г.Р. Державин, Н.С. Мордвинов, П.В. Завадовский), так и «молодые друзья» Александра I (Новосильцев, Воронцов, Кочубей, Строганов, Чарторыйский), чем преследовалась цель противопоставить новую знать старой.

Первоначально структура и функции министерств еще не были четко определены. Их подробно разработал М.М. Сперанский в подготовленном им «Общем учреждении министерств», утвержденном императором **25 июня 1811 г.** и явившемся завершением министерской реформы. Число министерств увеличивалось до 12. Появились Министерство полиции и приравненные к министерствам главные управления — духовных дел и разных исповеданий, ревизий государственных счетов, путей сообщения во главе с главноуправляющими этих трех ведомств. Упразднялось Министерство коммерции, его функции передавались Департаменту мануфактур и торговли Министерства финансов. Все министры входили в состав Сената. Закон 1811 г. четко разграничивал круг вопросов, которыми ведало каждое министерство, устанавливал единые принципы организации структуры министерств и общий порядок прохождения в них дел, отношения министерств с другими ведомствами, органами государственного управления.

С 1807 г. на арену политической жизни страны выдвигается М.М. Сперанский **(1772—1839)** — один из выдающихся государственных деятелей России. Выходец из семьи бедного сельского священника Владимирской губернии, Сперанский, благодаря своему уму, энциклопедическим познаниям, энергии и необычайной работоспособности, быстро сделал блестящую карьеру. Службу он начал еще при Павле I в должности начальника канцелярии генерал-прокурора А.Б. Куракина. В 1803 г. Сперанский уже директор одного из департаментов Министерства внутренних дел, а в 1808 г. назначается членом Комиссии для составления законов и товарищем министра юстиции. Все современники Сперанского отмечали, что по сравнению с ним никто не мог с таким блеском и логикой составить доклад, проект, оформить текст закона. Все важнейшие законы начиная с 1802 г. составлялись или редактировались Сперанским.

В конце 1808 г. Александр поручил Сперанскому разработку плана государственного преобразования России. Сперанский принялся за работу с присущими ему энергией и обстоятельностью. Александр передал ему все материалы Негласного комитета, проекты и записки, поступившие в Комиссию для составления государственных законов. Сам Сперанский, по его свидетельству, «изучил все существующие в мире конституции», ежедневно встречался с императором, обсуждая с ним каждый раздел плана.

В октябре 1809 г. проект под названием «Введение к уложению государственных законов» он представил императору. Во вводной части проекта Сперанский подчеркивал неотложность преобразований. Для предотвращения потрясений, подобных Французской

ученого совета. Университетский устав 1804 г. предоставлял университетам значительную автономию: выборность ректора и профессуры, собственный суд, право университетов назначать учителей в гимназии и училища своего учебного округа.

В **1804 г.** был издан «Устав о цензуре», в котором говорилось, что цензура вводится «не для стеснения свободы мыслить и писать, а единственно для принятия пристойных мер против злоупотребления оною». Цензорам рекомендовалось руководствоваться «благоразумным снисхождением для сочинителя и не быть придирчивым», толковать места, имеющие двоякий смысл, «выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать». Сами цензурные комитеты учреждались при университетах и состояли из профессоров по представительству попечителей учебных округов. Авторы и издатели получали право обжаловать их действия в Главном правлении училищ.

В первое десятилетие царствования Александра I был проведен ряд административных преобразований. В 1801 г. учрежден *Непременный (постоянный) совет* — совещательный орган при императоре. Высших сановников в Совет назначал сам император. Сенат, значение которого сильно упало при Павле I, был восстановлен в ранге высшего судебно-административного органа и «хранителя законов». Он стал верховным органом в империи, сосредоточившим в себе высшую административную, судебную и контролирующую власть. Ему предоставлялось право «делать представления» (т. е. возражения) по поводу издаваемых указов, если они противоречили другим законам. Однако первая же попытка Сената возразить против указа 1803 г. об обязательной 12-летней службе дворян, не достигших офицерского чина, что противоречило «Жалованной грамоте дворянству» 1785 г., вызвала резкое недовольство Александра I, и Сенат получил «разъяснение», что он может делать «представления» только по поводу ранее изданных законов, а не будущих.

В **1802—1811 гг.** была проведена *министерская реформа.* Манифестом 8 сентября 1802 г. учреждалось восемь министерств: военно-сухопутных сил, морских сил, финансов, коммерции, народного просвещения, внутренних дел, юстиции и иностранных дел (до 1824 г. оно именовалось еще коллегией). Коллегии были заменены новой формой исполнительной власти, где дела по каждому ведомству решались единолично министром, ответственным только перед императором. Учреждение министерств знаменовало собой дальнейшую бюрократизацию управления и усовершенствование центрального аппарата. Каждый министр имел заместителя (товарища министра) и канцелярию. Министерства подразделялись на департаменты во главе с директорами, департаменты — на отделения во главе с начальниками отделений, а отделения — на столы во главе со столоначальниками. Для совместного обсуждения дел учреждался Комитет министров. Первыми министрами и товарищами министров были назначены как представители старой

екатерининской знати (Г.Р. Державин, Н.С. Мордвинов, П.В. Завадовский), так и «молодые друзья» Александра I (Новосильцев, Воронцов, Кочубей, Строганов, Чарторыйский), чем преследовалась цель противопоставить новую знать старой.

Первоначально структура и функции министерств еще не были четко определены. Их подробно разработал М.М. Сперанский в подготовленном им «Общем учреждении министерств», утвержденном императором **25 июня 1811 г.** и явившемся завершением министерской реформы. Число министерств увеличивалось до 12. Появились Министерство полиции и приравненные к министерствам главные управления — духовных дел и разных исповеданий, ревизий государственных счетов, путей сообщения во главе с главноуправляющими этих трех ведомств. Упразднялось Министерство коммерции, его функции передавались Департаменту мануфактур и торговли Министерства финансов. Все министры входили в состав Сената. Закон 1811 г. четко разграничивал круг вопросов, которыми ведало каждое министерство, устанавливал единые принципы организации структуры министерств и общий порядок прохождения в них дел, отношения министерств с другими ведомствами, органами государственного управления.

С 1807 г. на арену политической жизни страны выдвигается М.М. Сперанский **(1772—1839)** — один из выдающихся государственных деятелей России. Выходец из семьи бедного сельского священника Владимирской губернии, Сперанский, благодаря своему уму, энциклопедическим познаниям, энергии и необычайной работоспособности, быстро сделал блестящую карьеру. Службу он начал еще при Павле I в должности начальника канцелярии генерал-прокурора А.Б. Куракина. В 1803 г. Сперанский уже директор одного из департаментов Министерства внутренних дел, а в 1808 г. назначается членом Комиссии для составления законов и товарищем министра юстиции. Все современники Сперанского отмечали, что по сравнению с ним никто не мог с таким блеском и логикой составить доклад, проект, оформить текст закона. Все важнейшие законы начиная с 1802 г. составлялись или редактировались Сперанским.

В конце 1808 г. Александр поручил Сперанскому разработку плана государственного преобразования России. Сперанский принялся за работу с присущими ему энергией и обстоятельностью. Александр передал ему все материалы Негласного комитета, проекты и записки, поступившие в Комиссию для составления государственных законов. Сам Сперанский, по его свидетельству, «изучил все существующие в мире конституции», ежедневно встречался с императором, обсуждая с ним каждый раздел плана.

В октябре 1809 г. проект под названием «Введение к уложению государственных законов» он представил императору. Во вводной части проекта Сперанский подчеркивал неотложность преобразований. Для предотвращения потрясений, подобных Французской

революции, необходимы, указывал он, радикальные преобразования, а не поправки, ибо возможность «исправить зло частными мерами миновала». Но эти реформы должны не только сохранить, но и укрепить самодержавную власть царя.

Рассматривая существующее деление населения на привилегированные и непривилегированные сословия как «следствие феодального состояния», Сперанский все же считал правомерным «разделение состояний» людей с различным уровнем их гражданских и политических прав. Но в основу этого деления им положен имущественный ценз. Гражданские права предоставлялись всему населению, но политические — только тем, кто владел недвижимой собственностью. В соответствии с этим Сперанский устанавливал такое «разделение состояний»: 1) дворянство (владельцы недвижимой собственности — земли с поселенными на ней крестьянами); 2) «среднее состояние» (купцы, мещане, государственные крестьяне) и 3) «народ рабочий» (помещичьи крестьяне, рабочие и домашние слуги). Дворяне обладали всеми гражданскими и политическими правами, «среднее состояние — только гражданскими правами, но при приобретении недвижимой собственности могли получить и политические права. «Народ рабочий» не имел ни политических, ни гражданских прав.

Сперанский проводил принцип «*разделения властей*» — законодательной, исполнительной и судебной, при независимости судебной власти и ответственности исполнительной перед законодательной. Им была разработана стройная система центральных и местных учреждений, основанная на принципе разделения властей четырех степеней. Главной в системе законодательных органов власти являлась Государственная дума, в губерниях — губернские думы, в уездах — окружные думы, в волостях — волостные думы. Высшими исполнительными органами власти являлись министерства, на местах — губернские, окружные и волостные управления. Высшим судебным органом империи объявлялся Сенат, которому подчинялись губернские и окружные суды, каждый из которых состоял из уголовного и гражданского отделений. Устанавливалась выборность в законодательные и судебные органы власти. Выборы были четырехстепенными, при наличии имущественного ценза для избирателей, что давало доступ к управлению страной лишь дворянам-землевладельцам и верхам буржуазии. Высшим органом, призванным объединить деятельность законодательной, исполнительной и судебной властей, являлся Государственный совет. Он должен был служить связующим звеном между императором и высшими законодательными, исполнительными и судебными органами власти. Ни один законопроект не мог получить силы закона, если он не прошел обсуждения в Государственном совете с последующим утверждением императором. Таким образом, система органов власти в проекте Сперанского нисколько не нарушала прерогатив императора как самодержавного монарха, который мог

прервать сессию Государственной думы, распустить ее и назначить новые выборы. Состав Сената, все министры и члены Государственного совета назначались императором.

Александр I признал проект Сперанского «удовлетворительным и полезным». Сперанский составил и календарный план проведения в жизнь своего проекта (в течение 1810—1811 гг.). Однако проект Сперанского встретил упорное сопротивление сенаторов, министров и других высших сановников, считавших его слишком радикальным и «опасным». Александр I, встретив сильное противодействие со стороны правящих кругов, отклонил одобренный им план Сперанского.

Единственное, что воплотилось в жизнь из плана Сперанского, это учреждение **1 января 1810 г.** *Государственного совета*, состоявшего из Общего собрания членов совета и четырех департаментов — законов, военного, гражданских и духовных дел, государственной экономии. Для организации деятельности Государственного совета создавалась Государственная канцелярия во главе с государственным секретарем — им стал Сперанский. Председателем Совета являлся один из членов по назначению императора. Если император присутствовал на его заседаниях, то он занимал место председателя. В состав Государственного совета входили все министры, а также лица, назначаемые императором пожизненно из высших сановников. Государственный совет был высшим законосовещательным органом при императоре. Сначала законопроекты обсуждались в департаментах, затем выносились на обсуждение в Общее собрание и только после утверждения их императором получали силу закона. При этом император мог внять мнению как большинства, так и меньшинства Государственного совета или отвергнуть то и другое, приняв собственное решение. В составе Государственного совета сначала числилось 25 человек, в 1825 г.—36, в конце XIX в. свыше 70. Как законосовещательный орган Государственный совет просуществовал до 1906 г., а с появлением Государственной думы ему были приданы права верхней законодательной палаты и состав его был существенно расширен.

Учреждением Государственного совета и преобразованием в 1811 г. министерств завершилась реорганизация органов центрального управления, которые с небольшими изменениями просуществовали до 1917 г.

Преобразовательная деятельность Сперанского вызвала сильное недовольство в высших дворянских кругах. Особенное осуждение с их стороны вызвало издание по инициативе Сперанского указов 3 апреля и 6 августа 1809 г. «О придворных званиях» и «Об экзаменах на чин». Согласно первому указу находившиеся в званиях камер-юнкера и камергера обязывались избрать себе определенный род службы, в противном случае их звания объявлялись лишь почетными отличиями, не дающими никакого чина. Второй указ в целях повышения грамотности и профессионального уровня чиновников

требовал, чтобы чины коллежского асессора и статского советника (первый давал личное, а второй потомственное дворянство) присваивались только при предъявлении диплома об университетском образовании или сдаче экзамена в объеме университетского курса. Сильное недовольство дворян вызвало и введение в 1810—1811 гг. по совету Сперанского ряда налогов, в том числе и налога на дворянские имения с целью поправить расстроенные финансы и ликвидировать возраставший дефицит в государственном бюджете. Аристократическая спесь была уязвлена и тем, что первым после императора лицом в государстве стал человек незнатного происхождения — провинциальный «попович». Вокруг Сперанского плелись интриги. На него посыпались доносы, где он обвинялся в шпионаже в пользу Франции. После часового конфиденциального разговора с императором, состоявшегося 17 марта 1812 г., Сперанский вышел от него в слезах. В своем доме он застал министра полиции А.Д. Балашова с помощником, которые опечатывали его бумаги. У дома стоял возок для отправки Сперанского в ссылку. Сначала Александр I распорядился увезти его в Нижний Новгород. Через полгода, по новому доносу, Сперанского сослали в Пермь. Опала его вызвала бурю восторга в придворных кругах. Некоторые даже удивлялись «милосердию» царя, «не казнившего этого преступника, изменника и предателя». Эти обвинения являлись чистейшим вздором. Сам царь был убежден в невиновности Сперанского, но принес его в жертву, чтобы погасить растущее недовольство дворянства, вызванное преобразовательными мерами. В 1814 г. Сперанского вызвали из пермской ссылки, в 1816 г. назначили пензенским губернатором, а в 1819 г.— сибирским генерал-губернатором, где он провел крупную административную реформу. В 1821 г. Сперанского возвратили в Петербург, назначили членом Государственного совета и управляющим Комиссией для составления законов. Но Сперанский не мог уже вернуть своего былого положения, находясь на второстепенных постах.

Недовольство дворянства преобразованиями Сперанского и вообще политикой Александра I в первое десятилетие его царствования нашло свое выражение в составленной для царя в 1811 г. Н.М. Карамзиным «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Главный смысл «Записки» заключался в доказательстве того, что вся судьба России и ее величие зависели от могущества самодержавия: Россия «процветала», когда оно было сильно, и «падала», когда оно ослабевало. Но вместе с тем Карамзин осуждал «властолюбие неумеренное и незаконное», яркие примеры которого он видел в царствованиях Ивана Грозного и Бориса Годунова. Но он выступал и против «аристократической гидры» — олигархического правления. Идеал Карамзина — самодержавие, опирающееся на строгую законность. Он протестовал против «излишней любви к государственным преобразованиям», против «изобретения разных министерств и Сове-

тов». «Требуем больше мудрости охранительной, нежели творческой,— писал он.— Новости ведут к новостям и благоприятствуют необузданности, произволу». Однако не следует, по его мнению, создавать многочисленные законы: «Для старого народа не надобно новых законов». Карамзин советовал собрать уже существующие законы, привести их в систему, исключить из них «обветшавшие», утратившие силу. Он считал, что достаточно «50 умных губернаторов» для нормальной работы администрации на местах. Главный тезис Карамзина об укреплении самодержавия тесно связывался с требованием охраны прав и привилегий дворянства как важнейшей опоры самодержавия. Восхваляя Екатерину II за то, что она возвеличила самодержавие и укрепила дворянство, он осуждал Павла I, который своим «сумасбродством» дискредитировал самодержавие и ограничил права дворянства. Суровой критике Карамзин подвергает и политику Александра I, но уже в другом смысле: проводимые им новшества могут ослабить самодержавие. Карамзин признает, что крепостное право — «зло», но он — решительный противник его отмены. Его аргументация такова. Земля, которой пользуются крестьяне,— бесспорно дворянская собственность, поэтому освобождение крестьян с землей невозможно, ибо это ущемит основные интересы дворянства. Но и освобождение крестьян без земли лишено смысла, даже опасно, ведь сами помещики лишатся тогда средств к существованию — безземельный крестьянин не в состоянии будет нести повинности; нанесет оно несомненный вред и государству, ибо крестьяне «станут пьянствовать и злодействовать», в стране «воцарится безначалие». Отмена крепостного права лишит царя поддержки со стороны дворянства, которое воспримет эту меру как свое унижение. А без поддержки дворянства самодержавная власть царя ослабеет. Поэтому, делает вывод Карамзин, «для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу».

§ 2. ВОЙНЫ С ИРАНОМ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ

К началу XIX в. определились два основных направления во внешней политике России: ближневосточное — борьба за укрепление своих позиций в Закавказье, на Черном море и на Балканах и европейское — участие России в коалиционных войнах против наполеоновской Франции.

При вступлении на престол Александра I одним из первых его актов было восстановление отношений с Англией, нарушенных Павлом I. Он отменил его приготовления к войне с Англией, вернул из похода в Индию посланный Павлом казачий отряд атамана М.И. Платова. Возобновляя дружбу с Англией, равно как и с Австрией, Александр не желал вступать в конфликт и с Францией, придерживаясь в это время политики сохранения мира и нейтралитета.

Нормализация отношений с Англией и Францией позволила России активизировать свою политику на Ближнем Востоке, в первую очередь в районе Кавказа и Закавказья. Активные действия России на Ближнем Востоке стимулировались усилением позиций западноевропейских держав в этом регионе, но главным образом диктовались стремлением обезопасить южные границы и тем самым создать необходимые условия для освоения юга России. В то же время народы Закавказья, испытывавшие гнет Османской империи и Ирана, а Грузия — периодические опустошительные набеги со стороны этих сопредельных ей государств, тяготели к России, что она, естественно, учитывала в своей внешней политике.

Обстановка в Закавказье резко обострилась в 80-90-х годах XVIII в., когда Иран усилил экспансию в Грузию. В 1798 г. грузинский царь Георгий XII, не имея сил противостоять этой агрессии, обратился к России с просьбой принять в ее подданство Грузию. Эту просьбу Павел I выполнил, о чем им 18 января 1801 г. был опубликован манифест. Но в декабре 1800 г. Георгий XII умер, не дождавшись своих послов с манифестом Павла. Присоединение Грузии произошло уже при Александре I. По новому манифесту, изданному **12 сентября 1801 г.**, царствующая грузинская династия Багратидов лишалась престола, управление Восточной Грузией (Картлией и Кахетией, где правила эта династия) переходило к российскому наместнику, на присоединенной территории вводилось российское административное устройство. В **1803—1804 гг.** в состав России на тех же условиях вошли княжества Мингрелия, Гурия и Имеретия, составлявшие Западную Грузию. Вхождение Грузии в состав России хотя и было связано с потерей ею государственности, но положило конец кровопролитным распрям в этой стране и обезопасило ее от внешней агрессии, что угрожало физическим истреблением грузинскому народу, способствовало дальнейшему развитию и укреплению экономических и культурных связей с Россией. Для самой России присоединение к ней Грузии означало приобретение важной в стратегическом отношении территории для укрепления своих позиций на Кавказе и в Закавказье. Большое стратегическое и экономическое значение имело завершение к 1814 г. строительства *Военно-грузинской дороги,* связавшей Владикавказ с Тифлисом.

Присоединение Грузии столкнуло Россию с Ираном, претендовавшим на эту территорию. Начавшаяся в 1804 г. война велась Россией успешно. Уже в **1804—1806 гг.** основная часть Северного Азербайджана (Гянджинское, Шекинское, Ширванское, Карабахское, Дербентское, Кубинское и Бакинское ханства) была присоединена к России. Война завершилась присоединением в 1813 г. Талышского ханства и Муганской степи. По заключенному в октябре **1813 г.** Гюлистанскому миру Иран признал присоединение к России этих ханств, равно как и вхождение в состав России грузинских царств и княжеств. Присоединение Северного Азербайджана к России ликвидировало феодальную раздробленность в этом регионе и тем самым положило конец бесконечным междоу-

собицам; было покончено с существовавшими здесь остатками рабства и обеспечена безопасность края от внешних набегов.

В **1806 г.** началась война России с Османской империей. Поводом к войне явилось смещение султаном со своих постов правителей Валахии и Молдавии по настоянию прибывшего в Константинополь наполеоновского генерала Ф. Себастиани. Это было нарушением прежних договоров между Россией и Османской империей, по которым правители Дунайских княжеств могли назначаться и смещаться только с согласия России. Султан, опираясь на помощь Франции, снабжавшей его оружием и помогавшей укреплять дунайские крепости, стремился к реваншу — к возвращению Крыма. Он демонстративно закрыл проход через черноморские проливы российским судам.

В октябре 1806 г. русские войска под командованием генерала И.И. Михельсона заняли Молдавию и Валахию, а в 1807 г. эскадра под командованием контр-адмирала Д.Н. Сенявина нанесла тяжелое поражение османскому флоту в Дарданелльском и Афонском сражениях. В помощь России выступили сербы, которые вели борьбу за свою независимость еще с 1804 г. После долгой осады они овладели Белградом. Но особенных успехов русские войска достигли после назначения над ними в марте 1811 г. главнокомандующим М.И. Кутузова. Он не стал разделять армию для осады отдельных крепостей, как это делали его предшественники, а сосредоточил главные силы у крупной крепости Рущук на правом берегу Дуная. Здесь в июне 1811 г. он нанес османской армии сокрушительное поражение, затем последовательными ударами разгромил по частям главные силы турок на левом берегу Дуная. Остатки их сложили оружие и сдались в плен. В октябре 1811 г. начались мирные переговоры в Бухаресте. По заключенному **16 мая 1812 г.** миру (за месяц до вторжения Наполеона в Россию) к России отходила Бессарабия с крепостями Хотин, Бендеры, Аккерман и Измаил. Новая граница устанавливалась по р. Прут. Но в Закавказье Россия возвращала Османской империи захваченные русскими войсками территории с крепостями. Вошедшая в состав России Бессарабия получила административный статус Бессарабской области. Была предоставлена автономия Сербии, расширена автономия Дунайских княжеств — Молдавии и Валахии, хотя они продолжали оставаться под вассалитетом Османской империи. Бухарестский мир обеспечил нейтралитет Османской империи во время войны 1812 г. России с Францией.

§ 3. УЧАСТИЕ РОССИИ В АНТИНАПОЛЕОНОВСКИХ КОАЛИЦИЯХ 1805—1807 гг. РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1808—1809 гг.

В 1803—1805 гг. международная обстановка в Европе резко обострилась. Началась полоса наполеоновских войн, в которых участвовали практически все европейские страны, в том числе и Россия. Революционные, национально-освободительные войны,

которые вела ранее Франция против коалиции европейских держав, стремившихся восстановить на французском престоле Бурбонов, превратились в войны захватнические, которые повел ставший диктатором Франции Наполеон Бонапарт.

В начале XIX в. под его властью оказалась почти вся Центральная и Южная Европа. Успех Наполеона обусловливался рядом причин.

В первую очередь, сказалось военно-техническое превосходство капиталистической Франции над феодальными государствами. Наполеон также ловко использовал революционный энтузиазм народных масс Франции и ненависть к феодальным режимам в других государствах Европы. Так, во время итальянских кампаний 1800—1801 гг. он умело представлял себя освободителем итальянского народа от австрийских завоевателей, поработивших север Италии, а также от гнета со стороны местных владетельных князей. Позднее ему удалась ловкая демагогия в отношениях с поляками, в которых он вселил надежду на восстановление их государственности. Несомненно, огромную роль играл и выдающийся талант Наполеона как военного и государственного деятеля, применявшего новые стратегические и тактические методы ведения военных действий. Все это вместе взятое и помогло ему стать в начале XIX в. вершителем судеб Европы.

Во внешней политике Наполеон выражал интересы французской буржуазии, соперничавшей с буржуазией английской в борьбе за мировые рынки и колониальный раздел мира. Агрессивность Наполеона, бесцеремонно перекраивавшего карту Европы, вовлекала в фарватер англо-французского соперничества и другие европейские страны. Тем самым это соперничество приобрело общеевропейский характер и заняло ведущее место в международных отношениях начала XIX в.

В мае 1803 г. Наполеон, нарушив Амьенский мир (1802), снова объявил войну Англии. А месяц спустя приступил к устройству грандиозного военного лагеря в Булони на берегу Ла-Манша, готовясь к вторжению на Британские острова. Английский кабинет предпринял энергичные дипломатические демарши при дворах европейских монархов с целью создать новую коалицию против Франции и тем отвлечь Наполеона от вторжения в Англию. Создать такую коалицию Англии помогли в значительной мере и действия самого Наполеона. Темной мартовской ночью 1804 г. в Бадене, на границе Франции и Швейцарии, наполеоновскими жандармами был схвачен принадлежавший к французскому королевскому дому герцог Энгиенский, подозреваемый в заговоре против Наполеона, судим и расстрелян. Это событие взволновало все европейские дворы. Однако лишь один Александр I заявил официальный протест. В Петербурге был демонстративно объявлен траур, а Наполеону направлена нота протеста против «пролития венценосной крови». На это Наполеон ответил посланием, в котором

говорилось, что и в самой России была пролита царская кровь, и пусть император позаботится схватить убийц своего отца. Это был намек Александру I на его причастность к цареубийству и отцеубийству. Провозглашение Наполеона «императором Французской республики» еще более накалило обстановку. Спесивые европейские монархи, кичившиеся своими многовековыми династическими родословными, не желали признать себя равными «безродному корсиканцу, вчерашнему артиллерийскому лейтенанту». Кроме того, они считали его «исчадием революции», «Робеспьером на коне».

Агрессивные действия Наполеона объединили против него европейских монархов. Но объединяясь против Наполеона, они преследовали не только оборонительные, но и цели реставрации монархий, имели свои виды на перекраивание карты Европы. Александр I выступал в роли «защитника» суверенитета германских монархов. Всем этим удачно воспользовалась Англия для создания третьей по счету коалиции против Франции. В апреле 1805 г. была заключена англо-русская военная конвенция, согласно которой Россия обязывалась выставить 180 тыс. солдат, а Англия — выплатить ей субсидию в 2,25 млн. фунтов стерлингов и участвовать в морских акциях против Франции. К этой конвенции присоединились Австрия, Швеция и Неаполитанское королевство. Однако против Наполеона были направлены лишь русские и австрийские войска общей численностью в 430 тыс. чел. При известии о движении против него этих войск Наполеон снял свою армию, находившуюся в Булонском лагере, и форсированным маршем двинул ее в Баварию, где стояла австрийская армия под командованием бездарного генерала Макка. В сражении под Ульмом Наполеон наголову разбил армию Макка. Но попытка его настичь и разгромить русскую армию потерпела провал. Командовавший ею М.И. Кутузов, учитывая четырехкратное превосходство французских сил, путем ряда искусных маневров избежал крупного сражения и, совершив тяжелый 400-километровый марш-маневр, соединился с другой русской армией и австрийскими войсками. Вскоре Наполеон занял австрийскую столицу Вену. Кутузов предлагал отвести русско-австрийские войска на восток, чтобы собрать достаточные силы для успешного ведения военных действий, однако находившиеся при соединенной русско-австрийской армии императоры Франц и Александр настояли на генеральном сражении. Оно произошло **20 ноября 1805 г.** на весьма неудачно избранной для русско-австрийских войск позиции при Аустерлице и закончилось блестящей победой Наполеона. После этого сражения Австрия капитулировала и заключила унизительный мир. Коалиция фактически распалась. Русские войска были отведены в пределы России, и в Париже начались русско-французские переговоры о мире, закончившиеся подписанием в **июле 1806 г.** мирного договора, но Александр I отказался его ратифицировать.

Летом 1806 г. Наполеон захватил Голландию и западные германские княжества. Королем Голландии он провозгласил своего брата Людовика Бонапарта, а из 36 западногерманских государств образовал Рейнский союз, объявив себя его «протектором». Над королевством Пруссия нависла серьезная угроза вторжения французских войск в его пределы. Англия и Швеция обещали ей поддержку. К ним примкнула Россия. В середине сентября 1806 г. из этих четырех государств оформилась четвертая коалиция против Франции. Фактически участвовали в ней войска Пруссии и России. Не дожидаясь подхода русских войск, Пруссия первая начала военные действия. В происшедших в один и тот же день 6 октября 1806 г. сражениях — при Иене и Ауэрштедте — две прусские армии подверглись сокрушительному разгрому. Король Пруссии Фридрих-Вильгельм III бежал к границам России. Почти вся Пруссия была оккупирована французскими войсками. Русской армии пришлось одной в течение семи последующих месяцев вести упорную борьбу против превосходящих сил французов. Наиболее кровопролитными в ходе этой кампании были сражения при Прейсиш-Эйлау и под Фридландом (в Восточной Пруссии). Хотя в итоге Наполеону удалось оттеснить русские войска к пограничной реке Неман, но его войска понесли столь значительные потери, что он сам предложил заключить мир.

В конце июня 1807 г. состоялась встреча Наполеона с Александром I в г. Тильзите (на Немане), где **25 июня 1807 г.** был заключен мир, а также наступательный и оборонительный союз между Россией и Францией. По условиям мира Александр признавал изменения, произведенные Наполеоном в Европе, и брал на себя посредничество между Францией и Англией на переговорах о заключении мира. К России присоединялась Белостокская область. По настоянию Александра, Наполеон согласился на сохранение самостоятельности Пруссии, однако ее территория сокращалась наполовину, кроме того, с нее взыскивалась контрибуция в 100 млн. франков. Из земель, присоединенных ранее к Пруссии по разделам Польши, создавалось Варшавское герцогство во главе с союзником Наполеона саксонским королем. При этом Наполеон нисколько не думал о восстановлении самостоятельности Польши, на что надеялись поляки. «Мне нужен в Польше лагерь, а не форум,— цинично заявлял он.— Я не намерен плодить якобинцев и создавать республиканские очаги. Я желаю иметь поляков как дисциплинированную военную силу, чтобы меблировать поле битвы». В подписанном одновременно секретном трактате о наступательном и оборонительном союзе обе стороны обязывались вести совместно войну против любой державы.

Заключением в Тильзите мирного и союзного договора с Россией Наполеон стремился усилить ее внешнеполитическую изоляцию. Союз с Францией втягивал Россию в фарватер агрессивной политики Наполеона, ограничивая самостоятельность

российского правительства в международных делах. Присоединение к континентальной блокаде, направленной против Англии, наносило сильный ущерб экономике России, поскольку Англия являлась ее главным торговым партнером. Созданное Наполеоном герцогство Варшавское явилось стратегическим плацдармом для Наполеона. Таким образом, Тильзитским миром Наполеон подготавливал для себя наиболее благоприятные условия для войны с Россией. В самой России это прекрасно понимали. «Тильзитский мир для Франции,— писал М.М. Сперанский,— всегда был мир вооруженный. Вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с Тильзитским миром: самый мир заключал в себе почти все элементы войны».

Условия Тильзитского мира вызвали сильное недовольство как в консервативных, так и в передовых кругах русского общества. Был нанесен серьезный удар по международному престижу России, уязвлено национальное чувство. Против Александра I поднялся всеобщий ропот, тайно поговаривали о возможности нового дворцового переворота, называли даже вероятного кандидата на престол — умную и энергичную сестру императора Екатерину Павловну, жившую в Твери. Сам Александр I понимал опасность нарастающей против него оппозиции.

Тягостное впечатление от Тильзитского мира было в некоторой степени компенсировано успехами в русско-шведской войне **1808—1809 гг.** Еще во время переговоров в Тильзите Наполеон и Александр договорились о разделе между ними сфер влияния в Европе: Александр признавал сферу интересов Франции в Западной Европе, Наполеон предоставлял Александру «свободу рук» в Восточной Европе и подталкивал его в силу союзнических обязательств к войне со Швецией. Поводом к войне явилось отвергнутое шведским королем Густавом IV Адольфом требование о разрыве с Англией и присоединение к континентальной блокаде. Военные действия начались в феврале 1808 г. и потребовали от России большого напряжения сил. Сначала военные действия шли успешно: против 36 тыс. шведских войск был направлен 55-тысячный русский корпус, который быстро сломил сопротивление шведов. В течение нескольких месяцев русские войска заняли основные города и крепости Южной Финляндии. Затем военные действия приостановились. Лишь к концу 1808 г. вся Финляндия была освобождена от шведских войск. В марте 1809 г. 48-тысячный корпус М.Б. Барклая де Толли, совершив в течение недели беспримерный переход в тяжелых условиях по льду Ботнического залива, подошел к Стокгольму. 5 сентября в г. Фридрихсгаме (Финляндия) был заключен между Россией и Швецией мир, по условиям которого к России отходили Финляндия и Аландские острова, Швеция обязывалась заключить мирные договоры с Францией и Данией, которые находились с ней в состоянии войны, расторгнуть союз с Англией и присоединиться к континентальной блокаде.

Еще в ходе войны, в **марте 1809 г.**, в г. Борго открылся финляндский Сейм, который определил статус Финляндии в составе Российской империи в качестве Великого княжества Финляндского. Российский император наделялся титулом великого князя Финляндского, но от его имени Финляндией управлял наместник, который был поставлен во главе Правительствующего Совета (с 1816 г. Сената) Финляндии. Законодательную власть осуществлял четырехсословный Сейм, без согласия которого император не мог принять новый закон или отменить старый, а также вводить налоги. Признавалась конституция Финляндии, которой она пользовалась будучи в составе Швеции. Финляндия имела свою таможню по торговле с Россией и с другими странами, ее доходы не поступали в общеимперскую казну, а шли на внутренние нужды. Позднее (с 1860 г.) Финляндия получила право чеканить собственную монету, в г. Або был открыт университет. В 1811 г. территория Финляндии расширилась за счет присоединения к ней Выборгской губернии.

Наполеон рассчитывал, что заключение в 1807 г. мира и союза с Россией обеспечит ему «восточный тыл», тем более что Россия, связанная войнами со Швецией, Ираном и Османской империей, к тому же только что вышедшая из тяжелой войны с Францией, не могла противостоять его аннексионистской политике в Европе. После заключения Тильзитского мира Наполеон приступил к завоеванию Испании, овладение которой имело для него важное стратегическое, политическое и экономическое значение: завершалось завоевание западной части европейского материка, нарушалась важнейшая коммуникационная линия Англии в Средиземноморье, укреплялась и расширялась система континентальной блокады Англии, вместе с тем решалась задача свержения в Испании династии Бурбонов. Однако завоевание Испании и поддержание в ней своего господства потребовали от Наполеона переброски в эту страну значительных военных сил. В Испании Наполеон встретился с широкой народной войной; испанские гверильясы (партизаны) боролись как против французских завоевателей, так и против своих феодалов.

Вместе с тем постепенно углублялись противоречия между Францией и Россией. Присоединение к континентальной блокаде сократило вывоз из России хлеба в 5 раз, а других товаров — почти в 2 раза. Резко сократился и импорт товаров в Россию. Курс ассигнационного рубля упал вчетверо, возросла дороговизна. Финансы были расстроены. Годовой бюджет составлял 125 млн. руб., а расходы превысили 250 млн. руб., государственный долг достиг 570 млн. руб. Принятые в 1810—1811 гг. М.М. Сперанским меры (введение дополнительных налогов, увеличение пошлин, соблюдение строгого режима экономии в расходах) увеличили доход в казну в 2,4 раза. В 1813 г. Сперанский писал Александру I, что если бы эти меры тогда не были приняты, «то не только вести настоящую войну (1812 г.), но и встретить ее было бы не с чем».

Континентальная блокада болезненно сказывалась на экономике России. Систематическое нарушение условий блокады со стороны России было неизбежным, что обостряло ее отношения с Францией. С другой стороны, Наполеон, нарушая условия Тильзитского мира, расширил территорию герцогства Варшавского, увеличил численность польской армии и ввел в Польшу часть своих войск, что создавало уже прямую угрозу России.

Углубившиеся противоречия вызвали необходимость встречи Наполеона с Александром, которая состоялась в немецком городе Эрфурте **осенью 1808 г.** Она была крайне необходима Наполеону, чтобы сохранить союз с Россией для окончательного покорения Испании и Австрии. Переговоры шли трудно. В итоге были подтверждены условия тильзитских соглашений. В специальной конвенции говорилось о принципе невмешательства в дела каждой из сторон. Вместе с тем предусматривалось выступление России на стороне Франции в случае военного конфликта между Францией и Австрией. В начале 1809 г. этот конфликт разразился, и Александр I в силу эрфуртских соглашений вынужден был объявить войну Австрии. Однако русским войскам был дан секретный приказ избегать столкновений с австрийскими войсками.

Противоречия между Россией и Францией продолжали углубляться. Они усугубились и отказом Александра выдать замуж за Наполеона свою сестру Анну Павловну, и захватом Наполеоном герцогства Ольденбургского, которым владел дядя Александра Максимилиан. Война России с Францией становилась неизбежной. Сам Наполеон шел к развязыванию войны, открыто в 1810 г. заявив о своем стремлении к мировому господству: «Через пять лет я буду господином мира. Остается одна Россия, но я раздавлю ее». В конечном счете план Наполеона сводился к тому, чтобы лишить Россию того значения, какое она имела в Европе, ослабить ее и превратить фактически в своего вассала. Он рассчитывал заставить поверженную Россию предоставить своих солдат для формирования новой его армии, с которой намеревался двинуться на покорение Индии — оплота могущества Англии. Следовательно, для самой России речь шла о сохранении своей государственной самостоятельности.

§ 4. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г. ЗАГРАНИЧНЫЙ ПОХОД РУССКОЙ АРМИИ В 1813—1814 гг.

Ни к одной из войн Наполеон не готовился так тщательно, как к походу на Россию. Подробнейшим образом разрабатывался план предстоящей кампании, тщательно изучался театр военных действий, создавались огромные склады боеприпасов, обмундирования и продовольствия. Были проведены новые наборы (конскрипции) в армию, при этом суровым карам подвергались не только уклоняющиеся от набора, но и их семьи. Под ружье была

поставлена огромная армия, насчитывавшая до 1200 тыс. солдат. Однако половину ее пришлось расквартировать в завоеванных Наполеоном странах, в которых поднималось национально-освободительное движение; только в одной Испании Наполеону приходилось держать до 300 тыс. солдат.

Готовясь к войне с Россией, Наполеон стремился создать широкую антирусскую коалицию, включив в нее Австрию, Пруссию, Швецию и Османскую империю. Однако этот план ему удалось реализовать лишь частично. В феврале — марте 1812 г. он заключил тайные союзы с Австрией и Пруссией, обещая им территориальные приобретения за счет некоторых западных территорий России. Но из обещанных ему Австрией и Пруссией 330 тыс. солдат он получил лишь 80 тыс. Не увенчались успехом попытки Наполеона создать угрозу России на ее северном и южном флангах — со стороны Швеции и Османской империи. В апреле 1812 г. Швеция заключила секретный договор с Россией о взаимной военной поддержке, а в мае 1812 г. был заключен мир между Россией и Османской империей, что вызвало особенное раздражение Наполеона, обещавшего турецкому султану Крым за продолжение войны с Россией.

В России были осведомлены в деталях о подготовке Наполеона к войне. Русский посол в Париже А.Б. Куракин начиная с 1810 г. дважды в месяц доставлял своему военному министерству точные сведения о численности и дислокации французских войск. Ценную военно-политическую информацию Россия получала за крупные денежные суммы и от министров Наполеона — иностранных дел Талейрана и полиции Фуше.

К войне готовилась и Россия. Уже с 1808 г. началось перевооружение русской армии, увеличение ее численности, укрепление западных границ, строительство новых приграничных крепостей, устройство складов боеприпасов, продовольствия и фуража. Здесь немалую роль сыграл, в особенности в деле создания первоклассной для того времени артиллерии и строительстве крепостей, находившийся в 1808—1810 гг. на посту военного министра А.А. Аракчеев. Значительны были заслуги в подготовке русской армии и сменившего Аракчеева на посту военного министра М.Б. Барклая де Толли.

В конце 1811 г. Наполеон начал сосредоточивать свои войска в Польше, а к марту 1812 г. завершил подготовку к вторжению в Россию. Против нее он выставил 640 тыс. солдат, из них французы составляли 356 тыс., остальные — немцы, австрийцы, швейцарцы, итальянцы, поляки, хорваты, датчане, португальцы и др. Поистине это было «нашествие дванадесяти язык». Армия вторжения насчитывала 456 тыс. солдат, остальные находились в резерве в Польше вдоль западных границ России. «Моя армия составлена так, что одно движение поддерживает ее,— говорил Наполеон. — Во главе ее можно идти вперед, но не останавливаться и не отступать; это

армия наступления, а не защиты». Любая неудача могла деморализующе подействовать на такую разношерстную армию, за исключением ее ядра — закаленных в боях французских ветеранов, старой и молодой гвардии.

Перед вторжением Наполеона Россия имела под ружьем около 400 тыс. солдат регулярных и 150 тыс. (в основном казачьих) иррегулярных войск. Против армии Наполеона Россия выставила 279,6 тыс. солдат, которые были рассредоточены по 600-верстному пространству вдоль западных ее границ: 1-я армия М.Б. Барклая де Толли численностью 120,2 тыс. человек находилась в районе Вильны; 2-я П.И. Багратиона —49,4 тыс.— у Белостока; 3-я А.П. Тормасова в числе 44,2 тыс. располагалась у Луцка; под Ригой корпус П.Х. Витгенштейна численностью 38,1 тыс. чел. и Дунайская армия П.В. Чичагова (57,5 тыс. чел.) прикрывала юго-западные границы России. Такое рассредоточение русских войск диктовалось тем, что французская армия вместе с ее резервами дислоцировалась по широкому фронту от Кенигсберга до Люблина, и не было известно главное направление, выбранное Наполеоном.

В России знали примерные сроки вторжения в ее пределы французской армии. Распространенное ранее мнение о «внезапности» нападения Наполеона несправедливо, как и утверждение, будто вторжение произошло «без объявления войны»: за несколько дней до него Наполеон через своего полномочного посла в Петербурге А. Коленкура официально сделал такое объявление.

В ночь на **12 июня 1812 г.** многоязычная «Великая армия» четырьмя потоками в разных местах перешла русскую границу. Левый фланг французской армии под командованием маршала Ж. Макдональда в составе трех корпусов вел наступление в направлении Рига — Петербург. Основная, центральная, группа войск в составе 220 тыс. человек во главе с самим Наполеоном вела наступление на Ковно — Вильну. Южнее ее наступал корпус под командованием пасынка Наполеона Евгения Богарне; корпус австрийского генерала Карла Шварценберга наступал на киевском направлении. При известии о переходе французскими войсками русской границы Александр I направил к Наполеону генерала А.Д. Балашова с мирными предложениями, но они остались без ответа.

Обычно войны Наполеона сводились к нескольким или даже одному генеральному сражению, которые и решали исход всей кампании. И на этот раз Наполеон рассчитывал, используя свое численное превосходство, разбить в нескольких крупных сражениях рассредоточенные русские армии поодиночке. Он планировал завершить кампанию 1812 г. в течение месяца.

У русского командования не было заранее разработанного «скифского» плана «заманивания» противника в глубь своей страны, как утверждал Наполеон, а впоследствии и некоторые западные историки. Русские армии вынуждены были отступать, ведя беспрерывные арьергардные бои, нанося значительные потери наступав-

шей французской армии. В то время как потери русской армии восполнялись подходившими резервами, силы французской армии таяли в результате боевых действий, необходимости оставлять гарнизоны в захваченных городах, а также от болезней и дезертирства. Уже в первый месяц войны из наполеоновской армии дезертировало свыше 50 тыс. солдат (главным образом из войск его союзников).

В течение июня французские войска заняли Ковно и Вильну. Попытка Наполеона окружить и уничтожить армию Барклая де Толли в Дрисском лагере (на Западной Двине) не удалась. Тот удачным маневром вывел свою армию из ловушки, какой мог для нее оказаться Дрисский лагерь.

22 июля после тяжелых арьергардных боев армии Барклая де Толли и Багратиона соединились в Смоленске. План Наполеона разгромить обе армии поодиночке был сорван. Упорный бой русских с наседавшими передовыми частями французской армии под Красным (западнее Смоленска) позволил войскам укрепить Смоленск. **4—6 августа** произошло кровопролитное сражение за Смоленск. Здесь особенно отличились 27-я дивизия Д.П. Неверовского и 7-й корпус Н.Н. Раевского, которые сдерживали натиск почти всей французской армии и помогли двум русским армиям организованно отступить. В ночь на 7 августа русские войска оставили сожженный и разрушенный город. Шесть дней Наполеон стоял в Смоленске, чтобы дать отдых своим войскам, подтянуть резервы и обозы. Он предполагал завершить кампанию 1812 г. в Смоленске и через пленного русского генерала П.А. Тучкова отправил Александру I письмо с предложением мира. Ответа не последовало. В Смоленске Наполеон принял решение наступать на Москву, овладеть ею и продиктовать Александру свои условия мира.

В ходе войны российское правительство предприняло дипломатические шаги для создания антинаполеоновской коалиции. В июле был подписан договор о дружбе и военном взаимодействии с Англией и аналогичный — с Испанией, а также заключена дополнительная конвенция со Швецией о совместных действиях против Наполеона. Велись секретные переговоры с Данией, Пруссией и Австрией с целью отвлечь их от союза с Наполеоном.

Наполеон впоследствии говорил о своем намерении дать свободу русским крепостным крестьянам, чтобы привлечь их на свою сторону. Но увидев их «закоснелость», он отказался от этого. В действительности он предпринял другой шаг: 1 июля на территории оккупированных Виленской, Гродненской и Минской губерний и Белостокской области им было создано марионеточное «княжество Литовское». Гражданское управление в нем осуществлялось Комиссией Временного правительства, назначенной Наполеоном; военное находилось в ведении генерал-губернатора, также поставленного Наполеоном. Ему удалось даже сформировать на

территории «княжества» «жандармерию» и «армию» из местных жителей общей численностью в 19 тыс. человек.

Трудности русской армии усугублялись отсутствием единого командования. В августе под давлением тяжелых военных обстоятельств и требования широкого общественного мнения Александр I подписал приказ о создании единого командования всеми действующими русскими армиями и о назначении главнокомандующим М.И. Кутузова. «Общество желало его, и я его назначил. Что же касается меня, то я умываю руки»,— заявил Александр.

Еще до назначения Кутузова главнокомандующим Барклай де Толли готовился к решающему сражению, которое предполагал дать у Царева Займища. 17 августа Кутузов прибыл в действующую армию, нашел избранную Барклаем позицию невыгодной и отдал приказ к дальнейшему отступлению. Для генерального сражения он избрал новую позицию — у с. Бородино (в 124 км к западу от Москвы). В донесении Александру I он назвал эту позицию «одной из наилучших, которую только на плоских местах найти можно». Пересеченная местность позволяла скрытно маневрировать резервами, а на господствующих над местностью возвышениях («курганах») установить артиллерию.

24 августа французская армия подошла к стоявшему в трех верстах перед Бородинским полем укреплению у с. Шевардина (Шевардинскому редуту). Завязался тяжелый бой: 12 тыс. русских солдат при 12 орудиях весь день сдерживали натиск 40-тысячного французского корпуса, у которого было 186 орудий. Большинство защитников Шевардинского редута пали смертью храбрых, но это сражение задержало на сутки французскую армию и помогло укрепить левый фланг на бородинской позиции.

Перед Бородинским сражением русская армия насчитывала 154,5 тыс. человек (в том числе 11 тыс. казаков и 28,5 ополченцев) и 640 орудий, французская —134 тыс. и 587 орудий.

Сражение началось в половине шестого утра **26 августа** атакой французской дивизии генерала А. Дельзона на Бородино. Это был отвлекающий маневр Наполеона, главный удар он нанес на левом фланге русских войск через час. Еще через полчаса после ожесточенной артиллерийской подготовки началась вторая атака на флеши. Наполеон вводил в дело все новые и новые части, чтобы прорвать левый фланг, зайти в тыл русской армии и заставить ее сражаться перевернутым фронтом. В 11 часов 30 минут он предпринял самую решительную атаку на флеши: он ввел в дело 40 тыс. отборных французских войск и сосредоточил на флеши огонь двух третей своей артиллерии. Хотя в ходе этой атаки флеши были заняты французами, но прорвать фронт расположения русских частей Наполеону не удалось. Отступившие заняли прочную оборону. В этой атаке получил смертельную рану Багратион. С захватом флешей французами начался массированный артиллерийский обстрел центра русской обороны — Курганной батареи Н.Н. Раев-

ского. По ней били 400 орудий, для ее штурма было сосредоточено 45 тыс. солдат. В этот момент по приказу Кутузова в тыл французских войск был предпринят рейд конницы М.И. Платова и Ф.П. Уварова. Хотя он и не дал ожидавшегося результата (разгром тылов французской армии), но на два часа приостановил атаки французов на русский центр, что дало возможность Кутузову подтянуть резервы и перегруппироваться. К 16 часам редут Раевского все-таки был захвачен французской конницей. К вечеру Кутузов приказал своим войскам отойти на новую линию обороны. Сгустились сумерки, пошел мелкий дождь. Наполеон прекратил атаки и отвел свои войска на исходные позиции, ограничившись артиллерийской канонадой.

В Бородинском сражении потери французов составили 28 тыс., русских —46,5 тыс. человек, в том числе 29 генералов. Большие потери и задержка с прибытием обещанных резервов не позволили Кутузову на следующий день возобновить сражение. Он отдал приказ об отступлении к Москве. В своем донесении Александру I он расценивал это сражение как победу русской армии. Так считают и многие отечественные историки. Иначе оценивают результаты Бородинского сражения французские историки, говоря, что «в битве при Москве-реке» победили французы. По-видимому, в оценке битвы точнее всех был сам Наполеон: «Французы в ней показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми».

1 сентября в д. Фили, в трех верстах от Москвы, был собран военный совет. Кутузовым был поставлен на обсуждение вопрос: «Ожидать ли нападения на невыгодной позиции или уступить неприятелю Москву?» Мнения разделились, но Кутузов принял единственно правильное решение: оставить Москву, чтобы сохранить армию, ибо с потерей армии будет потеряна и Москва и проиграна вся кампания.

На следующий день французская армия подошла к Москве. Напрасно Наполеон на Поклонной горе ждал депутацию «бояр» с ключами от города. Москва опустела: из 270 тыс. ее жителей в ней осталось около 6 тыс. Отступление русской армии через Москву было столь поспешным, что неприятелю достались богатые склады с оружием, боеприпасами, обмундированием, продовольствием. Оставлены были на милость победителя и 22,5 тыс. раненых в госпиталях Москвы. В ту же ночь в разных местах города вспыхнули пожары, которые бушевали целую неделю. В огне погибло более $^2/_3$ зданий. Жертвами пожара стали многие из оставшихся жителей, а также раненые в госпиталях.

В литературе давно ведутся споры о виновниках московского пожара. Неверно утверждение о том, что Наполеон при вступлении в город якобы отдал приказ о его сожжении. Это было бессмысленно хотя бы потому, что ему необходимо было расквартировать в городе огромную армию, обеспечить ее жильем и продовольствием. Не-

правомерно и обвинение в преднамеренном сожжении Москвы русских. Но есть данные о приказах уничтожить склады оружия, фуража и продовольствия. Вероятно, поднявшийся ветер при сухой погоде превратил отдельные очаги пожара в море огня. Пожар не смог «выкурить» французов из Москвы. Войска Наполеона благополучно разместились в городе, а вслед за ними и подходившие резервы. Первоначально Наполеон намеревался всю зиму сидеть в Москве, с тем чтобы подготовиться к новой кампании в предстоящем году. Но чем дольше его армия находилась в Москве, тем более она разлагалась: дисциплина катастрофически падала, усилились мародерство и грабежи. Создались серьезные трудности в обеспечении армии продовольствием и фуражом. Москва была блокирована партизанами, уничтожавшими французских фуражиров. Во время своего пребывания в Москве французская армия потеряла до 30 тыс. человек.

Из Москвы Наполеон неоднократно обращался к Александру I с предложениями о заключении мира. Константин Павлович, вдовствующая императрица, многие царедворцы склоняли Александра к миру. Просили об этом Аракчеев и Балашов. Но Александр был непреклонен. «Я отращу себе бороду и лучше соглашусь питаться картофелем с последним из моих крестьян, нежели подпишу позор моего отечества»,— заявил он.

В Москве французская армия находилась 36 дней. 28 сентября начался второй пожар в городе. Перед выходом из Москвы, 7 октября, Наполеон отдал приказ взорвать Кремль и кремлевские соборы, разрушить то, что пощадил огонь. К счастью, пострадали только колокольня Ивана Великого и Никольская башня Кремля.

Из Москвы выступила 116-тысячная еще боеспособная французская армия, с огромным обозом награбленных ценностей. Дальнейший план Наполеона состоял в том, чтобы, следуя по Калужской дороге, разгромить русскую армию, овладеть продовольственной базой в Калуге и военными арсеналами в Туле, далее направиться на юг в плодородные и не разоренные войной губернии. Но этот план был сорван Кутузовым.

Русская армия, покинув Москву, сначала двигалась к Рязани. По пятам следовал конный корпус Мюрата. Около Коломны Кутузов, оставив заслон из нескольких казачьих полков, повернул на Старокалужскую дорогу и вывел армию из-под удара наседавшей французской конницы. На р. Наре в 80 км от Москвы по Калужской дороге был создан знаменитый Тарутинский лагерь, который сыграл решающую роль в подготовке русской армии к контрнаступлению. В течение 21 сентября —11 октября численность армии была доведена с 85 тыс. до 120 тыс. человек, укреплен офицерский состав. Кроме того, в губерниях были сформированы народные ополчения, благодаря которым армия получила еще 120 тыс. человек.

6 октября Кутузов внезапно нанес удар по корпусу Мюрата, стоявшему на р. Чернишне около Тарутина. Потеряв 5 тыс. человек,

Мюрат отступил. Поражение Мюрата заставило Наполеона ускорить движение своих основных сил к Калуге. Кутузов направил свою армию к Малоярославцу, где **12 октября** произошло крупное сражение, второе по значимости после Бородина. Город восемь раз переходил из рук в руки, и хотя в итоге его заняли французы, стратегическая инициатива с этого момента перешла к русской армии. «Сей день,— доносил Кутузов императору,— есть один из знаменитейших в сию кровопролитную войну, ибо потерянное сражение при Малоярославце повлекло бы за собою пагубнейшие следствия и открыло бы путь неприятелю через хлебороднейшие провинции». Наполеон вынужден был отказаться от движения на юг и повернул к Вязьме, на разоренную Смоленскую дорогу. Началось отступление французской армии (которое впоследствии превратилось в бегство) и ее преследование русской армией. 200-верстный путь от Малоярославца до Вязьмы обе армии проделали всего за 5 дней. Сражение под Вязьмой **22 октября** нанесло существенный урон арьергарду французов. 28 октября Наполеон с уже изрядно потрепанной в арьергардных боях армией прибыл в Смоленск. С востока двигались основные силы Кутузова, с севера наступал корпус Витгенштейна, с юга армия Чичагова. Создалась угроза окружения и захвата французской армии в Смоленске. Через 5 дней по прибытии в Смоленск Наполеон отдал приказ о дальнейшем отступлении на запад.

Уже с начала вторжения французской армии в Россию в стране стала разгораться народная война против иноземных захватчиков. До оставления Москвы партизанские отряды возникали стихийно и состояли преимущественно из крестьян. Однако уже тогда Барклай де Толли подал мысль о создании «летучих отрядов» из состава регулярных войск (именно они и назывались тогда «партизанскими», т. е. действующими отдельно от основных сил). После того как была оставлена Москва, партизанское движение как отдельных армейских отрядов, так и крестьянских, приняло широкий размах. Из регулярной армии для партизанских действий в тылу противника были выделены 36 казачьих, 7 кавалерийских и 5 пехотных полков, что служило показателем того, какое серьезное значение придавал Кутузов действиям партизанских отрядов. Командование снабжало их оружием и боеприпасами. Некоторые из отрядов насчитывали по нескольку тысяч человек и имели даже артиллерию. Таковы отряды под командованием опытных кадровых офицеров — А.Н. Сеславина, А.С. Фигнера, Д.В. Давыдова (известного поэта). Большую помощь действующей армии оказывали крестьянские партизанские отряды Федора Потапова, Ермолая Четвертакова, Герасима Курина, старостихи Василисы Кожиной. Развернув «малую войну», они нарушали коммуникации противника, выполняли роль разведки, блокировали отступавшую французскую армию, лишая ее фуража и продовольствия.

От Смоленска до Березины французская армия еще сохраняла

боеспособность, хотя и несла большие потери от ранних в том году морозов, голода, болезней, арьергардных боев.

После переправы через Березину **14—16 ноября**, при которой Наполеон потерял 50 тыс. солдат, всю артиллерию и обозы, началось уже беспорядочное бегство остатков французских войск. Лишь несогласованные действия Чичагова и Витгенштейна, фактически не выполнивших приказы Кутузова, помогли Наполеону переправиться через Березину и избежать плена. В Сморгони Наполеон передал командование маршалу Мюрату, а сам тайно оставил армию и поспешил в Париж.

Из 650 тыс. солдат «Великой армии» Наполеона вернулись на родину, по одним данным, 30 тыс., по другим —40 тыс. солдат. По существу, наполеоновская армия была не изгнана, а истреблена на бескрайних заснеженных просторах России. **21 декабря** Кутузов доносил Александру: «Война закончена за полным истреблением неприятеля». **25 декабря** был издан приуроченный к Рождеству Христову царский манифест, возвещавший об окончании войны. Россия оказалась единственной страной в Европе, способной не только противостоять наполеоновской агрессии, но и нанести ей сокрушительный удар. Секрет победы заключался в том, что это была национально-освободительная, поистине Отечественная, война. Но эта победа досталась народу дорогой ценой. Двенадцать губерний, ставших ареной военных действий, были разорены. Сожжены и разрушены древние русские города Смоленск, Полоцк, Витебск, Москва. Прямые военные потери составили свыше 300 тыс. солдат и офицеров. Еще большие потери были среди гражданского населения.

Победа в Отечественной войне 1812 г. оказала огромное воздействие на все стороны социальной, политической и культурной жизни страны, способствовала росту национального самосознания, дала могучий толчок развитию передовой общественной мысли в России. Вместе с тем она серьезно потрясла основы феодальной экономики России.

Но победоносное окончание Отечественной войны 1812 г. еще не означало, что России удалось покончить с агрессивными планами Наполеона. Сам он открыто заявлял о подготовке нового похода на Россию, лихорадочно сколачивал новую армию для кампании 1813 г.

Александр I принял решение упредить Наполеона и сразу же перенести военные действия за пределы страны. Во исполнение его воли Кутузов в приказе по армии от 21 декабря 1812 г. писал: «Не останавливаясь среди героических подвигов, мы идем теперь далее. Пройдем границы и потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его». И Александр и Кутузов с полным основанием рассчитывали на помощь со стороны покоренных Наполеоном народов, и их расчет оправдался.

1 января 1813 г. стотысячная русская армия под командованием Кутузова перешла Неман и вступила в пределы Польши. 16 февраля в Калише, где находилась ставка Александра I, был заключен между

Россией и Пруссией наступательный и оборонительный союз. Пруссия брала на себя также обязательство снабжать на своей территории продовольствием русскую армию.

В начале марта русские войска заняли Берлин. К этому времени Наполеон сформировал 300-тысячную армию, из состава которой 160 тыс. солдат двинул против союзных войск. Тяжелой потерей для России была смерть Кутузова **16 апреля 1813 г.** в силезском городе Бунцлау. Главнокомандующим русской армией Александр I назначил П.Х. Витгенштейна. Его попытки вести свою, отличную от кутузовской стратегию привела к ряду неудач. Наполеон, нанеся в конце апреля — начале мая поражения русско-прусским войскам при Люцене и Бауцене, отбросил их к Одеру. Александр I заменил Витгенштейна на посту главнокомандующего союзными войсками Барклаем де Толли.

В июле — августе 1813 г. в антинаполеоновскую коалицию вступили Англия, Швеция и Австрия. В распоряжении коалиции оказалось до полумиллиона солдат, разделенных на три армии. Главнокомандующим над всеми армиями был назначен австрийский фельдмаршал Карл Шварценберг, а общее руководство ведением военных действий против Наполеона осуществлял совет трех монархов — Александра I, Франца I и Фридриха-Вильгельма III.

У Наполеона к началу августа 1813 г. насчитывалось уже 440 тыс. солдат, и 15 августа он одержал победу над войсками коалиции под Дрезденом. Лишь победа русских войск через три дня после Дрезденского сражения над корпусом наполеоновского генерала Д. Вандама под Кульмом предотвратила распад коалиции.

Решающее сражение в ходе кампании 1813 г. развернулось под Лейпцигом **4—7 октября**. Это была «битва народов». В ней участвовало с обеих сторон более полумиллиона человек. Сражение завершилось победой союзных русско-прусско-австрийских войск.

После сражения под Лейпцигом союзники медленно продвигались к французской границе. За два с половиной месяца почти вся территория германских государств была освобождена от французских войск, за исключением некоторых крепостей, в которых французские гарнизоны упорно оборонялись до самого конца войны.

1 января 1814 г. союзные войска перешли Рейн и вступили на территорию Франции. К этому времени к антинаполеоновской коалиции присоединилась Дания. Союзные войска непрерывно пополнялись резервами, и к началу 1814 г. насчитывали уже до 900 тыс. солдат. За два зимних месяца 1814 г. Наполеон выиграл у них 12 сражений и два свел вничью. В лагере коалиции вновь возникли колебания. Союзники предложили Наполеону мир на условиях возвращения Франции к границам 1792 г. Наполеон ответил отказом. На продолжении войны настаивал Александр I, стремившийся к свержению Наполеона с престола. Вместе с тем Александр I не хотел и восстановления на французском престоле

Бурбонов: он предлагал оставить на престоле малолетнего сына Наполеона под регентством его матери Марии-Луизы. 10 марта Россия, Австрия, Пруссия и Англия заключили Шомонский трактат, по которому обязывались не вступать в сепаратные переговоры с Наполеоном о мире или перемирии. Трехкратное превосходство союзников в численности войск к концу марта 1814 г. привело к победоносному окончанию кампании. Одержав в начале марта победу в сражениях при Лаоне и Арси сюр Об, 100-тысячная группировка союзных войск двинулась на Париж, обороняемый 45-тысячным гарнизоном. 16 марта 1814 г. Париж капитулировал. Наполеон бросился освобождать столицу, но его маршалы отказались сражаться и заставили его 25 марта подписать отречение от престола. По мирному договору, подписанному **18 мая 1814 г.** в Париже, Франция возвращалась к границам 1792 г. Наполеон и его династия лишались французского престола, на котором восстанавливались Бурбоны. Королем Франции стал Людовик XVIII, вернувшийся из России, где он пребывал в эмиграции.

§ 5. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА В 1815—1825 гг.

После крушения империи Наполеона международный престиж России значительно возрос. Александр I и другие европейские монархи, его союзники, воспользовались победой над Наполеоном для реставрации реакционных, так называемых легитимных, режимов. В ходе решения этой задачи между странами-победительницами возникли острые противоречия, главным образом по территориальным вопросам. В **сентябре 1814 г.** по инициативе России, Англии, Австрии и Пруссии в Вене собрался международный конгресс, на котором присутствовали 216 представителей всех европейских держав (кроме Турции). Венский конгресс заседал до **июня 1815 г.** На нем возникли территориальные споры между Австрией и Пруссией из-за Саксонии, между Россией, Австрией и Пруссией из-за территории герцогства Варшавского. Сложные интриги вел английский кабинет, стремившийся укрепить свои позиции на Европейском континенте. Противоречия обострились до того, что в начале января 1815 г. Австрия, Англия, Бавария и Франция заключили «оборонительный» союз, направленный против России. Возникла угроза военного конфликта, и лишь приход Наполеона к власти во Франции в конце марта 1815 г. отодвинул эти разногласия на второй план и заставил европейские державы быстро решить спорные территориальные вопросы. Они приняли декларацию, объявлявшую Наполеона «врагом человечества» и положившую начало созданию новой, седьмой по счету, антинаполеоновской коалиции. На заключительном этапе Венского конгресса (28 мая 1815 г.) часть Саксонии передавалась Пруссии, а герцогство Варшавское — России (за исключением ряда его

территорий, отходивших к Австрии и Пруссии). 6 июня 1815 г. последовал разгром Наполеона в битве при Ватерлоо. Союзные войска снова вступили в Париж. Наполеон был низложен и сослан на о. Св. Елены в Атлантическом океане.

14 сентября 1815 г. Александром I, Францем I и Фридрихом-Вильгельмом III был подписан акт о создании Священного союза. К нему вскоре присоединились почти все монархи Европы, за исключением турецкого султана как «нехристианина» и Англии, не пожелавшей формально связывать себя этим договором. Целью Священного союза было сохранение установленной Венским конгрессом системы новых государственных границ, укрепление прежних феодальных династий, подавление революционных и национально-освободительных движений. Для принятия мер против нараставшего после 1815 г. революционного движения в европейских странах периодически созывались конгрессы Священного союза. Первый из них собрался в **1818 г.** в южном немецком городе *Аахене*, на котором приняли решение о выводе оккупационных войск союзных держав из Франции, она вошла в Священный союз. Был рассмотрен вопрос о мерах борьбы с революцией в любом из европейских государств. Второй конгресс состоялся в конце **1820— начале 1821 г.** в г. *Троппау* (ныне Опава) на территории Австрии и *Лайбахе* (ныне Любляна). Он проходил в обстановке полыхавших революций в Португалии, Испании, Неаполе и Пьемонте. Конгресс принял решение о «праве» вмешательства во внутренние дела других государств с целью ликвидации возникших у них революций. Конгресс дал санкцию Австрии на подавление революций в итальянских государствах — Неаполе и Пьемонте. Третий конгресс состоялся в **1822 г.** в итальянском городе Вероне и был посвящен испанским делам. Он санкционировал французскую интервенцию в 1823 г. в Испанию для подавления там революции.

Важную роль в Священном союзе играл царизм, который В.И. Ленин называл «жандармом Европы», и это определение прочно вошло в литературу. Однако, как мы видим, реальные жандармские функции по подавлению революций в то время исполняли и Австрия, и Франция.

Участникам Священного союза в конечном счете не удалось ни восстановить в полной мере прежние феодальные порядки в Европе, ни предотвратить периодически вспыхивавшие в течение всей первой половины XIX в. революции. Да и сами монархи понимали необратимость процессов, происходивших в их странах под влиянием Французской революции XVIII в. и прошедшей полосы наполеоновских войн. Поэтому творцы Венской системы вынуждены были лавировать, идти на компромиссы. Сама венская система оказалась непрочной в силу острых противоречий между ее участниками из-за влияния на европейскую политику и в сфере «восточного вопроса».

С европейской реакцией 1815—1825 гг. был связан и внутриполитический курс последнего десятилетия царствования

Александра I. Однако следует отметить, что примерно до 1820 г. наряду с проведением некоторых реакционных мер имели место и «уступки духу времени». В 1815—1819 гг. продолжали разрабатываться планы либеральных преобразований, печать и просвещение пока еще не подвергались тем суровым гонениям, которые начались в последнее пятилетие царствования Александра I. **15 ноября 1815 г.** Александр I подписал *конституцию Царства Польского.* Для того времени она была наиболее либеральным конституционным актом в Европе. Александр I был объявлен «царем польским». Польская корона становилась наследственной для российских императоров, но власть их на территории Царства Польского ограничивалась конституцией. Интересы царя в Польше представлял наместник из числа великих князей российского императорского дома, а при отсутствии таковых — «из местных уроженцев». Первым наместником императора в Царстве Польском был назначен его брат вел. князь Константин Павлович. Высшую законодательную власть осуществлял двухпалатный Сейм, собиравшийся на свои заседания один раз в два года, на 30 дней, а в перерывах между его заседаниями — Государственный совет, действовавший постоянно. Все государственные должности замещались только поляками и официальные акты составлялись на польском языке. Провозглашались свобода печати и неприкосновенность личности; господствующей религией объявлялся католицизм, но равноправие предоставлялось и другим вероисповеданиям. Вводился общий для всех сословий суд при независимости и несменяемости судей. В составе российских вооруженных сил создавался Польский корпус под командованием наместника царя в Варшаве.

При открытии первого заседания Сейма в Варшаве в **марте 1818 г.** Александр I произнес речь, в которой заявил, что учрежденные в Польше конституционные порядки он намеревается «распространить на все страны, моему попечению вверенные». Эта речь Александра произвела сильное впечатление на умы прогрессивных людей России, внушив им надежды на конституционные намерения царя. «Спят и видят конституцию»,— писал об этих настроениях Н.М. Карамзин.

В 1818 г. Александр I поручил министру юстиции Н.Н. Новосильцеву подготовить Государственную Уставную грамоту для России, в которой были широко использованы принципы польской конституции 1815 г. Текст был готов к 1820 г. и одобрен царем. Был написан и высочайший манифест, долженствующий возвестить об обнародовании Уставной Государственной грамоты, но в связи с поворотом царя к реакции тексты этих актов были положены под сукно.

В том же 1818 году несколько царских сановников получили секретные поручения царя разработать проекты отмены крепостного права. Один из таких проектов по поручению царя подготовил и А.А. Аракчеев. Он предусматривал постепенный выкуп помещичьих крестьян в казну: помещики получали за освобождаемых

поселян в Чугуеве близ Харькова. Восстание было подавлено с помощью двух дивизий регулярных войск и артиллерии.

Окончательный поворот к реакции произошел после 1820 г. Он явился ответом на ряд внешних и внутренних событий, которые произвели на Александра I глубокое впечатление. Наблюдательные современники, в первую очередь декабристы, связывали усиление реакционного политического курса Александра I с политическими потрясениями 1820 г. в Западной Европе. На конгрессе Священного союза в Троппау осенью 1820 г. он призвал «принять серьезные и действенные меры против пожара, охватившего весь юг Европы, от которого уже огонь разбросан во всех землях». В то же время он получил известие о волнении в Петербурге лейб-гвардии *Семеновского полка*. Оно произошло **16—18 октября 1820 г.** и было вызвано жестокостями вновь назначенного командира этого полка полковника Е.Ф. Шварца. Это событие произвело большое впечатление в Петербурге. Восстала не обычная воинская часть, а основанный еще Петром I один из старейших гвардейских полков, на который «смотрела вся армия». Этот полк был наиболее близок ко двору, и шефом его значился сам Александр I. Солдаты этого привилегированного полка в большинстве своем были ветеранами многих войн, грамотными и бывалыми. Заметим, что Семеновский полк оказался как бы «колыбелью» декабризма: первое декабристское общество Союз спасения возникло в казармах Семеновского полка. Однако служившие в полку члены тайного общества не только не приняли участия в солдатском протесте, но старались даже предотвратить его, хотя и горячо сочувствовали положению солдат.

Первым Александру сообщил это неприятное для него известие австрийский канцлер Меттерних, представив это как свидетельство того, что и в России «неспокойно». По приказу царя полк был раскассирован по различным армейским частям, его 1-й батальон предан военному суду, «зачинщики» возмущения прогнаны сквозь строй и сосланы в бессрочную каторгу, а солдаты 1-го батальона разосланы по сибирским гарнизонам. Александр I ошибочно полагал, что возмущение Семеновского полка инспирировано тайным обществом. Следствие не обнаружило этого. Однако после усилилось наблюдение тайной полиции за настроениями в армии, а затем и среди гражданского населения. Вскоре Александр I по доносам узнал и о существовании тайного общества декабристов — Союзе благоденствия. Но он решил обойтись без арестов и громкого судебного процесса. Рассказывают даже, что он бросил список членов тайного общества в пылающий камин, якобы не желая знать «имен этих несчастных», ибо и сам «в молодости разделял их взгляды», добавив при этом: «Не мне подобает карать». Однако он знал «имена несчастных» по другим доносам и решил покарать их тайно, без судебной огласки: одни были разжалованы, другие сосланы, и те и другие отданы под негласный надзор полиции.

В **1822** г. последовал рескрипт на имя управляющего Министерством внутренних дел В.П. Кочубея о запрещении тайных обществ и масонских лож и о взятии с военных и гражданских чинов подписки, что они не принадлежат и впредь не будут принадлежать к таковым организациям. В 1821—1823 гг. помимо секретной гражданской полиции вводится сеть тайной полиции в гвардии и в армии. Были особые агенты, следившие за действиями самой тайной полиции, а также друг за другом. Следили за всеми высшими государственными лицами, в том числе и за Аракчеевым (у которого, кстати, была и своя агентура).

В 1821—1825 гг. наступление реакционного политического курса обозначилось по всем направлениям: отменялись указы, изданные в начале царствования Александра, несколько сдерживавшие произвол помещиков, вновь подтверждалось право помещиков ссылать своих крестьян в Сибирь «за продерзостные поступки», крестьянам запрещалось жаловаться на жестокость своих господ. Усилились гонения на просвещение и печать. Еще в 1819 г. в Казанский университет для его «ревизии» был послан М.Л. Магницкий, стяжавший славу обскуранта и гонителя просвещения. Он обнаружил в университете «дух вольномыслия и безбожия», уволил более половины профессоров, из его библиотеки изъял все книги, отличавшиеся, по мнению Магницкого, «вредным направлением». «Исправлять» Казанский университет поручалось тому же Магницкому как попечителю Казанского учебного округа. В 1821 г. назначенный попечителем петербургского учебного округа Д.П. Рунич подверг разгрому столичный университет. Был возбужден судебный процесс против видных профессоров: К.И. Арсеньева, А.И. Галича, К.Ф. Германа, Э.Б. Раупаха. Процесс тянулся до 1827 г. и был прекращен за недоказанностью «преступления». Цензура беспощадно преследовала не только всякую свободную мысль, но и те сочинения, которые по каким-либо мотивам оказывались неугодными, хотя формально продолжал сохранять силу цензурный устав 1804 г.

Реакционный внутриполитический курс самодержавия в 1820—1825 гг. обычно связывают с личностью Аракчеева и называют аракчеевщиной. В самом деле, роль Аракчеева, всесильного временщика при Александре I, была в те годы исключительно велика. С 1822 г. Аракчеев на положении первого министра фактически являлся единственным докладчиком царю по всем вопросам, даже по ведомству Святейшего Синода. Все министры шли с докладами сначала к Аракчееву, а он уже делал общий доклад императору. Современники видели в Аракчееве главное «зло» тех лет. Даже монархически настроенные историки пытались все беды страны свалить на Аракчеева. Нисколько не отрицая влияния этой одиозной личности на ход государственных дел, необходимо иметь в виду, что вдохновителем реакционного курса был сам Александр I, а Аракчеев выступал лишь в роли наиболее ревностного исполнителя его воли.

Глава XXIII

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ. ДЕКАБРИСТЫ

§ 1. ФОРМИРОВАНИЕ ДЕКАБРИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

В понятие «*освободительное движение*» входят не только *революционная борьба*, но и *либерально-оппозиционные выступления*, а также все оттенки передовой общественно-политической мысли.

Освободительное движение начинается в эпоху перехода от феодализма к капитализму, т. е. в эпоху ломки феодально-абсолютистских учреждений и подъема буржуазии. Переходная эпоха ставила задачи буржуазно-демократических преобразований. Хотя Россия в своем социально-экономическом и политическом развитии и отставала от передовых западноевропейских стран, где уже в XVII—XVIII вв. произошли буржуазные революции и утвердился представительный политический строй, знаменовавший собой победу буржуазии, однако и в ней примерно на рубеже XVIII—XIX вв. также были поставлены задачи подобных преобразований. Но специфика России заключалась в том, что задачи буржуазно-демократического преобразования страны, выдвинутые освободительным движением, опережали реальные условия их осуществления.

Как известно, В.И. Ленин подразделял освободительное движение в России (до 1917 г.) на *три этапа: дворянский, разночинский* и *пролетарский*. В основу такой периодизации им был положен сословно-классовый критерий, ибо, по его мнению, преобладание на том или ином этапе определенного класса (или сословия) «налагало свою печать на движение», т. е. определяло его особенности — организационно-тактические принципы, характер программных требований. Эта схема, основанная на сугубо «классовом подходе», господствовала в советской научно-исследовательской и учебной литературе. Отметим правомерность, но недостаточность такого подхода. Хотя на первом этапе (примерно до середины XIX в.) в освободительном движении практически преобладали дворяне, но и на «разночинском» его этапе большую роль, особенно среди его либерально-оппозиционного крыла, продолжали играть выходцы из дворянства. Даже на «пролетарском» этапе демократические партии, возглавлявшие революционную борьбу и действовавшие от имени пролетариата и крестьянства, состояли преимущественно из представителей интеллигенции, но не рабочих и крестьян, численность которых в этих партиях была ничтожной. Умеренное крыло освободительного движения, возглавляемое либерально-оппозиционными партиями, почти целиком было представлено буржуазной и дворянской интеллигенцией.

Поэтому более правомерен другой критерий периодизации освободительного движения — *характер идеологии,* взятой на воору-

жение его деятелями на том или ином этапе. Так, до 40-х годов XIX в. в освободительном движении России господствовали идеи века Просвещения — теория «естественного права человека и гражданина», разработанная в XVIII в. французскими просветителями. Примерно с 40-х до начала 80-х годов XIX в. освободительное движение проходит под знаком социалистических идей, сначала западноевропейских, а с рубежа 40—50-х годов — «русского социализма», ориентировавшегося на особый, некапиталистический путь к социализму и делавшего ставку на крестьянскую общину. Последующий этап освободительного движения базировался на идеях марксизма и их модификации применительно к российским условиям — ленинизме.

Каждый этап связан с определенным периодом социально-экономического и политического развития страны. Дворянский почти целиком соответствует дореформенной, крепостной эпохе; разночинский совпадает с утверждением и развитием капитализма в пореформенную эпоху; пролетарский — с эпохой империализма. Каждая эпоха, выдвигая свои задачи социальных и политических преобразований страны, определяла и состав участников освободительного движения, стратегию и тактику, а также и формы освободительной борьбы. Вместе с тем следует подчеркнуть, что русское освободительное движение XIX — начала XX в. — это единый процесс, каждый этап которого органически связан с предшествующим.

Заметим также, что преобладание в руководстве русским освободительным движением дворян и интеллигенции было обусловлено, в отличие от стран Западной Европы, тем, что в России так и не сформировалось широкого среднего слоя населения, так называемого третьего сословия, которое могло бы выдвинуть политические программы и требования и возглавить освободительную борьбу.

А.Н. Радищев, Н.И. Новиков, русские просветители рубежа XVIII—XIX вв., декабристы, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, В.Г. Белинский, петрашевцы — таковы наиболее известные имена первого, дворянского, этапа освободительного движения в России. Это были представители очень узкого круга наиболее образованного передового дворянства. В целом же русское дворянство оставалось крепостнически настроенным и верным престолу консервативным сословием, а в реальной жизни представляло собой, по определению А.И. Герцена, «бесчисленное множество пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников».

Декабристы — люди высокой нравственности, которая выделила их из среды остального дворянства, заставила подняться выше своих сословных привилегий, дававшихся им происхождением и положением в обществе. Стать «декабристами» означало пожертвовать всем своим состоянием и даже самой жизнью во имя

высоких и благородных идеалов — освобождения России от крепостничества и деспотизма самодержавной власти. Все свои практические действия они соотносили с нравственными нормами. Для достижения великой цели, как они утверждали, должны быть и высоконравственные средства. «Для поступка великого не должно употреблять низкие средства» (К.Ф. Рылеев). Следовательно, дело декабристов — не только их гражданский, но и высокий нравственный подвиг, как они его себе представляли.

Большое влияние на формирование освободительных идей декабристов оказала *Отечественная война 1812 г.* Не случайно они называли себя «детьми 1812 года», рассматривая его как отправную точку своего политического воспитания. Свыше ста будущих декабристов были участниками войны 1812 г., 65 человек из тех, кого потом поименуют «государственными преступниками», геройски сражались с врагом на поле Бородина.

Победа в Отечественной войне 1812 г. способствовала росту национального самосознания в России, дала могучий толчок развитию передовой общественной мысли и русской национальной культуры вообще. Именно война 1812 г. глубоко и остро поставила перед будущими декабристами вопросы о судьбах России, путях ее развития. Она выявила огромные возможности народа, который, как верили декабристы, освободив свою страну от иноземного нашествия, рано или поздно должен найти в себе силы и для освобождения от «внутренней тирании» — сбросить ярмо крепостнического рабства. Заграничный поход русской армии 1813—1814 гг., в которых участвовали многие декабристы, познакомили их с социально-политическими изменениями в Европе после Французской революции конца XVIII в., обогатили их новыми впечатлениями, новыми идеями и жизненным опытом. Все это оказалось в гармоничном созвучии с освободительными идеями, главным источником которых в то время являлся прежде всего патриотизм. Именно в движении декабристов передовые идеи были тесно связаны с патриотическими настроениями, более того, в значительной степени были ими обусловлены. Этот феномен объясняется тем, что на раннем этапе освободительного движения не только в России, но и в других странах в условиях формирования нации, роста национального самосознания передовые идеи неразрывно связаны с национальным возрождением, с развитием национальной культуры, с прогрессом нации вообще. Декабристы, горячие патриоты своей Родины, раньше других поняли, что крепостничество и самодержавный произвол — главные причины ее бед. Поэтому ликвидация крепостного строя и самодержавия ими рассматривалась в первую очередь как глубоко патриотическая задача «спасения» России. Важным движущим фактором явилось осознание декабристами необходимости и неизбежности перемен, стремление к выполнению своей исторической миссии — принять участие в этих переменах.

Важно учитывать обстановку, атмосферу той эпохи, в которой действовали декабристы. Они выступили в эпоху крупных военно-политических катаклизмов, их время несло, говоря словами А. Блока, свои «неслыханные перемены, невиданные мятежи»: наполеоновские войны, революции в разных странах Европы, национально-освободительные восстания в Греции и латиноамериканских колониях. «Нынешний век, — писал в своих показаниях П.И. Пестель, — ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противуположностей. То же самое зрелище представляет и вся Америка. Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать».

Декабристы были тесно связаны с либерально-оппозиционной, или, как говорят, «околодекабристской», средой, на которую они опирались в своей деятельности и которая по существу разделяла характерные для декабристов взгляды. Это видные писатели (например, А.С. Пушкин, П.А. Вяземский, А.С. Грибоедов, Д.В. Давыдов), известные своими прогрессивными взглядами государственные и военные деятели (Н.С. Мордвинов, П.Д. Киселев, М.М. Сперанский, А.П. Ермолов). Поэтому возникновение декабризма и деятельность декабристских обществ, особенно на раннем их этапе, нельзя понять вне связи с их либерально-оппозиционным окружением. Нельзя сбрасывать со счета и тот факт, что на формирование декабристских идей и взглядов оказали влияние как преобразовательная деятельность и реформаторские планы начала царствования Александра I, так и позднее разочарование в «реформаторе на троне», последовавшее в результате фактического от них отказа.

Значительное влияние на организационно-тактические принципы декабристов оказали масонство (более 80 декабристов, в том числе и все их лидеры, были масонами), а также опыт тайных обществ в европейских странах.

§ 2. СОЮЗ СПАСЕНИЯ И СОЮЗ БЛАГОДЕНСТВИЯ

Им предшествовали ранние, преддекабристские, организации — «юношеские собратства», офицерские «артели» в гвардейских полках, действовавшие в **1814—1816 гг.** Среди них особенно известны «артель» офицеров лейб-гвардии Семеновского полка и «Орден русских рыцарей» М.Ф. Орлова и М.А. Дмитриева-Мамонова, имевший даже свой письменный устав.

Первое декабристское общество — *Союз спасения* — возникло в **начале февраля 1816 г.** в Петербурге по инициативе 23-летнего полковника Генерального штаба А.Н. Муравьева. В общество первоначально вошли молодые гвардейские офицеры Н.М. Муравьев, братья М.И. и С.И. Муравьевы-Апостолы, С.П. Трубецкой и

И.Д. Якушкин. Свое окончательное устройство общество получило через год, когда в него вступил приехавший в Петербург энергичный П.И. Пестель. При его участии был составлен и принят «статут» (устав) общества. С этого момента оно получило новое название — «Общество истинных и верных сынов Отечества». В члены общества принимались по строжайшему отбору только офицеры гвардейских полков и Генерального штаба. Это была еще малочисленная, носившая заговорщический характер группа единомышленников, насчитывавшая даже спустя год после своего основания не более 10—12 членов. Лишь в конце существования в ней состояло 30 человек. Во внутреннем обиходе организации сказывалось влияние масонского ритуала: члены общества подразделялись на три «степени» — «боляр», «мужей» и «братий»; при вступлении в общество вновь принимаемый давал торжественную клятву, произносимую на кресте и Евангелии, быть верным обществу и не разглашать его тайн; сам текст клятвы содержал угрозу ее нарушителю — смерть от яда или кинжала.

В этой декабристской организации, хотя и была определена основная цель — введение конституции и уничтожение крепостного права, еще оставались неясными средства достижения этой цели, отсутствовала программа политических преобразований. Предполагалось в перспективе «исторгнуть» ее у правительства путем открытого выступления тайного общества в момент смены царей на престоле — не присягать новому царю, если он не провозгласит конституционное правление. Сохранялась и надежда, что Александр, продолжая свою реформаторскую деятельность, может по своей инициативе даровать конституцию, и предполагалось в таком случае всемерно поддержать его: «Ежели сам государь подарит отечество твердыми законами и постоянным порядком дел, то мы будем его вернейшими приверженцами и оберегателями» (из показаний Пестеля).

В августе 1817 г. царский двор вместе с гвардией выехал в Москву для проведения торжеств в связи с пятилетием победы в Отечественной войне 1812 г. В составе гвардии в Москве оказались почти все члены декабристской организации. Квартира Александра Николаевича Муравьева в Хамовнических казармах стала местом собраний декабристов. В это время до них дошли известия о кровавой расправе над крестьянами Новгородской губернии, сопротивлявшимися переводу их в разряд военных поселян. Кроме того, из Петербурга пришло от Трубецкого письмо, в котором он сообщал о том, будто бы Александр намеревается восстановить независимость Польши, присоединив к ней некоторые исконно русские губернии. Все эти известия вызвали взрыв возмущения у декабристов. Спонтанно возник план немедленного выступления, которое предполагалось начать с цареубийства. И.Д. Якушкин вызывался пробраться с двумя пистолетами в Кремль и во время царского выхода из Успенского собора из одного пистолета поразить

царя, а из другого — самого себя, что должно было придать акту цареубийства характер дворянской дуэли. После продолжительных и горячих споров сторонников и противников цареубийства мысль о покушении на царя была оставлена ввиду крайней ограниченности сил участников заговора для совершения переворота, если бы и удалось осуществить цареубийство. В итоге решено было ликвидировать Союз спасения и приступить к созданию другой, более широкой организации.

В январе 1818 г. такая организация была создана в Москве и получила название *Союза благоденствия*. За время своего трехлетнего существования (1818—1821) Союз благоденствия сделал крупный шаг в разработке организационно-тактических принципов и программных положений декабризма. От Союза спасения он отличался более многочисленным составом — в нем насчитывалось уже до 200 членов, детально разработанным уставом — «Зеленой книгой». Первая часть устава носила благонамеренный характер и преследовала, по отзывам самих декабристов, «ближнюю цель: распространение просвещения, занятие должностей гражданских членами тайного общества». Составители его использовали устав тайного прусского общества Тугендбунда (Союза добродетели), созданного в 1808 г. с целью патриотического воспитания народа, когда разгромленная Наполеоном Пруссия оказалась под его игом. С первой частью устава «Зеленая книга» знакомили всех вступающих в Союз благоденствия. Несколько позднее была составлена и вторая часть, содержащая «сокровенную цель» общества — «введение конституции и законно-свободного правления», «уничтожения рабства», введение «равенства граждан перед законом, гласности в государственных делах и в судопроизводстве», ликвидация рекрутчины, военных поселений. «Сокровенная» часть «Зеленой книги» не сохранилась, но ее существование подтверждается рядом показаний декабристов.

В Союзе благоденствия на первый план выдвигалась тактическая задача формирования в стране передового «общественного мнения», благоприятного в будущем для осуществления преобразовательных планов декабристов. Тезис об «общественном мнении, правящем миром», выдвинутый еще в XVIII в. французскими просветителями, был широко распространен в европейском освободительном движении конца XVIII — начала XIX в. Решающее значение общественному мнению в историческом процессе придавал и М.М. Сперанский в своих проектах государственного преобразования. Декабристы были убеждены, что достаточно создать соответствующее «общественное мнение» в стране, как возникнут необходимые условия для политического переворота, причем не обязательно насильственным путем. Они полагали, что для этого потребуется примерно 20 лет. В связи с этим ими предусматривалось образование помимо тайных ячеек («управ») Союза благоденствия различных легальных и полулегальных просветительских, литера-

турных и даже благотворительных обществ, предназначавшихся для «распространения общественного мнения».

Через сеть легальных и полулегальных научных и литературных обществ и «управ» Союз благоденствия был тесно связан с прогрессивными кругами России. В журналах и альманахах члены Союза благоденствия выступали в защиту передовой науки и литературы, защищали обиженных и несправедливо осужденных, выкупали из крепостной неволи талантливых самоучек, создавали ланкастерские школы взаимного обучения в армейских частях, оказывали помощь голодающим крестьянам (например, в Смоленской губернии), подавали правительству (Н.И. Тургенев) проекты освобождения крестьян, «гремели» в салонах против крепостного права, палочных наказаний в армии, аракчеевских военных поселений, а некоторые члены общества (М.Ф. Орлов и В.Ф. Раевский) вели даже прямую антиправительственную пропаганду в армии. На самих тайных заседаниях Союза благоденствия его члены, как вспоминал И.Д. Якушкин, «обсуждали главные язвы отечества: закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, для которых служба в течение 25 лет была каторгой, повсеместное лихоимство, грабительство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще».

Члены Союза благоденствия придерживались разных взглядов и представлений о путях и средствах политических преобразований в стране. Было немало либерально и оппозиционно настроенных членов, которые в своей деятельности не шли дальше требований первой части «Зеленой книги», т. е. ограничивались мирной пропагандистско-просветительской работой. Вместе с тем постепенно брало верх радикальное направление тайного общества, требовавшее «решительных мер» вплоть до введения республики. И чем шире становился круг Союза благоденствия, тем более разнородным становился его состав. На многочисленных собраниях кипели споры, рождались разнообразные проекты и планы, сталкивались различные, иногда противоположные мнения. Эти разногласия особенно четко обозначились в переломные для декабристского движения 1820—1822 годы.

В **январе 1820 г.** в Петербурге, на квартире Ф.Н. Глинки, собралось совещание 14 членов руководящего органа Союза благоденствия — Коренной управы. На этом совещании Пестель выступил с докладом о формах правления в России после революционного переворота. Излагая «все выгоды и невыгоды как монархического, так и республиканского правлений», Пестель доказывал преимущества последнего. После жарких споров и под влиянием убедительной аргументации Пестеля все участники совещания высказались за республику. Пестелю и Никите Муравьеву было поручено приступить к разработке программных документов тайного общества.

Разногласия между радикальной и умеренно настроенной груп-

пами членов Союза благоденствия особенно обострились к концу 1820 г. и поставили общество на грань кризиса. Необходимо было искать новые пути и средства борьбы. С этой целью в **январе 1821 г.** в Москве состоялся съезд представителей «управ» (ячеек) Союза благоденствия. Ввиду обострившихся разногласий в тайном обществе съезд принял решение о формальном самороспуске тайной организации, чтобы освободиться от ненадежных и колеблющихся попутчиков, а также погасить подозрения правительства, уже осведомленного через поступившие доносы о ее существовании, с тем чтобы образовать более законспирированное тайное общество. Этой акцией стремились также и устранить Пестеля, влияние которого на тайную организацию в последние годы ее существования очень возросло.

§ 3. ДЕКАБРИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В 1821—1825 гг.

Самая многочисленная, Тульчинская, управа во главе с Пестелем не признала решения Московского съезда о роспуске Союза благоденствия и постановила «общество продолжать». В марте 1821 г. на основе этой управы оформилось *Южное общество*. Почти одновременно в Петербурге Н.М. Муравьевым и Н.И. Тургеневым было положено начало *Северному обществу*, получившему свое окончательное организационное устройство уже в 1822 г. Оба общества тесно взаимодействовали друг с другом и рассматривали себя как части одной организации.

После 1821 г. деятельность вновь образованных декабристских обществ проходила уже в атмосфере усиления аракчеевской реакции, цензурных гонений, вездесущего полицейского надзора. Вести пропаганду, как это предусматривалось «Зеленой книгой», становилось все труднее. Декабристы вынуждены были перейти к более строгой конспирации, разрабатывать иную, более действенную тактику революционной борьбы, рассчитанную не на длительную пропаганду, а на подготовку революционного выступления, причем в недалеком будущем. Еще с 1820 г. умами декабристов стала все более овладевать идея военного восстания без участия в нем народных масс — «военной революции». Тактический план декабристов совершить революционный переворот «во имя народа», но без участия в нем народных масс был обусловлен не только и даже не столько «дворянской ограниченностью» декабристов. В первую очередь они исходили из опыта двух типов революций: французской 1789 г. — революции народных масс, сопровождаемой «беспорядками и безначалием», и испанской 1820 г. — «организованной, без крови и беспорядков», совершающейся при помощи дисциплинированной военной силы, руководимой авторитетными начальниками — членами тайных обществ. Пример французской революции и последовавшей за ней диктатуры Наполеона показывал декабристам, что закономерный итог такой революции — появ-

ление диктатора. Их страшили ужасы якобинского террора как следствия «революции черни».

Декабристы были убеждены в том, что народные революции неизбежно приведут к деспотизму, ибо на гребне стихийной волны «необузданности масс» всегда появляется диктатор. «Военная революция» «наподобие гишпанской» должна была послужить альтернативой революции типа французской. «Военная революция», как они говорили, будет наиболее быстрой, бескровной, безболезненной, а главное — «организованной», предотвращающей «пугачевщину» и «анархию». «Военная революция» явится и альтернативой возникновения в России «новой пугачевщины», ибо существование крепостного права допускало такую возможность. Как писал С.П. Трубецкой, в России крепостное право «располагает к пугачевщине более, нежели во всяком другом государстве». Он рисовал мрачную картину последствий в России народного восстания: «С восстанием крестьян неминуемо соединены будут ужасы, которых никакое воображение представить себе не может, и государство сделается жертвою раздоров и может быть добычей честолюбцев, наконец, может распасться на части, и из одного сильного государства распасться на разные слабые. Вся слава и сила России может погибнуть, если не навсегда, то на многие века».

1821—1823 годы — время становления, численного роста и организационного оформления Южного и Северного обществ. Южное общество состояло из Тульчинской, Каменской и Васильковской «управ» (отделений). Общество возглавлялось Коренной думой (или Директорией), в которую были избраны П.И. Пестель, А.П. Юшневский и руководитель Северного общества Н.М. Муравьев (тем самым подчеркивалась тесная связь между Северным и Южным обществами). Но фактически в Южном обществе главенствовал Пестель, авторитет и влияние которого были непререкаемы. Его твердая воля, ясный ум, колоссальная, поистине энциклопедическая эрудиция, глубокая убежденность в своей правоте и железная логика суждений увлекали и подавляли слушателей так, что, по свидетельству его соратников, «трудно было устоять против его влияния». Непосредственный начальник Пестеля, командующий 2-й армией граф П.Х. Витгенштейн, говорил о нем: «Дай ему командовать армией, поставь его во главе любого министерства — он везде будет на месте». Но эти же качества Пестеля, сделавшие его, по отзывам декабристов, «движущей пружиной» Южного общества, вызывали настороженность у членов Северного общества, которые подозревали его в намерении сделаться «российским Бонапартом». Пестель выступал за строго дисциплинированную тайную организацию, каким и стало Южное общество, самое многочисленное и радикально настроенное. Ежегодно в январе, начиная с 1822 г., в Киеве, куда съезжались по делам службы на Контрактовую ярмарку офицеры многих полков,

собирались съезды Южного общества для обсуждения организационных, тактических и программных вопросов.

Северное общество также имело ряд «управ» — отделений в гвардейских полках столицы. Во главе общества стояла Дума из трех человек — Н.М. Муравьева, С.П. Трубецкого и Е.П. Оболенского. В составе Северного общества находилась и ее Московская управа, в которой видное место занимал друг А.С. Пушкина, судья Московского надворного суда, И.И. Пущин. В 1823 г. в члены Северного общества И.И. Пущиным был принят К.Ф. Рылеев, причем в его высший разряд — «убежденных». Рылеев вскоре занял ведущее положение в Северном обществе, и принятая им в 1824—1825 гг. группа молодых офицеров гвардии и флота составила так называемую «рылеевскую отрасль».

В 1821 г. в самостоятельную организацию выделилась Кишиневская управа Союза благоденствия во главе с командиром 16-й пехотной дивизии генерал-майором М.Ф. Орловым и его другом майором В.Ф. Раевским. Арест Раевского в феврале 1822 г. и следствие над ним по делу об антиправительственной агитации среди солдат привели в 1823 г. к разгрому Кишиневской организации.

Разработка конституционных проектов и конкретных планов военного восстания составила основное содержание деятельности декабристских обществ после 1821 г. В 1821—1825 гг. были созданы две политические программы (каждая в нескольких вариантах) революционных преобразований — *«Русская Правда» П.И. Пестеля* и *Конституция Никиты Муравьева*, а также был согласован и план совместного выступления обоих обществ.

Декабристские проекты политического и социального переустройства России основывались на принципах «естественного права», выработанных мыслителями века Просвещения — Локком, Руссо, Монтескье, Дидро, Гольбахом, с произведениями которых авторы декабристских конституций были хорошо знакомы. Под «естественными правами» понимались личная свобода человека, равенство всех перед законом, непризнание сословных различий, а также создание представительного образа правления с разделением властей на законодательную, исполнительную и судебную. Эти положения своим острием были направлены против феодально-абсолютистских порядков и содержали большой для того времени революционный заряд. Они закладывали основы буржуазного правового государства. При разработке своих проектов Пестель и Н. Муравьев опирались и на конституционный опыт других государств — Североамериканских Соединенных Штатов и некоторых стран Западной Европы.

Пестель полагал, что для проведения революционных преобразований, равно как и для подавления контрреволюционных бунтов, необходим 10-летний переходный период. На этот срок власть вручалась Временному революционному правительству, облеченно-

му диктаторскими полномочиями. «Русская Правда» служила «наказом» этому правительству, которое обязывалось провести в жизнь записанную в этом документе программу преобразований.

«Русская Правда» Пестеля провозглашала уничтожение крепостного права, установление в России республики с твердой централизованной властью, равенство всех граждан перед законом. При решении аграрного вопроса Пестель исходил из двух предпосылок: земля есть общественное достояние, из которого каждый гражданин имеет право получить земельный надел, но вместе с тем справедливой признавалась и частная собственность на землю. Пестель стремился согласовать эти два принципа путем деления земельного фонда страны на две части — землю общественную и землю частную. Первая передавалась в распоряжение волостного общества, и каждый гражданин страны должен быть «приписан» к той или иной волости. Общественная земля не могла быть ни продана, ни заложена, а предоставлялась в безвозмездное пользование каждому гражданину, если он желал заняться сельским хозяйством. В общественный фонд входили бывшие крестьянские наделы, казенные и монастырские земли, а также конфискованная у крупных землевладельцев (имевших свыше 5 тыс. десятин) половина их земель. Частная земля находилась в свободном товарном обращении и должна была содействовать развитию частной предпринимательской инициативы в сельском хозяйстве. Земли этой категории на правах частной собственности могли принадлежать не только отдельному лицу, но и государству и даже самой волости.

Подлежало упразднению прежнее сословное деление; все сословия «сливались в единое сословие — гражданское». Гражданские и политические права получали мужчины, достигшие 20-летнего возраста. Вводилась всеобщая воинская повинность для мужчин в возрасте с 21 года сроком на 15 лет. Военные поселения ликвидировались. «Русская Правда» декларировала свободу слова, печати, собраний, занятий, передвижения, вероисповедания, неприкосновенность личности и жилища, введение нового суда, равного для всех граждан, с гласным судопроизводством и правом обвиняемого на защиту. Однако предусматривались и определенные ограничения в пользовании некоторыми из этих прав. Категорически запрещались всякие общества и объединения, «явные и тайные», издателя и «сочинителя» могли привлечь к суду за произведения, нарушающие «правила нравственности» или подрывающие честь и достоинство граждан. В решении национального вопроса Пестель признавал право национального самоопределения только за польским народом, но при условии, что независимая Польша должна заключить «вечный союз» с Россией и провести у себя аналогичные с нею социально-политические преобразования. Остальные народы должны «слиться в единый народ».

По «Русской Правде», будущая Российская республика должна быть единым и нераздельным государством с сильной централизо-

ванной властью. Пестель был противником федерации, полагая, что она способствует развитию сепаратистских тенденций и тем самым ослаблению государства. В административном отношении Россия по его проекту подразделялась на области, те — на округа (губернии), округа — на уезды, а уезды — на волости.

Высшая законодательная власть в стране принадлежала Народному вечу в составе 500 человек, избранному на 5 лет, а исполнительная — избираемой Народным вечем также на 5 лет Державной думе в числе 5 человек. Высшую контрольную («блюстительную») власть должен был осуществлять Верховный собор из 120 человек, избираемых пожизненно. Распорядительная власть на местах передавалась окружным, уездным и волостным наместным собраниям, а исполнительная — окружным, уездным и волостным правлениям, избираемым сроком на 1 год.

«Русская Правда» Пестеля — самый радикальный конституционный проект декабристов. Но именно в силу своего крайнего радикализма он нес в себе значительные элементы утопизма, ибо радикализм заложенных в нем преобразований не соответствовал социально-экономическому уровню развития тогдашней России. Возможно, этим объясняется план проведения этих мер лишь при наличии жесткой революционной диктатуры, на которую ориентировался Пестель.

В отличие от «Русской Правды» Пестеля конституционный проект Н. Муравьева предусматривал сохранение монархии, ограниченной конституцией. Кроме того, Н. Муравьев был противником строго централизованной государственной власти. Россия по его проекту должна стать федерацией из 14 держав и 2 областей (по второму варианту — из 13 держав и 2 областей) со своими «столицами» и самостоятельным управлением. Державы делились на уезды (или поветы), которых во всей федерации предполагалось 569, а уезды на волости по 500—1500 жителей мужского пола в каждой. Столицей федерации должен был стать Нижний Новгород, переименованный в Славянск. При определении федеративного устройства страны Н. Муравьев, однако, исходил не из национальных, а хозяйственно-экономических особенностей ее регионов.

Н. Муравьев проводил строгое разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную, что долженствовало стать, наряду с федеративным устройством, гарантией против возникновения в стране диктатуры. Высшим законодательным органом в будущей Российской федерации должно было стать двухпалатное Народное вече, состоявшее из Верховной думы (верхней палаты) и Палаты «представителей народных» (нижней палаты), избираемых на шесть лет. В каждой державе законодательным органом являлось Державное вече, состоявшее также из двух палат — Державной думы и Палаты выборных, избираемых на 4 года.

Избирательным правом могли пользоваться лишь мужчины,

достигшие 21 года, имевшие постоянное место жительства, недвижимую собственность на 500 руб. серебром или движимую на 1 тыс. руб., которые исправно платили общественные налоги и не находились у кого-либо «в услужении». Чтобы быть избранным в местные и центральные органы власти, требовался еще более высокий имущественный ценз — до 30 тыс. руб. недвижимого или 60 тыс. руб. движимого имущества. Таким образом, высокий имущественный ценз давал доступ к участию в активной политической жизни страны имущим слоям населения.

Высшая исполнительная власть принадлежала императору. Он являлся верховным главнокомандующим, мог с согласия Верховной думы назначать министров и судей верховных судебных мест. При вступлении на престол император должен был принести присягу в верности и защите конституции. Он считался «первым чиновником государства». Ему выделялось «жалованье» в размере от 8 до 10 млн. руб. серебром в год, на которое он мог содержать свой двор. Однако придворные на время службы императору лишались права занимать государственные должности.

В проекте Н. Муравьева детально разработано преобразование судебной системы. Вводился гласный суд с присяжными, адвокатурой, состязательностью сторон. Суд объявлялся равным для всех граждан страны. Высшим судебным органом предполагалось Верховное судилище, в державах — державные судилища, а в уездах — уездные. Низшей судебной инстанцией являлся волостной «совестный суд».

Проект Н. Муравьева предусматривал упразднение сословной структуры общества, провозглашал всеобщее равенство граждан перед законом, защиту неприкосновенности личности и имущества, широкую свободу слова, печати, собраний, свободный выбор занятий. В отличие от Пестеля Н. Муравьев предусматривал неотъемлемое право граждан создавать различного рода объединения и сообщества. В проекте торжественно декларировалась ликвидация крепостного права. «Крепостное право и рабство отменяются, — писал Н. Муравьев. — Раб, прикоснувшийся земли русской, становился свободным». Однако помещичье землевладение оставалось неприкосновенным («земли помещиков остаются за ними»). Первоначально Н. Муравьев, как и некоторые другие декабристы, предполагал освободить крестьян совсем без земли, и лишь в последнем варианте он уже считал возможным предоставить бывшим помещичьим крестьянам усадьбу и по 2 десятины пахотной земли на двор. В более выгодном положении оказывались военные поселяне, государственные и удельные крестьяне: они получали те земли, которыми владели до этого. Н. Муравьев полагал, что в перспективе вся земля, в том числе и крестьянская надельная, должна стать частной собственностью их владельцев.

Обычно считают, что конституционный проект Н. Муравьева, более умеренный в силу якобы своей «классовой, дворянской

ограниченности», стоит «ниже» пестелевского. Между тем он, по сравнению с проектом Пестеля, был реалистичнее, ибо более подходил к условиям тогдашней России. Еще в 1820 г. Н. Муравьев стоял за республику, но после глубоких размышлений и изучения тогдашнего состояния России, настроений широких народных масс пришел к выводу о целесообразности для России конституционной монархии. Введение им имущественного ценза при занятии государственных должностей, а также его вариант решения аграрного вопроса, по-видимому, преследовали цель опереться на состоятельные, активные слои населения, предоставляя им благоприятные условия для хозяйственного предпринимательства.

1824—1825 гг. отмечены активизацией деятельности декабристских организаций. Значительно возросла их численность преимущественно за счет военной молодежи. Вплотную была поставлена задача *непосредственной подготовки военного восстания.*

Весной 1824 г. в Петербург приезжает Пестель и ведет переговоры об объединении Южного и Северного обществ и о координации их действий в предстоящем восстании. Он настойчиво добивался объединения обоих обществ на идейной платформе «Русской Правды». Проект Пестеля вызвал бурные споры в Северном обществе, руководство которого (особенно Н.М. Муравьев и С.П. Трубецкой) выступало против предлагаемого Пестелем введения на 10 лет диктатуры Временного революционного правительства, его аграрного проекта с «разделением земель», отстаивало идею Учредительного собрания и федеративного принципа устройства будущей России. Важным препятствием к объединению служили и опасения «честолюбивых», «диктаторских» замыслов Пестеля. Хотя организационного объединения обоих обществ и не произошло, однако важным результатом переговоров Пестеля с Северным обществом явилась договоренность о совместном выступлении, намечавшемся на лето 1826 г., и о выработке компромиссного варианта конституционного проекта.

Предполагалось начать восстание в Петербурге, «яко средоточии всех властей и правлений», выступлением гвардии и флота, затем изгнать царскую фамилию «в чужие края» (за исключением императора, который должен быть взят под арест до решения вопроса о форме правления — конституционной монархии или республики), созвать Сенат, «дабы чрез него обнародовать новый порядок вещей». На периферии — в армии и в губерниях — члены тайного общества должны оказать военную поддержку восстанию в столице. Это было, по свидетельству Пестеля, «главнейшее мнение». Но руководство Васильковской управы Южного общества (С.И. Муравьев-Апостол и М.П. Бестужев-Рюмин) выдвигало и другой план революционного переворота — начать восстание не в Петербурге, а на периферии. По их плану, во время царского смотра войск члены тайного общества, переодетые в караульных солдат, должны захватить и убить царя, после чего поднять войска, обнародовать две прокла-

мации — к войску и народу о целях восстания, затем двинуться в двух направлениях — на Киев и Москву, присоединяя к себе по пути другие войска. Васильковская управа пыталась дважды привести в действие этот план во время царских смотров войск — в 1823 г. в Бобруйске и в 1824 г. в Белой Церкви, но в обоих случаях по настоянию Пестеля, считавшего, что тайное общество к этому не готово, она отказалась от своих замыслов. Новый план захвата царя в 1825 г. во время смотра войск в Белой Церкви, уже санкционированный Пестелем, не осуществился потому, что Александр I, узнав из доносов о готовящемся против него заговоре, отменил смотр.

В 1823 г. члены Южного общества вошли в контакт с *Польским патриотическим обществом*. В 1825 г. с ним было заключено после длительных переговоров соглашение о поддержке выступления декабристов польскими революционными силами.

В августе—сентябре 1825 г., во время летних лагерных сборов в местечке Лещине (близ Житомира) в состав Южного общества влилось *Общество соединенных славян*. Начало этой организации положили братья Андрей и Петр Борисовы основанием в 1818 г. «Общества первого согласия», переименованного ими затем в «Общество друзей природы». Члены этого сравнительно небольшого кружка ставили своей первоначальной задачей «усовершенствование себя в науках, художествах и добродетелях». По существу, это был просветительский кружок. В 1823 г. в Новоград-Волынске братья Борисовы познакомились с политическим ссыльным поляком Юлианом Люблинским, человеком образованным и имевшим большой опыт конспиративной работы. Совместно они определили организационные принципы и основные программные требования новой организации, получившей отныне название «Общество соединенных славян». В «Клятвенном обещании» и «Правилах» тайного общества, которые можно считать их программными документами (собственно политической программы этого тайного общества еще не существовало), выдвигались требования бороться против крепостничества и деспотизма, за создание республиканской федерации 10 славянских государств: России, Польши, Богемии, Моравии, Сербии, Далмации, Кроации, а также Венгрии, Валахии и Молдавии (венгров, молдаван и румын члены общества тоже причисляли к славянам). Будущее общественное устройство в славянской федерации мыслилось как всеобщее гражданское равенство при республиканском правлении. Объединившись с Южным обществом, «Соединенные славяне» составили в нем особую Славянскую управу, в которой к концу 1825 г. насчитывалось уже свыше 50 членов. В основном это были выходцы из беспоместных или мелкопоместных дворян, занимавшие низшие офицерские посты в армии и жившие на небольшое армейское жалованье.

В конце 1825 г. члены Южного общества развернули агитационную работу среди солдат с целью подготовки их к пред-

стоящему военному выступлению. Агитация велась через доверенных унтер-офицеров и солдат раскассированного после возмущения 1820 г. Семеновского полка, хорошо известных некоторым членам тайного общества по своей прежней службе в этом полку. Им говорили о предстоящем выступлении и о «перемене правительства», в результате чего «убавят им лета их службы, прибавят жалованье, уменьшат строгость, чрез которую они так мучимы бывают». Эта агитация, как установлено следствием, находила горячий отклик у солдат.

Летом 1825 г. к Александру I поступил донос о существовании заговора в войсках, расположенных на юге России. Однако доносчик, кроме факта заговора, не смог назвать имен его участников. Был разработан план их выявления и ареста. Руководство всем этим делом было возложено на Аракчеева, который в силу «семейных обстоятельств» не выполнил возложенной на него задачи, а в сентябре 1825 г. вообще устранился от государственных дел. Осенью 1825 г. поступили к царю новые доносы, в которых сообщались и имена некоторых членов Южного и Северного обществ. 10 ноября Александр I, находясь в Таганроге и будучи тяжело больным, отдал приказ об аресте выявленных членов тайного общества. Однако последовавшая **19 ноября** смерть императора несколько отсрочила начало репрессий; вместе с тем она ускорила выступление декабристов, которые решили воспользоваться создавшимся междуцарствием.

§ 4. ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

Известие о смерти Александра I пришло в Петербург 27 ноября. Сына у него не было (а две его дочери, Мария и Елизавета, умерли в младенчестве). По закону о престолонаследии 1797 г. на престол должен был вступить следующий по старшинству его брат Константин. Но Константин, заключивший в 1820 г. морганатический брак с польской графиней Иоанной Грудзинской (получившей титул княгини Лович), по правилам престолонаследия не мог передать престол своим потомкам, а в 1823 г. по настоянию Александра I отказался и от своих прав на престол. Однако акт об отречении Константина и манифест о передаче престола Николаю Павловичу Александр I решил сохранить в тайне. Когда стало известно о смерти Александра, войска, правительственные учреждения и население присягнули Константину. Принес ему присягу и сам Николай. Однако Константин, не принимая престола, не желал и формально отрекаться от него. Причины такого поведения Константина — одна из исторических загадок. Возникла ситуация междуцарствия.

Известие о смерти Александра I, полученное в Петербурге, застало членов Северного общества врасплох. В тот же день на совещании у Рылеева было решено, что если Константин примет

престол, то надлежит объявить всем членам общества о его формальном роспуске «и действовать сколько возможно осторожнее, стараясь в два или три года занять значительнейшие места в гвардейских полках». Между тем в Петербурге стали распространяться упорные слухи о том, что Константин отказывается от престола, который переходит, таким образом, к Николаю. У членов Северного общества вновь «появилась надежда на немедленное выступление», используя в качестве предлога верность присяге Константину. 10 декабря уже точно стало известно о готовившейся «переприсяге». Начались ежедневные совещания у К.Ф. Рылеева, С.П. Трубецкого и Е.П. Оболенского, где разрабатывались различные варианты выступления.

Выступление назначили на **14 декабря** — день, когда предстояло присягать Николаю Павловичу. Накануне на квартире Рылеева после продолжительных и горячих обсуждений был выработан окончательный план восстания. Декабристы решили вывести восставшие войска на Сенатскую площадь и принудить Сенат объявить введение конституционного правления. Они хотели использовать Сенат как наиболее авторитетный орган государственного аппарата, чтобы придать «законную» форму государственному перевороту. Предполагалось захватить Петропавловскую крепость, Зимний дворец, арестовать царскую семью. «Диктатором» (командующим восставшими войсками) был избран С.П. Трубецкой как «старший по чину» (он был полковником гвардии), а «начальником штаба» Е.П. Оболенский.

От имени Сената предполагалось обнародовать «Манифест к русскому народу», в котором провозглашались: «уничтожение бывшего правления», ликвидация крепостной зависимости крестьян, рекрутчины, военных поселений, телесных наказаний, отмена подушной подати и податных недоимок, сокращение солдатской службы с 25 до 15 лет, уравнение в правах всех сословий, введение выборности центральных и местных органов власти, суда присяжных с гласным судопроизводством, свобода слова, занятий, вероисповеданий. По разработанному декабристами плану сразу же после восстания власть в стране вручалась Временному революционному «правлению», в которое предполагалось ввести наиболее авторитетных государственных и военных деятелей: М.М. Сперанского, Н.С. Мордвинова, А.П. Ермолова, П.Д. Киселева. От тайного общества в него вводился Г.С. Батеньков. Через три месяца после восстания предполагалось созвать Великий собор, который должен был играть роль Учредительного собрания. В состав его должны были быть избраны по два представителя каждого сословия от каждой губернии. Великому собору предстояло определить «тот образ правления, который общим мнением признается полезнейшим и для всех благодетельным», и принять соответствующую конституцию.

Настало утро 14 декабря. Члены тайного общества уже

находились в своих воинских частях и вели агитацию против присяги Николаю I, во имя сохранения верности законному императору Константину. К 11 часам утра первыми на Сенатскую площадь были выведены Александром и Михаилом Бестужевыми и Д.А. Щепиным-Ростовским 800 солдат лейб-гвардии Московского полка, которые были построены в каре (четырехугольник) около памятника Петру I. Вокруг памятника и каре была поставлена заградительная цепь солдат. К часу дня к солдатам Московского полка присоединились матросы Гвардейского экипажа под командой капитан-лейтенанта Николая Бестужева (старшего брата А. и М. Бестужевых). Вслед за ними на площадь прибыл лейб-гвардии Гренадерский полк, который привели поручики Н.А. Панов и А.Н. Сутгоф. Всего на площади собралось *3 тыс. солдат и матросов при 30 офицерах* (некоторые из них не были членами тайного общества и примкнули к восстанию в последний момент). Ждали подхода других воинских частей, а главное — диктатора восстания — С.П. Трубецкого, без распоряжений которого восставшие не могли самостоятельно действовать. Однако он не явился на площадь, и восстание осталось без руководителя. Трубецкой еще накануне проявил колебания и нерешительность. Его сомнения в успехе усилились в день восстания, когда он убедился, что не удалось поднять большинство гвардейских полков, на которые рассчитывали декабристы. Поведение Трубецкого, несомненно, сыграло роковую роль в день 14 декабря. Участники восстания оценили это как «измену».

Впрочем, было немало и других причин, обусловивших неуспех восстания. Руководители с самого начала совершили массу ошибок, которые нарушили весь план его: в первую очередь, они не сумели воспользоваться первоначальной растерянностью властей и захватить уже утром Петропавловскую крепость, Сенат, Зимний дворец, помешать присяге Николаю I в полках, в которых шло брожение; во-вторых, они не проявили никакой активности в ходе восстания, ожидая подхода и присоединения к ним других частей. Перед разгромом восстания у них была вполне реальная возможность захватить те несколько легких орудий, которые были Николаем I подтянуты к площади и по сути дела решили печальный исход восстания. Также они не обратились за содействием к собравшемуся на площади петербургскому люду, который явно выражал им сочувствие и готов был к ним присоединиться.

До того как были стянуты к месту восстания правительственные войска, Николай I попытался воздействовать на восставших уговорами. К ним он направил генерал-губернатора Петербурга М.А. Милорадовича. Популярный герой Отечественной войны 1812 г., он попытался своим красноречием поколебать солдат, и его миссия чуть было не увенчалась успехом, если бы он не был смертельно ранен П.Г. Каховским выстрелом из пистотела. «Уговаривать» солдат были посланы петербургский митрополит Серафим и

киевский митрополит Евгений. Восставшие весьма невежливо попросили их «удалиться». Пока шли уговоры, Николай стянул к Сенатской площади 9 тыс. солдат пехоты и 3 тыс. конных. Дважды конная гвардия атаковала каре восставших, но всякий раз их атаки останавливались беглым ружейным огнем. Впрочем, восставшие стреляли вверх, да и сами конногвардейцы действовали нерешительно, проявляя солдатскую солидарность. И остальные правительственные войска колебались. От них к восставшим приходили парламентеры и просили «продержаться до вечера», обещая к ним присоединиться. Николай I, опасаясь, что с наступлением темноты «бунт мог сообщиться черни», отдал приказ применить артиллерию. Несколько картечных выстрелов в упор с близкого расстояния произвели сильное опустошение в рядах восставших и обратили их в бегство. К 6 часам вечера восстание было разгромлено. Всю ночь при свете костров убирали раненых и убитых и смывали с площади пролитую кровь.

29 декабря 1825 г. началось восстание *Черниговского полка*, расположенного в районе г. Василькова (в 30 км к юго-западу от Киева). Восстание возглавил С.И. Муравьев-Апостол. Оно началось в тот момент, когда членам Южного общества стало известно о разгроме восстания в Петербурге и когда уже были арестованы руководители общества П.И. Пестель и А.П. Юшневский, полным ходом шли аресты других декабристов на юге. Восстание началось в селе Трилесы (Киевской губернии) — здесь находилась одна из рот Черниговского полка. Отсюда С. Муравьев-Апостол направился в Васильков, где был штаб этого полка и находились еще его 5 рот. С.И. Муравьев-Апостол и М.П. Бестужев-Рюмин заранее составили революционный «Катехизис», предназначенный для распространения в войске и в народе. Этот документ, написанный в виде вопросов и ответов, в доходчивой для солдат и крестьян форме доказывал необходимость упразднения монархической власти и установления республиканского правления. «Катехизис» был прочтен восставшим солдатам, некоторые его экземпляры были распространены в других полках, но его идеи не нашли отклика в солдатской массе. В течение недели С.И. Муравьев-Апостол с 970 солдатами и 8 офицерами Черниговского полка совершал рейд по заснеженным полям Украины, надеясь на присоединение к восстанию других полков, в которых служили члены тайного общества. Однако эта надежда не оправдалась. Командованию удалось изолировать Черниговский полк, отводя с его пути те полки, на присоединение которых рассчитывал С.И. Муравьев-Апостол.

Одновременно к району восстания стягивались крупные силы верных правительству войск. Общее командование этой операцией Николай I поручил своему брату Константину Павловичу. Когда надежда на присоединение полка, стоявшего в г. Белая Церковь, рухнула (полк был выведен из города), С.И. Муравьев-Апостол повернул свой полк обратно к с. Трилесам, рассчитывая сделать

бросок на Житомир. Но утром **3 января 1826 г.** при подходе к Трилесам, между деревнями Устиновкой и Ковалевкой, полк был встречен отрядом правительственных войск и расстрелян картечью, а раненный в голову С.И. Муравьев-Апостол схвачен и в кандалах отправлен в Петербург.

24 декабря 1825 г. была предпринята еще одна попытка поднять военное восстание, на этот раз руководителями «*Общества военных друзей*» Игельстромом и Вигелиным. В тот день в г. Белостоке они организовали отказ от присяги Николаю I Литовского батальона и намеревались поднять другие расквартированные в этой местности воинские части. Командованию удалось быстро изолировать мятежный батальон, арестовать участников заговора и предотвратить начавшиеся волнения в других частях. 39 членов «Общества военных друзей» и 144 солдата впоследствии предстали перед военным судом.

После подавления восстания в Петербурге и на Украине самодержавие обрушилось на декабристов со всей беспощадностью. Было взято под арест 316 человек (некоторых из них арестовали случайно и после первых допросов отпустили). Всего же по «делу» декабристов проходило 579 человек — таково было число лиц, попавших в составленный следствием «Алфавит членам злоумышленного общества, открывшегося 14 декабря 1825 г.» О многих подозреваемых следствие велось заочно; других же, вышедших из тайного общества или лишь формально в нем состоявших, следствие оставило «без внимания», но все же включило в этот черный список, постоянно находившийся под рукой у Николая I.

Полгода работала Следственная комиссия в Петербурге. Следственные комиссии были образованы также в Белой Церкви и при некоторых полках. Это был первый в истории России широкий политический процесс. Виновными были признаны 289 человек, из них 121 предан Верховному уголовному суду (всего же всеми судами осуждено 173 человека). Из числа преданных Верховному уголовному суду пятеро (П.И. Пестель, К.Ф. Рылеев, С.И. Муравьев-Апостол, М.П. Бестужев-Рюмин и П.Г. Каховский) были поставлены «вне разрядов» и приговорены «к смертной казни четвертованием», замененной повешением. Остальные распределены по степени вины на 11 разрядов. 31 человек 1-го разряда был приговорен «к смертной казни отсечением головы», замененной бессрочной каторгой, 37 — к различным срокам каторжных работ, 19 — к ссылке в Сибирь, 9 офицеров разжалованы в солдаты. Свыше 120 человек понесли различные наказания по личному распоряжению Николая I, без суда: посажены в крепость на срок от полугода до 4 лет, разжалованы в солдаты, переведены в действующую армию на Кавказ, отданы под надзор полиции. Особые судебные комиссии, рассматривавшие дела солдат, участвовавших в восстаниях, приговорили 178 человек к наказанию шпицрутенами, 23 — к палкам и розгам. Из остальных участников восстания сформировали

сводный полк в составе 4 тыс. человек, который был отправлен в действующую армию на Кавказ.

«Не пропадет ваш скорбный труд», — писал декабристам Пушкин. И их дело «не пропало». Декабристские традиции и сам высоконравственный облик декабристов вдохновлял последующие поколения борцов за свободу. Участники студенческих кружков Московского университета конца 20-х — начала 30-х годов XIX в., А.И. Герцен и Н.П. Огарев, петрашевцы — все они считали себя наследниками и продолжателями дела декабристов. Идеи декабристов и их нравственный облик импонировали и революционерам 60-х годов. «Когда я был студентом, — вспоминал один из них (Л.Ф. Пантелеев), — а затем и в последующие годы, дело декабристов всегда возбуждало огромный интерес, постепенно слагался особый пиетет к личности декабристов. Мало того, чувствовалась в известной степени преемственная связь текущего общественного движения с политическими идеалами декабристов».

Первое революционное выступление в России имело определенный резонанс и в политических кругах Западной Европы, произвело глубокое впечатление на правящие круги России, в первую очередь на самого Николая I, который всегда вспоминал «моих друзей четырнадцатого» (имея в виду декабристов). На своей коронации, принимая иностранных послов, он заявил о подавлении восстания декабристов: «Я думаю, что оказал услугу всем правительствам». Европейские монархи, поздравляя Николая с этой «победой», писали ему, что тем самым он «заслужил... признательность всех иностранных государств и оказал самую большую услугу делу всех тронов».

Значителен вклад декабристов в развитие русской культуры. Русская культура в самом широком смысле этого слова была духовной и нравственной почвой для декабристов. Идеи декабристов оказали огромное воздействие на творчество А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, П.А. Вяземского, А.И. Полежаева. Среди самих декабристов были писатели и поэты (К.Ф. Рылеев, А.А. Бестужев-Марлинский, Ф.Н. Глинка, В.К. Кюхельбекер, В.Ф. Раевский, П.А. Муханов), ученые и художники (Н.И. Тургенев, Н.А. Бестужев, А.О. Корнилович, Ф.П. Толстой). Сосланные на каторгу и в ссылку декабристы не изменили своим убеждениям; поставленные в «каторжных норах» вне политического бытия, они тысячью нитей были связаны с Россией, всегда были в курсе всех общественно-политических событий как в России, так и за рубежом. Велик был их вклад в развитие просвещения и культуры в целом русского и частью нерусских народов Сибири. Эта деятельность декабристов после 1825 г. органически входит в общественно-политическую и культурную жизнь России второй четверти XIX в. И по возвращении после амнистии из ссылки многие декабристы нашли в себе силы активно включиться в общественную жизнь страны: они выступали в печати со своими воспоминаниями,

публиковали ученые труды, участвовали в подготовке и проведении крестьянской и других реформ в качестве членов губернских комитетов по крестьянскому делу, мировых посредников, земских деятелей.

Непреходящи нравственные ценности, которые были взращены этими защитниками вольности и завещаны потомкам: подлинный патриотизм и интернациональное братство, высокоразвитое чувство чести и товарищества, сознание высокого гражданского долга и готовность на беззаветное, бескорыстное служение отечеству.

Глава XXIV

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПРИ НИКОЛАЕ I

§ 1. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Годы царствования Николая I **(1825—1855)** оцениваются историками как «апогей самодержавия». Его царствование началось с подавления восстания декабристов 14 декабря 1825 г. и завершилось в феврале 1855 г., в трагические дни обороны Севастополя во время Крымской войны. Восстание декабристов произвело сильное впечатление на Николая I. Он рассматривал его как следствие влияния западноевропейских революций и «разрушительных» идей. «Революция на пороге России, но, клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни»,— таково кредо Николая I в начале своего царствования. И все же он не мог не задумываться и над внутренними причинами вероятных в будущем революционных выступлений в России. Именно поэтому он входил во все детали следствия по делу декабристов, сам выступал в роли искусного следователя, чтобы докопаться до корней заговора. По его приказу был составлен Свод показаний декабристов о внутреннем состоянии России, куда были включены основные положения планов и проектов декабристов, записки подследственных на его имя с критикой современного состояния страны. Этот свод постоянно находился в кабинете Николая I и внимательно им изучался.

Из материалов дела декабристов перед Николаем I раскрылась широкая картина колоссальных безобразий в управлении, суде, финансах и в других сферах. Царь понимал необходимость проведения если не реформ, то серии мер, которые предотвратили бы возможность нового революционного потрясения. Отсюда и противоречивость в политике Николая I: с одной стороны, постоянная борьба с революционным движением в России и в Западной Европе, усмирение народных возмущений, гонения на все передо-

вое и прогрессивное в стране; с другой — проведение мер, направленных на решение острых социальных проблем, в первую очередь крестьянского вопроса, поощрение экономического и культурного развития страны. Эта противоречивость в политике Николая I проявилась уже в первый год его царствования: судебный процесс и казнь декабристов, учреждение высшей полиции для борьбы с революционным движением, вместе с тем увольнение в отставку наиболее одиозных лиц александровского царствования, вызывавших всеобщую ненависть, — Аракчеева, Рунича и Магницкого, прекращение тянувшегося с 1821 г. «дела петербургских профессоров», учреждение **6 декабря 1826 г.** Секретного комитета для обсуждения программы преобразований в управлении и социальной сфере.

Николая I ранее нередко изображали как некую «самодовольную посредственность с кругозором ротного командира». В действительности это был достаточно образованный для своего времени, волевой, прагматически мыслящий самодержец. Он профессионально знал военно-инженерное дело с приемами тактики, любил архитектуру и сам участвовал в проектах многих общественных зданий, хорошо разбирался в литературе и искусстве, был неплохим дипломатом. Был искренне верующим человеком, но чуждым мистицизма и сентиментализма, присущих Александру I, не обладал и его искусством тонкой интриги и притворства, ясный и холодный ум Николая действовал прямо и открыто. Поражал иностранцев роскошью двора и блестящими приемами, но был крайне непритязателен в личном быту, вплоть до того, что спал на походной солдатской койке, укрывшись шинелью. Удивлял огромной работоспособностью. С семи часов утра весь день он трудился в своем скромном кабинете Зимнего дворца, вникая во все мелочи жизни огромной империи, требуя подробных сведений обо всем случившемся. Любил внезапно инспектировать казенные учреждения в столице и в провинции, неожиданно являлся в присутственные места, в учебное заведение, суд, таможню, сиротский дом.

Николай I стремился придать всей системе управления «стройность и целесообразность», добиться на всех уровнях максимальной исполнительности. В этом смысле идеалом для него являлась военная служба. «Здесь порядок, строгая безусловная законность, никакого всезнайства и противоречия, все вытекает одно из другого, никто не приказывает, прежде чем сам не научится повиноваться, все подчиняется одной определенной цели: все имеет одно назначение, — говаривал он, — потому-то мне так хорошо среди этих людей и потому я всегда буду держать в почете звание солдата. Я смотрю на человеческую жизнь только как на службу, так как каждый должен служить». Отсюда и стремление Николая к милитаризации управления. Почти все министры и почти все губернаторы при Николае I были назначены из военных.

Одной из первоочередных задач внутриполитического курса

Николая I было укрепление полицейско-бюрократического аппарата. Последовательное проведение принципов бюрократизации, централизации и военизации рассматривалось им как эффективное средство борьбы с революционным движением и укрепления самодержавных порядков. При нем создавалась продуманная система всесторонней государственной опеки над общественно-политической, экономической и культурной жизнью страны.

Вместе с тем Николай I ставил задачу все сферы управления подчинить своему личному контролю, сосредоточить в своих руках решение как общих, так и частных дел, минуя соответствующие министерства и ведомства. Для решения того или иного важного вопроса учреждались многочисленные секретные комитеты и комиссии, находившиеся в непосредственном ведении царя и часто подменявшие министерства. Существенно была ограничена компетенция Сената и Государственного совета, так как многие дела, подлежащие их ведению, решались в специально созданных комитетах и комиссиях.

Принцип режима личной власти монарха воплотился в разросшейся «собственной канцелярии» царя. Она возникла еще при Павле I в 1797 г. При Александре I в 1812 г. она превратилась в канцелярию для рассмотрения прошений на высочайшее имя. Николай I уже в первой год своего царствования существенно расширил функции личной канцелярии, придав ей значение высшего органа управления государством. Прежняя канцелярия царя стала ее I отделением, в обязанности которого входило подготавливать бумаги для императора и следить за исполнением его повелений. 31 января 1826 г. было создано II отделение «для совершения уложения отечественных законов», получившее название «кодификационного». 3 июля 1826 г. создано III отделение (высшая полиция). В 1828 г. к ним прибавилось IV отделение, которое управляло учебными, воспитательными и прочими «благотворительными» учреждениями, входящими в ведомство имени императрицы Марии Федоровны (матери царя), а в 1835 г. для подготовки реформы государственной деревни учреждено V отделение. Наконец, в 1843 г. появилось VI, временное, отделение для управления присоединенными к России территориями Кавказа. Наибольшее значение имели II и III отделения императорской личной канцелярии.

Еще в начале царствования Александра I действовала Комиссия для составления законов под руководством графа П.В. Завадовского. Однако ее 25-летняя деятельность оказалась бесплодной. Вместо нее было учреждено II отделение во главе с профессором права Петербургского университета М.А. Балугьянским. Практически всю работу по кодификации проводил М.М. Сперанский, определенный к нему в «помощники». Хотя Николай относится к Сперанскому сдержанно, даже с подозрением, но именно в нем видел единственного человека, который мог выполнить это важное дело, дав

Балугьянскому наказ «смотреть» за ним, «чтобы он не наделал таких же проказ, как в 1810 году» (имелся в виду План преобразования России, составленный Сперанским).

Сперанский подал императору четыре записки со своими предложениями о составлении Свода законов. По плану Сперанского кодификация должна была пройти три этапа: на первом предполагалось собрать и издать в хронологическом порядке все законы, начиная с «Уложения» царя Алексея Михайловича 1649 г. и до конца царствования Александра I; на втором — издать Свод действующих законов, расположенных в предметно-систематическом порядке, без внесения каких-либо исправлений и дополнений; на третьем предусматривалось составление и издание «Уложения» — нового систематического свода законодательства, «с дополнениями и исправлениями, сообразно нравам, обычаям и действительным потребностям государства». Николай I, согласившись на проведение двух этапов кодификации, отверг третий — как введение нежелательных «новшеств».

В течение 1828—1830 гг. было издано 45 томов (а с приложениями и указателями 48) «*Полного собрания законов Российской империи*», куда вошли 31 тыс. законодательных актов с 1649 по 1825 г. Законодательные акты, изданные с 1825 по 1881 г., составили впоследствии второе, а с 1881 по 1913 г. — третье собрание. Все три собрания составили в общей сложности 133 тома, в них вошли 132,5 тыс. законодательных актов — важный источник по истории России за более чем два с половиной столетия.

В 1832 г. издан 15-томный «*Свод законов Российской империи*», заключавший в себе расположенные в систематическом порядке 40 тыс. статей действующего законодательства. Кроме того, в 1839—1840 гг. были изданы подготовленные Сперанским (уже после его смерти) 12 томов «Свода военных постановлений», «Свод законов Великого княжества Финляндского», своды законов для остзейских и западных губерний.

Кодификация законов при Николае I играла огромную роль в упорядочении российского законодательства и в обеспечении более твердой и четкой юридико-правовой основы российского абсолютизма. Однако она не меняла ни политической, ни социальной структуры самодержавно-крепостнической России (да и не ставила этой цели), ни самой системы управления. Не устраняла она произвола, коррупции чиновников, которые именно в николаевское царствование достигли особого расцвета. Правительство видело пороки бюрократии, но искоренить их в условиях абсолютистского режима было не в состоянии.

Печально знаменитую известность получила деятельность III отделения императорской канцелярии. При нем был учрежден корпус жандармов, состоявший сначала из 4, а позже из 6 тыс. человек. Во главе III отделения поставлен фаворит Николая I генерал А.Х. Бенкендорф, он же являлся и шефом жандармов. Вся

Россия, за исключением Польши, Финляндии, области войска Донского и Закавказья, была поделена сначала на 5, а позже на 8 жандармских округов во главе с жандармскими генералами. В губерниях жандармами командовали штаб-офицеры. Герцен назвал III отделение «вооруженной инквизицией, полицейским масонством», поставленным «вне закона и над законом». Прерогативы его были поистине всеобъемлющи. Оно собирало информацию о настроениях различных слоев населения, осуществляло тайный надзор за политически «неблагонадежными» лицами и за периодической печатью, ведало местами заключения и делами о «расколе», наблюдало за иностранными подданными в России, выявляло носителей «ложных слухов» и фальшивомонетчиков, занималось сбором статистических сведений по своему ведомству, перлюстрацией частных писем. Деятельность III отделения породила широкую практику доносов. III отделение имело свою сеть тайных агентов. В 40-х годах оно создает тайную агентуру за рубежом для слежки за политической русской эмиграцией.

Реакционная политика Николая I больше всего проявилась в области просвещения и печати, ибо здесь, как он полагал, таилась главная опасность «вольнодумства». Вместе с тем просвещение и печать использовались как важнейшие средства идеологического воздействия.

Рассматривая события 14 декабря 1825 г. как «пагубное последствие ложной системы воспитания», Николай I при вступлении на престол отдал распоряжение министру народного просвещения А.С. Шишкову о пересмотре уставов всех учебных заведений. **19 августа 1827 г.** последовал рескрипт Шишкову о запрещении принимать в гимназии и тем более в университеты крепостных крестьян. Усилился надзор за частными учебными заведениями, в которых ранее обучались многие декабристы. Сам Шишков считал, что «науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание имеет», что «обучать грамоте весь народ или несоразмерное оного количество людей принесло бы более вреда, нежели пользы». В основу народного просвещения при Николае I был положен принцип строгой сословности и бюрократической централизации, что нашло свое воплощение в изданном в **1828 г.** *Уставе учебных заведений.* Согласно ему начальное и среднее образование подразделялось на три категории: 1) для детей «низших» сословий (главным образом, крестьянства) предназначались одноклассные приходские училища с самой элементарной программой обучения (четыре правила арифметики, чтение, письмо и Закон Божий); 2) для «средних сословий» (мещан и купцов) — трехклассные училища с более широкой программой начального обучения (вводились начала геометрии, а также география и история); 3) для детей дворян и чиновников учреждались семиклассные гимназии, окончание которых давало право для поступления в университеты.

Устав ликвидировал преемственную связь между этими ступенями, поскольку уровень образования должен был соответствовать социальному положению учащегося. В уставе откровенно говорилось, что такое деление школьного обучения сделано для того, чтобы «никто не стремился возвыситься над тем состоянием, в коем ему суждено оставаться». По новому положению 1835 г. об учебных округах последние изымались из подчинения университетам, существенно расширялись права попечителей учебных округов.

Университетский устав **1835 г.** поставил задачу «сблизить наши университеты с коренными и спасительными началами русского управления» и ввести в них «порядок военной службы и вообще строгое наблюдение установленных форм, чиноначалие и точность в исполнении самомалейших постановлений». Университеты попали в полную зависимость от попечителей учебного округа, а в Виленском, Харьковском и Киевском учебных округах (как наиболее «беспокойных») находились в ведении генерал-губернаторов. Устав 1835 г. существенно ограничил автономию университетов. Хотя университетскому совету предоставлялось право выбора ректора и замещения вакантных профессорских мест на кафедрах, утверждение избранных лиц на соответствующие должности становилось прерогативой министра народного просвещения. Устанавливался строгий полицейский надзор за студентами, вводились должности инспектора и его помощников, исполнявших административно-полицейские функции.

Вместе с тем университетский устав 1835 г. имел и некоторые положительные стороны. Поднималось значение университетов и университетского образования. Восстанавливалось упраздненное в 1821 г. преподавание философии. В Московском университете большое место заняли исторические дисциплины и преподавание российского законодательства, в Петербургском — преподавание восточных языков и истории стран Востока, в Казанском университете — физико-математические дисциплины, срок обучения в университетах увеличивался с трех до четырех лет. Введена была практика двухгодичной стажировки молодых ученых из российских университетов за границей.

Еще при Александре I (в 1824 г.) в обстановке усиления его реакционного политического курса был подготовлен проект нового цензурного устава, который содержал такие жесткие правила, что, изданный уже при Николае I в 1826 г., он получил у современников название «чугунного». По этому уставу цензоры обязывались не пропускать в печать ни одного произведения, в котором прямо или косвенно «колебалась христианская вера», порицалась монархическая форма правления, рассуждалось о конституциях или высказывались мысли о необходимости преобразований. На цензуру возлагалась обязанность следить не только за политическим направлением печати, но даже и за литературными вкусами, «ибо разврат

нравов приуготовляется развратом вкусов». Однако введенные в 1828 г. новые цензурные правила несколько смягчили требования цензурного устава 1826 г. Тем не менее борьба с передовой журналистикой рассматривалась Николаем I как одна из первоочередных задач.

Один за другим сыпались запреты на издание журналов. В 1831 г. было прекращено издание «Литературной газеты» А.А. Дельвига (друга А.С. Пушкина), в 1832 г. — журнала «Европеец» П.В. Киреевского; в 1834 г. был запрещен «Московский телеграф» Н.А. Полевого в связи с публикацией отрицательной рецензии на ура-патриотическую драму Н.В. Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла»; а в 1836 г. — «Телескоп» Н.И. Надеждина за публикацию «Философического письма» П.Я. Чаадаева. Николай I усмотрел в статьях и рецензиях, помещенных в этих журналах, пропаганду «крамольных» идей и нападки на произведения, проповедовавшие «официальную народность». В связи с этим в 1837 г. устанавливается проверка произведений, уже прошедших цензуру. В случае «недосмотра» цензора сажали на гауптвахту, отрешали от должности, могли отправить в ссылку. Поэтому цензоры старались превзойти друг друга в служебном рвении, придираясь не только к словам, но и к тому, что подразумевалось между строк.

В 1832 г. издается закон, ограничивающий проникновение в среду дворянства нарождающейся буржуазии. Для нее создавалась новая привилегированная сословная категория «почетных граждан». Стремлением уменьшить число лиц, получавших статус дворянина через выслугу согласно петровской Табели о рангах, был указ 1845 г. о порядке приобретения дворянского звания. Если ранее личное дворянство давалось дослужившимся до 12-го ранга, а потомственного — до 8-го, то теперь соответственно дослужившимся до 9-го и 5-го. Чтобы приостановить дробление дворянских имений, в том же году издается указ о майоратах, по которому дозволялось учреждать (с согласия помещика) в имениях, насчитывавших свыше 1000 душ крестьян, майораты, т. е. владения, которые целиком передавались старшему сыну в семье и не дробились между другими наследниками. По существу, указ не получил практического применения: к моменту отмены крепостного права было создано всего 17 майоратов.

Крестьянский вопрос был одним из острейших в правительственной политике второй четверти XIX в. Само крестьянство напоминало об этом возраставшими с каждым десятилетием бунтами. «Крепостное право — пороховой погреб под государством», — писал в одном из своих годовых отчетов шеф жандармов А.Х. Бенкендорф и предлагал приступить к постепенной ликвидации крепостной зависимости крестьян: «Начать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа». Сам Николай I признавал, что «крепостное право — зло», и заявлял, что он «на-

мерен вести процесс против рабства». Однако отменить крепостное право в данный момент он считал еще «бо́льшим злом». Опасность этой меры он видел в том, что уничтожение власти помещиков над крестьянами неизбежно затронет и самодержавие, опиравшееся на нее. Характерно заявление Николая I о помещиках как о своих «ста тысячах полицмейстерах», охраняющих «порядок» в деревне. Самодержавие боялось, что освобождение крестьян не пройдет мирно и будет сопровождаться народными волнениями. Оно чувствовало и сопротивление этой мере «справа» — со стороны самих помещиков, не желавших поступиться своими правами и привилегиями. Поэтому в крестьянском вопросе оно ограничивалось паллиативными мерами, направленными на то, чтобы несколько смягчить остроту социальных отношений в деревне.

Для обсуждения крестьянского вопроса Николаем I в общей сложности было создано 9 секретных комитетов. Правительство боялось открыто заявить о своих намерениях по этому крайне острому вопросу. От членов секретных комитетов даже бралась подписка о неразглашении тайны. Нарушившим ее грозило суровое наказание. Конкретные результаты деятельности секретных комитетов были весьма скромными: разрабатывались различные проекты и предположения, которые обычно ограничивались их обсуждением, издавались отдельные указы, которые, однако, нисколько не колебали основ крепостного права. В царствование Николая I было издано более сотни разных узаконений, касавшихся помещичьих крестьян. Указы были направлены лишь на некоторое смягчение крепостного права. Ввиду их необязательности для помещиков они либо оставались мертвой буквой, либо находили весьма ограниченное применение, ибо ставилась масса бюрократических преград к их реализации. Так, были изданы указы, запрещавшие продавать крестьян без земли или одну землю в населенном имении без крестьян, продавать крестьян с публичного торга «с раздроблением семейств», а также «удовлетворять казенные и частные долги», расплачиваясь за них крепостными крестьянами, переводить крестьян в категорию дворовых; но и эти указы, казалось, обязательные для помещиков, игнорировались ими.

2 апреля 1842 г. был издан указ об «обязанных крестьянах», призванный «исправить вредное начало» указа 1803 г. о «свободных хлебопашцах» — отчуждение части земельной собственности помещиков (надельной крестьянской земли) в пользу крестьян. Николай I исходил из принципа незыблемости помещичьего землевладения. Земельную собственность помещиков он объявил «навсегда неприкосновенной в руках дворянства», как гарантию «будущего спокойствия». Указ гласил: «Вся без исключения земля принадлежит помещику; это вещь святая, и никто к ней прикасаться не может». Исходя из этого, указ предусматривал предоставление крестьянину личной свободы по воле помещика, а надел земли не в собственность, а в пользование, за что крестьянин был обязан

(отсюда и название «обязанный крестьянин») выполнять по соглашению с помещиком по сути дела те же барщину и оброк, какие он нес ранее, но с условием, что помещик не мог впредь их увеличивать, равно как и сами наделы не мог отнять у крестьян и даже уменьшить. Никакой определенной нормы наделов и повинностей указ не устанавливал: все зависело от воли помещика, отпускавшего по этому указу на свободу своих крестьян. В селениях «обязанных крестьян» вводилось «сельское самоуправление», однако оно находилось под контролем помещика. Практического значения в разрешении крестьянского вопроса этот указ не имел. За 1842—1858 гг. на положение «обязанных» было переведено всего лишь 27 173 души муж. пола крестьян в семи помещичьих имениях. Такие скромные результаты были обусловлены не только противодействием помещиков, которые встретили указ в штыки, но и тем, что сами крестьяне не соглашались на столь невыгодные для себя условия, не дававшие им ни земли, ни подлинной свободы.

Смелее действовало правительство там, где его меры по крестьянскому вопросу не затрагивали интересов собственно русского дворянства, а именно в западных губерниях (в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине), где помещиками были преимущественно поляки. Здесь проявилось намерение правительства противопоставить националистическим устремлениям польской шляхетской фронды православное белорусское и украинское крестьянство. В 1844 г. в западных губерниях были созданы комитеты для выработки «инвентарей», т. е. описаний помещичьих имений с точной фиксацией крестьянских наделов и повинностей в пользу помещика, которые нельзя было впредь изменять. *Инвентарная реформа* **с 1847 г.** сначала стала проводиться в Правобережной Украине, а затем в Белоруссии. Она вызвала недовольство местных помещиков, выступавших против регламентации их прав, а также многочисленные волнения крестьян, положение которых нисколько не улучшилось.

В **1837—1841 гг.** была проведена реформа в государственной деревне П.Д. Киселевым. Этот видный государственный деятель, некогда близкий друг декабристов, являлся сторонником умеренных реформ. Николай I называл его своим «начальником штаба по крестьянской части».

Государственная деревня была изъята из ведения Министерства финансов и передана в управление учрежденного **в 1837 г.** *Министерства государственных имуществ* во главе с Киселевым. Для управления государственной деревней в губерниях были созданы казенные палаты, им подчинялись казенные округа, в которые входили от одного до нескольких уездов (в зависимости от численности в них государственных крестьян). Вводились крестьянское волостное и сельское самоуправление, волостной суд, рассматривавший мелкие проступки и имущественные тяжбы крестьян. Взимание оброка с ревизской души сохранялось, но при этом

учитывался уровень доходности крестьянского хозяйства с земли и неземледельческих промыслов.

Реформа в государственной деревне носила противоречивый характер. С одной стороны, она несколько смягчала земельную тесноту, способствовала развитию предпринимательства зажиточной части казенной деревни, но, с другой — она значительно усилила податной гнет и ввела мелочную чиновничью опеку над крестьянами. Государственная деревня Приуралья, Поволжья и Центральной России ответила на реформу массовыми выступлениями, в которых приняло участие свыше полумиллиона крестьян. На усмирение их были брошены крупные воинские силы, применявшие даже артиллерию.

В целом меры правительства в разрешении крестьянского вопроса в царствование Николая I дали ничтожные результаты. Положение как помещичьих, так и других категорий крестьян не улучшилось, зато было много сделано для сохранения власти и привилегий помещиков. Только потрясения Крымской войны заставили самодержавие всерьез заняться подготовкой отмены крепостного права.

В сфере экономической политики правительство оказалось более последовательным и шло значительно дальше, нежели в вопросах политики социальной. Сами процессы экономического развития страны заставляли покровительствовать промышленности, сельскохозяйственному предпринимательству, торговле, т. е. в конечном счете способствовать развитию буржуазных отношений. Более того, самодержавие не без успеха использовало новые явления в экономике в своих интересах. Военные затраты и расходы на растущий бюрократический аппарат требовали новых источников денежных поступлений. Отсюда проведение поощрительных мер для предпринимателей: принятие покровительственных тарифов, поощрение деятельности сельскохозяйственных и промышленных обществ, организация выставок.

В 1839—1843 гг. министр финансов Е.Ф. Канкрин провел денежную реформу. До этого в России шел двойной денежный счет — на ассигнационные рубли и рубли серебром, при этом курс ассигнаций подвергался постоянным колебаниям. С **1839 г.** вводился твердый кредитный рубль, приравненный к 1 руб. серебром. В течение последующих четырех лет удалось накопить для проведения реформы необходимый запас в золоте и серебре. Манифестом 1 июня 1843 г. начался обмен всех находившихся в обращении ассигнаций на государственные кредитные билеты из расчета 1 кредитный рубль за 3 руб. 50 коп. ассигнациями. Денежная реформа Канкрина существенно укрепила финансовую систему страны.

Революционные потрясения в Западной Европе в 1848—1849 гг. произвели глубокое впечатление на Николая I. И в самой России прокатилась волна народных бунтов, вызванная эпидемией холеры,

неурожаем и голодом, охватившими многие губернии. В Прибалтике, Литве и на Украине распространялись прокламации, призывавшие к свержению царизма. В Петербурге в 1849 г. была пресечена деятельность кружка петрашевцев. Правительство усматривало во всем этом влияние западноевропейских революционных событий и стремилось предотвратить возможность революционных потрясений в России суровыми репрессиями.

1848—1855 гг. ознаменованы резким усилением политической реакции в России. Современники назвали последние годы царствования Николая I «мрачным семилетием». Усиление реакции проявилось в первую очередь в карательных мерах в сфере просвещения и печати. С целью более эффективного надзора за периодической печатью 27 февраля 1848 г. был учрежден «временный» секретный комитет под председательством А.С. Меншикова. Через месяц его заменили «постоянным» под председательством Д.П. Бутурлина. Комитет призван был осуществлять негласный надзор за всеми материалами, уже прошедшими предварительную цензуру и появившимися в печати. Николай I поставил перед ним задачу: «Как самому мне некогда читать все произведения нашей литературы, то вы станете делать это за меня и доложите о ваших замечаниях, а потом мое уже дело будет расправляться с виновными».

Многочисленный штат чиновников бутурлинского комитета ежегодно просматривал тысячи названий книг и десятки тысяч номеров газет и журналов. Следили за содержанием даже губернских ведомостей — изданий официального характера. Комитет осуществлял также надзор и за деятельностью цензуры. Была введена цензура и на иностранную литературу, поступавшую в Россию, тщательно просматривались учебные руководства и программы, даже ежегодные отчеты ректоров университетов, публикуемые в печати. Император неоднократно высказывал свое удовлетворение работой Комитета и напутствовал его «продолжать дело столь же успешно».

Наступила эпоха «цензурного террора», когда подвергалась взысканиям даже благонамеренная газета Греча и Булгарина «Северная пчела». Салтыков-Щедрин был сослан в Вятку за повесть «Запутанное дело». И.С. Тургенева за издание «Записок охотника» сначала посадили в полицейскую часть, затем сослали под надзор в его орловское имение. Даже у М.П. Погодина тогда возникла мысль о подаче адреса царю от имени литераторов с жалобой на излишние стеснения цензуры. Но коллеги по перу не поддержали его, испугавшись последствий.

Правительством были приняты меры для прекращения связей русских людей с Западной Европой. Иностранцам фактически запретили въезд в Россию, а русским — за границу (за исключением особых случаев с разрешения центральных властей). Начальству предоставлялось право увольнять подчиненных, признанных «не-

благонадежными», без объяснения причин увольнения; при этом не принимались во внимание жалобы увольняемых на произвол вышестоящих чиновников.

Суровым ограничениям подверглось высшее образование. Был сокращен контингент студентов (не более 300 человек для каждого университета), усилен надзор за студентами и профессорами; некоторых из них уволили и заменили более «благонадежными»; отменено преподавание государственного права и ненавистной для Николая I философии. Разнеслись слухи о закрытии университетов, что побудило С.С. Уварова выступить с благонамереннейшей статьей в их защиту. Статья вызвала гнев Николая I. Уваров был заменен на посту министра народного просвещения крайним мракобесом кн. П.А. Ширинским-Шихматовым, который потребовал от профессоров, чтобы они все выводы наук основывали «не на умствованиях, а на религиозных истинах». Знаменитый историк С.М. Соловьев писал уже в начале Крымской войны об этом времени, а точнее, безвременье: «Мы находились в тяжком смятении: с одной стороны, наше патриотическое чувство было страшно оскорблено унижением России, с другой — мы были убеждены, что только бедствие, и именно несчастная война, могли произвести спасительный переворот, остановить дальнейшее гниение».

§ 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Во второй четверти XIX в. на мировой арене произошли крупные события, определившие расстановку политических сил и характер дипломатической борьбы держав. Это было время утверждения капитализма в ведущих странах Западной Европы и Северной Америки, в связи с этим усиления колониальной экспансии, особенно Англии и Франции, обострения борьбы между развитыми капиталистическими державами за рынки сбыта, за раздел мира. Вместе с тем это была и эпоха сильнейших революционных потрясений, охвативших страны Западной Европы в 1830—1831 и 1848—1849 гг.

В этих условиях перед царизмом в сфере внешней политики стояли две основные проблемы: борьба с *«революционной опасностью»* и *«восточный вопрос»*. Во второй четверти XIX в. то та, то другая проблема выдвигались на первый план: как только на время в Европе утихал «революционный ураган», так «всплывал на поверхность вечный восточный вопрос».

28 июля 1830 г. во Франции революция свергла династию Бурбонов. Николай I давно и с тревогой следил за нараставшим во Франции недовольством Бурбонами и советовал последнему их представителю Карлу X проявить гибкость, обещал ему помощь со стороны других европейских монархов, если революция разразится.

При известии о революции во Франции Николай I начал лихорадочно готовить интервенцию европейских монархов. Были

посланы в Вену А.Ф. Орлов, а в Берлин И.И. Дибич, наиболее близкие к царю сановники, чтобы добиться от Австрии и Пруссии согласия на совместную интервенцию против революционной Франции. Однако миссии Орлова и Дибича потерпели неудачу. Монархи не решились принять предложения Николая I, полагая, что участие в интервенции может обернуться серьезными потрясениями и в их странах. К тому же они отнюдь не горели желанием способствовать дальнейшему усилению влияния России на европейские дела. Один за другим европейские монархи признали нового французского короля — «короля баррикад», ставленника крупной буржуазии. Николай I вынужден был, скрепя сердце, также признать Луи Филиппа французским королем. «Это признание стоит мне самых тяжких усилий, которые когда-либо мне приходилось выносить», — говорил Николай I, называя Июльскую монархию во Франции «подлостью». «Я не знаю, — говорил он, — что предпочесть — республику или подобную, так называемую, монархию».

В августе 1830 г. началась революция в Бельгии, входившей в состав Нидерландов. Бельгия объявила себя самостоятельным королевством. Нидерландский король Вильгельм Оранский обратился к европейским монархам за помощью для подавления революции. Николай I снова заговорил о походе европейских государств для восстановления прав законного монарха. На западной границе в боевую готовность был приведен 60-тысячный русский корпус. Но царь встретил сильное противодействие со стороны Англии, не склонной восстанавливать единство Нидерландов, и Франции, вынашивавшей планы присоединения к себе Бельгии. Николай I вынужден был признать независимость Бельгии.

В ноябре 1830 г. вспыхнуло восстание в Польше. «Вдруг как бомба, разорвавшаяся возле, оглушила нас весть о варшавском восстании. Это уже недалеко, это — дома», — восторженно писал тогда молодой А.И. Герцен. В ночь на 17 ноября группа младших польских офицеров ворвалась в Бельведер — резиденцию великого князя Константина Павловича, наместника царя в Польше, — с криком «Смерть тирану!». Константину удалось скрыться. На следующий день рабочие, ремесленники и студенты Варшавы овладели арсеналом и вооружились. Было сформировано временное правительство из 7 человек, создана повстанческая армия. Собравшийся в январе 1831 г. польский Сейм провозгласил «детронизацию» Николая I и независимость Польши. В тот же день по инициативе Патриотического клуба Варшавы отслужена панихида по пяти казненным декабристам. Николай I обратился к восставшим с манифестом, обещая прощение, если они вернутся к исполнению своего долга и выдадут захваченных в плен русских чиновников и военных, но получил отказ.

Первоначально восставшим сопутствовал успех. 2 февраля 1831 г. под Сточком повстанцы нанесли поражение авангарду русских

войск. Но против 50-тысячной армии повстанцев действовала 120-тысячная армия под командованием И.И. Дибича (после смерти его от холеры армию возглавил И.Ф. Паскевич). Не было единства действий и в рядах восставших, что послужило причиной последовавших неудач. Первое крупное поражение польская армия потерпела в феврале 1831 г. под Гроховым. В мае того же года еще более серьезное поражение польские повстанческие войска понесли в битве при Остроленке на подступах к Варшаве. В конце августа, после мощной артиллерийской канонады, русские войска предприняли штурм предместья Варшавы — Праги. С падением Варшавы восстание было подавлено. Конституция 1815 г. была аннулирована, польский Сейм упразднен, Царство Польское объявлялось неотъемлемой частью Российской империи. Управление Польшей было возложено на Административный совет во главе с наместником императора в Польше Паскевичем.

Польское восстание 1830—1831 гг. потерпело поражение не только из-за слабости и плохой организации повстанческой армии. В первую очередь, оно явилось «шляхетским» восстанием, не ставившим задач социальных преобразований, и главным образом в крестьянском вопросе, поэтому его не поддержали широкие народные массы. В самом начале восстания повстанцы направили делегацию Николаю I с инструкциями требовать от него не только признания независимости Польши, но и возвращения ей Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. В Варшаве открыто говорили о восстановлении Польши «от моря до моря» (в границах до первого ее раздела в 1772 г.), вследствие чего враждебное отношение к восставшей Польше заняли Австрия и Пруссия, некогда участвовавшие в ее разделах. Территориальные претензии польских повстанцев неблагоприятно были встречены в русских общественных кругах. С осуждением восстания выступил А.С. Пушкин в стихотворении «Клеветникам России». Николаю I помогла подавить польское восстание позиция, занятая европейскими державами. Франция и Англия, на словах выражая «сочувствие» повстанцам, реально не оказали им никакой помощи. Австрия и Пруссия после подавления польского восстания разоружали повстанцев, переходивших на их территории, и выдавали царю.

Свои уроки из революционных событий 1830—1831 гг. извлекла и международная реакция. Предпринимаются попытки оживить деятельность Священного союза, основательно расшатанного противоречиями между входившими в него державами. В начале 1833 г. Николай I обсуждал с австрийским канцлером Меттернихом бельгийский, польский, германский и восточный вопросы. В том же году была заключена русско-австрийская конвенция «О неприкосновенности Оттоманской империи и о взаимной гарантии польских владений» Австрии и России, о сотрудничестве между этими странами в восточном вопросе и взаимной помощи на случай нового польского восстания. Вскоре были подписаны секретные

договоры между Австрией, Пруссией и Россией о взаимной помощи против революционного движения. Соглашение этих трех крупнейших континентальных держав вызвало сильное беспокойство в Лондоне и Париже, кабинеты которых предприняли ответные шаги, чтобы расстроить этот «союз», нарушавший «равновесие сил» в Европе.

В конце 40-х годов поднялась новая, еще более грозная революционная волна в Западной Европе. Прологом событий явилось восстание, вспыхнувшее в феврале 1846 г. в Кракове (который еще в 1815 г. Венским конгрессом был объявлен «вольным городом» вместе с его округом, а с 1836 г. оккупирован австрийскими войсками). Власть в Кракове перешла в руки повстанческого правительства, которое провело ряд социальных мер: передало землю крестьянам в собственность, отменило барщину, провозгласило гражданское равенство и Краковскую республику. События в Кракове послужили сигналом к широкому крестьянскому движению в Галиции, входившей в состав Австрии. Восставшие крестьяне двинулись на помощь краковским повстанцам, но были остановлены австрийскими войсками. Вскоре Краковская республика была ликвидирована австрийскими, прусскими и русскими войсками, а ее территория включена в состав Австрийской империи.

10 февраля 1848 г. вспыхнула революция во Франции. Луи Филипп был низложен, и Франция объявлена республикой. Николай I, явившись на бал во дворец наследника, встал среди танцующих и громко провозгласил: «Седлайте коней, господа офицеры, во Франции республика!» Вместе с тем он не скрывал своего удовольствия, что презираемый им «король баррикад» Луи Филипп низложен с престола. «Поделом ему... прекрасно, бесподобно!» — говорил он в узком кругу своих приближенных. Под предлогом «предупреждения» якобы нападения революционной Франции на Австрию и Пруссию, а главное — «для обуздания немецких социалистов и коммунистов» Николай I собирался двинуть 300-тысячную армию на Рейн. Но наиболее дальновидные сановники П.Д. Киселев и М.С. Волконский сумели уговорить его отказаться от этого шага. Негодование Николая I вылилось в его манифесте по поводу французских событий, который завершался словами: «С нами Бог, разумейте, языцы, и покоряйтеся, яко с нами Бог!»

Весной 1848 г. волна революций охватила Германию, Австрию, Италию, Валахию и Молдавию. В начале 1849 г. вспыхнула революция в Венгрии, находившейся тогда в составе Австрийской империи. События в Дунайских княжествах и в Венгрии Николай I рассматривал как непосредственную угрозу российскому самодержавию. Весной 1848 г. царские войска были введены в Молдавию, а летом того же года совместно с османской армией оккупировали и Валахию. Революционное движение в Дунайских княжествах удалось подавить. Николай I охотно воспользовался просьбой

австрийского императора Франца Иосифа о помощи в подавлении венгерской революции. **В начале мая 1849 г.** 150-тысячная русская армия во главе с фельдмаршалом И.Ф. Паскевичем была введена в Галицию и Венгрию и совместно со стотысячной австрийской армией подавила венгерскую революцию. Прогрессивная часть русского общества резко осудила эту акцию.

§ 3. ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС

Возникновение понятия *«восточный вопрос»* относится к концу XVIII в., хотя сам этот термин был введен в дипломатическую практику в 30-е годы XIX в. Три основных фактора обусловили возникновение и в дальнейшем обострение восточного вопроса: 1) упадок некогда могущественной Османской империи, 2) рост национально-освободительного движения против османского ига, 3) обострение противоречий между европейскими странами на Ближнем Востоке, вызванных борьбой за раздел мира. Упадок некогда могущественной Османской империи и рост среди подвластных ей народов национально-освободительного движения побуждали великие европейские державы к вмешательству в ее внутренние дела, тем более что ее владения охватывали важнейшие в экономическом и стратегическом отношении регионы Ближнего Востока: Суэцкий перешеек, Египет, Сирию, Балканский полуостров, черноморские проливы, часть Закавказья.

Для самой России восточный вопрос в первую очередь был связан с обеспечением безопасности ее южных границ и хозяйственным освоением юга страны, с интенсивным ростом торговли через черноморские порты. Здесь царское правительство выражало интересы русских помещиков — экспортеров хлеба и нарождающейся буржуазии. Россия опасалась также, как бы распад Османской империи не сделал ее легкой добычей более сильных европейских держав. Поэтому она старалась укрепить свои позиции на Балканах, чтобы помешать экспансии других европейских держав в этом регионе. Здесь Россия опиралась на поддержку славянских народов, ориентирующихся в своей национально-освободительной борьбе на помощь этой близкой им по вере страны. Покровительство православному населению Балканского полуострова служило для России поводом для постоянного вмешательства в ближневосточные дела и противодействия экспансионистским устремлениям Англии, Франции и Австрии. Разумеется, русский царизм более всего заботился не столько о национальном самоопределении подвластных султану народов, сколько об использовании их национально-освободительной борьбы в целях распространения своего политического влияния на Балканах. Поэтому необходимо различать внешнеполитические цели царизма от объективных результатов его внешней политики, несшей освобождение балканским народам. Нельзя рассматривать в этой ситуации Османс-

кую империю как «страдающую» сторону. Она также проводила агрессивную, захватническую политику, стремилась к реваншу — восстановлению своего былого господства в Крыму и на Кавказе, подавляла, причем самыми жестокими мерами, национально-освободительное движение угнетенных ею народов, в свою очередь пыталась использовать национально-освободительное движение мусульманских горских народов Кавказа в своих интересах против России.

Наибольшую остроту восточный вопрос приобрел в 20—50-е годы XIX в. В этот период возникли *три кризисные ситуации в восточном вопросе*: 1) в начале 20-х годов — в связи с восстанием в 1821 г. в Греции, 2) в начале 30-х — в связи с войной Египта против Османской империи и возникшей угрозой ее распада и 3) в начале 50-х годов — в связи с возникшим между Россией и Францией спором о «палестинских святынях», что послужило поводом к Крымской войне. Характерно, что эти три фазы обострения восточного вопроса следовали за революционными «встрясками»: в 1820—1821 гг. — в Испании, Неаполе, Пьемонте; в 1830—1831 гг. — во Франции, Бельгии и Польше; в 1848—1849 гг. — в ряде стран Европы. Во время этих революционных кризисов восточная проблема как бы отодвигалась на второй план во внешней политике европейских держав, чтобы затем возникнуть снова.

Восстание в Греции готовилось при активном участии греческих эмигрантов, проживавших в южных городах России. Через их посредников шла оживленная торговля России со странами Средиземноморья. Издавна греки надеялись на помощь России в борьбе за освобождение от османского ига. В 1814 г. в Одессе возник руководящий центр борьбы греков за независимость «Филики Этерия» (или Гетерия). В 1820 г. во главе этого центра стал генерал-майор на русской службе Александр Ипсиланти, поддерживавший связи с кишиневской организацией декабристов.

22 февраля 1821 г. А. Ипсиланти с отрядом греков перешел р. Прут и через два дня в Яссах опубликовал воззвание к соотечественникам подняться на борьбу за свободу. Одновременно он направил Александру I письмо, в котором призывал русского императора вооруженной рукой изгнать турок из Европы и тем обрести титул «освободителя Греции». В ответ Александр I осудил акцию Ипсиланти и повелел исключить его из русской службы, с воспрещением возвращаться в Россию.

Призыв Ипсиланти послужил сигналом к восстанию в Греции. Османское правительство стремилось решить «греческий вопрос» путем поголовного истребления восставших греков. Зверства карателей вызвали взрыв возмущения во всех странах. Передовая общественность России требовала оказания немедленной помощи грекам.

Летом 1821 г. турецкие карательные войска оттеснили 6-тысячный отряд Ипсиланти к австрийской границе и 19 июля подвергли разгрому. Ипсиланти бежал в Австрию, где его арестовали австрийские власти.

Вместе с тем Порта под предлогом борьбы с греческой контрабандой закрыла черноморские проливы для русских судов, что сильно ударило по интересам помещиков — экспортеров хлеба. Александр I колебался. С одной стороны, он обязан был добиться свободы навигации через проливы и одновременно воспользоваться событиями в Греции для ослабления османского владычества на Балканах, укрепить влияние России в этом регионе. С другой стороны, он как приверженец принципов Священного союза рассматривал восставших греков как «мятежников» против «законного» монарха.

При русском дворе возникли две группировки: первая — за помощь грекам, за престиж России, за использование сложившейся ситуации для решения вопроса о проливах и укрепления позиций России на Балканах, вторая — против какой-либо помощи грекам из-за опасения обострения отношений с другими европейскими державами. Александр I поддержал позицию второй группировки. Он сознавал, что это противоречит государственным интересам России, но ему пришлось жертвовать ими ради укрепления Священного союза и принципов «легитимизма». На Веронском конгрессе Священного союза в 1822 г. Александр I согласился подписать совместную с Австрией, Пруссией, Англией и Францией декларацию, которая обязывала восставших греков подчиниться власти султана, а самого султана — не мстить грекам.

В 1824 г. в связи с продолжавшейся резней греков Александр I попытался объединить усилия стран Европы для коллективного воздействия на султана. Но созванные в Петербург представители европейских держав отказались от предложения царя, заявив, что «греки хотя и христиане, но бунтовщики против законного государя». Карательные действия турецких властей против греков продолжались. В апреле 1825 г. Александр I снова призвал участников Священного союза применить к султану «принудительные меры», но получил отказ. Со стороны российской общественности все громче звучал голос в защиту греков, с чем Александр не мог не считаться. **6 августа 1825 г.** он объявил европейским дворам, что Россия в «турецких делах» будет следовать собственным интересам. Началась подготовка к войне с Османской империей, но смерть Александра I приостановила ее.

Между тем европейские державы стремились извлечь выгоду из конфликта султана с его греческими подданными. Англия хотела укрепиться в восточной части Средиземноморья, поэтому признала греков воюющей стороной (а не обычными «бунтовщиками»). Франция с целью распространения своего влияния в Египте поощряла египетское правительство Мухаммеда-Али оказать помощь султану в подавлении греческого освободительного движения. Австрия также поддерживала Османскую империю, надеясь получить за это некоторые территории на Балканах. В сложившейся обстановке Николай I решил первым делом договориться с Англией.

23 марта 1826 г. был подписан Петербургский протокол, по которому Россия и Англия брали на себя обязательство выступить с посредничеством между султаном и восставшими греками. Султану было предъявлено требование предоставить Греции автономию — со своим правительством и законами, но под вассалитетом Османской империи. К Петербургскому протоколу присоединилась Франция, и все три державы заключили соглашение о «коллективной защите» интересов Греции. Султану был предъявлен ультиматум о предоставлении Греции независимости, но султан его отверг, а державы, подписавшие соглашение, направили свои эскадры к берегам Греции. **8 октября 1827 г.** в бухте Наварино (на юге Греции) состоялось морское сражение, в котором турецко-египетский флот был полностью разгромлен. Наваринское сражение способствовало победе греческого народа в борьбе за независимость.

Совместная акция Англии, Франции и России в решении «греческого вопроса» отнюдь не снимала острых противоречий между ними. Англия, желая связать руки России на Ближнем Востоке, лихорадочно разжигала реваншистские настроения Ирана, армия которого вооружалась и реорганизовывалась на английские деньги и с помощью английских военных советников. Иран стремился вернуть утраченные по Гюлистанскому мирному договору 1813 г. территории в Закавказье.

Известия о событиях в Петербурге в конце 1825 г. были восприняты шахом и его правительством как благоприятный момент для развязывания военных действий против России. В **июле 1826 г.** 60-тысячная шахская армия без объявления войны вторглась в Закавказье и начала стремительное наступление на Тифлис. Но вскоре она была остановлена под крепостью Шуша, а затем русские войска перешли в наступление. В сентябре 1826 г. иранские войска потерпели сокрушительное поражение под Гянджой и были отброшены к р. Аракс. Русская армия под командованием А.П. Ермолова перенесла военные действия на территорию Ирана.

Николай I, не доверяя Ермолову (он подозревал его в связях с декабристами), передал командование войсками Кавказского корпуса И.Ф. Паскевичу. В апреле 1827 г. русские войска овладели Нахичеванью и Эриванью. На помощь русским войскам поднялось все армянское население. Русские войска заняли Тавриз — вторую столицу Ирана — и быстро продвигались к Тегерану. В иранских войсках началась паника. Шахское правительство вынуждено было пойти на предложенные Россией условия мира. По *Туркманчайскому договору* **10 февраля 1828 г.** к России отходили Нахичеванское и Эриванское ханства, составлявшие Восточную Армению. Иран обязывался выплатить контрибуцию в 20 млн. руб. Подтверждалось исключительное право России держать военный флот на Каспийском море. Договор предусматривал свободу переселения в Россию армянского населения Ирана. В результате в Россию переселились 135 тыс. армян. В 1828 г. из присоединенных к России

Эриванского и Нахичеванского ханств была образована *Армянская область* с русским административным управлением. Однако полного воссоединения армянского народа не произошло: Западная Армения продолжала оставаться в составе Османской империи.

Туркманчайский мир явился крупным успехом России. Он упрочивал русские позиции в Закавказье, способствовал усилению ее влияния на Среднем Востоке. Английское правительство делало все, чтобы сорвать его. В ход были пущены и подкуп чиновников шаха, и разжигание религиозного и национального фанатизма. В **январе 1829 г.** иранские власти спровоцировали нападение на российскую миссию в Тегеране. Поводом явилось бегство из одного гарема двух армянок и евнуха, нашедших убежище в русском посольстве. Фанатичная толпа разгромила посольство и вырезала почти всю русскую миссию; из 38 человек спасся только секретарь посольства. В числе погибших был и глава миссии А.С. Грибоедов. Царское правительство, не желая новой войны с Ираном и осложнений с Англией, удовлетворилось личными извинениями шаха, который подарил также крупный бриллиант русскому царю.

Туркманчайский мир развязал России руки перед назревавшим военным конфликтом с Османской империей, которая занимала откровенно враждебную по отношению к России позицию, жаждала реванша за прежние неудачи и систематически нарушала статьи прежних договоров. Ближайшими причинами войны послужили задержка торговых судов под российским флагом, захват грузов и высылка русских купцов из османских владений. **14 апреля 1828 г.** Николай I выступил с манифестом об объявлении войны Османской империи. Английский и французский кабинеты хотя и заявили о своем нейтралитете, но тайно оказывали поддержку султану. Австрия помогала ему оружием, а на границе с Россией демонстративно сконцентрировала свои войска.

Война оказалась для России необычайно тяжелой. Войска, приученные к плац-парадному искусству, технически слабо оснащенные и руководимые бездарными генералами, первоначально не могли добиться сколько-нибудь значительных успехов. Солдаты голодали; в армии свирепствовали болезни, от которых гибло их больше, нежели от вражеских пуль и снарядов.

В начале 1828 г. 100-тысячная армия под командованием фельдмаршала П.Х. Витгенштейна перешла р. Прут и заняла дунайские княжества Молдавию и Валахию. Одновременно 11-тысячный корпус И.Ф. Паскевича, действовавший в Закавказье, повел наступление на Карс. На Дунае русские войска встретили упорное сопротивление хорошо вооруженных турецких крепостей. Только к концу 1828 г. удалось овладеть приморской крепостью Варна и узкой полосой земли вдоль Черного моря. Успешнее велись военные действия на Кавказе и в Закавказье, где удалось блокировать крупную турецкую крепость Анапа, а 11-тысячный отряд И.Ф. Пас-

кевича в течение трех месяцев занял три пашалыка (области): Карский, Ахалцихский и Баязетский.

В начале 1829 г. во главе армии, действовавшей за Дунаем, был поставлен И.И. Дибич, сменивший престарелого П.Х. Витгенштейна. Он разгромил основные силы турецкой армии и овладел стратегически важными крепостями — Силистрией, Шумлой, Бургасом и Созополем, а в начале августа 1829 г. Адрианополем. Русские войска находились в 60 верстах от Константинополя, но Николай I не решился отдать приказ нанести сокрушительный удар по Османской империи. В данный момент Россия не желала ее падения, руководствуясь принципом: «Выгоды сохранения Османской империи в Европе превышают ее невыгоды». Кроме того, овладение русскими войсками Константинополем неизбежно вызвало бы резкое обострение отношений России с другими державами. Николай I торопил Дибича с заключением мира. **2 сентября 1829 г.** в Адрианополе был подписан мирный трактат. России передавались устье Дуная с островами, восточное побережье Черного моря от Анапы до Сухуми, а в Закавказье Ахалцых и Ахалкалаки. Османская империя уплачивала контрибуцию в размере 33 млн. руб. Русские торговцы получали право экстерриториальности на всей территории Османской империи. Черноморские проливы объявлялись открытыми для русских торговых судов. Сравнительно небольшие приобретения по Адрианопольскому трактату тем не менее имели для России важное стратегическое значение, так как укрепляли ее позиции на Черном море и положили предел османской экспансии в Закавказье. Но особенно большое значение Адрианопольский мир имел для народов Балканского полуострова: получала автономию (а с 1830 г. и независимость) Греция, расширялась автономия Сербии и Дунайских княжеств — Молдавии и Валахии.

Но еще более значительных дипломатических успехов на Ближнем Востоке Россия достигла в 1832—1833 гг., когда она вмешалась в турецко-египетский конфликт.

Еще в 1811 г. правитель Египта Мухаммед-Али добился автономии этой арабской части Османской империи. Он создал свою армию и флот, вел самостоятельную внешнюю политику, ориентируясь на Францию, и давно вынашивал планы окончательного освобождения от власти султана, а также и присоединения к Египту другой арабской территории в составе Османской империи — Сирии.

К началу 30-х годов Мухаммед-Али, пользуясь ослаблением Османской империи в связи с поражением ее в войне 1828—1829 гг. с Россией, расширил территорию Египта, провел ряд реформ и с помощью французских военных советников преобразовал свою армию. В 1832 г. он восстал против султана и двинул войска на Константинополь. В декабре 1832 г. египетская армия разгромила войска султана и создала непосредственную угрозу Константинополю. Султан Махмуд II обратился за помощью к Франции и

Англии, но те, заинтересованные в укреплении своего влияния в Египте, отказали ему в поддержке. Зато Николай I с большой готовностью согласился оказать военную помощь, с просьбой о которой обратился к нему султан. К тому же Николай I рассматривал «египетский мятеж» как «последствие возмутительного духа, овладевшего ныне Европой и в особенности Францией».

В феврале 1833 г. в Босфор вошла русская эскадра, и в окрестностях Константинополя высадился 30-тысячный экспедиционный корпус под командованием А.Ф. Орлова. Англия и Франция тоже направили к Константинополю свои эскадры. Дипломатам Англии и Франции удалось добиться примирения Мухаммеда-Али с султаном, между которыми был заключен договор. По этому договору в управление Мухаммеда-Али передавалась вся Сирия, но он признавал свой вассалитет от султана. Этим соглашением устранялся и предлог пребывания русских вооруженных сил в Османской империи. Но перед их выводом А.Ф. Орлов подписал **26 июня 1833 г.** в летней резиденции султана *Ункяр-Искелесси* (Государевой гавани) договор. Он устанавливал между Россией и Османской империей «вечный мир», «дружбу» и оборонительный союз. Секретная статья договора освобождала Османскую империю от оказания России военной помощи, взамен которой в случае войны султан по требованию России обязывался закрыть Дарданелльский пролив для всех иностранных военных кораблей. Ункяр-Искелесский договор значительно укрепил ближневосточные позиции России. Вместе с тем он обострил ее отношения с Англией и Францией, которые направили царю и султану ноты протеста, требуя аннулирования договора. К протесту присоединилась и Австрия. В английской и французской прессе поднялась шумная антирусская кампания.

Англия стремилась «утопить» Ункяр-Искелесский договор в какой-нибудь многосторонней конвенции. Такой случай представился. В 1839 г. султан Махмуд II отстранил Мухаммеда-Али от должности правителя Египта. Тот вновь собрал большую армию, двинул ее против султана и в нескольких сражениях разгромил его войска. Султан снова обратился за помощью к европейским державам, в первую очередь к России во исполнение договора 1833 г. Англия постаралась использовать сложившуюся обстановку для заключения многостороннего договора с Османской империей. В итоге двусторонний русско-турецкий союз был заменен коллективной «опекой» четырех европейских держав — России, Англии, Австрии и Пруссии. Подписанная ими **3 июля 1840 г.** *Лондонская конвенция* предусматривала коллективную помощь султану и гарантировала целостность Османской империи. Конвенция провозглашала принцип: «пока Порта находится в мире», в проливы не допускаются все иностранные военные суда. Тем самым терял силу секретный пункт Ункяр-Искелесского договора об иск-

лючительном праве России провода через проливы своих военных кораблей. **1 июля 1841 г.** была заключена *вторая Лондонская конвенция* о проливах, на этот раз с участием Франции. Конвенция предусматривала общеевропейский контроль за соблюдением «нейтрализации» черноморских проливов. Таким образом, лондонские конвенции 1840—1841 гг., по существу, сводили на нет успехи России, достигнутые в 1833 г., и являлись ее дипломатическим поражением.

В 1844 г. Николай I предпринял поездку в Лондон, чтобы договориться с английским кабинетом о разделе «турецкого наследства» в случае распада Османской империи. Английский кабинет занял уклончивую позицию, соглашаясь в случае «гибели Турции» вступить в переговоры с Россией, но отказываясь от заключения с ней какого-либо договора по этому вопросу.

§ 4. РОССИЯ И КАВКАЗ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАЗАХСТАНА

Включение в состав России Закавказья (Грузии, Восточной Армении и Северного Азербайджана) поставило вопрос и о присоединении Северного Кавказа, который имел для России важное стратегическое значение для обеспечения «спокойного» тыла в ее ближневосточных и средневосточных делах. По окончании войны с Францией Россия вплотную могла заняться решением этой важной проблемы.

В 1816 г. командиром Отдельного Грузинского (с 1820 г. — Кавказского) корпуса и управляющим по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии был назначен А.П. Ермолов. В его подчинение были переданы также Каспийская флотилия и Черноморское казачье войско. Таким образом в руках Ермолова была сконцентрирована огромная военная и гражданская власть во вверенном ему регионе. Выдающийся военный деятель и талантливый администратор, «человек власти и порядка», Ермолов действовал решительно и беспощадно. По представленному им плану, утвержденному Александром I, было решено перейти от отдельных карательных экспедиций к планомерному и нарастающему ведению военных действий против непокорных горцев. Для этого помимо существовавшей линии крепостей по р. Тереку и Кубани создавалась новая линия — по р. Сунже: в **1817—1821 гг.** построены крепости Преградный стан, Грозная, Внезапная, Бурная, Прочный окоп и др. На возведение их, строительство дорог и мостов, прорубки просек в лесах для прохода войск сгонялось местное население, облагавшееся кроме того разного рода денежными и натуральными повинностями. Непокорные аулы разрушались, сады вырубались, скот угонялся, часть населения ушла в

горы, другая, приведенная к присяге на верность российскому императору, была поселена на равнине.

В 1817 г. с 50 тыс. Отдельного Грузинского корпуса и 40 тыс. Черноморского войска Ермолов начал массированное наступление на горные районы Чечни и Дагестана. Попытка некоторых чеченских и дагестанских владетелей предпринять в 1819 г. поход на Сунженскую укрепленную линию потерпела неудачу. В 1821—1826 гг. были жестоко подавлены восстания в Кабарде, Адыгее и Чечне, но горское население их не было покорено.

Начавшееся в **20-х годах XIX в.** движение горцев Кавказа носило сложный характер: освободительная борьба крестьянства здесь соединялась со стремлением ставшей во главе движения местной феодализирующейся знати и мусульманского духовенства к укреплению своей власти и влияния среди горских народов.

Большую роль в движении играл *мюридизм,* получивший распространение среди мусульманского населения Северного Кавказа в конце 20-х годов XIX в. Мюрид — это мусульманин, посвятивший себя духовному совершенствованию во имя «сближения с аллахом». Он обязан не только строго выполнять заповеди Корана, но и вести аскетический образ жизни. «Равенство перед аллахом» мюридов воспринималось горским крестьянством как социальное равенство, как возвращение к патриархальной демократии. Идеологи мюридизма провозглашали, что правоверный мусульманин не может быть подданным монарха-иноверца. Мусульманское духовенство ставило своей целью оттеснить светских феодалов и занять первенствующую роль в горском обществе, создав на Кавказе мусульманское теократическое государство по образцу средневековых арабских халифатов. Таким образом, не мюридизм породил национально-освободительное движение народов Кавказа: он стал крупным идейно-политическим фактором лишь постольку, поскольку ему удавалось овладеть этим движением и сделаться его знаменем. Необходимо отметить, что движение мюридизма охватило не весь Северный Кавказ, а лишь Чечню и Дагестан.

Разрозненные выступления горцев под знаменем мюридизма объединил в единое движение мулла Гази-Магомед-Магома. **На рубеже 20—30-х годов** в Чечне и горном Дагестане образовалось *военно-теократическое государство — имамат.* Первым имамом стал Гази-Магомед-Магома, который призвал горцев к газавату — священной войне против неверных. Ожесточенные бои развернулись в 1831 г. на подступах к Грозной и Владикавказу. Однако русским войскам удалось оттеснить горцев в горный Дагестан. Десятки аулов при этом были стерты с лица земли. В октябре 1832 г. при штурме русскими отрядами аула Гимры Гази-Магомед-Магома погиб. После его гибели вторым имамом был провозглашен Гамзат-Бек, который в 1834 г. захватил центр Аварии Хунзах и уничтожил семью аварского хана, принявшего подданство русского

царя. Но в том же году Гамзат-Бек пал жертвой кровной мести. Третьим имамом был провозглашен Шамиль — сын аварского узденя (свободного крестьянина).

Талантливый военачальник, волевой и жестокий, Шамиль создал сильное военно-теократическое государство, охватившее Чечню и часть Дагестана. При имаме, обладавшем неограниченной властью, было свое центральное управление Диван-хан — совет из 32 человек, кроме того, существовал Тайный совет по особо важным делам. Созывались периодические совещания наибов (начальников округов) и мусульманских ученых (улемов), обсуждавшие вопросы ведения войны и политического управления. Имамат был разделен на 52 округа (наибства). Управлявший округом наиб считался наместником имама.

Наиб имел право суда и наказания виновных (кроме применения к ним смертной казни), назначал муфтиев для решения гражданских дел. Все гражданские правовые вопросы решались на основе шариата — свода религиозно-этических и правовых предписаний ислама. Введены были денежные пени, призванные заменить кровную месть, учреждены даже ордена и знаки отличия, военные чины, печать, герб, особое государственное знамя. Создана дисциплинированная регулярная армия, разделенная на тысячи, возглавляемые наибами. Кроме того, созывалось народное ополчение, в которое зачислялись все мужчины в возрасте от 18 до 50 лет. Общая численность войск Шамиля составляла от 20 до 30 тыс. человек, в том числе 6 тыс. конницы. Шамилю удалось объединить горцев, осуществить ряд крупных военных операций против русских войск. В 1843 г. его армия осадила г. Темир-Хан-Шуру и развернула боевые действия в Северном Дагестане. Осенью 1844 г. последовали новые успехи Шамиля, которые сильно встревожили Николая I. Наместником Закавказья был назначен М.С. Воронцов, которому царь дал чрезвычайные полномочия. В 1845 г. Воронцов занял резиденцию Шамиля аул Дарго, но попал в окружение, из которого едва вырвался с большими потерями. В 1848 г. власть Шамиля была объявлена наследственной. Это было время наибольших его успехов.

В начале 50-х годов Шамиль стал терпеть неудачу за неудачей. Планомерное наступление русских войск заставило некоторые горские народы прекратить сопротивление. Подавлены были восстания в 1850—1851 гг. в Кабарде и Адыгее. 1851 год стал переломным в ходе Кавказской войны. Внутри имамата возникли распри между мюридами, превращавшимися в феодальных владетелей. Население, недовольное жестокими феодальными порядками, стало отходить от движения. Начался переход и горской верхушки на сторону царского правительства. Границы имамата Шамиля сужались. Накануне Крымской войны Шамиль договорился с османским правительством о совместных действиях против русских войск в Закавказье. В августе 1853 г. 15-тысячный отряд Шамиля пытался прорвать Лезгинскую линию по пути на Тифлис, но потерпел неудачу. В апреле 1854 г. османская армия начала наступ-

ление на Тифлис. Одновременно на Тифлис повела наступление и армия Шамиля, которому удалось взять Цинандали (в 60 км от Тифлиса). Но из-за разногласий с турецким командованием Шамиль повернул обратно.

По окончании Крымской войны русское правительство сосредоточило на Кавказе до 200 тыс. солдат. Во главе этой армии был поставлен новый наместник Кавказа князь А.И. Барятинский, который возродил тактику Ермолова. В 1857—1858 гг. он занял всю Чечню и начал наступление на Дагестан. Шамиль терпел поражение за поражением, неся большие потери. В феврале—марте 1859 г. была осаждена резиденция Шамиля — аул Ведено. Ему удалось с 400 мюридами вырваться из окружения и укрыться в ауле Гуниб, где **26 августа 1859 г.** после упорного сопротивления он сдался в плен, был привезен в Петербург и представлен Александру II, который определил ему годовое жалованье в 20 тыс.руб. и поселил с семьей в Калуге. В 1869 г. Шамиль был переведен в Киев, а в 1870 г. ему было разрешено отправиться в паломничество в Мекку. В следующем году Шамиль умер в Медине.

Покорение Чечни и Дагестана, пленение Шамиля еще не означало конца Кавказской войны. Действия русских войск продолжались в районе Северо-Западного Кавказа, где еще предстояло покорить черкесские и адыгейские племена. Овладение в 1864 г. последним очагом сопротивления — урочищем Кбаадой положило конец Кавказской войне, продолжавшейся без малого полвека (**с 1817 по 1864 г.**) и стоившей многих жертв (русские войска потеряли в этой войне 77 тыс. человек).

В первой половине XIX в. завершился процесс присоединения Казахстана к Российской империи. Многочисленные племенные объединения казахского народа в то время составляли *три жуза (орды): Младший, Средний и Старший.* С 30—40-х годов XVIII в. Младший и Средний жузы, т. е. большая часть Казахстана, добровольно вступили в подданство России. Старший жуз до середины XVIII в. находился в зависимости то от Хивинского, то от Кокандского ханств. Население Старшего жуза жестоко страдало от тяжелых налогов и набегов войск кокандского и хивинского ханов и тяготело к России. Территория Старшего жуза вошла в состав России в 1846—1854 гг. Тем самым произошло воссоединение казахского народа, насчитывавшего к тому времени свыше 2 млн. человек. Присоединение к Российской империи Старшего жуза вызвало военный конфликт России с Кокандским ханством, которое считало казахов этого региона своими подданными. **Летом 1853 г.** войска генерала В.А. Перовского разбили армию кокандского хана при Ак-Мечети. В **1854 г.** были возведены Сырдарьинская и Сибирские военные линии, и в том же году основан *г. Верный* (ныне Алма-Ата). В итоге был создан плацдарм для последующего, в 60—70-х годах XIX в., наступления России на среднеазиатские ханства.

1. КИЕВСКАЯ РУСЬ в IX - начале XII в.

Сунские
Кунда
Олений остров
Кайледа
Клиновые
Сарнате
Веретье
Ладожская
Отрадное
Абора
ПЛЕМЕНА РЫБОЛОВОВ
Медвежья пещера
Березняки
Фатьяново
ПЛЕМЕНА ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ И СКОТОВОДОВ
Тушемля
Льялово
Комарово
Колочин
Дьяково
Сунгирь
Белогрудово
Тараполье
Мезин
Черная Гора
Скйма
Турбино
Лука-Врублевецкая
Борковский
Городецкое
Волосово
Баланово
Горбуново
Бельское
Немировское
Бандариха
Ананьинский
Флорешты
Частые Курганы
Абашево
Муллино
Королево
Костенки
ТИРА
Михайловка
Каменское
Сусловский
ПЛЕМЕНА КОЧЕВНИКОВ-СКОТОВОДОВ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ
Капова пещера
Мысовая
НЕАПОЛЬ ХЕРСОНЕС
ТАНАИС
Кобяково
Волгоградская
Янтелька
Алексеевское
ВИЗАНТИЙ
Керкинитида
ФАНАГОРИЯ
Майкоп
СИНОПА
ПИТИУНТ
Яштух
АМИС
ФАСИС
Кистрик
Кударо
КЕРАСУНТ
ТРАПЕЗУНД
Триалети
Кобанский
МЦХЕТА
Арзни
АРМАВИР
АРТАШАТ
Азых
ТИГРАНАКЕРТ
ТУШПА (ВАН)
Кюль-Тепе
ГАНДЗАК
Тагискен
Джанбас
Кончка
Джейтун
БУХАРА
Анау
Заман-Баба
Намазга-Депе
МАРАКАНДА
МЕРВ
ЗАДРАКАРТА
РАГИ
НИСА
Тешик-Таш
Алтын-Тепе
Лахути
БАКТРА
Каспийское море
Аральское море
Черное море
Евфрат
Тигр
Аракс
Кура
Урал
Волга
Дон
Днепр
Северский Донец
Южный Буг
Днестр
Прут
Дунай
Кубань
Терек
Сев. Двина
Печора
Кама
Обь
Иртыш
Тобол
Сырдарья
Амударья
Урарту
СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
в V-IVвв. до н.э.
ОЛЬВИЯ
ТИРА
ТАНАИС
ПАНТИКАПЕЙ
ФАНАГОРИЯ
ФЕОДОСИЯ
ХЕРСОНЕС
Скифы-пахари
Скифы-земледельцы
Скифы-кочевники
Синды
Меоты
Скифия в Vв до н.э. (по Геродоту)
Граница Боспорского царства в Vв. до нашей эры
Территории греческих поселений
0 165км
ДРЕВНИЕ ГОСУДАРСТВА ЗАКАВКАЗЬЯ
в конце I-го тысячелетия до н.э.
Колхида
ФАСИС
ИБЕРИЯ
МЦХЕТА
Албания
оз. Севан
ЕРЕВАН
ВЕЛИКАЯ АРМЕНИЯ
оз. Ван
ВАН (ТУШПА)
ТИГРАНАКЕРТ
оз. Урмия
АТРОПАТЕНА (в сер. IIв до н.э.)
0 160км

ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ НАШЕЙ СТРАНЫ

3. ФЕОДАЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ РУСИ в XII- начале XIIIв.

4. БОРЬБА НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ С ИНОЗЕМНЫМИ ЗАВОЕВАТЕЛЯМИ в XIII в.

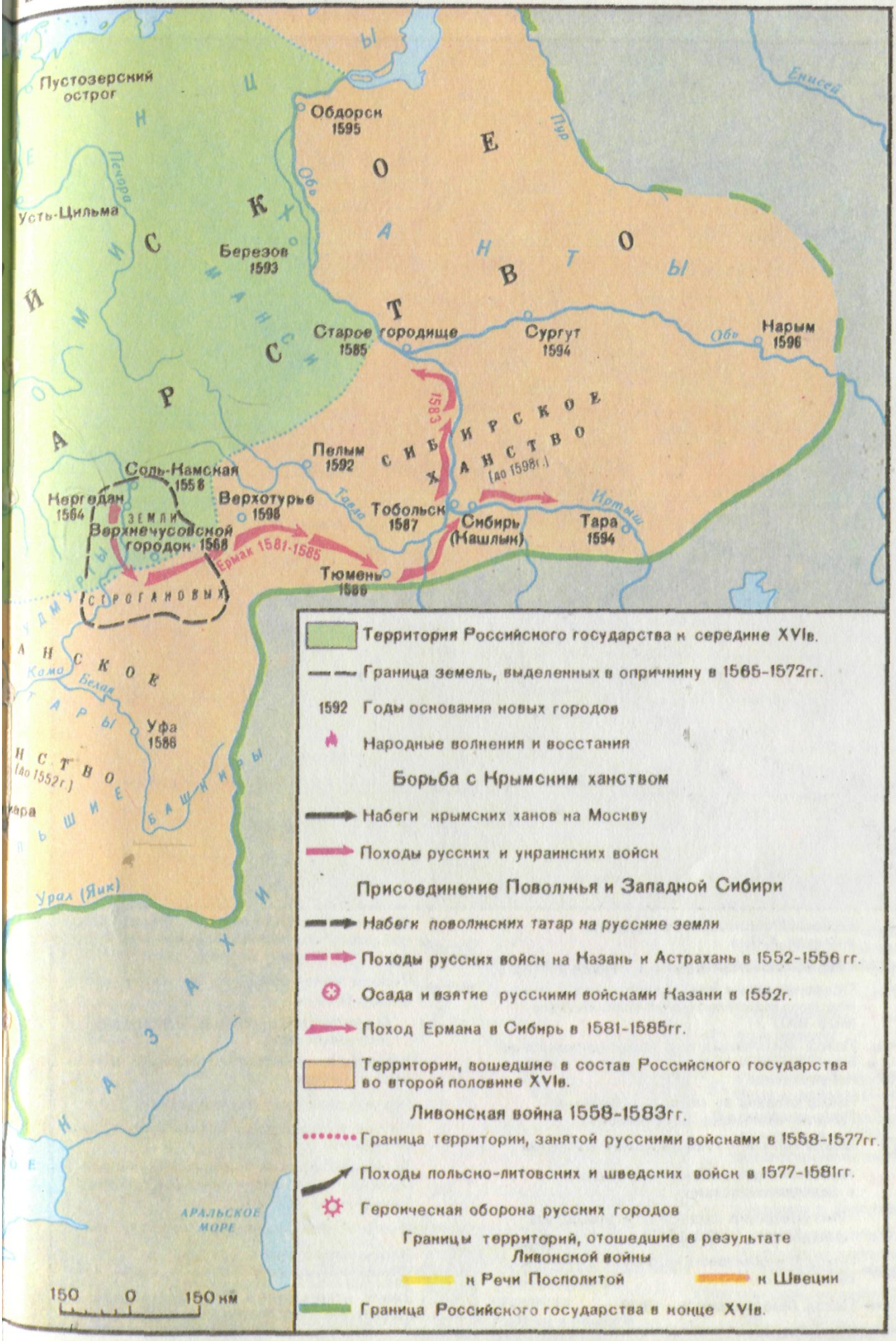
5. РОСТ МОСКОВСКОГО КНЯЖЕСТВА

6. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

7. ОБРАЗОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

НОРВЕГИЯ
ШВЕЦИЯ
ФИНЛЯНДИЯ
САМЫ
Белое море
Нем
Архангельск 1584
Холмогоры
Сев. Двина
Онежское озеро
Соль Вычегодская
Великий Устюг
Ладожское озеро
Белоозеро
Новгород
Псков
Старая Русса
Вологда
Ярославль
Тверь
Углич
Шуя
Александрова слобода
Владимир
Нижн. Новгород
Хлынов (Вятка)
МОСКВА
Гороховец
Свияжск 1551
Казань
Лаишев 1557
Коломна
Тула
Перейславль-Рязанский
1552
Алатырь
Одоев
Орел 1564
Данков 1568
Ливны 1586
Воронеж 1586
Саратов 1590
Путивль
Курск
Белгород
Валуйки 1594
Чернигов
Киев
Запорожская Сечь
Молдавия (вассал Османской империи)
Перекопское ханство (вассал Османской империи)
Крым (вассал Османской империи)
Азов
Азовское море
Бахчисарай
Царицын 1589
Астраханское ханство (до 1556 г.)
Астрахань
Терские казаки
Терский городок 1588
Кабарда
Адыги
Черное море
Константинополь
Каспийское море
Стокгольм
Таллинн (Ревель)
о. Хийумаа (Швед. с 1561 г.)
о. Сааремаа (Дат. с 1560 г.)
Выборг
Нарва
Ивангород
Эстония
Тарту (Юрьев)
Рига
Ливонский орден (до 1561 г.)
Литва
Опочка
Сокол
Полоцк
Великие Луки
Вильнюс
Речь Посполитая
Минск
Смоленск
Белоруссы
Украина
Запорожские казаки
Ногаи
Марийцы
Чуваши
Мордва
1552
1554-1556
1556
1559
1560
1561

во второй половине XVIв.



9. КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ в начале XVII в. БОРЬБА С ИНТЕРВЕНЦИЕЙ ПОЛЬСКИХ И ШВЕДСКИХ ФЕОДАЛОВ

Граница Российского государства в начале XVII в.

Крестьянская война в начале XVII в.

Основной район крестьянского восстания под предводительством Болотникова в 1606-1607 гг.

Поход восставших под предводительством Болотникова к Москве и отход их к Калуге и Туле

Поход казаков во главе с „царевичем Петром" на помощь Болотникову

Осада Калуги и Тулы царскими войсками

× 1606 Места и годы сражений восставших с царскими войсками

Интервенция польских и шведских феодалов в 1604-1618 гг.

Поход Лжедмитрия I на Москву в 1604-1605 гг.

Поход Лжедмитрия II в 1608 г.

Вторжение войск польских феодалов в пределы Российского государства и походы их на Москву в 1609-1618 гг.

Походы войск шведских феодалов в 1609-1615 гг.

Борьба русского народа против интервентов

Важнейшие районы партизанской борьбы против интервентов

1615 Героическая оборона русских городов

Города, принимавшие участие в народных ополчениях

Движение отрядов народного ополчения к Москве под предводительством Минина и Пожарского в 1612 г.

× 1605 Места и годы сражений с интервентами

Земли, отошедшие к Швеции по *Столбовскому миру* 1617 г.

Земли, отошедшие к Речи Посполитой по Деулинскому перемирию 1618 г.

10. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В XVII в. (Европейская часть)

11. НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ В РОССИИ в 40-70 -х гг. XVII в.

12. ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАРОДОВ 1648–1654 гг. ВОССОЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

Русские, украинские, белорусские земли, находившиеся в составе Речи Посполитой к 1648 г.

Территория казацкого Войска Запорожского к 1648г.

Районы действия крупных повстанческих отрядов против польских феодалов

Походы войск Богдана Хмельницкого в 1648–1649гг.

Граница Украины по Зборовскому договору 1649 г.

Походы войск Богдана Хмельницкого в 1651г., 1652 и 1653г.

× 1648 Места и годы важнейших сражений

Граница Украины по Белоцерковскому договору 1651 г.

Переяславская Рада, провозгласившая воссоединение Украины с Россией 8 января 1654г.

Совместные действия русских и украинских войск во время русско-польской войны 1654–1667гг.

Земли, возвращенные России по Андрусовскому перемирию 1667г. и договору о „Вечном мире" 1686г.

Границы государств к концу XVII в.

90 0 90 км

13. РОССИЯ с конца XVII в. по 60-е годы XVIII в. (Европейская часть)

Территория России к 1695г.

Азовские походы русских войск в 1695-1696гг.

Территория, отвоеванная Россией у Турции в результате Азовских походов и закрепленная по Константинопольскому миру 1700г.

Действия русских войск и флота в Северной войне 1700-1721гг.

Действия шведских войск в Северной войне 1700-1721гг.

Территории, вошедшие в состав России по Ништадтскому миру 1721г.

Промышленные предприятия, построенные в первой четверти XVIIIв.

Металлургические заводы (доменные, медеплавильные и обработка металлов)

Полотняные и суконные мануфактуры

Судостроительные верфи

Крупные порты

Народные восстания

Район Астраханского восстания 1705-1706гг.

Район восстания под предводительством Булавина 1707-1709гг.

Действия русских войск в Семилетней войне 1756-1763гг.

× 1700 × 1709 Места и годы важнейших сражений

Территории, вошедшие в состав России с 1726 по 1763г.

Граница Российской империи в 1763г.

Т. Таллинн

240 0 240 км

14. РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1768-1774 гг. и 1787-1791 гг.

15. КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1853-1856 гг.

Ввод русских войск в дунайские княжества Молдавию и Валахию

Положение войск к началу войны и их действия

русских — турецких

Сосредоточение в Варне войск союзников (Англии и Франции) и их действия

Отвод русских войск из дунайских княжеств в виду враждебности Австрии

Сосредоточение австрийских войск и оккупация ими дунайских княжеств

Бомбардировка городов англо-французскими кораблями

Осада городов (с указанием годов)

Отражение англо-французских десантов

× 1853 Места важнейших сражений (с указанием годов)

Крепости

Территория, отошедшая от России по Парижскому мирному договору 1856 г.

Границы государств даны на 1856 г.

§ 5. КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Поводом к Крымской войне послужил возникший в начале 50-х годов спор между православной и католической церковью о «палестинских святынях», находившихся в то время на территории Османской империи. Речь шла о том, какой из церквей принадлежит право владеть ключами от Вифлеемского храма, другими религиозными памятниками в Иерусалиме и его окрестностях. Здесь столкнулись интересы России, защищавшей православное духовенство, и Франции, покровительствовавшей католикам.

В обстановке напряженной дипломатической борьбы в Европе этот спор вначале даже не был замечен. Султан также сначала не придавал ему особого значения. Но пришедший в декабре 1851 г. к власти во Франции Луи Наполеон, вскоре объявивший себя императором Наполеоном III (Николай I отказался признать его как «законного» монарха), использовал спор для создания международного конфликта. Стремясь заручиться поддержкой клерикальных кругов во Франции с целью укрепления своей власти, он выступил в качестве «защитника» интересов католической церкви на Востоке. Николай I, со своей стороны, стремился использовать назревавший конфликт для решительного наступления на Османскую империю, полагая, что войну ему придется вести с одной ослабевшей Османской империей. Он надеялся договориться с Англией о разделе «наследства» этого, как он говаривал, «больного человека». Преувеличивая противоречия между Англией и Францией, Николай I рассчитывал на изоляцию Франции, а также на поддержку Австрии за оказанную ей в 1849 г. «услугу» в подавлении революции в Венгрии. Но эти расчеты Николая I оказались ошибочными. Англия не пошла на предложение Николая о разделе Османской империи, ибо это усиливало положение России на Ближнем Востоке. Египет и Крит, которые ей предлагал Николай I, она надеялась получить без участия России.

В 1853 г. Англия и Франция заключили секретный договор, направленный против России. Ошибочным оказался и расчет Николая на то, что Франция не имеет достаточных военных сил для ведения агрессивной политики в Европе, а Наполеон III будет озабочен внутренними делами — укреплением своих позиций. Наполеон III стремился к «небольшой», но «победоносной» войне. Наконец, Австрия, опасаясь усиления влияния России на Балканах, готова была поддержать любую акцию, направленную против нее. Таким образом, Крымская война началась в обстановке дипломатической изоляции России. Ей предстояло вести войну против коалиции развитых капиталистических государств.

Царь и его сановники полагались на неограниченные людские и материальные ресурсы России. Однако и этот расчет оказался ошибочным. Крепостной строй оказывал губительное влияние на военный потенциал страны. Отсталая военная промышленность не

могла обеспечить армию новейшим вооружением и снаряжением. Бездарность командования, казнокрадство интендантского ведомства, устаревшее вооружение и бездорожье сильно снижали боеспособность русской армии.

Крымская война началась как захватническая с обеих сторон. Если царизм стремился к захвату черноморских проливов и расширению своего влияния на Балканах, то Англия и Франция добивались полного вытеснения России с берегов Черного моря и с Кавказа. Османская империя также преследовала в этой войне свои реваншистские цели.

В начале 1853 г. Николай I, рассчитывая на поддержку Австрии и Пруссии и на нейтралитет Англии и Франции, перешел к решительному нажиму на султана. В феврале 1853 г. в Константинополь в качестве чрезвычайного и полномочного посла был направлен князь А.С. Меншиков с ультимативным требованием восстановить права русской православной церкви в Палестине, уволить в отставку настроенного профранцузски министра иностранных дел Фуад-пашу и предоставить русскому царю право покровительства православным подданным Османской империи. Посылая Меншикова, Николай I дал ему инструкцию держаться твердой позиции, если даже дело дойдет до развязывания военного конфликта.

По совету английского посла султан уступил в вопросе о «палестинских святынях», дал отставку Фуад-паше, но потребовал отсрочки для заключения конвенции о покровительстве православному населению Османской империи. В мае 1853 г. он отклонил ультиматум России, и Меншиков, объявив о разрыве дипломатических отношений, выехал со всем составом посольства из Константинополя. В это же время английская и французская эскадры подошли к Дарданелльскому проливу. Вскоре был обнародован манифест Николая I о защите православной церкви в Османской империи и об оккупации Дунайских княжеств. 21 июня русская армия в составе 82 тыс. солдат под командованием князя М.Д. Горчакова перешла р. Прут и в течение месяца оккупировала Молдавию и Валахию. **27 сентября 1853 г.** султан предложил России в 18 дней очистить Дунайские княжества, а через неделю, не дожидаясь срока истечения ультиматума, началось наступление турецких войск на Дунае и в Закавказье.

18 ноября адмирал П.С. Нахимов во главе эскадры из шести линейных кораблей и двух фрегатов напал на турецкий флот в составе 14 кораблей, укрывшийся в Синопе, и во время 4-часового сражения сжег почти все турецкие корабли и разрушил береговые укрепления. Был взят в плен командующий турецкой эскадрой Осман-паша. 19 ноября генерал В.О. Бебутов одержал первую победу над наступавшими турецкими войсками в Закавказье.

Разгром турецкого флота при Синопе явился поводом для прямого вмешательства Англии и Франции. 1 января 1854 г. они

ввели свои эскадры в Черное море и потребовали от России очистить Дунайские княжества. Вскоре в Варне была сосредоточена 70-тысячная англо-французская армия. В конце марта 1854 г. Англия и Франция объявили войну России. Австрия со своей стороны подписала с Османской империей договор о занятии Дунайских княжеств и придвинула к их границам 300-тысячную армию, угрожая России войной. Требование Австрии поддержала и Пруссия. Сначала Николай I ответил отказом, но в сложившейся обстановке вынужден был отдать приказ о выводе русских войск из этих княжеств, которые вскоре были оккупированы австрийскими войсками.

С момента объявления войны России Англия и Франция пытались расширить направленную против нее коалицию. Они плели сложные дипломатические интриги, чтобы вовлечь в коалицию Австрию, Пруссию, Швецию и Саксонию. Но удалось склонить лишь Сардинию, пославшую в Россию 15 тыс. солдат, которые все погибли в Крыму.

2 сентября 1854 г. войска союзников начали высадку в Крыму близ Евпатории. Вскоре на р. Альме, по пути к Севастополю, произошло первое сражение, проигранное командующим войсками в Крыму А.С. Меншиковым. Путь на Севастополь был открыт. 13 октября произошло сражение под Балаклавой, а **24 октября** уже на подступах к Севастополю. Оба они были проиграны русским командованием. Началась героическая оборона Севастополя, длившаяся **349 дней**. Оборону возглавили начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В.А. Корнилов, а после его гибели в самом начале осады — П.С. Нахимов. Выдающуюся роль в организации обороны Севастополя сыграли контр-адмирал В.И. Истомин, инженер-полковник Э.И. Тотлебен и генерал-лейтенант артиллерии С.А. Хрулев. Среди участников обороны Севастополя находились писатель Л.Н. Толстой и хирург Н.И. Пирогов.

Против Севастополя союзники сосредоточили первоначально 120 тыс. солдат, впоследствии к ним подходили новые подкрепления. У защитников было 35 тыс. солдат. На защиту города встали все его жители, строившие укрепления, а иногда и отражавшие атаки неприятеля. Русские парусные суда, которые не могли противостоять быстроходному паровому флоту союзников, пришлось затопить в Севастопольской бухте с тем, чтобы оградить город от нападения с моря. 10 тыс. матросов с затопленных судов влились в ряды защитников города.

Помимо планомерной осады союзники предприняли 9 крупных приступов на Севастополь. Начался непрерывный обстрел его из крупных орудий. Мощный огонь неприятель направил на Малахов курган — ключевую стратегическую высоту, господствовавшую над Севастополем. Интенсивный обстрел города вызвал в нем пожары, произвел значительные разрушения и нанес большой урон живой силе. Но и противник нес огромные потери от огня оборонявшихся и многочисленных вылазок, а также от тяжелых болезней. Под Севастополем противник потерял 73 тыс. солдат.

В начале июня 1855 г. союзники предприняли общий штурм

Севастополя, отбитый с крупными для них потерями. 28 июня во время особенно интенсивного обстрела города был смертельно ранен Нахимов. Сменивший на посту командующего русских войск в Крыму Меншикова М.Д. Горчаков в сражении при Черной речке 4 августа предпринял неудачную попытку заставить союзников снять осаду Севастополя. 5 августа неприятель предпринял новую интенсивную бомбардировку Севастополя, а **27 августа** начал его решительный штурм. После ожесточенного артиллерийского обстрела колонны англо-французских войск двинулись на приступ и ценой огромных потерь овладели Малаховым курганом. Положение Севастополя оказалось безнадежным. Было принято решение оставить город и по наплавному мосту перейти на северную сторону Севастопольской бухты. Когда союзные войска ворвались в Севастополь, они нашли там одни развалины и вернулись в свой лагерь.

Успешно велись военные действия русских войск в Закавказье. Осенью 1853 г. войска Отдельного Кавказского корпуса и грузинские отряды приостановили движение турецкой армии на Тифлис, а в декабре 1853 г. нанесли ей тяжелое поражение. В июне 1854 г. было предпринято новое наступление турецкой армии на Кутаисском направлении, а другая группа турецких войск начала наступление на Эриванском направлении. Все они, несмотря на численное превосходство, были разгромлены русскими войсками, которым существенную помощь оказала грузинская милиция. Летом 1855 г. русская армия под командованием Н.Н. Муравьева начала осаду крупной турецкой крепости Карса, который пал в **ноябре 1855 г.**

Отдельные военные действия велись также в ряде других мест. Английские и французские суда обстреливали Одессу, Николаев, Новороссийск, города Приазовья. Англичане предпринимали попытки высадиться на Аландских островах на Балтике, строили планы овладения Кронштадтом, велись обстрелы Соловецкого монастыря, делались неудачные для англичан высадки на Кольском полуострове и даже в Петропавловске-Камчатском.

Несмотря на успешные действия в Закавказье и других местах, судьба войны решалась в Крыму, и падение Севастополя предрешило ее исход. Мирные переговоры начались в сентябре 1855 г., тотчас после падения Севастополя. **18 марта 1856 г.** был подписан Парижский мирный трактат и несколько конвенций между Россией, Османской империей, Англией, Францией, Австрией, Пруссией и Сардинией. Россия лишалась южной части Бессарабии с устьем Дуная, но ей возвращались взятые в ходе военных действий союзниками Севастополь, Евпатория и некоторые другие портовые города в Крыму «в обмен» на Карс и его область, занятые русскими войсками. Самым тяжелым для России условием *Парижского трактата* было провозглашение принципа *«нейтрализации» Черного моря*. Суть ее заключалась в том, что России и Османской империи запрещалось иметь на Черном море военный флот, а на его берегах военные крепости и арсеналы. «Для борьбы с контрабандой» каждой из держав разрешалось держать на Черном море не более 6 пароходов

и 4 фрегата. Черноморские проливы объявлялись закрытыми для военных судов всех стран во время мира. Следовательно, в случае войны Черноморское побережье России оказывалось беззащитным.

Парижский трактат устанавливал свободу плавания судов всех стран по Дунаю, что открывало простор широкому распространению на Балканском полуострове австрийских, французских и английских товаров и наносило сильный ущерб русскому экспорту. Трактат лишал Россию права защиты интересов православного населения на османской территории, покровительства Сербии и Дунайским княжествам, что существенно ослабляло влияние России на ближневосточные дела. Подтверждалась коллективная «гарантия» независимости Османской империи, что способствовало подчинению ее западноевропейскому капиталу, облегчало колониальную экспансию Англии и Франции на Ближнем Востоке.

Поражение крепостной России подорвало ее престиж на международной арене. Потерпел поражение не русский народ, а царизм и его феодально-крепостнический строй. Вместе с тем итоги Крымской войны означали провал захватнических планов западноевропейских держав, стремившихся к низведению России в ранг второстепенного государства. Поражение России в Крымской войне имело далеко идущие последствия для ее внутренней жизни. Оно раскрыло глаза правящим кругам России на то,что главная причина военно-технической отсталости заключалась именно в крепостном строе. Вследствие этого русское самодержавие неизбежно должно было встать на путь проведения неотложных социальных, экономических и политических реформ.

Глава XXV

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ В 20—50-е ГОДЫ XIX в.

§ 1. КРУЖКИ КОНЦА 20-х — НАЧАЛА 30-х ГОДОВ

После разгрома восстания декабристов общественная жизнь в России проходила в трудной обстановке политической реакции. Как писал А.И. Герцен, после поражения декабристов «умственная температура в России понизилась... развитие было прервано, все передовое, энергичное вычеркнуто из жизни».

Поражение декабристов вызвало у некоторой части общества пессимизм и отчаяние. Отражением этих настроений явились знаменитые «Философические письма» П.Я. Чаадаева (1794—1856), в которых он высказал самые мрачные взгляды на прошедшее, настоящее и будущее России.

П.Я. Чаадаев был замечательной личностью. Друг А.С. Пушкина

и А.С. Грибоедова, он в 1819 г. вступил в декабристское общество Союз благоденствия, хотя активного участия в делах его и не принимал. Это был высокообразованный и одаренный человек. В феврале 1821 г. он демонстративно вышел в отставку, хотя его ожидала блестящая военная карьера, и в 1823—1826 гг. находился в заграничном путешествии по Англии, Франции, Италии, Швейцарии и Германии, где познакомился со знаменитыми философами того времени. По возвращении в Россию во время обыска на границе у него обнаружили «разные непозволительные книги и подозрительные бумаги». Чаадаев был взят под арест и подвергся допросу: его подозревали в связях с декабристами, что он решительно отрицал. За недостатком «улик» был освобожден.

Свои настроения Чаадаев выразил в цикле «*Философических писем*», написанных в **1829—1831 гг.** на французском языке. Первое «Письмо», которое излагало основные положения, развитые потом в последующих письмах цикла, опубликовал в **1836 г.** московский журнал «Телескоп». Оно произвело сенсацию. «Письмо» содержало систему историко-философских раздумий Чаадаева, покоившихся, как он писал, на «истине христианского учения». Чаадаев выступил с суровой критикой социальных и нравственных основ существующего в России общественно-политического строя. Рассматривая прошлое и настоящее Росии, он делал пессимистические выводы относительно ее будущего. «Поколения и века протекли без пользы для нас, — писал Чаадаев. — Глядя на нас, можно было бы сказать, что общий закон человечества отменен по отношению к нам. Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили... Мы не дали себе труда ничего выдумать сами, а из того, что выдумали другие, мы перенимали только обманчивую внешность и бесполезную роскошь... Если бы дикие орды, возмутившие мир, не прошли по стране, в которой мы живем, прежде чем устремиться на Запад, нам едва ли была отведена страница во всемирной истории. Если бы мы не раскинулись от Берингова пролива до Одера, нас и не заметили бы».

Николай I, прочитав статью («Письмо») Чаадаева, отозвался о ней так: «Нахожу, что содержание оной — смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного». «Телескоп» был закрыт, его редактор Н.И. Надеждин сослан в Усть-Сысольск, пропустивший статью цензор (ректор Московского университета А.В. Болдырев) отстранен от должности. Чаадаева официально объявили «сумасшедшим» (первый в России человек, объявленный «сумасшедшим» по политическим мотивам), за ним установили «медико-политический надзор». В течение нескольких лет на дом к Чаадаеву являлись врачебные и полицейские чины для «свидетельствования его умственного состояния». Эта неуклюжая акция властей по отношению

к Чаадаеву резко подняла его популярность в московских кругах. Никто не верил в его «сумасшествие», в том числе и доктор, посещавший Чаадаева.

Герцен писал в «Былом и думах», что «Философическое письмо» Чаадаева произвело сильное впечатление на передовую Россию того времени. Это был, по его словам, «выстрел, раздавшийся в темную ночь», всколыхнувший многих и заставивший задуматься о судьбах России. Передовая Россия оценивала «Философическое письмо» Чаадаева неоднозначно. Считая положительным сам факт протеста автора против мрачной николаевской действительности и постановку вопроса о судьбах России, она осудила пессимизм Чаадаева, его негативное отношение к прошлому России и неверие в ее будущее. Герцен расценивал письмо Чаадаева как «голос из гроба». А.С. Пушкин направил Чаадаеву письмо, в котором выражал решительное несогласие с его взглядами. «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя, — писал Пушкин, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, той, какой нам Бог ее дал». П.А. Вяземский указывал, что нельзя смешивать официальную власть и народ. Впоследствии в рукописи «Апология сумасшедшего» (1837) Чаадаев признал односторонность и несправедливость своих суждений об отсутствии будущего у России. Он писал, что Россия будет призвана сказать миру свое слово, «решить большую часть проблем общественного порядка».

Первые годы после восстания декабристов были временем деятельности небольших кружков, в основном студенческой молодежи, малочисленных по составу, быстро раскрываемых полицией. Этот так называемый *кружковый период* конца 20-х — начала 30-х годов XIX в. в освободительном движении был связан не только с усилением реакции, но и с изменением самого состава участников. На смену декабристам пришла в основном студенческая молодежь, полная революционного задора, но с не совсем еще ясными взглядами и без опыта конспиративной работы. Эти люди рассматривали себя продолжателями и наследниками декабристов, предпринимали робкие попытки возродить их дело. Наиболее известны студенческие кружки Московского университета, который после восстания декабристов становится главным центром общественно-политической жизни страны. С ним были связаны первые выступления Герцена, Огарева, Белинского. Из Московского университета вышли многие славянофилы и западники.

Николай I настороженно следил за Московским университетом. Во время своей коронации в сентябре 1826 г. он узнал о распространении крамольной поэмы «Сашка», автором которой оказался студент университета А.И. Полежаев. Царь сам расследовал это дело, лично допрашивал Полежаева и распорядился отдать его в солдаты. Появление в стенах университета этой поэмы царь рассматривал как «следы» 14 декабря 1825 г.

В 1827 г. в Московском университете был раскрыт кружок братьев В.И. и М.И. Критских, строивший планы широкой антиправительственной пропаганды, а в 1831 — кружок Н.П. Сунгурова, участники которого даже замышляли подготовить вооруженное восстание, строили химерические планы «вооружить всю чернь московскую». Участники кружка подверглись судебным преследованиям: их лишили чинов, дворянства, часть их была сдана в солдаты, остальные отправлены в ссылку или отданы под надзор полиции. **В 1830 г.** в Московском университете сложился кружок «казеннокоштного» студента В.Г. Белинского под названием «Литературное общество 11-го нумера» (кружок собирался в комнате № 11 общежития для «казеннокоштных» студентов). На собраниях кружка много читали и спорили на литературные темы, члены кружка переписывали запретные стихи Пушкина, Рылеева и Полежаева, сами сочиняли вольнолюбивые произведения. Среди них была драма «Дмитрий Калинин», написанная Белинским и обсуждавшаяся в кружке. Слабая в художественном отношении, она содержала резкий протест против крепостнических порядков в России. Текст драмы Белинского стал известен университетскому начальству, которое в 1832 г. поспешило исключить ее автора из университета под предлогом «слабого здоровья» (Белинский по болезни пропускал занятия) и «по ограниченности способностей». В 1834 г. раскрыт полицией кружок Герцена и Огарева. Официально их обвиняли в «пении пасквильных песен», подслушанных доносчиком. Герцен был арестован, сослан в Пермь, затем в Вятку, а в 1837 г. по ходатайству В.А. Жуковского переведен на службу во Владимир. Огарева сослали в Пензу, остальные члены кружка отданы под надзор полиции.

В 30-х годах антиправительственные кружки были обнаружены во Владимире, Нежине, Курске, на уральских заводах. Николаевская реакция пресекала всякую попытку антиправительственной деятельности даже в таких робких, «кружковых» формах идейного общения. Но исподволь шла глубокая внутренняя идейная работа, формировавшая новое поколение деятелей освободительного движения. Герцен характеризовал последекабристский период 20—30-х годов как «время наружного рабства и внутреннего освобождения».

Заметное место в общественно-культурной жизни России тех лет занимал литературно-философский кружок Н.В. Станкевича (1813—1840), действовавший в 1831—1837 гг. Основатель кружка, человек большого личного обаяния, разносторонних познаний, необычайно одаренный, обладавший удивительным умением открывать таланты, впоследствии привлек к кружку видных общественных деятелей и ученых нового поколения — В.Г. Белинского, М.А. Бакунина, К.С. Аксакова, Т.Н. Грановского, О.М. Бодянского, М.Н. Каткова. Всех участников кружка объединяла любовь к литературе и философии, особенно к классической немецкой. Они

изучали произведения Ф. Шеллинга, И. Канта, И. Фихте, затем обратились к изучению философии Г. Гегеля и Л. Фейербаха. Задачей кружка они ставили пропаганду просветительских идей и гуманизма. Он был связан с кружком Герцена и Огарева. В связи с отъездом Станкевича в 1837 г. для лечения за границу кружок прекратил свое существование.

§ 2. ТЕОРИЯ «ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ». СЛАВЯНОФИЛЫ И ЗАПАДНИКИ

На рубеже 30—40-х годов происходит заметное оживление идейной жизни русского общества. К этому времени уже четко обозначились такие течения и направления русской общественно-политической мысли, как охранительное, либерально-оппозиционное, и положено начало формированию революционно-демократического течения.

Идейным выражением охранительного направления была так называемая *теория «официальной народности»*. Принципы ее были кратко сформулированы в 1832 г. С.С. Уваровым (с 1833 г. — министр народного просвещения) как «православие, самодержавие, народность». Однако основные положения ее были изложены еще раньше, в 1811 г., Н.М. Карамзиным в его «Записке о древней и новой России». Этими идеями проникнуты коронационный манифест Николая I от 22 августа 1826 г. и последующие официальные акты, обосновывавшие необходимость для России самодержавной формы правления и незыблемость крепостнических порядков. Уваров добавил лишь понятие «народность».

Надо сказать, что за «народность» выступали все направления русской общественной мысли — от реакционной до революционной, вкладывая в это понятие совершенно различное содержание. Революционное рассматривало «народность» в плане демократизации национальной культуры и просвещения народных масс в духе передовых идей, видело в народных массах социальную *опору революционных преобразований*. Охранительное направление в условиях роста национального самосознания русского народа тоже апеллировало к «народности»; оно стремилось представить самодержавно-крепостнический строй якобы соответствующим «народному духу». «Народность» трактовалась как приверженность народных масс к «исконно русским началам» — самодержавию и православию. «Официальная народность» являлась формой казенного национализма. Она спекулировала на темноте, забитости, религиозности и наивном монархизме широких масс, в первую очередь крестьянства, стремилась укрепить подобные отсталые представления. Вместе с тем «официальная народность» рассматривалась самим ее автором С.С. Уваровым как «последний якорь спасения», «умственная плотина» против проникновения с Запада

и распространения в России «разрушительных», т. е. передовых, идей.

Социальная задача «официальной народности» заключалась в том, чтобы доказать «исконность» и «законность» крепостничества и монархического правления. Крепостное право объявлялось «нормальным» и «естественным» социальным состоянием, одним из важнейших устоев России, «древом, осеняющим церковь и престол». Самодержавие и крепостничество назывались «священными и неприкосновенными». Патриархальная, «спокойная», без социальных бурь, революционных потрясений Россия противопоставлялась «мятежному» Западу. В этом духе предписывалось писать литературные и исторические произведения, этими принципами должно было быть пронизано и все воспитание.

Главным «вдохновителем» и «дирижером» теории «официальной народности», несомненно, был сам Николай I, а министр народного просвещения, реакционные профессора и журналисты выступали в роли усердных ее проводников. Основными «толкователями» теории «официальной народности» являлись профессора Московского университета — филолог С.П. Шевырев и историк М.П. Погодин, журналисты Н.И. Греч и Ф.В. Булгарин. Так, Шевырев в своей статье «История русской словесности, преимущественно древней» (1841) высшим идеалом считал смирение и принижение личности. По его утверждению, «тремя коренными чувствами крепка наша Русь и верно ее будущее»: это «древнее чувство религиозности»; «чувство ее государственного единства» и «осознание нашей народности» как «мощной преграды» всем «искушениям», которые идут с Запада. Погодин доказывал «благодетельность» крепостничества, отсутствие в России сословной вражды и, следовательно, отсутствие условий для революционных потрясений. По его представлению, история России хотя и не имела такого разнообразия крупных событий и блеска, как западная, но она была «богата мудрыми государями», «славными подвигами», «высокими добродетелями». Погодин доказывал исконность в России самодержавия, начиная с Рюрика. По его мнению, Россия, приняв христианство от Византии, установила благодаря этому «истинное просвещение». С Петра Великого Россия должна была многое заимствовать от Запада, но, к сожалению, заимствовала не только полезное, но и «заблуждения». Теперь «пора возвратить ее к истинным началам народности». С установлением этих начал «русская жизнь наконец устроится на истинной стезе преуспеяния, и Россия будет усваивать плоды цивилизации без ее заблуждений».

Теоретики «официальной народности» доказывали, что в России господствует наилучший порядок вещей, согласный с требованиями религии и «политической мудрости». Крепостное право хотя и нуждается в улучшении, но сохраняет много патриархального (т. е. положительного), и хороший помещик лучше охраняет интересы

крестьян, чем они смогли бы сделать это сами, а положение русского крестьянина лучше положения западноевропейского рабочего.

Кризис этой теории наступил под влиянием военных неудач в годы Крымской войны, когда несостоятельность николаевской политической системы стала ясна даже ее приверженцам (например, М.П. Погодину, который выступил с критикой этой системы в своих «Историко-политических письмах», адресованных Николаю I, а затем Александру II). Однако рецидивы «официальной народности», попытки взять ее на вооружение, подчеркнуть «единение царя с народом», предпринимались и позднее — в периоды усиления политической реакции при Александре III и Николае II.

В конечном счете «официальной народности» не удалось поработить людей духовно, несмотря на мощную поддержку со стороны правительства. Вопреки ей и всей мощи репрессивного аппарата, цензурных гонений шла огромная умственная работа, рождались новые идеи, разные по своему характеру, как, например, идеи славянофильства и западничества, которых тем не менее объединяло неприятие николаевской политической системы.

Славянофилы — представители либерально настроенной дворянской интеллигенции. Учение о самобытности и национальной исключительности русского народа, его мессианской предопределенности, неприятие им западноевропейского пути социально-политического развития, даже противопоставление России Западу, защита самодержавия, православия, некоторых консервативных, точнее, патриархальных общественных институтов сближали их с представителями «официальной народности». Однако славянофилов никоим образом нельзя смешивать с представителями этого идейного направления. Славянофильство — *оппозиционное* течение в русской общественной мысли, и в этом смысле оно имело больше точек соприкосновения с противостоящим ему западничеством, нежели с теоретиками «официальной народности». Славянофилы выступали за отмену крепостного права сверху и проведение других, буржуазных по своей сущности, реформ (хотя субъективно славянофилы выступали против буржуазного строя, особенно западноевропейского образца, с его «язвой пролетариатства», падением нравов и прочими отрицательными явлениями) в области суда, администрации, ратовали за развитие промышленности, торговли, просвещения, не принимали николаевскую политическую систему, выступали за свободу слова и печати. Но противоречивость взглядов славянофилов, сочетание в их воззрениях прогрессивных и консервативных черт до сих пор вызывают споры об оценке славянофильства. Следует также иметь в виду и то, что среди самих славянофилов не было единства мнений.

Исходной датой славянофильства как идейного направления в русской общественной мысли следует считать **1839 год**, когда два его основоположника, Алексей Хомяков и Иван Киреевский, выступили со статьями: первый — «О старом и новом», второй — «В

ответ Хомякову», в которых были сформулированы основные положения славянофильской доктрины. Обе статьи не предназначались для печати, но широко распространялись в списках и оживленно обсуждались. Конечно, и до этих статей различными представителями русской общественной мысли высказывались славянофильские идеи, но они еще тогда не обрели стройной системы. Окончательно же славянофильство сформировалось в 1845 г. ко времени выпуска трех славянофильских книжек журнала «Москвитянин». Журнал не был славянофильским, однако редактором его был М.П. Погодин, который охотно предоставлял славянофилам возможность печатать в нем свои статьи. В 1839—1845 гг. сложился и славянофильский кружок. Душой этого кружка был А.С. Хомяков — «Илья Муромец славянофильства», как его тогда называли, умный, энергичный, блестящий полемист, необыкновенно даровитый, обладавший феноменальной памятью и огромной эрудицией. Большую роль в кружке играли также братья И.В. и П.В. Киреевские. В кружок входили братья К.С. и И.С. Аксаковы, А.И Кошелев, Ю.Ф. Самарин. Позднее в него вошли отец братьев Аксаковых С.Т. Аксаков, известный русский писатель, Ф.В. Чижов и Д.А. Валуев. Славянофилы оставили богатое наследие в философии, литературе, истории, богословии, экономике. Иван и Петр Киреевские считались признанными авторитетами в области богословия, истории и литературы, Алексей Хомяков — в богословии, Константин Аксаков и Дмитрий Валуев занимались русской историей, Юрий Самарин — социально-экономическими и политическими проблемами, Федор Чижов — историей литературы и искусства. Дважды (в 1848 и 1855 гг.) славянофилы пытались создать свои политические программы.

Термин «славянофилы», по существу, случаен. Это название им было дано их идейными оппонентами—западниками в пылу полемики. Сами славянофилы первоначально открещивались от этого названия, считая себя не славянофилами, а «русолюбами» или «русофилами», подчеркивая, что их интересовали преимущественно судьба России, русского народа, а не славян вообще. А.И. Кошелев указывал, что их скорее всего следует именовать «туземниками» или, точнее, «самобытниками», ибо основная их цель состояла в защите самобытности исторической судьбы русского народа не только в сравнении с Западом, но и с Востоком. Для раннего славянофильства (до реформы 1861 г.) не был характерен также и панславизм, присущий уже позднему (пореформенному) славянофильству. Славянофильство как идейно-политическое течение русской общественной мысли сходит со сцены примерно к середине 70-х годов XIX в.

Основной тезис славянофилов — доказательство *самобытного* пути развития России, точнее — требование «идти по этому пути», идеализация «самобытных» учреждений, в первую очередь крестьянской общины и православной церкви. В представлении славя-

нофилов крестьянская община — «союз людей, основанный на нравственном начале» — исконно русское учреждение. Православная церковь расценивалась ими как решающий фактор, определявший характер русского народа, а также и южнославянских народов. По мнению славянофилов, революционные потрясения в России невозможны потому, что русский народ политически индифферентен, ему присущи социальный мир, равнодушие к политике, неприятие революционных переворотов. Если и были смуты в прошлом, то их связывали не с изменой власти, а с вопросом о законности власти монарха: народные массы восставали против «незаконного» монарха (самозванца или узурпатора) или же за «хорошего» царя. Славянофилы выдвинули тезис: «*Сила власти — царю, сила мнения — народу*». Это означало, что русский народ (по природе «негосударственный») не должен вмешиваться в политику, предоставив монарху всю полноту власти. Но и самодержец должен править, не вмешиваясь во внутреннюю жизнь народа, считаясь с его мнением. Отсюда требование созыва совещательного Земского собора, который должен выражать мнение народа, выступать в роли «советчика» царя; отсюда и их требование свободы слова и печати, обеспечивающих свободное выражение общественного мнения.

Защита самодержавия как формы власти вполне уживалась у славянофилов с критикой конкретного носителя этой власти и его политической системы, в данном случае Николая I. Так, Аксаковы называли царствование Николая I «душевредным деспотизмом, угнетательской системой», а его самого — «фельдфебелем» и «душегубцем», который «сгубил и заморозил целое поколение» и при котором «лучшие годы прошли в самой удушливой атмосфере». Чижов распространял свое нелестное мнение вообще на всю династию «Романовых—Готторпских». «Немецкая семья два века безобразничает над народом, а народ все терпит», — горько писал он. Славянофилы даже допускали мысль об ограничении самодержавия, но считали, что в России пока нет еще такой силы, которая способна была бы его ограничить. Не может его ограничить и представительное правление, ибо в нем будет играть главную роль дворянство — «самое гнилое у нас сословие». Поэтому самодержавие в данный момент в России необходимо.

Славянофилы справедливо обижались, когда оппоненты называли их ретроградами, якобы зовущими Россию назад. К. Аксаков писал: «Разве славянофилы думают идти назад, желают отступательного движения? Нет, славянофилы думают, что должно воротиться не к состоянию древней России (что значило бы окостенение, застой), а к *пути* древней России. Славянофилы желают не возвратиться назад, но вновь идти прежним путем, не потому, что он прежний, а потому, что он *истинный*». Поэтому неверно считать, что славянофилы призывали вернуться к прежним допетровским порядкам. Наоборот, они звали идти вперед, но не по тому пути, который избрал Петр I, внедрив западные порядки и обычаи.

Славянофилы приветствовали блага современной им цивилизации — рост фабрик и заводов, строительство железных дорог, достижения науки и техники. Они нападали на Петра I не за то, что он использовал достижения западноевропейской цивилизации, а за то, что он «свернул» развитие России с ее «истинных» начал. Славянофилы вовсе не считали, что будущее России в ее прошлом. Они призывали идти вперед по тому «самобытному» пути, который гарантирует страну от революционных потрясений. А путь, избранный Петром I, по их мнению, создавал условия для таковых потрясений. Они считали крепостное право также одним из «нововведений» (хотя и не западным) Петра I; выступали за его отмену не только из экономических соображений, но и как крайне опасное учреждение в социальном смысле. «Из цепей рабства куются ножи бунта», — говорили славянофилы. В 1849 г. А.И. Кошелев даже задумал создать «Союз благонамеренных людей» и составил программу «Союза», предусматривавшую постепенное освобождение крестьян с землей. Эту программу одобрили все славянофилы.

Петровская европеизация России, как считали славянофилы, коснулась, к счастью, только верхушки общества — дворянства и «власти», но не народных низов, главным образом, крестьянства. Поэтому такое большое внимание славянофилы уделяли простому народу, изучению его быта, ибо, как они утверждали, «он только и сохраняет в себе народные, истинные основы России, он только один не порвал связи с прошедшей Русью». Николаевскую политическую систему с ее «немецкой» бюрократией славянофилы рассматривали как логическое следствие отрицательных сторон петровских преобразований. Они резко осуждали продажную бюрократию, царский неправый суд с лихоимством судей. А.С. Хомяков писал о николаевской системе:

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна.

Правительство настороженно относилось к славянофилам: им запрещали демонстративное ношение бороды и русского платья, некоторых из славянофилов за резкость высказываний сажали на несколько месяцев в Петропавловскую крепость. Все попытки издания славянофильских газет и журналов немедленно пресекались. Славянофилы подвергались гонениям в условиях усиления реакционного политического курса под влиянием западноевропейских революций 1848—1849 гг. Это заставило их на время свернуть свою деятельность. В конце 50-х — начале 60-х годов А.И. Кошелев, Ю.Ф. Самарин, В.А. Черкасский — активные участники в подготовке и проведении крестьянской реформы.

Западничество, как и славянофильство, возникло на рубеже 30—40-х годов XIX в. Московский кружок западников оформился

в 1841—1842 гг. Современники трактовали западничество очень широко, включая в число западников вообще всех, кто противостоял в своих идейных спорах славянофилам. В западники наряду с такими умеренными либералами, как П.В. Анненков, В.П. Боткин, Н.Х. Кетчер, В.Ф. Корш, зачислялись В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев. Впрочем, Белинский и Герцен сами называли себя «западниками» в своих спорах со славянофилами.

По своему социальному происхождению и положению большинство западников, как и славянофилов, относились к дворянской интеллигенции. В число западников входили известные профессора Московского университета — историки Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев, правоведы М.Н. Катков, К.Д. Кавелин, филолог Ф.И. Буслаев, а также видные писатели И.И. Панаев, И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, позднее Н.А. Некрасов.

Западники противопоставляли себя славянофилам в спорах о *путях развития России*. Они доказывали, что Россия хотя и «запоздала», но идет по тому же пути исторического развития, что и все западноевропейские страны, ратовали за ее европеизацию. Особенно они критиковали взгляды славянофилов на характер конституционного устройства. Западники выступали за конституционно-монархическую форму правления западноевропейского образца, с ограничением самодержавия, с политическими гарантиями свободы слова, печати, гласного суда, неприкосновенности личности. Отсюда их интерес к парламентарному строю Англии и Франции; некоторые западники идеализировали парламентарные порядки этих стран. Как и славянофилы, западники выступали за отмену крепостного права сверху, отрицательно относились к полицейско-бюрократическим порядкам николаевской России. В противоположность славянофилам, которые признавали примат веры, западники решающее значение придавали разуму. Они утверждали самоценность человеческой личности как носителя разума, противопоставляли свою идею свободной личности идее корпоративности (или «соборности») славянофилов.

Западники возвеличивали Петра I, который, как они говорили, «спас Россию». Деятельность Петра они рассматривали как первую фазу обновления страны, вторая должна начаться проведением реформ сверху — они явятся альтернативой пути революционных потрясений. Профессора истории и права (например, С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин) большое значение придавали роли государственной власти в истории России и стали основоположниками так называемой государственной школы в русской историографии. Здесь они основывались на схеме Гегеля, считавшего государство творцом развития человеческого общества.

Свои идеи западники пропагандировали с университетских кафедр, в статьях, печатавшихся в «Московском наблюдателе», «Московских ведомостях», «Отечественных записках», позже в «Русском вестнике», «Атенее». Большой общественный резонанс

имели читаемые Т.Н. Грановским в 1843—1851 гг. циклы публичных лекций по западноевропейской истории, в которых он доказывал общность закономерностей исторического процесса в России и западноевропейских странах, по словам Герцена, «историей делал пропаганду». Западники широко использовали и московские салоны, где они «сражались» со славянофилами и куда съезжалась просвещенная элита московского общества, чтобы посмотреть, «кто кого отделает и как отделают его самого». Разгорались жаркие споры. Выступления заранее готовились, писались статьи и трактаты. Особенно изощрялся в полемическом задоре против славянофилов Герцен. Это была отдушина в мертвящей обстановке николаевской России. III отделение было хорошо осведомлено о содержании этих споров через своих агентов, аккуратно посещавших салоны.

Несмотря на различия в воззрениях, славянофилы и западники *выросли от одного корня*. Почти все они принадлежали к наиболее образованной части дворянской интеллигенции, являясь крупными писателями, учеными, публицистами. Большинство их были воспитанниками Московского университета. Теоретической основой их взглядов была *немецкая классическая философия*. И тех и других волновали судьбы России, пути ее развития. И те и другие выступали противниками николаевской системы. «Мы, как двуликий Янус, смотрели в разные стороны, но сердце у нас билось одно», — скажет позднее Герцен.

§ 3. ФОРМИРОВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

В конце 40-х — начале 50-х годов XIX в. складывается *революционно-демократическое направление* русской общественной мысли, представителями которого являются В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, «левое» крыло петрашевцев. К 40—50-м годам относится и начало разработки революционно-демократической теории, в основу которой легли новейшие философские и политические (главным образом, социалистические) учения, распространявшиеся в Западной Европе. Вообще вся вторая четверть XIX в. была в России временем увлечения философией, особенно классической немецкой, которую изучали представители различных направлений русской общественной мысли от крайне «правых» до крайне «левых». Труды знаменитых немецких философов Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Фейербаха были так же хорошо известны в России, как и на их родине в Германии. Каждый из русских мыслителей искал в их трудах теоретическое обоснование своих общественно-политических позиций. Так, система Гегеля, его философия истории и диалектический метод познания особенно

привлекали внимание славянофилов. Для Белинского и Герцена особое значение имело революционное понимание диалектики Гегеля. Герцен называл ее «алгеброй революции». Она служила ему обоснованием закономерности и неизбежности революционной ломки феодально-абсолютистского строя. Неоднозначно воспринималась философская система Гегеля Белинским. Тезис Гегеля «все разумное действительно и все действительное разумно» служил первоначально для Белинского оправданием существовавшей николаевской системы. В статьях «Бородинская годовщина» и «Горе от ума», опубликованных в 1839—1840 гг., Белинский доказывал «благодетельность» российского самодержавия и, по существу, разделял взгляды теоретиков «официальной народности». Так, он писал: «Безусловное повиновение царской власти есть не одна польза и необходимость наша, но высшая поэзия жизни, наша народность». Эти статьи сурово осудили Герцен и Грановский. Последний называл их «гадкими, подлыми». Вскоре и сам Белинский отверг их, проклиная свое «стремление к гнусному примирению с действительностью», называя этот период своего творчества «горячкой и помешательством ума».

С конца 30-х годов XIX в. в России стали распространяться различные социалистические теории, преимущественно Ш. Фурье, А. Сен-Симона и Р. Оуэна. Горячо воспримет их идеи Белинский. Поклонником этих социалистических идей станет до определенного времени и Герцен. Активными пропагандистами идей Фурье и Сен-Симона будут петрашевцы.

В тех условиях основной формой протеста против феодально-крепостнических порядков была пропаганда передовых идей через литературу, искусство, с университетской кафедры. Велась она крайне осторожно, завуалированно, эзоповским языком, к пониманию скрытого смысла которого был приучен тогдашний читатель. Особую роль здесь играли художественная литература и критика. «У народа, — писал Герцен, — лишенного общественной свободы, литература — единственная трибуна, с высоты которой он и заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести». Поэтому большое общественное звучание приобретали, например, «Ревизор» и «Мертвые души» Н.В. Гоголя с их острой сатирой на бюрократически-чиновничьи нравы тогдашней России; произведения самого Герцена «Сорока-воровка», «Доктор Крупов», «Кто виноват?» с их обличением крепостнических порядков, бесправия и унижения личности; блестящие критические статьи Белинского, печатавшиеся в «Отечественных записках». Велико было значение философских трактатов Герцена «Дилетантизм в науке» и «Писем об изучении природы», печатавшихся в журналах 40-х годов.

Характерным явлением в русской литературе и публицистике того времени было распространение в списках «крамольных» стихов, политических памфлетов и публицистических «писем»,

которые в тогдашних цензурных условиях не могли появиться в печати. Среди них особенно выделяется написанное **в 1847 г.** Белинским *«Письмо к Гоголю»*. Поводом к его написанию явилась публикация в 1846 г. Гоголем религиозно-философского произведения *«Выбранные места из переписки с друзьями»*. В опубликованной в «Современнике» рецензии на книгу Белинский в резких тонах писал об измене автора своему творческому наследию, о его религиозно-«смиренных» взглядах, самоуничижении. Гоголь счел себя оскорбленным и направил Белинскому письмо, в котором расценивал его рецензию как проявление личной неприязни к себе. Это и побудило Белинского написать свое знаменитое «Письмо к Гоголю».

В «Письме» острой критике подвергнута система николаевской России, представляющая, по словам Белинского, «ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми... где... нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей». Белинский обрушивается и на официальную церковь — прислужницу самодержавия, доказывает «глубокий атеизм» русского народа и ставит под сомнение религиозность церковных пастырей. Не щадит он и знаменитого писателя, называя его «проповедником кнута, апостолом невежества, поборником обскурантизма и мракобесия, панегиристом татарских нравов».

Самые ближайшие, насущные задачи, стоявшие тогда перед Россией, Белинский сформулировал так: «Уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого исполнения хотя тех законов, которые уже есть». Письмо Белинского распространилось в тысячах списков и вызвало большой общественный резонанс.

Видное место в истории освободительного движения 40-х годов занимает деятельность *кружка петрашевцев*. Основателем кружка был молодой чиновник Министерства иностранных дел, воспитанник Александровского (Царскосельского) лицея М.В. Буташевич-Петрашевский. Начиная с **зимы 1845 г.** на его петербургской квартире каждую пятницу собирались учителя, литераторы, мелкие чиновники, студенты старших курсов, т. е. в основном молодая интеллигенция. Позже на пятницах Петрашевского стала появляться и передовая военная молодежь. Это были люди с самыми различными взглядами и убеждениями, как умеренно-либеральными, так и весьма радикальными. К наиболее видным деятелям кружка петрашевцев, представлявшим его радикальное крыло, относились Д.Д. Ахшарумов, С.Ф. Дуров, Н.С. Кашкин, Н.А. Момбелли, Н.А. Спешнев, которые впоследствии организовали и свои собрания и кружки, но в более узком составе. На пятницы петрашевцев приходили и будущие видные русские писатели, деятели

науки и искусства: М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский (наиболее активный член кружка), А.Н. Плещеев, А.Н. Майков, художник П.А. Федотов, географ П.П. Семенов-Тян-Шанский, композиторы М.И. Глинка и А.Г. Рубинштейн. Круг связей и знакомств петрашевцев был обширен. Среди посетителей пятниц встречаем Н.Г. Чернышевского и даже Л.Н. Толстого. В каждый сезон пятниц (всего состоялось четыре «сезона» — до весны 1849 г.) приходили все новые люди, состав участников собраний ширился.

Кружок Петрашевского не был оформленной организацией. Он начал свою деятельность как литературный кружок и до начала 1848 г. носил полулегальный, по существу, просветительский характер, ибо главную роль отводил «взаимному обучению» и самообразованию. Члены кружка обсуждали новинки художественной и научной литературы, рассуждали о различных общественных, политических, экономических и философских системах. Тон задавал Петрашевский, о котором позже следственная комиссия напишет в своем отчете: «Петрашевский постоянно возбуждал и направлял эти суждения. Он доводил посетителей до того, что они если и не все сделались социалистами, то уже получали на многое новые взгляды и убеждения и оставляли собрания его более или менее потрясенными в своих верованиях и наклонными к преступному направлению».

Формирование взглядов Петрашевского и членов его кружка в значительной мере происходило под влиянием идей французских социалистов Фурье и Сен-Симона. Участники кружка вскладчину собрали целую библиотеку запрещенных книг. В ней находились книги почти всех западноевропейских просветителей и социалистов, даже ранние работы К. Маркса и Ф. Энгельса, новейшие философские сочинения. Библиотека у Петрашевского служила главной «заманкой» для посещения его «пятниц».

В первую очередь самого Петрашевского и многих членов его кружка интересовали модные тогда проблемы социализма. Петрашевский даже предпринял попытку пропагандировать социалистические и материалистические идеи в печати. Для этого он использовал издание «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка». В словарь он ввел массу таких иностранных слов, которые до этого не употреблялись в русском языке. Таким образом ему удалось изложить идеи всех социалистов Запада и все статьи конституции революционной Франции. Для камуфляжа Петрашевский нашел и благонамеренного издателя — некоего офицера Кириллова, ничего не понимавшего в существе издаваемого им словаря, а само издание посвятил великому князю Михаилу Павловичу. Первый выпуск словаря вышел в 1845 г. Белинский немедленно откликнулся на него похвальной рецензией и советом «покупать его всем и каждому». В 1846 г. был подготовлен (и даже набран) второй выпуск (до буквы «Р») — самый «крамоль-

ный», но был запрещен цензурой. Спохватившиеся власти стали срочно изымать и вышедший в свет первый выпуск.

С зимы 1846/47 г. характер кружка стал заметно меняться. От обсуждения литературных и научных новинок члены кружка переходили к обсуждению насущных политических проблем и критике существующего политического строя в России. Наиболее умеренные по взглядам члены кружка отходят от него. Но появляются новые люди, более радикальных взглядов, например И.М. Дебу, Н.П. Григорьев, А.И. Пальм, П.Н. Филиппов, Ф.Г. Толь, которые высказывались за насильственные меры («произвести бунт внутри России через восстание крестьян») для свержения самодержавия, освобождение крестьян с землей, введение парламентарной республики со всеобщим избирательным правом, открытого и равного для всех суда, свободу печати, слова, вероисповедания. Группу лиц, разделявших эти идеи, возглавлял Спешнев. Петрашевский занимал более умеренную позицию: конституционная монархия, освобождение крестьян сверху с наделением их землей, которой они владели, но без всякого за нее выкупа.

К 1848 г. собрания у Петрашевского принимают уже ярко выраженный политический характер. В кружке обсуждаются будущее политическое устройство России и проблема революции. В марте—апреле 1849 г. петрашевцы приступили к созданию тайной организации и даже стали строить планы вооруженного восстания. Н.П. Григорьевым была составлена прокламация к солдатам — «Солдатская беседа». Для тайной типографии приобрели печатный станок. На этом деятельность кружка была прервана правительственными репрессиями. Министерство внутренних дел уже несколько месяцев следило за петрашевцами через засланного к ним агента, который давал подробнейшие письменные отчеты обо всем, что говорилось на очередной «пятнице».

В ночь на **23 апреля 1849 г.** 34 «злоумышленников» арестовали в своих квартирах и отправили в III отделение, а затем после первого допроса препроводили в Петропавловскую крепость. Вскоре к ним присоединили еще двоих арестованных. Всего к следствию по делу привлекли 122 человек. Был назначен военный суд. Хотя он и обнаружил лишь «заговор идей», тем не менее в тех условиях, когда в Европе полыхали революции и уже готовилась русская армия для подавления революции в Венгрии, суд приговорил 121 человека к расстрелу. Характерно, что одним из существенных «криминалов» для вынесения столь сурового приговора было чтение на заседаниях кружка письма Белинского к Гоголю.

Николай I не решился утвердить смертный приговор, но заставил приговоренных пережить страшные минуты надвигавшейся смерти. 22 декабря 1849 г. исхудалых и измученных после восьмимесячного заключения петрашевцев вывели из крепостных казематов на Семеновскую площадь Петербурга, где должна была состояться

инсценировка смертной казни. Осужденным прочли смертный приговор, на их головы набросили белые колпаки, забили барабаны, солдаты по команде взяли их уже на прицел, когда подъехал флигель-адъютант с царским приказом об отмене смертной казни. «Приговор смертной казни расстрелянием, — вспоминал впоследствии Ф.М. Достоевский, — прочтенный нам всем предварительно, прочтен был вовсе не в шутку, почти все были уверены, что он будет исполнен, и вынесли, по крайней мере, десять ужасных, безмерно-страшных минут ожидания смерти». Руководителей кружка, в том числе и Достоевского, отправили на каторгу в Сибирь, остальных разослали по арестантским ротам. Даже вполне благонамеренных людей поразила суровость мер, примененных к петрашевцам. После декабристов это был самый значительный политический процесс.

На рубеже 40—50-х годов XIX в. складывается оригинальная теория *«русского социализма»*. Основоположником ее был А.И. Герцен, который изложил ее основные идеи в своих работах, написанных в 1849—1853 гг.: «Русский народ и социализм», «Старый мир и Россия», «О развитии революционных идей в России» и др.

Поражение революций 1848—1849 гг. в Западной Европе произвело глубокое впечатление на Герцена, породило у него неверие в европейский социализм, разочарование в нем. Герцен мучительно искал выхода из идейного тупика. Сопоставляя судьбы России и Запада, он пришел к выводу, что в будущем социализм первоначально должен утвердиться в России и основной «ячейкой» его станет крестьянская поземельная община. Крестьянское общинное землевладение, крестьянская идея права на землю и мирское самоуправление явятся, по Герцену, главными условиями построения социалистического общества в России. Так возник русский (или общинный) социализм Герцена.

Он исходил из идеи «самобытного» пути развития России, которая, минуя капитализм, через крестьянскую общину придет к социализму. Объективными условиями возникновения и распространения идеи общинного социализма в России явилось слабое развитие капитализма, отсутствие пролетариата и наличие сельской поземельной общины. Имело значение и стремление русских революционеров избежать «язв капитализма», присущих странам Западной Европы. Эти положения впоследствии будут восприняты и развиты народниками.

По существу, это были утопические мечтания о социализме, ибо осуществление на практике целей «русского социализма» привело бы не к социализму, а к наиболее последовательному решению задач буржуазно-демократического преобразования страны. Но вместе с тем решались глубоко жизненные для страны задачи в переходный период от феодализма к капитализму. В этом и заключалось не утопическое, а реальное значение «русского социализма». Он был

ориентирован на крестьянство как свою социальную базу, поэтому получил название «крестьянского социализма». Его главные цели состояли в освобождении крестьян с землей без всякого выкупа, ликвидации помещичьей власти и помещичьего землевладения, введении крестьянского общинного самоуправления, независимого от местных властей, демократизации страны. Вместе с тем «русский социализм» боролся как бы «на два фронта»: не только против старого, феодально-крепостнического, строя, но и против капитализма, противопоставляя капитализму специфически русский, «социалистический» путь развития.

Глава XXVI

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

§ 1. УПРАВЛЕНИЕ ЦЕРКОВЬЮ. ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО

С утверждением абсолютизма в России Русская православная церковь фактически оказалась в полном подчинении светской власти, которая управляла ею с помощью государственного аппарата. Первейшей обязанностью церкви являлось насаждение верноподданнических чувств в народе — святости подчинения царской власти, ее почитания.

На приходских священников возлагалась обязанность совершать ежедневные поминовения о здравии царской семьи, с поименным перечислением всех ее членов, а также проводить специальные богослужения в дни рождения и тезоименитства царя. Все царские манифесты и указы обязательно оглашались с церковных амвонов по окончании богослужения, а прихожанам до их прочтения запрещался выход из церкви. За неисполнение этих предписаний священнику грозило лишение сана.

В исполнении своих функций церковь опиралась на поддержку светской власти, ограждавшей законом честь и достоинство священнослужителей. Так, по закону «О наказаниях» за открытое богохульство виновному грозила каторга сроком до 15 лет, за избиение священника — тюремное заключение до 8 лет, за переход из православия в «раскол» или «совращение» других в «раскол» — ссылка в Сибирь, за переход православного в нехристианскую конфессию — лишение всех прав состояния и ссылка в каторжные работы. За исполнением обязанности прихожан ежегодно бывать у исповеди и причастия следили не только священники, но и местная полиция, для чего в приходских церквах велись «вероисповедные» книги.

Организационно-управленческая структура Русской православной церкви, сложившаяся после упразднения патриаршества, представляла собой довольно стройную иерархическую пирамиду. Во главе ее стоял *Святейший Синод* — высшее законосовещательное, административное и судебное учреждение по делам церкви. Он состоял из 6—7 высших духовных иерархов — петербургского, московского и киевского митрополитов («первоприсутствующих» в Синоде) и трех-четырех епархиальных иерархов, поочередно вызываемых в Синод. Но все дела в Синоде практически вершил *обер-прокурор*, назначаемый царем из наиболее доверенных его лиц. Он имел канцелярию, в которой сосредоточивались все наиболее важные вопросы по делам церкви. При Синоде существовал ряд комитетов и комиссий, занимавшихся духовным образованием, монастырями, церковным имуществом, зарубежными миссиями, кадровыми вопросами. Издательской деятельностью занималась Синодальная типография: только она имела исключительное право на издание духовной литературы. При Синоде находилось и духовное цензурное ведомство, которое контролировало не только духовную, но и светскую литературу, если в последней обсуждались вопросы церкви и веры.

Вся территория страны делилась на *епархии* (церковные округа), которых в начале XIX в. числилось 37, в середине XIX в. — 55. Епархии состояли из благочиний во главе с благочинными.

Вне епархий находилось духовенство придворное, военное и при русских посольствах за рубежом, а также заграничные православные миссии в Северной Америке, Китае, Японии, Палестине, афонские монастыри. Во главе придворного духовенства стоял духовник царя, носивший титул протопресвитера московского Благовещенского собора — издревле главной дворцовой церкви. В ведении духовника царя числилось 13 придворных церквей. Военное духовенство возглавлял обер-священник армии и флота. В его ведении находились 272 церкви при полках и флотских экипажах. Он также носил титул протопресвитера. И придворный, и военный протопресвитеры имели ранг епархиального архиерея.

Первичной церковно-административной единицей являлся *приход*, в котором числилось примерно 1500 прихожан. *Приходское духовенство* (причт) состояло из *священнослужителей и церковнослужителей*. К первым относились рукоположенные в священнический сан епархиальным архиереем иереи (пресвитеры) и дьяконы, имевшие право священнослужения. Ко вторым — причетники (дьячки, псаломщики, пономари), прислуживавшие священнику во время богослужения и исполнявшие другие его поручения.

Прихожанами избирался на три года церковный староста, заведовавший церковным имуществом и сбором пожертвований на благоустройство храма, но вне его контроля находились платы за

требы, которые получал священник. Должность церковного старосты считалась престижной. Как правило, он избирался из наиболее состоятельных прихожан. За безупречную службу его иногда награждали от имени императора медалью.

Для посвящения в священнический сан и назначения на должность приходского священника Русской православной церкви обязательным условием являлось вступление в брак посвящаемого.

Павел I отменил ставшее уже формальным право приходов выбирать своих священников. Эта должность передавалась по наследству, как правило, старшему сыну, обязанному закончить духовное училище или семинарию. Остальные сыновья являлись кандидатами на могущие открыться вакантные приходы, или же им приходилось довольствоваться должностью дьякона в приходе своего отца, а то и исполнять обязанности причетника. Если у священника были только дочери, то за старшей сохранялось священническое «место», которое занимал ее муж — обязательно из духовного сословия.

Духовенство относилось к привилегированным феодальным сословиям. Оно освобождалось от рекрутчины, подушной подати и прочих натуральных и денежных повинностей, а с 1801 г. и от телесных наказаний. При Александре I приходскому духовенству было дано право приобретать недвижимость в городе и деревне, безвозмездно пользоваться дровяным и строевым лесом из казенных лесных дач; при сборе земских повинностей из обложения исключались земли духовенства.

Материальная обеспеченность приходского духовенства отличалась значительными контрастами. С одной стороны, существовали «богатые» приходы, чаще всего в крупных городах, где приходский причт получал солидный доход от исполнения треб или «заказных» служб, с другой — бóльшая часть приходского духовенства, особенно сельского, поражала своей бедностью. Сельский священник, чтобы содержать свою обычно многочисленную семью, вел такое же хозяйство, как и его прихожане: пахал землю, разводил скот. Скудные платы за требы служили небольшим дополнением к его сельскохозяйственным занятиям. К тому же сельское духовенство страдало от многочисленных поборов со стороны благочинных и епархиального начальства. Даже всякий наезжавший в село чиновник мог обирать попа и рукоприкладствовать. Особенно тяжко священнику приходилось в приходах, принадлежавших помещикам. В них помещик для священника был таким же барином, как и для своих крестьян. Помещики за требы обычно «платили не особенно щедро», при этом помещик мог выдрать священника на конюшне или повелеть своим крестьянам не платить ему ругу (денежное содержание взамен выделяемой от прихода земли).

В начале XIX в. в России числилось 25,1 тыс. православных

храмов, в 1860 г. — 36,2 тыс. Численность приходского духовенства (без семей) составляла в 1825 г. 102 тыс. человек, а в 1860 г. — 126 тыс.

§ 2. МОНАСТЫРИ И МОНАШЕСТВО

Монастыри издавна служили крупными религиозными центрами, играли большую роль в развитии культуры (в них сосредоточивались летописание и иконописание, благодаря им распространялась грамотность на Руси). Они играли огромную роль и в хозяйственном освоении страны, особенно ее северных и восточных окраин. Монастыри выполняли важную функцию миссионерства и христианизации: в XIX в. эти обязанности выполняли 20 монастырей в Заволжье, Приуралье, Западной и Восточной Сибири. Велика была и стратегическая роль монастырей, особенно в XIV—XVII вв., а Соловецкий успешно выдержал оборону против английского военного флота в годы Крымской войны. Наконец, монастыри служили и местом отбывания наказаний. Некоторые монастыри имели свои тюрьмы. В XIX в. существовало 20 мужских и 10 женских монастырей, служивших местами заключения. В каждом из них содержались десятки узников — сектантов, самозванцев, даже политических преступников (среди них и некоторые декабристы). Самой старой и крупной монастырской тюрьмой была Соловецкая, в которой узники содержались уже в XVI в.

В 1808 г. числилось 447 православных монастырей (353 мужских и 94 женских). В них находилось около 5 тыс. монахов и до 6 тыс. послушников, т. е. лиц, готовившихся к пострижению в монахи и проходивших перед этим трехлетний «искус» в труде и послушании. Более точные сведения о количестве монастырей, числе монахов и послушников имеются с 1825 г. В этом году насчитывалось 476 монастырей (377 мужских и 99 женских), в которых находилось 5609 монашествующих и 5471 послушник. К 1860 г. численность монастырей возросла до 614, монашествующих — до 8579 и послушников — до 13 223.

Одиннадцать мужских монастырей относились к высшему рангу. Четыре из них (Троице-Сергиев, Александро-Невский в Петербурге, Киево-Печерский и Почаевский на Западной Украине) имели статус *лавры*, семь монастырей (Соловецкий, Симонов, Донской и др.) имели, как и лавры, свои привилегии и непосредственно находились в ведении Синода. Остальные монастыри подчинялись главам тех епархий, на территории которых находились, и настоятели их (игумены) назначались главой епархии с последующим утверждением Синода.

Особым видом монастырского общежительства являлась пу́стынь — небольшой монастырь или даже уединенная келья. Она основывалась в отдаленных, безлюдных степях или лесах. К

середине XIX в. в России числилось 74 мужских и 12 женских обителей, отнесенных к этой категории. Особую известность получила *Оптина пустынь* в Калужской губернии как важный центр православной духовности. Ее посещали Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой.

Проведенная в 1764 г. секуляризация монастырей сильно подорвала их материальное могущество: у них отобрали до 2 млн. обоего пола крестьян и до 8,5 млн. десятин земли. В первой половине XIX в. монастыри снова стали превращаться в крупных земельных собственников — с помощью царских пожалований и за счет покупки земель. В начале XIX в. вновь учреждаемым монастырям отводилось по 100 десятин земли. Однако земли жаловались и ранее существовавшим монастырям: только за 1836—1841 гг. 170 монастырям передано бесплатно в собственность 25 тыс. десятин. Крупнейшие монастыри, например Троице-Сергиев, Киево-Печерский, Александро-Невский, Спасо-Евфимиев и особенно Соловецкий, владели десятками тыс. десятин каждый. Монастыри сдавали в аренду часть земли, мельницы, торговые лавки, речные пристани, занимались и торгово-промышленной деятельностью, ссужали деньги под проценты, имели вклады в банках.

§ 3. СИСТЕМА ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Духовное образование стало по-настоящему развиваться при Екатерине II. В 1782 г. в разного рода духовных учебных заведениях училось 11 тыс. детей духовенства. В первой половине XIX в. система духовных учебных заведений существенно расширилась. В начале XIX в. насчитывалось духовных учебных заведений: 3 *академии*, 37 *семинарий* и 76 низших, или *«архиерейских»*, школ. В них обучалось в общей сложности 29 тыс. человек. В 1854 г. было уже 4 академии, 48 семинарий и 159 низших духовных училищ, а количество обучавшихся в них составляло 61 тыс. человек.

В 1808—1814 гг. при активном участии М.М. Сперанского была проведена реформа системы духовных учебных заведений. По аналогии с введенной в 1803 г. системой светского образования создавались 4 ступени и духовных учебных заведений с преемственностью учебных программ: церковно-приходская школа — уездное духовное училище — духовная семинария — духовная академия. Преподавание в духовных семинариях в связи с увеличением общеобразовательных дисциплин приближалось к гимназическому, а в духовных академиях — к университетскому.

При Николае I система духовного образования подверглась существенным изменениям. По Положению 1838 г. о духовных учебных заведениях, в гимназиях резко сокращался объем преподавания общеобразовательных дисциплин, но увеличивался курс церковной истории; в академиях упразднялось преподавание

философии. Впрочем, некоторые меры имели и положительное значение. В семинариях вводилось преподавание агрономии, медицины и ветеринарии, дабы окончившие семинарию, исполняя священнические обязанности, могли оказывать элементарную медицинскую и ветеринарную помощь на селе, помогать крестьянам полезными советами по агрономии. В 40-х годах XIX в. были учреждены женские духовные училища для обучения грамоте и «предметам рукоделия». С 1836 г. при приходских церквах и некоторых монастырях стали создаваться *церковно-приходские школы* «для мирян». Священник или дьякон учили в них чтению «церковной и гражданской печати, а желающих и письму», с «присовокуплением начал арифметики». В 1839 г. числилось уже 2 тыс. таких школ с 19 тыс. учащихся, а в 1860 г. — 18 тыс. с 320 тыс. учащихся.

§ 4. КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА АЛЕКСАНДРА I И НИКОЛАЯ I

Конфессиональная политика Александра I и Николая I менялась в соответствии с изменением их внутриполитического курса. В начале царствования Александра I были сделаны существенные послабления: прекратились гонения на старообрядцев и представителей других сект, если в их учениях и действиях не было явного неповиновения «установленной власти», довольно широкой свободой пользовалось в России католичество.

В 1803 г. был снят запрет на учреждение и деятельность масонских лож. Это было время увлечения масонством. Масонами были все члены Негласного комитета, многие генералы и министры, даже брат царя Константин Павлович. В первой четверти XIX в. в России было до 200 масонских лож, в которых числилось до 5 тыс. членов. Масоны интересовались всецело нравственно-религиозными вопросами, не преследовали никаких политических целей, вполне лояльно относились к правительству. В стихах и духовных песнопениях они воспевали императора Александра I, его портреты ставили на почетном месте в залах заседаний своих лож. Но уже с 1810 г. за ними был установлен систематический негласный надзор полиции: в каждую ложу был внедрен полицейский агент.

Военные потрясения 1812 г. усилили мистические настроения среди русского дворянства. Захватили они и Александра I. Он принимает разного рода «пророков» и «пророчиц», покровительствует духовным собраниям, приближает к себе воинствующего мракобеса и фанатика архимандрита Фотия, берет под свое покровительство основанное **в 1812 г.** русское отделение *Библейского общества.*

Николай I, в отличие от своего старшего брата, не увлекался мистикой, не вдавался в тонкости богословия и в делах Русской православной церкви был прагматичен. Его конфессиональная

политика соединяла предоставление православной церкви ряда льгот и материальной поддержки с жесткими мерами наведения в управлении церковью «должного порядка и дисциплины», что в конечном счете выразилось в еще большем подчинении ее светской власти. Он лично занимался делами православной церкви: устанавливал штаты священнослужителей, определял их материальное положение, разрабатывал в деталях круг компетенции органов церковного управления.

При Николае I существенно увеличиваются государственные расходы на нужды православной церкви. Ассигнования Синоду увеличены вдвое (с 1,7 млн. до 4,1 млн. руб. серебром в год). Введено жалованье приходскому духовенству. Кроме того, ежегодно отпускалось до 500 тыс. руб. на «вспомогательные оклады» наиболее бедным причтам. В 1829 г. было решено «соединить все бедные и малые приходы друг с другом для составления более крупных и достаточных».

Принимались меры к повышению престижа православной церкви и нравственного уровня духовенства. С 1826 г. вводится практика строгих наказаний тех священников, которые порочат свой сан. В 1831 г. приказано брать «в военную службу церковнослужителей, не подающих надежды к исправлению, а также и детей духовенства ненадежного поведения». Введена паспортная система для духовных лиц — «к отвращению праздношатательства воспитанников духовных учебных заведений и безместных священно- и церковнослужителей». Затруднялся выход из духовного звания.

Подверглось изменениям управление церковью. Коллегия синодальных архиереев фактически превратилась в безгласный орган при обер-прокуроре, власть которого значительно усиливалась. Синод, подобно министерствам, был разделен на департаменты. Обер-прокурор Синода на правах министра в 1835 г. введен в состав Комитета министров. В 1836 г. Николай I назначил обер-прокурором Синода Н.А. Протасова, гусарского генерала, который, как жаловались члены Синода, «сонмом архиерейским, как эскадроном на ученьи, командовал».

При Николае I епархиальное начальство поставлено было в двойное подчинение — Синоду, а точнее, его обер-прокурору, и губернаторам, для чего были изменены границы епархий таким образом, чтобы они совпадали с губернскими. Вследствие этого в полтора раза увеличилось и число епархий. Епархиальные архиереи фактически превращались в помощников губернаторов по церковным делам. За «благонадежностью» архиереев следило III отделение. Тем самым достигались еще большая бюрократизация управления церковью и подчинение церкви светской власти.

Николай I отрицательно относился к проявлениям религиозного фанатизма и обскурантизма, но не терпел и «вольномыслия» в

вопросах веры, а также любых посягательств на православную церковь, подрыв ее позиций. Особенно его беспокоили различные религиозные секты и течения, не признававшие официального православия. Как раз «отпадение от православия в раскол» заметно усилилось в 20—30-х годах XIX в. По официальным данным, в то время насчитывалось «отпавших от православия» до 2 млн. человек. В действительности не признававших официального православия было более 10 млн. — примерно пятая часть жителей России, исповедующих христианство. Николай I рассматривал «переход в раскол» как опасный не только в религиозном, но и в политическом отношении, ибо это подготавливало умы к осознанию возможности неповиновения властям и давало ему идеологическое оправдание. Ряд конфессий (духоборы, молокане, хлысты, странники, иконоборцы, субботники и пр.) открыто не признавали не только официальное православие, но и светскую власть. Таковые секты рассматривались как «вреднейшие», а их наставники как опасные государственные преступники.

В **1825, 1831** и в **1853 гг.** учреждались специальные секретные комитеты по выработке наиболее эффективных мер борьбы с «расколом». В 21 губернии, наиболее «зараженных расколом», в 1837 г. учреждены «раскольничьи комитеты». Борьба с «расколом» являлась одной из задач Министерства внутренних дел и III отделения. В губернии, особенно «подверженные расколу», назначались специальные комиссии, облеченные чрезвычайными полномочиями «для обращения раскольников в лóно православия». «Отпадших от православия» насильно «перекрещивали», наиболее упорных отправляли «для исправления» в монастыри или в ссылку под полицейский и духовный надзор.

Массированное наступление на «раскол» было проведено в связи с указом **1853 г.** об уничтожении раскольничьих скитов и молелен в заволжском Нижегородском крае, по р. Иргизу в Саратовской губернии, в Стародубье Черниговской и в архангельском Поморье. С помощью воинских отрядов полиция закрывала старообрядческие скиты и храмы, старообрядцев принуждали посещать православные храмы, «распространителей лжеучений» — наставников ловили, били кнутом, клеймили и ссылали на каторгу.

В итоге за 25 лет применения этих мер по борьбе с «расколом» формально, по официальным отчетам, «возвращено в лоно православия» 2268 тыс. человек. Однако в подавляющем числе они продолжали придерживаться «старой веры». Практика воочию показала, что никакие суровые меры не могли достигнуть желаемой цели. Преследуемые откупались крупными взятками, что легко было сделать при всеобщей продажности чиновников и полиции, «боровшихся с расколом». Чиновники рассматривали «раскольничьи дела» как самую прибыльную для себя «статью дохода». В своих отчетах они писали об «искоренении раскола», который, однако, не только

не «искоренялся», но даже получал свое дальнейшее распространение.

25 марта 1839 г. был издан указ «О слиянии греко-униатской церкви с православием». Полтора миллиона униатов 1800 церковных приходов Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины отныне объявлялись «воссоединенными» с Русской православной церковью. Заключенная в 1596 г. в г. Бресте церковная уния, по которой епархии Русской православной церкви белорусов и украинцев признавали главой римского папу, но сохраняли православную обрядность и богослужение на церковнославянском языке, была объявлена упраздненной. Однако этот акт русского правительства встретил упорное сопротивление со стороны униатских священников и их паствы, для которой уния стала уже «верой их отцов и дедов». В знак протеста униаты собирались около своих церквей, не допуская в них православных священников. В помощь последним призывалась полиция, а в случае особого упорства униатских прихожан и воинские команды, применявшие телесные наказания.

Как видим, все эти меры в отношении к религиозному «диссидентству» проводились не по инициативе Русской православной церкви, хотя и в ее интересах, но светской власти, действовавшей административно-полицейскими методами, а православная церковь, будучи в полном подчинении у светской власти, сама являлась жертвой ее произвола.

Было бы неверным сводить деятельность Русской православной церкви к тому, что она лишь прислуживала самодержавию, молилась за царя и воспитывала своих духовных чад в духе преданности и покорности властям. Диапазон деятельности церкви даже в условиях почти полного подчинения ее светской власти и постоянного контроля с ее стороны был широк и давал многие позитивные результаты. Бесспорна большая роль церкви в нравственном воспитании народа. Не только проповеди, но и сама торжественная обстановка богослужения в храме оказывали сильное воздействие на умы и чувства верующих. При слабой государственной системе начального образования на селе приходское духовенство учило крестьян элементарой грамотности. Священник, дьячок, псаломщик за медные гроши, а то и за плату натурой обучали крестьянских детей чтению, письму и счету. С 30-х годов XIX в. было положено начало и созданию церковно-приходских школ на селе. При болезнях и невзгодах крестьянин обращался за помощью и советами к своему приходскому священнику. Значительна была и благотворительность церкви. Следует отметить также, что лица из духовной среды, кончившие духовные академии и университеты, преподавали в гимназиях, становились врачами, служили в государственных учреждениях. Духовное сословие дало стране немало замечательных деятелей науки, литературы и искусства.

Глава XXVII

КУЛЬТУРА И БЫТ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

§ 1. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Культура — важнейшая составная часть общественной жизни. Как всякое историческое явление, она отражает те изменения, которые происходят в обществе в определенную эпоху, — в социальных отношениях, идейных взглядах, эстетических представлениях, нравственных понятиях. Вместе с тем культура хранит и национальные традиции, в ней наиболее полно отражается национальный характер и национальное самосознание народа.

Основными деятелями русской культуры первой половины XIX в. были представители дворянской интеллигенции. Огромное воздействие на нее оказала общественно-политическая мысль века Просвещения как в России, так и за рубежом. Особенно велика заслуга в этом русских писателей — Д.И. Фонвизина, А.Н. Радищева, Н.И. Новикова, просветителей рубежа XVIII—XIX вв. и декабристов. В крепостной России доступ трудовым массам к знаниям и приобщению к высоким культурным ценностям был затруднен. Наиболее благоприятные материальные и социальные условия для получения образования и культурного развития имели привилегированные сословия, прежде всего дворянство. Этим в значительной мере объясняется тот факт, что большинство выдающихся русских писателей, поэтов, композиторов и ученых того времени принадлежали к дворянскому сословию. Но сословное происхождение и положение деятеля литературы, науки и искусства еще не является определяющим фактором содержания и направленности его творчества. Передовая русская культура, хотя и представленная преимущественно дворянами, выступала против сословного неравенства, крепостного угнетения крестьянства, против самодержавного произвола и чиновничьей бюрократии. Даже писатели, придерживавшиеся консервативных политических воззрений, своим глубоким, реалистическим изображением жизни разоблачали пороки современных им общественно-политических порядков и призывали к их изменению.

Бесспорно, крепостное право, державшее в темноте и забитости крестьянство, самодержавный произвол и цензурные гонения, подавлявшие всякую живую, свободную мысль, наконец, общее экономическое отставание крепостной России от западноевропейских стран стояли на пути социального и культурного прогресса. И тем не менее Россия в XIX в. сделала поистине гигантский скачок в своем культурном развитии. XIX век справедливо получил название «золотого века» русской культуры, которая заняла выдающееся место в общемировой культуре. Чем объяснить этот феномен?

Важным фактором, способствовавшим развитию русской

национальной культуры, явилось тесное общение и взаимодействие ее с культурой многих стран и народов. Для первой половины XIX в. характерно значительное расширение культурных связей России с другими странами. Существенно возросли и личные контакты представителей русской культуры с зарубежными писателями, учеными, художниками, мыслителями. Подолгу жили за границей многие русские писатели; как правило, большинство русских ученых и художников выезжали на стажировку в Германию, Италию и другие западноевропейские страны. Русская культура воспринимала достижения культуры других стран и народов (в том числе и народов, входивших в состав многонациональной Российской империи), не теряя при этом своей самобытности и, в свою очередь, оказывая большое влияние на развитие культуры других народов.

Наконец, важнейшим фактором, давшим сильный толчок развитию русской культуры, явилась «гроза двенадцатого года». Подъем патриотизма в связи с Отечественной войной 1812 г. способствовал не только росту национального самосознания и формированию декабризма, но и развитию русской национальной культуры, что подчеркивал В.Г. Белинский, который писал: «1812 год, потрясший всю Россию, возбудил народное сознание и народную гордость». Сама тема войны 1812 г. заняла видное место в произведениях литературы, живописи, архитектуры.

Культурно-исторический процесс в России первой половины XIX в. имеет свои особенности. Заметно ускорение его темпов, обусловленное отмеченными выше факторами. При этом, с одной стороны, происходила дифференциация (или специализация) различных сфер культурной деятельности (особенно в науке), а с другой — усложнение самого культурного процесса, т. е. большее взаимовлияние различных областей культуры, например, философии и литературы, драматургии и музыки, живописи и архитектуры, в различных сферах культурного процесса использовались новейшие научно-технические достижения.

К особенностям культурного развития России в первой половине XIX в. можно отнести процесс демократизации культуры. Он проявлялся в том, что деятелями культуры постепенно становились не только представители дворянства (хотя они продолжают занимать ведущее место), но и выходцы из непривилегированных сословий, в том числе и из среды крепостного крестьянства, но преимущественно из разночинцев. Демократизация культуры проявлялась также в изменении тематики произведений литературы, живописи, музыки: примерно с 30—40-х годов XIX в. в них уже сильнее звучат темы, связанные с изображением жизни простого народа, «бедных людей». Демократически настроенная разночинская интеллигенция выступает как представительница интересов простого народа, ориентируется в своем творчестве на широкого читателя и зрителя из непривилегированных слоев населения. Конечно, степень «демократизации» культуры даже для

30—40-х годов XIX в. не следует преувеличивать. Речь идет лишь о самом начале этого процесса, который получит значительное развитие уже в пореформенный период, когда разночинец станет ведущей фигурой в общественно-политической и культурной жизни России, а тема «мужика» и жизни деревни особенно широко будет представлена в литературе и в искусстве. В первой половине XIX в. и расширение круга «потребителей» культурных ценностей происходило главным образом за счет разночинца, ибо основная масса трудового народа оставалась неграмотной.

§ 2. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

В XIX в. ведущей областью культуры России становится литература. Многие ее представители были тесно связаны с освободительным движением или сами являлись его деятелями, пропагандируя в своих бесцензурных произведениях, расходившихся во множестве рукописных списков (стихотворениях, памфлетах, эпиграммах и т. д.), идеи борьбы против крепостничества, тирании и произвола. Дух оппозиционности и критической настроенности был присущ и подцензурной литературе, в особенности литературе критического реализма, которая таким образом становилась одной из активных общественных сил.

Для русской литературы первой половины XIX в. характерна быстрая смена различных эстетических направлений: *классицизм* XVIII в. на короткое время сменяется *сентиментализмом*, который затем уступает место *романтизму*, а на смену романтизму приходит *реализм*. Смена этих литературных направлений происходила в рамках одного-двух поколений, так что некоторые писатели в своем творчестве отдавали дань различным направлениям.

Сентиментализм в русской литературе получил распространение на рубеже XVIII—XIX вв. В произведениях писателей этого направления противопоставлялись богатство и нищета, городская цивилизация и идиллия сельской жизни, иногда звучали и антикрепостнические мотивы. Наиболее видным представителем сентиментализма в русской литературе был Н.М. Карамзин. Широкую известность Карамзину-писателю принесла его повесть «Бедная Лиза» (1790). В ней и других своих произведениях 90-х годов XVIII в. Карамзин любовно изображал сельскую жизнь, быт и нравы простых «поселян», рисовал идиллическую картину отношений между помещиками и крестьянами. Большую популярность получил издаваемый Карамзиным с 1802 г. литературно-общественный журнал «Вестник Европы». Значительны заслуги Карамзина в развитии русского литературного языка, в освобождении его от архаики, характерной для классицизма, в приближении его к живой, разговорной речи.

«Гроза двенадцатого года» и последующие события мирового значения способствовали утверждению в России нового литератур-

ного направления — романтизма. На формирование и развитие русского романтизма заметное влияние оказал западноевропейский романтизм, в особенности немецкий, английский и французский. Выдающимся представителем романтизма в русской литературе был поэт В.А. Жуковский, который в своих ранних произведениях отдавал дань и сентиментализму. К представителям романтизма относились поэты-декабристы К.Ф. Рылеев, В.К. Кюхельбекер, А.А. Бестужев (Марлинский), А.И. Одоевский. Романтизмом были проникнуты ранние произведения Пушкина и Лермонтова. Романтизм носил различную окраску. Если у Жуковского он был насыщен меланхолическими мечтаниями, уходом от острых жизненных проблем, даже неким налетом мистицизма, то романтизм декабристов, Пушкина и Лермонтова характеризуется глубоким оптимизмом, героикой, призывом к борьбе за идеалы свободы и достоинство человеческой личности, горячим патриотизмом. Именно эта направленность преобладала в русском романтизме первой трети XIX в.

В 30—40-х годах XIX в. в русской литературе утверждается реализм. Критический реализм займет господствующее положение во второй половине XIX в. Становление реализма в русской литературе на рубеже 30—40-х годов XIX в. связано с именами А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, В.Г. Белинского, А.И. Герцена, а дальнейшее его развитие в 40—50-х годах — с началом творческого пути Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, И.А.Гончарова, А.Н. Островского, Л.Н. Толстого. Пушкин по праву считается основателем русского реализма. Его роман «Евгений Онегин», который Белинский назвал «энциклопедией русской жизни», явился наивысшим выражением реализма в творчестве великого поэта. Выдающимися образцами реалистической литературы являются его историческая драма «Борис Годунов», повести «Капитанская дочка», «Дубровский», «Повести Белкина», исследование «История пугачевского бунта». Традиции Пушкина продолжил его младший современник и преемник М.Ю. Лермонтов. Роман Лермонтова «Герой нашего времени» по праву считается вершиной лермонтовского реализма, во многом созвучного с пушкинским романом в стихах «Евгением Онегиным».

С особой силой обличительная тенденция проявилась в творчестве Н.В. Гоголя, который придал русскому реализму ярко выраженную критическую направленность. Гоголь считается основателем так называемой натуральной школы в русской литературе (этим термином тогда обозначалось литературное направление критического реализма). 30—40-е годы XIX в. Н.Г. Чернышевский называл «гоголевским периодом» русской литературы. «Все мы вышли из «Шинели» Гоголя», — образно заметил Ф.М. Достоевский, имея в виду повесть Гоголя «Шинель», которая оказала большое влияние на развитие литературы этого направ-

ления. Принципы критического реализма нашли выражение в творчестве Герцена-беллетриста. В романе «Кто виноват?», в повестях «Доктор Крупов» и «Сорока-воровка» он в подцензурной форме показывал, как крепостной строй губит таланты и унижает человеческое достоинство. В глубоко реалистических пьесах великого драматурга А.Н. Островского, вступившего в русскую литературу в начале 50-х годов, обличались «темное царство» купечества с его невежеством, самодурством и ханжеством, забитость и безысходность бедных людей. С большой обличительно-сатирической силой в пьесах Островского изображены и типы самодовольного барства. С неизменным сочувствием драматург изображает крестьян, ремесленников, бедных мещан, интеллигенцию.

По существу, зачинателем русской литературной критики явился В.Г. Белинский, который отстаивал общественное назначение русской литературы, выступал в своих статьях за утверждение в ней принципов реализма, демократии и подлинной народности.

В 40—50-х годах в русской литературе видное место заняла тема крепостной деревни, ее быта и нравов. Нищета темного и забитого крепостного крестьянина изображена в повестях Д.В. Григоровича «Деревня» и «Антон-Горемыка», в рассказе «Бобыль». Крупным событием в русской литературе было появление в 1847—1852 гг. цикла «Записок охотника» И.С. Тургенева. В них Тургенев выступил как горячий противник крепостного права, обличавший произвол, жестокость и лицемерие помещиков. Им противопоставлены изображенные с большой симпатией крепостные крестьяне. Сонный и праздный быт помещика провинции показан в романе И.А. Гончарова «Обломов» (1859). «Обломовщина» стала нарицательным обозначением всего косного, неподвижного.

Утверждение реализма было связано с борьбой за подлинную народность в литературе в противовес «официальной народности». В понимании передовых деятелей культуры подлинная народность означала верность изображения картин русской жизни, отражение особенностей характера и судеб русского народа. Писатели-реалисты обращались в первую очередь к народным истокам, к сокровищам народного творчества. Отсюда они черпали сюжеты, даже приемы художественного изображения действительности, в своих произведениях они отражали народные чаяния и идеалы. Яркими примерами этого могут служить «Руслан и Людмила» и «Русалка» Пушкина.

Народность литературы выражалась и в формировании литературного языка на основе народной речи. Первая половина XIX в. считается временем складывания современного русского литературного языка. На смену тяжеловесному языку XVIII в. пришел литературный язык, который сформировался в борьбе сторонников «старого» и «нового» стиля. Выработка норм русского литературного языка была связана с усилением интереса русских писателей к русской истории, фольклору, народным традициям. Огромную роль

здесь сыграли классики русской литературы И.А. Крылов, Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, Н.В. Гоголь, но в первую очередь А.С. Пушкин.

Становление принципов реализма и народности происходило также в театре, музыке, изобразительном искусстве. В значительной мере здесь сказывалось влияние литературы.

В истории русского театра, как и в литературе, происходила смена различных идейно-эстетических представлений. Долгое время на русской сцене господствовали каноны классицизма с его внешней импозантностью, парадностью и риторичностью, с преобладанием в репертуаре античных мифологических сюжетов. Но уже в 20—30-е годы XIX в. классицизм в театре был оттеснен романтической школой, для которой была характерна героико-трагедийная тематика, а в исполнении актеров обращалось внимание на внутренние переживания героя. Яркие драматические образы были созданы актером Малого театра (в Москве), сыном крепостного, П.С. Мочаловым. Его герои — страстные бунтари, вступающие в борьбу с окружающим их миром бесправия, пошлости, рабской приниженности, за свободу и справедливость. В творчестве Мочалова ярко отразился процесс «нравственного освобождения человека» 30-х годов XIX в. Исполнительскую манеру Мочалова отличали бурная эмоциональность и экспрессия. Выдающимся артистом-трагиком был В.А. Каратыгин, игравший в Александринском театре Петербурга. Исполняя роли в трагедиях Шекспира и Шиллера, он, благодаря своей высокой актерской технике, отрабатывая каждый жест, интонацию, добивался блестящего исполнительского эффекта и выразительности. В отличие от Мочалова он придерживался традиций классицизма. В.А. Каратыгин принадлежал к известной артистической семье Каратыгиных. На сцене петербургских театров выступали его отец, мать, жена и брат.

С именами Пушкина, Грибоедова, Гоголя связано развитие реалистического направления в русской драматургии. Ее успеху особенно способствовали московский Малый и петербургский Александринский театры. Малый театр, по словам Герцена, «создал правду на русской сцене». Его называли «вторым Московским университетом». Выдающимся русским актером, игравшим на сцене Малого театра, был сын крепостного М.С. Щепкин. Свои лучшие сценические образы он создал в произведениях русской сатирико-обличительной драматургии (в пьесах А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, И.П. Котляревского, И.С. Тургенева, А.В. Сухово-Кобылина, А.Н. Островского). В III отделении Щепкина считали политически неблагонадежным за то, что, ярко раскрывая своей игрой косность, продажность и лихоимство бюрократии, он «подрывал» престиж тогдашней административной системы.

Признанным мастером реалистической сцены в петербургском Александринском театре был А.Е. Мартынов, игравший преиму-

щественно в пьесах А.Н. Островского и И.С. Тургенева. Мартынов был непревзойденным мастером мимики, движения, обладал виртуозной способностью к перевоплощению. С поразительным мастерством он передавал драматическую судьбу придавленного режимом «маленького человека» (дворовых людей, мелких чиновников, подмастерьев), раскрывал их душевный мир.

Смена идейно-эстетических направлений произошла и в музыке. В первой половине XIX в. шел интенсивный процесс внедрения в музыку народной мелодии и русской национальной тематики. В творчестве известных русских композиторов первой половины XIX в. А.Н. Верстовского, А.А. Алябьева, А.Л. Гурилева, А.Е. Варламова (сочинившего более 200 песен и романсов) и особенно М.И. Глинки явственно звучат народные мелодии, да и сочиненные этими композиторами песни и романсы стали глубоко народными. Хорошо известны слова М.И. Глинки: «Создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем». Глинка утвердил в русской музыке принципы реализма и народности. С особой силой она утвердилась в его опере «Жизнь за царя» (1836), в которой он прославил патриотический подвиг костромского крестьянина Ивана Сусанина, спасшего избранного на царство Михаила Федоровича Романова. Глинка показал величие характера Сусанина, его мужество и стойкость.

Песни, романсы, оперы композиторы писали преимущественно на сюжеты произведений русских писателей. Вторая опера Глинки «Руслан и Людмила» (1842) написана по одноименной поэме А.С. Пушкина. Пушкинская «Русалка» явилась темой для одноименной оперы другого выдающегося русского композитора — А.С. Даргомыжского. В этой опере, представлявшей собой образец народно-бытовой музыкальной драмы, проявилась социальная направленность творчества композитора.

В живописи происходил отход от академизма, оплотом которого была императорская Академия художеств. Для академизма характерны библейско-мифологическая тематика и преклонение перед канонами античного искусства. Вместе с тем необходимо отметить, что русские художники создали немало выдающихся произведений живописи и скульптуры в духе академизма, а Академия художеств давала солидную профессиональную подготовку. Лучших своих воспитанников она обычно отправляла на дальнейшую стажировку в Италию. Видным представителем академической школы в русской живописи был А.Ф. Бруни. Его известная картина «Медный змий», над которой он работал 15 лет, изображала библейскую сцену — наказание евреев, возроптавших во время скитаний после египетского плена на Бога, за что Бог наслал на них мириады ядовитых змей. В мрачных тонах, с большим динамизмом в картине переданы ужас, страдание и смерть людей, их отчаяние и безысходность.

Новые тенденции в русской живописи, знаменовавшие собой отход от академизма, развивались вне стен Академии художеств.

Купеческий сын А.Г. Венецианов, обратившись к бытовому жанру, создал в начале XIX в. серию картин, изображавших сельский быт крестьян. Венецианова называют «отцом русского жанра». Однако в трактовке бытовых сюжетов у Венецианова ощущаются влияние сентиментализма и идеализация сельской жизни. Таковы известные его картины «Гумно», «На пашне», «На жатве», «Спящий пастушок», портретная галерея крестьян. Значительную роль в утверждении «деревенского» жанра в русской живописи сыграла «венециановская школа» — группа учеников Венецианова, которых он обучал живописи в своем имении Сафонково Вышневолоцкого уезда Тверской губернии.

Стремление выйти из традиционных форм и приемов академизма проявляли и художники, принадлежавшие к Академии художеств и сохранявшие в принципе верность академическому искусству. К ним относится выдающийся русский художник первой половины XIX в. К.П. Брюллов, воспитанник, а затем профессор Академии художеств. Его картины и особенно портреты отражают тяготение художника к реализму. По окончании Академии художеств в 1821 г. Брюллов до 1835 г. жил и работал в Италии. Природа и искусство этой страны вдохновили художника на создание многих замечательных полотен (среди них известна его картина «Итальянский полдень»). Там же в 1830—1833 г. Брюллов создал главное свое произведение — грандиозное полотно «Последний день Помпеи», явившееся выдающимся событием в русском изобразительном искусстве того времени. В нем художник передал достоинство, гуманизм и величие людей в условиях природной катастрофы. Картина произвела колоссальное впечатление на современников. «И стал «Последний день Помпеи» для русской кисти первый день», — писал поэт Е.А. Баратынский. Брюллов создал много портретов своих современников. В этом жанре он шел от парадного к реалистическому, глубоко психологическому портрету. Замечательным образцом реалистической живописи портретного жанра является «Автопортрет» Брюллова (1848).

Выдающимися художниками-портретистами первой половины XIX в. были О.А. Кипренский и В.А. Тропинин. Кипренский долго жил в Италии. Лучшие портреты были им написаны в начале XIX в. В портретах Кипренского видно влияние романтической школы. Кипренский искал в человеке возвышенное начало, передавал его сложный внутренний мир настроений и переживаний. Хорошо известен его портрет А.С. Пушкина (1827). В.А. Тропинин был сыном крепостного крестьянина, он получил свободу лишь в 45-летнем возрасте. Для портретного творчества Тропинина характерны высочайшее мастерство и непосредственность изображения, связь изображаемого на полотне человека с той обстановкой, которая его окружает. Таковы его жанровые портреты: «Кружевница», «Золотошвейка», «Гитарист» и др.

Значительное место в русской живописи занимает творчество

А.А. Иванова, друга Н.В. Гоголя. В 1831—1858 гг. Иванов жил в Италии. Картина Иванова «Явление Христа народу», которой он посвятил 20 лет упорного труда, явилась делом всей его жизни. Основная идея этого монументального полотна — убежденность художника в необходимости духовного и нравственного возрождения человечества. Современники восприняли эту картину как ожидание близкого освобождения народа. В толпе, изображенной на картине, многие видели народ, жаждущий правды и свободы.

Решительный поворот русской живописи к критическому реализму мы находим в творчестве П.А. Федотова, которого часто называют «Гоголем в живописи». В небольших жанровых картинах и в крупных полотнах Федотов высмеивал «темное царство» купечества, армейский быт офицерства, тупую спесь и цинизм дворянско-чиновничьего мира. Вершиной реалистического творчества Федотова являются картины «Свежий кавалер», «Сватовство майора», «Игроки», «Анкор, еще анкор!», «Вдовушка». Федотов явился предшественником художников-передвижников, на которых он оказал большое влияние.

В архитектуре более прочные позиции занимал классицизм, господство которого продолжалось до 40-х годов XIX в. Он утвердился в России в конце XVIII в., сменив барокко. Разновидностью классицизма являлся ампир, получивший широкое распространение в первой трети XIX в. Ампир опирался на художественное наследие императорского Рима (откуда и название этого стиля). Ему присущи парадная монументальность, стройность и строгость линий. Важную роль в нем играла скульптура, дополнявшая архитектурное оформление зданий. В стиле ампир в то время возводились роскошные особняки знати, но преимущественно здания общественного назначения: высших правительственных учреждений, присутственных мест, дворянских собраний и клубов, театры, храмы. В эти годы шла интенсивная застройка Москвы и Петербурга, а также наиболее крупных губернских городов, возводились усадьбы богатых вельмож, создавались крупные архитектурные ансамбли. Именно тогда окончательно сформировались Дворцовая, Адмиралтейская и Сенатская площади в Петербурге, Театральная в Москве; завершена застройка центральных частей Ярославля, Твери, Владимира, Калуги, Нижнего Новгорода, Смоленска и других городов.

Наиболее известными представителями классицизма в русской архитектуре были А.Н. Воронихин, А.Д. Захаров, К.И. Росси, В.П. Стасов, Д.И. Жилярди. Главными аритектурными сооружениями Воронихина являются Горный институт и Казанский собор в Петербурге (завершены в 1811 г.), для которых характерен строгий монументализм. Захаров создал знаменитое здание Адмиралтейства (1806—1823), ставшее важным градостроительным узлом Петербурга, собор в Кронштадте (1806—1817). Он строил также госпитали, провиантские склады и магазины. Его творчество

считается высшей точкой развития архитектурного стиля позднего классицизма. Выдающимся мастером позднего классицизма является Карл Росси. По его проектам в Петербурге в 1819—1834 гг. были возведены новые здания Сената и Синода, завершившие планировку Сенатской площади, Главный штаб со знаменитой аркой, закончивший оформление Дворцовой площади, Михайловский дворец (ныне Русский музей) и Александринский театр с примыкающей к нему улицей (ныне улица зодчего Росси). Для архитектурных сооружений К. Росси характерны классическая строгость в сочетании с парадностью и легкостью. Творчество Росси как бы завершает господство классицизма в русской архитектуре первой половины XIX в.

После пожара 1812 г. интенсивно отстраивалась Москва. О.И. Бове, назначенный в 1813 г. главным архитектором Комиссии для строений г. Москвы, возводит целостные городские ансамбли в духе «московского ампира». Им построены первые торговые ряды на Красной площади (1815), здания Большого и Малого театров (1821—1824). Доменико Жилярди в 1817—1819 гг. заново отстраивает разрушенный пожаром Московский университет. По его проекту был создан великолепный дом Луниных (1823). А.А. Бетанкур совместно с О.И. Бове в 1817 г. возвели здание Манежа, оформление которого символизирует подвиг русского народа в Отечественной войне 1812 г.

30—50-е годы XIX в. знаменуют упадок классицизма в русской архитектуре. В моду входят псевдорусский стиль и псевдоготика, проявляется интерес к византийскому стилю и барокко. Создателем эклектического русско-византийского стиля был К.А. Тон, по проектам которого были возведены Большой дворец (1839—1849) и Оружейная палата (1844—1851) в Московском Кремле, здание вокзалов Николаевской железной дороги в Москве и Петербурге, в 1838 г. начато строительство Храма Христа Спасителя в Москве (завершено в 1883 г.). А.П. Брюллов (брат художника К.П. Брюллова) культивировал в архитектуре формы псевдоготики, А.И. Штакеншнейдер — формы барокко. Штакеншнейдером были построены в Петербурге великокняжеские Мариинский (1838—1844) и Николаевский (1853—1861) дворцы, где архитектор использовал разные историко-архитектурные стили. Эклектические формы классицизма и барокко нашли свое выражение в архитектуре А.А. Монферрана. Главные его сооружения — Исаакиевский собор (1818—1858) и Александровская колонна (1830—1834) в Петербурге.

Существенный вклад в развитие материальной и духовной культуры внесли народные массы. Фольклор и даже произведения народного прикладного искусства носили остросоциальный характер. В едко-сатирических лубочных картинках и небольших скульптурных сценках, в пословицах, поговорках, прибаутках и песнях, сказках и притчах высмеивались пьяные и жадные попы, сласто-

любивые монахи, глупые и жестокие баре, судьи-лихоимцы, воспевались ум и сметливость простого народа и вместе с тем выражался его протест против тяжелой доли — гнета, нищеты, бесправия. В исторических песнях и сказаниях отражались традиции народных восстаний, воспевались их герои — Разин, Наливайко, воплощались народные идеи о «воле», всеобщем равенстве и социальной справедливости. Устное народное творчество — важный источник для изучения социальной психологии угнетенных масс, их общественного сознания, народных представлений о «добре и правде».

Народное творчество воплотилось в произведениях разнообразных видов художественных промыслов. Миниатюры Палеха, Холуя и Мстёры, городецкая и хохломская роспись по дереву, ростовская финифть, вологодские кружева, гжельская майолика, произведения костромских ювелиров (селений Красного и Сидоровского на Волге), архангельских косторезов, литейщиков и гранильщиков Урала украшают музеи и в наши дни.

Своеобразным социальным и культурным феноменом в России эпохи позднего феодализма является так называемая *крепостная интеллигенция.* Это крепостные крестьяне, овладевшие специальными знаниями в сфере науки, техники, литературы и искусства, которые стали для них профессиональными занятиями, удовлетворявшими «культурные потребности» своего барина. Богатые вельможи отправляли для обучения своих талантливых мальчиков-крепостных в Академию художеств, девочек в балетную школу, заводили свои «крепостные» театры, как, например, Шереметевы в Кускове и Останкине или Юсуповы в Архангельском близ Москвы. Эта категория талантливых, но бесправных актеров, художников, архитекторов, музыкантов, поэтов внесла значительный вклад в развитие русской культуры. Видное место в истории русского театрального искусства заняли крепостные актрисы графов Шереметевых П.И. Жемчугова и Т.В. Шлыкова-Гранатова, в живописи и архитектуре крепостные тех же помещиков Аргуновы.

§ 3. ПРОСВЕЩЕНИЕ. НАУКА И ТЕХНИКА

К началу XIX в. общеобразовательная школа была представлена двухклассными и четырехклассными народными училищами. Все они находились исключительно в городах. Существовали всего три общеобразовательные гимназии — в Москве, Петербурге и Казани. Действовали также и специальные учебные заведения: солдатские школы, для дворян — кадетские и шляхетские корпуса, для детей духовенства — различного типа духовные училища и семинарии. К началу XIX в. высшими учебными заведениями были Московский университет, Горный институт в Петербурге, Московская, Петербургская и Киевская духовные академии.

Потребности экономического развития страны и увеличивавшегося аппарата управления поставили задачу расширения сети как

общеобразовательных, так и специальных учебных заведений. В 1802 г. основан Дерптский, в 1803 г. на базе Главной Виленской гимназии Виленский, в 1804—1805 гг. на базе гимназий — Казанский и Харьковский университеты. Основанный в 1804 г. Петербургский педагогический институт в 1819 г. преобразован в университет. При Николае I был учрежден в Петербурге новый Педагогический институт. В начале XIX в. возникли привилегированные средние учебные заведения гуманитарного направления — лицеи: в 1803 г. Демидовский в Ярославле, в 1811 г. Царскосельский (при Николае I переведен в Петербург и назван Александровским), в 1817 г. Ришельевский в Одессе и в 1820 г. Нежинский (в г. Нежине Черниговской губернии).

При Николае I проведена реорганизация и расширение сети низших и средних учебных заведений, учреждение новых университетов, технических училищ и институтов. В 1832 г. (после подавления польского восстания 1830—1831 гг.) был закрыт Виленский университет, но в 1834 г. основан в Киеве университет Св. князя Владимира. Вначале при недостатке преподавательских кадров в университеты приглашались иностранные ученые, преимущественно профессора из немецких университетов. Большинство их были преданны науке, честно служили России, которая для некоторых стала второй родиной. Они содействовали и подготовке русских кадров преподавателей университетов. Университеты имели четыре отделения (факультета): нравственных и политических наук (правоведение, политическая экономия, философия и богословие), словесное (филология, история, статистика, география), физико-математическое и медицинское. В Петербургском университете вместо медицинского существовало восточное отделение. При университетах учреждались пансионы для подготовки к поступлению в университет лиц, получивших домашнее образование или же кончивших уездные училища.

Расширялось военное образование, главным образом, в виде закрытых учебных заведений для дворян — кадетских корпусов. В начале XIX в. их насчитывалось 5, в середине XIX в. — 20. В 1832 г. основана Императорская военная академия, готовившая офицеров Генерального штаба, а в 1855 г. — Артиллерийская и Инженерная академии.

При Николае I фактически было положено основание специальному среднему и высшему техническому образованию: в 1828 г. открыт Технологический институт, в 1830 г. — Архитектурное училище, а в 1842 г. — Училище гражданских инженеров (в 1842 г. оба они объединились в Строительное училище), в 1835 г. в Москве основан Межевой институт, а в 1842 г. в Белоруссии — Горыгорецкое земледельческое училище, преобразованное в 1854 г. в Земледельческий институт.

В начале XIX в. число учащихся низших и средних учебных заведений составляло 130 тыс. человек, в 30-е годы — 245 тыс., в

1856 г. — 450 тыс. Однако уровень образованности населения еще продолжал оставаться низким. В начале XIX в. один учащийся приходился на 330 жителей, в 30-е годы — на 208, в 1856 г. — на 143. Особенно отставала в этом отношении деревня, хотя в 40-е годы стали заводить сельские школы в государственной и удельной деревне, а некоторые богатые помещики устраивали школы в своих имениях. К 1854 г. в государственной деревне числилось 2565 школ с 113 тыс. учеников, а в удельной — 204 школы с 7,5 тыс. учеников. Данных по помещичьей деревне не имеется. Но и в государственной и удельной деревне грамотных среди крестьян насчитывалось не более 5—7%; судя по описаниям помещичьих имений, составленным помещиками по разосланной в 1858 г. анкете, среди крепостных крестьян грамотность не превышала 1%. Грамотность сводилась к овладению чтением, письмом и четырьмя правилами арифметики.

Впрочем, уровень образованности состоятельных слоев населения также оставался еще невысоким. Купцы и мещане часто проходили домашнее обучение — обычно у местного дьячка или приказчика, у которых основными «учебными пособиями» были псалтырь и часослов. Но и среди дворян лишь небольшая часть кончала университеты, лицеи, гимназии, кадетские корпуса. Большинство довольствовалось домашним образованием, весьма различным по своему уровню. Хотя в военных учебных заведениях учились только дети дворян и офицерский корпус был преимущественно дворянским, офицеров в армии, имевших специальное военное образование, в годы Крымской войны было не более 15%.

В первые два десятилетия XIX в. заметны успехи в книгоиздательстве и развитии периодической печати. И, впоследствии, несмотря на суровые цензурные условия, закрытие властями в конце 30-х годов ряда газет и журналов как «крамольных», книгоиздательство и периодика продолжали развиваться, росли тиражи книг и журналов. С начала XIX в. до 1850 г. количество периодических органов выросло с 44 до 56, названий издаваемых книг — со 143 до 700. Но особенно заметен был рост печати в последнее предреформенное десятилетие (1850—1860), в течение которого количество периодических изданий возросло до 230, а названий книг — до 2100.

Широкую известность получили издававшиеся в первые десятилетия XIX в. общественно-политические и литературные журналы «Вестник Европы» (с 1802 г.) Н.М. Карамзина, «Северный вестник» (с 1804 г.) Н.С. Глинки, «Сын отечества» (с 1812 г.) Н.И. Греча, «Дух журналов» (с 1815 г.), в которых печатались и декабристы; позднее — «Телескоп» Н.И. Надеждина, «Московский телеграф» Н.А. Полевого, «Отечественные записки» А.А. Краевского, «Современник» А.С. Пушкина. Расширялось издание ведомственных и специальных научных журналов. Газеты имели преимущественно официально-ведомственный характер. С 1838 г. в губерниях стали выходить «Губернские ведомости». Они, помимо «официальной части», имели и особые «прибавления», в которых

помещались хозяйственно-этнографические описания, исторические очерки, тексты старинных документов, литературные произведения. В 1830—1831 гг. в Петербурге выходила «Литературная газета» А.А. Дельвига, в которой сотрудничали А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, А.В. Кольцов. В 1840 г. издание ее было возобновлено. Ее сотрудниками были В.Г. Белинский и молодой Н.А. Некрасов.

В первой половине XIX в. существенных успехов достигла русская наука: в математике, физике, химии, медицине, агрономии, биологии, астрономии, географии, в области гуманитарных исследований. Наука развивалась не только и даже не столько в стенах Российской академии наук. Важнейшими научными центрами являлись университеты.

Ведущее место в развитии русской науки занимал Московский университет. Здесь преподавали и вели научную работу такие крупные ученые, как основатель первой научной школы зоологов-эволюционистов К.Ф. Рулье, медики Е.И. Дядьковский, И.Е. Грузинов и А.М. Филомафитский, выдающийся геолог Г.Е. Щуровский, агробиолог и физик, «отец русской агрономии» М.Г. Павлов, астроном Д.М. Перевощиков — основатель университетской астрономической обсерватории, филолог и искусствовед Ф.И. Буслаев, историки М.Т. Каченовский, М.П. Погодин, О.М. Бодянский, Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев.

В Петербургском университете работали великий русский математик П.Л. Чебышев, правоведы А.П. Куницын и М.А. Балугьянский (первый ректор университета), ботаник А.Н. Бекетов и его брат, основатель отечественной школы физико-химиков Н.Н. Бекетов, экономисты и статистики К.Ф. Герман и К.И. Арсеньев, историк и этнограф В.И. Ламанский, филолог-славист И.И. Срезневский. С основанием в 1854 г. факультета восточных языков Петербургский университет стал крупнейшим центром востоковедения.

С Дерптским университетом была связана деятельность известного русского астронома В.Я. Струве и знаменитого хирурга Н.И. Пирогова. Ученые Дерптского университета способствовали организации геолого-ботанических экспедиций для изучения природных богатств России.

Крупным научным центром был Казанский университет. Здесь работали великий русский математик, создатель «неэвклидовой геометрии» Н.И. Лобачевский (ректор университета), выдающиеся ученые-химики Н.Н. Зинин и А.М. Бутлеров, сделавшие важные открытия в области органической химии. Велика была роль Казанского университета в распространении просвещения среди народов Поволжья.

Значительный вклад в развитие русской науки первой половины XIX в. внесли и ученые Российской Академии наук. Академики М.В. Остроградский и В.Я. Буняковский сделали ряд крупных открытий в математической физике и в области интегральных

исчислений, В.В. Петров, Э.Х. Ленц и Б.С. Якоби — в учении об электричестве, К.М. Бэр — в области эмбриологии. Исследования Остроградского и Буняковского получили практическое применение в астрономии, механике, оптике. Широко использовались в технике открытая Петровым новая форма перехода электрической энергии в тепловую и изобретение им электрической дуги, а также изобретение Ленцем гальванометра, Якоби — модели электродвигателя и первого телеграфного записывающего аппарата, действовавшего с 1832 г. на телеграфной линии между Петербургом и Царским Селом. В **1839 г.** академиком В.Я. Струве была основана *Пулковская обсерватория* под Петербургом.

По инициативе и при участии Академии наук в начале XIX в. были организованы многочисленные научные экспедиции, результатами которых явились важные географические открытия в Ледовитом и Тихом океанах, проведены геологические, биологические и этнографические исследования в Сибири, на Урале, на Дальнем Востоке, в Средней Азии, на Алтае и в Саянах. В **1803—1806 гг.** Ю.Ф. Лисянский и И.Ф. Крузенштерн осуществили первое русское кругосветное плавание, во время которого было открыто множество новых островов в Тихом и Ледовитом океанах, собраны ценные научные коллекции. В 1819—1821 гг. проведена экспедиция на судах «Восток» и «Мирный» под командованием М.П. Лазарева и Ф.Ф. Беллинсгаузена к Южному полюсу. Во время этого плавания в 1820 г. была открыта Антарктида и множество ранее неизвестных островов нанесено на карту. Морские экспедиции О.Е. Коцебу в 1815—1818 и 1823—1826 гг., В.М. Головнина в 1817—1819 гг., Ф.П. Литке в 1821—1829 гг., Ф.П. Врангеля и Ф.Ф. Матюшкина в 1820—1827 гг. в Ледовитом и в северной части Тихого океана установили точные очертания берегов Северной Азии и Северной Америки.

Центром географических исследований стало основанное в **1845 г.** *Русское географическое общество,* которое организовало ряд научных экспедиций, проводило этнографические исследования России и сопредельных стран и народов, имело свой научный журнал «Известия Русского императорского географического общества» и издало много ценных географических, этнографических и статистических сборников. В 1851 г. открылись Кавказский и Сибирский отделы Русского географического общества, много сделавшие для экономико-географического и этнографического изучения регионов и народов Сибири, Кавказа, Закавказья и Средней Азии.

Развитие гуманитарных наук, главным образом исторической, и возрастающий интерес к истории — характерное явление в культурной жизни России и западноевропейских стран в первой половине XIX в. Историческая наука приобретает большое общественно-политическое значение: в изучении прошлого искали ответы на злободневные вопросы настоящего. Развитие исторической

науки в России вызвало появление различных научных школ и направлений в интерпретации исторического процесса, прошлого и судеб России, возникновение вспомогательных исторических дисциплин — археологии, археографии, палеографии, нумизматики, геральдики, генеалогии. Исторические дисциплины заняли прочное место в университетском преподавании. Учеными-историками были изданы многочисленные специальные исследования на основе выявления новых, в значительной мере архивных, источников, и обобщающие многотомные труды по истории России и других стран, учебные пособия. Началась широкая научная публикация исторических источников — летописей, актового материала, мемуаров и т. д. Особенно много сделала созданная в **1834 г.** *Археографическая комиссия* под руководством П.М. Строева, которая проводила археографические экспедиции по архивам и библиотекам древних русских городов, выявила и издала многие тысячи ценнейших исторических памятников в сериях «Полное собрание русских летописей», «Акты исторические», «Собрание государственных грамот и договоров» и пр. Именно в первой половине XIX в. в своей значительной части был опубликован основной корпус письменных источников по российской истории XI—XVI вв.

Крупное культурное и политическое значение в начале XIX в. имела 12-томная «История государства Российского» Н.М. Карамзина. В 1803 г. Карамзин получил официальную должность историографа, что давало ему право доступа к государственным архивам. Первые 8 томов его «Истории» вышли в 1816—1817 гг., в 1818—1819 гг. было осуществлено повторное, исправленное и дополненное их издание, в 1821—1824 гг. появились очередные 9—11-й тома, последний 12-й том, доводящий повествование до 1611 г., был издан в 1829 г., уже после смерти историка. Труд Карамзина, прозванного «Колумбом российской истории», создан на основе богатых и разнообразных источников, многочисленных трудов античных и средневековых авторов. Особенно ценны обширные документальные приложения, имеющие большое научное значение, поскольку многие оригиналы публиковавшихся Карамзиным документов не сохранились.

«История» Карамзина адресовалась широкому кругу читателей. Будучи убежденным в поучительном, нравственно-назидательном назначении истории, Карамзин стремился воздействовать на чувства читателя эмоциональными рассказами о героическом прошлом русского народа, о доблестях его героев. «История» Карамзина, написанная блестящим литературным языком, проводила идею необходимости и «благодетельности» самодержавия в России. Самодержавие, по Карамзину, — движущая сила российского исторического процесса: русские великие князья и цари объединили Русь, собрали русские земли в единое целое и этим способствовали могуществу Российского государства. «Россия всегда спасалась

самодержавием» — таков основной вывод Карамзина. Но вместе с тем он резко выступал против деспотии, сурово осуждал тиранию Ивана Грозного.

Русские историки после Карамзина рассматривали его исторические воззрения как устаревшие, а саму его «Историю» как утратившую научное значение, хотя на деле многие оценки Карамзиным ряда исторических событий долгое время были господствующими в русской историографии. Тем не менее «История» Карамзина в XIX в. оставалась наиболее читаемой в широкой публике. Тома «Истории» Карамзина можно было встретить во многих домашних библиотеках.

20—30-е годы XIX в. отмечены становлением различных школ и направлений в исторической науке. Видными представителями дворянской историографии были профессора Московского университета М.П. Погодин и Петербургского — Н.Г. Устрялов. Погодин, сын крепостного крестьянина, в молодости критиковавший исторические воззрения Карамзина, в 30-е годы стал одним из видных приверженцев теории «официальной народности». Основные его исторические труды содержатся в семитомном издании «Исследования, замечания и лекции о русской истории» (1846—1857). В духе «православия, самодержавия и народности» Погодин определял и роль исторической науки — «сделаться охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия». И тем не менее нельзя отрицать и положительного значения его трудов по конкретным вопросам русской истории, особенно ее древнего периода, его вклада в издание документальных памятников. Им собрано богатое документальное наследие, которым до сих пор пользуются специалисты по древней и средневековой отечественной истории. Широко был известен в свое время этот историк и как издатель и публицист.

Профессор Н.Г. Устрялов был автором официально рекомендованных учебников «Русская история» (1836) и «Историческое обозрение царствования государя императора Николая I» (1842), в которой он также проводил идеи «официальной народности», противопоставлял российскую историю западноевропейской. Устрялов известен своим главным трудом «История царствования Петра Великого» в десяти томах (1859—1863), пятитомным изданием дневников и мемуаров иностранцев о России начала XVII в., другими важными публикациями.

В 20-х — начале 30-х годов XIX в. в русской историографии возникла «скептическая школа», основателем и главой которой считается профессор Московского университета М.Т. Каченовский. Эта школа требовала строгого критического отношения к источникам, установления их подлинности и проверки достоверности сообщаемых ими фактов. Однако эти вполне справедливые, научные требования переходили рамки объективности — вплоть до того, что Каченовский подвергал сомнению все сведения в русских

летописях о событиях до XIII в., считая весь период Киевской Руси «баснословным».

С призывом к научной объективности и целостному взгляду на историю выступил Н.А. Полевой. Изданную им в 6 томах «Историю русского народа» (1829—1833) он противопоставил труду Карамзина. Полевой отрицал организующую роль правительственной власти, высказал немало оригинальных мыслей и оценок в обобщающем труде «Обозрение русской истории до единодержавия Петра Великого» (1846). Полевой известен как талантливый журналист, автор повестей и романов на исторические сюжеты, с критической направленностью против барства.

На 40—60-е годы приходится становление буржуазной историографии в России. Выдающимся представителем этого направления был С.М. Соловьев. Научная и педагогическая деятельность его началась в середине 40-х годов в Московском университете. Он — автор многочисленных исторических трудов по русской и всеобщей истории, но особую известность приобрела его знаменитая 29-томная «История России с древнейших времен» (1851—1879), доведенная в своем изложении до событий 1775 г. (Соловьев намеревался довести свой труд до окончания царствования Екатерины II и выпустить еще 6 томов, но смерть помешала ему завершить этот труд). В своей «Истории» Соловьев доказывал закономерность исторического развития общества от родовых отношений к государственному правопорядку. С.М. Соловьев — крупнейший представитель государственной школы в русской историографии, рассматривавшей государство как ведущую силу исторического процесса. Отсюда большое внимание историки этого направления уделяли изучению изменения государственных форм. Среди других трудов Соловьева наиболее значительны «История падения Польши», «Император Александр I. Политика и дипломатия», «Публичные чтения о Петре Великом». Труды С.М. Соловьева, содержащие богатейший документальный материал, сохраняют до сих пор большое научное значение. С.М. Соловьев оставил интересные автобиографические «Записки о моей жизни».

Изучение всеобщей истории было представлено трудами профессоров Московского университета — медиевиста Т.Н. Грановского и основателя славяноведения в России О.М. Бодянского.

Важную роль в развитии русской науки и пропаганде научных знаний играли создававшиеся при университетах и Академии наук многочисленные научные общества: Математическое, Минералогическое, Испытателей природы, Любителей российской словесности, Истории древностей российских, Археологическое общество и др. Они объединяли ученых по научным интересам. Научные общества по гуманитарным дисциплинам привлекали писателей, поэтов, артистов, художников, публицистов и вообще широкий круг образованных людей. Крупное научно-просветительское и общественное значение имели публичные лекции, читавшиеся профес-

сорами университетов по общественным, гуманитарным и естественным наукам и собиравшие обширную аудиторию.

Возросший интерес к отечественной культуре и истории вызвал к жизни частное собирательство предметов культуры и старины: древних рукописей, старопечатных книг, картин, гравюр, монет, археологических находок и пр. Создавались ценные частные коллекции, которые потом легли в основу многих музейных собраний. Хорошо известна деятельность крупного мецената Н.П. Румянцева, коллекция которого послужила основой Румянцевского музея и при ней библиотеки (ныне Российская государственная библиотека в Москве), графа А.И. Мусина-Пушкина, в коллекции которого находился единственный древний список «Слова о полку Игореве». Хорошо были известны частные картинные галереи богатых меценатов Н.Б. Юсупова, А.С. Строганова, литератора П.П. Свиньина, директора Почтового департамента Ф.И. Прянишникова, купца К.Т. Солдатенкова. В их собраниях находились ценнейшие произведения русского и зарубежного искусства, которые впоследствии поступили в Румянцевский и Русский музеи.

К 30—40-м годам XIX в. относится начало систематического изучения народного творчества. В собрании и изучении фольклора много сделали славянофилы С.Т., К.С. и И.С. Аксаковы, но особенно П.В. Киреевский. Однако из-за цензурных условий николаевского времени издание собранных Киреевским «Песен» могло появиться лишь в 60—70-х годах XIX в. Хорошо известна многолетняя деятельность В.И. Даля, начатая еще в 20-е годы XIX в., по составлению «Словаря живого великорусского языка», вышедшего уже в 60-е годы в 4 томах, в которых содержалось свыше 200 тыс. слов. Даль собрал и издал также ценные сборники пословиц, поговорок и загадок русского народа.

Много сделало для систематического описания культуры и быта народа Русское географическое общество, которое разработало и разослало в различные районы страны подробные анкеты с вопросами. Им было собрано с мест свыше 5 тыс. рукописей о быте, нравах, обычаях разных местностей России. Наиболее интересные описания оно систематически публиковало в своих периодических изданиях и отдельными сборниками.

§ 4. ИЗМЕНЕНИЯ В БЫТУ

Новые явления в социально-экономическом и культурном развитии России в первой половине XIX в. оказывали свое влияние и на повседневный быт. Наиболее значительные изменения в бытовой жизни населения происходили в городах и крупных торгово-промышленных селениях промышленно развитых регионов страны. Менее всего новые веяния в быту затронули глухую провинцию с господствующим патриархальным укладом жизни. Степень изменений в быту во многом также зависела от сословного

и имущественного положения разных слоев населения. «Верхи общества» были более подвержены разным новшествам, нежели угнетенная масса трудового народа. Однако и здесь многое зависело от общественного положения и имущественного состояния того или иного сословия. Например, быт столичного дворянства разительно отличался от образа жизни провинциальных обломовых, коробочек и собакевичей; быт «капиталистого» мужика-отходника, торговца, предпринимателя резко разнился от быта массы темного и забитого крестьянства глухих деревень. Кроме того, различия в бытовом укладе во многом диктовались историческими традициями, национальными и религиозными особенностями их жизни.

С ростом торгово-промышленной деятельности менялся облик русского города, хотя строй городской жизни в России первой половины XIX в. носил еще много феодальных черт. Сохраняя еще свое административно-политическое значение как центра губернии, или уезда, города, особенно крупные, постепенно становятся и центрами сосредоточения промышленности и торговли. В силу этого менялась демография и социальная структура города. Основную массу его жителей представлял уже не прежний «посадский» люд, а большей частью пришлый из деревни и постепенно становившийся «городским» жителем мастеровой, лавочник, подрядчик или «разнорабочий», занятый в сфере услуг. На окраинах крупных городов возникали фабрики и заводы, а рядом с фабричными корпусами — рабочие казармы. Менялся и внешний облик крупных городов, в которых наряду с торгово-промышленными зданиями возводились многоэтажные «доходные» дома. В «доходные» дома превращались и многие старые дворянские особняки, сдаваемые внаем новому владельцу-предпринимателю.

Еще более резко стал различаться сравнительно благоустроенный центр города, где преимущественно проживало дворянство, чиновничество, купечество, от неблагоустроенных окраин, где рабочий люд ютился в переполненных казармах, бараках и даже «в тех самых фабриках и заведениях, где работает», как отмечалось в тогдашних обследованиях городов. Так, в обследовании быта рабочих столичного Петербурга в 40-е годы отмечалось, что прямо на фабриках или мастерских «или огораживается для кроватей какой-нибудь темный, душный угол, или рабочие спят на полу и верстаках, даже на столах... Обыкновенной подстилкой служит дрянной тонкий войлок или еще чаще простая рогожа, часто даже не бывает и вовсе никакой подстилки: спят прямо на досках». Не лучше были условия в казармах и «наемных» помещениях — в проведенных обследованиях отмечались необычайная «теснота, духота и сырость, одним словом все, что только разрушает здоровье человека».

Мелкие провинциальные, преимущественно уездные и заштатные города с числом жителей не более 5 тыс. человек (а это свыше 80% городских поселений в то время) в большинстве своем мало

чем отличались от больших сел по своему внешнему виду. Десяток-другой немощеных улиц, застроенных одно-, двухэтажными деревянными домами; несколько церквей, здания присутственных мест, торговых рядов — единственные каменные сооружения в небольших провинциальных городах.

Верхи привилегированных сословий обыкновенно проживали в Москве, Петербурге и крупных губернских городах. В них сосредоточивалась научная, литературная и театральная жизнь страны, устраивались великосветские приемы, балы, литературные вечера. Важным культурно-бытовым явлением были литературные салоны. Широкую известность получили салоны З.А. Волконской, Е.А. Свербеевой и А.П. Елагиной в Москве, А.П. Хвостовой и А.О. Смирновой-Россет в Петербурге, которые посещали Пушкин, Гоголь, Жуковский, Чаадаев, Герцен, Белинский.

Среди столичного дворянства и верхов нарождающейся буржуазии широко распространялись новейшие европейские моды в одежде, интерьере жилищ, самом образе жизни. Новые веяния проникали и в среду богатого провинциального дворянства, но мало затронули мелкопоместных владельцев, которые не имели средств «следить за модой», живя на небольшие доходы со своих поместий или на скудное чиновничье жалованье. В купечестве и духовенстве больше было приверженности к старому, традиционному быту. Патриархальный быт и нравы этих сословных групп ярко изображены в русской художественной литературе.

Хозяйственно-бытовой уклад жизни основной массы крестьянства не претерпел существенных изменений. Сохранился в неизменном виде тот же цикл крестьянских сельскохозяйственных работ, традиционные семейные отношения и общинные порядки, что и в предшествующую эпоху. Еще крепки были патриархальные устои крестьянской семьи, всячески поддерживаемые общиной. От воли отца или старшего в семье («большака») всецело зависели заключение браков их детей, распорядок рабочего дня, распределение работ между членами семьи, отпуск на заработки. Руководствуясь традиционным распорядком, община назначала общественные работы, «судила и рядила», устанавливала опеку над сиротами и престарелыми, вмешивалась в семейные распорядки, разрешала или запрещала разделы семей, следила за очередностью в отбывании рекрутской повинности. В силе была патриархальная коллективная ответственность за поступки каждого члена общины, своя система поощрений и наказаний, устройство общих деревенских праздников и коллективных «помочей» без всякой платы, за исключением «угощения», семьям в постройке избы, некоторых срочных полевых работах и пр.

Феодально-крепостнический гнет был главной причиной тяжелого материально-бытового положения крестьянства. Современников поражала крайняя бедность русских помещичьих деревень, особенно там, где были малоплодородные земли и отсут-

ствовала возможность «сторонних» заработков: убогие избы под соломой, часто топящиеся по-черному, бедность внутреннего убранства: деревянные некрашеные столы, лавки и полати, скудная утварь — деревянная и глиняная посуда, домотканая одежда, традиционные лапти.

Крайне низким был уровень медицинской помощи на селе. По всей России насчитывалось не более 10 тыс. лиц медицинского персонала. Почти все они сосредоточивались в городах. Крестьяне, как правило, лечились «домашними средствами» либо прибегали к услугам знахарей и знахарок, костоправов. Особенно тяжело приходилось в деревне детям и женщинам с грудными детьми. Беременная женщина выполняла тяжелые физические работы практически до самого момента родов. От непосильного физического труда в страдную летнюю пору у кормящей матери часто пропадало молоко. Его заменял «рожок» — тряпица с жеваным ржаным хлебом. Тяжелый изнурительный труд начиная с детского возраста, плохое питание и неудовлетворительное состояние врачебной помощи приводили к необычайно высокой детской смертности: более половины из числа родившихся детей умирало, не дожив до пяти лет. Только благодаря высокой рождаемости на селе обеспечивался прирост населения.

Несмотря на тяжелые материально-бытовые условия, новшества проникали и в деревню, в первую очередь в деревню центрально-промышленных губерний. Здесь курные избы почти повсеместно уже уступили место «белым», т. е. дым при топке шел из избы не через волоковое окно, а через печную трубу. Более разнообразным стало внутреннее убранство в избах: в богатых крестьянских домах появились стулья, комоды, зеркала, стенные часы, лубочные картинки. Но и у крестьян среднего достатка домотканая одежда заменялась покупной из ситца; женщины сменили сарафан на юбку, девушки стали пользоваться купленной в городе или у офеней-коробейников парфюмерией — духами, румянами, белилами, помадой, туалетным мылом. У мужчин валяную шляпу сменил картуз «с блестящим козырьком», в моду входили кумачовые рубахи, сапоги вместо лаптей. Молодежь привозила из города гитары и гармоники, а также усваивала нравы и привычки города.

В домах отдельных зажиточных крестьян появились значительные по тому времени библиотеки. Например, ярославский крестьянин Савва Пурлевский вспоминает, что в доме его отца была «порядочная» библиотека, сам он «целые ночи напролет просиживал за книгами». Другой крестьянин той же губернии Николай Полушин вспоминал о своем деде как о «человеке книжном», оставившем домашнюю библиотеку в 2 тыс. томов. Крестьяне выписывали газеты, а иногда и «толстые» журналы, а некоторые сами писали статьи в журналы. Некоторые из них являлись авторами книг о своем крае, оставили интересные мемуары. Таковы крестьяне села Угодичи Ярославской губернии

А. Артынов и Е. Грачев, слободы Мстёры Владимирской губернии А.И. Голышев, села Павлова Н.П. Сорокин и села Большое Мурашкино Нижегородской губернии М. Бякин.

Современники отмечали влияние промыслового отхода в города на повышение культурного уровня крестьян. «Посещение городов развивает умственные способности крестьян и мало-помалу искореняет некоторые предрассудки и поверья», — говорилось, например, в «Описании Московской губернии» (1849). Отмечалось также, что промысловый отход в города развивал в крестьянине самостоятельность, дух «непокорства». Так, в «Статистическом обозрении Ярославской губернии за 1815 год» говорилось: «Город научает его (крестьянина) свободно мыслить и слишком легко судить о вещах. Он не хочет уважать власти, над ним поставленной, бывает даже невежлив по отношению к высшим себе».

В крупных промышленных селах, таких, как Иваново, Вичуга, Мстёра Владимирской губернии, Павлове и Богородском Нижегородской, Кимрах Тверской, Гжели Московской и многих других, где крестьяне жили главным образом за счет промыслов и торговли, а не земледелия, ломка патриархального быта была особенно заметной уже в крепостную эпоху. Подобные села по характеру занятий жителей и даже по внешнему виду представляли собой уже поселения городского типа. Но именно в них наблюдались особенно заметные имущественные различия, которые отражались и на материально-бытовом укладе их жителей. Наблюдательный сенатор Г.Х. Капгер, ревизовавший в 1861 г. Владимирскую губернию, писал: «Владимирская губерния не без основания считается самою промышленною и торговою местностью в империи, но было бы весьма неверно заключать отсюда о зажиточности в ней всех вообще крестьян... Промышленные и торговые села, как, например, село Иваново, слобода Мстёра и село Вача, отличаются бедностью массы рабочего населения при огромном часто богатстве частных лиц». Отсюда он делает вывод, что «существование у крестьян каких-либо промыслов не всегда служит мерилом их благосостояния».

Условия труда и быта крестьян-ремесленников промысловых сел были далеко не из легких. Нещадно эксплуатируемые ростовщиками, посредниками-«заглодами», в суровой конкурентной борьбе с собратьями по ремеслу, они вынуждены были напрягать все силы, увеличивая рабочий день и ограничивая свои потребности. Например, ножевщики и замочники села Павлова работали по 18 часов в сутки в грязных затхлых лачугах. «Многие из них работают в сырых подземельях», — писал современник. Не случайно среди них были распространены профессональные легочные заболевания. Владимирские шубники и овчинники работали в смрадных и душных избах, воздух которых был пропитан квасцами, чрезвычайно вредными для здоровья. А. Забелин, изучавший тогдашний быт сапожников Корчевы и Кимр, писал: «Вы не встретите ни одного из этих рабочих со здоровым цветом лица: все они народ сгорблен-

ный, бледный, худой, как будто только что вышедший из больницы после тяжкой болезни».

Культура народов России первой половины XIX в. — важная часть общемирового культурного процесса. За это время в России были созданы выдающиеся шедевры литературы, музыки, живописи, архитектуры, сделаны фундаментального значения научные открытия, заложены прочные основы для расцвета культуры России в последующий период ее «золотого века».

ХРОНОЛОГИЯ

3—2 миллиона лет — 12—10 тысяч лет	Палеолит
12—10 тысяч лет — 7—6 тысяч лет	Мезолит
V—III тысячелетия до н. э.	Неолит
IV—III тысячелетия до н. э.	Энеолит
I тысячелетие до н. э.	Начало железного века
IX—VI вв. до н. э.	Государство Урарту
VIII—III вв. до н. э.	Скифы в Причерноморье
VII в. до н. э.	Образование греческих колоний в Причерноморье
V в. до н. э. — IV в. н. э.	Боспорское царство
IV в. до н. э.	Образование государства Атропатены
III в. до н. э.	Образование Иберийского царства
220 г. до н. э.	Образование Великой Армении
Ок. 330 г. до н. э.	Завоевание Александром Македонским Закавказья и Средней Азии. Начало эллинизма
IV—VII вв. н. э.	Вторжение кочевников в Восточную Европу
IX в.	Образование Древнерусского государства
882	Объединение Киева и Новгорода под властью Олега
911	Поход Олега на Константинополь
912—945	Княжение Игоря
945—972	Княжение Святослава
980—1015	Княжение Владимира Святославича
988	Принятие христианства как государственной религии Руси
1019—1054	Княжение Ярослава Мудрого в Киеве
1054	Первое появление половцев на границах Руси
1097	Княжеский съезд в Любече
1113	Восстание в Киеве
1113—1125	Княжение Владимира Мономаха в Киеве
1125—1157	Княжение Юрия Долгорукого (в Ростово-Суздальской земле)
1147	Первое упоминание Москвы в летописи
1157—1174	Княжение Андрея Боголюбского
1176—1212	Княжение Всеволода Большое Гнездо
1219—1222	Завоевание Чингисханом Средней Азии и Кавказа
1223, 31 мая	Битва на р. Калке

1236—1242	Батыево нашествие
1240, 15 июля	Невская битва
1242, 5 апреля	Ледовое побоище
1252—1263	Княжение Александра Невского во Владимире
1262	Восстания против Золотой Орды в городах Руси
1316—1341	Княжение Гедимина в Великом княжестве Литовском
1325—1340	Княжение Ивана Калиты
Ок. 1360—1430	Андрей Рублев
1380, 8 сентября	Куликовская битва
1382	Поход Тохтамыша на Москву
1385	Кревская уния Великого княжества Литовского и Польши
1410, 15 июля	Грюнвальдская битва
1425—1462	Княжение Василия II Темного
1433—1453	Феодальная война на Руси
1462—1505	Княжение Ивана III
1478	Присоединение Новгорода к Московскому государству
1480	Стояние на Угре. Свержение ордынского ига
1487—1494, 1500—1503	Войны России с Великим княжеством Литовским
1497	Судебник Ивана III
1514	Присоединение Смоленска к Российскому государству
1533—1584	Княжение (с 1547 г. — царствование) Ивана IV Грозного
1549—1560	Реформы Избранной рады
1550	Судебник Ивана IV
1552	Взятие Казани и присоединение Казанского ханства
1558—1583	Ливонская война
1565—1572	Опричнина
1569	Люблинская уния и создание Речи Посполитой
1572	Битва при Молодях
1581	Установление «заповедных лет»
1581—1584	Поход Ермака в Сибирь
1589	Установление патриаршества в России
1597	Указ об «урочных летах»
1598—1605	Царствование Бориса Годунова
1603	Восстание холопов; начало крестьянской войны в России
1605—1606	Царствование Лжедмитрия I
1606—1610	Царствование Василия Шуйского
1606—1607	Восстание И.И. Болотникова
1610—1612	«Семибоярщина». Оккупация Москвы польскими войсками
1611, март—июль	I ополчение против интервентов
1611, сентябрь—октябрь	Создание II ополчения под руководством К. Минина и Д. Пожарского
1612, 26 октября	Освобождение Москвы от интервентов
1613—1645	Царствование Михаила Романова
1632—1634	Смоленская война
1645—1676	Царствование Алексея Михайловича
1648—1654	Освободительная война украинского и белорусского народов
1648—1650	Городские восстания

1654	Переяславская рада
1654	Церковные реформы Никона. Начало раскола
1654—1667	Война России с Речью Посполитой
1662, 25 июля	Медный бунт в Москве
1667	Новоторговый устав
1667—1676	Соловецкое восстание
1670—1671	Крестьянская война под предводительством С.Т. Разина
1676—1681	Война России с Османской империей и Крымским ханством
1682—1725	*Царствование Петра Великого*
1687	Основание Славяно-греко-латинской академии в Москве
1695, 1696	Азовские походы Петра I
1700—1721	Северная война
1703, 16 мая	Основание Петербурга
1705—1706	Восстание в Астрахани
1707—1708	Восстание под предводительством К.А. Булавина
1708—1710	Учреждение губерний
1709, 27 июня	Полтавская битва
1711	Учреждение Сената. Прутский поход
1714	Указ в единонаследии
1714, 27 июля	Победа русского флота при Гангуте
1718—1721	Учреждение коллегий
1718—1724	Проведение подушной переписи и первой ревизии
1722, 24 января	Табели о рангах
1722—1723	Каспийский поход
1725	Учреждение Академии наук в Петербурге
1730—1740	*Царствование Анны Иоанновны*
1728—1766	И.И. Ползунов
1730—1800	А.В. Суворов
1735—1739	Война России с Османской империей
1737—1799	В.И. Баженов
1741—1761	Царствование Елизаветы Петровны
1744—1818	Н.И. Новиков
1749—1802	А.Н. Радищев
1754	Отмена внутренних таможенных пошлин
1755	Основание Московского университета
1757—1762	Участие России в Семилетней войне
1762	Манифест о вольности дворянства
1762—1796	Царствование Екатерины II
1764	Секуляризация церковного землевладения
1767—1768	Деятельность Уложенной комиссии
1768—1774	Война России с Османской империей
1770, июнь, июль	Победа русского флота в Чесменской бухте и русской армии при Ларге и Кагуле
1772	*Первый раздел Речи Посполитой*
1775	Учреждения для управления губерний
1783	Присоединение Крыма к России. Закрепощение крестьян на Украине. Георгиевский трактат
1785	Жалованные грамоты дворянству и городам
1786	Устав народных училищ
1787—1791	Война России с Османской империей
1788—1790	Русско-шведская война
1790, 11 декабря	Взятие А.В. Суворовым Измаила

1793	Второй раздел Речи Посполитой
1795	Третий раздел Речи Посполитой
1796—1801	Царствование Павла I
1797, 5 апреля	Манифест о трехдневной барщине
1799	Итальянский и Швейцарский походы А.В. Суворова
1799—1837	А.С. Пушкин
1801—1825	Царствование Александра I
1801—1804	Вхождение Грузии в состав России
1802—1811	Учреждение министерств в России
1803	Указ о вольных хлебопашцах
1804—1813	Война России с Ираном
1804—1857	М.И. Глинка
1805—1807	Участие России в третьей (1805) и четвертой (1806—1807) антинаполеоновских коалициях
1806—1812	Война России с Османской империей. Присоединение Бессарабии
1808—1809	Война России со Швецией. Присоединение Финляндии
1810	Учреждение Государственного совета
1811—1848	В.Г. Белинский
1812, 12 июня — 25 декабря	Отечественная война
1812, 26 августа	Бородинское сражение
1812—1870	А.И. Герцен
1813—1814	Заграничные походы русской армии
1814—1841	М.Ю. Лермонтов
1814—1861	Т.Г. Шевченко
1815	Основание Священного союза
1816—1817	Союз спасения
1818—1821	Союз благоденствия
1821—1825	Северное и Южное тайные общества декабристов
1823—1825	Общество соединенных славян
1825, 14 декабря	Восстание декабристов в Петербурге
1825, 29 декабря — 1826, 3 января	Восстание Черниговского полка
1825—1855	Царствование Николая I
1826—1828	Война России с Ираном
1828—1829	Война России с Османской империей
1830—1831	Восстание в Польше
1837—1841	Реформа государственной деревни П.Д. Киселева
1845—1849	Кружок М.В. Петрашевского
1846—1847	Кирилло-Мефодиевское общество на Украине
1847—1848	Инвентарная реформа на Правобережной Украине и в Белоруссии
1853—1856	Крымская война

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники и литература по всему курсу

Акты Русского государства 1505—1526 гг. — М., 1975.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М.; Л., 1952—1954. Т. 1—3.

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. М., 1951—1961. Ч. 1—3.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Л., 1986.

Памятники русского права. М., 1953—1961. Вып. 1—8.

Полное собрание русских летописей. СПб.; М.; Л., 1841—1990. Т. 1—39.

Российское законодательство с древнейших времен до начала XX века. М., 1984—1988. Т. 1—6.

Памятники литературы Древней Руси. М., 1978—1994.

Александров В.А. Сельская община в России. М., 1976.

Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1952—1959. Т. 1—6.

Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М., 1952—1954. Кн. 1—2.

Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география СССР. М., 1973.

Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1971.

История русской литературы X—XVII веков. М., 1980.

История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Л., 1968—1969. Т. 1—2.

Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978.

Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 года. СПб., 1993.

Источники и литература к главам I—II

Геродот. История: В 9 кн. Л., 1972.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.

Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.

Ранов В.А. Древнейшие страницы истории человечества. М., 1988.

Формозов А.А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966.

Воинские повести Древней Руси. М., 1949.
Повести Древней Руси. XI—XII века. Л., 1983.
Повести о Куликовской битве. М., 1959.
Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.
Алексеев Ю.Г. Под знаменем Москвы. М., 1992.
Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV—XV вв. М., 1986.
Будовиц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси: XI—XIV вв. М., 1960.
Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953.
Греков И.Б., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.
Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.
Зимин А.А. Холопы на Руси с древнейших времен до конца XV века. М., 1973.
Зимин А.А. Витязь на распутье. М., 1991.
Как была крещена Русь. М., 1990.
Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIX вв. М., 1984.
Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985.
Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994.
Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940.
Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.
Рапов О.М. Русская церковь в IX — первой трети XII вв. Принятие христианства. М., 1977.
Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.
Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959.
Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.
Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956.
Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1972.
Тихомиров М.Н. Древняя Москва XII—XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV—XV вв. М., 1992.
Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки социально-экономической истории. Л., 1974.
Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории. Л., 1980.
Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.
Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960.
Шапиро А.Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XV вв. Л., 1977.
Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962.
Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981.

Источники и литература к главам V—VII

Буссов К. Московская хроника 1584—1613. М.; Л., 1961.
Горсей Дж. Записки о России XVI — начала XVII в. М., 1990.
Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951.
Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988.
Казанская история. М.; Л., 1954.
Маржерет Ж. Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982.
Масса И. Краткое известие о Московии начала XVII века. М., 1937.

Переписка Ивана Грозного с Курбским. М., 1981.
Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951.
Сказание Авраамия Палицина. М.; Л., 1955.
Сочинения Ивана Пересветова. М.; Л., 1956.
Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906.
Штаден Г. О Москве Ивана Грозного: Записки немца опричника. М., 1925.
Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.
Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1958.
Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1964.
Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972.
Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982.
Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986.
Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.
Ивина Л. И. Внутреннее освоение земель в России в XVI в. Л., 1985.
Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М.,1967.
Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988.
Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985.
Кобрин В. Б. Иван Грозный. М.,1989.
Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. М., 1969.
Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992.
Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1995.
Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв. М., 1969.
Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969.
Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Л., 1975.
Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1985.
Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985.
Скрынников Р. Г. Царство террора. М., 1991.
Станиславский А. Л. Гражданская война в России в XVII веке. Казачество на переломе истории. М., 1990.
Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.
Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973.
Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980.
Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978.

Источники и литература к главам VIII—XII

Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. М.,1991.
Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.
Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. М., 1954—1976. Т. 1—4.
Соборное Уложение 1649 г. Л., 1987.
Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.
Готье Ю. Замосковный край в XVII веке. М., 1937.
Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.; Л., 1962.
Маньков А. Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л.,1980.

Новосельский А.А. Борьба русского государства с татарами в XVII веке. М.; Л., 1948.
Очерки русской литературы XVII века. М., 1979. Ч. 1—2.
Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л., 1947. Ч. 1—2.

Источники и литература к главам XIII—XVI

Булавинское восстание (1707—1708). М., 1935.
Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945.
Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841.
Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977.
Письма и бумаги имп. Петра Великого. СПб.; М., 1887—1979. Т. 1—13.
Посошков И.Т. Книга о скудности и богатстве. М., 1951.
Прокопович Ф. Сочинения. М.; Л., 1961.
Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979.
Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1963.
Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века. М., 1986.
Анисимов Е.В. Россия без Петра. Л., 1994.
Водарский Я.Е. Население России в конце XVII — начале XVIII в. М., 1977.
Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. М., 1957.
Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994.
Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1994.
Павленко Н.И. Страсти на троне. М., 1995.
Россия в период реформ Петра I. М., 1973.
Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии. М., 1974.

Источники и литература к главам XVII—XXI

Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова. М.; Л., 1931. Т. 1—3.
Дашкова Е.Р. Записки Е. Дашковой. Л., 1985.
Екатерина II. Записки. СПб., 1907.
Наказ имп. Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб., 1907.
Радищев А.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938—1952. Т. 1—3.
Сатирические журналы Н.И. Новикова. М., 1974.
Каменский А.Б. Под сенью Екатерины. М., 1992.
Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX в. М., 1974.
Краснобаев Б.И. Очерки русской культуры XVIII в. М., 1987.
Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II. М., 1993.
Семеновский В.И. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II. СПб., 1901—1903. Т. 1—2.
Федосов И.А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М.М. Щербатов. М., 1967.
Эйдельман Н.Я. Грань веков. М., 1986.

Источники и литература к главам XXII—XXVII

Восстание декабристов. Документы. М.; Л., 1925—1986. Т. 1—18.
Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988.
Мемуары декабристов: Северное общество. М., 1981.
Мемуары декабристов: Южное общество. М., 1982.
Освободительное движение и общественная мысль в России XIX в. Для семинарских и практических занятий. М., 1991.

Русское общество 30-х годов XIX века. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989.

Русское общество 40—50-х годов XIX в. Часть 1—2. М., 1991.

Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М.; Л., 1956—1958. Т. 1—2.

Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985.

Дьяков В.А. Освободительное движение в России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1979.

Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978.

Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX века. М., 1963.

Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967.

Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993.

Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

Нечкина М.В. Декабристы. М., 1982.

Очерки экономической истории России первой половины XIX века. М., 1959.

Познанский В.В. Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX в. М., 1975.

Рыдзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.

Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988.

Федоров В.А. «Своей судьбой гордимся мы...» Следствие и суд над декабристами. М., 1988.

Федоров В.А. Декабристы и их время. М., 1992.

Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986.

Учебное издание

Павленко Николай Иванович,
Андреев Игорь Львович,
Кобрин Владимир Борисович,
Федоров Владимир Александрович

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1861 ГОДА

Под редакцией **Николая Ивановича Павленко**

Редактор *Н.Н. Матвеева*
Художественный редактор *Е.Д. Косырева*
Художник *В.Н. Хомяков*
Технический редактор *Н.В. Яшукова*
Компьютерная верстка *С.Н. Луговая*
Корректор *Н.А. Кравченко*
Операторы *М.Н. Паскарь, Н.В. Хазраткулова.*

ИБ № 10320

ЛР № 010146 от 25.12.91. Изд. № РИФ-140. Сдано в набор 06.02.96.
Подп. в печать 15.05.96. Формат 60x90/16. Бум. тип. № 2. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Объем 35,0 усл. печ. л.+ 0,25 усл. печ. л. форз. + 1,0 усл. печ. л. вклейка, 39,25 усл. кр.-отт., 38,29 уч.-изд. л.+ 0,46 уч.-изд. л. форз. + + 1,32 уч.-изд. л. вклейка . Тираж 12000 экз. Зак. № 3497

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Набрано на персональных компьютерах издательства.

Отпечатано в ИПК «Звезда». 614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.